Владимир Бородин
Знамя на пустыре

Владимир Бородин
Знамя на пустыре

https://litres.ru/74069601
SelfPub; 2026

Аннотация

Завершающая цикл "Сага об Охотиных" книга о событиях XX-XXI в. с эпизодами из "безумных" 1920-х и 30-х в виде дневников предков. События в Канаде-Аляске с защитой реликтовых лесов потомками русских эмигрантов. 1920-е в Галлиполи, Париже, Лондоне (детектив), Парагвае (война с Боливией), Москве, Питере, общине толстовцев, Средней Азии, Тибете (Дави-Невель, Рерихи), Африке (Сандерсон в поисках птеродактиля). Современность в США, Латинской Америке, более - в Амазонии, сибирской тайге, Москве, горный туризм в Средней Азии, Ташкенте, покорение К2 (Пакистан), Индии, Непале, Квинсленде, Индонезии, Намибии, в Подмосковье.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 1057

Владимир Бородин
Знамя на пустыре

Знамя на пустыре

Мы никогда не начинаем. Мы являемся в мир с готовым наследием. Потому мы не свободны. Мы видим мир чужими глазами, глазами мёртвых...

Ф. Сологуб

Я чую близость времён, когда христиане опять будут собираться в катакомбах, потому что вера будет гонима… Разве ты не видишь, КТО надвигается?

Вл. Соловьёв

Книга 5.1.

Топор и лес (Глебовичи и судьба Петровичей)

Лишь сохраняя культурные устои, современный человек станет способным спасти целостность природы, грубо им нарушенную, сохранить последние леса, им ещё не вырубленные.

Оглавление:

Пролог
Стон леса
Там, где был поднят русский флаг

Часть 1. Ванкувер-град, остров Ванкувер и Аляска

Антон (1992)
Дело о гвоздях
В гостях у племянника Николая Второго
Сирил Хатчинсон
Антон, Николай и Сидор в Ванкувере (1994)
Век в ожидании
Трапперы в чуждой среде
Хатчинсоны и Эроны
Амстердамский нужник
Антон в сторожке и встреча с братом (1997-1998)
Отцовская ферма и смерть деда
Незваные гости
Голое поле и Балканы (1920-1923). Дневник полковника Охотина
Приезд Николая и ответный визит Антона (1998-1999)
На земле предков (2000)

Часть 2. Безумные, ревущие двадцатые годы

Дневник полковника Охотина 1924 года: Глеб Гордеевич

в Париже
Соблазны и искушения Глеба Гордеевича
Incarvillea Younghusbandii, или в пароксизме Большой Игры
Париж безумных двадцатых
Стадный инстинкт
Последствия папоротникового бума
Сэр Френсис Янгхасбенд и сэр Артур Конан Дойл
Туманный Альбион словам не верит
Бросок в неизведанное (1925)
Русский очаг (1925-1926)
Пятая война капитана Ведищева (1932-1948)

Часть 3. Болота Миссисипи

Заезд в Нью-Йорк (Начало панамериканского броска, 2000)
Садовник
В гостях у мистера Хоумера
Обитель, затерявшаяся в пекле Соноры
Дело о съеденном банане
Смерть в Луизиане

Часть 4. America Latina

Мексиканские страсти (с осени 2000)

La dulce cintura de America[1]
В стране нынешних майя
Силуэты игроков
Defienda me dios de mi.[2]
Пути Господни неисповедимы (Гондурас - Панама)
Затерянный мир Конан Дойла
«Сельва – супруга безмолвия, мать одиночества…» и отчаяния
И сельва не знает покоя
Холодные пики Перу
Котопахи и Льянганати

Часть 5. Канада, не пахнущая смолою

Свободный историк (зима-лето 2002)
Суд (весна 2003)
Маньяк в Уэллс Грей
Совет Энди Хоумера
Каннибал в национальном парке (лето 2003)

Часть 6. Москва золотоглавая

В уютной брежнёвке (зима 2004)
Политические страсти постперестроечной России

[1] Прелестная талия Америки (образное название Центральной Америки, исп.).

[2] Испанская поговорка: «защити Господь меня от меня самого».

«Салон» госпожи Третнёвой двадцать первого века
Люмпенские гнусности
Вечеринка в хрущёвке
Мещёрские общины
Возвращение на ферму и бегство из Канады (2004-2006)
Московские деньки (2006-2007)

Пролог

Когда мир был... моложе, все жизненные происшествия облекались в формы, очерченные куда более резко, чем в наше время. Страдание и радость, злочастье и удача различались гораздо более ощутимо; человеческие переживания сохраняли ту степень полноты и непосредственности, с которой и поныне воспринимает горе и радость душа ребёнка.

И. Хёйзинга

Прекрасен цветущий дуб, и уродлива машина, оскорбительна для глаза, уха и носа, нимало не радует. Мы любим дуб и хотели бы, чтобы он унаследовал вечность… Машину любить мы не можем.

Н. Бердяев

Стон леса

Скупо освещённый ленивым осенним солнцем сосновый

бор огласили голоса артельщиков-лесорубов. Двое из них были поглощены выкорчёвыванием пня, ворча на барина, требующего очистку леса от последствий рубки отобранных деревьев.

- Тяни его, вали голомень[3] ентот! – гудел здоровенный мужик, подрубая мощный корень.

Другие продолжали валить отборные сосны. Жало топора, с леденящим душу чавканьем, по самый обух впилось в живой ствол вековой сосны в два обхвата. Могучее дерево едва содрогнулось, но жизнь его, с этого мгновения, висела на волоске.

- Мужики… тут я вам не помощник боле… отмахал своё топором. Душа не лежит лесовать дальше, - взволнованно заговорил вдруг, обычно самый молчаливый среди артельщиков, суровый косматый мужик Антип. Ему вновь показалось, что дерево застонало человечьим голосом. На сей раз он это расслышал явственнее, чем вчера. Совсем, как во сне прошлой ночью, когда он с криком вскочил с кровати и жёнушку свою перепугал.

- Опять ты за своё, - проворчал его напарник-лесоруб. – Господь сам лес для пользы человекам вырастил. Потому и рубить его не грех. Пойми ты, наконец, простую истину, голова твоя твердолобая. И деньжата-то попенные[4] уж давно

---

[3] Голомень – архаичный синоним слова пень.

[4] Попенные деньги – уплаченные в казну за вырубку леса. Начислялись по числу пней.

уплачены.

- А мне видится в том грех и немалый, - протянул Антип.

- Да ты, Антипушка, не чуди. Небось жёнушка-то не одобрит, коль хозяин тя в спину вытолкает и расчёт не даст. Дурью-то не майся, о семье подумай. А то дерево ему, вишь, жалко стало. Коль жалостлив, так не всаживай топор с каблука, да так, что щёк его не видать. От такого усердия и камень застонет. Здоров ты больно, да умом не вышел. Сдурел мужик. Вчерась ты учудил – не стал тонки дерева валить, сказал молодые, мол, жалко. Нынче ты перед старым спасовал. Ты того – не дури, - попробовал увещевать его старший артельщик Пров.

- Такую сосну не могу никак я… рука боле не подымается, - тихо проронил в ответ Антип Аршинин, втягивая голову в плечи. - Грешил на своём веку и так немало супротив леса и понял, что дерева ронить - дело дурное. За те годы лес мне жалко стало. Всё подчистую вырубят в скором времени на Курщине. Да, токмо Господь не допустит такого. А ведь не так давно лес-то наш заповедным был. Продали всё, ироды…

- Дурья башка. Хозяин-то наш исправно платит. Все работёнке такой знатной и рады. Один ты не как все. Детишек-то кормить поди надобно. Урожай, ой, худой будет. И сам три не получить. Чё делать станешь? Дурной ты мужик и не такой, как все, вот что тебе скажу. Время платежа на носу, а он в сторону смотрит, - удивлялся напарник. – Дык, и не всяк

лес те – божелесье[5].

- Да чаво с ним возиться. Коль не такой, как все – пущай не раобтАет, - гугниво пробубнил один из артельщиков, что оказался под боком.

- Да вот, не такой. Во сне мне СТОН ЛЕСА мерещится. А один раз сама Богородица со мною говорить хотела. Но только я ничего услышать не смог, как не силился. Далече Она стояла – в небесах. Но чувствовал я, что предостерегала Она меня от рубки леса. Лес соками исходит, умрёт скоро. А ведь и нам без него жизни не будет, - жалостливым тоном произнёс Антип и, всадив, с этими словами, казённый топор в землю, зашагал прочь.

- Ну и ступай – скатертью дорожка. Тоже мне – Наполиён тут нашёлся, - доносилась вслед гнусавая воркотня гундосого мужичка.

- Да утихни ты. Верно Антип-то мыслит: ежели от невыкорчеванных пней один кочерявый дубняк остаётся и никуда он боле не годен, как на дрова, то и нельзя весь лес ронить, - заворчал на него дюжий напарник. – Не гоже леса все так паскудить. На новотеребе[6] ничаво толкового не вырастет.

- А сами-то вы кто и баре ваши? – ворчал удаляющийся Антип. – Белокулижники[7] бесовы, вот кто.

---

[5] Божелесье – моленый лес, пуща, роща, лес заповедный, заказник.

[6] Новотереб, или росчисть - место, расчищенное от зарослей. Новцо, новочисть, новочищенина, новочищеница - вновь очищенный от леса участок.

[7] Белокулижник – самовольный и безнаказанный порубщик леса от слова «ку-

В ту ночь лик луны показался Антипу ущербным, снедаемым тенями, безнадёжно стареющим. Задумываясь над этим, пришёл Антип к тому, что, скорее всего, начинает стареть он сам. А потом приснилась Антипу последняя вековая сосна, на которую рука его не поднялась. Завела та сосна разговор с Антипом и говорит, мол, век тебе добра не забуду. Проснулся Антип с до боли остро режущей мозг мыслью о том, что ту благодарную ему сосну, его сосну, уже повалили, и, наверное, даже распилили на части. Никогда больше не встретит он её, не поговорит по душам – с доской, или пнём не побеседуешь, а живое дерево – оно всё слышит и понимает: «Погубили, ироды, сосну мне благодарную…»

Потомки того Антипа, все непременно Антипы Антиповичи Аршинины, не прекращая чудили в глазах окружающих. В крестьянской среде такие поведенческие отклонения одобрительно восприняты быть не могли и Антиповичи постепенно становились чуть ли не изгоями. Сын-правдолюбец того самого Антипа попал под влияние эсеров и, в ходе Гражданской войны, подался на Тамбовщину, став самым ярым сторонником Антонова в знаменитом «мятеже». Однажды Антонов предложил поджечь лес, чтобы остановить натиск частей Красной армии. Антип отказался в этом участвовать категорически, несмотря на давление самого Антонова. Расстреливал Антипа Антиповича Тухачевский лично.

лига» - чащоба.

Отпрыск того Антипа уцелел, жил бедно, еле сводя концы с концами, но умудрился вырастить троих детей, крестьянствуя. Трудолюбив и силён был, но ежели гнали колхозников на отстрел волков, на порубки, умудрялся отказываться и отсиживался дома. Но, если уж совсем сурово на лесоповал всех деревенских гнали, то старался выбиться в десятники, чтобы самому не держать топор или пилу в руках. Грешить, так не глядя в глаза дереву. Говаривали потом: «Кормили же там, поначалу, дородно, но опосля всяко бывало». Сам он пал в Великую Отечественную совсем молодым, а сын его родился по весне сорок второго.

Там, где был поднят русский флаг

В переводе на английский друга Николая звали Ред Сидэр, то бишь - Красный Кедр. На индейском имя его было для янки слишком труднопроизносимым. Николай же, звал его просто Сидором, поскольку он владел русским гораздо лучше, чем официальным местным наречием, которое освоил в начальной школе ничуть не лучше, чем язык индейцев, живущих вокруг общины потомков русских колонистов – первых европейцев на Аляске. Сидор был и впрямь статный, словно могучее дерево, и даже - весьма рослым для индейца. Да и цвет кожи Сидора напоминал красно-коричневую кору этого прекрасного дерева. Правда, самому Сидору его имя не слишком нравилось: не лучше ли быть Мистайей – Гриз-

ли, или наконец, просто Джоном? Понятнее для окружающих… Житель Аляски Сидор и в глаза тот самый «кедр[8]» не видывал. Дело в том, что предки Сидора некогда жили на севере Калифорнии. Позже они нанялись на работу в поселении Российско-Американской компании близ Крепости Росс. Русские платили индейцам мукой, мясом и одеждой. Но дела колонии шли неважно и всё чаще начались «пригоны» на работы. Отношения с индейцами неуклонно ухудшались, хотя до вооружённых столкновений дело не доходило. В ответ за насилие индейцы убивали русский скот. Тогда колониальная администрация стала ссылать виновных в этом на Аляску. Так, прадед Сидора, ребёнком, оказался в этих холодных краях. Николай почему-то уверял Сидора не раз, что таким именем следует гордиться. Чудной, в глазах индейцев, Николай прочитал в сельской библиотеке, что красный кедр называется ещё и гигантским деревом жизни. Сидор чтение недолюбливал, да и не смог бы одолеть такие книги на чуждом наречии. Николаю было легче: в их общине сохранилось немало старых книг на русском[9], которые он мог

[8] Красный кедр на самом деле, в ботаническом смысле, вовсе не кедр, а туя гигантская. Растёт только значительно южнее Аляски. Кедр – название часто народное, взятое из Библии. Так, и сосна сибирская прозвана кедром.

[9] В Ново-Архангельске имелась прекрасная библиотека. В её основу была положена коллекция, созданная по инициативе Резанова из пожертвований, сделанных многими видными политическими и общественными деятелями начала XIX в. (Румянцевым, митрополитом Амвросием, адмиралом Чичаговым и многими другими, насчитывавшая более 1200 книг. В их числе более 600 было на русском, до 300 - на французском, 130 - на немецком, 35 - на английском, 30 - на

читать свободно, родной же язык Сидора письменности не имел. Николай был мало способен к богатству разговорного английского, но неплохо научился читать на нём научно-популярную литературу. Мало кто из русских людей в конце двадцатого столетия был способен выразить свою мысль на столь архаичном русском, как Николай, кроме, разве что, узких специалистов, которых становилось всё меньше. Помимо того, Николай, как сын старообрядческого начётника Шеломенцова, владел и церковнославянским.

- Ты зря, брат мой, не ходишь в библиотеку, - который раз внушал индейскому другу Николай на скверном английском. - Там можно столько всего узнать. И о лесах наших тоже.

- Время наступит – пойду, брат мой, - неизменно отвечал Сидор.

Но оно никак не наступало. Николай поведал другу и о том, что лес нещадно вырубается и скоро на Аляске, да и во всём мире лесов не останется. По примеру своих крепких в устоях и вере предков-казаков и поморов, Николай больше всего переживал за Россию, толком ему неведомую, но, в его глазах, самую важную часть Земли. Раздумывал Николай о том, когда же можно будет в благословенную Россию вернуться, ведь коммунизм уже рухнул – пора бы. Казалось бы, это так, но деревенские патриархи ПОКА не велели… Впрочем, Аляску они тоже воспринимали до сих пор как бы

латинском и остальные - на шведском, голландском, испанском и итальянском языках. Многие книги на русском достались общине.

частью России: в общине жила вера, что русские непременно сюда вернутся и Аляска вновь станет российской. Требовалось лишь ЖДАТЬ. В силу такого своеобразного восприятия мира, потомки казаков и поморов-переселенцев распространяли важность сохранения лесов, в первую очередь, на леса российские, но и на Аляску. Когда же друг начинал внушать Сидору, что всё очень скверно, леса исчезают, но главное, чтобы они уцелели хотя бы в России, взаимопонимание исчезало. Чёрные очи Николая вспыхивали от негодования в адрес лесозаготовительных компаний:

- Встретил бы таких, с пилами, на тропе возле нашей деревни, морду б набил! – восклицал он тогда.

Зауженные глаза Николая делали его подобным сибирякам-чалдонам, полукровкам, которые отличаются гибкостью со смуглой кожей, унаследованной от матери, и кряжистой приземистостью широкоплечего отца-казака. Сидор считал Николая почти своим, вроде как индейцем, только другого племени. Сидор очень уважал своего друга за немалый, для его лет, опыт охотника, хотя сам был на год старше него. Николай даже предпочитал общество индейцев – людей с кровью его матери и бабушки, общению с настоящими янки. Он испытал как-то раз расовую неприязнь: к нему обратились подвыпившие лесорубы: «эй, скинни», что он, со своей недостаточным совершенством в английском, воспринял, как «кожаный, или кожистый», то бишь – может быть – «толстокожий» и готов был поначалу воспринять, как ком-

плимент, ведь он меньше них отмахивался от комаров. «А может быть они хотели сказать «толстокожий»? Не особенно-то и обидно, - подумал Николай тогда. – Комар не прокусит…» Но то были отголоски самого непосредственного расизма, что он понял много позже. По сравнению с рассказами его отца, который обладал несколько более светлой кожей и менее монголоидными чертами, всё это казалось мелочью. Тогда, в 1950-е, расизм был в норме. Но отцу, иной раз, доставалось слышать от грубых лесорубов и - «коммунист чёртов», коль русский. Отец возмущался, дескать он против коммунистов, за Царя и веру, но его и слушать не желали… Однажды их семье члены экспедиции из образованных высказали: «Русские губят Землю, уничтожают природу, развязывают войны». Отец так растерялся, что проглотил это замечание, не зная что ответить.

Часть 1. Ванкувер-град и Остров Ванкувер

Антон (1992)

Да не сварит его в котелке
Над костром какой-нибудь бродяга,
Да не оставит распластанного в крови на дороге,
Скрипнув шинами и, сверкнув фарами,
Бешено мчащийся автомобиль.
М. Женевуа (Ода ежу)

Чахлое, золотушное солнце опустилось над дождливым городом. Очертания цепи гор за Баррардом, как и силуэтов зданий, размывалось словно по мановению кисти вселенского импрессиониста, перебравшего абсента. Антон Охотин - молодой человек семнадцати лет от роду, ещё в совсем юные свои годы страшно переживал за судьбу хоботных и китообразных, порою уснуть не мог. Позже он понял, что слоны слишком далеко, киты – глубоко, а вот спасению реликтовых исчезающих деревьев, которые он часто видел и очень любил, студент Охотин сможет помочь на деле. Антон настолько прочувствовал тяжесть судеб истребляемых лесных гигантов, что, оказавшись в лесу наедине с собой, ему порою мерещился СТОН умирающего леса, как и очередной раз в эту ночь. «Не вижу разницы между изобретением гарпунной пушки, по поводу которой немало возмущаются, и электропилой», - посетила его мысль на следующее утро. В 1992 году в Ванкуверском университете преподаватели со студентами готовили решающую акцию протеста, на которую все очень надеялись. Давно было пора остановить лесоразрабатывающие компании с их разрушительной деятельностью в лесах Британской Колумбии, полных растительных реликтов. Но правительственное лобби годами никому не позволяло замахнуться на подобные компании. Антон не имел достаточно средств на оплату учёбы и вынужден был обучаться заочно и, к тому же, прирабатывал ремонтом мостовых в горо-

де. Тупой и тяжёлый труд: цепко хватать камни для мощения улиц, извлекать их из грунта, выматывал, и к экзаменам студент мог готовиться лишь поздно вечером. Тем не менее, Антон находил время и для участия в акциях протеста, считая их своим гражданским долгом. Отец мог бы оплатить его учёбу, мог бы помочь и старший брат, но беда в том, что папа настаивал на продолжении своего дела всей жизни - фермы, к чему душа сына не лежала. Во всяком случае, пока ещё не тянуло к фермерству. Всё хозяйство, кроме домашнего, лежало на плечах отца, а дом держался на матери. «Покуда родители здоровы можно не беспокоится, но что станет с фермой, если они состарятся? - задавался, иной раз, вопросом Охотин-младший. – Надо будет обсудить всё это с братом Глебом». Остаётся уповать на то, что к тому времени у него, как и у брата, появится склонность к продолжению дела отца, но с биологическим новаторством от знаний, добытых здесь, в университете. Детские воспоминания о жизни на ферме и походах в лес оставались всегда самыми тёплыми. Перед глазами вставал, напоённый полуденным зноем, хвойный лес, олицетворяющий Канаду, пахнущую смолой. Как говорил дед, проведший юные годы в России, там пахнет так же.

Антон поднял глаза на стены своей комнаты, увешанные репродукциями Нестерова, Саврасова, Шишкина, Левитана, а также парой американских трансценденталистов с утри-

рованным горным лесом, и «Охотниками на снегу» Питера Брейгеля Мужицкого. Хвойный лес, как и романтизированное православие Нестерова были особенно близки владельцу комнаты. Антон с детства слышал о том, что в СССР свободы попраны, а позже, став студентом, узнал от советских коллег, посетивших их университет, что протест против уничтожения лесов Сибири правительством услышан быть не может. Тогда Охотин подумал, что следовало бы ему направить усилия на сохранения не только канадских лесов, но и тайги его исторической Родины. Но и в Канаде дело с уничтожением лесов обстояло весьма печально. Культура далёкой и неизвестной ему Родины предков давно манила его. Строгое православное воспитание в семье позволило Антону с его братом и сестрой - второму поколению, родившемуся на чужбине, впитать русские истоки. Родители научили его в детстве молиться искренне, полностью погружаясь в попытку довести свою мысль до слуха Господнего. Молиться так, по-детски, наивно и чисто, с тех пор не получалось ни разу. Хуже того: удавалась такая молитва всё реже… Рассудком понимал Антон, что лишь искренняя молитва может принести душевное успокоение, но увы, она-то, с начала суетной студенческой жизни, и не удавалась. Несмотря на некоторое охлаждение в отношениях с родителями, естественное к семнадцати годам, желание Антона жить отдельно и подальше от «предков», он продолжал их любить и имел потребность регулярно видеться с родителями. В тот год Антон всё чаще и

теплее стал вспоминать детство на ферме в глуши верхнего течения реки Фрезер. В такие минуты взгляд его юных, добрых глаз становился совершенно безмятежным.

Неожиданно, кто-то позвонил в дверь. Удивлённым глазам Антона предстала соседская девица – совсем ещё юное создание, которое не раз вызывающе смотрело на него при мимолётных встречах в подъезде многоквартирного дома. Она явно напрашивалась, чтобы её пригласили зайти и вскоре сидела в кресле, закинув ногу на ногу в предельно обтягивающих джинсах. Вопросы сыпались с её уст, мол, чем занимаешься, давно любопытно, сколько лет прожил на белом свете. О, в самом деле? Всё ещё студент? Как здорово! И она бы хотела в университет. А где живут предки? Фи-и – на ферме? Любопытно побольше узнать о загадочном, скромном молодом человеке - таком не современном! Но это и привлекает, интригует. Антон отвечал вяло, без особого интереса к этой не слишком привлекательной внешне, тощей, дёрганной особе, утомляющей болтовнёй, теребящей пачку сигарет. Антону казалось, что непомерно большой рот её, приковывающий к себе всё внимание, в ущерб невыразительным глазам, не вяжется с её субтильностью и должен принадлежать гораздо более корпулентной особе. Хищный, чувственный рот не давал разглядеть и запомнить остальные составляющие её лица. Преобладающий над всем прочим, он, вселял смутное, подсознательное отвращение. Что-то смущало

в её облике, не вязалось одно с другим, не говоря о жеманной, неискренней манере речи. Её худые длинные ноги были обнажены предельно, до самых ягодиц, несмотря на прохладу и сырость.

- Не куришь?

- Нет…

- Ведешь здоровый образ жизни, стало быть?

И что эта нахальная особа пристала, чего добивается?

- Не то, чтобы так, но… - смущённо выдавил Антон.

- Может ещё и праведный образ? Гы!

- Да, не…

- К тебе пришла девушка, а ты как неживой. Не додумался и предложить что-либо выпить, не усадил даже, самой пришлось занять место. Ну, да ладно. Не переживай. Зайду ещё разок скоро, не плошай только больше. Душ прими, гы! А сегодня ты мне надоел, гы!

- И что дальше? – Антона передёрнуло.

Она резко вскочила и, игриво кивая, выбежала прочь. «И скатертью дорога, - вознегодовал Антон, - эка невидаль! Шокировать ей захотелось! Можно подумать, что на дворе прошлый век, викторианские нравы. Но почему она упомянула о необходимости душа? Вроде бы от меня не смердит… Нахалка! Свои «бледные ноги» «закрывать» она и не намеревалась. И обращение к авторитету Брюсова не имеет смысла».

Антон взглянул в окно: Ванкувер тонул в лиловом сумраке спускавшейся ночи.

Дело о гвоздях

Жить надо ради того, за что можно умереть.
И. Ильин.

Главная дорога лесорубов в долине реки Гордон острова Ванкувер, не пылившая никогда раньше, окутала синий митсубиси Ти Джэй Уотта такой пылью, словно здесь уже и вовсе не осталось, так называемых, дождевых лесов умеренного климата.

- Чудовищно! Эти варвары оставили здесь лишь те деревья, до которых практически невозможно добраться, а точнее – спилить их было бы слишком трудно, дорого и затраты себя бы не оправдали, - ворчал старший товарищ Антона – Уотт, и Охотин утвердительно кивал:

- Подонки.

- Вот и я говорю - скоты.

- В наше время крупнейшие даги[10] имеют до семидесяти пяти метров высоту и чуть более четырёх в диаметре, а в прошлом достигали более ста метров, как секвойи. Когда

[10] Даг – местная разговорная форма от названия дугласовой пихты, которая на самом деле не является пихтой, а ботанически определяется как Псевдотсуга мензисии в честь ботаника Мензиса. В народе называют дугласию также и орегонской сосной, и красной елью, и дугласовой елью. Сопоставимы с ней по высоте в Канаде также ситкинские ели, тсуги и красные кедры (туи), а в Калифорнии – секвойи, которые живут гораздо дольше и достигают большей толщины.

в 1895 году срубили крупнейшую из известных дугласовых пихт, она оказалась сто двадцать семь метров высотой и восемь в поперечнике! Полуторатысячелетнего великана срубили, главным образом, из азарта: лесоруб Джордж Кэри задался вопросом: «а возможно ли его повергнуть наземь в принципе?» Второй, сопоставимый по размерам, экземпляр был найден в 1902 году тоже немного севернее Ванкувера в каньоне Линн. Последние из этих гигантов, превышающие по размерам уцелевшие, были уничтожены и не так давно – не менее нескольких тысяч. Ведь Канада в этот период уже не была бедной, - Антон вздохнул.

- И могла бы себе позволить дать им выжить. Но никому нет до них дела, - продолжил Уотт. – А у тебя хорошая память…Дождевые леса побережья уникальны не только размерами деревьев, но и своей стойкостью к пожарам за счёт влажности, толщины коры, а следовательно, и незначительным их изменением за сотни тысяч лет. Официально же, лес старше ста пятидесяти лет уже считается старорослым по терминологии лесников, но всё ещё не первичным для ботаника.

Неужели этих великолепных деревьев не останется вовсе? Наверное, Уотт прав и надежды не остаётся…

- В девятнадцатом веке у нас делали из дугласий мостовые… От Ванкувера до Сан-Франциско города строили, в значительной степени, из реликтовых дугласовых пихт[11].

[11] К XXI в. 99% природных дугласовых пихт острова Ванкувер сведено. Прав-

Ныне люди одумались… - добавил Антон, отринув слишком печальные мысли.

- После того, как даже ботаник Дэвид Даглас, впервые описавший эти деревья, заявил о возможности их широкого использования на практике, перестал я уважать учёных прошлого. А прибыл он на судах Компании Гудзонова залива в Ванкувер уже в 1825 году, - презрительно произнёс Уотт.

- Читал однажды о Дагласе. Оказывается, он записал свой первый отзыв о ванкуверском лесе. То был восторг пред великолепием колоссальных деревьев. Возникла мысль: а не католиком ли был этот человек, ибо его ощущения сродни поклонению праведного католика роскоши готического храма. Но позже тот же Даглас проявил себя вполне практичным протестантом: он начал оценивать запасы древесины такого леса… - вставил Охотин.

- Да уж… Но ты особо не кати бочку на протестантов. Мои родители тоже из них, посмеялся Уотт. - В 1854-м на острове появилась первая механическая лесопилка, принадлежащая Компании Гудзонова залива, и неуклонное истребление началось. В 1880-е Алфред Дикин полностью вырубил

да, немало их имеется в виде лесопосадок. Сохранилось лишь 7% первичных лесов острова! Для восстановления богатого видами леса, сопоставимого с первичным, требуется 400-500 лет. Вторичные леса, насаждения, создаются для сбора «урожая» через 40-50 лет… В 1990-е казалось, что лесорубы оставили дугласовые пихты первичных лесов в покое навсегда. В 2024 г. озабоченных охраной лесов канадцев шокировала очередная вырубка немалого количества могучих великанов из немногих оставшихся.

деревья вдоль реки Гордон и положил начало массовому натиску на леса острова. К 1906-у британская Колумбия была обуяна истинной горячкой лесоповала. Вскоре министр Уильям Росс заявил, что провинция намерена начать разработку своих лесных запасов по-настоящему. Правда, он оговаривал и рациональное использование, разработку законодательства по лесному хозяйству. С 1912 года лесорубы должны были иметь лицензию. Но до Первой Мировой уничтожение наших лесов шло всё ещё терпимыми темпами. С началом войны масштабы вырубки стали несравнимы с предшествующими. Лагеря лесорубов росли, как грибы. Вскоре выделился лидер дереводобывающей промышленности мистер Харви Реджинальд Мак Миллан и жизнь на острове стала зависеть в первую очередь от успеха его предприятия. Техника уничтожения деревьев в те годы особенно бурно развивалась. Наследником Мак Миллана стало предприятие «Блудел», заправлявшее в сведении лесов с 1955 до конца столетия. В те годы возникло целое сообщество идеальных лесорубов – грубых мачо, проводящих большую часть времени в лесах, уничтожая их, а свой досуг – в пивных и борделях. Лесоповал становился всё менее опасной профессией, но амбиции и хамство его работников возрастали. Впрочем, ремесло высотного опильщика оставалось достаточно опасным делом. Но таких были единицы. Их обязанностью было взобраться при помощи специальных приспособлений, вроде альпинистских, на уровень кроны и опилить крупные вет-

ви. Именно их технику и мы используем на деревьях, изучая лес. До 1970-х господствовало официальное мнение, что порубка спелых и перезрелых лесов полезна и даёт стимул для дальнейшего развития леса. Эдакая фарисейская лазейка, оправдывающая самое варварское уничтожение. Не все, конечно, соглашались с этим, но правительство таких учёных не желало услышать.

- Любому хорошему биологу ясно, что уничтожение первичного леса влечёт за собой лишь деградацию экологической системы вплоть до вымирания специфических животных и даже микроорганизмов, необходимых для естественного баланса леса, - вставил Антон.

- В семидесятые экономика острова полностью зависела от дереводобывающей и обрабатывающей промышленности. С того периода учёные умы создали машины, позволяющие опустошить гектар леса, разделав деревья на части, за день. Странно, что с тех лет столько шума в мире о истреблении тропических лесов, тогда как в цивилизованной Канаде оно шло не меньшими темпами тихо и мирно до самых девяностых, - возмущался Уотт. - Кстати в восемьдесят восьмом активист охраны природы Рэнди Столтмэнн занялся поисками крупнейшего дерева в стране. Тогда, как в Штатах они все давно известны, у нас ясности по поводу нынешней ситуации не было. С пятидесятых в долине Кармана была известна девяностопятиметровая ситкинская ель, открытая Майком Гаем – сотрудником «Мак Миллан Блудела». Столтмэнн ре-

шил внести ясность во что бы то ни стало и посвящал поискам всё свободное время. Он не нашёл самое высокое дерево, но зато составил карты дорог лесоповальщиков, которые явно направлены в сторону долины Кармана, что несло в себе угрозу существованию самого высокого дерева, из известных на данный момент. Стало ясным, что в ближайшие пять лет пилы взвоют в уникальной долине – живому кафедральному собору полному гигантов! Столтмэнн начал кампанию против уничтожения рощи и сумел привлечь внимание Канадского комитета Дикой Природы. Это стало переломным пунктом в безнаказанной деятельности лесоповальщиков на острове. Рэнди Столтмэнн много скитался по лесам и создал каталог последних гигантов, которые отнюдь не защищены законом и могут стать добычей лесоповальщиков[12]… Завязалась информационная борьба. Делались фильмы и фотовыставки о гигантах долины Кармана, предлагалось развитие туризма. В ответ работники «Мак Миллан Блудел» заявляли, что туристические тропы там слишком опасны и прочий вздор. Добрая сотня зелёных активистов в следующем году расположилась в Долине в палаточном городке, фотографируя и рисуя деревья. Их кумиром была Эмили Карр, родившаяся в Виктории в 1871 году. Она стала первой художницей конкретных деревьев, воспевая их красоту в прозе и стихах. Подключились и певцы. Активисты блокировали дороги, но

[12] Обидно: Рэнди погиб молодым в 1994 г. от лавины, будучи заядлым лыжником.

иных из них подвергали аресту. В девяностом году лесорубы начали громить лагеря зелёных, случались драки. Компания заголосила о создании рабочих мест, которые зелёные студенты – сынки богатых родителей, нагло отнимают у народа. Кен Ву – тот самый активист из Западно-канадского комитета Дикой Природы, ратует за блокаду подступов к последним участкам первичного леса острова силами зелёных. Он надеется пробудить в обывателе чувство ответственности за истребление ещё уцелевших древних первичных лесов. Он - выходец с Тайваня и потому сумел написать воззвания на китайском и распространять их среди выходцев из Китая, которых здесь у нас процент немалый. В 1970-е Гржимек, подобным же образом, боролся с варварским избиением детёнышей и взрослых тюленей на Лабрадоре и кампания удалась. Правда, позже вновь началось то же самое.

Продираясь сквозь густые заросли мечевидных папоротников, оба молодых человека подошли к подножию гигантского Одинокого дага. Дерево поражало воображение своей высотой, а толщина ствола подавляла, вынуждала человека сознавать своё полное ничтожество пред величием природных сил. Антон с Уоттом догадывались, что залезть на даг без опыта будет трудновато, но не предполагали, что настолько изнурительно. Устал Антон на подъёме от своего сидяче-городского образа жизни. В руках его, привыкших вынимать увесистые камни мостовых и вставлять новые, силы

было немало, но от быстрого карабканья по верёвке сбивалось дыхание. Оказавшись почти на верхушке лесного великана, Уотт с Охотиным встретили, живущего среди ветвей уже два дня, коллегу по зелёному движению. Первым делом, он уверил их, что всё это время испражнялся в полиэтиленовый пакет, который непременно сам доставит вниз, а также напомнил, что, после полудня, сюда обещал подъехать бизнесмен от туризма, которому вряд ли придёт в голову взбираться на верхушку для переговоров с ними. Пришлось срочно спускаться вниз.

- Вы выбрали удачное место для рождения новой концепции в туризме, ребята, - встретил их бодрой репликой рослый, с животиком, бизнесмен, представившийся Джастином Уортоном Эблуайтом. - Что же, если мы добьёмся того, что лазание по лесным гигантам станет приносить больше дохода, чем их окончательное уничтожение на древесину, то их остатки будут спасены. Таковы законы общественного прогресса, увы.

- Я бы добавил – законы дикого общества, более варварского, чем обитавшие здесь прежде индейцы, которые не опустошали свои леса, - вставил Уотт.

- Закону развития общества нет дела до Вашего мнения, мой друг. Он существует независимо от чьего-либо мнения, - рассмеялся Джастин. - Почему же, по-Вашему, выжили до сих пор африканские слоны и носороги? Только потому, что правительства поняли: живыми они принесут больше дохо-

да, если их показывать туристам. Больше, чем выгода от продажи последних бивней с рогами. Только эта простая мысль венца природы позволяет выживать гигантофауне Африки по сей день. Бедные страны и средства на борьбу с браконьерами находят.

- В таком случае, этот хомо и не сапиенс вовсе, - добавил Охотин.

- Ну ладно, прочь эмоции – ближе к делу, - продолжил Эблуайт. – Мысль об авантюрном туризме с лазанием по кронам мне показалась привлекательной: кэнопи-туры, новый вид как бы скалолазания и проч и проч[13]…

Электропила издала отвратительный визг и въелась в могучую твердь старого толстого красного кедра, продолжая терзать его плоть, вынуждая содрогаться крону. Вдруг, взвизгнув тоньше обычного, пила застыла. Работник компании припомнил все, надлежащие для такого момента, не совсем цензурные слова. Пилу починили, покопавшись добрый час, благо с ними в бригаде был один парень – мастер на все руки. Работников «Блудела» в тот день удивило, что многие деревья, и особенно крупные, помечены инженером лесоповала не оранжевой, а зелёной пластиковой лентой, что означало «не подлежат повалу». Крушителям леса было невдо-

[13] Кэнопи (крона)-туризм в самом деле развился с 1990-х, как и протесты «сидящих на деревьях» от Майкла Джэкьюбэла до Джулии Хилл по прозвищу Бабочка (США, 1997), которая провела на верхушке 55-метровой секвойи 738 дней в качестве протеста, и спасла 1500-летнее дерево от уничтожения.

мёк, что за несколько дней до того, как повальщики прибыли на новый участок, вслед за тем инженером, маркирующем деревья, тайком следовал Антон Охотин, который заменял часть оранжевых лент на зелёные. Слышащийся некогда Антону СТОН леса, глубоко потряс его. Когда Охотин, на этот раз, проснулся в лесу в палатке, он сразу подумал: «Я же не склонен к галлюцинациям, чёрт возьми! Но это же опять знакомый стон! - говорил он сам себе, просыпаясь, ощупывая нос и уши. – Это не бред, не розыгрыш: я один в лесу на многие мили и слышу этот стон!» После той ночи Антон твёрдо решил выкрасть со склада лесоповальщиков немного зелёных лент, а заодно и оранжевых, чтобы незаметнее было. Дело удалось и новые оранжевые направились прямиком в мусорный бак. После тяжёлого дня слежки за инженером, в бак полетели и, побывавшие на стволах, ленты оранжевого цвета. Вечером проголодавшийся Антон жадно давился сухими печеньями в своей тесной палатке. Сначала его одолевали мрачные мысли и напрашивались параллели между Островом Ванкувер и средневековой Англией: «С четырнадцатого века Робину Гуду уже негде было бы прятаться на всём острове, лес практически свели к началу Столетней войны... Робину Гуду было где затаиться лишь в его двенадцатом столетии...» Постепенно фантазия Охотина превращала, увиденные дебри с толстыми реликтовыми деревьями и папоротниками, в первозданный мезозойский лес, в котором бродили мирные травоядные динозавры, а то и в каменноугольный

- с папоротниками и плаунами чудовищных размеров. В ту ночь Антону снились зловещие острия папоротников-мечей, злобные лесорубы, но уже не преследовал СТОН ЛЕСА.

Скандал разразился неожиданно. Лидеры зелёных сами спрашивали своих: «кто мог додуматься вставлять в стволы деревьев гвозди, которые нанесли страшные раны работникам «Блудела» с их электропилами?» Вопрос остался без ответа. Зелёные коллеги уверяли Ти Джэй Уотта и Кен Ву, что никто этим не занимался. «Я бы и рад бы гвозди вставить, - подумал Охотин, - и дерево такую мелочь не ощутит, и блуделцам наказание, но слишком уж далеко заходит такое наказание: не увечить же людей». Купленная «Мак Миллан Блуделом» пресса усердно поливала всех зелёных без разбора грязью в статье «Активисты-радикалы готовы обречь людей на смерть»: «Всем понятно, что произойдёт с цепью пилы, вращающейся со скоростью восемьдесят пять километров в час, если пила нарвётся на коварно вбитый в ствол бедного дерева гвоздь! Так называемые защитники природы задумали это чёрное дело, нанесшее неизлечимые раны сотрудникам лесоповала, оставившее их семьи без кормильцев!» Сотрудник «Блудела» Горд Исон выступил в «Солнце Ванкувера» со статьёй, проводящей параллели между гвоздями в стволах и минированием противопехотными минами. Настроение в обществе менялось не в пользу зелёных – «грязных студентиков – сынков богатеньких родителей».

После такой газетной кампании было безнаказанно арестовано около тысячи активистов! Неожиданно, честный врач, приглашённый зелёными в больницу, доказал, что подобные раны не могут быть нанесены электропилой. Выяснилось, что случайные изувеченные люди были подкуплены «Блуделом» после попадания в автомобильную аварию, а вовсе не были лесоповальщиками! Когда журналист ворвался в палату, где лежали раненые и начал обвинять врача в коррупции, Антон не сдержался и дал журналисту в морду. Охотина арестовали одним из последних, но вскоре всех их выпустили, ибо разоблачение подтасовки фактов стало очевидным.

В гостях у племянника Николая Второго

В тиранстве без тирана есть что-то отвратительнейшее, нежели в царской власти. Там знаешь, кого ненавидишь, а тут - анонимное общество политических шулеров и биржевых торгашей, опирающееся на общественный разврат, на сочувствие мещан, опирающееся на полицейских пиратов и на армейских кондотьеров... В демократии - страшная мощь разрушения, но, когда она примется создавать, теряется в ученических опытах, в политических этюдах... Действительного творчества нет.

А. Герцен в период разочарований

Оказавшись на свободе, Антон заметил множество писем,

извещений о телеграммах от родни, лежащих в его почтовом ящике. Из них он узнал, что родители и старший брат разыскивают его уже несколько дней. Дело в том, что Охотиных пригласил себе в Торонто сын Великой княгини Ольги Александровны, Тихон Николаевич Куликовский-Романов. Поскольку это была большая честь для монархиста Охотина-старшего, он со старшим сыном, Глебом, недоумевал куда же пропал Охотин-младший. Они хотели его скорее оповестить, чтобы съездить на Восток страны всем вместе. Оказывается, до потомка Александра Третьего, через эмигрантские источники, дошли сведения о том, что прадед Антона, Глеб Гордеевич, был свидетелем многих печальных событий истекающего века, и князь надеялся узнать что-то новое от потомков полковника Врангелевской армии. Антон тут же бросился звонить отцу.

Квартира потомка Царской фамилии на окраине Торонто поразила своей скромностью. Отец Антона торжественно передал в руки Тихона Николаевича ксерокопию рукописи своего деда. С первых же слов, брошенных друг другу, хозяин и старший гость почувствовали родство душ, как и их супруги. Стены сына Великой княгини от морганатического брака с ротмистром Кирасирского лейб-гвардии полка Николаем Алексеевичем Куликовским были увешаны монархическими реликвиями, старыми фотографиями, в основном – родителей и деда - Александра Александровича Романова.

Обстановка дома завораживала молодых братьев Охотиных, сначала не участвующих в общей беседе. Братья заметили в углу стол, уставленный старыми оловянными солдатиками многих родов войск в российской форме Императорской армии разных периодов. Конец восемнадцатого и весь девятнадцатый век, в виде добротно раскрашенных солдатиков, были представлены на этом столе. Хозяин квартиры говорил отрывисто и прочувственно, вспоминая людей, которых лично помнить он не мог, поскольку родился лишь в 1917 году, в Крыму. Но эмоциональность его рассказов заражала окружающих. Вся семья Охотиных попала во власть этих воспоминаний, передаваемых с замечательной живостью. Ему хотелось бы вернуться в Россию ушедшую, но для этого необходима машина времени, увы. Если гостям захочется когда-либо посетить его – он будет рад. Неужели они не надумают повстречать старика ещё разок, послушать замечательные рассказы его покойной матери о той, лучшей России? Никогда не следует ставить крест на прошлом.

- Нет ничего страшнее нынешней демократии, - заключил свою речь Тихон Николаевич. - Она безлична, безответственна, а в монархии же известно, кто несёт ответ перед народом. Единственно для России пригодное - русская православная монархия[14]! Делали и самодержцы ошибки, не без этого. Но разве можно сравнить тот факт, что Россия отдала свои американские колонии, что Александр Второй отдал и

[14] Подлинные слова Куликовского-Романова в интервью Ф. Медведеву в 1990 г.

Дубровник с островами, чтобы не задеть Англию, как и не вступил в Константинополь в 1878 году ей же в угоду с тем, что сотворили большевики с российскими землями в начале своего узурпаторства? Что они сотворили с народом, верой и культурой?

- О том же пишет и мой дед в этих записках, - вставил отец Антона.

- Сам я всего лишь унтер-офицер, - продолжил Тихон Николаевич, - но моя мама была шефом двенадцатого гусарского полка. Начинал я рядовым в гвардейском полку в Дании. Всегда спрашивал мать: «Почему ты не хочешь принять датское подданство?» Но она упорно не желала. Хотела сохранить символическое российское имперское гражданство. Отец мой – выходец из Бессарабии. Предок его прибыл к Петру Великому гонцом от Молдавского князя. Не так давно, я был приглашён в Финляндию по случаю столетия охотничьего домика в Лангеккоске, где некогда охотился мой дед Александр Третий.

«Родной племянник нашего Государя!» - подавая ему руку при прощании, Антон в душе содрогнулся и готов был прослезиться. В голосе брата он услышал те же напряжённые ноты. Чувствовалось, что брату Глебу каждое слово давалось с трудом. Отец же, не скрывал своих слёз. Мать обнялась с женой Тихона Николаевича.

- Наша сокровенная мечта, - дрогнувшим голосом проговорил старик Куликовский-Романов, - чтобы Свердловск

стал навсегда Екатеринбургом и на месте убиения Царя-Мученика и Его Семьи был воздвигнут православный храм. Мы бы ничего для этого не пожалели и смогли бы собрать немало средств для строительства за рубежом. Передать бы нашу фамильную икону-Троеручицу в тот храм могли. Ведь Они молились на неё в свои последние дни.

Едва вернувшись домой, Охотины с прискорбием узнали, что в апреле Тихон Николаевич скончался после второй операции на сердце. Глеб Андреевич, бросив все, накопившиеся на ферме, дела, срочно вновь отправился в Торонто на отпевание Тихона Николаевича в церкви Святой Троицы, но уже без жены и детей[15].

Сирил Хатчинсон

Прежде, чем будет повалено последнее дерево,

[15] В 1960 г., тоже в Торонто, скончалась последняя Великая княгиня Ольга Александровна – дочь Александра Третьего. До конца своих дней Великая княгиня поддерживала эмигрантские организации в Канаде. Русско-Американская Ассоциация Помощи ежегодно устраивает большой благотворительный бал. Представители Ассоциации неоднократно приглашали свою Августейшую представительницу приехать к ним в Нью-Йорк, но Великая княгиня неизменно отвечала вежливым отказом. Но однажды она решила, что присутствовать на балу - это её долг, и начала к нему готовиться. Однако иммиграционные власти США отказали ей во въездной визе на том основании, что она не является подданной Канады. Великая княгиня была глубоко оскорблена и, в то же время, удивлена: «…американцы должны хоть что-то знать об истории Европы. Разве Великая княгиня может быть чьей-то подданной, кроме собственного монарха, или же гражданкой какой-то другой страны? Это же просто нелепо!»

Последняя рыба будет поймана,
Последняя река запружена,
Осознай, белый, что деньги несъедобны!
Индейская мудрость

Зафрахтованный добротный пропеллерный самолёт дал резкий крен низко над вершинами холмов острова Ванкувер. Неожиданный сильный ветер вынуждал его совершать странные манёвры. Сирил Хатчинсон, выложивший прорву денег за аренду самолёта, занервничал: «Если их чёртов драндулет сдует ветром на одну из скалистых вершин близ Стратконы, им это дорого обойдётся. Да только меня уж не воскресишь и всё дело моих предков будет загублено. Идиоты! Что же они прогноз погоды не изучили?»

- Мистер Хатчинсон, не переживайте, пожалуйста, всё обойдётся. Ветер скоро уляжется, - пробубнил ему на ухо помощник пилота.

Ветер в самом деле улёгся, словно по мановению волшебной палочки.

- Ваше счастье, господа арендаторы, - проворчал себе под нос Сирил и черты его благородного, породистого лица исказила злобная ухмылка.

Сирил Хатчинсон больше не обращал внимание на увещевания о том, что всё будет прекрасно, что в таких условиях их полёт совершенно безопасен. Лишь пару раз он бросил в адрес команды, мол, он полагает, что эти глупцы многим

обязаны его фирме за частую фрахтовку их паршивых летательных аппаратов. «Ах, что Вы! Посадка будет совершенно мягкой, можете быть уверены…» Хатчинсон продолжал изучать простирающиеся под ним лесные угодья, принадлежащие «Блуделу» и сравнивал их с картой лесопосадок. Последние уцелевшие островки первичного леса выглядели сущими готическими соборами посреди ровной поверхности низких «убогих лачуг» одновозрастных лесопосадок. Впрочем, иные острия хвойных «шпилей» превышали среднюю высоту собора… «По-своему, мне даже жалко эти леса, принесшие процветание всему краю и нашему семейству, - размышлял Сирил, - и по-хорошему, их следует заповедать, что сделали наши южные соседи уже четверть века назад. Но, увы, с такими бездельниками, как мой сын можно и по ветру все мои сбережения пустить. Он должен встать на ноги, остепениться, а пока что и эти островки с огромным запасом древесины, благодаря высоте деревьев, придётся пустить под топор. Сколько поколений Хатчинсонов преуспевало за счёт этих лесов? И не мы должны быть признательны Харви Мак Миллану, что наши предприятия слились, а он нам! Сколько энергии привнёс в предприятие мой почтенный папаша! А вся эта болтовня зелёных активистов о том, почему мы оберегаем великолепные храмы прошлого, ценим архитектуру, но презрительно относимся к своей природе – всего лишь вздор, на который можно не обращать внимания. Мы спасаем людей от обнищания, создаём рабочие места уже больше

столетия! Если за год и случается травма, или смертный случай при падении дерева так, то - по глупости и неосторожности. Работники наши прекрасно проинструктированы, имеют лучшее оборудование. При подписании контракта, они знают, что идут на небольшой риск, но делают это ради отменного заработка. Человек превыше примитивной растительной жизни. Его благополучие, в конце концов, важнее того, уцелеют ли здесь ещё первичные леса, или их полостью заменят лесопосадки, исправно организуемые нашей лесоразрабатывающей компанией. Всё это вы забываете, господа зелёные крикуны-студенты – такие же сынки состоятельных родителей, способных оплачивать ваше образование. И ещё вопрос, на чём сколотили состояние ваши предки. Уцелеют же плохо доступные старые деревья, растущие на крутых склонах – и хватит для потомков. Пусть зелёные их охраняют и носятся с ними. Чиновники нас поддержат и заткнут вам глотку очередной раз, жалкие студентики! Увы, упадок лесоповала наметился уже к 1980-м: крупных деревьев стало заметно меньше. Среднее дерево из островных великанов приносит до двадцати тысяч дохода, но особенно крупные – до пятидесяти! Да… зрелого леса остаётся на Острове ой, как мало…»

Оказавшись дома, господин Хатчинсон небрежно убрал со стола стопку отчётов по ликвидной древесине, ворча под нос о том, что по схожей причине истощения запасов сосны

каури, дела его предшественника некогда худо пошли в Новой Зеландии. Сирил склонился над детальной картой Острова, разложенной на просторном столе его рабочего кабинета. «Самому мне уже не собрать очередной массовый урожай, который вызреет лет через сорок, не раньше. Чадо моё не способно ни к чему… И что эти зелёные не дают покоя мне с их демагогией? Дались они мне! Заглушат, там наверху, все эти слабые возгласы. Я же создал грандиозный арборетум на своём собственном земельном участке. Такой коллекции хвойных в мире не сыщешь! Почему я должен иметь чувство вины перед этим лесом? А мой сыночек? Он не имеет ни малейшего интереса к моему чудо-парку, ни даже к моей прекрасной коллекции живописи и фарфора. Этот поганец способен получать удовольствие лишь от еды, общения со смазливыми бабёнками и езды в шикарных автомобилях. Может быть ещё и от виндсёрфинга и прочей ерунды. В кого он таким уродился? Наш достойный родоначальник стал некогда лондонским биржевым маклером и с тех пор все неустанно трудились во благо семейного капитала. И браки с умом заключали. Прапрадед умудрился жениться на дочери Джона Джекоба Астора - основателя рода американских миллионеров, сделавшего состояние на торговле мехами и земельных спекуляциях и, ставший, в первой половине XIX века, самым состоятельным американцем[16]. Недаром

[16] Весной 1812 г. в С.-Петербурге была заключена официальная конвенция между Американской меховой компанией Дж. Дж. Астора и Российской Амери-

миссис Астор-Таинственная Роза имела свой салон в Нью-Йорке. Да, капитал по линии моей прабабки был сколочен на разграблении индуистских храмов британскими офицерами, ставшими высшим классом, цветом дворянства, это следует признать. Но кто-то же должен начать, дать толчок в развитии рода. Да, мой отец в конце двадцатых умело пользовался законом о том, что после лесного пожара можно пускать под топор всё оставшееся. Но как устоять здесь пред соблазном подпалить массив, другой? Ведь колонисту было дозволено тогда вырубать для своих потребностей всего пять акров. А крупному нью-йоркскому газетчику требовалось лишь для выпуска воскресного номера больше шестидесяти акров леса. Соединённые Штаты ожидали от нас больших поставок, - мистер Хатчинсон брезгливо присмотрелся к досье своих противников-студентов и прочих активистов. - Иной раз полезно для дела снизойти и глянуть в микроскоп на все эти инфузории, мнящие себя героями. Ба, да это же русское имя! Учится здесь… Казалось бы и живи себе спокойно, так неймётся ему! Вместо прозябания в своём поганом гадюшнике, он обитает в цивилизованной стране и гадит вокруг себя! Проиграли давно Западу, так смирись и молчи. Нет, распирает их! Что за мерзкий народ! Этого типа надо будет наказать в первую очередь…»

- Эй, ты - Энтони Окотайн? – резко окликнул кто-то Ан-

канской компанией. Война с Наполеоном помешала развитию сотрудничества.

тона, возвращающегося домой. Ударение в его фамилии было поставлено, как обычно, на первый слог.

- Да я, - по возможности равнодушно ответил Охотин, хотя тон обратившегося к нему хамоватого крепкого парня, вызвал неприятное впечатление своей грубостью.

- Ты, паскудник, гвозди в деревья вбивал? – с угрозой в тоне проговорил дюжий парень. – Из-за тебя другана моего покалечило, тварь!

Антон вяло огрызнулся, мол, давно известно, что это – враньё, и презрительно повернулся к парню спиной, начав удаляться, сознавая, что такого бугая ему всё равно не одолеть, так хоть с честью можно выказать ему полнейшее презрение. Но из-за угла улицы навстречу ему шагнул второй, ещё менее миниатюрный, чёрный малый. Чудовищные размеры этого парня не оставляли никаких надежд. Охотин вспомнил о своем прадеде полковнике Белой армии Глебе Гордеевиче и представил себе, как бы тот повёл себя в его положении, будучи окружённым разъярённой бражной питерской матроснёй семнадцатого года: «Главное не проявить признаки страха, сохранять полнейшее презрение на лице. Мне легче: я не офицер Русской армии и мне можно не бояться несмываемого унижения от прикосновения чужих конечностей к моему лицу».

- Не упускай его, Клаубер! – крикнул за спиной Антона первый малый чёрному. – Дави гниду!

- Будь покоен, Билли, - пророкотал тот басом.

Негр опустил тяжеленую ручищу с густо татуированными бицепсами на плечо Антона, глумливо скалясь. Сохраняя гробовое молчание, он медленно выплюнул окурок на асфальт, обдав Охотина дымом. Желая напоследок немного бравировать, Антон заметил, что сорить на улицах считает последним делом. Первый удар нанёс стоящий сзади – подло и больно – по почкам. Антон был крепок, но никакими боевыми искусствами он не владел, а двое парней знали своё дело. Весом Антон тоже не мог взять – долговязого поджарого парня легко повалили наземь. Антон вскочил вновь и даже заехал один раз белому в зубы. Но отбивался Охотин всё безуспешнее, потом упал на бок, прикрыв руками лицо и голову. Били долго и грамотно. Антон лежал, покуда нападавшие не устали работать ногами. Вдруг над головой поверженного Охотина зажурчало и тёплая, смрадная жидкость обдала лицо избитого. Он с трудом открыл заплывшие кровью глаза и понял, что на него мочатся. Антон сделал усилие, чтобы откатиться в сторону, или даже подняться, но ударом ноги был послан на прежнее место. Он уже терял сознание, но смутная мысль продолжала брезжить в его мозгу: «Я опозорен: на меня помочились».

- Напрасно ты это… Босс на то указания не давал, - прозвучал голос белого. – Как бы потом не отчитал нас за твои дурацкие причуды, Клаубер.

- Если ты меня не заложишь, паскудник Билли, то босс о том не узнает. А мочусь я на кого хочу, и когда хочу, баста!

Иной за золотой дождь и спасибо скажет. У каждого своё хобби.

- Не, зря ты так. Неприятности могут быть.

- Зануда ты, Билл, но люблю я тебя. Ты – единственный порядочный белый. Если ты заметил, то умываю я только белую жертву, а чёрных – никогда.

- За что ты так нас не любишь, Горилла?

- Не доверяю я белым. Чёрный парень всегда честнее, открыт, прям. А от вас не знаешь, чего ждать. Думаешь белые просто так перестали нас притеснять, от избытка доброты душевной?

- Нет, не думаю… И не задумывался над этим.

- И дурак. Но ты – хороший малый, Билли несмотря на то, что – белый. Вы все хитрые, а ты – простодушен. За это и люблю тебя.

Последние дни Антон уже видеть не мог больничную койку, и мягкая щека подушки не манила его уже больше прилечь вновь. Ночами Охотина одолевали странные сны. В юные годы особенно запомнился ему один сон о чудовищном дереве, наподобие боба, выросшего в известной сказке до небес. Антон не раз вспоминал тот сон, превращая его в недосягаемую мечту. А тогда, в больнице, ему привиделся полёт на вертолёте над гигантским лесом, судя по кудрявым кронам – тропическим, вероятнее всего он летел над бассейном Амазонки: внизу простирался бескрайний куче-

ряво-губчатый ковёр леса с буро-жёлтыми прожилками рек. Неожиданно маленький вертолёт стал камнем падать вниз. Вскоре он уже прорывался сквозь сплетение ветвей, угрожая каждый миг неизбежно врезаться в землю, но пауза затягивалась: ветви становились всё толще и гасили силу падения. Наконец, машина прекратила своё падение, застряв в ветвях и Антона поразила густота сумрака леса, толщина стволов, окружающих деревьев и расстояние, пройденное путём проламливания полога сплетённых ветвей. Антон глянул вниз и отказался верить своим глазам: стволы чудовищных деревьев белёсыми колоннами, метров по двадцать в диаметре, уходили в бездну, теряясь в полной темноте. Поверхности земли видно не было. Увидеть небо было также невозможным – вертолёт застрял по меньшей мере в ста пятидесяти метрах от начала столкновения с кронами растительных монстров. Освещение средь бела дня здесь было как под водой на глубине не меньше десяти метров. Потом Антон с удивительной лёгкостью, по-обезьяньи, умудрился пролезть по огромной ветви до края скального обрыва, на котором начинался лес обычных размеров. Всё, что росло в каменном провале, казалось, обладало колдовскими способностями роста, или же там, на дне пропасти, были залежи чудо-удобрений. Все эти мысли прорабатывались в голове Антона во время того самого удивительно реалистичного сна об эдаком «вогнутом Конан-Дойлевском Мепл-Уайте».

После больницы, из-за потери приработка мостовщика, невозможности продолжать тяжёлые работы ещё несколько месяцев, Антона исключили из университета за неуплату. Он решил остаться с неоконченным образованием, ботаником без диплома. Охотин сумел устроиться лаборантом на полставки за самую мизерную оплату. На съём его крошечной квартирки в Ванкувере хватало. Благо, он был молод и о семье было рано подумывать. Страсти по спасению реликтовых лесов постепенно улеглись, поскольку правительство сделало первый шаг, пойдя на уступки мнению общественности, и заповедало часть уцелевших первичных дождевых лесов умеренного климата. Теперь Антон имел гораздо больше свободного времени для самообразования. Разочарованный во многом, он ворчал о том, что «в условиях такого дикого капитализма, как у нас, невозможно иметь гарантию заповедного места, как такового. Ведь понятие «незаходимая» в русском средневековье означало не только запретное, но и святое, а следовательно и заповедное место. Такой подход, увы, канул в Лету».

Постепенно он углубился совершенно в иную сферу деятельности – начал изучать историю своих предков. Он долго просиживал за тесным столом своей комнатушки за бумагами, дневниками прадеда, записками отца, историческими книгами. С отцом, жившим в верховьях реки Фрезер, на земле, впервые возделанной ещё дедом, у них установилась

долгая, основательная переписка. Отец Антона, Глеб Андреевич, был несказанно рад тому, что сын вдруг выказал интерес к истории семьи, которой он сам давно занимался. Совсем недавно, с началом горбачёвских времён, отец ездил в Советский Союз вместе с матерью и оба долго копались там в библиотеках. Кое-что нарыли, и тогда отец задумал книгу об истории семьи. Он был очень большим ретроградом и раздражался любым новшествам, применял с чувством, надо и не надо, архаизмы и употреблял вышедшие из обихода обороты. Например, Карибское море он именовал непременно Караибским. Правда, фермерская жизнь оставляла ему очень мало досуга, а любимые сыновья не желали ему помогать в семейном деле постоянно, а лишь в ходе своих редких приездов. Глебу Андреевичу было уже за пятьдесят, и он не мог трудится с былой неутомимостью в огороде и на скотном дворе. Жена помогала, как могла, но становилось ясным, что долго им в таком режиме не протянуть. Оставалось сократить хозяйство. Младший сын жил не первый год независимо, но они знали, что на учёбу ему не хватает и старались накопить, чтобы в случае, если этот гордец обратиться к ним, было бы что дать. Давно вставший на ноги, старший сын всегда был готов помочь брату. Но Антон не желал ничьей помощи, хотя поддерживал со всеми членами семьи тёплые отношения. Когда же Антон согласился с полной охотой продолжать дело отца в написании истории семьи, родители полностью оттаяли и простили своему отпрыску отказ

от работы на ферме. У старшего, Глеба, признанного во всём мире гляциолога, не оставалось времени на доведение всех записок предков до ума и это было простительно.

Антон, Николай и Сидор в Ванкувере (1994)

В Камчатку сослан был, вернулся алеутом.
А. Грибоедов

Год с лишним спустя Антон, в ходе очередной акции протеста против вырубки первичных лесов, случайно столкнулся на улице Ванкувера с Николаем Шеломенцовым. Охотин оценил понимание этим простым парнем с севера их нехитрых плакатов. Крепкий малый с лицом полукровки одобрительно кивал всем зелёным в их группе и выражал всем своим видом полную поддержку. Антону показалось странным, что этот малый избегает словесного контакта и больше выказывает своё одобрение мимикой, жестами. Вскоре Охотин понял, что английский парня оставляет желать лучшего. Потом ухо Антона уловило явно русский акцент незнакомца. Тогда Охотину пришло в голову, что он - турист из России и, судя по виду, имеет кровь сибирских народов-монголоидов. Антон заговорил с ним по-русски. Удивлённый Николай оживился и ошарашил собеседника изысканными архаизмами, от чего Антон подивился начитанности этого молодого человека. Охотин заметил, что Шеломенцов употребляет

большинство технических терминов, почему-то, на английском. Слово «машины», столь обычное в современной русской речи не было им произнесено ни разу! Выяснилось, что этот странный человек живёт всю жизнь на Аляске! Вскоре Антон понял, что Николай просто-напросто не владеет современным русским, но представляет собой уникальный экземпляр для изучения истории лингвистики. Когда же Антон услышал от собеседника «телефон» и даже «электричество» тоже лишь на английском, а вместо «километров», или «миль» – «версты», то Охотина окончательно осенило: «Этот человек провёл всю жизнь у себя на Аляске в общине изолятов!» Антон начал засыпать странного незнакомца вопросами. После окончания уличной акции Антон пригласил Николая на чашечку кофе, но тот смутился, сказав, что он не один. Тогда Антон охотно пригласил и его приятеля Сидора. Индеец держался отстранённо и, похоже, не испытывал особой приязни к кампании зелёных. Позже Николай объяснил Антону, что друг его не читает книг, а потому не ведает, сколь стремительно вырубаются леса. В понимании Сидора все зелёные осуждают охоту, призывают к вегетарианству, то есть выбивают почву из-под ног траппера. В ходе дальнейшей беседы, Антон поразился чистотой православной веры и помыслов Николая. Удивительный человек словно прибыл из прошлого, из дореволюционной российской глубинки! Шеломенцов выглядел чуть постарше, но оказалось, что он на год младше Антона. Николай опреде-

лённо выразил удовольствие лицезреть русского человека в Канаде и высказал предположение, что и здесь Россия некогда основала колонию и прислала переселенцев, на что Антон, улыбнувшись полному неведению собеседника, поведал ему о судьбе своего прадеда – белого офицера, отступившего с Врангелем из Крыма. Представления о поздней истории России Николай имел весьма своеобразные. Для него после 1917 года наступал какой-то провал – чёрная дыра. Временами приходилось переходить на английский, поскольку было неудобно перед Сидором, но индеец не проявлял к беседе особого интереса, а больше - к питию кофе. Николай же этот напиток не одобрял и пил его сейчас лишь с целью утоления жажды. Впрочем, на этом континенте отыскать добротно заваренный кофе не так уж просто.

Вдруг Николай повёл носом:

- Они не табак курят, табашники эдакие, но траву иную. Запахи-то уж мне ведомы. Чую.

Николай кое-как перевёл индейцу свои слова и тот утвердительно кивнул:

- Дрянь курят какую-то.

Антон и не почувствовал вони своим, испорченным жизнью в городе, обонянием. Тогда Охотин поведал им о канабисе и понял, что новые знакомые слышали смутно что-то о наркотиках, но явного представления о них не имеют. Неожиданно Николай рассказал, что Сидор поехал с ним сю-

да, в надежде увидеть свои тёзки-кедры. Все дружно посмеялись, и Антон обещал показать им хоть сегодня ближайшие гиганты в парке Стенли, что рядом с центром. Едва Антон собрался расплатиться за кофе, как Николай с Сидором запротестовали, заявив, что им неудобно, если он заплатит за всех. Стало очевидным, что у этих ребят денег очень мало и для них выложить что-то лишнее в едальне непростительная роскошь. Охотин настоял на своём и шагнул от их столика к стойке.

- О! кого я вижу! – ухмыльнулся ему в лицо, сидящий до этого к ним спиной, дюжий малый. – Ты ещё жив, ублюдок?

Антон узнал своего белого истязателя, бившего недавно ботинками по его голове, вызвав у него лёгкое сотрясение мозга. Охотин застыл, растерявшись: быть избитым повторно он не желал, но и молча выслушивать оскорбления, тем паче в присутствии новых знакомых, никак не мог.

- Ты – грязная скотина! – выдавил из себя Антон.

- Почему он так Вас оскорбляет? – спросил по-английски, возникший рядом Николай.

- Потому, что он, со своим дружком, избили меня недавно. Наверное, им это понравилось, - смутился Антон.

- Отвали, коротышка, - бросил громила Николаю, но тут же получил резкий удар в челюсть. Увесистый кулак крепкой руки Шеломенцова выбил пару резцов наглеца, окровавив его рот. Помощь Сидора уже не понадобилась: громила начал пропускать удар за ударом и вскоре распластался на

полу. Антон заметил, что хозяин заведения звонит в полицию и, бросив деньги за три чашки кофе, повлёк за собой друзей на улицу.

- Он был пьян, - продолжил уже на бегу Николай по-английски, - иначе бы я его не одолел так быстро. Сильный он человек…

Похоже было на то, что в общине на Аляске, уцелевшие русские не употребляют грязных слов и даже простых крепких выражений. Во всяком случае, самое грубое, что до сих пор Антон услышал от Николая было слово «говнецо». Антон с гордостью показал новым приятелям Марин Билдинг, бывший в его глазах главной достопримечательностью города – очень высокое для 1920-х здание в утрированном стиле ар-деко. Если Сидору понравились лишь морские твари среди замысловатых орнаментов, то Николай вполне оценил всю необычность высочайшего сооружения британских колоний.

Век в ожидании

В космографии же писано об Америке, яко стоит средь великого моря окияна, человеком вся та земля непостижна суть.

Из «Хронографа» энциклопедиста Сибири Семёна Ремезова (до 1720 г.)

Если самурай будет думать, что можно утешать себя мыслью о вечной службе своему господину или о бесконечной преданности родственникам, случится то, что заставит его пренебречь своим долгом перед господином и позабыть о верности семье. Но если он… думает каждый миг… о своём последнем мгновении, а глядя в лица родственников, он чувствует, что никогда не увидит их вновь, тогда его чувства долга и преклонения будут искренними, а его сердце будет исполнено верности… Молодые самураи никогда не говорили о выгоде или потере, никогда не упоминали о ценах и краснели, слыша разговоры о любовных делах.

Дайдодзи Юдзан

Охотин пригласил обоих новых знакомых остановиться в его тесной квартирке, и они, переглянувшись, неуверенно согласились. Было очевидным, что гостиниц они избегают, ночуют где-то на пустырях, и уже притомились от этого. В тот же вечер Николай поведал Антону историю своей общины. Охотин соотнёс его полулегендарный рассказ с историей российской Аляски, которую неплохо знал. Стало ясным, что Государь Император Николай Павлович повелел набрать отряд из казаков и поморов, чтобы развивать рыболовство на бескрайних просторах Аляски. Казаков - и в охранение и, как опытных речных рыбаков, поморов – как матёрых морепроходцев. Людей остро не хватало и отправляли туда их явно недостаточно на протяжении всей исто-

рии российской колонизации Аляски. Как следует контролировать новые необъятные просторы российские чиновники возможности не находили. Народ же не хотел ехать за тридевять земель. «Ещё и Амур не освоили, место впадения его не изучили, а тут за океян на острова отправляйся!» - говорили и при Николае Первом. Достоверное открытие Аляски свершилось в 1732 г. экспедицией Шестакова. Иван Фёдоров и Михаил Гвоздев подошли к «Землице большой» северо-восточнее нынешнего мыса Принца Уэльского. Только в 1741 году Аляски достигла знаменитая экспедиция Витуса Беринга и Алексея Чирикова, которые обследовали многие острова Алеутской гряды. Уже в 1760 году Гаврила Пушкарёв, решивший обосновать свои промыслы на Новой земле, дал ей название Аляска. Промышленник тот был уверен, что это большой остров, который туземцы называли «Аляской» - «Китовым местом». Но многие из простых людей считали Аляску островом ещё и при Николае Первом. Ходили промышляющие морского зверя по океану на утлых шитиках, строившиеся почти без гвоздей и «сшивавшиеся» с помощью ремней и китового уса. Только в 1784 году экспедиция Шелехова основала первую колонию - Павловскую Гавань на острове Кадьяк в Бухте Трёх Святителей. Медведи там обитали прегромадные. По велению Императрицы-Матушки была утверждена Американская Православная епархия. Не отставал от Шелехова и его конкурент – купец Лебедев-Ласточкин, воздвигший на Аляске в 1791 году Нико-

лаевский Редут и снарядивший экспедицию Василия Иванова к берегам Юкона, который называли тогда Квихпак. Через семь лет их компания разорилась, а шелеховцы уцелели. Они успешно обучали индейцев выращиванию репы и свёклы. В 1802 году хорошо вооруженные индейцы в расписных плащах из кедрового лыка, с лицами, вымазанными киноварью и волосами, осыпанными орлиным пухом, которых русские звали почему-то колоши, тогда как их самоназвание – тлинкиты, внезапно напали на русское поселение на острове Ситка «великою силою», подожгли крепость и уничтожили в гавани вновь построенное судно, истребив около двадцати русских и сто тридцать алеутов, которые в то время уже крещёнными были. До сих пор их старики носят русские имена и фамилии и чаще всего они - православные. Вскоре на побережье Ситкинского залива русские заложили Михайловскую крепость, ставшую столицей Аляски – городом Ново-Архангельском. Сам Александр Первый стал акционером Российско-американской компании. Каргопольский купец Александр Баранов стал правителем дел Российско-Американской компании в американских заселениях. Под его началом «на матёрой земле и на островах» Америки было около двухсот русских «промышленников» и тысячи креолов, родившихся от смешанных браков, новокрещенных индейцев. В столицу Российской Америки Ново-Архангельск мореходы привезли плоды хлебного дерева из Океании, пекли хлеб из калифорнийской муки. На Гавай-

ских островах туземный король Тамеамеа I подарил Баранову участок плодородной земли.

Петербург больше интересовала колония в Калифорнии. Директором её был назначен Николай Резанов, который умело вёл переговоры с испанскими властями, претендовавшими на всю Калифорнию[17]. Наиболее отдалённые русские ко-

[17] По словам американского адмирала Ван Дерса, проживи Резанов лет на десять дольше и Калифорния стала бы российской навсегда. В 1812 г. Иван Кусков основал Крепость Росс в 80 км к северу от нынешнего Сан-Франциско. Крепость стала самым южным российским форпостом в Америке вплоть до её продажи по причине убыточности в 1841 г. Была ещё и русская Елизаветинская крепость на Гавайях, но европейцы и американцы из-за неё начали угрожать России войной. Колонию эту упразднили. В крепости Росс появились первые в Калифорнии ветряные мельницы, судостроительные верфи, фруктовые сады, виноградники, производили мебель, двери, рамы, черепицу из секвойи, телеги, колеса, бочки, выделывали кожи, строились суда, некоторые из которых продавались испанцам, не имевшим до того времени здесь ни одного корабля. В Россе отсутствовали церковь, больница и училище, что было признаком неуверенности властей в возможности международного признания колонии. Но, к 1840-м годам, Ново-Архангельск счёл более выгодным покупать провизию у американской компании Гудзонова залива, чем везти её из Росса. Когда калифорнийская колония России была продана, один русский промышленник остался там и бежал с индейцами в горы. Они долго разбойничали, разоряя испанские опорные пункты. Судьбы его неизвестна. В 1784 г. Шелехов основывает первые официальные русские поселения на Аляске. Не обходится без тех же казаков-первопроходцев. К 1821 г. произошло международное подтверждение исключительных прав России на Аляску севернее 51-й параллели. В 1812 г., перед войной, в Калифорнии был основан городец Росс, ставший, как и Дионисиевский Редут, крайней точкой русского проникновения в Северной Америке. Англосаксы ещё едва добирались до столь отдалённых земель. Русские ещё и во Владивостоке не успели закрепиться. В 1824 г. заключён Российско-американский договор по Аляске, по которому

лонии испытывали затруднения со снабжением провизией. Поставляемая из России, она часто доходила на Аляску и в Калифорнию в испорченном виде, «Бостонцы» же, то бишь – купцы американские, покуда свою торговлю с Россией не наладили. Когда Резанов прибыл в Ново-Архангельск, он находился на грани голода. Резанов велел приобрести у американского купца Джона Де Вольфа полное продовольствия судно «Юнона». Но этого было недостаточно и Резанов направился в Калифорнию с целью купить провизию у испанцев. Эта миссия удалась на славу и деятельность Резанова послужила толчком к укреплению русских колоний в Америке.

Под руководством иркутского штаба Российско-американской компании городок Ново-Архангельск богател и, через полвека, его прозвали Тихоокеанским Парижем. Поначалу поморы на казаков косо смотрели: хоть и той же древлеправославной веры уральцы держались, а всё – не свои. Поговаривали: «Толк не тот, да и какие-то странные оне». Такие рассказы помнил Николай с детства. Отец его вёл историю рода от тех самых переселенцев-уральских казаков, что прибыли на Аляску во времена правления Николая Первого, имел и каплю индейской крови. Но постепенно сошлись казаки с поморами и дружить стали. Предки матери Николая

восстановлена свобода плавания и ловли рыбы, но русские владения ограничены 54-й параллелью.

имели поморские корни, но в ней половина крови была индейской. Поморы успешно обучили уральцев рыбному и тюленьему промыслу в море. Поговаривали аляскинцы о благодатной русской земле на юге в некоей Крепости Росс. Казаков тянуло в привычные более тёплые и сухие края.

- В 1851 году Государь Император повелеть соизволили: объявить Российско-американской компании, что полезно бы оной безбояно заняться по примеру других частных лиц добыванием золота в Калифорнии, - продолжил свой незамысловатый рассказ новый чудной друг Антона. – Помню, что именно так и записано в грамоте, сохранившейся от предков наших. Старик отец мой хранит ту грамоту бережно. Как предкам нашим она досталась – не ведаю. Некоторые переселенцы наши возжелали тогда на поиски того золота отправиться, но путь в Калифорнию был слишком долог, а судно для цели сей долго не давали.

- А сохранилось ли у вас в семье предание о том, как продали Аляску? – спросил Антон, с жадностью готовясь услышать нечто новое для историков из уст такого «квазисовременника» всех региональных событий прошлого столетия.

О знаменитой продаже Антон припоминал лишь из прочитанного, что американская общественность оказалась недовольной, навязанной Россией покупкой, и газеты тех лет завопили: «К чему нам пятьдесят тысяч эскимосских жителей, каждый из которых в состоянии выпить за завтраком по

полведра рыбьего жира?» Помнил Охотин и о том, как российский представитель дал журналистам и политикам взяток на сто тысяч долларов, чтобы они убедили Конгресс США раскошелиться на Аляску. А тогда доллар был отнюдь не нынешним. Речь шла о миллионах современных зелёненьких. Но были среди власть имущих янки и сторонники покупки, которые заявили, что Америка должна отплатить России сторицей за её поддержку северян в годы Гражданской войны. Генерал Бенджамин Батлер призвал выплатить России деньги, но оставить ей Аляску[18].

- Неожиданно в общину нашу явился никонианский священник, - простите за то, что так говорю… - смутился старообрядец Николай, - и объявил, что вся колония временно закрывается и часть переселенцев возвращается в Россию. Вернуться захотели все, но места на судах, как говорили, не хватало. Ну, и оставшихся просили ПОДОЖАТЬ покуда за ними вернутся. Отец наш всю жизнь призывает нас ЖДАТЬ царского на то повеления. Да только будет ли в Расее Царь?

- Когда свершалась передача Аляски, Ваши предки были

[18] Российская общественность тоже недоумевала таким решением своего правительства: «Продажа или уступка нашей колонии Росс на берегу золотоносной Калифорнии в 1841 г… позволительно ли повторить теперь подобную ошибку? И неужели чувство народного самолюбия так мало заслуживает внимания, что им можно жертвовать за какие-нибудь 5-6 миллионов долларов?» - возмущался А. Краевский. Русские первопроходцы, незадолго перед продажей Аляски, уже начали было находить всё больше золота на Юконе, но администрация заявила, что возможностей его добывать Аляска не имеет и эти сведения следует засекретить…

ещё в Ново-Архангельске?

- Община наша была далеко на промыслах и связи с ней в краткий срок быть не могло. Всё оказалось слишком уж неожиданным. Но кое-кто из наших старейшин находился в Ново-Архангельске тогда. Одним из них был прапрадед мой. Из уст в уста передавалось в семьях общины нашей повествование о том, как капитан Алексей Пещуров, капитан Фёдор Коскуль от Российско-американской компании и главный правитель российских колоний капитан князь Дмитрий Максутов торжественно передали Русскую Америку американскому генералу, кажется - Руссо. Случилось то в году 1867 году. Начали было замену флага на флагштоке перед домом главного правителя. Войска выстроились у флагштока, и два унтера стали спускать флаг Российско-американской компании. Все сняли фуражки, солдаты стали на караул. С кораблей было сделано сорок два выстрела. Но русское ЗНАМЯ никак не хотело спуститься. Оно запуталось за веревки на самом верху, и фалинь, за который его стягивали вниз, оборвался, стало быть. Несколько наших матросов бросились карабкаться наверх, чтобы распутать знамя. Проворный матрос сбросил знамя сверху, и оно сподобилось упасть прямо на русские штыки. Не к неизбежной ли то войне с Америкой? Все подданные Государя российского, жившие на Аляске, могли по своему выбору либо остаться в русском подданстве, либо принять присягу Америке. Всего в колонии нашей было восемьсот двадцать три человека,

девяносто из которых изъявили желание остаться. Но когда новый гарнизон американских солдат начал пьянствовать, всё крушить и бесчинствовать, некоторые из желавших поначалу остаться, поспешили на последний корабль. Как рухнула православная община, уехал батюшка, так и началось. Алеуты вдруг нелюбезными стали и потянулись распри за участки побережья, где русским позволяли рыбалить. Русские сплачивались всё больше и зажили единой общиной, но их, мало-помалу, выжили. Алеуты попёрли русских с побережья, хотя много лет жили бок о бок и помогали друг другу. Русским пришлось уходить в горы от бедства, новинщиками и чуть ли не бегствоживцами[19] становиться. Наверное, сказалось тогда и пьянство прибрежных народов. Они заимствовали у русских слово «квас», но под ним подразумевали гадкую крепкую бражку из сахара с мукой. Индейцы быстро дурели от неё и не могли остановиться.

- Но, по сравнению с более южными прибрежными племенами Британской Колумбии, алеуты легче уживались с пришельцами[20], - заметил Антон.

- Точно не знаю. Но русским и от них досталось. Дружба

---

[19] Новинщик - тот, кто поселился на расчищенных от леса землях. Бегствоживец - пребывающий в бегах, скрывающийся.

[20] Нутка, маки и прочие имели высокоразвитые искусство и зодчество, но были и искусными воинами, видя врага в каждом чужаке. Они успешно отражали набеги боевых каноэ северных соседей, но и сами стремились добыть славу, захватив невольников. Пленников обращали в рабство, а владение рабами доставляло почёт в племени.

пошла врозь.

Из дальнейшего, не очень связного, рассказа Николая Антон понял, что в глубинной тайге туго пришлось, как поморским семьям, привыкшим к суровому морю, так и казакам – обитателям степей. Но уральцы оказались в этих краях несколько более умелыми, как степные охотники, и научили своему опыту поморов. Община старообрядческая была невелика – семей по пять-шесть казачьих и поморских столько же, и было решено заключать браки смешанные, а не только внутри-казачьи и внутри-поморские. Дедушки-священники положили новые правила единой общины и, помимо заботы о потомстве здоровом, порешили не покидать этих мест, покуда Государь Император не повелит за ними суда прислать, в противном же случае, - держаться на этой земле, которую они твёрдо считали русской. Вся жизнь последующих поколений была пронизана чувством ОЖИДАНИЯ того, что вот-вот должны прийти русские суда, привезти больше народа русского «для расплоду и освоения земель пустых». Поколениями строили они новый храм, задумав его непомерно большим для своей общины, в надежде на прибытие очередной партии переселенцев. Бывшую церквушку, что возвели на побережье, спалили обезумевшие алеуты. Тем паче важно было соорудить новую и гораздо большую, пусть даже вновь не из камня, а из дерева. С новыми

соседями-«алеутами[21]» русские опять же, поначалу, поладили. Вскоре обнаружили переселенцы странное племя светлокожих индейцев, на побережье до того не появлявшееся, но немного владевшее русским! Более того, оказалось, что эти люди, зачастую бородатые, выглядевшие скорее европейцами, общаются между собой на русском исповедуют древлеправославие! Уверяли чужаки, что они прибыли с новгородской стороны на своих кочах задолго до других русских. Уж и не помнят, когда это точно случилось – поколений пять назад, не меньше. Задолго до Ново-Архангельска основали они своё село поморов – Русское Устье[22]. «Хорошо, что Бухта Головина и посёлок Головин пока ещё существуют на Аляске» - подумал Охотин.

Прослышав о несметных стадах «быков огроменных», о бизоньей охоте далеко на юге, двое молодых ретивых казаков, лет около двадцати им было, ослушались дедушек-на-

[21] Русские на Аляске называли алеутами всех индейцев.

[22] Существуют предания, что на аляскинское побережье поморы или новгородцы, ушедшие на восток, высадились раньше других европейцев. Но возможно, что речь идёт о периоде не более раннем, чем экспедиция Семёна Дежнева в 1648 г., основавшая поселение Кынговей. Алеутский вождь-тойон рассказывал в 1779 г. казачьему сотнику Ивану Кобелеву, что жители Кынговея и Русского Устья сохраняли русский язык и письменность, поклонялись иконам и имели богослужебные книги. В 1818 г. один эскимос сообщил исследователю Арктики Петру Корсаковскому, что общался с «бородатыми людьми, одетыми в троеклинки, выделанные из оленьих кож, обутыми в высокие сапоги и вооружёнными медными мушкетонами».

ставников и отправились туда в начале 1870-х, мол, безблудно[23] разбогатеют там. Да оказалось, что уж поздно: бизонов-то почти не осталось. Вернулись еле живые, обнищавшие, оголодавшие. «Далече же, однако. Проложили там какую-то дорогу страшную, железную, а с неё тех быков перестреляли, - сказали странники. - Вдругорядь умней быть надобно». Так, в третьем поколении уже, сидели, ожидая прихода царских судов с Камчатки. Для того, чтобы удостовериться, а не прибыли ли на побережье русские суда, по традиции спускались русские общинники с гор на алеутские земли не реже раза в год. Решили старейшины позволить жениться на индейских девках и тех метисках новгородских, дабы потомство общины крепкое впредь было. То, что давно уральцы с поморами смешались, так оно и забыто было. Но некоторые были против браков с индейцами, мол, отчего тогда бы и не с христианами и белыми? На то достойный ответ дал дедушка, всеми в общине почитаемый: «Индейцы ныне тоже христиане всё чаще, а главное, не латиняне злобные и не пасторы лицемерные. Главное, что мы их всякий раз православными запросто сделаем, но не сможем спорить с англосаксами, упорствующими. ЖДАТЬ жёны аглицкие не станут, в отличие от индианок. ЖДИТЕ, дети мои, и русские к нам вернуться. Не за нами, нет. Так и говорю – к нам, с новыми переселенцами! Поднявшись на земле пустой, ЗНАМЯ русское, не опускается, как завещал Государь наш». Кто на-

[23] Безошибочно.

чинал пререкаться, мол - «морды нерусские станут, уж лучше на гликанках жениться», дедушка – начётник знатный, пресёк, отрезав: «Важнее веру отцов сохранить, чем морду лица сваво. А кто русский по духу и веры нашей, тот своего отличит». Те самые бизоньи странники уже яростно противились желанию их сыновей отправиться за золотом, когда община прослышала о Клондайке. Но, выбравшись лишь в 1899 году в Доусон, они припозднились к дележу участков, которые уже истощились к тому времени. Правда, узнав о золоте неподалёку на аляскинском Юконе, поспели туда вовремя и намыли не так уж мало. На обратном пути их ограбили бандиты и лишь один из двоих уцелел, в отчий дом воротился. Постепенно приспособилась старообрядческая община промышлять красную рыбу в горах, лося. А о злате и думать забыли. Антон невольно вспомнил романы Купера о том, как Натаниэлю Бампо стало не на кого охотится в районе Великих озёр, где леса оскудели уже в конце восемнадцатого века и пришлось ему уходить в прерии, края бизонов.

В их общине так и не возникло полной ясности о том, что же произошло в России с начала XX века? Все они слышали о революции и о том, что Царя не стало, относясь к этому с настороженностью и теряясь в догадках, что же будет дальше. Слышали и о том, что православие там стали преследовать. Когда стало ясным, что нового Царя уже не будет, в общине пошли разговоры о том, что ЖДАТЬ суда к ним из

России больше не следует, мол, нет Царя, так некому обещание выполнять. Община раскололась на желающих уехать на Родину и опасавшихся, что там теперь худо стало. Авторитет старейшин удерживал людей от опрометчивого шага – отъезда в Россию. Да и средств на то ни у кого не было. Только рассуждали, сотрясали воздух целых полвека.

Утром Охотин заметил, что Николай по простоте своей, скоблит свои жидковатые усики бритвой хозяина квартиры, но промолчал, тут же простив всё этому удивительному человеку. Антон повёл гостей в парк Стенли, в котором уцелело немало могучих красных кедров. Когда Сидор оказался рядом с таким великаном и своим тёзкой, он изменился в лице, подошел к могучему стволу и простёр руки к небу. Индеец начал разговаривать с деревом на своём языке, и беседа оказалась весьма продолжительной. Присутствующим рядом казалось, что дерево непременно отвечает Сидору в моменты пауз, индеец понимает его слова, но другим услышать его не дано.

Трапперы в чуждой среде

Города разрастаются по телу Земли, подобно язвам.
Б. Гржимек

Потомка Уральских казаков с поморской и индейской

кровью, по линии казаков – павловского единоверца, а поморов – последователя древлеправославного федосеевского согласия, не нравилось в городах. Чурался их и Сидор. Оказавшись впервые в Анкоридже, Николай и Сидор поразились, что прохожие на улицах не здороваются друг с другом! Люди в городе не знают никого из соседей! Они совершенно чужие друг другу и их ничто не объединяет. Было похоже, что всякий постоянно подозревает окружающих в недобрых намерениях. Но по сравнению с небольшим Анкориджем – крупнейшим населённом пунктом, который им довелось посетить до Ванкувера, столица Британской Колумбии показалась им сущим адом. От смрада было нечем дышать, автомобили непременно норовили сбить их с ног, но более того не нравились им люди этого человеческого муравейника. Не заглядывался Николай в жаркий день и на полуголых девиц, а лишь давался диву и плевался: «Бестудие одно: наполовину ягодицы высовывают, бессрамницы! Бесодерзостен народ тут у вас, а город - бесодохновенный[24]…» Когда же они пересекли квартал Чайна-тауна, и аляскинские парни увидели там непомерное количество наркоманов и спившихся, угнездившихся на каждом газоне этого района, им стало и вовсе не по себе. А тут ещё и сектантский проповедник-истерик ошарашил своим хлещущим через край потоком эмоций. Неподалёку от него им попалась странный храм, по виду

[24] Бесстудие – бесстыдство, бесодерзостный – одержимый бесом, бесодохновенный – созданный по дьяволову напущению.

– Божий. У входа в бывшую пресвитерианскую церковь висело объявление о гала-рок-концерте, который в ней состоится на днях. Поверх двери реял радужный[25] гейский флаг. Оба траппера слышали о каких-то голубых, розовых и трансвеститах, но весьма смутно представляли себе, что это такое. Когда Антон объяснил им значение подобной символики, называемой «флагом свободы ЛГБТ», бывшей тогда ещё всем в диковинку в Канаде, как русский, так и индеец из аляскинской глуши изменились в лице.

- Как так? Здесь же подобает быть храму Божьему… Дышать не могу спокойно – смрад одолевает, - посетовал Николай, постаравшийся поскорее удалиться от этого места, осеняя себя крестным знаменем. - Как говаривал наш старейшина: «В тайге жизнь дивная, в городах – смрадная». И он прав. Тяжело в тайге выжить, но красота и чистота в лесу, а здесь – срам один и условия нежитные[26]. Бабоватые бесоугодники какие-то вокруг ходят. Бесобояние[27] индейцев наших – детский лепет рядом с греховностью горожан.

- Главное, что вместо того, чтобы успокоиться на том, когда им дали свободу, активисты ЛГБТ продолжают усиливать свою пропаганду, завоёвывая ниши в органах печати,

---

[25] Флаг призван отображать единство в разнообразии, красоту и радость сообщества лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендерных личностей. Впервые появился в 1978 г. в Сан-Франциско. Тогда же, впервые, открытый гей Милк был избран на политический пост.

[26] Нежитный - невыносимый.

[27] Идолопоклонство.

телевидении, стремясь, если это возможно, глумливо проявить свою безнаказанность, как здесь – водрузив свои греховные атрибуты на, ставшую безмолвной, слабой, церковь, - добавил Охотин.

Когда они вернулись в квартиру Антона, Николай размашисто перекрестился на икону, которая напоминала ему старообрядческую, и долго молился. Антон по-доброму завидовал сколь глубока и органична вера нового друга. Несмотря на то, что вера предков была привита Антону в семье с пелёнок, он, как биолог и эволюционист, подвергал всё сомнению невольно. Но этот поразительный человек из тайги нисколько не задумывался над достоверностью библейских истин даже и читая немало научно-популярной литературы. О науках и охране природы оба молодых человека находили общий язык. Антон поведал новому другу о том, что его раздражают новые голоса работников лесного хозяйства уверяющие, что лесные гари и даже вырубки не страшны и после частичного выгорания, лес быстро восстанавливается, а биологическое разнообразие якобы возрастает. «Как можно сравнивать ущербные вторичные лесочки с величием девственного леса!» - негодовал Охотин. Шеломенцов не понимал многих специфических терминов и, в особенности – по-русски, поскольку его познания в науках были почерпаны в английских книгах. Тем не менее, он быстро схватывал новую информацию и молниеносно и твёрдо запоминал новые слова из обоих языков. Потом Антон подкинул ему несколько своих лю-

бимых книг из русской классики, а также историю российской смуты начала XX века, написанную эмигрантами первой волны. Оказалось, что в доме Николая имеется немного книг из старых аляскинских библиотек Баранова-Лисянского[28], но много меньше, чем в доме Охотиных. Вечером Николая нельзя было оторвать от «Вечеров на хуторе». Чтобы не вынуждать его не спать ночь, Антон обещал, что позволит ему их увезти с собой, с условием возврата при следующей встрече.

Билли и Клаубер в ту ночь опять перебрали и утром ноги понесли их в заведение, где можно было похмелиться пораньше. Оба молодчика могучего телосложения сидели с кислыми лицами за джином с тоником, вяло жуя окорочка «кентукки фрайд чикен», надеясь избавится от тяжести в голове. Помимо выпивки, вошедшей в ежевечернюю привычку, организм громилы Билла Мэлви требовал три раза в день

---

[28] Баранов построил на острове Кадьяк здание библиотеки, куда из Санкт-Петербурга было доставлено много книг, журналов, картин. Известно, что там имелись труды Ломоносова, басни Дмитриева, «Описание Камчатки» Крашенинникова, книги по истории Америки и Азии, «Жизнь Робинзона Крузо, природного англичанина», руководство по металлургии и горному делу, пособия по разным ремеслам, портрет Суворова, картины Жана Батиста Грёза. Подростков в аляскинских школах, включая индейцев, обучали не только русскому языку, но и французскому, и не только ремеслу, но и географии и математике. Пушкина восхищал энергичный русский деятель, который завёл в Российской Америке школы, возвел крепости, построил верфи. По инициативе Лисянского была создана библиотека в Ново-Архангельске. Позже хранителем книг стал отец Яков.

мясного. Билл, по прозвищу Икзэмпл (то есть - Пример, поскольку он любил начинать фразу с «например, я…») работал на скотобойне уже много лет, душа его чернела от вида крови, но и требовала мяса, хотя у других сотрудников случалась и обратная реакция. Если кто-то из коллег говорил об этом Биллу, тот обзывал его фарисеем, мол, Бог создал скотину для насыщения чрева нашего. Билл ненавидел вегетарианцев. Прапрадед Мэлви некогда спаивал индейцев в болотах Миссисипи, имея там нелегальные винокурни, где он гнал дешёвое бренди. Прапрадед также воровал негров-рабов и перепродавал подешёвке, имея неплохой куш. Иной раз забирал себе смазливых негритянок, что помоложе. Дед же, был деятельным помощником ку-клукс-клановского лидера. Его цветной напарник и не подозревал такого о предках Билла. Клаубер Айронсайд по кличке Горилла, а также - Зимородок поглощал мясного не меньше, но больше рисовался перед окружающими, вычурно одевался и любил роскошные автомобили, пусть даже они и были куплены подержанными. Его новый излюбленный джип выражал всем своим видом агрессию, как и его хозяин. Гадкий оскал автомобиля напоминал ухмылку владельца. Клаубер – дитя улицы из полунищей чикагской семейки, уже давно стал профессиональным гангстером и доходы его были куда выше, чем у начинающего Билла. Правда, ему пришлось однажды, на пару лет, удрать из Штатов. Его белый приятель, как и сам Айронсайд, не ведали о том, что пращур Клаубера был одним из сотни

отпрысков западно-африканского царька, имевшего три сотни очень упитанных жён. Этот правитель успешно сбывал белым работорговцам людей из соседних племён подешёвке. Позже в его владенья вторгся более сильный царёк и разбил воинов-соратников пращура Клаубера. Захваченные в плен дети поверженного царька были тут же проданы тем же работорговцам. Так, прямой предок Айронсайда оказался в Луизиане. «Я пью только один сорт пива - «Кингфишер[29]», - гордо заявлял в пивнушках Клаубер во всеуслышание. – Индия производит – даже йоги пьют - понял, да? Все прочие сорта – тухлая моча и я не потерплю, чтобы в моём присутствии кто-то посмел открыть другое пиво!» Неподчинение соседа по пивной его самодурству грозило избиение. Клаубера не раз сажали ненадолго за драки. Выходя из острога, он ловил на улице бармена, который, по его предположению, доносил, и избивал его. При этом Железнобокий (возможный перевод фамилии Айронсайд) одевал маску и перчатки, чтобы тот не разглядел его цвет кожи: негров в Британской Колумбии мало и полиции было бы просто на него выйти. В то утро Клауберу отнюдь не хотелось затевать никакие свары. Его занимала лишь одна мысль: скорее бы избавиться от головной боли, не давшей выспаться после бражной ночи. В это время, в то же заведение, вошли Охотин с двумя своими новыми друзьями. Выяснилось, что в холодильнике Антона

[29] Зимородок (англ.), также и название индийского пива. Изначально - из Бенгалуру (Бангалоре).

не осталось ни крошки для завтрака. Их глаза ещё не привыкли к полумраку, и они не разглядели лица единственных двух посетителей кафе.

- Клаубер, это те самые, - мрачно произнёс Билл. – То был именно этот коротышка-индеец. Он посмел ударить меня! Лично я люблю чёрных ребят, но краснокожих уважать не могу.

- Который из двух краснорожих? – спросил чёрный парень, вскинув бровь.

- Тот из них, что в плечах пошире.

- И такой сопляк завалил тебя, Билли, лишив пары резцов? – осклабился Клаубер. – Он должен вернуть тебе деньги, потраченные на дантиста, не так ли?

- Ему придётся заплатить за свои зубы гораздо больше. Например, я лично, если уж бью, то со всей скрупулёзностью. Да он не к стоматологу пойдёт - к хирургу и будет полгода сосать бульон через трубку, красуясь с загипсованной челюстью.

- А студента долговязого я узнаю. Мало ему тогда показалось? Мы можем добавить и без награды от посредника из «Блудел». Но мне надо выпить, или дождаться, когда они меня разозлят. Иначе как драться с утра раннего? – развёл руками негр. – Скажу тебе, как на духу, Билл: не расположен я нынче к мордобою. Душа не лежит.

- В самый раз подраться. Башка-то и пройдёт от встряски, - буркнул Билл.

- У вас, белых, всегда гнильца какая-то найдётся. Абы докопаться до человека. Сам и маши кулаками. Не уж-то сам с ними не справишься? А тот длинный так и вовсе ни на что не способен.

- Чёрт с тобой, Зимородок недоделанный, - Билл резко шагнул к Николаю, сидевшему к нему спиной, и занёс руку, чтобы свалить его со стула боковым ударом в висок.

Но проворный Сидор опередил Билли, пустив ему в физиономию свой омлет вместе с тарелкой. В тот же миг Николай стремительно развернулся, успев скользнуть рукой по своему высокому ботинку. Когда он встретился глазами, с поднявшимся с табурета у стойки бара негром, тот заметил блеск стали в руке парня с Аляски. Рука Николая сжимала короткий, но крепкий и широкий охотничий нож с односторонней заточкой и прямым обухом:

- Мы в лес без оружия не ходим - привычка. А город ваш опаснее любого леса.

- И на крупного зверя управа найдётся, - добавил Сидор, вставая навстречу громилам.

Встал и Антон, хотя он отнюдь не уверен, что сможет оказать достойное сопротивление. Несколько томительных минут противники мерили друг друга взглядами. Билл протирал глаза, плохо видящие от, попавшего в них, маргарина.

- Не честно получается, - философски заметил Клаубер, ухмыльнувшись, - их больше и у них есть оружие. Встретимся в другой раз. Продолжим наш завтрак, Билли.

- Разумное решение, ребята, - коротко бросил им Николай и демонстративно уселся вновь спиной к ним.

Когда Антон со своими гостями покидал кафе, со стороны стойки донёсся хриплый голос Билла:

- Не жить вам в этом городе больше!

Никто не удостоил его ответом. Когда трое посетителей кафе оказались за дверью, Билли и Клаубер начали требовать от бармена звонить в полицию и жаловаться на то, что всякая шваль с раннего утра угрожает мирным жителем холодным оружием. Бармен всё видел своими глазами и не соглашался со своими клиентами, усматривая в их действиях первопричину агрессии. Неожиданно он вспомнил физиономию Клаубера и спросил, а не налить ли тому «Кингфишер»? Негр пристально посмотрел в глаза бармена с безмолвной угрозой и вышел вон, не обращая внимания на Билла. Выяснять отношения с полицией, а тем более наткнуться на хорошо знакомого полисмена ему не хотелось.

- А бриластый[30] малый тот, что чёрный, кого угодно в рукопашной одолеет, - заметил Николай Антону по-русски по пути домой.

Через день оба парня с Аляски должны были поспеть на самолёт: встреча с кедром в парке произошла успешно – пора и к делам вернуться, мол, «ноябрий-месяц придёт – пушной промысел начнётся и до апрелия-месяца». Сюда оба

[30] Толстогубый, губошлёп.

прибыли на рыболовецком траулере. Через посредничество знакомых рыбаков-алеутов им позволили добраться на юг бесплатно. За это они драили каждый день палубы и трюмы судна. В свободные минуты они наслаждались видами, низвергающихся в океан, ледников неописуемой красоты. Сэкономили немало и теперь могли себе позволить билет на самолёт. Оба они ещё ни разу в жизни не летали и ощущали лёгкое волнение. Душевно прощаясь в аэропорту, друзья договорились писать друг другу по электронной почте. Интернет-кафе развелись по всем крупным посёлкам Аляски, Николай об этом слышал и, поскольку ему приходилось раз в месяц покидать общину и ездить на коне в ближайшее поселение, где была библиотека, по разным делам, он обещал писать Антону каждый месяц. Даже Сидор расстался с Охотиным очень тепло, позабыв о «зелёных грехах» нового друга. В последний момент Антон вспомнил о ноже в сапоге Николая и посоветовал ему сдать оружие в багаж, если он не хочет лишиться ножа. Охотин возвращался домой, невольно оглядываясь, памятуя угрозы гангстеров. Он решил избегать хождения по улицам без тёмных очков и кепки. Оказаться вновь в больнице очень не хотелось, а изучить какое-либо боевое искусство стоило времени и денег, которых не было.

Расставшись с новыми друзьями, Антон подумал, что если с Николаем у него и завязалось подобие дружбы, то его отношения с индейцем никак нельзя было назвать истинно

дружескими: в них чувствовалась неистребимая отчуждённость. «А насколько глубоки дружеские чувства между Ником и Сидором? Не уверен, что и между ними - полное взаимопонимание. Ведь мы – носители земледельческой культуры и нам непросто понять мировоззренческие особенности кочевников-охотников». Под влиянием рассказов Николая, Антон решил твёрдо, со всем максимализмом свойственным его возрасту и характеру, что он никогда не возьмёт себе в жёны белую канадку, или американку, но лишь русскую, или индианку. В этом решении сыграл немалую роль и его личный печальный опыт. Пару лет назад Антон увлёкся скромной девушкой из их университетской группы из пуританской семьи, которая имела очень малопривлекательную внешность, одевалась скромно и несовременно, и над ней иной раз зло шутили сокурсники и сокурсницы. Именно её особенность, непохожесть на раскованных прочих девиц, привлекли Охотина и постепенно он, по-настоящему, влюбился. Однажды он ударил глумливого парня за гнусную реплику в её адрес и, с тех пор, у него начался роман. Строгость воспитания подразумевала, что она не ляжет с ним в постель до заключения брака и Антон полностью одобрял это. Во всей этой ситуации было нечто от прапрадеда Глеба Гордеевича, жена которого была тоже очень непривлекательной, по сравнению с видным Охотиным, но она-то была очень умна, в отличие от подруги Антона. Любовь его внезапно начиталась экстремистко-феминисткой литературы, включая тал-

муды мадам Зонтаг, и совершенно чокнулась на этом. Всё началось с того, как она с раздражением заявила Антону, что не нуждается в помощи одеть плащ, что способна сама себе помочь. Это стало началом разрушения отношений, которые, буквально за месяц, сошли на нет. Она потеряла возлюбленного, но гордость феминистического чувства оказалась для неё важнее. Антон так и не узнал, сожалела ли она когда-нибудь об их ссоре, поскольку с тех пор не желал её видеть. Оглядевшись повнимательнее вокруг, Антон стал замечать вокруг лишь оголтелых феминисток и никого более. Так, постепенно, созрело решение Антона найти себе русскую невесту, отправившись в Россию, или на худой конец – на восток страны. В Британской Колумбии было намного меньше славянских переселенцев и почти было не сыскать православный храм. Антон знал один храм в Ванкувере, но он был далек от его квартиры и обычно закрыт. Наконец, и священник в нём Охотину не нравился. Ехать же на восток страны было далеко, дорого и не особенно хотелось. Охотин подумал, что с такой целью лучше всего отправиться на время, а то и навсегда, в Россию. Но пока он был слишком молод для серьёзных матримониальных планов. Кроме того, Антон решил поскорее устроиться на ускоренный курс кикбоксинга, чтобы никогда больше не быть униженным подобными подонками, что непозволительно и недостойно для потомка офицера Русской Императорской армии. Впрочем, он прекрасно отдавал себе отчёт, что для офицера тех времён вся-

кое мордобитие было неприемлемо, но лишь выяснение отношений посредством оружия. Что поделать – времена меняются.

8. Хатчинсоны и Эроны

О тихий Амстердам,
С певучим перезвоном
Старинных колоколен!
К. Бальмонт

В Бедламе нелюдей
Отказываюсь – жить…
Неподражаемо лжёт жизнь.
М. Цветаева

По прошествии девяностых годов, лесоповальщики острова Ванкувер признали себя безнадёжно проигравшими защитникам леса. «Блудел» частично перепрофилировался, а отчасти перебросил свои разработки далеко на северо-восток. «Недавно мой непутёвый сыночек опомнился и понял, что пора бы ему подыскать солидное место работы. Дошло, что доходы отца поумерились. Но и здесь он пошёл своеобразным путём и увлёкся, входящим в моду, восхождением на знамениты вершины, - размышлял постаревший, но всё ещё видный и стройный мистер Хатчинсон. – Ладно бы, в

самом деле восходил, обладал бы физической формой должной. Нет! Он идёт до одного из лагерей под самым трудным участком, где уже нужна немалая тренировка, а потом вызывает за счёт папаши вертолёт, чтобы его эвакуировали из-за недомогания. Ему даже лень возвращаться тем же путём! После этого он заказывает себе визитную карточку с силуэтом ледового пика, что немного помогает при поиске работы в принципе. Вбил себе в голову, что восьмитысячник в портфолио – гарантия для удачи в собеседовании. Но миссис Хоули его разоблачила и включила наглеца в свой чёрный список[31]. Достойную работу паршивец так и не нашёл. Бездельник! Он позорит наш трудолюбивый истинно протестантский род! Добрая англиканская семья, выбившаяся в люди ещё в девятнадцатом столетии, когда это было куда сложнее, чем нынешнему расслабленному поколению! Стали мои достойные предки всеми соседями уважаемыми, прихожанами нашей церкви, а потом и дворянские отпрыски позарились на растущий капитал нашего семейства. Произошло вливание голубой крови в купеческий род. Мы заложили основы процветания нашей страны! - Сирил вспомнил о

[31] Американская журналистка Элизабет Энн Хоули (1923-2018) в 1960 г. переехала в Непал и осталась там до конца жизни. За 40 лет создала обширную «Гималайскую базу данных», в которую внесены записи о более, чем 4000 горных экспедиций и более, чем 36 тысячах альпинистов. Была также заместителем руководителя, основанной самим Хиллари, покорителем Эвереста, благотворительной организации, занимающейся помощью коренным жителям. Хоули могла всегда узнать на какие вершины выданы разрешения на восхождения, а потом контролировать были ли они сделаны на самом деле.

коллегах по ротари-клубу в Виктории. – Респектабельные отцы города… Правда, некоторые из их родственников недавно участвовали в строительстве моста в Бангладеш и опозорились, будучи уличёнными во взяточничестве. Во всяком случае, мы, Хатчинсоны, ничем не хуже. Разве что все леса посводили… Да и услугами рэкетиров иной раз пользуемся… Мой дальний предок – помощник капитана Ванкувера, увидев, вместе с капитаном, немыслимое богатство прибрежных лесов, сразу смекнул, что «здесь можно создать второй Великий королевский флот и получше старого. Да что там британский флот. Хватит на флот всей Европы!». Его слова сохранены в родовой памяти! Он первым оценил запасы древесины этих краёв, не подозревая, что его потомки развернутся здесь со всей энергией трудолюбивых протестантов. Да, наш начальный капитал стоил почти всех лесов сосны каури Новой Зеландии… Право, к сожалению об истреблении столь великолепного дерева. «Каури Тимбер Компани» остановила вырубку только с того момента, когда это перестало себя оправдывать… Случилось это в 1925 году. А ведь уже не бедствовали в те годы... Но мы… А что янки, уже в наше время, с лесом на месте месторождений золота на Новой Гвинее сотворили? Или в копях Западной Африки с их алмазами? Чем это лучше? Наши предки опустошили север Новой Зеландии ещё в середине девятнадцатого века. И тогда всё это воспринималось совсем иначе. Мы хотя бы используем лес, а не просто его крушим подобно бразиль-

цам и перуанцам, высвобождая угодья для пастбищ и соевых плантаций. Там давно усердствуют американские, а не канадские хладобойные компании «Армор», «Кинг ранч», голландская «Брунзеел». Первичный лес рубится ради выращивания на его месте кормовой травы для быстрого производства говядины, сжигается как топливо на электростанциях… Мы не уподобляемся неоколоизаторам вроде янки Ладвига, Селвига, Макглона, которые эксплуатирует дешёвый труд амазонских индейцев, сводя их леса. Дэниел Кейт Ладвиг отличился больше всех в своей империи на реке Жари с четырьмя тысячами полунищих батраков-бразильцев, куда океанские суда доставляют всё, что его душе угодно. Ведь Ладвиг подвластен лишь юрисдикции США. Вместо вырубленной, на добром миллионе гектаров, сельвы, Ладвиг сажает африканскую гмелину, дающую очень быстрый прирост древесины. Прямо из Японии к нему доставлена плавучая бумажная фабрика. Говорят, он добывает там бокситы, каолин и титан. Собирался строить алюминиевый завод небывалой мощности, для чего требовалась целая новая гидроэлектростанция. Рабочий день там по четырнадцать часов… Мы же, уменьшаем и рабочий день, и травматизм работников до предела. И средств на то не жалеем. Зарплата у наших работников такая, что и наняться-то к нам непросто. А канадцы Фергюссоны, создавшие некогда свои капиталы на уничтожении китов, не ведающие ещё, что скоро их опередят нефтяные короли чем лучше? Более грешные, чем мы!

Когда, в восьмидесятые, меня, полного энергии, близкий приятель пригласил заняться наркобизнесом и связаться с ещё процветающим Золотым Треугольником, я, дурак амбициозный и законопослушный, отказался. А ведь мог бы нажить состояние иного уровня! И сейчас бы никакие студентики и прочие поборники охраны природы нас не оплёвывали и не разоряли! Потрудившись в азиатской глубинке, мой приятель купается в роскоши до сих пор, словно его дело в полной гармонии с законом, а меня вытеснили из провинции с огромными деревьями на север, где они мелкие и приносят меньший доход. И такое мы получили в отместку за следование законам, а тот, кто обходил закон, заработал на наркоторговле, процветает и поныне. С современной армейской техникой они бы могли давно накрыть все сокрытые в джунглях плантации кокаина с героином, но этого почему-то не происходит. Ладно в Колумбии, куда переметнулся мой приятель – оно понятно: все чиновники куплены. Но американцы могли бы и из космоса всех там засечь. Нет, последнее время стали доставлять порошок из Колумбии подводными лодками. Каков размах! Наша врождённая порядочность не совместима с успешным предпринимательством. Такое было возможно лишь до двадцатого века.

Мой отпрыск позорит род во всех отношениях. Да, ныне заводить себе любовника-мужчину не считается зазорным,

но это против моих понятий. Бабы ему приелись и этот, одержимый похотью юнец, путается в постели с мужиками! Лишь бы не стал вдруг педофилом – тогда конец нашему имени… А эта дура, его мамаша, потакает любой прихоти сопляка и мерзавца с детских лет! Оттого он и скурвился до такой степени, опозорил нашу протестантскую честь. Она одержима своими евгеническими изысканиями и выводит свой род макаронников от римских патрициев. Брешет, конечно. Ну да Бог с ней. Кто может вести родословную от эллинов или римлян? Не слышал о таких. Мечты идиотки. Ещё бы в Египте или Шумере нашла корни! От того, что предки её с римскими императорами роднились сквозь пальцы и на мужеложство смотрит, дрянь. Ей бы сменить имя Беттина на Патриция. Испорченная капризная дрянь. Не зря я прозвал её Кэприсией. А некогда, когда был влюблён, звал на свой лад – Бетси. Много воды утекло… Ну, а благословенная к ней вовсе не подходит. Корыстна и при этом похотлива донельзя. Только мною насытилась и тут же на других заглядываться стала и пошла по рукам, сучка. Впитала чуждую, её южной крови, феминистскую идеологию и вовсе рехнулась. Всё бы ничего, но этот жалкий художник! Сопляк-любовник, тешащий даму бальзаковского возраста. Еврейчик, к тому же. И эта возня с застройкой в Амстердаме. Не следовало мне делать ей столько денежных подарков – не смогла бы меценатствовать для поддержки нищих мазил… Но красива и всё за то прощаю ей. Итальянка… А ведь следовало бы запереть

её на бергамский лад. Как глубоко прав был Франческо Второй[32]!»

Мистер Сирил Джереми Хатчинсон не знал небольшой секрет, который жена его не афишировала, но в тайне даже гордилась этим. Её пращуром был, возможно, некий нубийский гладиатор по кличке Непобедимый, который был якобы столь силён, что поражал своим трезубцем рыбака любого, не подпуская на расстояние короткого меча. Нечеловеческая сила позволяла ему наносить удары увесистым оружием с необычной скоростью. Таким образом, род оказывался не чисто патрицианским, но от бастарда, к тому же - чёрного… Если всё это о древних предках было и вымыслом более поздних поколений, то кровь нубийца прослеживалась в предках мадам Хатчинсон вполне определённо и, скорее всего, со времен куда более близких: рост её был необычно велик для южных европейцев, под стать долговязым северянам Хатчинсонам, а цвет её иссиня-чёрных волос и очей, смуглость как у южных итальянцев, тогда как род их был из Умбрии, говорил о какой-то неевропейской примеси где-нибудь в начале девятнадцатого века. Сирил сожалел, что с такой женой ему не удалось создать для коллег впечатление идеальной крепкой пуританской семьи, но после появления ро-

[32] Запор на бергамский лад, или венецианская решётка, или пояс Венеры – металлическая конструкция на замке, надеваемая на бёдра - изобретение падуанского тирана Франческо II для неверной жены.

гов, тут же бросился сам во все тяжкие и, на зло жене, привёз из Италии же себе златовласую любовницу, словно сошедшую с досок и полотен Кватроченто. Он купил ей квартиру в престижном районе Ванкувера и появлялся с ней под руку на улицах города. О том, что подруга была взята из публичного дома, он сумел утаить от всех. Сын же знал о любовных похождениях родителей смолоду и это его нисколько не смущало. Кровь гигантов-нубийцев, особенно ценившимися некогда на рынке рабов за силу, возможно сказывалась и в Хатчинсоне младшем: это был выдающейся внешности рослый могучего сложения молодой человек с необычными чертами лица, сводящими с ума юных дев и не только.

В этот миг в кабинет мужа лёгкой молодой поступью, покачивая бёдрами, вошла особа весьма выдающейся внешности. Её возраст, зашкаливающий бальзаковский, не бросался в глаза и казалось, что Беттине Летиции Консетте было не больше тридцати пяти. Более того, взгляды молодых людей всё ещё приковывала её стать, великолепие её плоти, как на улицах, так и в ходе нередких сборищ ванкуверского высшего света из буржуазной неоаристократии. Беттина понимала, что постылому, стареющему мужу давно известно о её связи, поскольку у него всюду свои люди. Но оба они до сих пор не подавали вида, что обоим известно более, или менее всё о связях партнёра. Беттина Летиция заговорила с мужем о некоторых семейных проблемах, о сыне, о том, что

всё ещё связывало её с этим занудой, но неизбежно, подсознательно сравнивала мужа с молодым любовником. «Бездушный денежный мешок и больше ничто, - прозвучал в её мозгу неумолимый приговор этому высокому седовласому джентльмену почтенного и благородного вида. – Ты пытаешься перекрыть мои счета, контролировать меня, но тебе это не удастся – закон на моей стороне. Надо было думать раньше. Тебе претит, что я поддерживаю начинающего художника? Тебе чуждо меценатство, сухарь и прагматик! А может быть в тебе живы отголоски антисемитизма? Ты прознал, что мой избранник - еврей? С тебя станет, отсталый самодовольный мракобес». Впрочем, мысль о том, что молодой художник, скорее всего – еврей, не слишком тешила спесивую итальянку и она старалась избегать мыслей об этом. Для неё важнее всего была несколько кощунственная мысль о том, что этот молодой человек во многом напоминает её сына: и летами, и могучей комплекцией, и жизнерадостностью, и, наверное, пылкостью в любви. Этот художник вполне мог сойти за итальянца, не то, что нордически-холодный муженёк. Своё атлетическое сложение сын унаследовал от крупных здоровых родителей, а её любовник создал себя сам упорными занятиями тяжёлой атлетикой и здоровым питанием. «Он даст фору моему чаду, увы, как в спорте, так и в таланте, - с грустью думала иной раз Беттина. - Он стремиться к славе, а мой – лишь к удовольствиям. Синдром сыночка слишком богатеньких родителей».

- Лишить бы его полностью материальной поддержки, как ты думаешь? – спросил неожиданно Сирил, словно читая её мысли. – Может это его образумит?

- Но… это было бы уж слишком, - как всегда не выдержало сердце итальянской мамаши, нервно хрустнувшей длинными тонкими пальцами.

- Ты его и портишь всю жизнь, - проворчал муж.

- Другого от тебя не ожидала услышать, - не сразу откликнулась она, поведя томными ореховыми очами.

Неожиданно в кабинет отца ворвался рослый, пышущий энергией, сыночек.

- Десмонд, отец говорит, что ты опять чудишь, - мать окинула огромного отпрыска с ног до головы леденящим взором.

- Мне стало известно, что ты начал, плюс ко всему, юродствовать. Ты нарядился опустившимся наркоманом и просил милостыню у плаката «Помогите нам порвать с зависимостью!» И не пытайся утверждать, что ты этого не делал! – холодные синие глаза отца сверкнули.

- А я и не собираюсь отрицать что-либо, пап. Во все времена люди шутили, скоморошествовали.

- Ничего в этом смешного не вижу. Наркоманы – несчастные люди. А ряженные под них – просто идиоты.

- Наверное, ты прав, пап. Но уверен, что в мои годы ты присоединился бы к нашей компании, чтобы немного раз-

веяться. Студент по сути своей – сибарит и берёт от жизни лучшее.

- Развеяться от чего? Ты почти не работаешь и не учишься. Не могу назвать тебя студентом даже. Разве что – вечным студентом.

- Разве ты никогда не сибаритствовал, не куражился, будучи молодым?

- Прежде всего я учился, а после достиг многого в своей работе.

- Будет вам. Надоело! – вставила мать.

- Согласись, пап, что и арборетум твой, хвалённый, есть лишь удовлетворение твоих амбиций и прихотей, а вовсе не попытка разведения уникальных видов для сохранения генофонда. Будем говорить откровенно и судить трезво, хорошо?

- При чём тут мой арборетум, чёрт возьми? Если ты хочешь к чему-либо придраться, то тут равных тебе нет. Научился бы сначала делу.

«Дендрарий его вонючий, в самом деле, лишь прихоть и показуха» - подумала жена.

- Ладно тебе, пап. Всё будет хорошо и скоро возьмусь за ум. Уже всё к тому идёт, - обескураживающая улыбка обнажила ослепительной белизны зубы сыночка. – Но надо же и самообразованием успевать заниматься. Немало времени занимает изучение истории искусств, например. Тебе это может и ни к чему, а для меня – необходимая сторона обще-

го развития. В наше время гуманитарным наукам уделяется недостаточное внимание.

Отец промолчал, вздохнув про себя: «Корчит из себя эстета, цитирующего Рильке, млеющего от ноктюрнов Шопена, а между тем – полностью сосредотачивается на промежности своей собеседницы-студентки. Бездельник! Но, ладно бы только это, без мужеложства…»

- Ступай, сын, чтобы не раздражать твою бедную маму пуще прежнего, - добавила Беттина.

Но отец с сыном продолжили милую беседу и Консетта Хатчинсон, не выдержав, удалилась к себе. По пути она столкнулась с мистером Уайтлоу Слоумом, который бесшумно двигался по направлению к кабинету босса. Этот человек был подобием тени своего хозяина: невзрачный и неприметный, он, тем не менее, вёл все дела компании и в его руках был финансовый и налоговый механизм, работавший доселе безупречно. Слоум был ровесником босса, но производил впечатление мальчика на побегушках. Между тем, Беттина была уверена, что, в зависимости от своего желания, этот человек мог бы воровать и немало, поскольку сочетал функции бухгалтера с управляющим. Она сознавала, что для Сирила очень важно сохранять с Уайтлоу хорошие отношения, ублажать своего могущественного подчинённого. Похоже, что босса это мало волновало и он не ценит своего первоклассного, преданного делу, сотрудника. Два человека были незаменимыми в компании: сам глава её и Слоум.

Встретившись глазами с, промелькнувшим мимо, Уайтлоу, Беттина, как всегда, ощутила его необычно учтивое кивание с неким особым выражением малоприятного бледного, прыщавого лица, которым этот странный тип одаривал лишь её. «Уж не похоть ли затаилась в этом крысином взоре? – подумала Летиция Консетта. – На меня подобным образом смотрят всю жизнь тысячи самцов, но этот слизняк – особый случай и его взгляд не столь очевиден. Он – не бесцветная личность, каковой лишь кажется. Потухшие глаза чинуши-буквоеда обманчивы. Очевидно, что его, глубоко скрытый, нрав скверный, поскольку он – личность выдержанная. Доверять таким полностью никогда нельзя. От них, людей лишённых привязанностей, можно ожидать всего. Понимает ли это Сирил? Если такой тип возненавидит своё начальство, плохо тому начальнику придётся. Но не стану предупреждать мужа. Буду умнее: если в глубине душонки Слоума зародилась похоть в мой адрес, это – мой шанс урвать больше денег от любимого муженька, чем он мне даёт...» Приветствуя супругу хозяина, Уайтлоу издал некий посасывающий звук, словно в попытке прогнать слюну между зубами. Всё это невольно вызывало отвращение Беттины. Тощая фигура, едва кивнув и пряча загадочную улыбку, бесшумно проскользнула за плечо Консетты.

- Вы что-то хотели мне сказать, мистер Слоум? – спросила неожиданно Беттина.

- О, нет, нет… простите, я очень спешу…

«Он очень смутился, что свидетельствует о неравнодушии ко мне. Надо будет иметь этот в виду» - решила миссис Хатчинсон.

9. Амстердамский нужник

Совесть у него чистая. Не бывшая в употреблении.
Е. Лец

Родители свободного художника Айзека Айка Эрона отнюдь не бедствовали и хотели дать любимому сыночку непременно юридическое образование. Но он уверовал в свой гений художника и отказался, ибо в учёбе был ленив с детства. Тогда отец разъярился и отказался содержать «этого шмегеги и шнука[33]». Он был родом из Польши и потому - ярым идишистом, состоял в американской организации «Арбайтер-ринг», упорно отстаивающей культуру идиша. Видный молодой человек имел богемные связи в городе и занимался живописью, причём не желая заканчивать ничего более одного краткого курса рисовальщиков, а на досуге коллекционировал любовные связи. Во время очередной богемной вечеринки он познакомился с женой Хатчинсона и решил пополнить ею свой список, несмотря на то что годился ей в сыновья. Подобные мелочи не смущали молодого человека. Но женщина эта, в самом деле, умудрилась сохра-

[33] Шмегеги - бездельник, шнук – растяпа (идиш).

нить былую выдающуюся красоту. К тому же, итальянки в его длинном списке ещё не было. Поскольку Айзек всё ещё не стал признанным гением и за его шедевры платили считанные гроши, он решил использовать заодно и средства богатой любовницы. Он не прервал отношения с ней после первой же ночи, что стало его обыкновением с простыми бесперспективными девицами. Айзек отнюдь не порывал с родителями окончательно и услышал от матери, что отец собирается приобрести участок под застройку в Амстердаме, но денег у отца не хватает – самый центр и цены на землю там жуткие. Снести дом в историческом центре можно лишь в исключительном случае. Мать говорила об этом с намёком, что они всё ещё берегут средства на случай, если их чадо одумается и вознамерится поступить в университет, чтобы стать юристом. Потому, мол, и не хватает. Не вдаваясь в подробности, к чему отцу понадобился дом именно там, сын заверил родителей, что он теперь немало зарабатывает на продаже своих гениальных картин и скоро сможет помочь им с покупкой участка. Папаша был очень недоволен, но не был в силах возразить. Он лишь налился кровью, как перезрелый помидор и вышел в другую комнату, оставив на столе, так и не развёрнутый потёртый старый номер «Дер Канадер адлер»[34]. Любовный пыл столь юного создания льстил самолюбию Беттины Летиции Консетты и она всё больше входила в роль «ненаглядной возлюбленной». Посте-

[34] Канадская газета на идише.

пенно и понемногу Айзек начал клянчить у неё деньги якобы на особо дорогие краски, предстоящую выставку с арендой помещения и прочие мелочи. Пылкая итальянка не скупилась и каждый раз давала ему на сотню-другую долларов больше. Но Эрон младший понимал, что такие вливания не соответствуют масштабному плану отца. Когда Айзек в очередной раз навещал родителей, он занёс им одну тысячу, вручив купюры небрежным жестом, и добавил, что прямой контакт с клиентом позволяет зарабатывать без уплаты налогов. «Это ещё не аргумент для нестановления солидным адвокатом, – возразил на это отец и, расправляя морщины рептилии вокруг глаз, самодовольно добавил. – Твои деньги, хавер[35], мне не понадобятся». После этого убийственного замечания, отец развернулся спиной к сыну и принялся чистить ногти. Эти слова неприятно укололи самолюбие сыночка. Оказалось, что ушлый папаша побывал в Амстердаме и вышел на богатого еврея из семьи миллионеров, сделавших деньги на обработке алмазов ещё в прошлом веке, если не раньше. Этот амбициозный старик заявил отцу, что не потерпит, чтобы сыны избранного народа переплачивали в этом городе за жильё, как всякие там прочие гои. «Даже мэр нидерландской столицы по традиции – сын народа избранного! Рахэм олейну, мелех маймид[36]. Мокум[37] - наш город

[35] Хавер - приятель (идиш).

[36] Смилуйся над нами, царь оживляющий (иврит).

[37] Мокум – Амстердам на жаргоне местных евреев.

– и точка!» Владелец алмазных мастерских обещал решить проблему весьма своеобразным путём, от которого сыночек пришёл в полный восторг.

В тот склизко-дождливый вечер Антон случайно оказался на богемной вечеринке, поскольку был недолго увлечён одной девицей с его курса биологического факультета, неожиданно ставшей кинорежиссёром. Зарекался не смотреть больше ни на кого, кроме православных, но тут же вляпался: она его пригласила, спустя два года после знакомства, и он не удержался… Зал был набит деятелями искусства, бойко обменивающимися сплетнями, среди которых Охотин ощущал себя белой вороной. Не слишком деликатная Мелинда Нэнси Рэмболд не замечала этого и немного посмеивалась над смущающимся Антоном. Неожиданно подруга встретила статного красавчика-художника, который тут же пригласил их обоих выпить коктейль за его счёт. Подвыпивший Айзек, оказавшийся, как выяснилось, давним знакомым Мелинды, поведал о своём папаше и его делах в Амстердаме ей и, заодно, рядом сидящему, безмолвному Охотину. Было прохладно, но Эрон был одет в рубашку с коротким рукавом, выгодно подчёркивающую выразительный рельеф его бицепсов. Особенно умилялся Айзек методам богатого гранильщика алмазов из далёкой Голландии. Охотина он как будто не замечал:

- Представь себе, Мелинда, что в Нидерландах, в силу осо-

бенностей тамошнего, очень влажного климата, как бывает и в случае исключительно засушливого климата, где-нибудь у арабов, при раскопках, или строительстве находят отхожие места, которые использовались, может быть, последний раз в Золотой век – лет триста-четыреста назад, а они смердят, словно туда испражнялись только вчера! Но главное, что археологи и, так называемые археоботаники, находят там много интересного, изучая диету людей прошлого.

- Приятного аппетита… гм… хорошо, что я не продолжила начатую карьеру и не стала археоботаником, - очаровательно рассмеялась Мелинда Нэнси, щуря свои неотразимые карие очи, скользнув взглядом по лицу Антона, но тут же развернувшись в сторону интригующего рассказчика, который имел куда более представительную наружность эдакого супермена с мощной челюстью и развитыми бицепсами. – Не слишком горю желанием копаться в таком объекте исследований.

- А зря. Но как режиссёр ты могла бы сделать на этом отменный документальный фильм, - возразил Айзек и его подвижное лицо оживилось пуще прежнего.

- Это ещё можно. Для «Реалити ти-ви» и, желательно, в противогазе.

- Так вот, они анализируют фекалии на содержание семян, узнавая растения, бывшие тогда в употреблении, ибо пищевые привязанности заметно изменились в семнадцатом веке после того, как из колоний стали привозить много новых рас-

тений, а из Америки, например, завезли индеек. До позднего Ренессанса жрали много корнеплодов, ягод, яблок, был ещё некий варёный хлеб, тыквенный хлеб. Словом, хавали голландцы всякое дрянцо, хлестали недоваренное лёгкое пивцо вместо воды, ставшей грязной к тому времени, страдали поносами. Пили ещё и хипокрас – вино со специями, но иными, нежели поздний глинтвейн – с пряностями исключительно уже тропическими. Дезинфицировали кишки немного. Артишоки начали выращивать на севере Европы, виноград и прочее. Но, говорят, виноград там со времён римлян возделывали. Не знаю – что услышал о том тебе и повествую, девочка. Оказывается, в начале семнадцатого века, в Голландии появилась поваренная книга полная итальянских рецептов, чего раньше вовсе там не было. Но то было не для средней руки обывателя. Едоки картофеля появились много позже.

- Всё это очень занятно, но никак не возьму в толк: в чём же задумка нового знакомого твоего почтенного родителя? – спросила Мелинда с нетерпением.

- Слушай дальше, девочка. Имей терпение. Так вот, тот самый старик-еврей решил доказать, что гальюном тем пользовалась последние годы ервейское семейство, а вовсе не коренные жители, ибо диета богопослушной иудейской семьи в те времена заметно отличалась от голландской. Кашрут[38]

[38] Кашрут – «пригодный» означает религиозные ограничения на пищу евреев, откуда – «кошерный».

накладывает свой отпечаток на диету. Документов на те застройки, пришедшие в негодность, не сохранились и не было сведений кто именно и когда владел домом в те времена. Этот старик мог бы и так запросто купить тот самый участок под застройку, но он лишь хорошо заплатил тем, кто делал микробиологический анализ. Он набросал кучу кунжутных семечек в тот самый нужник и тем решил проблему – просто и гениально!

Фамильярное обращение «девочка» резануло ухо Охотина уже второй раз.

- Он бы ещё мацы свежей подбросил, - усмехнулась Мелинда Рэмболд.

- Смейся сколько угодно, но вопрос уже решается в пользу ушлого старика. Думаю, что он не ограничился одним кунжутом и перемешал всё подобающим образом.

«Кунжут, откройся! Не «сезам», а «кунжут» - мелькнуло в голове Антона.

- А может сам погадил туда?

- Может и так. Не исключаю, что он просто вручил подобающие семена лаборанту. Главное, что вопрос будет решён.

- Просто еврейское лобби оно во всём мире срабатывает, не только в Канаде.

- Вот именно! Не ценишь ты старых друзей. Совсем исчезла.

- Полноте, Айзек, Мелинда ради Вас и пришла сюда. Не забывала она Вас, - неожиданно для себя самого вставил

Охотин, сжимаясь в комок.

- О да, Мелинда? Не ожидал! - отозвался Эрон с оживлённым злорадством во взоре, впервые оглядывая с головы до ног Антона, словно только что приметил его.

С той минуты, Антон постоянно ловил на себе боковым зрением глумливые взгляды Эрона. Айзек с детских лет был созерцателем. Он никогда не мучил животных, но, если птица залетала случайно в комнату и начинала биться о стёкла, маленький Айзек непременно закрывал форточку и, с наслаждением, наблюдал за тупым созданием, не понимающим, что существуют прозрачные, но достаточно твёрдые субстанции. Ему не было жалко глупую птицу, поскольку та не понимала, что такое стекло. Сознавать факт, что он умнее окружающих с тех пор доставляет ему особое удовольствие.

Антон, будучи в душе большим правдолюбцем, хорошо помнил семейные предания о том, что сделали большевики с его исторической Родиной в 1920 -е годы. Кроме того, он много прочитал на своём веку об этом болезненном периоде истории России и отдавал себе отчёт в том, что руководство кремлёвских узурпаторов было на семьдесят процентов еврейское. Слушая циничное бахвальство Айзека, Охотин пришёл к мысли, что неплохо было бы разоблачить подобную махинацию методом, хорошо знакомым ему со времён защиты диплома мастера. Ведь удалось же им одолеть лесоповалочную мафию и доказать, что гвозди в стволы никто из

них не вбивал. К чувствам Антона добавилась и слабо вызревающая ревность к подруге, которая всё своё внимание переключила на нового собеседника и вела себя так, словно Охотин вовсе не присутствовал за столом. Свою дипломную работу Антон делал основательно и с большим чувством. Темой было «Прорастание семян растений после длительного хранения». Охотин анализировал известные данные об удачном проращивании пшеницы, найденной в древнеегипетских захоронениях, а также делал собственные опыты с воскрешением семян, случайно завалявшихся в зернохранилищах в течении многих десятилетий. Одним из разделов его немалой работы был анализ возможностей развития семян злаковых и фруктовых растений, оказавшихся во влажных условиях, или воде. Антон прекрасно представлял себе, что семена с очень твёрдыми покровами могут медленно впитывать жидкость – воду ли, отходы ли человеческой жизнедеятельности. Если бы он посидел с микроскопом над срезами семян, недавно брошенными в упомянутый сортир, то он бы сумел легко доказать, что это подлог, а вовсе не семена, пролежавшие там столетия. Заполнение подпокровного пространства здорового семени процесс долгий и непростой. «Подлость просто восхитительная! Развенчать бы их следовало, Исаака с папашей и старика в Амстердаме. Того требует справедливость, - не слишком уверенно подумал Охотин. – Нажилась их семейка, скорее всего, и на «большевиках», как прозвали менялы и огранщики Амстердама брил-

лианты, узнаваемые по характеру огранки, привозимые русскими эмигрантами с 1918 года, отдающими драгоценности за бесценок».

- Одним словом, ты меня потерял и сожалеешь об этом? – спросила Мелинда своего давнего приятеля Айзека.

- Вот именно, девочка. Предлагаю пойти ко мне сегодня же вечером.

- Вспомнить былое? Уместны ли повторения? К добру ли?

- Вне сомнений уместны, когда они желанны, майн зисе нешамеле[39]. Ладно. Вы пока посидите тут, а мне надо переговорить кое с кем. Профессиональные делишки. Скоро вернусь. Только не уходи без меня!

«Последнюю его фразу не совсем понял. Смахивало на идиш… Это уже слишком: она всем своим поведением игнорирует присутствие человека, которого она сюда пригласила, с которым она начала беседу, переключившись на этого самодовольного нахала! Похоже, что он заманивает её в свою постель» - размышлял Антон. По ответной реакции до затормозившегося, от шокирующей ситуации, сознания Антона постепенно дошла простая мысль: «Она уже спала с этим наглым типом. Это вовсе не очаровательная девочка, а типичная современная особа без комплексов. Такая же, как и все прочие в этом заведении». Охотин совершенно растерялся и не знал, как поступить: уйти ли с оскорблённой миной

[39] Моя сладкая душка (идиш).

прочь, или, как ни в чём не бывало поддержать беседу, вставить своё слово, напомнить о своём присутствии за одним столом? А уж микроскопический анализ семян — это следующий вопрос». Но тут Антона посетила простая и ясная, как Божий день, мысль: «Недостойно потомка офицера Русской Императорской армии, фактически подслушав, втихомолку мстить, к тому же отчасти из побуждений ревности к недостойной женщине, самке. Нет, если уж я намерен это сделать, то я должен прямо сейчас заявить ему об этом! Да я и не найду возможности ехать в Амстердам, платить там за гостиницу и что-то доказывать. Станут ли меня слушать?» Сомнения одолели Охотина. «Может быть мне заранее замочить семена пшена, ядрицы, а то и просто солёных огурцов со щами в то самое отхожее место подбросить?» - с горечью усмехнулся он.

- Что ты надулся, Энтони? И не вздумай обижаться. Айзек – очаровательный собеседник для меня и не более… теперь…

- Ты хочешь сказать, что у вас была связь в прошлом? – неуверенным тоном, напрягаясь, проронил Охотин.

- А что же ты думал? С моей-то внешностью и в девках сидеть?

- Н-да-а…

- Кстати, он – талантливый художник и полон остроумных задумок в разных областях изобразительного искусства.

Например, как-то он предложил мультипликаторам сделать изящный полупорнографический вариант сказки про Белоснежку. Можешь себе представить – как забавно с гномиками! Назвали они этот фильм «Сказка для взрослых и эмоционально развитых детей». Увы, в Европе кто-то опередил нашего Грегори, сделав менее утончённую, грубую версию с тем же сюжетом.

- Нисколько не смешно. Пошло и глумливо в отношении старинной доброй сказки. Классики сказок. А подчёркивание названием, что это и для детей - и вовсе кощунственно. Какое уж там изящество? За такое подобало бы заключить под стражу весь коллектив создателей фильма.

- Какой ты скучный, Охотин. Все русские такие?

- К моему сожалению, далеко не все. А твоему дружку рад был бы лично морду набить. Он вёл себя бестактно по отношению ко мне. Похоже, что он – коллекционер «фемино-фауны».

- Здоровья не хватит, мой милый. Айзек очень сильный. Следит за собой и регулярно занимается спортом, в отличие от тебя. Ты знаешь, думаю, что у нас с тобой ничего не выйдет. Тоску ты навеваешь. Я привыкла окружать себя людьми творческими, к примеру, иметь дело с физиомузыкантом Джейсоном Мэтлоком. Не слышал о таком?

- Нет, не слышал.

- Он воспроизводит бурчание нутра партнёров во время коитуса, чередуя его с инструментальными, а порой и

вокальными вставками. Кстати, «Джейсон» означает «целитель». Не находишь ли ты это прорывом в музыке?

- Нет, не нахожу. Меня бы он не исцелил, а напротив.

- Дай вам, русским, волю – пересажали бы давно друг друга в гьюлэгс.

- Ты имеешь в виду ГУЛАГ? Вынужден тебя разочаровать: идея концентрационных лагерей принадлежит англосаксам. Почитай историю Англо-Бурской войны.

- В таком случае, русские и немцы превзошли своих учителей, будучи неспособными изобрести даже такое.

- Ты хочешь меня поддеть, унизить этими словами? Чего ты добиваешься?

- Ты просто скучен мне.

- Я тебе, кажется, не навязывался. Ты пригласила меня сюда. Не удерживаю тебя – якшайся со своим давним приятелем Айзеком.

- В таком случае, прощай, мой милый.

Образ подруги померк окончательно. Рассыпался, как карточный домик. До последних слов Охотин старался оправдать её в своих глазах, внушить себе, что она вовсе не собирается вновь, при нём воскрешать свои былые отношения с этим типом. Даже как-то простить и этого напористого дона Жуана, не устоявшего пред особыми чарами Мелинды. Но больше всего убивали её взгляды на мораль в отношении воспитания детей. «Вызвать бы наглеца на поединок?

Звучит нелепо в наши паскудные дни. Но что остаётся? Как быть?! Нет во мне ни самоуверенного спокойствия храбреца, ни отчаяния труса, готового на всё для своего спасения. Ведь он норовил меня унизить. Пусть даже косвенно. Мои предки бы не простили такое сопернику-мужчине… Но, с другой стороны, полагалось, чтобы противник в дуэли был дворянином, или, в более поздние времена – просто офицером. Я не военный, а он и вовсе не вписывается в противника у барьера, в силу его корней. В наше время уместна лишь драка. Британцы стали первым самым демократичным в этом плане народом и, с развитием бокса, постепенно сделали кулачный бой приемлемым для выяснения отношений среди членов высшего общества. Похоже, что времена изменились окончательно и заводят всех в тупик. Так что же делать? Оскорбить его в ответ, довести дело до кулаков? Противно. Пожалуй, умнее всего уйти, оставив её одну». Последней каплей стала реплика мисс Рэмболд о Толстом:

- Ты, конечно же, читал его знаменитую «Войну и мир» о Первой Мировой войне? Я начала недавно читать – сильно пишет!

- В самом деле о Первой Мировой? Не знал. Забыл, наверное, - сыронизировал Антон.

- Так, советую перечитать…

Не дожидаясь возвращения Эрона, Охотин извинился и сказал, что ему надо срочно уходить. Когда он проходил мимо Айзека, беседующего с каким-то парнем с длинной ко-

сой и подобием бородки, он расслышал слова Эрона: «Нет, на сегодня мне и этой подружки хватит. В целом, ты знаешь, жадные и глупые бабёнки уже мне опостылели. Скучно с ними». Охотин молча ушёл прочь, не прощаясь с Мелиндой. Он вырвался на свежий воздух, объятый мрачными мыслями: «Кругом грязь… Какой идиот… Угораздило же влюбиться…» Антон так и не узнал никогда о развитии отношений бывшей подруги с Эроном, не желая видеть никого из них более. Отныне Антон утвердился в своём намерении следовать примеру Николая и искать себе только русскую, православную жену.

Позже Айзек выяснил, что его отец выполнял волю канадской еврейской общины, которая хотела иметь свою штабквартиру в Амстердаме для решения узких полулегальных торговых сделок. Всё это раздражало Эрона-младшего с нарастающей силой, а главное – упрямство отца и нежелание воспользоваться его финансовой помощью. Постепенно стал ясен замысел и того старика из Амстердама. Оказалось, что этот тип вздумал причислить своих предков, якобы крестившуюся ветвь своего рода, к отцам пилигримам, чтобы стать вхожим в теневую политическую верхушку Вашингтона[40]. Старик выпятил доказательство родственной связи с богатейшим купеческим родом всей Европы в эпоху Ренессанса

[40] Вскоре появился и президент с предками якобы из отцов-пилигримов в своем роду – Барак Обама.

– немецким родом Фуггеров, сделавших состояние на торговле пряностями и европейской медью[41]. Породнились они гораздо позже и по боковой ветви Фуггеров, но не в этом была суть: мудрец сумел привлечь к себе внимание и создать ажиотаж в прессе. В самом деле, одно еврейское семейство, бежавшее из Испании, стало в те же годы оспаривать первенство богатейших людей Европы. И не важно было принадлежал ли тот ушлый старик именно к его потомкам. Выделялись в эпоху Возрождения и лионские шёлковые магнаты итальянского происхождения – банкиры Тюрке, которые создавали лионские мануфактуры. Эрон вспомнил, что его новая подруга Беттина с гордостью упоминала свою связь с их родом, мол, благодаря им Лион стал городом ткачей и её предки впервые создали фонд помощи обедневшим горожанам. Айзеку стало завидно. Ведь он бы тоже был не против иметь такие связи, как тот амстердамский паук, или даже Беттина Консетта. Знакомство с сильными мира сего позволило бы ему прославить своё имя в мире изобразительного искусства, о чём он давно мечтал.

Антон в сторожке и встреча с братом (1997-1998)

И в вигвам они явились, к очагу безмолвно сели, леденя

[41] Фуггеры стали столь политически влиятельными, что своим решением, после неожиданной смерти Максимилиана I, выбрали его внука на трон Габсбургской империи – Карла V!

дыханьем воздух...
Лонгфелло

Я открыл дверь и увидел
На западе гору Ибуки.
Ей не надо ни вишнёвых
Цветов, ни снега,
Она хороша сама по-себе,
Такая, как есть.
Не надо ей лунного света-
Ибуки-гора.
М. Басё

В свои двадцать два года, разочарованный во многом, Антон устроился на полуволонтёрскую работу в удалённый заповедник севернее знаменитых национальных парков Скалистых гор, в края, куда ещё не добрались ни толпы туристов, ни лесозаготовительные компании. Проработав недолго с картами на основе стерео-аэрофотосъёмки, которые позволяли видеть почти каждое крупное дерево подобно небольшому рельефному грибу и прикидывать его возраст, Антон составил свою собственную карту лесов западных провинций. В горах он должен был сидеть в избушке лесников и проводить каждодневные гидрометеорологические замеры по многу часов в день. Карту района он имел теперь отменную. Охотину дали денег на транспортные расходы и

закупку базового питания на полгода, после чего ему следовало представить первый отчёт о проделанной работе. Помимо всего, ему безвозмездно выдали рыболовные снасти, дробовик с патронами, баллончик для отпугивания медведей, не говоря о лабораторной измерительной технике для гидро-метео наблюдений. Словно ещё вчера была заброска на микроавтобусе до конца дороги, где стоит домик лесников, откуда сотрудники помогли ему доставить груз до места на лошадях, местами по лежалому весеннему снегу, и оставили его одного. С первого же взгляда, место это совершенно очаровало Антона: с порога домика открывался потрясающий вид на скальный цирк с водопадом и готическими остриями тёмных пихт, тсуг и елей. Антон не уставал любоваться завораживающим водопадом, неслышно низвергавшимся в паре миль от его убежища. В начале осени первый отчёт прошёл на ура и Охотину выдали бюджет на следующий целый год до начала зимы. На сей раз Антон прихватил с собой рассаду овощей, семена, чтобы питаться достаточно здоровой пищей. Будут свежие овощи, а уж рыбу он наловит – что же ещё нужно? После первого опыта он запас побольше книг, чему подивились сотрудники, мол, кто же в наше время такие тяжести таскает? «У меня там единственная слабая солнечная батарея и на компьютер её не хватит», - пытался объяснить им Охотин, который был, по-своему, горд и тем, что не имеет и мобильного телефона, да и зачем он ему – полубезработному? Первую зиму перезимовал в одиночку в сво-

ей сторожке вполне успешно. Неспроста всю свою молодость иной раз окунался он в прибрежные воды под Ванкувером и в разгар зимы. А они и летом-то холодны – течение там хотя и тёплое, по географическим понятиям, но идёт подъём глубинных вод. Но с казаками-первопроходцами Сибири в семнадцатом веке он и не смел себя сравнивать – слабо современному человеку тягаться с ними. Охотин вспоминал свой идеал исследователя – канадского зоолога Фарли Моуэта, который пытался жить по-волчьи рядом с тундровыми волками, и даже питался мышами. Тем самым, ему удалось предупредить необоснованную кампанию по истреблению волков. Поначалу, Антон тщательно запирал дверь избушки и клал под боком у себя дробовик, опасаясь не столько визита медведя, сколько мщения громил из Ванкувера. Впрочем, по его мнению, мстить подобало ему и, в особенности, не за избиение, а за глумливое испражнение на него. Антон был готов убить любого из этой парочки, поскольку не знал, кто именно совершил с ним такую мерзость. «Впрочем… Убить? Пожалуй, нет… Но выстрелил бы не задумываясь, а там – как Бог даст». Но, со временем, он позабыл и думать о них: «Кто из этих уродов отправится в места чистые по замыслу самого Создателя?» Кроме того, освоив азы кикбоксинга, Антон стал немного увереннее в себе, хотя прекрасно отдавал себе отчёт, что против Гориллы ему не устоять. Однако, заметив однажды по утру свежие следы чёрного медведя барибала вокруг своего жилища, Антон стал передвигаться с оружи-

ем, а также запирать дверь на ночь. Ему очень не хотелось стрелять в красивого и умного зверя, но в случае необходимости он был готов просить прощения у «бабушки», как делают индейцы, называющие барибала именно таким ласковым именем. Впрочем, с тех пор барибал не появлялся поблизости.

Антон усреднял свои данные и сравнивал их с имеющимися за год. Картина выявилась безотрадная: климат менялся и не в лучшую сторону. В те годы учёные открыто ещё не забили тревогу о глобальном потеплении. Здесь и лес становился менее влажным, хотя и неуклонно теплело. В свободное время Антон изучал учебник по скатологии[42], бродил по тайге и пытался разобраться в запутанной истории семьи, особенно её урывками запечатлённую часть в период большевицкой смуты. Если Антон уставал к вечеру, он зажигал свечу и наслаждался романами Достоевского и Шмелёва, углубляя своё понимание исторической Родины. Именно этих писателей ему настоятельно советовали постичь родители. Заветы отца были для Антона святы, хотя отношения обоих сыновей с ним слегка испортились после затянувшегося отказа помогать в фермерском деле. Первым делом, Антон повесил в сторожке икону. Охотин-младший всегда был склонен к поклонению силам природы и грешил связями с сектами талласов, молившихся океану у полосы при-

[42] Наука об определении вида животных по найденному помёту.

боя, с поклонниками леса и скал, но неуклонно возвращался в лоно православия. Чего не случается по молодости. Правда, молитвы его пред иконой были тоже неординарными: за выживание первичных дождевых лесов умеренного климата, горно-тропических лесов тумана, китообразных, хоботных с прочих реликтов. Теперь, на основании собственных наблюдений, добавилось и «Господи Иисусе Христе, избави нас от ужасов глобального потепления!»

Антон отчитался по своим наблюдениям за полтора года, прибыв в Калгари, где изложил их в виде доклада на климатической конференции в марте 1998 года. Его докладом заинтересовались солидные учёные из многих стран. Встретился он там и со своим родным братом Глебом, которого не видел почти два года. Глеб докладывал о своих климатических наблюдениях за десять лет, связанных с таянием ледников. Брат скитался между Арктикой и Антарктикой, изучая континентальные ледники и редко бывал у родителей, но ещё реже в съёмной квартирке в Торонто. Специалистов его класса ценили во всём мире и ему оставалось самому решать приглашения в какие международные экспедиции он пожелает выбрать. Антон по-доброму завидовал карьере старшего брата: «Серьёзный человек брат, трудолюбив, даровит - молодец. Что же ещё желать, если работаешь в глубоко интересующей тебя области и получаешь приличную зарплату? Ещё и повидал сколько, альпинизм освоил. Я ленивее брата,

не обладаю его способностями».

Завершив свои доклады, братья Охотины встретились в гостиничном номере Глеба, желая спокойно пообщаться весь вечер.

- Да, брат, возмужал ты за это время! С бородой тебя сразу и не узнаешь! – воскликнул высокий, крепко сбитый, видный бородач Глеб.

- А ты уж сколько лет бородат! За тобой не угонишься, - рассмеялся Антон, смущённо подтягивая тускло-клетчатый, выгоревший, шейный платок неопределённого цвета.

Около часа они бурно обсуждали, очевидную уже для специалистов, опасную тенденцию к глобальному потеплению, о которой заговорил весь мир лишь почти десять лет спустя. Потом Глеб неожиданно спросил брата:

- Антон, а нет ли у тебя желания вернуться на ферму и начать там новую жизнь?

- Ты это к тому, что я обречён оставаться неудачником в науке?

- Что ты! Напротив, я уверен, что ты ещё можешь сделать приличную научную карьеру и ничуть не хуже, чем я. Не забывай, что я на десять лет тебя старше и начинал в более простые времена, когда научный сотрудник ещё не занимался лишь гонкой за грантами. У него оставалось время и для научной работы. Так что, в моём успехе повинны не только личные заслуги и трудолюбие. Наивно было бы так счи-

тать. Теперь у меня нет времени даже подыскать себе спутницу жизни… Но представь себе, что у меня вызревает мысль оставить мою карьеру и вернуться к труду на ферме. Пока я не созрел для этого полностью, но мысли о том имею вполне определённые. Мир науки подразумевает выпячивание самого себя, работу локтями, что бывает весьма противно и чуждо моим понятиям о чести.

- Хорошо тебя понимаю, Глеб. По той же причине не стал усердствовать и остаюсь на вторых ролях в науке. Думаю, что и мои полтора года в тайге потрачены для климатологии и биологии не зря.

- Твой материал в самом деле представляет большой интерес. Мало кто столь тщательно и последовательно ведёт измерения! Жаль, что ты не хочешь получить университетский диплом, отвергая финансовую поддержку отца, или старшего брата.

Все пытаются обвинить его в некоем легкомыслии, а ведь он вовсе не такой…

- Не хотелось бы… Но я подумаю… - неуверенно произнёс Антон.

- А к разговору об отцовской ферме мы ещё вернёмся. Может быть и ты задумаешься над этим. Но это должны быть собственные глубинные побуждения, а не моё давление. Мне интересна моя работа и, к своим тридцати трём, я добился звания доктора, написал массу статей, помог некоторым начинающим после студенческой скамьи. Но я устал от такого

жизненного темпа и хотелось бы, когда-нибудь, обрести семью, воспитать детей. Не лучший ли выбор для этого – продолжение дела предков?

- Может быть я и стану исследователем, но не исключаю вовсе, что и фермером. Сейчас у меня некий вакуум: в этом сезоне мои наблюдения временно закрывают. То бишь, я остаюсь полностью безработным. Такого не ожидал. Но ты уверяешь, что государство даёт всё меньше на фундаментальные исследования… - продолжил Антон растерянно.

- Только на прикладные, под конкретный обоснованный проект. Я бы мог постараться устроить тебя в нашу экспедицию куда-нибудь в заполярье, но вовсе не уверен, что это удастся. Лаборантов, и так, хватает, как и специалистов. А нанимать тебя сезонным разнорабочим бы не хотелось.

- Да и мне пока ещё не хочется разнорабочим… Хотя, посмотреть на те края давно мечтаю, как, впрочем, и тропики. Особенно – Африку с её слонами, которые могут скоро исчезнуть.

- Носороги исчезнут ещё скорее.

- И носорогов хотел бы охранять! Азиатских слонов с носорогами тоже! – волнуясь, сбивчиво, начал Антон. - Надо бы вовсе запретить все слонопитомники, как и дельфинарии, в которых слонов и китообразных обучают работать, или показывать трюки далеко не гуманными способами. Диких животных в цирках Европы вот-вот запретят дрессировать, показывать, а дельфинарии процветают по-прежнему, хотя до-

казано, что китообразные живут в неволе в два-три раза короче, болеют, обречены на стресс. Впрочем, в Африке истребление слонов идёт такими темпами, что может быть даже опыт станции по приручению африканских слонов Гангало на Бодио пойдёт во благо. Кто знает? Но в Азии традиционные питомники и, особенно, ловля диких слонов для одомашнивания – сплошное варварство!

- Тошно от таких мыслей… Знаешь, к чему у меня бы душа лежала? К РОБИНЗОНАДЕ… Даже не такому уединённому существованию, как на отцовской ферме, нет. Но ближе к тому, какой наша ферма была в тридцатые годы – без автомобильной дороги. Помнишь рассказы деда - насколько первозданными были тогда окрестные леса? – серые, суровые охотинские глаза Глеба Глебовича, очень светлые на фоне полярного загара, зарделись юношеским огнём вдохновения. – Был я в отрочестве ещё очарован одной из немногих домашних книг по искусству «Анахареты и еремиты». Помнишь её?

- Конечно! Там репродукции со множеством отшельников и святых, преимущественно из эпохи Возрождения.

- Особенно мил мне всегда был нидерландский мастер шестнадцатого века Мартин де Фос с отшельями чаще среди леса и скал, - улыбнулся своим мыслям Глеб.

- Очень надеюсь, что книга сия нерушимо стоит на прежней полке. К четвёртому веку от Рождества Христова в Ливийской пустыни поселилось столько пустынников – отцов

пустыни, что, когда святой Афанасий решил туда удалиться, он был поражён обилием тут и там попадавшихся отшелий. В наше время не просто стать робинзоном.

- Выше всех художников я ставлю, пожалуй, безвестных анонимов дониконовского письма… Но, я хотел сказать о другом… Не так давно запал мне в душу и современный китайский художник, изобразивший грандиозную отвесную скалу-плато с лестницей, уводящей к вершине.

- Эту картину не припоминаю, - промолвил Антон.

- Её я увидел уже не дома. Есть картины куда шибче (Глеб любил пересыпать речь чисто-русскими словцами), но та связана с отшельем, вот и запала. Думаю, что мы не первые Охотины, рассуждающие о преимуществах робинзонады. Вспоминаю рассказы деда и отца… Мы, Охотины, каждый по-своему, мечтаем удалиться от неудовлетворяющего нас общества и СТАТЬ РОБИНЗОНАМИ. До 1917 года наши предки не хотели этого, но с той поры буквально все известные нам родственники были, так или иначе, к тому склонны. Мечтали о том предки наши, обречённые печальной историей скитаться по чужбине. Мечты эти настраивали целые поколения наших предков на меланхолический лад.

- Помню, что любимой книгой отца в детстве был «Робинзон Крузо». Кажется и деда тоже. Пожалуй, и я его очень уж любил, - Антон улыбнулся.

- Не так давно вдруг особенно проникся я картиной Кацусики Хокусая. Все три, известные мне, его водопады впе-

чатляют, но тот, что струится из некоего круга, или шара, в моём понимании – олицетворение Дао – Пути вещей. Три фигуры сидящих возле этого водопада, скорее всего – последователи Лао-Цзы. Называется картина «Водопад Кирифури в горах Куроками провинции Шимоцуки». Да и два других его водопада – широкий и высокий, узкий тоже, скорее всего отражают даосские настроения художника. Но это лишь вольность моего воображения и не более того, ибо не имею таких сведений, да и странно было бы для японца того времени вдруг углубиться в китайское Дао. Скорее всего Хокусай был праведным синтоистом, а я лишь позволил себе пофантазировать.

- Мне тоже запомнились водопады Хокусая, хотя такой шар не припоминаю. Думается и среди этих водопадов улавливается незримая тень учителя Лао-Цзы, - вставил Антон, который всю жизнь не уставал восторгаться талантами старшего брата - именитого гляциолога, полярника, владеющего ледовой альпинистской техникой, мечтающего служить свободной России, «полярничать» на историческую Родину, при этом достигшего высот и в своём старом хобби – живописи. Глеб с детства воспринимал окружающий мир, в первую очередь, визуально. Он не был лишён слуха, но музыка не стала чем-то особенным в его жизни. Глаза дарили ему порождения романтических образов из обыденных предметов. Так, острые вершины хвойных, простирающихся до горизонта, по окружающим ферму холмам, вызывали

у него ассоциации с, впервые увиденными на картинках, готическими соборами. От этого тайга наполнялась тайнами и особым романтическим чувством. Готика стала распространяться и на острые скалы, а позже и вертикальную структуру льда.

- Только благодаря своему, исключительно визуальному, восприятию мира, несравнимой красоте замёрзшей воды, я стал гляциологом. А кроме природы, где, как не в живописи можно дать сопоставимую усладу глазу? Вода и горы – стихии ни с чем несравнимые по красоте. Литература, печатное слово тоже несоизмеримо более значимы, чем многое другое, для нас с тобой, брат. Музыка, слуховое восприятие мира, для нас, пожалуй, на втором месте. Как мы ценили каждую книгу на русском в доме! Раздобыть их в наших краях непросто. Но и в музыке мы всегда имели потребность, хотя она порой и пугает, как та же «Крейцерова соната».

- Не перегибай палку, брат. Разве может быть опасной, к примеру, «пятая симфония» Чайковского, которая вдохновляет каждого русского на старорежимный истинный патриотизм? Или меланхоличная нежность Шопена, возвышенность Верди? – сказал Антон. – Но следует отдать должное и таланту советского композитора Свиридова. Господи, до чего же трогает его, бьющая через край, русскость!

- Эти вещи, конечно, возвышены и не будят опасные дебри подсознания. Я не говорю о прямом, намеренном воздействии на нервы, как у Шнитке и ряда других в двадцатом

веке. Но возьми даже такое прекрасное произведение, как «Времена года» Вивальди, особенно его осенний надрыв души. Это уже чревато риском воздействия на психику неуравновешенного человека, как и реквием Моцарта и некоторые вещи Баха.

- Мне кажется, что ты утрируешь. Возьми «Концерт для гобоя с оркестром», который используется в заставке с Брейгелем в прекрасном советском фильме по де Костеру... Но, в плане психоделического рока не могу не согласиться. Но и современная нездоровая живопись будоражит подсознание, либидо. Поэтому, мне ближе всего старая добрая пейзажная живопись, - вставил Антон. - Видимо всё воспринимаю через призму созерцания природы. Саврасов, вне сомнений, Поленов, Шишкин, Левитан, Айвазовский, как и Якоб Рейсдаль со своими толстыми, кряжистыми деревьями. Северная природа особо близка, потому и Рокуэлл Кент. Но, конечно и Питер Брейгель. Но Нестеров душу особенно греет. Впрочем, как и Степан Колесников.

- Полностью разделяю твоё отношение к этим живописцам, но не могу не заметить, что для меня, может быть, даже и не всё проходит через призму природы. Образа дониконовской Руси и фламандская живопись Возрождения, может быть, на первом месте. Что касается Саврасова, то из мемуаров прадеда следует, что многие из предков были к нему неравнодушны. Могу добавить и Нестерова. Он тогда ещё только становился известным, и предки наши толком не

успели проникнуться Нестеровым, как началось безумие в стране. Поколение, родившееся в семидесятых-восьмидесятых годах девятнадцатого века, именно дети нашего прапрадеда генерала, не только не успели узнать Нестерова, но и вырастить своих детей в стабильных условиях. Но уж самим ровесникам века пришлось итого хуже – молодость их была отравлена теми кровавыми событиями.

- Глеб, вполне согласен. Зато Саврасов ими всеми любим – бросается в глаза в мемуарах. Но твой водопад Хокусая запал мне в душу. Я провёл год с лишним под великолепным водопадом и как-то невольно вспомнил и те два у Хокусая, а с шаром, наверное, не видел никогда. Память на такие вещи у меня неплохая.

- Но, повторяю, я вовсе не уверен, что это связано с Дао.

- А с чего ты взял, что я – ярый адепт даосизма? – рассмеялся Антон.

- Дао мне стало небезразлично, поскольку всё чаще посещают мысли о робинзонаде, а нравственный идеал даосизма - отшельник, погрузившийся в созерцание. Ведь даосизм, с его концепцией недеяния, находится в вековой оппозиции к конфуцианству. С одной стороны, Дао как-то милее сухого конфуцианства, романтичнее, с другой и опустошающие страну крестьянские бунты со свержением династий зарождались в недрах даосизма. Понятие у-вэй, то есть - недеяние, отрицание целенаправленной деятельности, но это не есть бездействие, а деятельность человека, гармонирующая с

естественным ходом миропорядка. Невольно напрашивается православное понятие умного делания - аскетического делания, заключающегося в непрестанной Иисусовой молитве [43].

- Читал об этом, а как же! – оживлённо воскликнул Антон. - Если Господу подчиняется вся наша душа, сердце, то даже тело превращается в обитель Святого Духа. Подчинение Богу ума, а через него и сердца – залог единения с Всевышним.

- Но думая о робинзонаде до конца дней своих, я не верю более в рай на тропических островах подобно Стивенсону, или Гогену. И Самоа, и Таити, да и все прочие тёплые райки перенаселены и не сохранили природы своей, - задумчиво сказал Глеб.

Отцовская ферма и смерть деда

Я в лес бежал из городов,
В пустыню от людей бежал...
Теперь молиться я готов,
Рыдать, как прежде не рыдал...
Н. Гумилёв

Город! Что может быть ужаснее этого создания человеческих рук! Город в современном его виде – это зачастую урод-

[43] «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного» - умная молитва, тайная молитва, священная молитва, сердечная молитва, затвор ума и сердца, трезвение, хранение ума.

ливость, ужас, нелепость… Город на небе дымно начертал свои заклинания

Вс. Иванов

Рано утром Глебу позвонил отец и сказал, что их дед при смерти. Оба брата прервали своё участие в конференции и устремились в автомобиле Глеба, на котором тот прибыл из Торонто, в верховья реки Фрезер[44]. Они выехали рано, и лишь к вечеру добрались до знакомого поворота. Свернув с шоссе, после посёлка Блю Ривер, они оказались на грунтовке, ведущей к родной ферме. Со времён последней Мировой войны грунтовая дорога изменилась незначительно. У поворота стояло несколько скромных ферм. К ним вела накатанная дорога. Дальше, колея вилась среди скучного вторичного леса и вела к единственному пункту – ферме Охотиных, поэтому никого не интересовало состояние дороги, кроме владельцев фермы, достаточно ограниченных в средствах. Через добрый десяток миль тряски по буеракам, уже в сумерках, появился покосившийся столбик с надписью «Частные владения» и послышался лай собак. До восточной границы провинциального парка Уэллс Грей оставалось несколько миль. Туда, в глухую тайгу верховий Мёртл Ривер, шла старая охотинская тропа, по которой предки ходили в гости к

[44] Река названа именем торговца Северо-западной компании и исследователя Саймона Фрезера (1776-1862), который впервые нанёс на карту значительную часть Британской Колумбии. Как и его старший коллега по компании, Маккензи, он открыл важные речные пути для пушной торговли.

соседям-фермерам годами, когда ещё не было ни грунтовки, ни шоссе. Та же тропа вела дальше к реке Клируотер, где, во времена основания фермы, начиналась связь с миром обетованным. Из щемяще знакомого и милого сердцу деревянного дома с просторным чердаком вышел высокий человек в летах, слегка прихрамывающий на правую ногу. Старый пёс, верный Аргус, тоже грузно прихрамывая, выбежал встречать людей, которых он сразу почуял и узнал. Братья потрепали пса, пригладив его уши, обнялись с родителями.

- А диогенова бочка ваша так и висит на том же дереве, на том же самом суку. Да только вы уже в неё вряд ли поместитесь, как тогда. Поначалу, как отец бочку вам подвесил, вы оба могли в неё влезать, а то и с сестрой вместе. Да и трухлявая теперь, поди, бочка стала, - как обычно, всё также ласково, улыбнулась мать.

Как и в последний раз, отец тут же спросил:

- Ну как, привыкли к городской вони окончательно? Не пьянит ли здешний свежий воздух?

- Ты знаешь, пап, по нынешним временам, канализация надёжно изолирована и вони от неё там нет, - невозмутимо заметил Глеб младший.

- Но сама мысль о том, что я живу в какой-то сажени от труб с нечистотами подо мной, и не только моими, а со всего миллионного муравейника, свели бы меня там с ума. Как можно существовать в тесной квартирке многоэтажного дома и не тронуться умом? - покачал головой Глеб Андреевич.

- И я вполне понимаю папу, - с ехидцей заметила сестра Капитолина, получившая это имя в честь прапрабабушки.

- Ты сам, отец, мечтал, чтобы мы получили образование, - холодным тоном отозвался старший сын. – А ты бы могла, после долгой разлуки, не вредничать, сестрёнка.

- Образованным самое место поднять своё фермерское хозяйство на небывалую высоту, - не унимался отец.

- Если Антон и смог бы приложить здесь свои знания, то мне бы пришлось перенести нашу ферму на ближайший ледник, где, возможно, я бы научился выращивать огурцы, - улыбнулся Глеб.

Братья умылись и напились воды, а мама примиряюще рассмеялась и посадила голодных сыновей за стол, полный домашних сыров и кислого молока с чёрным хлебом. На вопрос Антона о его любимом козьем сыре, мама ответила, что завтра он должен поспеть. Охотин-младший мог лишь мечтать о таком сыре в городе.

Потом все поспешили в комнату деда, где у одра сидела, склонившаяся к умирающему, Капитолина. Увидев внуков, дед Андрей просиял, ибо ум его оставался незамутнённым, хотя жизненные силы покидали бренное тело. Перед самой смертью, восьмидесятипятилетний старик не желал быть никому в тягость. Он собрался силами и повёл свой очередной рассказ об отдалённом прошлом, подобный всем тем, что он некогда рассказывал внукам, когда те жили вместе на фер-

ме, основанной прадедом Глебом. Братья заметили сколь заметно исхудал дед, как глубоко запали его глаза, вытянулось и без того продолговатое, грубоватое лицо, унаследованное от прабабушки Февронии. Но и сейчас в серых охотинских глазах деда слегка блеснул задорный огонёк молодости.

- Однажды, когда семья обитала в Парагвае, мы с отцом стали подумывать о переезде в Канаду – подальше от войн, в таёжную глушь. Прадед ваш и прабабка начали стареть и климат Парагвая, становились им в тягость, - начал дед Андрей. – Отправился прадед на разведку в Канаду. Случайно встретил в канадском лесу путника, оказавшегося приятным человеком и занятным собеседником. Звали его Джеймс Оливер Кервуд. Признаться, и отец не подумал тогда, что наткнулся, по воле Провидения, на американскую знаменитость тогда уже, заработавшую на своих романах на личный замок в Мичигане. Позже мы узнали о нём, купив его роман на русском, у одного спившегося эмигранта. Оказалось, что Кервуд умер через год после встречи с отцом. Певец канадской тайги, каким-то образом, подействовал на моё воображение и, после чтения его романов, мне постоянно хотелось отправиться на просторы вольного севера.

- Люблю, иной раз, почитывать Кервуда, - улыбнулся Антон, но тут же поймал себя на мысли: «Жаль, что дед не оказался на четверть века раньше на Клондайке и не познакомился с Джеком Лондоном. Что за чушь лезет мне в голову? Чем это добрый защитник природы Кервуд хуже того мачо,

который, к тому же, временно был коммунистом? Да и дед тогда ещё не родился».

- Судьба занесла семью нашу сперва в Соединённые Штаты. В конце тридцатых годов мой отец, ваш прадед Глеб, наконец, вознамерился перебраться из постылых Штатов в Канаду и выбрал верхнее течение реки Фрезер, чтобы начать там крестьянствовать, купив дешёвый участок, - продолжил дед Андрей. - Отец ваш был тогда лишь в отдалённых планах и родился только в 1941-м. В молодости ваш дед тоже не горел желанием трудиться только на этой ферме и мечтал о другом, более романтичном месте неподалёку – домике возле крупнейшего в Скалистых горах Канады ледника - Ледовое Поле Колумбии, который порождает три крупные реки, текущие к трём разным океанам: к Тихому – река Фрезер, к Ледовитому - Атабаска и к Атлантике – Саскачеван. Впрочем, полагаю, что вам всё это известно, ведь Глеб – гляциолог. Хотел я тогда созерцать из своего окна ледяные вершины с заманчивыми названиями Снежный купол и Лорд Китченер. Позже отец мой, по моему настоянию, отправился в те края вместе со мной, но оба мы были разочарованы: близ ледника уже проложили большую дорогу с целью развивать туризм. Мы опоздали, а может оно и к лучшему, ведь наша ферма до сих пор стоит в медвежьем углу. Мой сын, отец ваш, куда разумнее меня. Он – домосед, привязан к земле, любит её и не одержим первопроходством, тем паче, не склонен к праздному туризму.

- И это благодаря ничем непримечательному расположению фермы без мест, притягательных для туристов, - вставил их отец мрачновато. – Без паньских вытрэбэнек место.

- Сын мой здесь с одними украинскими эмигрантами и общается. Вот и понабрался словечек, - улыбнулся дед. – Когда мы сюда добрались впервые и, среди глухой тайги, соорудили свой первый сруб, не имея ещё навыков к тому, дом не очень удался и через несколько лет пришлось его перестраивать. К тому времени, мы с отцом подружились с соседями, до которых было, впрочем, полдня пути на лошадях, и многому научились у этих, более умелых, людей. Отец умел храбро воевать, но не строить, я же – молодой бездельник, умел лишь ловко лазить по горам, охотиться, держаться в седле. Первое время и жили охотой, да рыбалкой. Соседи же, имели крестьянские корни и смогли обустроить свой быт в глуши гораздо лучше нас. Были среди них и потомки тех, кто прибыл в эти края из Онтарио в числе ста семидесяти пяти переселенцев 1862 года. Они прошли тысячи миль без дорог, в надежде разжиться на золотоносных землях гор Карибу. Многие из них не выдержали тягот последнего, горного участка и спустились форт Кэмлупс, повернули назад, или удалились на тихоокеанское побережье. Но те, кто выдержал и стал старателем гор Карибу, осели здесь, а их потомки стали крепкими таёжными орешками. Оказавшись на верхнем Фрезере, наша семья прознала о том, что в Британ-

ской Колумбии в 1929 году был создан общеказачий хутор силами пяти человек. Отец мой отправился туда, чтобы повидаться с казаками. Меня с собой не взял, считал, что нельзя бросать ферму на женщин. Вернулся ваш прадед несколько разочарованный: далеко от нас оказалось, слишком населённая там местность и народ вокруг не слишком к казакам доброжелательный. Хуторской атаман – кубанский казак и агроном Кривцов встретил Глеба Гордеевича приветливо, но и не зазывал примкнуть к ним. На том дело и закончилось. Насколько мне известно, развитие того хутора постепенно, увы, заглохло. Маловато казаков на западе Канады[45]. Ближайшим же нашим соседом и, наиболее приятным, стал Майк Мэйрус родом из герцогства Люксембург. Он был лет на десять моложе вашего прадеда Глеба – эдакий весельчак и прекрасный рассказчик, послушать которого мне было всегда занятно. В 1910-е он перебрался в Штаты, где подрабатывал чем придётся, а после, с двумя дружками, пришёл в посёлок, что в устье прозрачного до синевы Клируотера. Через год оба друга куда-то уехали, а Майк остался здесь, пе-

[45] Зато близ только Нью-Йорка в те годы проживало до 400 казаков, станицы возникли под Филадельфией, Кливлендом, Детройтом и Чикаго. Казаки, овладевшие английским, сумели достичь успехов. Так, например, сибирский подпоручик артиллерии Лузанов в 1927 г. стал биологом в департаменте рыбоводства, а с 1936 г. – доктором морской биологии. Уралец Бородин, который в 1926-27 г.г. работал в качестве ассистента-куратора Бруклинского музея «Искусство и науки», в 1927-28 г.г. стал ассистентом американского Музея естественных наук, а затем куратором Музея сравнительной зоологии (отдел ихтиологии). С 1931 г. он стал профессором Гарвардского университета.

ребравшись в глушь, выше по течению. Он поставил избу на нижней Мёртл Ривер на века – знатным плотником был, не то, что мы - Охотины. Помните, как в детстве мы с отцом возили вас туда, где стоят до сих пор руины его избы, как и семейства Рэй, неподалёку от Мёртл. Теперь те жалкие остатки строений – достопримечательность национального парка.

- Конечно, дедушка, мы помним, - мечтательно улыбнулся Антон. – Люблю дикие пороги Даусон, что на Мёртл, хотя и далековаты они от нас. И это, не говоря о великолепии ста сорокаметрового водопада Хелмкин, что близко виден, с милой сердцу тропинке к нему, среди старых красных кедров и дугласий.

- Да и все малые водопады парка Уэллс Грей прекрасны. И Спахатс, с его щелью в вулканической полукальдере и базальтовыми структурами, и Маул, и мощь стремнин Маркус, - добавил Глеб.

- Огородничал Майк тоже отменно, - продолжил дед. - Какими только овощами меня, юнца, не угощал! В конце тридцатых, помню, огород его занимал добрый гектар, а луга для сенокоса и того больше. И всё – для единственного любимого коня. Умер Майк в семьдесят два года, эдак году в пятьдесят пятом, как я припоминаю. Лет тридцать он провёл в глуши на Мёртл. Старика того никакой комар не брал. Как и мороз. А зима тридцать шестого года лютой была в Канаде. Соседи Майка – скваттеры Рэй, суровые, но достаточно добродушные люди, жили возле горячих минеральных источни-

ков, что у озера Элис, которые вы тоже видели, ребята.

- А как же, дедушка, помним мы всё, - оживился Глеб. – Источники те уникальны. В них нашли кальций, кремний, магний, железо, алюминий, соду!

- Джон Баньон Рэй был на пять лет младше моего отца, а жена его, Элис, так и вовсе молодуха. Она была на год старше меня. Очень суровая пуританская семья, но иначе там, в те времена, и не выживешь. Около сорока лет прожили они там. А мы-то уже подольше, на нашей ферме!

- Ферма стоит здесь уж дольше полувека, - заметил отец.

- Многие в посёлке на Клируотере очень косо на нас смотрели, мол, русские – потенциальные враги, но Рэи были объективнее. Как-то запомнилась мне, брошенная кем-то из поселян фраза: «да какие уж они там христиане. Но крепко верят и ладно». И семью нашу стали уважать за трудолюбие, выбранное место в самой глуши и крепость в вере отцов. Приверженность вере до войны было качеством, наиболее достойным уважения. Но, увы, времена меняются. Вы, внуки мои, Церкви святой ревнуйте, о корнях своих не забывайте. Ходите ли ещё вы на службы в храм Божий? В городах-то у вас, поди, есть храмы?

- Дед, в Ванкувере это не просто. Главное, в душе-то я православный, - поспешил успокоить его Антон.

- Да, дед. В Торонто русская церковь вполне доступна, - задумчиво проговорил Глеб.

- Сами-то Вы, Андрей Глебович, когда последний раз на

службе были? – спросила мама.

- Всё так, невестушка… Нам здесь всем, с Капитолинушкой, оно и простительно, - заметил Андрей Глебович. – Маловерными не стали. Но им там, в городах, недолго и … Ну, да ладно. Расскажу лучше-ка я вам о занятной семейке, которая занималась не фермерством, а пушным промыслом и охотой в бассейне Фрезера. Семья Эрика Кольера – переселенца, прибывшего семнадцатилетним, кажется, в 1920 году в Канаду из Англии, долго мытарствовала в тайге прежде, чем добилась налаженной жизни.

- А как вы встретились, дед? – спросил Глеб, подумав, что упомянутый дедом человек был на десять с лишним лет старше его деда.

- Случайно, путешествуя однажды далеко по нашим краям. Кольеры – не соседи наши. Их жилище далеко было по Фрезеру. А может и поныне цело – кто знает? Эрик признался мне, что он большой неудачник. Сын коммерческого директора небольшой фирмы, он не пожелал стать адвокатом, вопреки настоянию отца и был послан к кузену в Британскую Колумбию разводить скот. Видимо они с кузеном не поладили и Эрик пробовал служить клерком в доме для приезжих на плато Чилкотин, прирабатывал на почтамте, принимал пушнину у индейцев из соседней резервации. Всё это приносило мало денег и не вызывало ни малейшего желания продолжать в том же духе. Вроде вашего деда, который в период метаний молодости, успел поработать и на Сахаро-очи-

стительной фабрике Британской Колумбии, что в Ванкувере.

- И там до сих пор стоит её старый корпус, - вставил Антон.

- В Риск-Крик Эрик встретил свою будущую жену Лилиан, которая на четверть индианка. До сих пор помню её рассказы, бережно сохранённые ею, со слов её бабушки-индианки. Сокровенно повествовала Лилиан о том, сколь богаты были их леса оленями, лосями, бобрами, ондатрами, птицей и рыбой до нашествия белых переселенцев, которые разорили весь край уже в начале столетия. После истребления бобров, малые реки сильно изменили свой режим даже без вырубки леса. Стало меньше заводей, озёр и тайга становилась суше. Чаще случались лесные пожары. Правительство запретило охоту на бобров с двадцатого года, но было уже поздно: во всей Британской Колумбии бобров не осталось. Бобровые плотины идеально регулировали весь бассейн Фрезера. Впрочем, речной сток был нарушен там впервые ещё до истребления бобров старателями-китайцами в середине прошлого века. Трудолюбивые китайцы отводили воду из притоков Фрезера в сторону для промывки золота. Потом на заброшенных золотых копях стали разводить скот. Летом 1931 года Эрик с женой и двухлетним сыном Визи поселились в палатке на ручье Мелдран-Крик. Департамент дичи Британской Колумбии выделил им охотничий участок в триста квадратных миль с ничтожной арендной платой. Правда, они должны были некоторую часть пушнины сдавать государ-

ству. Правда, вскоре выяснилось, что пушных зверей в округе почти не осталось. Постепенно они построили небольшую избушку, превратившуюся позже в солидный дом. Место у них было тогда ещё более уединённое, чем у нас здесь. До ближайшего населённого пункта было тридцать миль. Но переселенцы тех краёв разводили лошадей, строили мосты, а вскоре проложили дороги[46]. Куда раньше, чем у нас здесь – ещё до Войны, у них появилось радио. Тогда, в самом конце тридцатых, повстречал я этих людей. Их сын был уже крепким мальчуганом. Кольеры начали сами строить плотины вместо бобров, а потом выпустили две пары бобров в ручей. Через четыре года они имели уже порядка сорока бобров, а вскоре начали промышлять их, но ограничивая себя охотничьими квотами[47]. Бобровое население было ими восстановлено – честь и хвала Кольерам. Весной сорок восьмого был необычный паводок и Фрезер вышел из берегов, разрушив много сёл, смывая посевы, – память деда продолжала работать с былой энергией. - Но на ручьях, защищённых бобровыми плотинами, наводнений не случалось! Об этом даже по радио вещали. Я вдохновился примером Кольеров, изложил их опыт отцу, который вовсе не пришёл в восторг от перспектив смены деятельности и настоял на продолжении

[46] В 1947 г. у Кольеров появился свой подержанный джип, поскольку после войны цены на меха резко поднялись. Поначалу Эрик противился такой покупке, не желая портить воздух бензином.

[47] В 1948 г. на ручье жило уже более 200 бобров. В 1956 г. Кольеры добыли уже сотню бобров. Всего они прожили в лесу около 30 лет.

нашего огородничества и скотоводства, вопреки разведению бобров и промыслу их. Одним из его аргументов против стал тот факт, что он, ветеран двух войн, не хотел проливать никакой крови больше, пусть даже звериной. Самое кровожадное занятие, которое позволял себе ваш прадед была рыбная ловля. Впрочем, к концу сороковых, у него уже не было здоровья на что-то иное. Мои мечты стать траппером Соколиным глазом и владельцем бобровой фермы не сбылись. К пятидесятым годам по всей Британской Колумбии ходили слухи о мормонской общине Бонтифул, что на границе с США. Как известно, у мормонов процветает полигамия и встречалась она куда чаще, чем среди мусульман, хотя официально в Канаде многожёнство запретили с 1890 года. Мормоны, как правило, люди с деньгами. Так вот, шесть отцов-основателей общины избрали двух лидеров, имевших двадцать пять жён и сто одного ребёнка на двоих. Девочки нелегально отдавались замуж с пятнадцати лет. Полиция заинтересовалась общиной, времена менялись. Скорее всего, их разогнали, мне точно неизвестно, но всё это я к тому, что будьте осторожнее с нашими новыми соседями-сектантами, квакеры живут теперь на ферме ближе к шоссе. Уж лучше с духоборами на повороте к Клируотеру якшаться.

- И не думаем, дедушка, под влияние квакеров попадать. Да и духоборов тоже, - мило улыбнулась Капитолина.

- Дед, а почему Глеб Гордеевич всё же решился покинуть

тёплое побережье Атлантики и удалиться далеко на север? – спросил Антон.

- Жили родители на границе Джорджии с Южной Каролиной и, в самом деле, климатически местах благодатных. Но всё было непросто. Большой участок земли стоил там слишком много и то, что они могли себе позволить, переставало кормить семью. Экономический расцвет Запада называли как «золотыми двадцатыми», так и «ревущими, сумасшедшими». Уже в 1922-м там появился первый цветной кинофильм и возможности техники вдохновляли массы. Во всяком случае, Викторианская эпоха канула в Лету. Воцарились идеалы быстрого обогащения и лёгкости нравов. Причём, как в Европе, так и здесь. С тех пор, они развиваются параллельно. Вызывающая мода с короткими флэпперскими юбками и стрижками, странное для нас звучание джаза, как уверял ваш прадед, до добра американцев не доведут. В большие города прадед и заезжать избегал. Общество потребления его раздражало. Благодаря Германской войне, Соединённые Штаты стали самой богатой державой. Автомобили, кинематограф, грампластинки и радио становились достоянием масс и народ неуклонно богател. Примечательно, что закон Федеральной радио комиссии тогда запретил передавать богохульства и порнографические тексты по радио. Это свидетельствует о падении нравов, ибо до того эти аспекты были и вовсе невостребованными в крупном масштабе, а в двадцатые всё резко изменилось.

- Выходит, что двадцатые годы стали своего рода скачком в направлении либеральных реформ шестидесятых, - вставил Глеб.

- Когда мы все окончательно переехали в Штаты в середине тридцатых, там ещё продолжалась глубочайшая Великая депрессия, всё и вся под себя подминающая. Отец ваш тогда ещё и не родился, а только потом, на канадской земле. Купить участок в Канаде можно было намного дешевле, если знать где и как, да и сквоттерство на севере ещё процветало: приходи в глушь, да живи как хочешь. Поэтому, когда ваш прадед расстался окончательно со своей службой в Парагвае, он тут же решил перебираться в Канаду. После 1936-го мы все уже оказались в Британской Колумбии.

Братья Охотины заметили, что не только их сестра, но и родители слушают рассказ деда с большим вниманием. «Кроме Канады родители не видели ничего в этом мире, как и Антоша с Капой» - подумал Глеб.

- А каково жилось вам на востоке Штатов? – спросил Антон.

- Можно сказать бедно, - ответил Андрей Глебович. – Да и жизнь там стала совсем иной именно в плане падения нравов, духовности. Электричество, развитие канализации и прочих удобств нашей глубинки коснулось тогда ещё мало. Небоскрёбов Нью-Йорка мы и не видели, но дух общества резко менялся и не в лучшую сторону. Даже в нашей сельской местности отплясывали фокстрот и чарльстон. Особен-

но для моих родителей, мыслящих категориями добрых православных верующих былой России, всё это стало шокирующим. Обилие косметики на девицах, к примеру, в их глазах было атрибутом женщин лёгкого поведения. В двадцатые оно стало нормой. В те годы женщины начали носить брюки, мужчины - завивать волосы. Родители ещё не знали, что заниматься развратом в автомобилях становилось делом массовым, а среди студентов в больших городах широко распространился петтинг – половые связи без полной близости. Пресса уже открыто писала о том, что женщины, по Фрейду, нуждаются в половой жизни не меньше мужчин, что подавление либидо вредит их психике. В глубинке пока ещё преобладали традиционные семейные ценности, но иные кинозвёзды в городах почти открыто предавались однополой любви. Издавали книги о ней, пользующиеся огромным успехом. Зарождалось движение за права меньшинств такого рода. Помню, как узнавая о таком, я старался беречь нервы моих родителей и умалчивал. Мы жили тогда в убогой лачуге, пропахшей коровами, но под старым тюльпанным деревом на берегу Алпанахи – притока Саваны в Джорджии. Отец к нам приезжал из Парагвая очень часто и, до Чакской войны, жил большую часть времени вместе с нами. Порой мы жили чуть ли не впроголодь, особенно, если отец уезжал и денежные переводы от него, по каким-либо причинам, задерживались. Молодость моя протекала в болотистых кипарисовых лесах с пойменными зарослями сассапарели, еже-

вики, бузины, жасмина, ядовитого сумаха и скунсовой капустки. Нет, не берёзы, увы, помню я от, впервые устоявшегося, отчего дома. Не землянику с княженикой, маслятами и боровиками собирал я в юности, а орехи пекан. До того жили мы и вовсе в тропиках, а дом в Москве, в котором я родился, помнить не могу – младенцем был. Дом отчий напоминает мне не трель жаворонка, а не слишком приятный жалобный писк козодоя, хриплые крики квакши. И не на медведя с рогатиной я ходил, чтобы себя утвердить, а на аллигатора. Камедное дерево, как и тюльпанное, были хорошо знакомы, как и магнолия, под которой у нас возле дома жила мокасиновая змея. Но и буки росли там, и сосна на холмах, как в Европе, которую помню лучше, чем Россию. Ведь мне было всего семь в двадцатом, когда мы бежали из Крыма. Нашими трудами с отцом, но и стараниями матери, первая ферма стала неплохо нас кормить: климат и почвы там благодатные. Правда, что теперь там от тех лесов осталось – не знаю. В доме уже не переводились свиная грудинка, бекон, кукурузный хлеб со шкварками – жить стали сытнее. В Сербии когда-то играл с соседскими мальчишками неплохо, а в Париже было тоскливо. Потом и с индейскими мальчиками играли весело в Парагвае. В Штатах мне уже было около двадцати, но иной раз хотелось погонять мяч с негритянскими соседями. Русским расизм не свойствен, а потому у меня никогда подобных комплексов не было. Кстати, и родители дружили, с полунищими тогда, неграми больше, чем

с чванливыми белыми соседями. Негритята, что моложе меня были, верили в существование некоего обруч-змея, который хватает зубами собственный хвост и катится по дорогам. Увидеть его можно лишь с появлением молодого месяца. Много таких легенд среди них бытовало в духе сказок дядюшки Римуса. «Если не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное[48]». Жили негритянские семьи тогда на кукурузе, сое, калёных земляных орехах, заливая их сорговым сиропом. Торговали они ячменными леденцами в кульках, духовитыми варёными крабами, свиными ножками и ушами. Фермерство в их семьях не ладилось, зато духовные гимны они петь умели лучше белых. От лени ли, от недостатка ли стартового капитала не ладилось их земледелие и скотоводство – не знаю. Белые соседи были глубоко уверены в первом. Они брезговали заходить в гости к неграм, уверяя, что в их домах непременно варится мясо опоссума, после которого дом провонивает на десятилетия. Но ведь опоссумами, или енотами станет давится, разве что, опустившийся бездомный белый. Сплетничали и, что негры смачивают тюфяки своих кроватей керосином от клопов и вшей. Таково было сложившееся общественное мнение. Сами белые частенько гнали на дому паршивое пойло и стойкий дух сусла никого не смущал. «Чем меньше перегонный куб, тем слаще бренди выходит», - смаковал гордый собой сосед. Негры предпочитали наниматься на сезон на сбор хлопка, а когда долгоносик

[48] Евангелие от Матфея.

попортил его урожай, да потом ещё случилась лютая зима тридцать шестого, бедняки мёрли, или бежали куда-то в города. В те годы осели поблизости от нас соседи-амиши – всего одна семья старого Джеремая Эбрама Колдуэлла и его сына Джошуа, почему-то уехавшая из Пенсильвании. Поначалу мы ожидали от них замкнутости и сектантского чувства превосходства, но они оказались добродушными людьми лучше среднего жлоба-местного обывателя. Как-то я подружился с детьми амишей, уже в качестве дяденьки, и развлекал их игрой в Шалтай-Болтая из яичной скорлупы. Отец, иной раз, беседовал с их родителями. А вот других белых соседей мы избегали. Ближайший, из живущих соседей, старик, заявлял с гордостью, мол, он - южанин, а не какой-нибудь саквояжник[49]. Мы соглашались с ним, что лицемеры-янки сумели преподнести себя в выгодном свете всему миру: идеал демократии и прогресса, с честнейшими законами, к тому же якобы - пацифисты. Нападение на Канаду и Мексику в первой половине девятнадцатого века напрочь забыты всеми, зато выпячивают отмену рабства. Кстати, и рабство, уж забытое в старом мире, кроме как среди арабов, процветало в Америке до 1860 -х. Наивно полагать и, что Север начал воевать с Югом с целью защитить негров. Северяне не хотели иметь рабов вовсе не из гуманности своей, а потому, что рабство совершенно не эффективно для обработки пшени-

[49] Так называли северян, наводнивший Юг после Гражданской войны, искавших выгодные должности в условиях временного хаоса.

цы, по сравнению с хлопком южан. Может быть Линкольн и был человеком гуманным, но это ни о чём не говорит. В этом сосед был прав, но в остальном – мракобес и злобный расист. А жена его из Лиги женщин-евангеличек была сущей стервой.

- Кстати, Россия поддерживала морально своего будущего геополитического врага – жадный промышленный Север, лицемерных янки, а не простодушных южан. Александр Второй послал корабли для демонстрации своей потенциальной силы вдоль Восточного побережья Америки. В этом была скрытая угроза южанам. Вся Европа играла в демократию, - вставил Антон.

- Не хватало Александру Второму мудрости Третьего. Вот был Государь! – добавил Глеб, улыбнувшись своим мыслям.

- А вы знаете, внуки и внучка, что в годы войны сорок первого-сорок пятого, дед ваш рвался на советский фронт, чтобы быть немцев вместе с русскими, а не отсиживаться в западном полушарии, подобно престарелым, потрёпанным жизнью, родителям. И только слёзные мольбы матери, и суровые доводы отца о том, что у меня будет гораздо больше шансов угодить в сталинские лагеря, чем на фронт, остановили меня. Успокоился я лишь, когда собрался, году в сорок третьем, на север – в загадочную долину реки Наханни, где регулярно гибли люди. Отец был уже староват для таких скитаний, но отпускать меня одного уж очень не хотел. Как и мама, впрочем. Еле вырвался. Впервые посвоевольничал.

Далеко по течению Наханни, впрочем, забраться не удалось мне – уж слишком труднопроходимо и дико там, а я один был. Да и лето там короткое… Уже в пятидесятые ездили мы с приятелем в Венесуэлу, ибо прознали, что там некие робинзоны под водопадами Канаймы живут[50]. Встречались там с русским человеком, что жил уже годами в полном одиночестве. Раз в году добирался он до посёлка, где выменивал предметы первой необходимости. Были у меня в то время мысли: не уединиться ли вовсе в такой нейтральной стране…

Неожиданно лицо дедушки посерело, и он сильно закашлялся.

- Прочитай отходную, Глеб, будь так добр, - вдруг, еле слышно, обратился Андрей Глебович к сыну. – Стар стал. К одру пора. Покидаю я вас. Мир вам, внуки мои - Капитолинушка, Антон и Глеб. Прощайте, сын мой и верная милая невестка моя.

Отец принёс икону, водрузил её на грудь деда и дал ему поцеловать старый фамильный крест. Затем отец тихо, но не монотонно, а с выражением, начал читать «Отче наш» и «Помилуй нас, Господи». Мать присоединилась к размеренному чтению отца, сбиваясь порой от волнения. Андрей Глебо-

[50] В Канайму в 1950-е годы приехали независимо американец, русский, литовец и немец и, некоторые из них, жили долго полуробинзонами с индейцами. Русский, Анатолий, жил до 1980-х отшельником на островке между водопадами Канаймы. Литовец впервые организовал туры к высочайшему водопаду мира на вёслах.

вич отошёл тихо и достойно. Глеб Андреевич уронил скупую слезу, а жена его, как и Капитолина, расплакались, не стесняясь подлинного потока слёз. Глеб Глебович сумел удержать слёзы, но Антон не пожелал следовать его примеру. Деда Андрея похоронили на родной ферме, соорудив основательный крест, чтобы не меньше был, чем на соседней могиле прадеда Глеба и прабабушки Февронии, лежащих в земле своего детища – «Фермы Оукоутин», как прозвали их соседние фермеры.

- Не будь семнадцатого года, жили бы себе в родном Отечестве и похоронили бы всех своих по-человечески – на кладбище, с отпеванием в церкви, - ворчал отец.

- Это ещё вопрос, папа, - возразил Глеб Глебович. – Если присмотреться к жизненному циклу нынешних людей Запада, то мало кто всё ещё хоронит своих по христианскому обычаю. Не уверен, что те же изменения сознания не затронули бы и Россию, если бы она мирно развивалась и богатела, подобно Западу.

- Может быть ты и прав, сын. В таком случае, я был бы меньшинством, придерживающимся традиций, - сказал Глеб Андреевич. – Ваш дед был всегда добрым человеком. Помню, как он переживал не только о кровавых событиях в России в течение всей его жизни, но и, например, о судьбе эскимосов, зависящих от миграций карибу. Когда оленям преградили пути трубопроводом, они изменили свои миграции настолько, что целому народу – оленьим эскимосам (в отли-

чие от тех из них, кто питается дарами моря), угрожал голод. Правительство немного помогало им и сбрасывало мешки с галетами с самолётов. Но на зерновых, без животного жира, эскимосы продолжали умирать в условиях лютых зим середины сороковых годов. А когда соседи наши во всю удобряли свои поля грошовой рыбой-скво, которую ловили в немыслимых количествах: разбрасывали по полю едва заснувшую рыбу, а то и живую, и тут же запахивали, Андрей Глебович, как и его отец, возроптали, выразили недовольство. В результате у соседей случился хороший урожай, а мы сосали лапу. Я тогда младенцем был и позже от бабушки всё это слышал. Помню, как в году, эдак, шестидесятом, я услышал, что в реке Фрезер пойман двух с половиной пудовый осётр, сажень с лишним длины (старшие Охотины до сих пор переводили все местные цифры в привычные в семье дореволюционные меры)! Захотелось самому порыбачить на Фрезере. Отец мой отговорил меня тогда, убедив в том, что осетры во всём мире исчезают, и был прав. Через семь лет на Фрезере построили плотину, нанёсшую удар по осетровым. Правда, потом, в восьмидесятые, писали, что пойман один пятидесятилетний осётр в пять с половиной пудов[51]! Но дед ваш был прав: ловить осетров в наше время – грех.

- Лет пять назад, пап, случилась массовая гибель осетров

[51] В 2010 г. в Фрезере пойман75 летний осётр 2,5м, 130 кг. Они живут до 150 лет и растут в течение всей жизни. В начале XX в. был пойман осётр до 5м и 650 кг.

в Фрезере, - добавил Антон. – Скорее всего – от загрязнения. Ясности нет.

- Только раздражают подобные заметки, - решительно добавил его брат, - заголовок, набранный жирным крупным шрифтом, сулящий всенепременную сенсационность, но не более. Информативность близка к нулю. Перечень фактов со сдержанным возмущением автора, призыв к скорейшему принятию мер. Но, в дальнейшем, тема часто закрывается, словно никого она больше не интересует.

Долгие месяцы, проведённые в одиночестве в лесу, подвинули Антона к частым воспоминаниям юных лет на родной ферме. И теперь, после похорон дедушки, вставали картины рыбалки с семьёй, когда он, маленький прыткий мальчишка, исчезал в пойменных дебрях чины, кипрея, чина и вика, возвращаясь с, сорванными для мамы и сестры, болотными лилиями. По-своему, Антон очень любил родную ферму, как и своих родителей. Но сейчас, чувство вины перед ними, как и пред самой фермой – чем-то очень родным, отравляло все мысли о прошлом. Продолжить дело отца, да и самого прадеда Глеба, он не хотел, ставя на первое место службу охране природы, а не отнимание земель у дикой природы, что неизбежно делают все фермеры. «Если во времена прадеда и молодости деда это и было естественным, то как можно позволить себе такое в наши дни? Распахивая ли землю, или отгоняя скот на выпас, мы неизбежно ущемляем природу…

– задавался вопросами Антон Глебович, не находя ответа. – Но чего я добился на поприще охраны природы? Очень немногого. Силы её разрушающие, несоизмеримо сильнее моих возможностей. Не смириться ли, не начать ли жить и работать здесь, помогать стареющим родителям? Ведь скоро им станет не под силу тянуть немалое хозяйство! А как я любил наш коровник в детстве! Как играл с каждым телёнком и узнавал его в лицо! Честную работу на свежем воздухе я бы совмещал с чтением по вечерам серьёзных исторических трудов, начиная с мемуаров предков. Что же тут плохого?» Отец и дед показывали ему с братом толстые тетради, исписанные прадедом и самим дедом на старости лет, и оба брата были рады узнать, что путешествия деда, некогда рассказанные им, не забудутся. Кое-что о семье рассказывала ещё бабушка, но её Антон призабыл изрядно. Помнил лишь, что очень красива она была. Лидия Николаевна Столетова, супруга деда Андрея погибла под, упавшей с высоты от ветра, ветви уже давно. Антон твёрдо решил найти время и перепечатать в компьютер записки предков, а также, первым делом, изучить воспоминания прадеда, на которые он до сих пор не находил времени. Он лишь слышал некоторые отрывистые рассказы деда о начале их эмиграции.

Брату Глебу тоже не спалось в тот вечер в соседней комнате и ход мыслей его был близок к таковому Антона. Глеб подумал ещё и о матери своей, которая была сама скромность,

хотя и происходила из семьи русских либералов Бахревских, настроенных в духе февралистов, одобряющих отречение Николая. Но отец заявил, мол, если любишь прими меня как есть - крайне правым монархистом и изменить меня ты не сможешь. Иначе мы должны расстаться: принципы верности семейному долгу и Престолу для меня на первом месте, как бы я не любил тебя. И Александра Васильевна Бахревская безропотно изменила свои взгляды, удалилась из светской городской среды в глухомань ради любимого человека, неодобряемая родителями, оставшимися в Квебеке. «Так и надо жить, - думая о матери, внушал себе Глеб, - отрекаться от чего-то важного для тебя ради чистоты помыслов. Пора бросать работу, уходить в себя прочь от склок между учёными в зависимости от политиков – тошно от них. Чего-то я уже внёс в развитие гляциологии и охрану природы, пора и честь знать. У родителей скоро сил не останется, вот и вернусь я на ферму, продолжу дело предков. Может сначала найду себе в Торонто спутницу жизни. А быть может и в России, куда скоро непременно выберемся мы с братом. Пора бы и остепениться. Правда, остаётся и ещё более привлекательный вариант – робинзонствовать где-либо в подлинной глуши – на краю Ойкумены. Да потянут ли родители с сестрой? Но надо будет съездить с братом, да иные места приглядеть…»

Незваные гости

Если на горизонте жизни нет верных спокойных линий гор и леса, то и внутренняя воля человека становится сама беспокойной, рассеянной и вожделеющей, как характер горожанина - в ней нет истинного счастья, и она не даёт счастья.

Ф. Ницше

Стыд – это страх честности перед позором.

Эразм Роттердамский

- Задул холодный чинук[52], - проворчал отец как-то вечером, откладывая в сторону свою настольную книгу – «Лето Господне» Шмелёва. – Дует напористо и долго. Не к добру такое в марте, ой не к добру. На свежем снегу уже образовался наст, а кое-где и корка льда. Трудно будет кормиться диким животным.

- Да, в середине марта неожиданно вернулась зима… Давно такого не случалось. И не припомню, когда последний раз было, - мать тихо вздохнула.

Раздался лай собак и чьи-то голоса, усмиряющие фермерских псов.

- Кого ещё принесла нелёгкая? Нам к девяти дням гото-

[52] Тёплый воздух днём поднимается наверх, холодный – скатывается с гор вниз. В горах бывает тогда теплее. Но наверху, почти всегда, дует ветер, воздух за ночь охлаждается и утром скатывается в низины. Иногда такой утренний ветер чинук, или фён силён и поднимает позёмку до полудня. Чаще – весной.

виться надо, а тут… - ворчал Глеб Андреевич.

- Пойду посмотрю кто там, - спокойно сказал Глеб-младший и вышел налегке под, наводящую тоску, песнь ветра.

Вскоре Глеб вернулся с двумя путниками, которые проворно скинули лыжи и, привычно скалясь, шагнули за порог. Антон с первого взгляда узнал в раскрасневшемся молодом человеке того самого приятеля Мелинды с богемной вечеринки: «Его только тут не хватало. Что за ирония судьбы?» Молодые гости уже трясли руку всем хозяевам фермы, представляясь Айзеком Эроном и Десмондом Хатчинсоном.

- Хатчинсон? – задумчиво переспросил Антон.

- Да, да – сын того самого, что – глава лесозаготовительной компании. Но я не одобряю то, что мой папаша сотворил с нашими лесами, - бойко произнёс Десмонд. - Вы уж простите, что побеспокоили вас. Видим – жилище, лай собак, ну и подумали, грешным делом, не ставить же палатку в такую вьюгу, когда рядом живут люди добрые. Завтра уже такая возможность не представится – на северо-запад путь держим.

- Не уверен, что назавтра ветер уймётся. Да вы не стесняйтесь, конечно, о чём речь, - суетился отец, прибирая на столе кипу ещё невымытых, мисок.

- Раздевайтесь, раз уж надумали погостить, - предложил Глеб сдержанным тоном.

- Присаживайтесь за стол. Ужин наш ещё не остыл, - сказала хозяйка дома Александра Васильевна Охотина-Бахрев-

ская.

В комнате было натоплено и оба парня скинули с себя всё вплоть до маек с фотографиями тираннозавров и прочей архаичной гигантофауны. Айзек почему-то напялил на голову бейсболку и уселся за стол в ней. Оба они, нарочито поигрывая рельефными бицепсами, лихо умяли капустный салат и картошку с куриной подливой. Оба явно упивались сознанием своей мужской неотразимости.

- Всё со своей фермы, - с гордостью произнёс отец.

- Оно и чувствуется, что не какие-то там чахлые инкубаторские куры, - заметил Айзек.

- Да. Разве что настоящая лесная дичь ещё вкуснее, - небрежно бросил Десмонд и тут же стал развивать мысль о том, какой он умелый охотник, что он даст фору и самому, что ни на есть стопроцентному, таёжному индейцу. Звучало всё это совершенно неубедительно и казалось, что он с привычным автоматизмом старается произвести впечатление на всех, включая миловидную Капитолину, готовящую для гостей чай. Хатчинсон продолжал выразительно вещать о своих скитаниях и подвигах на природе, а Эрон уже поглядывал на него всё ироничнее, не веря ни единому слову. Бутафорные байки Десмонда начинали утомлять и Айзек, потягивая чай, приметив большую репродукцию японского водопада, повешенную Глебом-младшим на стену гостиной, заметил:

- Кажется это – Хокусай, не так ли?

- Похоже на Хокусая, - поспешил вставить Десмонд с ударением на «похоже», хотя всем показалось, что он бы сам никогда не вспомнил автора.

- Вы правы, - ровным тоном откликнулся Глеб. – Из его трёх, известных мне, водопадов, этот - наиболее необычный, хотя хороши все три.

- В самом деле: чего только стоят три бонзы, расположившиеся на циновке на нависающей скале, - добавил Эрон. – Трансцендентальность японской живописи во всей красе.

- Похоже, что они кипятят что-то в котелке. Поди готовятся к чайной церемонии, - усмехнулся Десмонд.

- Пожалуй, что так, - откликнулся Глеб, чувствуя, что атмосфера за столом не становится легче и после замены темы.

- Помните известную беседу последователя Дао, Лао-Цзы с Конфуцием? – спросил вдруг Айзек. – «Хочу услышать самое важное» - сказал Лаоцзы. «Самое важное - это милосердие и справедливость» - ответил Конфуций. «Разрешите узнать, каков характер милосердного и справедливого?» - спросил тогда Лао-Цзы. «Без милосердия нельзя стать благородным мужем; без справедливости нельзя даже родиться благородным мужем» - ответил Конфуций. «Что Вы называете милосердием и справедливостью?» - задал очередной вопрос Лао-Цзы. «От души радоваться, любить всех без пристрастия» - ответил Конфуций. «Любовь ко всем разве не нелепость? Беспристрастие - разве это не пристрастие? К чему же столь рьяно вещать о милосердии и справедливо-

сти? Ах, учитель, Вы вносите смуту в характер человека!» - заключил Лао-Цзы.

- У тебя завидная память, Айзек, - заметил Десмонд с ноткой зависти.

- Хорошо, что Вам нравится Хокусай и Вы ведаете о восточной философии. Но почему вы заговорили о даосизме? Ведь это не связано с деятельностью Хокусая? – спросил Глеб младший.

- Даже не знаю… Как-то подумалось о Лао-Цзы, при взгляде на этот водопад, - рассеянно промолвил Эрон. – Впрочем, не исключаю, что думать о Лао-Цзы здесь неуместно. Мы, как бы это сказать… живопись прошлого плохо воспринимаем. Скучновата она современному человеку, разве не так я говорю, Десмонд?

- Совершенно верно, приятель. Сальвадор мне милее, чем Леонардо, - бойко ответил Хатчинсон.

- Н-да… современный человек с трудом может себе представить Изысканного жирафа Гумилёва в виде обычного животного, но непременно, как Горящую жирафу Дали – с ящичками в теле, - заметил Антон, но не был понят незваными гостями.

- Хокусай хорош, но, например, Модильяни и Шагала я ставлю несравненно выше, - продолжил Айзек, и добавил, спрашивая Глеба. – А Вам кто ближе?

- Ближе всего ряд русских художников, о которых подлинным канадцам вряд ли известно… - протянул Глеб.

- О, так мы оказались в русской семье! Теперь я понимаю, - улыбнулся Десмонд, заставив всех гадать, что именно он понимает.

- На мой взгляд, - несколько вяло произнёс Глеб, не желавший метать бисер, - область эстетического интереса у людей прошлого, особенно - Средневековья была шире, нежели сейчас, а красоту мира они рассматривали, как метафизическую данность.

Считать Средневековье эпохой моралистического отрицания прекрасного и чувственно познаваемого может лишь человек, не понимающий особенностей средневекового менталитета. И, если схоласт рассуждает о красоте, под ней подразумевается некий божественный атрибут. Нынешний же ценитель явно переоценивает роль искусства, ибо он утратил чувство постижимой красоты, эстетика которой не имеет под собой идейного обоснования.

- Это Вы сильно сказали, поздравляю! – с оттенком истинного уважения заметил Айзек Эрон. – Но согласиться не смогу, как почитатель искусства, начиная Пикассо.

- Современная живопись для меня начинается, пожалуй, с Бёрдсли. Впрочем, это, конечно, очень индивидуально. Не могу смотреть на картины Бёрдсли - дрожь пробирает: как отвращения, так и страха. Они сильно воздействуют на подсознание и будоражат низменные чувства, как и ощущения таинственного, запретного. Что касается высокой европейской живописи, - продолжил Глеб, - то люблю особенно фла-

мандский и немецкий ренессанс, а также голландцев Золотого века. Возрождение Италии хорошо, но взять ту же Джоконду… Она для меня – не мерило и мне куда милее Дама с горностаем того же Леонардо. Но, в общественном сознании, Мона Лиза остаётся превыше всего в живописи до появления Ван Гога. Почему так носятся с прерафаэлитами мне тоже не понять. Да, приятны они, но не более того. Если взять истоки названия их течения, то полностью согласен: и мне милее Ренессанс до Рафаэля, то есть чистое Кватроченто, не испорченное маньеризмом. Тот период куда чище, совершенней. Но Братство прерафаэлитов в Англии было началом борьбы с господством академизма в живописи. К необходимости такого противостояния каждый относится по-своему. Это другая тема. Приятнее уж тогда чистый романтизм вроде Каспара Фридриха или символизм Чюрлёниса. Исторически борьба, вне сомнений, оправдана, и декоративный стиль прерафаэлитов, основанный на неоготике, повлиял и на возникший позже Модерн – Ар-Нуво, по-своему приятный. Но и политика тут, как всегда, замешена: в недрах движения против академизма зарождается и противостояние всему укладу Викторианской Англии, её патриархальности. Впрочем, я скорее – пассеист. Когда ар-деко начал заменять повсюду ар-нуво, в эту переломную эпоху с переоценкой ценностей и начала глобальной демократизации после Первой Мировой, всё встало с ног на голову, начиная с перегибов эмансипации.

- Это Вы в самую точку! – рассмеялся Десмонд.

- Вы подлинный знаток живописи, Глеб. Но, касательно Бёрдсли, наши в Вами взгляды диаметрально расходятся. Парадигма последователей Бёрдсли нам ближе, ибо она жизнеспособна. Ведь Бёрдсли велик тем, что он предвосхитил написанное Фрейдом, не употребляя слов. Какая сила – выразить идеи Фрейда в графике!

- Величие Фрейда вашего признать не могу, поскольку его учение имеет право на существование, но не более. Ибо не всё определяют сексуальные позывы. Считаю это злонамеренным заблуждением, ввергнувшим мир в новый виток распущенности, превзошедшей имперский Рим, - вставил своё слово Антон.

- Кстати, и Ваш Хокусай грешил вполне порнографическими рисунками, - обратился Эрон к Глебу, проигнорировав слова Антона. - Тот ещё похабник! Мы с Десмондом не склонны к мёртвым догмам, но – к гедонизму, ибо для чего нужна жизнь, если лишать её удовольствий? И не важна тут никакая философия Фрейда с её туманностью. Проще надо смотреть на вещи. Архетип любого народа требует своего, что сводится к решению потребности половой, после насыщения пищей. Хотите Вы этого, или нет. Вы упомянули тёплые чувства к фламандскому примитивизму. Стало быть, Вам по душе Босх, Брейгель и им подобные? Но они же бичуют пороки людские, но и смакуют их почище Бёрдсли. Не говоря о смрадности, так и пышущей от всех этих испраж-

няющихся уродцев.

- Не могу согласиться, ибо у старых фламандцев это, прежде всего, осуждение греха, а у Бёрдсли – его воспевание, романтизация. Что же касается, как Вы изволили выразиться, «смрадности», то это ведь сама жизнь. Человек прошлого, тем паче подлинный христианин, не мог себя столь тщательно мыть, как нынешний не только по причине технической отсталости, но и из соображений духовно-этических, суровости христианской морали: он не хотел усердствовать в этом. Наконец, испражнение чудовищ Босха – это часть осуждения греха, а опорожняющиеся, полные жизни крестьяне Брейгеля – это сама жизнь во всех её проявлениях. Художник и судил этих пьянствующих, веселящихся крестьян, но и любил их, призывая лишь сдерживать свои страсти. Мир, в котором скот и кони гадят повсюду рядом с человеком, не станет хуже от того, что бражный малый облегчился за ближайшим уголком. Мир тот был более непосредственный и искренний, нежели нынешний с его выхолощенностью и заменой естественных запахов на сомнительный аромат химикалий.

- Кстати, Глэб, Ваши познания в живописи профессиональны?

- Нет, но – моё давнее увлечение. А Хокусай, действительно многолик. Надо находить в нём лучшее, достойное. У него, упомянутое Вами, было второстепенным, а у Бёрдсли ничего другого и нет, как только эроса, да ещё и нездоро-

вого, в отличие от рубенсовского. Впрочем, и Бёрсли перед смертью раскаялся.

- А как вы относитесь к Ван Гогу? – поинтересовался Айзек, проигнорировав чисто русское копание в душе.

- Ван Гог был талантливее Гогена. Такие люди, как Винсент, всегда особняком и не воспринимаемы окружающими. Слишком уж не от мира сего, да и велик уж больно. Пониманию не доступен. От того и травить были его все горазды – от примитивных подростков, до такого завистливого коллеги, как Гоген. А был он далеко не бессребреником, но куда приземлённей Ван Гога.

- Пожалуй, Вы правы, - с умным видом вставил Десмонд, не могущий оставаться только слушателем.

- Но ведь судили Гогена его современники, а мы как можем? Нам мало чего известно. Люди их поколения были убеждены в своей правоте. Мы стали другими и находим множество вариантов ответов на вопрос о той же приземлённости, или возвышенности, - философствовал Эрон.

- Мне близка живопись не только с водопадами, но и с горными пейзажами, - сказал Глеб только для поддержания беседы из вежливости. – Те же немецкие и голландские романтики –Фридрих, Кох, семья Кукук и прочие. Это от моей любви к альпинизму, наверное.

- Что для Вас прекраснее тело горы, или тело женщины? – хитро спросил Айзек.

- По-моему, ответ напрашивается однозначный - горы, ко-

нечно. Бесконечное разнообразие и отточенность форм, в отличие от женского серого однообразия. Ответ однозначен - женщина проигрывает, - вставил Десмонд.

- Вопрос был задан не тебе, приятель, - подчеркнул Айзек.

- Что же… разнообразие граней скалы несоизмеримо выше и утончённее, - нехотя произнёс Глеб. - Но я не нахожу ясного ответа. Он зависит от Вашего душевного состояния на данный момент.

- Ещё в средневековье были определены канонические пропорции женских грудей, - начал вновь глубокомысленно Айзек. - Физический идеал, созданный каноническим описанием, был близок к средневековым миниатюрам, на которых груди маленькие и растут почти что из шеи. Главное, чтобы они распутно не болтались, а были слегка приподнятыми и немного сдавленными.

- А над чем Вы сейчас работаете, как художник, если не секрет? – спросил Антон.

- Завершаю полотно под названием «Соитие развратника и аскета». Сомневаюсь несколько в названии: не лучше ли – «Казановы и Савонаролы»? Одолевают сомнения…

Спускалась ночь и собаки заволновались – поблизости раздался пронзительный вой койота.

- Волки, - с пренебрежением бросил Десмонд.

- Вообще-то, это голос койота, - поправил его Антон.

- А… плоховато слышно, - смутился Хатчинсон, хотя вой

доносился очень явственно.

- Койот это ещё не «Ха-Йот», то бишь - не Гитлерюгенд, - ухмыльнулся Айзек, который, если на него прямо не смотрел собеседник, с упоением ковырял в носу и размазывал добытую мутноватую слизистую субстанцию под сидением своего стула. Он пытался делать это незаметно, но поймал на себе удивлённый взгляд Капитолины. Эрон осклабился, словно ничего не произошло, а Охотина смутилась. Инцидент был исчерпан.

Было весьма поздно, родители оставили молодых людей одних. Отец бурчал себе под нос:

- Вот ведь, поди, каков фрукт! В кепчонке он трапезничает. Не иначе, как иудейского вероисповедания.

- Городские? Да, никакого они вероисповедания, пап, - заметила ему на это дочь, которая встала из-за стола вместе с родителями.

- Знаешь, доченька, ведь иудеи никогда ермолки не снимают. Лысину прячут.

- Может и так, папа, - кивнула Капитолина. – Пойду уберу со стола. Надо будет ещё постелить гостям.

Айзек вдруг сказал, что он смертельно устал и выходит из игры.

- Ты прав, старина. Мы весь день гнали на лыжах, притомились и, попав в тепло, сами понимаете, - подтвердил Хатчинсон.

- Да, вне сомнений. И нам пора спать, - оживилась Капи-

толина.

Гостям, с извинениями, предложили одну кровать. Кто-то из них должен был, по жребию, спать на полу.

- Места у нас не очень много сейчас, - смутилась Капитолина.

- Мы с братом разместимся в одной комнате, - уверил всех Глеб, отдавая свою комнатушку.

Перед сном сестра брезгливо заметила братьям о том, что не может уважать подобных напыщенных фанфаронов и бахвалов, которые, к тому же, слишком заботятся о своей внешности.

- На англосаксов они не похожи, - заметил Глеб.

- Эрона я немного знаю, - проронил Антон нехотя, - виделся случайно. Он – художник, из евреев. Исаак он. Надеюсь, что он меня под бородой не узнал. А может, сделал вид, что не узнал – тот ещё фрукт. Хатчинсона, отца этого типа, знаю заочно, поскольку он – враг леса и мой. Судите сами: могу ли я симпатизировать таким гостям?

Когда Капитолина проходила мимо дверей в комнаты, в которой расположились гости, до её слуха отчётливо донеслись слова одного из них. Поскольку оба они басили, установить голос точно не удалось, но очередная капля яда уколола её сердце: «Эмоциональная архаика. Глубинка – что с них здесь взять? Дети патриархальной эпохи, не смыслящие в идеях, породивших новое искусство».

Нерешительное мартовское солнце робко осветило окрестности.

- Распогодилось вроде, так что мы пойдём дальше, - заявил за завтраком Десмонд.

- А далеко ли путь держите? Погода очень ненадёжная. Ветер с резким заморозком образовали непробиваемую корку наста, - заметил Глеб Андреевич. - Всего ожидать можно. На вашем месте я бы повременил.

- Да мы тёртые. Не такое видали. Mens sana in corpe sana[53]. Хотим перевалить в Уэллс Грей и, по реке, спуститься к дороге, - усмехнулся Десмонд, поглощая холодный вчерашний рыбный пирог.

- Не стоит торопиться. Вьюга – дело нешуточное, - уверял хозяин.

- Не привыкли мы ждать чего бы то ни было, - хмыкнул Айзек.

- Знаю группу людей на Аляске, которые столетие уже с лишним ЖДУТ, - задумчиво вставил Антон.

- Сто лет в ожидании, но не Годо – ха-ха, - рассмеялся Десмонд.

- Дело ваше. Но лёг свежий снег и тропу вы не найдёте, - вдруг, не слишком любезным тоном, заявил Глеб младший. - А если опыта в тайге нет можете заблудится. Зима вернулась и это не шутка. Съестных припасов может не хватить. У вас, судя по объёму мешков, еды немного, да и тёплых вещей то-

[53] В здоровом теле здоровый дух (лат.).

же. Проводим мы с братом вас, да Антон?

- Спасибо, конечно, вместе веселее будет, но мы бы и сами, - смутился немного Десмонд, вращая глазами.

Братья решили пойти с ними хотя бы до перевала, после которого найти путь проще, двигаясь всё время вдоль реки Мёртл. Раз погода гостей не пугает, то и им, Охотиным, было бы заподло опасаться. Родители, конечно же, заволновались и мать очень не хотела их отпускать, но отец понимал, что охотинские мужские и даже офицерские амбиции уже поставлены на карту и не мог противиться этому, хотя душа и болела за сыновей своих.

- Не уходили бы хоть сегодня, - взмолилась мама, - а назавтра, глядишь, и уляжется чинук проклятый. Ветви с деревьев падают…

- Раз уж гости упёрлись, то наших упрямцев не отговоришь, - буркнул отец.

Лыжи изрядно шуршали по насту, местами присыпанному свежим снегом – там, где меньше дуло. На первых порах оба гостя норовили обогнать своих проводников - проявить удаль. Но в ходе затяжного подъёма на перевал, уже к вечеру, оба бравых атлета сникли и еле тащились за, всё также ровно продолжающими движение, братьями. Глеб шёл первым, поскольку был тренированным альпинистом и Антон бы за ним не угнался, если бы брат шёл в полную силу. Но и скорости Антона бы хватило, чтобы изнурить эту парочку с дутыми

мускулами. Когда они разбивали палатку гостей под перевалом, у тех уже не было сил ставить её самим на ветру. Братьям пришлось потрудиться и над её установкой, и над приготовлением скромного ужина. После этого они оставили гостей спать, а сами пошли откапывать себе снежное убежище. Благо спальные мешки у братьев были добротные, а работа со снегом, или льдом привычной для Глеба. Отрыв снежную берлогу уже в темноте, братья устроились даже лучше «клиентов», поскольку палатку немного продувало и, к тому же, усиливающейся вьюгой, могло и сломать стойки.

- Будь неладен тот день, когда тебе, Десмонд, стукнуло в голову добавить в свою автобиографию приключения на диком западе Канады в первозданной тайге. Карьерист ты чёртов! – донеслось из палатки ворчание Эрона и Охотины стали дружно смеяться, но так, чтобы их не услышали соседи.

- Эти хамы даже не поинтересовались, а есть ли у нас с собой палатка, - заметил Антон.

- Честно говоря, я был уверен, что эти бугаи легко пройдут перевал сегодня и мы успеем показать им течение самого Мёртла. Они меня разочаровали: столько мышц и таких малопригодных, - усмехнулся Глеб.

С рассветом пошли на крутоватый взлёт перевала без лыж. Они проваливались в снег всё глубже и «клиенты» начали ворчать, что это глупо идти без лыж, мол, можно и боком, ёлочкой, тогда и вниз не скатишься.

- Какого чёрта мы не используем площадь широких лыж?

Скоро мы переутомимся от этого идиотского проваливания выше колена! – разозлился Десмонд совсем откровенно.

- Да уж, бред какой-то, - вякнул Айзек.

- Полегче, милейший, - осадил его Глеб. - Помнится, вы собирались идти дальше сами и не хотели никакой помощи, не так ли? Мы тропим для вас следы, и вы проваливаетесь гораздо меньше нас. Какого же лешего ещё вам надо?

- Не нравится - мы можем повернуть назад. Идите дальше на лыжах, - добавил Антон.

Оба здоровяка сникли, не найдя, что ответить. Пришлось проводить их не до самых истоков Мёртла, а ещё ниже - до того места, где летом явно просматривалась пологая простая тропа, ведущая вдоль ложа реки, временами исчезающего сейчас под снежными заносами. Охотины довольно сухо распрощались, посоветовав, ни в коем случае не отходить в сторону от реки до самой дороги.

- Если мне память не изменяет, - произнёс, наконец, Глеб, - первое человеческое жилье в Уэллс Грее вы найдёте уже только за границей парка, куда вы попадёте, свернув от впадения Мёртла в Клируотер влево по дороге. Там стоит «Салун Чёрного коня» с традиционным деревянным домом и типичной деревянной церквушкой, сделанные под девятнадцатый век. Завтра вы сможете заночевать на этом ранчо, если поторопитесь. Похоже вьюга поумерила свой пыл и всё будет хорошо.

Оба здоровяка промычали слова благодарности и удали-

лись, скользя на добротных, дорогих лыжах. Братья поднажали без остановок и, уже среди ночи, вернулись на ферму. Родители не спали и молча обняли своих настырных сыночков.

Утром Капитолина с отвращением, по секрету от родителей, рассказывала о своей «омерзительной находке». Она мыла дощатый пол под кроватью гостей и обнаружила «эту мерзкую резинку, завязанную узелком, с мутным содержимым».

- Совком сгребла и зарыла глубоко в мёрзлую землю, не поленилась. Потом заметила, что лишь одна постель была использована – помята. Пол мылом драила и постельное бельё кипятила, благо мама ничего не заметила, - сокрушалась сестра. – До чего дошли городские! Нет, верно то, что не лежит у меня душа к вам в города перебираться. И что вы там, в городе, нашли?

- Не исключается, что второй всю ночь стихи на столе писал… - заметил Глеб.

- Как бы не так! Стихи… - продолжала возмущаться сестра.

- Не думал о таких спортивных ребятах, что голубоватые они… - подивился Антон.

– Фу! Гнилые! В чужом доме паскудством занимались! – скривила лицо сестра.

- Тоже мне – культуристы-тираннозавры, - усмехнулся

Антон с презрением.

- Может от того они и вымерли? Кто знает, - посмеялся Глеб.

Антон вспомнил, что тот самый Эрон был ему почему-то физически неприятен уже тогда, в городе. Внезапно, в памяти Антона всплыли слова Айзека: «…жадные и глупые бабёнки уже мне опостылели. Скучно с ними».

Справив сороковины по деду Андрею, Охотины постепенно отошли от ощущения близости горя. Глеб засобирался назад в Торонто для работы. Его институт готовил экспедицию в Гренландию. Антон, пока не окончательно решивший порвать с Ванкувером, договорился с братом о скорейшей встрече, после его возвращения через два месяца здесь, на ферме. До того времени, Антон собирался не возвращаться к поискам заработков и, хотя бы, все лето проработать с отцом. А пока Антон написал письмо своему новому другу Николаю с приглашением в гости на ферму. Приезд доброго гостя мог развеять атмосферу, поддержать всех в лучшем настроении.

- Довелось мне однажды побродить по Дикобразьему, - отец начал за ужином вспоминать свои охотничьи похождения, чтобы отвлечь всех от печальных мыслей. - До чего же глухие и красивые там места!

- Действительно на Дикобразьем кряже, который на всех картах Поркупайн Ридж, столь острые скалы, как иглы? –

спросил Антон.

- Есть немного, - уклончиво ответил Глеб Андреевич. – Главное, что туда двуногие не забредают и живности там пока ещё хватает. Комары, бурные реки и топи охраняют тот Кряж.

Антон замечал, что, как и дед, отец предпочитает переводить все названия на русский и помнит их все прекрасно. Если же ему приходится разговаривать с настоящим канадцем, то отец напрягается, вспоминая английское или индейское название хребтов ли, рек ли. В семье отец непременно употреблял версты, с соседями – мили, но никогда - нелюбимые километры, что немало удивляло канадцев. Глеб Аркадьевич даже исправил все английские названия на карте окрестных гор. Может быть, «бродя» по своей любимой карте, отец воображал себя в сибирской тайге? Однажды отец назвал своих детей «чилдринята» и сосед, естественно, ничего не понял. Антон тогда учился в сельской школе и долго смеялся по этому поводу.

13. Голое поле и Балканы (1920-1923). Дневник полковника Охотина

В Галлиполи с нас смылся нагар Гражданской войны, умерло прошлое. Мы какие-то голые здесь. Мы - не старая царская армия и не армия Гражданской войны. Мы новое. Мы живём одной обнажённой болью, что нет нашей милой

России, но что она будет.

И. Лукаш

Не пора ли вычеркнуть слово «честь» из английского словаря?

Посол Франции Поль Камбон перед Первой Мировой войной (после войны те же слова можно было применить и к французам)

Антон Охотин смолоду слышал рассказы деда, отца, а ещё раньше и бабушки, о предках, но помнил отчётливо лишь, что прадед Глеб Гордеевич служил в полиции, был уголовным следователем, потом занимался политическим сыском. Помнил и о том, что хунхузы брали прадеда в плен и отрезали ему уши. По этой причине, прадед носил длинные волосы. Но он был весьма красив: на хорошо сохранившейся фотографии его несильно портило даже отсутствие ушей. Жена его, Феврония Афанасьевна, глядела, с пожелтевшей фотографии, очень умными внимательными глазами, но становилось очевидным, что эта женщина некрасивая. Зато славилась прабабушка умом. Дед Андрей выбрал себе красавицу-жену Лидию Николаевну Столетову. Отыскал же такую в Америках - русскую, да ещё и прекрасно образованную – из дворян, и потомки его стали вновь видными, как и весь род Охотиных. Правда, отец жаловался насколько властной и требовательной была его бабушка, давшая, по сути, ему об-

разование. И деда она в руках держала. Антон разложил все имевшиеся фотографии хронологически, посчитав возраст предков по запискам прадеда. Выходило, что у них есть все изображения семейного клана, начиная от прапрадеда Гордея Гордеевича, его братьев и сестёр и супруги его Капитолины. Стало очевидным, что после хаоса Гражданской войны и эмиграции, фотографии потомков братьев и сестёр прадеда и сведения о них отсутствуют. Да и какая могла быть раньше связь с советским государством? Разметало весь род по белу свету. С фотографии тёзки Антона – младшего брата прадеда, глядело совсем ещё юное лицо с неземным выражением отрешённости во взгляде. Было в его светлых больших глазах что-то от нестеровского отрока Варфоломея. Антон глянул на себя в зеркало и вздохнул: «Нет, не похож. Таких лиц уже не осталось – повывели те, кому это нужно было».

Антон впервые серьёзно углубился в чтение мемуаров прадеда – многочисленные пухлые тетради, исписанные мелким, убористым почерком. С педантичной аккуратностью пронумерованные главы, даты написания. Если описание жизни семьи генерала Гордея Евграфовича до революции, Германская и Гражданская войны были описаны очень кратко и сухо, к тому же скорописью, что было не так просто разбирать, то период эмиграции захватывал, словно роман. Частично этот период был отпечатан на машинке. Воспоминания были свежи и писались почти как дневник, а пото-

му поражали воображение живостью и занятными деталями, несмотря на педантизм, присущий прадеду. В предисловии к эмигрантскому периоду прадед Глеб оговаривает, что «деталями и красочностью стиля записки обязаны жене, Февронии, прошедшей по моим бездарным каракулям». Антон переворачивал, слегка пожелтевшие, страницу за страницей. На полях имелись краткие карандашные комментарии деда и отца, помогающие понять сокращения. Прадед часто писал вместо полного имени инициалы и тогда карандаш на поле очень даже способствовал пониманию того, что «ПН» - это барон Врангель, Пётр Николаевич, а «Ф» - жена Глеба Гордеевича, Феврония.

Антон быстро завершил чтение периода до эмиграции, составляющего малую часть тетрадей. Их он неплохо помнил и после первого прочтения. Теперь, наконец, он разобрался в прямой линии предков от Вахромея Охотина, родившегося в 1786 году, спасшего в бою офицера, после чего крепостная семья старообрядцев Охотиных получила вольную. Сын Вахромея, прапрадед Евграф, герой Кавказа и Севастополя, принял единоверчество, дослужился до полковника и стал дворянином. Антон настолько вжился душой в повествование прадеда, что уже начал ощущать живой облик Глеба Гордеевича, Февронии и их юного сына – знакомого ему милого деда. Порой ему казалось, что он слышит речь предков. Даже ночью Антон видел сны о них. К его счастью, ос-

новательный во всём прадед, завершил эмигрантский период, начиная с Парижа, захватывающе с помощью жены, чтобы сделать дневники читаемыми для потомков. Жили они не в Советской России и скрывать им было нечего, в отличие от некоторых братьев прадеда Глеба, оставшихся на Родине. Антон читал столь увлечённо, что отец не хотел отвлекать его, заставляя помогать по ферме. Глеба Андреевича несказанно радовало, что младший сын, больше занятого старшего, так заинтересовался историей семьи.

Записки Глеба Гордеевича Охотина об эмиграции были написаны от первого лица и начинались так: «Галлиполи[54], осень 1920 г. Наши прозвали его Голо-поле: выжженные солнцем, пустые, глинистые, грязные холмы – серая тоска. Ходили слухи, что место это малярийное, поскольку временами комары не давали покоя. Некогда здесь был рынок рабов, потом красовались пёстрые шатры крестоносцев. Но эти призраки прошлого уже не различались даже при большом воображении. Теперь тут вырастал белый полотняный городок. Поначалу служба наша всё более напоминала чистилище, но теперь не остаётся сомнений, что это – ад». Далее прадед оставил пустое место, а на полях приписал что-то, но потом так тщательно зачеркнул, что написанное уже не читалось. Затем следовал основной текст: «В Константинополе

[54] Гелиболу - по-турецки, что означает Город красоты. Происходит от греческого «каллиполис» - «красивый город».

французы позволили сойти лишь гражданским. Белая армия сводилась в корпус генерала Кутепова, а дивизия - в полк. Ядро Русской армии из примерно тридцати тысяч солдат и офицеров, оказалось рассредоточенным на трёх пустынных территориях близ побережья Турции: Галлиполийском полуострове, лагере на фракийском берегу Мраморного моря - Чаталдже и на острове Лемнос[55]. Встречали нас бамбара - вооружённые сенегальские стрелки в жёлтой униформе и стальных шлемах, пристально наблюдали за высадкой истощённых людей, беззлобно ухмыляясь. Русские почему-то тут же окрестили всех сенегальцев «серёжами». Более подходящего слова не нашлось. Хлеба на судах не хватало, и офицеры отдавали последний кусок детям и женщинам. Французы потребовали сдать наше оружие, но никто из офицеров не выполнил сей оскорбительный приказ. Лягушатники, в тот момент, почему-то боялись, что мы примкнём к восставшим туркам-кемалитам. Британская разведка также следила, что-

[55] 1-й армейский корпус генерала Кутепова направлялся в Галлиполи, донские казаки генерала Абрамова - в Чаталджу, а кубанские казаки с генералом Фостиковым - на остров Лемнос. Там началось «Лемноское сидение казаков», названное так по аналогии с Азовским XVII в. Но то было кровавым и славным, а в 1920-е не от турецких сабель мёр народ, а от недоедания, антисанитарии и болезней. От питания исключительно консервами тела покрывались язвами – в мясо добавляли селитру. Очевидец писал: «Для жительства казакам… отвели несколько громадных скотских хлевов и сараев, в которых разводят шелковичных червей… Тысячи людей валялись прямо на грязных улицах». На маленьком островке находилось 29 тыс. русских и начались повальные болезни. Там было похоронено 375 человек, из которых 82 – дети.

бы русские офицеры не продавали оружия эмиссарам Кемаля-паши. Агенты англичан широко применяли провокации. Англичане избивали до полусмерти, уличённого в продаже кемалевцам револьвера, или винтовки. В случае продажи пулемёта, виновного завязывали в мешок с камнями и швыряли ночью в Босфор.

Спать нам пришлось на окраине грязного турецкого городишки в сараях без крыш. Кое-кому места не хватало и среди этих стен, а ветер тянул холодный… Жители маленького городка Галлиполи принимали непрошенных гостей настороженно, что и понятно, учитывая их завшивленность и эпидемию тифа. Но, в отличие от французских властей, они старались по возможности, хоть чем-то помочь русским. С шести утра белые воины бежали умываться холодной водой к колодцам, а затем горнист играл «на молитву» и они могли хоть на мгновенье забыться за молитвой. После построения на плацу, генерал Кутепов организовал работы по обустройству нашего лагеря на пустом месте с липкой от дождя глиной в восьми верстах от городка, а также восстанавливать несколько полуразрушенных деревянных бараков. Всё будет сделано должным образом: требовательный к себе и другим, Александр Павлович органически не выносил распущенности, неряшества и «коекакства». Лагерь строился по правилам устава внутренней службы: ставились полковые палатки, полковые церкви, грибки для знамён и часовых, линейки

украшались песком и камнями, а перед каждой воинской частью выкладывали двуглавого орла из дёрна и песка. Целых трое суток ставили палатки, ночуя под открытым небом, рыли землянки, складывали очаги из камней и, в изнеможении падали на землю. Но Кутепов поднимал, приказывая каждому соорудить себе койку, набивая матрас водорослями или сеном. По окончанию общих работ, часть шла в наряды: собирать дрова для походной кухни, рыть ямы для нужников, нести из Галлиполи мешки с хлебом и крупой. Бывали почти каждый день и учения.

Французы выдали нам палатки, но начали грозить, что прекратят поставку продовольствия, если мы не сдадим оружие. Но мы гордо ответили, что оно может быть отнято лишь превосходящей силой! Оно было нужно нам уже только для поддержки духа – не более, хотя наше командование не считало борьбу законченной и стремилось сохранить армию как боевой организм. Французы пригрозили десантом, но Кутепов ответил, что в этом случае мы дадим бой. Однажды, французский патруль, состоявший из сенегальцев, сочтя, что русские офицеры слишком громко поют песни на родном языке, остановил двоих, наиболее досадивших их «нежному» слуху мощным вокалом, и пригрозил арестом. Русские искренне возмутились, и сенегальцы пустили в ход приклады винтовок. Избитых, обливавшихся кровью, офицеров чернокожие солдаты потащили в здание французской

военной комендатуры. Встретившимся по дороге сослуживцам, офицеры успели передать, что они задержаны. Об этом узнал генерал фон Бредов и, со своим адъютантом, лично отправился к французскому коменданту требовать освобождения арестованных. Комендант вежливо выслушал речь русского генерала, но отказался выполнить его требования до решения суда. Фон Бредов продолжать настаивать. Французский капитан отказал повторно, дав понять, что решение окончательно и не подлежит дальнейшему обсуждению, вызвал сенегальцев, направивших на безоружных генерала с адъютантом стволы винтовок. Вернувшись, фон Бредов приказал поднять по тревоге две роты юнкеров Сергиевского артиллерийского училища, явившихся на плац в полной боевой выкладке. «Идем освобождать наших товарищей!» – объяснил юнкерам начальник училища генерал Косьмин. Караул «серёж» сразу бежал, бросив возле здания два своих пулёмета. Прикладами юнкерских винтовок были сбиты замки, и офицеры освобождены. С этого дня французы перестали высылать свои патрули в расположение русских. В конце 1920 года требования французов полного подчинения становились всё более оскорбительными и дошло до обоюдной подготовки военного противостояния с участием флота. Холодное противостояние завершилось на Рождество, когда французский комендант Томассен поздравил русских военачальников с праздников и умерил свои требования. Но вскоре конфликт стал назревать вновь и Кутепов начал разраба-

тывать возможность сражения с французами вместе с такими орлами, как генерал Туркул и Косьмин.

Среди нас оставалось немало псов войны, как тот же бравый капитан Дроздовского полка Мефодий Ведищев, которые привыкли ходить рядами под пулемёты с папиросой, семечками, или орехами в зубах. Чудом, но уцелели такие – провидением Господним. Интересно, что Ведищев заметно изменился, оказавший в эмиграции, вне привычной, годами, войны. Он стал ощущать потерянность, свою ненужность. При одной нашей встрече он мог возмущаться верхами нашей Империи, приблизивших её конец, мол, лафит попивали, бесились с жиру, а народ пахал. В следующий раз, он белел лицом от, распирающей его из глубин, ненависти к большевикам. Ведь его семья, которую он надеялся освободить ещё с войсками Деникина, осталась на Курщине! В дальнейшем капитан изрядно надорвал своё здоровье в ходе строительства дорог на Балканах.

Мне, как и многим семейным офицерам, пришлось временно расстаться с семьёй, оставленной в городишке Галлиполи. Жена ПН, баронесса Ольга Михайловна, помогала ухаживать там за ранеными, которых было не меньше шести тысяч, обретая их преданность[56]. Ф помогала ей часто в этом

[56] Супруга Врангеля сделала много по организации больниц и туберкулёзных санаториев, ездила в Америку просить средств на это. (Деньги на билет за океан

благородном деле. Жалкое зрелище представлял наш палаточный городок в море вязкой глины с толчеёй русских военных, одетых в рыжие британские шинели, один вид которых вызывает горькое чувство. Среди русских бродят сенегальцы с винтовками наперевес. Но моральное превосходство чувствуется не в их взглядах, а в суровых лицах молодых русских, тех самых, которых университеты превращали в ярых революционеров, а военные училища – в пламенных патриотов Великой империи. По одну сторону реки, среди неровного ландшафта, стройными рядами расположились палатки корниловцев, марковцев, дроздовцев, по другую – кавалеристов». (После каждого абзаца автор указывал дату написания, которая не всегда полностью соответствовала описываемым событиям).

«В начале декабря население Галлиполи выросло вдвое - прибыли последние русские части и семьи офицеров. Лагерь в Голом поле их уже не вместил, женщины с детьми селились в бараки без окон и дверей, с полусгнившими полами, текущими крышами. Зимние ветры продували такие хибары насквозь. Кутепов обратился к французам и к греческому мэру за строительными материалами, но французы не дали ничего, а греки не смогли помочь в достаточной мере. Дома конопатили сами русские чем могли и как могли. Иногда дети заболевали пневмонией и умирали. Французы же заявили,

---

дал ей кн. Ф. Юсупов). Поездка увенчалась успехом.

что ПН более именовать себя главнокомандующим не имеет права и начали призывать возвращаться в Россию, мол, мятежи крестьян прекратились, воцарилась НЭП и жизнь там станет, как в раю. Наш военный флот с командами русских моряков был отправлен во французскую колонию в северной Африке – тунисскую Бизерту[57], а весь торговый флот, после того как с него сошли пассажиры и сняли часть груза, был с циничной наглостью взят французами в пользование, как возмещение расходов по перевозке и содержанию русской армии и гражданских беженцев[58]. Наконец, французы начали навязывать нам переселение в Бразилию, но на тех, кто с этим соглашался, мы смотрели как на отступников. Наша корпусная газета, прозванная «Паршивкой» заявила ясно, что России бразильцы не нужны – пусть проваливают. То, как в 1914 году русской кровью на фронтах был спасён от немецкой оккупации Париж было напрочь забыто! После этого, встречаясь с лягушатником в армейской или полицейской форме, я непременно поворачивался к нему спиной. По

[57] Тунис стал приютом для русских моряков на ближайшие 4 г. Центром притяжения там стал Морской кадетский корпус, вывезенный из Севастополя, - самое крупное учебное заведение для русских в Африке. «Последние гардемарины» - 300 младших офицеров из его 5 выпусков будут служить во флотах Франции, Югославии, Австралии. В 1924 г. Франция признала СССР, белая территория России на кораблях и в Морском Корпусе в Бизерте прекращала свое существование. Большинство оставшихся судов будет передано французами советским властям.

[58] Французы конфисковали на судах 300 тыс. пудов зерна, 20 тыс. – сахара, 65 тыс. – прочих продуктов, более 70 тыс. – одежды и мануфактуры.

всему голому Галлиполийскому пустырю мы искали крупные камни и стаскивали их в кучу, с целью насыпать высокий курган с крестом, двуглавым орлом над ним и надписью «Упокой, Господи, души усопших. Русская армия своим братьям-воинам в борьбе за честь Родины, нашедших вечный покой на чужбине в 1920-м и 1854-55-м, и памяти своих предков-запорожцев, убитых в турецком плену». Мы умудрились подсчитать двадцать четыре тысячи камней, по числу корпусных, и скрепили их цементом. Галлиполийский крест стал символом русского терпения и крепости православной веры.

От скопления людей и плохой гигиены начались массовые заболевания, особенно свирепствовал туберкулез. При отсутствии медикаментов за декабрь-январь умерло около 250 человек. Офицеры, как и солдаты, жили в палатках в скученности без всяких средств к существованию. Как и в тюрьме, в местах массового скопления люди, тем более молодые, звереют. Средний человек испытывает потребность в личном и неприкосновенном пространстве для людей, вне своей семьи, не меньше сажени вокруг себя. Но как быть, когда ты вынужден сидеть в сортире, где вокруг тебя виснут орлами над желобком десятки других получужих людей? Когда ты нигде не можешь остаться наедине с собой? Раздражение неизбежно накапливалось. Всё, имевшее хоть какую-то ценность, было нами продано в первые же дни в Константи-

нополе за продукты. Греки и турки заламывали за них втридорога. Выдаваемый же французами паёк, был явно недостаточным для нормального питания. Опасаясь заразить семьи мы и не стремились увидеться с родными, отделёнными всего восемью верстами. Заработать для них и для себя пока не удавалось. В целом, турки и представители американского Красного креста вели себя в отношении русских гораздо благороднее, чем греки и французы. Исключение составлял греческий митрополит – добрейший человек, но совершенно бессильный помочь на деле. Кутепов с небольшой группой офицеров понимали, что от разложения армию может спасти лишь строжайшая дисциплина. Врангель был, по сути, заперт в Константинополе французами и оторван от своей армии. Кутепов стал подлинным вдохновителем русского войска, но большинство не любили его за строгость. Зато в лагере не случалось воровства, не было слышно и бранного слова, не случалось и эпидемий. С нового 1921 года французы заявили о прекращении выдачи пайков, и русские начали демонстративно готовиться к сражению, что сразу же привело лягушатников в чувство.

Но разложение Русской армии зашло столь далеко, что некоторые дроздовцы (мне стыдно писать об этом, как дроздовцу) в день Крещения Господня стали кидать камнями и стрелять в палатку, из которой они услышали пение «Боже, Царя храни»! В палатке находились подлинные герои Дроз-

довского полка генералы Туркул и Манштейн, дивизионный Виткевич». На полях прадед приводил цитату из неуказанного источника: «Генерал Туркул и генерал Манштейн - самые страшные солдаты самой страшной Гражданской войны. Генералы Туркул и Манштейн — это дикое безумие дроздовских атак во весь рост без выстрела, это немое бешенство непобедимых дроздовских маршев. Генерал Туркул и Манштейн - это беспощадные массовые расстрелы, лохмотья кровавого мяса и подбородки, раскроенные вороненой рукояткой нагана, и гарь яростных пожаров, вихрь безумия, кладбищ, смерти и побед». Далее, в скобках, был вопрос, поставленный Глебом Гордеевичем: «Но так ли это? Даже, если и так, то как могли бы мы победить в этом лютом противостоянии без ответной жестокости?» Продолжение описания звучало печально: «Но присутствие своих героев в палатке не остановило нарушителей порядка, испорченных левой пропагандой! В тот день даже волевой Кутепов со стальным прищуром и гневными складками на лбу, понял своё бессилие перед такими проявлениями безответственности и своеволия. В таких, разлагающих армию, условиях ПН и его окружение, в первую очередь Кутепов, генерал-лейтенант Кусонский[59] и генерал от кавалерии Шатилов, прилагали неимоверные усилия по поддержанию дисциплины. Но

[59] Среди эмигрантов есть мнение, что позже Кусонский продался НКВД и способствовал похищению генерала Миллера. Факт сей никем не доказан, как и обратное утверждение.

большинство офицеров оставалось на высоте и среди почти десяти тысячи человек, покинувших лагеря в первые месяцы 1921 года по настоянию «союзников»-французов, офицеров было лишь несколько десятков. Кутепов назначил генерала из выкрестов Штейфона комендантом Галлиполи. Штейфон очень не хотел этого, поскольку прекрасно представлял, насколько трудновыполнимо изменение психологии офицеров, испорченной годами добровольческого произвола при Деникине. Законность и уставы были забыты. «Чудовищна мысль, что само обращение «Ваше Превосходительство» и прочие существует только здесь - в неуклонно разлагающейся горстке – остатке Великой русской армии! И она может распасться в любой момент от недостатка дисциплины! На просторах России остались лишь «товарищи» и рвут они друг другу глотку с завидным постоянством: всё чистки, да казни» - сказал своим офицерам Александр Павлович Кутепов и настоял на том, чтобы Штейфон начал усердно исполнять свою программу по улучшению порядка, поднимая тем самым авторитет Кутепова. Гауптвахту его, расположенную в одинокой генуэзской башне, запомнили надолго. Следовало вновь внушать подчинённым элементарное уважение к высшим чинам, отдание чести, бороться с площадной бранью в устах офицера, с пьянством. Всего этого в армии не было до 1917 года!

Было решено восстановить Алексеевский пехотный и

артиллерийский дивизионы, проводились учения, парады, офицерские военно-штабные игры, действовали военно-полевые суды, решениями которых сорок офицеров были разжалованы в рядовые. Был расстрелян русский солдат, убивший и ограбивший греческого врача. Бесчинства разгулявшихся офицеров было умерено арестами и разжалованиями. В день Святой Татьяны был дан парад, к который хотели провести на Крещение, но тогда помешали сильные дожди, превратившие глину в кашу. И русский армейский дух восторжествовал в тот ясный день под расчехлёнными знамёнами императорских времён! От старых полотнищ веяло славой предков! Оркестр играл «Коль славен». Но, главное, что Кутепов сумел наладить повседневный труд военных: из соломы были сплетены грибки для дневальных, навесы для знамён. Появилась даже цветочная клумба с солнечными часами, нехитрые полковые церкви с крестами из жести и алтарными дверями из досок от ящиков и мешковины.

Огромную роль в усмирении разгула и поднятии духа сыграли проповеди архимандрита Антония. Богослужебные книги и иконы писались тут же своими умельцами. А когда пел молитвы лучший в корпусе хор Корниловского ударного полка, регентом которого был капитан Симеон Дмитриевич Игнатьев, наши глаза наполнялись слезами. В каждом полку открывались небольшие храмы походного типа и организовывались церковные хоры. Наш корпус сумел выжить

в крайне разлагающих, делающих людей чуждыми друг другу, условиях. Но ведь в Голом поле находилась отборная молодёжь Российской империи: половина – кадровые офицеры, прочие, в большинстве своём - солдаты из русских интеллигентов, студентов лояльных к самодержавию, или осознавших свои левацкие заблуждения. Наверное, потому и не было сильного озлобления, разладов. Тогда казалось, что в Галлиполи происходит зарождение некоего русского военного ордена. Многих тогда тянуло к сильному, почти религиозному, абсолютному идеалу. В центре лагеря красовались, выложенные белыми камнями, слова: «Только смерть может избавить тебя от исполнения долга».

Всё чаще устраивались культурные мероприятия такие, как лекции по истории, литературе, появление театральной самодеятельности. Запели хоры, ставились пьесы Островского, Чехова и Сухово-Кобылина, заработала библиотека-читальня, стала выходить газета и десяток рукописных и литографированных журналов. Возникли мастерские, красильни, цирюльни, появились лавки, кооперативное товарищество и даже ресторанчики «Яр», «Медведь» и «Теремок». Организовали и технические курсы, и даже академическую группу, которой преподавались науки по университетскому курсу. Учиться захотели шесть тысяч человек. Помимо этого, действовали курсы офицерской подготовки и гимнастические занятия. Однажды, в Сан-Стефано наши воины

обыграли на футбольном поле британских моряков. Заметно смягчил озлобление и приезд певицы Плевицкой, которую воины боготворили. Она стала для всех некоей частицей России пение её позволяло забыться. Плевицкая приехала в лагерь намеренно, чтобы поддержать нас. Вскоре она стала женой генерала Скоблина, командира корниловцев. На Пасху разговение прошло мирно и благостно. Александр Павлович, со своей неловкой, но упругой походкой, ног не жалел и, как всегда, выстаивал каждую службу до конца. Людей разных убеждений от монархистов до весьма левых, от ярких патриотов-государственников до самодуров-кондотьеров, от утончённых эстетов до обывателей, но объединённых тоской по Отечеству, поддерживало сознание того, что они объединены и не превратились в беженскую пыль. Постепенно выросла популярность строгого, но справедливого Кутепова. Генерал стал нередко устраивать детские праздники в саду и гимназии для наших малышей. Александр Павлович с супругой помнили чуть ли не всех детей по именам! Если чей-то ребёнок заболевал, Лидия Давыдовна Кутепова непременно навещала его! Армия без государства продолжала жить упорядоченной культурной жизнью. Кутепов привлёк генерал-майора фон Фока для организации футбольных матчей: армия должна сохранять спортивную форму. На нецензурную брань Кутеп-паша, царь Галлиполийский, ввёл строжайший запрет. При этом марковцев прозвали «преторианской гвардией Кутепова». Тем не менее, люди продолжали дезер-

тировать, в надежде на лёгкую жизнь, а иные подавали рапорты о выходе из армии и таких отправляли в отдельный лагерь для отступников. Явных противников кутеповского порядка оставалось около двух тысяч. Их голоса доносились до Константинополя, Парижа и Берлина, где либеральные круги с упоением обвиняли Кутепова в дикой жестокости. Сторонники же политики генерала продолжали делать своё дело по спасению армии. Но вокруг русских роились толпы сомнительных личностей с самыми авантюрными предложениями, в том числе зазывали в Бразилию для «лёгкой жизни», но на деле – для полурабского труда на плантациях, а французы норовили заманить побольше офицеров в свой Иностранный легион. Предлагали переехать в Сербию, или вернуться в Россию. Впрочем, мало кто из русских поддавался их пропаганде.

Появилась в Голом поле и, вызывающая всеобщий мужской интерес, загадочная Мария Владиславовна, известная своей отвагой в Германскую и после – в Добровольческой армии. Особым Государевым указом ей было дозволено служить и сражаться на фронте в гусарском Елисаветградском Её Императорского Высочества Великой княжны Ольги Николаевны полку. На германском фронте она была и часто ходила в разведку. Под огнём умудрилась вынести раненого товарища, будучи сама раненной в руку. Она вызвалась добровольно провести команду разведчиков в тыл немецкой ча-

сти и прошла вброд ледяную ноябрьскую реку, болота, после чего они пленили немецкую роту. В годы Гражданской смуты, её прозвали Бешенной Марией за непримиримость и даже жестокость. Она повидала, ЧТО творили большевики на захваченных землях родной Пензы… В последних боях за Таврию её тяжело ранило и поморозило пальцы. Мария носила фамилии двух своих мужей, трагически павших в этих войнах – Михно-Захарченко. Девичья же её фамилия была Лысова и происходила она из пензенского помещичьего рода и рано потеряла своих родителей. Окончила Смольный институт и это заметно сказывалось в её манере держать себя. Эту стройную женщину с привлекательным и умным лицом, спокойными голубыми глазами некоторые в шутку называли «классной дамой». Мария Владиславовна провела год в Лозанне, откуда вернулась в своё имение, желая стать истинной помещицей-хозяйкой. Она поняла, что привязана к дому, земле, лошадям, что ей не надо ни Петербурга, ни Швейцарии. Мария создала небольшой, но образцовый ремонтный конезавод. Войны лишили её всего. Ей было всего лишь двадцать семь, но печать горьких переживаний на её миловидном, но очень бледном лице бросалась в глаза – она была дважды вдовой... Не будь ваш предок, автор сих строк, предан избраннице своей – пропал бы от любви к этой хрупкой и невысокой, роковой и бесстрашной даме. В пору прорыва красных в Таврию я видел её раненную мельком, как и потом в Галлиполи, но в последствии довелось работать

с ней вместе в Боевой Кутеповской организации, в которой она стала главой одной из групп боевиков.

На середину февраля 1921 года общая численность армии составляла 48319 человек, среди которых до половины составляли офицеры. Положение тех офицеров, что покинули армию, было едва ли лучшим. Им приходилось работать разносчиками газет, посудомойками, грузчиками, чернорабочими, подвергаясь унижениям и даже побоям турецких полицейских. Некоторое офицеры бежали в армию Кемаля Ататюрка, привлекшего их своим решительным характером[60]. Всё чаще на Галлиполийских пустошах доносился до слуха припев марша Алексеевского полка Добровольческой армии полковника Новгород-Северского: «Вперёд же, братья, на врага, вперёд, полки лихие! Господь за нас, мы победим! Да здравствует Россия!» В машинном журнале «Развей горе на Голом Поле» появилась прекрасная статья о нищенском положении в «Белом рыцарском ордене», который является теперь единственным охранником Русской государственности. В те дни я решился извлечь из тайника СПАСЁННОЕ ЗНАМЯ ДРОЗДОВЦЕВ, которое обмотал вокруг тела в последние дни в Крыму, когда угроза оказаться в красном плену была нешуточной. (на полях тетради имелась поздняя приписка: «Пока мы оставались в Голом поле, знамя это находилось сначала на оружейном складе, а по-

[60] Вскоре Кемаль-паша издал декрет, ограничивающий свободу эмигрантов.

том - в середине расположения нашего полка, в полуоткрытой палатке, где стояли полковые знамёна под охраной часовых. Покидая Галлиполи, я вновь стал хранителем знамени по просьбе соратников. Лишь отправляясь в Парагвай, я хотел сдать его коллегам, но оказалось, что к тому времени, пошили новое знамя в замен сильно обветшалого. Так, полуистлевшее знамя осталось нашей семейной реликвией). Тогда какие-то надежды на воскрешение армии и отстаивание Отечества из большевицкого пленения смутно роились в офицерских головах. Мы оставались белыми, как и прежде, но может быть даже белее прежнего. Разве очищение душ не достойный итог проигранной войны? Самоутешение? Не исключаю, что России суждено возродиться через безумие красных. Понимаю, что нельзя идеализировать всех наших офицеров, оставшихся тогда в строю, ибо революция и гражданская усобица создали многочисленную группу кондотьеров двадцатого века – людей, вне сомнений, отважных, но весьма беспринципных. Тот же Кутепов зачастую опрометчиво доверял подобным офицерам, учитывая одну их храбрость. Будучи сам человеком стойкой нравственности и щепетильным в вопросах чести, Александр Павлович удивительно легко закрывал глаза на поступки храбрых офицеров, несовместимые с понятиями чести. Прекрасный практик, волевой исполнитель, Кутепов, вне сомнений, не обладал творческим подходом к решению проблем психологического характера.

В конце марта пришло мрачное известие с острова Лемнос. Комендант острова генерал Бруссо исполнил приказ командира оккупационного корпуса, подтверждённый жерлами, наведённых с броненосцев на казачий лагерь орудий, и потребовал, чтобы казаки немедленно ответили: убираются ли они в Бразилию, либо в Советскую Россию, или же переходят на положение беженцев, то есть не военных, а чернорабочих. Офицеров отделили, а тех казаков, кто дрогнул, загоняли на пароходы ударами прикладов в спину.

В апреле генерал Пелле сообщил ПН, что Франция, сделавшая всё возможное ценой огромных жертв, к своему сожалению, прекращает кредит в силу экономических затруднений и представляет русским выбор быть отправленными в Россию, Бразилию, или добывать пропитание своими силами. Это означало закрытие Галлипийского лагеря, рассеивание русских воинов, или голодную смерть. Французы старались убедить русских в том, что их армии больше не существует, а есть только частные лица. ПН хотел приехать в Галлиполи, но его вновь не пустили. Французы велели русским сдать оружие. Кутепов ответил: «Приходите и забирайте силой, по-другому не отдадим!» Пайки заметно сократились. Назревала недобрая развязка. По Галлиполи потянулись русские колонны с примкнутыми штыками. Оркестр играл марши. Французский комендант прямо спросил: «Будете атако-

вать Константинополь?» «Нет, - ответил Кутепов. - Пойдем походным порядком в Сербию». К Галлиполи подошла эскадра боевых кораблей и встала на рейде на расстоянии выстрела от кутеповского штаба. «Завтра высаживаем десант, начинаем учение по захвату города», - заявили французы. «В пятнадцатом году здесь, кажется, уже был десант? - невозмутимо спросил Кутепов, намекая на провал англо-французской операции. - Я понимаю, насколько важны подобные маневры. Но, по странному совпадению, на завтра назначены маневры всех частей русской армии по овладению перешейком».

Стало известным, что Англия заключила торговое соглашение с большевиками. Говорили о хитром лисе Чичерине, проведшем самого лукавого Ллойд-Джорджа. После этого британский премьер назвал торговлю средством борьбы с большевизмом[61]. Отношение бывших союзников к белым не оставляло иллюзий. Многие русские отправились в Софию, надеясь, что у православных им будет легче. Возникло общество с настораживающим названием «Союз возвращения на Родину». Командование предоставило всем желающим покинуть армейский городок, становясь беженцем, но более не служащим в войсках. Французы явно поддерживали воз-

[61] В 1920 г. Черчилль написал Ллойд Джорджу, что после ноября 1918 г. он желал мира с немецким народом и войны с большевиками: «по собственному желанию или под давлением обстоятельств, но Вы проводили политику, весьма близкую к прямо противоположной».

вращенческие настроения. Желающих покинуть Галлиполи оказалось меньшинство, но Русский офицерский корпус, как и вся царская армия постепенно переставал существовать. Крепкие осколки Корпуса доживали свои дни в Галлиполи, поражая своей дисциплиной. Желая спасти армию, как таковую Кутепов начал неумело лезть в политику из самых лучших побуждений. За это ПН предал его своеобразной опале, назначив инспектором войск. Образцовый Корпус Кутепова ПН решил расформировать. Я пишу это не в осуждение Врангеля, а лишь констатирую факты, признавая, что Александр Павлович - неумелый политик, а ПН – властный человек, обладающий политическим опытом. То, что русские не побоятся погибнуть со славой, стало ясным и французы увели свои корабли. Позже ПН отменил приказ о расформировании, но обида Кутепова, с тех пор, так никогда и не излечилась.

Кутепов всё больше увлекается идеей мести большевикам и заброской диверсантов в Совдепию. Как правило, он подбирал неудачные кадры. Даром раскусить человека генерал явно не обладал. Один из первых избранных для заброски офицер добрался лишь до Константинополя, где был арестован в притоне, просаживающим лиры и пиастры, выданные ему на секретную операцию… Большинство беженцев, оказавшихся в Константинополе, в первое время оказались бездомными. Они бродили по городу в поисках заработка, валя-

лись по ночам на папертях мечетей, ночевали в банях. Возле русского посольства ежедневно стояли огромные толпы русских, продававших свои пожитки и русские деньги за гроши. Двор был переполнен беженцами: кто приходил за пособиями и помощью, кто – за паспортами. Были и такие, кто занимался в помещениях посольства воровством, распространял ложные слухи, что вот-вот посольство захватят красные, предлагали свои сомнительные услуги для охраны посольства.

Постепенно русских беженцев расселили в Югославии, Болгарии, Румынии и Греции, откуда они рассеялись по всей Европе, предпочитая оседать у «союзников»-французов или братьев-славян. Вскоре Кутепов отправился в Болгарию подготавливать переброску своего корпуса из негостеприимной туретчины. Болгарский царь Борис позволил русским военным сохранить оружие, свою организацию и суд. Содержание войск брало на себя командование. Болгария предоставляла войскам помещения. После переезда русский Корпус остался доволен. Здесь возникало ощущение почти своего, православного края без ненавистных французов. Правда, болгарская молодёжь поглядывала на них косо – чувствовалась большевистская пропаганда. Главное, что наша семья, наконец, жила под одним кровом и смогла вздохнуть свободнее. Наш сын впервые мог спокойно поиграть со сверстниками на улице. Но память о помощи России в прошлом не ме-

шала болгарам платить русским «братушкам» за дорожные работы меньше, чем своим.

Авторитет Кутепова рос. Ему начали писать Великие князья Николай Николаевич и Кирилл Владимирович. Права на Престол Кирилла Владимировича Кутепов справедливо не признавал и был готов резко отписать князю, со свойственной военной прямотой. Кирилл замарал честь Семьи своим либеральным позёрством не меньше, чем, скатившийся до интриг против Царя, Николай Михайлович, искупивший свои грехи смертью от большевистской пули. В дальнейшем, Кутепов стал поддерживать Николая Николаевича, организовал личную охрану Великого князя[62]. Генерал невольно входил во вкус большой политики. Меня он вынуждал служить при своём штабе, иногда посылая с поручениями к ПН, поскольку я был некогда лично знаком с последним. Правительство Болгарии неуклонно делалось всё более левым и грозило скатиться к большевизму. Роль царя была слабой. Русские военачальники подумывали было вмешаться и поддержать правых, но вмешиваться открыто во внутреннюю политику приютившей их страны очень не хотелось. Кутепов может быть и желал крайних мер, но без санкции ПН решиться на такой шаг, влекущий за собой общеевропей-

[62] В конце 1924 г. Николай Николаевич принял на себя Верховное командование Русским Зарубежным воинством. Это имело более символический характер, рассматривалось в эмиграции, как появление формального вождя Белого воинства, призванного повести его в новый поход на большевиков.

ский скандал, он не мог. Уже началась перлюстрация писем из Тырново, где располагался Корпус Кутепова, Врангелю, русских задерживали в поездах для досмотра – коммунисты наглели с каждым днём. Агитация «Союза возвращения на Родину» усилилась, заметно воздействуя на настроение простых казаков. Наконец, в Тырново коммунистами в спину был убит молоденький юнкер, что возмутило весь Корпус. Выступить русские так и не решились, а в эти дни в Болгарию прибыл Чичерин и усилил накачку левых сил свежей советской пропагандой. Если сербы и испытывают временами благодарность к России за не раз проливаемую в их защиту кровь, то болгары и греки любую поддержку забывают молниеносно, как бы не были горазды пользоваться ей». На полях была приписка прадеда, возможно, чья-то цитата: «Николай Николаевич, который, хоть умом был и не орёл, несомненно, был преисполнен энергии и желанием принести пользу… Николай Николаевич несколько лет был генерал-инспектором кавалерии и, нужно отдать ему справедливость, такого ей, по хорошему солдатскому выражению, «поддал живца», что во время войны наша конница на голову выше немцев и венгров[63]».

---

[63] Цитата Макарова Ю.И., который также писал, что, задуманная Безобразовым работа по переброски к границам СССР гвардейских войск лопнула в силу реалий международной политики. А также: «К 1936 г. во всем зарубежье насчитывалось немногим более 1900 бывших гвардейских офицеров. Старшее поколение уходило, а лица среднего и молодого возраста стремились наладить жизнь, обзавестись работой и вести тихую семейную жизнь».

«Запомнилась мне одна сцена в болгарском ресторане, где собрались офицеры-дроздовцы, поминая, очередной раз, своего любимого командира. Исключение составил, приблудившийся к нам марковец – Роман Заруцкий, который был нашим с Ведищевым соратником и давним знакомцем. Капитан Заруцкий в Германскую служил летуном и славился бесшабашной отвагой из тех, что на грани полного пренебрежения к собственной жизни. Ему просто чудом повезло уцелеть, впрочем, как и храбрейшему Ведищеву. Ведь летунов в плен, как и казаков, НЕ брали… Ниже передаю слова, сказанные в тот вечер весьма приблизительно, насколько мог их запомнить, но без явных искажений смысла.

- Помянем ещё раз нашего незабвенного командира, Михаила Гордеевича, - мрачновато произнёс длинный худой поручик Ахлестищев после нескольких тостов, произнесённых незадолго до этого.

- За Дроздовского! Пусть память о нём никогда не померкнет! И не только в нашем полку! – загрохотали выкрики из глоток двух десятков офицеров, собравшихся за столом.

- А не позволите ли вы, господа, мне небольшой каламбур? – спросил вдруг капитан Заруцкий, после очередной, опустошённой стопки.

- Разумеется, прошу Вас, капитан, - сказал я на правах старшего по званию.

- Во-первых, предлагаю хотя бы один тост сегодня за на-

шего главнокомандующего Петра Николаевича и за Александра Павловича – надеюсь, что никто возражать не станет, - произнёс Роман, тряхнув своей дурацкой прямой чёлкой, чуть ли не прикрывающей его светлые нагловатые глаза.

- Конечно нет! За наших, выживших в боях, генералов! – понеслось со всех концов стола.

- За Чёрного барона, но не за Красного! – продолжил бывший летун.

Здесь следует оговорить, что Чёрным бароном прозвали Врангеля, а Красным был немецкий барон – не сбиваемый летун, который прославился тем, что сбил десятки аэропланов противника. Его не могли не уважать как французы с британцами, так и мы. Некогда и Заруцкий мечтал сразиться с удачливым пилотом в воздухе. В его каламбуре таился и намёк на то, что красным бароном, в шутку, можно было бы назвать и главнокомандующего Красной армией.

- Ура! – бойчее других закричал поручик Ахлестищев.

Избыток градуса ощущал уже каждый, а тем более молоденький, сухонький поручик, недоедавший, уж, который год.

- Иду я недавно по улице, вдруг натыкаюсь на поручика… как же его имя, запамятовал… жмудин - цветущий такой, упитанный немного. Как же его имя… а – Витовтов, - начал вдруг Мефодий Ведищев, обращаясь к близ сидящим. – Вроде и приличный малый, смотрю норовит револьвер какому-то проходимцу сбыть! Меня он поначалу не заметил. Подошёл к нему и спрашиваю, мол, почём будет? Смутился

поручик и заладил: «Да я – так, просто… узнать хочу расценки…» «Убедительно, господин поручик, - сыронизировал я. - И к чему храброму воину револьвер, когда гораздо достойнее бросаться на врага с одной лишь шашкой с криком банзай».

- Наказать надо бы за такое мерзавца! – сурово произнёс капитан Постников.

- А ну его – связываться ещё – руки марать, - отмахнулся Мефодий.

- Самсоновский нож – работа тульских мастеров. Лучше него не сыщешь! – смеясь, сказал вдруг Роман, поигрывая блестящим клинком. - Пойти толкнуть его на рынке, что-ли? Сколько дадут болгары?

- Ничего не дадут. Они уверены, что их коммунисты скоро придут к власти и поделят всё добро в стране поровну, - усмехнулся я.

- Пора бы вовремя в Сербию рвать, - улыбнулся Заруцкий.

- В заключении, - я встал, - прошу разрешить мне ещё один тост, который, вне сомнений, одобрил бы сам Михаил Гордеевич Дроздовский: За юнкеров, павших за Отчизну, принесших в жертву Молоху войны святыню своего чистого духа. Не уверен, что потомки наши сохранят память о них, или тем более, воздвигнут им когда-либо памятник, достойный их жертвы, но Господь не усомнился ни на миг, принимая в свою обитель их души!

- Вечная слава! – мрачно прогудел зал.

- С нами отомрёт само понятие рыцарства в этом мире. Разве не так? Уйдёт поколение белых воинов и всё – выживает лишь вёрткий и хваткий аморальный тип, - растерянно выпалил вдруг юный, безусый поручик Кулагин.

- Целая эпоха канула в Лету, - заметил Ведищев, мрачно сверкнув своим единственным, уцелевшим, глазом. - И, увы, вместе с ней – кодекс рыцарской чести русского офицера. Никогда более не будет в мире такой армии и таких уставных и внеуставных отношений в ней, когда дворяне уже переставали выделять себя из офицерской массы и сложился единый кодекс общеофицерской чести, которая могла быть очищена лишь, вновь разрешённой, дуэлью и поднята, со времён, светлой памяти, Государя Николая Первого, на новый уровень недосягаемой высоты.

- Но всё проходит, - возразил ему скептик Заруцкий. - Некогда можно было уважать лишь поединок в рыцарских латах, позже – на шпагах, саблях. Эти понятия сменил пистолет, который был по-своему более демократичен: ведь проще выучиться ловко стрелять, чем фехтовать. Но было утрачено особое благородство холодного оружия.

- Но и у фехтовальщиков были свои хитрости: зайти с такой стороны, чтобы солнце слепило противника, или ложный выпад. Трудно сказать, что честнее и достойнее: пуля, или клинок. А в последней войне возникают новые понятия рыцарства и отваги. Самые отчаянные головы стремятся стать летунами. У них свой кодекс чести, - добавил я, под-

чёркивая моё особое почтение к тем, кто парит над облаками и не может врыться в землю, защищая себя от путь и осколков.

- Так, Красный Барон, вместо защитной окраски своего аэроплана, предпочёл ярко-красный цвет, и никто из начальства уже не смел запрещать такое нарушение правил. Он мог себе такое позволить после множества успешных боевых вылетов, - не преминул вставить Роман о наболевшем давно.

- Честь офицера единая для всех и не важно, какого ты происхождения, - продолжил Ведищев – выходец из низов, крестьян, ставших нижними офицерскими чинами. - Разве что гвардейские офицеры ещё по старинке продолжают кичиться своей родовитостью. Но, увы, их повыбили почти ещё в начале Великой войны, как и их замечательную породу коней гигантского роста - непревзойдённых по красоте скакунов. Положим, что низкорослая монгольская лошадка куда выносливее будет, но красоты были те скакуны неописуемой. И когда сам Николай Николаевич выезжал на смотр на таком монстре поразительной высоты, добавляя ему своего собственного саженного роста, это производило на войска неотразимое впечатление.

- Верно. И не важно, КЕМ был на самом деле Николаша... – задумавшись, произнёс я.

- Что Вы этим хотите сказать, господин полковник? – спросил поручик Кулагин.

- Лишь то, что Великий князь был тоже не без греха, как

всё начало вставать с ног на голову, - уклончиво произнёс я в ответ, но затем добавил. – Всё так и Николай Николаевич наиболее подходящий человек для нашего сплочения вокруг представителя Династии[64].

Вскоре нам всем пришлось перебраться в Сербию. Сербский король Александр хорошо относился к русским. Он был воспитан в Пажеском корпусе и любил Россию, как вторую Родину. Всем русским в Сербии разменивали, ничего не стоящие теперь, крымские деньги на сербскую валюту. Русским часто удавалось устраиваться на государственную службу и жилось хорошо. В частности, русские офицеры были приглашены для обучения сербских пограничников. Румыны же, которых мы спасли в 1915-м, отказалась принять хотя бы одного человека! Но за этим улучшением быта, благодаря возможности работать, крылась худшая опасность для армии, как таковой. Именно поглощение

[64] Имеется в виду недоказанное официально, но очевидное предательство Николаем Николаевичем Царя. Интересно и мнение Царицы-матери о Николае Николаевиче. Она сказала: «Il est malade d'une maladie incurable (Он болен неизлечимой болезнью) Il est bete (Он глуп (фр.))». Его конкурент на Престол Великий князь Кирилл Владимирович началал сомнительные политические игры ещё в 1917 г. Но в 1922 г. он назвался хранителем трона, а в 1924 г. провозгласил себя императором. Поддержали его немногие. Императрица Мария Фёдоровна осудила его. П.Н. Врангель был возмущён, заявив, что в 1919 г. его люди обнаружили программу большевистской пропаганды в Европе. Первым пунктом стояло провозглашение Великого князя Кирилла императором. Узнав о намерениях князя, генерал послал ему копию документа и умолял не подыгрывать комиссарам. Ответа он не получил.

работой вне армии стало началом её конца! Организм Русской армии, уцелевший в многолетних жесточайших неравных боях, в условиях эмигрантской потерянности негостеприимного полуострова в грязи и полуголодном существовании галлиполийского этапа, был надорван именно завершающим, чуждым ему, образом существования: занятостью вне армейской службы, работой на стороне. Если в Болгарии Кутепов был при деле, то в Сербии его деятельная натура не находила удовлетворения: там царило полное затишье, означающее и деморализацию армии. Вместо военной подготовки офицерам и солдатам приходилось уделять массу времени заработкам для элементарного выживания, при полной военно-политической изоляции. Для высшего офицерства это означало неминуемую депрессию, а для нижних чинов – погрязание в гражданском быту. Хуже всего, что недавнее прошлое, для измотанных воинов Русской армии Врангеля, утрачивало былой героический окрас, блекло, растворялось в неустроенном быте, серости унизительного повседневного выживания.

В 1922 году ПН со своим штабом переехал из Константинополя в Сербию, в городок Сремски Карловцы. Начальником штаба назначен генерал Миллер – герой Архангельска. Высшее Церковное Управление Юга России, образованное летом девятнадцатого в белом Ставрополе, закладывало в Карловцах основы Русской Православной Церкви Загран-

цей. Осенью там был создан Архиерейский Синод РПЦЗ.

Великие князья, оспаривающие в Париже своё первенство, боровшиеся за увеличение числа своих сторонников, решили воспользоваться отчуждением Кутепова с Врангелем, чтобы ослабить позицию последнего. Если тонкий политик ПН и догадывался о таком тактическом ходе, то наивный Александр Павлович не понимал, чем грозит его поездка в Париж. Прибыв во Францию, Кутепов встречался со сторонниками Великих князей, которые пытались перетянуть его на свою сторону каждый, но главное, поссорить с Врангелем окончательно. Предлагали Кутепову средства на углубление работы его агентуры в Совдепии, что импонировало генералу, жаждущему деятельности. ПН постепенно склонился к консолидации сил русской национальной эмиграции вокруг бывшего Верховного Главнокомандующего Российской Императорской армии Николая Николаевича Романова, что, на мой взгляд, логично. Вернувшись, Кутепов доложил ПН о результатах поездки, умолчав обо некоторых встречах, что было воспринято главнокомандующим, как игра против него. На самом деле, Александр Павлович, которого я узнал достаточно близко в ходе моей штабной работы в эмиграции (я был в непосредственном подчинении генерала Штейфона в Галлиполи), к интригам был вовсе не склонен и не собирался творить козни против ПН. Он лишь хотел сохранить право на посылку агентов в СССР за собой,

мечтал выйти на высокого военачальника Красной армии из бывших, в тайне сочувствующих белым. Всё это я пишу ради констатации фактов, а вовсе не для очернения барона, память которого почитаю не меньше, чем память Кутепова, и помню их обоих по их фронтовым делам ещё с германской, как честнейших и храбрейших офицеров. Кутепов продолжал посылать на секретные задания малопригодных к тому офицеров, что очень не одобрял Штейфон, как и я сам. Дело не выгорало. Да и реально ли было добиться успеха с настоящим мятежом среди красных, ведущим к контрреволюционному «термидору»? Тем временем, ПН издал приказ, воспрещающий всем чинам армии заниматься политикой. В 1924 году барон перебирается в Белград, где продолжает работу по сохранению армии, объединяя солдат и офицеров в союзы и одновременно удерживая их от политических дрязг.

Он создаёт Русский Общевоинский Союз (РОВС)[65] и осе-

[65] РОВС включал в себя всех солдат и офицеров белых армий, оставшихся верным идеям Белого Дела, и главной его задачей стало сохранение кадров для развертывания в будущем новой армии. РОВС объединил около 30 тыс. белых воинов. Первоначально в РОВСе было 4 отдела. Первый - Франция и Бельгия, второй - Германия, Австрия, Венгрия, Латвия, Эстония, Литва; третий - Болгария и Турция; четвертый - Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. - Югославия), Греция и Румыния. Потом отделы РОВСа появились в Северной и Южной Америке, в Египте, Австралии и других местах с русской диаспорой. Русская либеральная эмиграция принимает деятельность барона в штыки, называя его новым Бонапартом. После смерти Врангеля в 1928 г. Кутепов стал председателем РОВСа. После смерти Николая Николаевича в 1929 г., Кутепов стал во главе национального дела.

нью передаёт главнокомандование Великому князю Николаю Николаевичу, дяде убитого императора. Когда генерал узнал, что Великий князь Кирилл Владимирович объявил о своем «восшествии на Престол», он решил воспротивиться этому, как и сам Николай Николаевич. Из всех здравствовавших командующих русскими армиями и членов Императорской фамилии, Николай Николаевич не запятнал себя заигрыванием с февралистами, в отличие от «краснобантового» Кирилла[66], и пользовался авторитетом у кадровых военных, оставаясь своеобразным символом былой Русской армии. У меня были недоказанные сведения, что и Николай Николаевич интриговал, желая забрать себе в смутные времена конца шестнадцатого года императорскую власть, что его подбивали на это думские предатели. Но, если так и было, то он хотя бы не решился на такой шаг окончательно. Возможно, что князь выжидал более удобного момента. Кирилл же, запятнал себя вне сомнений. ПН решился на поддержку Николая

---

[66] Кирилл Владимирович за женитьбу на разведенной, неправославной двоюродной сестре Виктории-Мелите, урожденной принцессе Саксен-Кобургской, был устранен Царём от престолонаследия. В феврале 1917 г., в ходе начала петроградских беспорядков, Кирилл явился поддержать Думу с красным бантом! В эмиграции Кирилл Владимирович обещал Ватикану унию, в случае занятия трона. Такая цена – измена православию, его не останавливала! Но Ватикан предпочел продолжить свои секретные переговоры с большевиками, по причине малых шансов на успех у Великого князя. В XXI в. Кирилловичи согласны на присутствие в России даже в виде декоративной монархии. По выражению Владимира Кирилловича, «таинство помазания на царство - просто форма… совместимая с любой политической системой»…

Николаевича не из-за монархических убеждений. Сказались усталость, ранения и контузии самого барона, который болел и вскоре перебрался из Сербии в Бельгию, где он начал писать мемуары, удалился от общества.

Но ПН продолжал до последнего оставаться противником террористической организации, которую одобрял Великий князь, а генерал Кутепов связал себя с ней окончательно. Офицеры, исповедовавшие метод террора, сплотились в Болгарии вокруг генерал-лейтенанта Виктора Покровского. Сам генерал был убежден, что при условии ряда десантов на советскую территорию с моря, власть большевиков на юге страны можно будет свергнуть, а примкнувший народ и казаки, двинутся на север, чтобы завладеть столицей. Но в 1922 году, в ходе расследования болгарской полицией убийства в Софии просоветского казачьего деятеля Агеева, Покровский был убит штыком болгарского жандарма. Кутепову пришлось вынести упрёки, которыми его осыпали Николай Николаевич и, особенно, Врангель. Во время совещания у Николая Николаевича ПН и нефтепромышленник Гукасов обсуждали сложившееся положение, и барон прямо бросил Кутепову, что не считает его пригодным для диверсионной работы в России. По большому счёту он был прав, ибо Александр Павлович суть лишь прекрасный полевой генерал. Тогда казалось, что престиж Кутепова упал окончательно. Без финансовой поддержки борьба для Ку-

тепова заканчивалась. Александр Павлович даже присмотрел себе столярную мастерскую, куда можно было наняться рабочим…Он считал себя ничем не лучше сотен русских офицеров, ставших шоферами и слесарями. Но прекращение борьбы генерала не устраивало. Кутепов покорно просил Великого князя не оставлять его моральной поддержкой.

Так, Кутепов оказался вынужденным переехать в Париж, чтобы отдать себя работе на национального вождя, которым стал Николай Николаевич к тому времени. Князь получил и звание почётного председателя РОВСа, с чем я никак не мог согласиться, но кто бы стал спрашивать моё мнение, когда Крупенский, Марков и Тальберг одобряли Великого князя? Но я-то знал, что в 1909 году был разоблачён кружок мартинистов – масонов, практикующих магию. В числе заправил тайного общества оказались великие князья Николай Николаевич, его брат Пётр Николаевич, Георгий Михайлович и ряд высших придворных. Это объясняет и то давление на Царственного племянника в октябре 1905-го по поводу подписания Манифеста от 17 октября. Николай II колебался до последнего момента – подписывать ли. Николаша же, с истерическими рыданиями убедил Его подписать, сломив колебания Царя угрозой застрелиться прямо у него на глазах. Есть тому свидетельства. Это не говоря о телеграмме Николаши с требованием отречения Императора в феврале 1917-го. Но Кирилл Владимирович грешен более Николаши.

Генерал Шатилов выехал в Париж, где он, вместе с военным представителем барона Врангеля Евгением Карловичем Миллером, посетил бывшего посла Временного правительства Гирса, члена Русского политического совещания и главу союза послов российского дипломатического корпуса. Гирс - масон высокого градуса посвящения, отнюдь не спешил оказать содействие армии Врангеля и отказал помочь с поисками источников финансирования Армии. Русская армия должна была прекратить своё существование, как по мнению московских большевиков, так и по воззрению парижских масонов. Их «трогательное» единство просматривается в ходе всей дальнейшей истории.

Генералу Кутепову было больно оставлять свой Корпус в Сербии, но в ней он был обречён на невыносимое для него бездействие. Меня отнюдь не тянуло в беспокойный Париж, душа не лежала ехать к лягушатникам, так подло проявивших себя в годы Гражданской войны и столь гадко обходившихся с белыми на Галлиполи, но пришлось. Кутепов меня уломал поддержать его там с моим опытом сыскной работы, поскольку Штейфон оставался в Сербии. Корпус был несколько шокирован отъездом любимого командующего и разочарован, хотя офицеры и понимали, что их начальник стремиться что-то делать для победы Белого дела[67],

[67] Были у Кутепова и конкуренты-соратники. Часть наиболее решительных и

а не только погрязать в отправке своих солдат и офицеров на строительство дорог и работу в Перникских шахтах. Больно отзывались в душе такие известия, как то, что славный корниловский полковник Левитов пошёл туда простым забойщиком.

Престарелый Николай Николаевич уклонялся от деятельной работы. Его утомляли склоки с Кириллом Владимировичем. Кутепову он был не помощник и генерал начал новый этап агентурной подготовки диверсий и поисков своих людей среди красного генералитета. «Необходима связь с русским народом, страждущим под коммунистическим игом» - не уставал повторять Александр Павлович. Я помогал генералу как мог, но не верил в успех задуманного, что угнетало меня и не давало отдаваться делу в полную силу. Кирилловское движение Легитимистов видело в Кутепове врага, как и республиканцы, раскусившие в нём монархиста. Они не ошиблись, ибо для Кутепова, как и для нас с Ф, Государь был

непримиримо настроенных офицеров сплотилась вокруг генерала Покровского, создав организацию, главной задачей который было осуществление десантов в СССР. Начальником штаба её был Буряк, личным составом ведал полковник Золотаревский, связью и расквартированием - генерал-майор Гетманов, политической разведкой Бабкин, военно-морской - генерал-майор Муравьёв, офицером для поручений был капитан Драгневич, представителем в Сербии – генерал Боровский, в Константинополе - полковник Кучук-Улагай. Однако попытки высадить десанты на Кавказе по разным причинам потерпели неудачу. Одна из групп распылилась в районе Трапезунда, другая сразу попала в засаду и была уничтожена.

Помазанником Божьим, повиноваться коему сам Бог повелевает. Кутепов не предрекал непременную реставрацию и отвергал лозунг «Россия для русских», считаясь со всеми её народами.

Помимо «кирилловцев» и «николаевцев», интриговала и национально-прогрессивная группа кадетско-либерального направления, включавшая и левых казаков. Последователи эмигрантского журнала «Смена вех» проповедовали поддержку советской власти, твердившие о том, что большевики -реальная власть, защищающая границы. Кричали о НЭП и непременном перерождении коммунизма в национально-государственные интересы[68]. Так начинался наш новый парижский краткий, но насыщенный событиями, жизненный этап. К сожалению, постепенно и прочие военные стали рассеиваться с Балкан по всей Европе. Основной поток устремился в Чехословакию, где имелись условия для завершения и получения высшего образования. Ехали и в Бельгию, и во Францию, зачастую имея контракты на работу в определённых местах. Кто-то имел в Западной Европе родственников, осевших там раньше. В Германии в начале двадцатых годов находилось до шестисот тысяч русских эмигрантов, среди которых были все уцелевшие офицеры Северо-Западной армии. Там гнездились монархические организации и сторон-

[68] Сменовеховцев за рубежом большевики поддерживали даже финансово, но внутри СССР жестоко преследовали.

ники прогерманской ориентации такие, как генералы Краснов, Бискупский, Шкуро, полковник Винберг и прочие. До Парижа доходили слухи о том, что в Константинополе осело много денежных эмигрантов, проводящих время праздно - в кутежах, оргиях, за картами и рулеткой. Легко спускались деньги, нажитые правдами и неправдами в период разрухи Отечества.

«Паспорта Лиги Наций», которые нам выдавали, точнее всего было бы назвать «волчьими», а вовсе не нансеновскими[69]. Они обрекали нас на полную беззащитность и юридическое бесправие. Пересекать границу с таким паспортом в кармане было сущим мучением. ПН продолжал борьбу за единение всех русских, оказавшихся за границей, которым были по-прежнему дороги идеалы державности. Штаб Врангеля стремился найти объединяющую их идею. Первоначальные планы начать возрождение подлинно русского духа на земле славянских народов были пересмотрены под влиянием неприязненного отношения к нам болгар и попыток омиршления нас сербами. Генерал-адъютанту Свиты Его Императорского Величества Безобразову, бывшему командиру Гвардейского корпуса, гвардейские союзы и объединения в Западной Европе предложили возглавить Общегвардейское объединение. Постепенно, центр эмиграции сме-

[69] Беженским отделом Лиги Наций заведовал норвежский путешественник Фритьоф Нансен, подписывавший паспорта русских эмигрантов.

стился с Балкан во Францию».

Далее следовала поздняя приписка: «Увы, заблуждаться было свойственно даже такому выдающемуся патриоту, как генерал Врангель. Одно время он стал дружить с первым секретарём американского посольства в Константинополе Алленом Даллесом, ставшим главой Центрального разведывательного управления. Генералу казалось, что Даллес испытывает личную приязнь к русским, хотя по-настоящему его интересовали исключительно ближневосточные месторождения нефти, а в белогвардейцах он видел вспомогательный персонал. Жена Даллеса Кловер часто бывала в Галлиполи вместе с женой Врангеля Ольгой. Они привозили нам продовольствие и медикаменты[70]».

Дочитав эти строки, Антон Охотин бросился к своему поношенному, купленному с рук, нотбуку, чтобы тут же начать перепечатывать записки прадеда, предупредить возможность утраты драгоценных тетрадей. Эпиграфом к мемуарам прадеда Антон выбрал стихотворение Гумилёва: «И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы ясны и крылаты,
За плечами воинов видны».

[70] По материалам С. Рыбаса. Известно, что А. Даллас позже стал явным врагом России.

14. Приезд Николая и ответный визит Антона (1998-1999)

Гражданином штата может считаться тот человек, который помочился в Юкон, познал любовь индианки и убил медведя гризли.

Побасёнка в среде первопоселенцев Юкона времён золотой лихорадки на Аляске

Николай позвонил из Клируотера, что он уже прибыл туда автобусом. Антон сразу же выехал встречать его на старом отцовском пикапе «додже». Был солнечный майский полдень, но грозовые облака уже кучились на дальнем гребне, где-то над Джаспер-парком. Встретив приунывшего слегка Николая на автобусной остановке, Антон поспешил назад, поскольку назрел ливень и от грунтовки, ведущей от поворота к ферме, можно было ожидать неприятностей. Местами она была слегка заболоченной даже в самые сухие дни.

- И всё же, - говорил Антон другу, крутя баранку, - климат мне здесь больше по душе. На ванкуверском побережье всё лето гнилое. Август там, в народе, прозвали фогуст, то бишь эвфемизмом слова туманный - от игры английских слов туман и август.

- Угу, - процедил сквозь зубы мрачноватый Николай, разглядывая капли дождя, разбивающиеся о лобовое стекло. -

Дождевье[71] тут у вас, однако. Мокледь[72] она не во благо. На Аляске у нас посуше будет.

- А что ты такой невесёлый, Николай? – спросил Антон.

- Кошель с деньгами в автобусе, или на станции в Ванкувере, из кармана вытянули. А может быть и сосед мой, по первому автобусу, до разъезда – весёлый такой парень был…

- И много было там?

- Для кого и мало, а для меня – нет. Придётся у тебя в долг просить. Думаешь приятно?

- Ник, мы же друзья. Что же тут такого, если ты и возьмешь в долг? Не бери в голову.

Шеломенцов промолчал.

- Не переживай, Николай. Забудь. Документы не украли?

- Нет, Антон. Они были отдельно.

Покуда Антон представлял друга родителям и сестре, тот заметно смущался, не зная куда деть руки, что отвечать, и вздохнул с облегчением, когда все расселись за стол и перед ним возникла тарелка с постными щами. Было заметно, что гость, скорее всего, не ел с самого отбытия своего из дома. После рыбного пирога Николай оторвался от тарелки и на него посыпались вопросы: а как там, на Аляске, с охотой, рыбалкой, лесными богатствами. Он отвечал неторопливо, основательно, взвешивая каждое слово. Капитолина почти всё время молчала, но вдруг спросила:

---

[71] Дождевье, морось, паморока – мокрая погода.

[72] Мокледь, мокорь – болото, сырое затопленное место.

- А где тайга краше здесь, или у вас там?

- Надобно присмотреться получше, - смутился гость, отводя взгляд в сторону, боясь посмотреть в лучистые, не знавшие косметики, глаза Капитолины. – Для того по лесу побродить надобно.

- Ну что ты одолеваешь человека? – сказал Антон. – Ехали мы почти что мимо одних лишь вторичных лесов. Да и что разобрать можно из окна в дождь?

Вечером Николай с увлечением стал читать, предложенных Антоном, Мельникова-Печерского и потом - Мамина-Сибиряка. Всё о старообрядцах его особенно интересовало. Спустя недели, он охотно взялся и за Шмелёва. Со следующего утра, когда Николай выспался, они долго ходили по лесу каждый день. Через пару дней Антон пригласил размяться сестру, которая, на его взгляд, слишком мало занималась спортом. Они задумали дойти до другого, более дикого, но близкого перевала в сторону Мёртл. Для того, чтобы вернуться оттуда засветло, надо было выйти до зари. Антон взял собой отцовский лёгкий дробовик, немного сухого пайка, чтобы идти налегке и быстро. Капитолина уверяла, что отставать не станет. Николай случайно слышал несколько раз, что Александра Васильевна ворчит на дочь, которая всё ещё не собирается замуж, хотя давно пора, по мнению обоих родителей. После этого, Ник и вовсе избегал обмолвиться с ней хоть, словом, или взглянуть на неё. Щеломенцов, со своим малым, по сравнению с Антоном, ростом, не

слишком густой бородой, покрывающей лишь часть щёк, зауженным разрезом глаз не мог произвести должного впечатления на видную – кровь с молоком, сероокую Капитолину. Но один лишь вид её вгонял Николая в краску, благо малозаметную с его смуглостью. Парень втягивал голову в плечи, становясь чуть ли не ниже неё ростом.

Привычное уже, в её присутствии, молчание Николая воцарилось с самого начала их совместного похода. Антон пытался разрядить обстановку, развлекая народ замечаниями о встречных растениях и прочем, но сестра не была расположена поддержать брата. Когда они сели перекусить, звенящая лесная тишина стала особенно заметной и Николай, наверное, понял, что пора бы и ему что-то сделать для разрядки обстановки.

- Имя-то какое у Вас знатное, - выдавил из себя Николай, втягивая голову в плечи от ощущения несостоятельности и глупости своих высказываний.

- Кажется, оно теперь совсем забытое в России. Немодное, да и что взять – древнеримское, - рассмеялась Капитолина.

- Тоня, ты бы тоже могла продолжить, развить… - буркнул Антон, истощивший свои темы для разговоров.

- А Вы идёте очень быстро, - неожиданно сделал комплимент Капитолине Николай. – Да ещё в гору, по крутому подъёму без тропы!

- Стараюсь, чтобы уесть моего братца, который не верит,

что на ферме хватает дел для поддержания физической формы.

- Уела, Капа, уела, - откликнулся Антон. – Только подъём на собственно перевал ещё не начался. А взлёт затяжной, имей в виду. Не переутомляйся на подходах, береги силы на взлёт.

- Ничего, сдюжу твой хвалённый взлёт, - улыбнулась сестра.

- И речку бережистую[73] не боитесь, - продолжал сыпать комплиментами Николай. – Красивая речка, благогласная[74]. Словно поёт она.

- И мне так, порою, кажется, - одарила его улыбкой красна девица, что смутило Николая окончательно, и он умолк надолго.

- Последнее время индейцев у нас называют Первой нацией, в чём сокрыто явное фарисейство, - попробовал другую тему Антон. – Они остаются людьми второго сорта, чтобы не пытались заявлять. Факты говорят за себя: в политике их нет, в крупном бизнесе тоже, в науке и культуре не припоминаю. Общество наше лицемерно.

- Как и всякое другое общество, брат, - добавила Капитолина.

- Да уж, к примеру – советское…

- Если на Аляске ещё не так уж мало индейцев, то в Бри-

---

[73] Бережистая – река с крутыми берегами.

[74] Благозвучная.

танской Колумбии, как я слыхивал, они вымерли от заразы скверной ещё в прошлом столетии почти все, - сказал вдруг Николай, напрягаясь. – Немного узнавал я об истории индейцев прибрежных – страшное дело: нутка, то бишь – нуучахнулт, или - обойди вокруг, и кваквакавакв, что с северных островов, и салиш – с южных, кавичан и пачидат - люди морской пены, были тогда самыми развитыми. Искусства их расцвели зело, дома строили крепкие из брёвен.

- Это точно. Все они – лишь жалкие остатки тех высокоразвитых племён, которые почти вымерли от завезённых колонизаторами болезней, как и севернее Ванкувера племя чилкотен, а восточнее, ближе сюда – кутене, - добавил Антон. – Кстати племя пачидат поголовно поддерживает наших зелёных в защиту лесов.

- Я читала о сильном идеале социума свободных и честнейших прибрежных племён вроде, знаменитого своей гуманностью общественного устройства, ирокезов, или настоящих гадюк, как их назвали враги-гуроны. Именно это неприятное название привилось среди европейцев, априори плохо воспринимающих всех индейцев, - сказала Капитолина.

- Да… ирокезы — это особая страница всемирной истории. Увы, всё в прошлом. Самоназвание Союза пяти племён - Народ Длинного дома[75]. Они жили уже не только охотой и рыбалкой, но и умели выращивать кукурузу, яблоки и весь-

[75] Племена: сенека, кайюга, могавк, онейда, оноидага.

ма далеко на севере. За семь лет войны за Канаду англичан с французами, ирокезов натравливали на гуронов и наоборот. Но победив, британцы быстро забыли помощь ирокезов, все территориальные договорённости, и начали вытеснять их, - не удержался от развития мысли сестры Антон. – В наши дни некоторые племена пытаются оберегать свой народ от полной ассимиляции. Добрых полвека назад вожди приняли закон, запрещающий индейцам смешанные браки: «Кто смешан – тот смешон, тот не наш». Метисов подвергают остракизму до сих пор. Оно и понятно: чистых индейцев в Канаде всего полтора процента населения. Китайцев же, как минимум – пять.

- Хорошо, что на Аляске такого закона нет, - горько улыбнулся Николай. – Иначе бы наша община вымерла…

За разговором они не сразу заметили, что уже начался крутой подъём. Подобие тропы давно исчезло. Мужчины, время от времени, постукивали палками по стволам, или громко переговаривались, чтобы предупредить неожиданную встречу с медведем. Но носить с этой целью колокольчики, как это делают туристы, им претило. Капитолина явно устала, немного отставала, но виду не подавала, не жаловалась. Николай ломился вверх, не замечая ничего, не сбивая дыхание, но Антон сбавил темп. С седловины, поросшей низкорослыми чахлыми деревцами, открылся прекрасный вид на долину реки Мёртл и чуть ли на весь провинциальный парк Уэллс Грей. Где-то на горизонте торчали давно

потухшие вулканы и несколько снеговых вершин более двух тысяч метров высотой.

- А теперь нам надо поторапливаться. И так уж припоздились, - сказал Антон, глядя на часы.

Когда они спускались, в глухой чаще послышался волчий вой. Антон проверил заряд в дробовике:

- Двенадцатая[76] у меня.

- Волк в межпарье сыт, спокоен, но волки-переярки – молодые совсем, те - опасней, задиристей. Солидный бирюк сейчас и не полезет, - бросил Николай. – Но прихвачу-ка я брезину от переярка[77], что потяжельше.

Волки не унимались.

- Давайте к реке поближе пойдём. Она там побереговитее[78], а волки не очень такое соседство любят, - предложил Николай.

Охотины хотя и не поняли странного оборота речи, описывающего характер реки, но последовали за ним.

- Не знаю поблазнило мне, аль нет, но очень уж много тут у вас волков. Но мобыть, то и паголосы. Но ничего, до пакирастущего леса уж недолго осталось. До чищенки[79], то бишь, - говорил Николай.

---

[76] Дробью номер четыре стреляют мелкую дичь, а двенадцатая – картечь, на крупную.

[77] Межпарье – начало лета, бирюк – матёрый волк, брезина- толстая ветка, или бревно берёзы.

[78] Береговитый - обрывистый, скалистый берег реки.

[79] Паголос – эхо, пакирастущий – лес на чищенке, вырубке, вторичный.

Ближе к дому, когда стало слегка смеркаться и, под покровом леса, становилось немного темно, Капитолина оступилась и охнула:

- Кажись растяжение – больно очень!

- Что же делать, Тоня? Идти сможешь? – сокрушался Антон, ощупывая её ногу в мягком ботинке.

- Не трогай! Больно! Эх, дура я! Устала и ступила неосторожно так…

- Попробуй шагнуть, сестрёнка.

- Можно, но болит очень. Не дойду засветло. Медленно будет.

- Ничего, у нас фонарик есть. Тоня, давай мы тебя перевяжем. Закрепить надо бы ногу-то. Тряпочку найдём.

- А я слышала, что не надо бинтовать… - морщась от боли, отозвалась девушка. – Думаю лучше не станет. Доковыляю как-нибудь.

- Вмале[80] стоит так мучится, - вставил Николай.

- Что Вы имеете в виду? – спросила Капитолина.

- Отнесём мы Вас.

- Я тяжёлая, а носилок нет. Сама уж как-нибудь, спасибо.

- Носилки и не помогут. Слишком уж пересечённая местность – уроним, - сказал Антон.

- Оно и верно. По очереди и понесём Капитолину, - спокойно сказал Николай и подал пример. – Цепляйтесь мне за шею и потащу Вас так. Не стесняйтесь, будьте добры.

---

[80] Едва ли.

- Да что Вы, неловко. Во мне килограмм под семьдесят.

- Медвежью тушу однажды нёс много вёрст, сдюжу, - отрезал Ник. – Темнеет, садитесь, - он подставил руки замком, чтобы она могла опереться на замок бёдрами, держась за его шею.

Николай зашагал с драгоценной ношей ненамного медленнее, и Антон лишь дивился его выносливости. Местами грунт был немного топким, приболоченным и ноги Николая стали глубоко проваливаться. Антон помогал другу, подпирая сестру под зад.

- Мостище[81] бы проложить здесь. Ведь до фермы рукой подать, - проворчал Шеломенцов.

Когда Антон вдруг понял, что до фермы остаётся не больше километра, до него дошло, что неутомимый друг несёт сестру его уже около часа.

- Давай, Ник, сменю тебя. Ты, верно, совсем устал.

- Нет, что ты! – пробубнил Шеломенцов, кряхтя.

- Брось, нечестно так будет.

Николай уступил ему и, подняв сестру, Антон понял, что он не смог бы прошагать и половину такого же расстояния, не разомкнув рук. Когда они вошли в дом, Капитолина рассыпалась в благодарностях, прославляя силу и благородство Николая, но не забывая и брата. Николай сильно смутился и выдавил:

---

[81] Мостище, или мостовище – место, где была гать, или мост. Иногда и сама гать.

- Не благородство тут, а лишь целоумие[82]… Иначе как? С волками там ночевать? Батю с матушкой волновать? Завтра поутру былие, травы, соберу и згодье[83] - примочки всякие сделаю Вам.

Шеломенцовские примочки, и в самом деле, помогли. Через пару дней Тоня смогла гораздо лучше передвигаться. Николай погостил пару недель и сказал, что ему пора собираться домой, поскольку скоро начинается подготовка к промысловому сезону. Он настоятельно приглашал в гости Антона и всех обитателей фермы. Наконец, посоветовал Антону собраться прямо сейчас с ним туда, поскольку потом будет не так просто добраться в их медвежий угол. Охотин поговорил с родителями, услышал, что и без него пока справятся, и начал собираться. Прощаясь с Капитолиной, Николай стал вновь отворачиваться боком, боясь посмотреть ей в глаза.

- Бросьте, Николай, - решительно вдруг сказала она, - теперь мы – друзья и можем даже обняться на прощание. Никогда не забуду Вашу доброту и самоотверженность.

Она сделала шаг, чтобы заключить его в дружеские объятия, но он диковато шарахнулся в сторону. Наконец, собрался духом и поцеловал её руку.

- Надеюсь, что вы видитесь не в последний раз, - выразительно глядя на сестру, веско произнёс Антон, которого

[82] Здравомыслие.

[83] Згодье – лекарство по-поморски.

раздражало отношение сестры к другу. В поведении сестры чувствовалось полное отсутствие её интереса к другу, как к мужчине. То, что бедный Николай влюбился, как мальчишка, не оставляло более сомнений, а сестре пора было бы замуж, как уверяли родители – двадцать пять стукнуло.

Когда они остались с сестрой в комнате одни, Антон продолжил:

- Тоня, разве на тебя не произвели впечатление забота и выносливость моего друга?

- Конечно произвели. И я ему очень благодарна. К чему ты это? – взбросила точёные брови вверх Капитолина.

- Но ты, по-моему, обижаешь его…

- Каким образом? С чего ты взял?

- Не обращаешь на него внимания. А ведь он не только сильный и душевный, но и речью обладает такой, что нам бы с тобой у него поучиться! Чего только стоит определение реки: бережистая и береговитая!

- Да, всё это так. Какого же рода благосклонности к нему ты ожидаешь?

- Тебе бы пора уже… - Антон замялся.

- Не уподобляйся суровому отцу семейства из прошлого века, пожалуйста. Боюсь, что он закончил от силы среднюю школу по короткой программе для индейцев и с ним может быть скучно. Не люб он мне, уж прости, братец, - по лицу её пробежала тень.

- Да он читает очень охотно серьёзную литературу! Мож-

но подумать, что ты университет закончила. Какая разница: пять, или десять твоих классов захолустной канадской школы?

- Если хочешь, чтобы твои племянники говорили вместо кладбище - кладбИще, но на том вся экзотика и завершалась, то можно выйти за него. Добрая душа у парня…

Капитолина прекрасно знала, что ныне в почёте плоскогрудые девицы с фигурами и узкобёдрого мальчика, как было уже раз ко времени Первой Мировой войны и в двадцатые годы – времена наступали бесполые. Сознавала она и то, что у диковатого Николая был явно здоровый вкус на крепких женщин. Но она не торопилась делать выводы, как и посвящать кого-бы то ни было в свои сокровенные мысли. В комнату вошёл отец.

- Подбросишь нас доджем до большака, пап? -спросил Антон отца.

- Само-собой, сын. А на повороте в сторону Клируотера автобус найдётся.

- Лучшее время наступит, покуда мы доберёмся, оклемаемся там. С середины августа-месяца комар исчезает, - говорил Николай, сидя в самолёте.

После посадки в Анкоридже, друзья направились к автобусной станции. По пути Николай предложил перекусить в кофейной при дешёвом магазине. Они уселись было в уголке с бутербродами и кофе, как в заведение ввалился пьяный па-

рень, который тут же начал пожирать, остающиеся от крупных партий, нестандартные фрукты, лежащие в коробке с призывом: «Пожалуйста возьмите банан, или мандарин для своих малышей!» Пожилая продавщица заметила его странное поведение и сделала парню замечание, мол, он не тянет уже на малыша, на что тот начал изощрённо хамить ей, требуя себе бесплатной пищи:

- Я годами пахал для таких как ты, ведьма старая! Теперь тебе жалко для меня яблочка поганого? Когда ты тут себе задницу грела, я на морозе деревья валил с риском попасть под падающую ветвь и остаться там лежать! Я – заслуженный лесоруб, а ты кто? Сука ты злобная!

- Эй, милейший, полегче там! – крикнул ему Антон.

Несколько молодых парней, работников магазина, попрятались, испуганно выглядывая из-за двери.

- Базарляне… - презрительно бросил в их адрес Николай и замялся, встретив непонимание в глазах Антона, - то бишь люди торговые, они, что с них взять? Мутноумен тот лесоруб и стоит его проучить.

Выражение «базарляне» невольно напомнило Охотину причуды лексики будетлянина Велимира Хлебникова.

- Кто там на меня вякнул? Выходи сюда, паскуда – в рожу дам! – гаркнул в ответ Антону пьяный малый.

Николай встал вместе с Антоном, чтобы направиться выяснять отношения, но Охотин заявил, что сам начал и должен довести до конца. Шеломенцов немного отстал, остава-

ясь за спиной друга. Дюжий малый презрительно повернулся к Антону спиной и зашагал в сторону сортира. Охотин последовал за ним. Облегчившись, он тут же бросился на Антона, стоявшего у входа в клозет, с кулаками, но получив серию быстрых и грамотных ударов, отлетел в кабинку старого писсуара с позеленевшей от мочевой ржавчины металлической деталью, где и остался сидеть, сильно удивлённый. Охотин вложил в эти удары всю свою злость на Хатчинсонов, их пособников и уничтожителей леса в целом. Кроме того, он был рад продемонстрировать своему более крепкому другу, что и он кое на что способен. Продавщица сдержанно поблагодарила Охотина и застыла в нерешительности: звонить ли в полицию? Друзья закупили побольше круп и муки, которых не было возможности найти ближе, чем в десяти часах пешего пути от русской общины. Расстались с той дамой в полном мире и согласии. Ошарашенный лесоруб куда-то смылся.

Друзья спокойно доели свои бутерброды и направились к автобусу до Фэрбанкса. По пути Николай сказал, что к юго-востоку лежат ещё несколько сёл – Никольское и другие, где живут старообрядцы, или почти таковые, но, мол, не те они стали: «Наши старики к ним ездили, так они там и язык свой забывают, и ти-ви, телевизоры, то бишь, у них у всех. Так и до греха недолго. К ним из Бразилии свои приехали, поселились там. Русских много, а толку: скоро веру утратят. Гля-

дишь, и каинова печать на тех сёлах проявится». Потом Шеломенцов указал перстом на едва виднеющуюся вдали белую гору и сказал, что то - сам Мак-Кинли, или Денали – крупнейший пик континента, и Охотин выразил свой полнейший восторг. Увы, вершина горы была укутана облаками. Оттуда им предстояло пересесть до моста через реку Рэй и, вдоль неё, по тропам идти до подножья хребта Рэй. Антон впервые оказался так далеко на севере – за шестьдесят пятой параллелью и это очень даже окрыляло его, возбуждало романтические чувства: они пересекли реку Юкон оказались уже севернее Клондайка, на притоке Юкона! От этого небольшого хребта чуть выше двух тысяч метров, к северо-западу, не было уже ни единой дороги, а лишь чудовищные пространства тайги и лесотундры, переходящей в бесплодные земли[84]! До северного полярного круга оставалось каких-то шестьдесят-семьдесят миль! А за бассейном большого притока Койюкука простирался совершенно малохоженый хребет Эндикотт, относящийся к горной системе Брукс, где лежал огромный дикий национальный парк Ворота в Арктику и меньший – Долина Кобук, сливающиеся с бескрайним резерватом Ноатак в единый охраняемый массив[85]. Единствен-

---

[84] Бесплодными, или голыми землями в Америке принято называть тундру.

[85] Наибольший процент заповеданных природоохранных площадей приходится в мире на Аляску и Новую Зеландию. К востоку к этим заповедникам примыкает ещё и огромный резерват Арктика – до самой границы с Канадой. Национальный парк Долина Кобук сливается к юго-востоку с резерватами Селавик и Койюкук. Вместе они образуют одну из крупнейших в мире охраняемых площа-

ная дорога, пробитая к северу, проходила намного восточнее. Созерцание горной тайги за окном, вместе с картой в руках, вызывали у Антона Охотина подлинный восторг души. От, возникшего на горизонте, хребта Рэй, до верховий Койюкука на карте был обозначен заповедник Канути, который подразумевал охрану определённых видов животных. Община Николая располагаясь на границе этого заповедника, в самом сердце Аляски, и в радиусе примерно четырёхсот миль к северо-востоку от неё не было ни-че-го! Ни единого, сколько-нибудь приметного на карте населённого пункта! Край полный гризли[86], волков, лосей и лососей! Горы были невысоки и не имели ледников, но зато гораздо дичей самых крупных и красивых, привлекательных для восходителей. Друзья едва успели отойти подальше от дороги, и разбили бивак в наступающей темноте. В разгар северного лета это означало, что наступила уже середина ночи. В столь поздний час и комары успокоились. На следующий день им предстоял очень долгий переход вдоль реки Рэй. Если они выйдут с рассветом, который наступит уже через каких-то пару часов, то успеют до наступления недолгой темноты. Только в пору белых ночей и можно было уложиться за световой день до Русского посёлка, который не существовал, слава Богу, на

дей, сопоставимых с таковой в Гренландии. Заповедный массив разрезан лишь одной дорогой.

[86] Слово «grizzly» означает «седой». Его путают с созвучным «ужасный», но пишется оно иначе – «grisly». Авторы этого названия - капитаны Мерриуэзер и Кларк имели в виду первое значение.

картах. Раньше он стоял ближе к дороге, пока её не было. Теперь там оставалось лишь «местище», как выразился Николай – еле заметные развалины мшенных – оконопаченных мхом, изб. Впрочем, совсем рядом здесь остался жить один из русских, желающий остаток жизни замаливать грехи в отшелье, ставший молчальником.

Усталые, не выспавшиеся, они ввалились в отчий дом Николая в наступившие трепетные сумерки белой ночи. Первой приветствовала их верная лайка Николая, сурово покосившаяся на, незнакомого ей, Охотина. Хозяин представил ей гостя, и пёс завилял пушистым хвостом. Из избяного полумрака выглянул заспанный отец. Он двуперстно перекрестил сына и, прищурившись, поглядел на гостя. Николай познакомил Касьяна Кирьяновича с Антоном. Пожилой, коренастый бородач, невольно наводящий на мысли об уральских казаках, высказал предположение, что они голодны, но друзья убедили его, что им важнее всего сначала поспать, а там уж и разговеться. В красном углу избы висел старинный почерневший образ Николая Угодника, который невольно привлёк внимание Охотина.

- Шестнадцатый век, - с важным видом заметил Николай, проследив за взглядом гостя. – Инородцы издавна звали поморов даниловского согласия николаистами за то, что на каждом судёнышке у них образа святого Николы были.

Утром Антон с интересом разглядывал россыпь кособо-

ких избушек, ютившихся по пологому склону. Видимо они были плохо заметны с воздуха, поскольку повсюду росли довольно высокие пихты и ели. Николай рассказал о числе семей их общины, а также выложил цифирь о численности детей и стариков, то есть – неработающих едоков, а также - охотников и рыболовов. Всего набиралось почти семьдесят человек. Среди изб сновали коренастые бородачи, пробегали дети, но также прошли и несколько молодых скво – вполне ярко выраженные индианки. Мать Николая была уже на том свете, и отец сам накрыл на стол, позвав друзей на пирог с блинцами[87], да квас ячной.

- Ох, и медовит же напиток сей! Да и духовит! – смаковал архаизмы гость в угоду хозяевам, как ему казалось, а также, подбадривая этим самого себя.

- Да квас и, в самом деле, мёдом приправлен, - спокойно заметил отец.

Антон понял, что для них слово «медовитый» имеет не какой-то смутно-приятный архаичный оттенок, но здесь - вполне конкретный термин быта общины.

- Ты, сынок, стало быть, не в благоверии[88]. Жалко оно, - молвил вдруг Касьян Кирьянович, глядя на Антона. Охотин понял, что это его назвали ласково «сынком», но подчеркнули, в мягкой форме, что он – табашник, никонианин, не

[87] Старинное русское блюдо – пирог из кислого теста, начинённый мелкими блинами.

[88] Благоверие - истинная вера.

придерживается древлеправославия.

- Да, так оно и есть, - смущённо пожал плечами Антон.

- И то оно хорошо, што православный, - примиряюще продолжил отец. – В городах их богостудных повсюду ныне бесобояние – блудинища[89], да и только. Блудодеи и государством правят. Да и в Расее нынешней оно не лучше. Потому своего воспитали мы в древлем благочестии. И сподоби Господь его в нём пребывать крепко.

- Так оно и есть, дедко. Не волнуйся, не отступлюсь, - вставил его сын, употребив северное словцо, заменяющее иной раз «отца», а не только «деда».

Антон пребывал в полном восторге от языка отца Николая, превзошедшего своего отпрыска.

- Всё верно говорите о городах, Касьян Кирьянович. У них там совсем иные новые идеалы и Бога они позабыли, - кивал Охотин, жуя пирог, и выдал собственного производства анекдот. - Что общего между евреем и покойником на современном Западе? О них говорить можно или хорошо, или ничего. Теперь то же распространяется и на геев, мужеложцев то бишь.

- Слава тебе, Господи, давно там не бывал и боле уж не хочу в век свой оставшийся, туда выбираться, - продолжил отец, размашисто двуперстно перекрестившись. – Ничего там нет, окромя гнилословия, бабьих глаз лубяных. Моло-

---

[89] Богостудный – богопротивный, бесобояние - идолопоклонство, блудинище - место разврата.

дёжь кубарит да щурует токмо, словно немаканые[90] все оне там.

- Отец зрятину[91] не скажет, - вставил Николай.

Далеко не все его словца были доступны пониманию Антона, но они вызывали у него полное восхищение. Охотин заметил, что анекдот его не вызвал явной реакции и сообразил, что понятие «еврей» отсутствует в сознании человека из глубин Аляски. Николай же напрягся и вдруг вспомнил, что у Гоголя, тома которого завалялись в имуществе их общины, брошенные начальством колонии, он вычитал об этом племени, называемом чаще «жидами».

- Олипа не прикупил мне, сын? – спросил вдруг Шеломенцов старший Николая.

- Ой, забыл, батя, прости уж.

- Так-то вот… Старика не потешил. Ну да ладно, покуда немного осталось, - продолжил отец и, взглянув на гостя, пояснил. – Иконы писать для посёлка нашего я, на старости лет, стал. Олип для образов и мази мастительные из мастики делаю. Где-то в городах Америки южных хучь бы и древлеправославные иконы отыскать можно было бы, а тут у нас, сам понимаш – не найдёшь. Олип же, он для всякой доски требуется – защитит яё. Так-то можно писать и в тайге… А кисти знатные у меня есть – беличьи, - с этими словами ста-

---

[90] Лубяные глаза - бесстыжие. Кубарить- валять дурака. Щуровать – плутовать. Немаканый – нехристь.

[91] Вздор, пустяки.

рик извлёк из кожаной лядунки очень тонкую нежную кисточку и с гордостью показал её гостю.

В это время издалека донёсся раскатистый выстрел, эхом принесённый с гор.

- Судя по шуму - старенький триста третий карабин. Сосед со своим тумаком[92] балует, - заметил Николай. – Надо будет нам к Сидору сходить на днях. Они живут в полдня пути от нас. Вот он подивится, увидав Антона!

- Конечно, сходим, Николай, - просиял Охотин.

- Сидор до сих пор может за пару вёрст ворону на дереве разглядеть, а мне трудно стало. Как быть с промыслом нашим? – Николай вздохнул.

- Или уж острый глаз, или книги и знания, Николай, - веско заметил Антон.

- Заброска на промысел начнётся уж скоро, сын. Не увлекайся шибко походами с Сидором твоим, - назидательным тоном молвил старик.

- Не опасайся, отец. Не из забывчивых я, - откликнулся Николай. – Да только мягкую рухлядь, как и рыбий зуб[93]у эскимосов, покупать нынче дёшево стали…

Через день друзья направились в посёлок индейцев-промысловиков. Сидор встретил Охотина очень приветливо и сразу же усадил к очагу в своей нехитрой избушке. Молодая

---

[92] Тумак - помесь собаки с волком.

[93] Мягкая рухлядь – пушнина. Рыбий зуб - моржовый клык.

жена его стала прислуживать мужчинам. Антон ощущал себя чуть ли не героем Фенимора Купера, или Джеймса Шульца. Сидор хвастался, что недавно ходил на шатуна-мистайю[94] и одолел его. Перекусив сохатиной, все трое прихватили с собой пару мальчишек, и пошли бить рыбу острогой в затоне притока реки Рэй. Вода там была кристально прозрачной и на глубине метров семи просматривались валуны дна, выше которых извивались тёмные линии, которые оказались спинами рыб. Антон внимательно посмотрел, как индейцы орудуют длинной острогой в два зубца с петлёй для руки, но сколько сам ни пытался, ни разу не вонзил оружие в рыб. К счастью, даже не поранил их. Николай воздержался от охоты, а Сидор нанизал на тонкую палку сквозь жабры пять крупных гольцов. Каждый из четырёх мальчиков поймал по одной рыбе. «Приятно видеть этих гордых достойных сынов леса. Да… электричества на реке Рэй нет… Уровень жизни и ум людей вещи никак не связанные, - подумал Антон. – Процент умных одинаково мал, как среди общества потребителей в «цивилизованном» мире, так и в полупервобытных сообществах. Разница между нами, в основном в том, что мы почитаем златого тельца и стараемся из всего поиметь выгоду, а они почитают святынями скалы, особенные деревья, источники. Может быть американские и сибирские первопроходцы и испытывали должный трепет пред могуществом природы, но за их спиной двигались дельцы, подоб-

[94] Мистайя по-индейски – гризли.

ные тому же Хатчинсону, не оставившему на целом острове Ванкувер лесных великанов». Несколько портило картину то, что у всех индейцев на ногах были поношенные спортивные туфли. Николай поймал сожалеющий взгляд друга и заметил, что зимой «кроссовки» они не носят, а только своего рода валенки – зимние мокасины. Слух Охотина резануло слово «кроссовки» в устах этого диковинного человека. После долгого общения с Николаем, Антон стал замечать, что столь особенный и уникально-архаичный русский его нового друга начал неуклонно портиться от общения с Охотиными. Увы, Николай схватывал всё на лету, обладая недюженной памятью.

Когда, через два дня, Антон с Николаем возвращались в общину, Шеломенцов рассказывал, что в их краях им повезло с индейцами – они не испорчены огненной водой. Завидев свой дом, Николай произнёс, как бы извиняясь за внешний вид отчего дома:

- Домовище наше, хоть и бильдяга[95], но крепок оченно – полвека ему точно есть. А заплоты у нас городить не принято. Заборы то бишь.

- Так, к чему здесь украшательством заниматься? Жизнь в тайге сурова, - отозвался Антон.

- Заходите, сыту[96] вот попейте с дорожки, - встречал их

[95] Домовище – жилище. Бильдяга - изба из неотёсанных брёвен.

[96] Сыта – вода с мёдом.

отец.

По пути, в отцовском углу, при лучине, Антон разглядел давно начатый образ, который старик раскрашивал по краю багрецом.

- Брынца[97], тобою привезённого, передал я немного соседушке Панхарию Ульянычу, - бросил отец на ходу Николаю. – Закончились евонные запасы.

- Хорошо, тятя.

Антон обратил внимание на усму[98], украшенную мехом, напоминающим енота, и спросил друга, так ли это.

- Ага, Антон, генот это, - ответил Николай. – Кто-то из предков из прерий привёз, когда за бизонами они отправлялись. Рассказывал я тебе.

Охотин с трудом вспомнил, что в России узнали о существовании енота по шкуркам из-за океана, которые стали называть «генеттовыми мехами», потому что зверек с полосатым хвостом смахивал на генетту – зверька из виверровых, обитающих в Африке и на юге Европы. Позже возникло слово «генот[99]». За рыбным ужином Касьян Кирьянович сказал:

- Чего пока ещё даёт с лихвой Господь нам – рыбу. И сиг и хариус крупный ловится.

---

[97] Брынец – рис.

[98] Выделанная кожа.

[99] Во многих европейских и азиатских языках енота буквально называют «медведь-полоскун», или «моющий медведь», за его привычку полоскать свою пищу в воде.

- А всё же хотел бы я жить в те времена, когда учуги ломались, - заметил в ответ поборник старины и охраны природы, сын его.

Со стороны Антона зависло недоумение по поводу сказанного. Николай уловил это и пояснил:

- По словам наших стариков, прежде так много на Яике-реке рыбы бывало, что от напору оной, учуг ломался, и её прогоняли назад пушечными выстрелами с берега.

- Да… Времена на Руси были… - выдавил из себя Охотин несколько смущённо.

- Трудитесь вы, городские во славу своего кармана и канадского царя, уж прости старика, сынок. А для канадского царька окромя наживы ничего не существует. Заодно, и во благо давнейшего врага России – Англии трудитесь, - заявил вдруг отец.

- Это как на то посмотреть, - прищурился Антон, - Во имя Господа единого тоже трудимся. А на чьей земле оно и не важно. Ведь я природу охраняю.

- Прости, сынок. Не разобрался старик. Ежели так, то оно и хорошо.

- Ещё лет двадцать назад, отец стал замечать, что на ночном небе появлялось всё больше странных движущихся звёзд, но он так и не поверил в то, что это летательные аппараты, - улыбнулся Николай.

- Буде те, звездохват[100], над стариком потешаться, - полу-

[100] Звездохват - заносчивый всезнайка.

шутя проворчал Касьян Кирьянович.

Через несколько дней Антон случайно услышал разговор Николая и его отца с каким-то древним старцем, судя по всему – их священником.

– Да, свататься к сестре его хочу, но не могу решиться, - прозвучал голос Николая, и Антон уже не мог подавить искушение продолжать подслушивание.

- Так, никониане же они там… - раздался хриплый голос старца.

- Мож согласится сестрица евонная веру истинную принять? – вставил старик Касьян.

- Ежели она багрянородная, вьюнош, то нечего те и судьбу свою пытать, - говорил священник. – А квёлым не ходи – не поможет.

«То есть - благородного происхождения…» – сообразил Антон.

- Не совсем так, надеюсь, - неуверенно промолвил Николай.

- Коль не городские оне, то и благо. Женобесия грех и то лучше, нежели то, что ныне в городах творится. Беси (бесы) одолели их, не остаётся уж надии (надежды). А женщинов русских нам тут не хватат, но и мужики нужны. А ежели и его самого нашим сосватать? У Ознобишина Фомы дочурка ой, как мила. Алеутов у них в роду мало, – неожиданно предложил старец.

- Свежаки ой, как нужны. Кровушку поддержать-то надобно. Да и отцелепно[101] по душе, чую, она мне будет, - говорил Касьян Кирьянович.

- Стало быть, думать надобно, Касьян да Кирьяновиц, - заключил священник, произнося имена на поморский лад. – А зыбки с роговушками[102] новы посёлку нужны – оно верно.

Охотину становилось всё более неловко и от того, что он подслушивает, и от самого содержания их беседы. «Но ведь я сам был готов подтолкнуть сестрицу на этот шаг. А правильно ли всё это, сделает ли это её счастливой? Наверное, её счастье превыше моего стремления к сохранению консервативности нашей семьи…» - подумал Антон. Разговор продолжался и Антон не сразу сообразил о чём говорили эти люди. Оказалось, что они погрузились в сопоставление дат по своим рукописным численникам, идущим от дореволюционных церковных календарей со всеми праздниками по юлианскому летоисчислению. Делалось всё это постоянно, чтобы не следовать «американскому, басурманскому численнику», навязываемому государством, в котором им приходилось жить.

- Мужики сетуют, мол, медведь повадился в деревню, - сказал как-то Николай. – Пойдём на днях на него. Иначе бе-

---

[101] Отцелепно - свойственно отцам.

[102] Зыбка – плетённая колыбель, роговушка – приспособление для младенца сосать коровье молоко.

ды не оберёшься: детишек может разорвать. Шатун, поди, какой.

- Успенский пост на носу, а уж потом, межговейно[103], можно будет и медвежатину отведать, - вставил своё слово отец. – Ничего, мясо в ледник положим. В самую межень[104] много скоромного и худо.

Антон уже знал, что под ледником в месте, где никогда не было электричества, подразумевают глубокую яму, достигающую прослойки льда вечной мерзлоты. В глубоком деревенском колодце тоже имеется корочка льда, сохраняющаяся всё лето.

- Н-да… - протянул Николай, глядя на Антона, - а там уж индейское лето начнётся, ну и зима не за горами. Здесь не как у вас там, на юге. Ха! От чего-то я перевёл бабье лето с англицкого.

- Кстати, выражение «индейское лето» изначально пошло от недоверия, сложившегося у белых переселенцев, в отношении индейцев ещё в период колонизации востока США, - заметил Антон. – Индейцы же, с гораздо большим правом должны бы назвать бабье лето белым – white people summer.

- Не поймём с мужиками, где косолапый хоронится? Видели не раз его за околицей, а потом – как в преисподнюю сгинул – нигде не видать, - продолжил Николай.

---

[103] Межговейно – мясоед между постами.

[104] Межень, или вар – разгар лета.

- По малегу-то и прячется он. Вон какой дрязг-то[105] ниже по Рэй-реке, - высказал предположение отец.

- Прочесать надобно по пойме, - сказал сын. – Надо будет основательно снарядиться: в междучасие тут не обернёшься.

На следующее утро четверо общинников и, приглашённый Николаем, Антон, собрались на медвежью охоту. Говорили, что гризли размеров выдающихся и взяли самые крупнокалиберные ружья, которые имелись. Дети на просёлочной дороге играли в бабки, называя их, впрочем, козонками. Тяжёлые крашенные битки, с влитым свинцом, посылаемые ловкой рукой подростка, разили бабки, расставленные в пяти метрах от него. Один из мужиков вдруг пообещал Антону сыграть с ним в рюхи, по возвращению с охоты. Охотин смутился, ибо не знал такой игры. Николай понял заминку и шепнул другу, что это вроде городков.

- Безблазно те говорю, Николай, што видал зверя того близко совсем и, врать не стану – таких огроменных нечасто встречал, - приглушённо говорил дюжий коренастый бородач лет пятидесяти, словно сошедший с иллюстрации книги об уральских казаках.

- Забытлив ты, старый хрыч, стал, - проворчал сосед с большим содержанием индейской крови и чахлой бородкой. – Год-другой назад какого зверя мы на Койюкуке с тобою встречали? Крупней и не бывает.

---

[105] Малег – низкорослый хвойный лес по-поморски. Дрязг - дебри, чаща.

- Выспрь[106] не палите. Его не испугаешь. Токмо по зверю бейте, - весомо произнёс старший бородач.

- Оно могёт и так, но ухо нам востро держать надо и стрелять вовремя. Такого размера медведь успеет до тебя добежать, ежели его в глаз не завалишь, аль хребет тяжёлой пулей не перебьёшь, - продолжил первый казак.

«А народ в наше время не тот уже. Даже здесь, - подумал Антон. – Когда-то на медведя вдвоём с одной рогатиной ходили».

- Вдоль быстрины пойдём дальше. Стало быть, слышно зверя худо будет. Ухо востро не поможет. Надобно глядеть вокруг пошибче, - вставил третий сосед, что был немного моложе и, своим круглым рыхловатым лицом, скорее, напоминал помора, чем казака.

- Ниже одно бучило[107] будет. Там тихо. Можно будет остановиться, да перекусить, - добавил Николай.

- Знаю твоё бучило, - сказал казак с изрядной долей индейской крови, - в мартии-месяце[108] бродил там по наслуду[109], да и спугнул сохатого. Думаю, рыбное там местечко. Не найдём медведя, надо будет пошарить там по дну под камнями.

- Омута ой, как глубоки бывat. Смотри как бы нырять не

---

[106] Выспрь - вверх.

[107] Омут.

[108] Мартий – март.

[109] Наслуд - крепкий наст.

пришлось, - усмехнулся старший казачина. – Да и суводи[110] там – поострожней будь.

- Тогда придём в другой раз туда с матицей[111], - добавил третий.

- Таким, как ты с маткой[112] туда надобно, не то, что с матицей. Неровен час – дедушко водяной попутает - заблудишься, - хмыкнул старший, произнося «о» в конце слова «дедушка», на северный, поморский, лад.

Загадочного гризли не обнаружили они в самой чащобе ни в тот раз, ни ещё через пару дней. Постепенно о нём забыли – не встречал его никто больше. Решили, что не шатун он вовсе и не опасен. Сходили на тот омут порыбачить с сетью и принесли полный мешок отборных сигов и хариусов. Миновал Успенский пост, отведал Антон, впервые в жизни, медвежатинки, а там и первый снег вскоре выпал. Помимо наблюдения за, увлекающим Антона, образом жизни членов общины, были и некоторые моменты, разочаровавшие Охотина. За долгие зимние вечера он не был ни разу приглашён на службу в старообрядческом храме – высокой избе с крестом на заостренной, в виде башенки, кровле. Это мог он принять: не подобает законом. Но отношение людей вокруг к

---

[110] Суводь - водоворот.

[111] Матица – 1. Мать, основа, исток. 2. порода, содержащая метал руду. 3. Часть невода, куда собирается рыба. 4. Киль. 5. Подлинник документа 6. Магнит (слово расхожее у поморов).

[112] Матка – 1. Мать. 2. Самка. 3. Ядро войска. 4. Деревянный компас у поморов, а матка огненная - геенна, преисподняя.

нему оставалось все эти месяцы настороженно-прохладным. Постепенно Антон понял, что жить бы с ними он не смог бы. Кроме Николая и его добродушного старика-отца, лишь пара соседей останавливалась перекинутся с ним парой слов, при встрече. Прочие же, тем более – женщины, лишь кивали, бурча под нос что-то вроде приветствия.

В рождественские деньки Антон с Николаем выслеживали лосей. Забрались глубоко в совершенно глухую тайгу и вдруг наткнулись на свежий человеческий след. Они не исключали возможность того, что кто-то из их соседей-индейцев охотится здесь, а может быть он потерял направление, нуждается в помощи. Было решено поспешить за человеком, чтобы встретить его. У друзей были лыжи, а у того одинокого охотника – только снегоступы, поэтому через полчаса хода они стали нагонять его. Завидев силуэт человека на полуголом каменистом склоне, они ускорили шаг, но вскоре поняли, что тот старается оторваться от них: он сбросил снегоступы и карабкался по труднопроходимым скалам, выйдя на самый гребень. Николай окликнул его по-английски, затем – на наречии местных индейцев. Тот продолжал торопливо увеличивать расстояние.

- Что-то тут не так, - заметил Охотин. – Может он беглый каторжник какой?

- Бывает, что они бегут на север, чтобы след заметать. Полиция ожидает, что их на юг потянет, вот и хитрят, - ответил

Николай. – Бросим это дело. Не хочет видеть нас – его дело. Но пусть убирается подальше от посёлка нашего. Сейчас же, он движется прямо туда. Надо ему путь перерезать, чтоб сменил направление.

Друзья начали обходить скалистый кряж, чтобы не дать незнакомцу продолжать движение во взятом направлении. Увидев, что они обошли кряж простым путём при помощи лыж, человек остановился. Ружья у него не было и походило на то, что он потратил на свой рывок вверх последние силы.

- Эй, там! – крикнул Николай. – Мы не полицейские, а простые охотники. Но туда ходить не надо. Не пустим мы тебя. Или спускайся к нам с миром – тогда вместе пойдём к нам, накормим тебя, обогреем.

Незнакомец застыл, видимо обдумывая предстоящий шаг, а затем начал спускаться, припадая на одну ногу.

- День добрый, - прохрипел он сипло, подойдя метров на десять.

Это был белый человек незначительного телосложения и неопределённого возраста, но, пожалуй, не больше сорока-сорока пяти, с опалённым солнцем, обветренным лицом, поросший бородой с редкой проседью. Лицо его было круглым и слегка веснушчатым, а кустистые брови торчали в разные стороны. Речь его звучала не совсем по-американски, но скорее с мягким британским выговором. В глубоко запавших светлых глазах его таилась волчья затравленность. Одежда его не соответствовала морозам этих широт и созда-

валось впечатление, что он бежал из дома, натянув на себя всё, что было под рукой, многочисленными слоями. Но всё это не заменяло основательного толстого тулупа. Так мог бы облачиться альпинист, в погоне за лёгкостью одежды без излишне толстых и длинных, прикрывающих ноги до колен, вещей.

- Зачем за мной гонитесь, коль охотники? На сохатого я не похож. Рогов никогда не имел, - напряжённо улыбнулся он, показав отсутствие верхнего резца.

- Нам кажется, что Вы промёрзли и голодны. Без ружья, или большого рюкзака с провизией в тайге невесело, - сказал Антон.

- Есть такое, что греха таить, - с поникшим видом ответил незнакомец.

- Далеко путь держишь? – спросил Николай.

- От самого Сьюварда, - прохрипел незнакомец.

- Как? Он же дальше Анкориджа? – подивился Шеломенцов.

- Тем не менее. Не первый месяц бреду…

- Пошли к нам. Согреешься, поешь, - продолжал Николай.

- Спасибо, - ответил странный человек, протянув руку. – Шон О'Каллахэн, - представился он, снимая грязную рукавицу. Было заметно, что рук он давно не мыл.

- Ник.

- Энтони, - протянули руки друзья, всматриваясь в глаза странного бродяги.

Они прошли рядом пару миль, но вскоре Шон начал заметно отставать. Вдалеке зазвучал протяжный вой.

- Ежели тундровый волк забрёл, так надо ноги уносить: такого с одного выстрела не всегда завалишь. Читал я, что они до восьмидесяти килограмм бывают. А в холке – сто пять сантиметров, - сказал Антон.

- Ничего. У вас же у обоих ружья, - заметил Шон.

- Не успеем так засветло, - сказал Николай Шону. – Надо тебя разгрузить немного. Давай мешок.

- Да… он не тяжёлый, - сипло протянул тот. – Просто желудок мой второй день пуст. Сил нет больше. На подъёме к кряжу и выдохся, от вас удирая…

- Садимся, - выпалил Николай, развязывая свой заплечный мешок и извлекая из него кусок солёного сала. – Без этого Шон не дойдёт. Точнее – совсем дойдёт…

О'Каллахэн жадно проглотил кусок сала, а Антон налил ему стакан крепкого сладкого чая из лёгкого термоса. После этого, их новый спутник приложил все усилия, чтобы не отставать и в сумерки они вошли в деревню.

Касьян Кирьянович налил непрошенному гостю из лекарственных запасов чистого спирта. Члены общины алкоголь употребляли только в особых лечебных целях, не иначе. Даже на праздник на их столах не было ничего крепче кваса. Только тут все заметили, что гость обладает огненно-рыжими волосами, хотя и наполовину седыми. Шон был истощён

до крайности и быстро захмелел. Язык его развязался:

- Да, так и прозвали меня ещё в школе – Рыжик…

- Индейцы бы назвали тебя Огненная голова, - улыбнулся Николай. – Поживёшь с нами, зайдут к нам соседи и… привяжется к тебе новое прозвище. Вот увидишь.

- Англичане глушат вермут с сельтерской, закусывая булкой, - с важным видом сказал Шон. – Мы же, ирландцы всегда предпочтём виски пиву и прочей бурде. Крепкое пойло придаёт силу, очищая организм. Мы, ирландцы, знаем, что к чему получше англичан, которые возвращались к язычеству, забывая руку павшего Рима, когда мы становились навсегда христианами, при этом, наша Церковь была в тёмные века независимой от Папства[113]. Так-то…

- Так, в самом деле, от побережья на север так и шёл пешком? – не уставал удивляться Николай, глядя на говорливого весноватого малого.

- Не совсем. Вначале, где народу много, в автобусах затерялся. Но, уже после Палмера, переплыл Суситну – лето было, ну и пёхом прямиком через тайгу в обход массива Денали. Летом оно и ничего впроголодь было. Юкон уже по льду переходил и хребет Рэй немного западнее обошёл.

---

[113] После нашествия англосаксов на острова, Британия стала вновь языческой, кроме Уэллса. В VII в. Папе удалось ликвидировать ирландскую и валлийскую церковную независимость, отменив церковные обычаи кельтов, бросавшие вызов общецерковному стандарту. Ирландцы ставили аббата выше епископа. Духовная миссия ирландских монахов на континенте существенно способствовала христианизации Запада в VI—VII в.в.

- А цель забега какая? – несколько наивно спросил Антон.

- Ощутить свободу. Может быть, в последний раз, - горько усмехнулся Шон.

- А как без ружья-то? Только рыбу ловил? – спросил Николай.

- Удочку у одного лоха и, в самом деле, умыкнул ещё под Анкориджем. Ловил иной раз. В конце лета на грибах и ягодах жировал, а с первым снегом туго стало. Но посёлки иной раз встречаются... Где добрые люди бывали – подкармливали, а где нет – кормился сам…

- Отнимал у них? – прямо спросил Шеломенцов.

- А хоть бы и так, - взгляд Шона изменился, стал замкнутым и неприязненным.

- Оно и грех, конечно, но и голодного путника понять можно, - поправился Николай.

- А фараонов, если бы они там водились, своими бы руками и порешил, - зло выпалил Шон, сделав непроизвольный резкий жест. – Моя семья из городских низов, а там во все времена нравы суровые были. Сам рос я уличным драчуном.

- Мы их тоже не любим, - примиряюще заметил Николай. – Приходили сюда как-то, выспрашивали всё…

- Я человек опасный. Разыскивают меня. Лучше, наверное, вас, людей душевных, не подставлять, да убраться подобру-поздорову.

- И думать брось! ИЗ ОБЩИНЫ НАШЕЙ ВЫДАЧИ НЕТ! – возмутился Николай. – Покуда не окрепнешь, в тайгу зи-

мой никак нельзя!

Отец его всё время молчал, поскольку его английский был гораздо слабее, чем у сына, но тут и он вставил пару негодующих междометий, мол, обижаешь нас.

- Исправительный центр Спринг-Крик… пять тысяч заключённых и большинство – строгого режима. Пенитенциарное заведение сие возведено в 1988 году под городом Сьювардом – краса и гордость всей Аляски. Вы лучше подумайте, а не опасно ли такого беглеца в своём доме держать? – усмехнулся Шон, опустошая вторую стопку.

- А как удалось бежать, можно спросить? – любопытствовал Антон.

- Как все бегут, так и бежал. Воспользовался удобным моментом. Чудом, можно сказать. По канализации меня спустили.

- А за что повязали? – прищурился Николай.

- Как бы это понятнее… за то, что я – ирландец…

- Так, оно заметно по имени. И что? Конфликт в Ольстере давно исчерпал себя, а на Аляске-то что? – подивился Антон.

- Тем, кто желает полную и истинную свободу всей стране Эйре[114] спокойной жизни не будет не только в пределах Британских островов, но и на всём белом свете. Предки мои давно в Америке. Они, ещё будучи в Фенианском братстве[115],

---

[114] Старинное романтизированное название Ирландии.

[115] Союз, основанный в США, состоящий и североамериканцев, ирландского

англичанам досаждали. А истинно помочь свободе ирландцев в наше время может только террорист. Мы тут, с друзьями, группу сколотили, хотели было Северной Ирландии помочь… Выдали нас…

- Сволочь, кто выдал, - неожиданно резко сказал Николай.

- Вот и я так думаю. Ну и порешил того предателя. И попался. Пару лет отсидел. А народ в той тюряге ой какой лютый… С самого начала мечтал о побеге. Но таёжного опыта не имел раньше. Не знаю, как с зимы живым остался. Палатки нет - не поспишь даже – всю ночь надо костёр поддерживать. Иначе – конец. Засыпать нельзя крепко – не проснёшься. Если позволите, пошёл бы я по-человечески поспать…

- Конечно, постелю сейчас, - сочувственно ответил Николай.

Так прошла долгая северная зима с морозами порой ниже тридцати по Цельсию, тогда как во время приезда, в июле, жара доходила до тридцати пяти[116]. Шон постепенно окреп и сошёлся с приютившими его людьми. Даже нередко пел, томящие душу, древние песни на отмирающем кельтском наречии.

- Русские ирландцам не друзья, но и не враги, а британцы остаются врагами, - приговаривал он иногда, оценивая бук-

---

происхождения, против британских учреждений в Канаде в период 1866-1871 г.г. Фенианские набеги, также известные, как Ирландское нашествие в Канаду, имели целью заставить британское правительство уйти из Ирландии.

[116] В Фэрбанксе в январе бывает в среднем минус 23 и до 55. Летом доходило однажды до плюс 38.

вально всё и вся в плане пользы, или вреда для ирландца и священного Эриннаха.

- Англичане и русским были и будут врагами, как и янки, - отвечал Антон.

Когда Антон и Николай остались одни, Шеломенцов заметил, что «такой вот беглый каторжник» ему милее, чем полицейский, или даже работник Департамента дикой природы Соединённых Штатов.

- Да они, рейнджеры эти – те же копы, - неприязненно продолжил Николай. – При них всегда револьверы, наручники, дубинки – чем не фараоны?

В ту ночь Антону привиделась бесконечная заснеженная равнина с уныло бредущим по ней одиноким, старым слоном. И был то, что самое поразительное, не «утеплённый» мамонт вовсе, но обычный современный ушастый, сильно озябший, африканский слон. В глазах животного сквозит боль от полуобмороженных ног, обречённость и тоска. Снег рыхлый и сухой, несчастное животное глубоко проваливается и силы его иссякают. Наутро Антон с убийственной отчётливостью вспомнил свой сон. Слона того было всё ещё жалко, как и тогда, во сне.

Долгие месяцы постигал Антон таёжную жизнь под руководством молодого, но уже матёрого в лесной премудрости друга. «Вот это жизнь! Когда упоминаешь в разговорах не

названия улиц, а рек, ущелий, перевалов» – думал Охотин, оставаясь наедине с собой. За зиму Антон обрёл опыт настоящего траппера: теперь он мог сам ставить ловушки на пушного зверя, или выслеживать его по снегу. Николай ворчал: «Нонешние бабы всякую дрянь носят, недорысков[117] каких-то, что из synthetic, лишь бы добротный мех у нас не покупать». С первой оттепелью Антон собрался домой, тепло распрощавшись с Шеломенцовыми, несколькими соседями, а также и с Шоном. Отец Николая всучил Антону в дорогу мешочек с жирными налитушками. Когда Охотин уехал, О'Каллахэн всё ещё оставался в общине.

В самом конце апреля 1999 года Антон оказался в Ванкувере, где выяснял свои перспективы по дальнейшей работе. Оттуда он позвонил родным на ферму, а также связался по электронной почте с братом, который давно вернулся из гренландской экспедиции. Прежде всего, Антон извинился в том, что грозился приехать до осени, но остался в общине на всю зиму. В оправдание своё Антон привёл свою мысль о том, что ему следовало прочувствовать жизнь в общине старообрядцев в плане задумок их с братом переселиться в более уединённые места. Глеб ответил, что понимает его этнографический интерес и нисколько не обижается. На ферму Антон направился иным, не кратчайшим путём: захотелось вспомнить заповедник Уэллс Грей с его водопадами, а также

[117] Недорысок – шкура рыси с неполноценным мехом.

пройти в одиночку оттуда до фермы, побыть наедине с собой, собраться с мыслями: ведь с дальнейшей работой ничего не выгорало. Похоже было на то, что карьера его на этом закончилась, не успев начаться. Время было благодатное – разгар весны и до уэллс-грейского избытка кровососов оставалось больше месяца. От Клируотера Антон, за оставшиеся полдня, спокойно миновал ранчо, прошёл вдоль полупустой дороги до самой темноты и разбил лёгкую палатку в ближайших зарослях возле таблички для туристов, предупреждающей о ядовитых гадюках. Белки долго не давали ему уснуть, неугомонно издавая птичьи звуки. Следующую ночь он провёл в кемпинге на слиянии Клируотер с Мёртл, где развязанная, подвыпившая бабёнка собирала мзду за постой. Оттуда начинался дикий, долгий и милый сердцу участок пути до перевала и вниз к родной ферме.

Через полмесяца Антон с Глебом встретились, как и договаривались, на родной ферме, правда, на полгода позже.

- Если ты подумываешь о той общине на Аляске, брат, то, увы, старообрядцы слишком другие люди… После столь долгого срока пребывания в общине вывод делаю неутешительный: вряд ли нам будет уютно среди старообрядцев… - печально говорил Антон. - Прекрасные люди, чистые, но, если ты не их вероисповедания – останешься там чужаком. Никониан в свой молельный дом не допустят.

- Забудем про их общину, брат. Есть у тебя другие места

на примете? В той же канадской тайге, скажем? – спросил Глеб. - Ты её получше меня знаешь. Помнишь, к примеру, о романтичном ущелье реки Наханни по рассказам деда? Это уже вернее Аляски, которая принадлежит американцам – извечным противникам России. Как бы нам, памятуя тот разговор о робинзонаде, подыскать спокойное место поближе? Уединится от суеты, пусть даже временно? Припоминаю, что в детстве мы читали в одном из романов Кервуда о изолированном поселении где-то за Наханни.

- В Саут-Наханни теперь вряд ли уединишься. Ведь там учреждён национальный парк, значит и заповедная администрация имеется… Не обязательно туда, хотя и великолепное, должно быть, ущелье. Но и очень труднопроходимое… Есть там ещё места укромные, как например – среднее течение той же Наханни, что ниже знаменитого большого водопада, куда теперь забираются туристы через перевал, так как проходить теснины слишком рискованно. Трудновато туристам добраться до Серпантайн Ривер. Но и самое верхнее течение очень дикое. Не исключаю, как один из вариантов. На севере этой страны всё ещё хватает уединённых мест. Конечно, нам надо выбирать места гористые, где комаров меньше.

- А если довольствоваться плоской тундрой с гнусом, то дичей Киватина земель, вне ледников, не сыскать. На двадцать пять тысяч квадратных километров там обитает до десяти человек оленьих эскимосов. Там единственными возвышенностями служат наносы древних русел палео-рек, ко-

торые, после исчезновения ледника, лет, эдак, тысяч десять назад, стали самыми высокими и сухими местами, словно барханы.

- Но, Глеб, как же твоя работа, карьера?

- Ты знаешь, брат, мне опротивели начинающиеся политические спекуляции на науке, на глобальном изменении климата. Уже доходит до того, что просто заставляют подтасовывать данные! На сей раз выразил свой протест, в ходе обработки данных последней экспедиции и рассорился с начальством. Готов бросить свою работу задолго до пенсии. Благо, скопил кой-какие деньжата.

- Ещё скорее, такое глухое место найдётся в горной части Южной Америке, где нет столь бдительных лесничих и полиции, - задумался Антон.

- Хорошо, если ты сейчас не можешь предложить ничего конкретного, то слушай мои соображения на этот счёт: по крупицам долго собирал, - взволнованно заговорил Глеб. – Есть в и тропиках райские места, где достаточно высоко и прохладно, красиво и спокойно. Но вопрос в том, что жизнь меняется слишком стремительно и там, где недавно ещё, казалось бы, ты мог жить полуробинзоном, вырубается последнее дерево и прокладывается шоссе… Например – Северный Таиланд. Туда, во времена поздних хиппи, стали стекаться любители свободы и тишины. Особенно много там немцев – до тридцати тысяч их там живёт. Устали от европейской суеты. Но не уверен, что и нам бы там хватило места. Скорее

всего, туда мы опоздали. Те края, куда ехали первые хиппи – в Долину Катманду и Манали, что на севере Индии, или на озеро в Гватемале, сегодня уже перенаселённые и загрязнённые места… Теперь новых гуру оголтелая европейская молодёжь ищет в Гоа, Гокарне, или Дарамсале - под боком у Далай ламы. Но это пыльные города… Есть ещё надежда и на Лаос, но сведений моих по нему явно недостаточно. В соседней Бирме, Мьянме то бишь, на севере, очень дикие и красивые горы, но политическая обстановка в стране оставляет желать много лучшего. Остальные страны Индокитая слишком перенаселены. Может быть Непал? Но там всё густо заселено ниже безлесой зоны… Но не Тибет, ибо не знаешь, чего ожидать от китайцев. В Индонезии глухих лесов пока хватает. В горах Новой Гвинеи есть места…

- Там и пики более пяти тысяч – леднички есть, - улыбнулся Антон.

- Под вершиной Ириан-Джайя, которая теперь более известна как Картенсз, природа навсегда испорчена американским золотодобывающим концерном… И до Новой Гвинеи добрались… Но на острове очень много и вовсе белых пятен. Сведений по нему не хватает. Австралия слишком открыта - плоская, пустынная… В Африке демографическая тенденция не оставляет особых надежд… Остаётся, в самом деле, Латинская Америка. Меня особенно привлекает прохладная, малонаселённая, спокойная Патагония. Туда много немцев уехало и продолжают ехать. Баптистов целые коло-

нии… Но и в Чилийских горах, что севернее Патагонии, есть медные карьеры местных воротил, всё из которых уходит за рубеж и в их карманы, а рабочие только болезни наживают за нищенскую заработную плату. А канадские инженеры портят нефтью воду в Эквадоре и Перу, прокладывая кое-как трубопроводы, тогда как у себя способны делать это довольно деликатно. Коста-Рика тоже считается райским местом, но не слишком ли там много туристов? Надо бы самим там побывать. Но всё это пока досужие разговоры. Для начала нам надо съездить в Россию и увидеть своими глазами все изменения.

- Вот именно! Удалимся на самые окраины Ойкумены! В Сибири найдётся место пустое. И не достанет нас там никого Ельцин ли, продавшийся Америке, Путин ли, хоть Распутин, или Лилипутин. Правда, температура зимой, кое-где сопоставима с антарктической, - посмеялся Антон.

- Но, если такой деспот, как Ленин воскреснет, то и до сибирской глуши доберётся.

- Не дай Бог. Ведь такие редко рождаются. Правда, в двадцатом веке их хватало…

- Основная наша цель отыскать подобное место в России. И Тоне замуж бы пора. Там проще будет. По пути до той самой глуши… - задумался Глеб.

- Думал я было Николая ей сосватать, но видно не так всё просто со старообрядцами…

- Как бы нам найти гармонию с ними? Ведь мы - не меньшие традиционалисты, чем они. Разве что, не уединились ещё, не отвергли пока, разрушающие всё, современный быт и новую мораль, которые неуклонно стирают историческую память народов.

- Да уж, глобализация: либо весь народ очередной страны, на которую распространяется влияние Запада, дружно надевает кепку с длинным козырьком, напяливает майчонку с мудрым изречением, или глубокомысленным рисунком, кроссовки, пялятся на западные каналы телевидения, для чего в мире усердно распространяется знание английского, а банки страны вливаются в общую систему, подконтрольную Америке, - вскинул брови Антон, - либо стране грозит очередная гуманитарная бомбардировка.

- И чтобы свой язык забыли там со временем… Почти весь мир уже бегает в американских маечках, зная пару слов по-английски. Больше и не обязательно – хватит для понимания примитивной рекламы и, вымывающего остатки мозгов, потока дешёвых фильмов. Как бороться с нахрапистым, разнузданным валом американского образа жизни?

- А выбор для малых народов земель отдалённых жесток: либо они продолжают блюсти традиции отцов, в отрыве от влияния Запада - меньше загаживать местность вокруг своей деревни пластиковыми бутылками и пакетиками от чипсов, жить патриархальным, но тяжким трудом, бедно, но не беднее городских низов грязных мегаполисов развивающих-

ся стран, либо они расслабляются с бутылкой пойла за телевизором и медленно деградируют.

- Такие народы сохранились к новому столетию или в очень отдалённых местностях среди дикой природы, или в странах-изолятах, таких, как Бутан, или – в странах с сильно противостоящей влиянию запада идеологией, таких, как исламские и Северная Корея. Возможна ли тут золотая середина? Иной путь, достойный, без вопиющей бедности, но и без полного обезличивания народов, особенно таких, как находящиеся на первобытнообщинной стадии, для каковых любой контакт с современной цивилизацией чреват либо вымиранием от простых гриппа с корью, либо неуклонным погружением в бездну пьянства от подспудного чувства собственной несостоятельности в чуждом мире с безжалостно вырубленным лесом - привычной средой обитания, - печально покачал головой Глеб.

- Пока разведаем, съездим в Россию, а там уж и решим окончательно. Может в новой России нам и подобает жить? Но и испанский надо нам пройти по ускоренному курсу. В Венесуэлу и Парагвай, по следам фамильным, давно уже собирались, - сказал Антон.

- Замётано. Я разбираюсь со своей работой – надо кое чего довершить, опубликовать пару статей. Мы оба учим испанский, дочитываем мемуары прадеда и деда, чтобы знать, что делать в Венесуэле и Парагвае. Едем в Россию, как только освободимся. Кстати, испанский может испортить наш с то-

бой французский.

- Скорее уж тогда мой французский, который здесь, на западе, слабее твоего квебекского. А пока, Глеб, я решил навестить своё любимое место, где провёл столько времени наедине с природой, производя мониторинг. Не так далеко отсюда.

Глеб уехал в Торонто, Антон же – лишь на пару недель в свою сторожку в горах, обещая родителям вернуться к сбору урожая и заготовлению запасов на зиму. Когда Антон добрался до тропы к своему сокровенному месту, его насторожил вид тропы, которая стала заметно более торной. Антон поспешил по ней до самых истоков под водопадом, где находилась сторожка, уже представляя её разгромленной, сожжённой. Разочарование было полным, хотя его домик и уцелел с замком на двери и надписью «Собственность канадской лесной службы». Но невиданные им доселе туристы, побывавшие здесь совсем недавно, вытоптали вокруг всю траву, цветы, так радующие некогда его взор отшельника. Мусора они оставили немного, не как в развивающихся странах, где мусорение для всех дело совершенно естественное, но несколько окурков и обёрток от конфет валялись, втоптанные в землю. Антон подумал, что его вряд ли ещё когда-нибудь потянет к своему водопаду, всё так же равнодушно низвергавшемуся в каменном мешке: место стало слишком доступным…

На земле предков (2000)

Когда я вышел, увидали
Мои глаза, что мир стал нем.
Предметы мира убегали,
Их будто не было совсем.
Н. Гумилёв

И снова сволочь празднует на развалинах социализма свой триумф. Снова сияет рожа торговца; лениво потягивается сутенёр, торгующий девочками-малолетками; потирает руки гадина, вырубившая последний вишнёвый сад...
А. Дугин

Тот чудный гул, идущий от небес, он гласом Божьим нисходил к народу. Призывом к дальней жизни без мирских страстей, и родником, где пьют живую воду…
Знакомый звон, любимый звон, Руси наследие святое…
Евдокия Ростопчина (1811–1858)

Наконец, объявили посадку в городе Москве. Добавили, что там сейчас плюс пять и, местами, осадки. Антон вновь с теплом вспоминал, как родители долго крестили братьев, отправляя их в дальний путь, словно для Глеба эта поездка в столицу была опаснее его скитаний по ледникам. Как отец,

чуть ли не со слезами, попросил привезти горсть московской землицы, где когда-то стоял дом генерала Гордея Охотина. Вскоре после своей гренландской экспедиции Глеб младший сказал, что немного приболел и надолго остался на ферме помогать матери с отцом. Как выяснилось позже, он не столько заболел, сколько разругался со своим начальством из-за интриг в ходе экспедиции и пребывал в расстроенных чувствах: дружбу производственные отношения не подразумевают, а отрицают. Глеб уже окончательно решил бросить свою интересную и любимую работу. В самолёте братья договорились, что Глеб станет больше рыться по московским библиотекам в поисках материалов по истории их семьи, Антон же должен проникнуться менталитетом постсоветских россиян, блуждая по улицам Москвы. В их распоряжении был ровно месяц. Получить визу было непросто и недёшево, как, впрочем, и приобрести российский чип для мобильника в аэропорту. Неприветливые физиономии работников таможни произвели на братьев не лучшее впечатление, как и навязчивость раздражённых, конкурирующих таксистов.

Охотины решили воспользоваться электричкой от Домодедово. Они с трудом отыскали свою гостиницу в туркомплексе «Измайлово». По телевизору, висевшему в лобби, галдела реклама о какой-то пирамиде «Эм-эм-эм», а затем некий медиум, с волевым подбородком, стращал миллионы слушателей своими методами лечения через телевизор, мол,

и врачи не нужны будут. Братья поспешили в свой номер и постарались хорошо выспаться. Среди ночи кто-то начал шуметь в коридоре. Донёсся многоэтажный мат, которого Охотины в жизни не слышали, зная его лишь в очень ограниченном количестве в виде четырёх основных слов. Больше всего их поразило, что среди, как показалось, четырёх участников перебранки, было два женских голоса, изрыгающих мат, похлеще мужских глоток. Охотины были уже готовы встать, чтобы призвать галдящих к уважению спящих гостей города, но те неожиданно замолкли и разошлись. Окунувшись с утра в старую Москву, братья порадовались бурным реставрационным работам чуть ли у каждого встречного храма.

- По крайней мере с преследованием веры здесь покончено, что для нас особенно важно, - радовался Антон, окидывая взором сияние куполов под полуденным весенним солнцем. – Вроде можно возвращаться на историческую Родину.

- Повремени пока с поспешными выводами. Надо бы присмотреться получше, - с недоверием заметил старший брат. – Но, как чудовищен тот факт, что наш род лишён своей Отчизны на целые поколения…

Знакомые лишь по картинкам, фотографиям и фильмам, старинные православные храмы во всём своём великолепии, поразили обоих братьев, и они не могли оторвать от них как взоров, так и своих объективов. Первый день они посвятили прогулке по центру, с заходом в Кремль, а также заглянули в магазин «Книжный глобус», где накупили много историче-

ских книг, особенно, о событиях Первой мировой и Гражданских войн, да столько, что за багаж в самолёте пришлось потом переплачивать. Перекусили в заведении под названием «Трактир» вполне добротным борщом и пареной рыбой. Когда они проходили мимо небольшого стадиона, их оглушило радио с завыванием какой-то безголосой бабёнки под бездарный ритм стиля диско. Пела она о разбитой любви, после которой, по непонятой Охотиными причине, она пошла по рукам. Удручало обилие ларьков, заполоняющих столицу. Свобода торговли особенно ярко выражалась в «печатных киосках», где всё было завалено брошюрками, нашпигованными похабными анекдотами, плакатами с обнажёнными красотками, а календарики с голыми бабёнками соседствовали с календарями с ликами святых и самого Спасителя. У входа в свою гостиницу они заметили броское приглашение на творческий вечер какого-то модного писателя, который должен был начаться через час. Охотины решили взглянуть на это сборище и сразу пошли в ресторан, чтобы побыстрее поужинать. Кормили там на удивление невкусно и выражения лиц официанток навевало тоску. Когда братья заглянули в сортир, их внимание оказалось прикованным к странноватого вида патлатому молодому человеку, который тщательно перекрестил водопроводный кран и только потом напился из него.

- Что же, и такое радует, - заметил Антон, переглянувшись с Глебом.

- Если это не временная показуха, то можно и порадоваться, - заметил Глеб.

Желающие послушать модного писателя собрались в конференц-зале. Перед публикой появился тип с весьма характерной внешностью представителя избранного народа и умело завладел вниманием аудитории, выдав несколько оригинальных замечаний. Дальнейшие его циничные высказывания в адрес косности и отсталости советской культуры и перспективах расцвета свободной новой культуры демократической России, основанной на идеях Фрейда, вполне гармонировали с его обликом. Когда начались ответы на вопросы слушателей, рядом с писателем возникла вертлявая бабёнка с деревенской внешностью, которая начала толкать речи уже откровенно антирусские, что произвело совсем уж тягостное впечатление на братьев Охотиных.

- Разрешите ещё один вопрос? – встал вдруг тихий человек скромного вида, в котором Охотины узнали пьющего воду в клозете.

- Разумеется, друг мой, - любезно снизошёл к нему литератор.

- Вы высказали столько язвительных тирад в адрес советского прошлого. Это я смог бы принять. Но за всем этим проглядывается некое полускрытое пренебрежение к русской культуре в целом, к её дореволюционным истокам. Вы задели религиозные чувство русского человека, оскорбили

их!

- Что за нелепые предположения? Высокие идеалы западной демократии не допускают оскорбления… - начала вдруг бабёнка.

- Я обращаюсь только к Вам и не намерен вступать в дискуссии с прочими, своей лексикой, напоминающими мне комсомольских вожаков, - молодой человек демонстративно посмотрел в глаза писателя, игнорируя даму.

Писатель ответил витиевато, с иронией, пытаясь уколоть задавшего вопрос, обернул всё так, что вопрос задан не по существу и даже глуп. Завершил он фразой:

- Вы наивны. Помилуйте, какое там православие! Побойтесь хотя бы своего же Бога! Это только видимость, что православие воскрешается. Оно в прошлом, уж поверьте.

- Да современный русский отца с матерью за стольник зелёненьких продаст, - добавила его поклонница.

Спросивший попытался сказать, что он не удовлетворён подобным ответом, но на него зацыкали, сидевшие рядом, не дали поднять голос.

- Александр Яковлевич! – с вылупленными глазами неофита подбежала к выступавшему особа лет около сорока. – Мне хотелось бы спросить Ваше мнение о личности Лу Саломе, а также, что Вы думаете о Сьюзен Зонтаг?

- Полагаю, что обе эти очаровашки имели отклонения в половом развитии, - с самодовольным видом бросил в ответ «именитый литератор» и экзальтированная дама была явно

разочарована таким неполиткорректным ответом. Но чего только не простишь «гению»!

- «Ищу родину там, где можно приобрести её за небольшие деньги» сказал ещё величайший циник Парвус, - бросил в след, выходящему модному литератору, его единственный оппонент.

Когда публика начала расходиться, Охотины не стеснялись своих ядовитых высказываний в адрес бойких организаторов творческого вечера.

- Слышу, что вас, как и меня возмутило то, что здесь прозвучало, - подошёл к ним знакомый патлатый человек. - Очередное торжество тех, кто, после переворота 1917-го, захватил все средства массовой информации, почти все творческие профессии и владеет ими по сей день. Если медиа у них и отобрали временно после ВОВ, то в сфере культуры и образования они угнездились слишком прочно, а после Перестройки взяли очередной реванш во внутренней политике.

- Да… Печально всё это. Ощущаю собственную потерянность и непредсказуемость будущего России, - грустно ответил Глеб.

- Общество «Память» дискредитировали общими усилиями, Ельцин сделал всё возможное, чтобы отдать нас на растерзание Западу, - продолжил незнакомец. А этого борзописца я читал и потому пришёл. Россию он ненавидит и старается сделать её сырьевым придатком Запада, как и многие нынешние политические деятели. Знал я его по университе-

ту. На параллельном потоке он учился. Сделал вид, что меня не узнал, мерзавец. Всегда гадким парнишкой был и циником, всегда на стороне сильного – подлиза. Смазлив – девочки его любят, а парни, в основном - нет, в целом - презирают. Оттого старался всегда угодить сильному, подмазаться, своим стать. Родители его дельцами были в советское время. Носил он лучшие импортные шмотки и впечатлял девиц тех лет своей начитанностью. Тогда готовы были замуж за кандидата наук, не как теперь… Играл и в буддистов, и в кришнаитов. Как Ельцин возник, на последнем курсе, этот писателишка заявил сокурсникам: «А что? Естественно, я за Штаты. Ведь они победители и заказывают музыку во всём мире». Впечатление, что таких становится всё больше…

- Видите ли Вы выход? – спросил Антон.

- Если бы я его видел… - махнул рукой потерянный патриот, скукожившись. - Русские легковерны. То Сталину, то Ленину поклонялись – идолищам поганым. Теперь же, пуще прежнего, Западу стали поклоняться, экстрасенсам, да Рериху. Тот ещё тип оказался этот Рерих! Рерихнувшихся же целые толпы бродят по городу! Ещё до Перестройки их хватало. Года четыре назад в Лужниках имели место гастроли Миши Джексона. Генерал-майор Коржаков - начальник службы безопасности Ельцина, после выступления Джексона, преподнёс этому эстрадному одуванчику и деграданту офицерскую шашку времён Первой мировой с надписью «за храбрость» и орденом Святой Анны на рукоятке! Это же в голове

не укладывается: дергунчик тот и не ведает, что значит храбрость и, тем паче, офицерское достоинство! Это иной мир для него, чуждый. Что он знает о Великой войне! Говорят, что шашку не пропустили через таможню и слава Богу, если это так. Но важен поступок генерал-майора. Куда уж дальше идти?

Охотины тепло расстались с печальным незнакомцем. Перед сном братья решили посмотреть в сторону центра Москвы с верхнего этажа. Изжелто-розовый закат над сильно загазованным городом слегка позолотил несколько куполов. Вдали смутно угадывались силуэты колокольни Ивана Великого и башен Кремля.

На другой день братья разделили сферу деятельности. Антон бродил весь день под дождём по центру, радовался храмам, заходил ненадолго на службы, заьрёл далеко, до Рогожинского кладбища, памятуя, что отдалённые их предки были старообрядцами и там, наверное, бывали. Но, по существу, он ничего не добился в плане своей цели до самого вечера. Он ждал довольно долго автобус от Рогожского до метро и слушал разговоры стайки молодёжи, возникшей рядом.

- А я в Москву чухну. Тут было и будет лучше. Останется разница, как была при Советах. Платят куда больше тут, потом и хату куплю, - вещал рыжеватый упитанный парень.

- Москва что те – резиновая? Так тя тут и ждали, – рассмеялся ражий детина со складкой на мясистом лбу свино-

подобной физиономии. – Бабла ему захотелось!

- А чё? Строители везде нужны, а я - на все руки мастер.

- Ну и дурак. А я вот за границу поеду. Там платят, так платят! – заржал толстомордый со складкой на лбу.

- Да кому ты там нужен без языка? – хихикнула девица, облачённая в ультра-мини, несмотря на холодный ветер.

- А много ли слов надо, чтоб баранку крутить? Так-то те, придурок! Лучше вас заживу!

- Не возьмут тебя в Германию. Вот Витька - немец. Его примут, - продолжала девица, добавив цветистую матерную тираду, лишённую физиологического смысла в устах слабого пола.

- А я и не в Германию сранную, где мест давно нет. В Америку я. Там все эмигранты.

- А ты, немчура, едешь к своим? Витька, мать-перемать, куда собираешься? – спросил строитель молчаливого тощего парня.

- Не хочу я. Не верю, что лучше, где нас нет. Пахан, правда, собирается. Не рай и там. Кое-кто назад возвращается из немцев наших.

- И тебя, козла, пахан заберёт. И дурак, что не хочешь к немцам. Самое богатое государство, по-ял? – не унималась дева.

- Какой те -самое? Америка сильнее! – бросил мясистый водила, изрыгая попутно матерную брань.

- Ты морду себе раскрась и скажи, мол, индеец. Тогда и

возьмут к себе американосы – гы! – ржал строитель. – А ты, козёл, от Германии не отказывайся, если не совсем лох.

- Ладно, Витька не пинайте. Обидчивый он у нас, - сказал водила. – А ты, - он вызывающе посмотрел на девку, - дала бы хоть ему сегодня.

- Нынче я не расположена. Пошёл ты…

- Вчера мне дала, сегодня другану дай, уважь, - гнул своё водила.

- Когда хочу, тогда и…

- А ты чё молчишь, братан? Уселся тут, уши развесил? - вдруг обратился к Антону мордастый водила. -Тоже в Америку собрался? Умных тут много стало я смотрю.

- Чего пристал к человеку? - кокетливо улыбнулась бабёнка миловидному Охотину. – Если ты, дружок, в Штаты собрался я – с тобой!

- Бери её, даст она те за Штаты! Осчастливит! – заржал водила.

- А ты как же, американец? Не переживёшь, поди?- хохотал строитель.

- А я и так возьму своё, коль захочу, - грозно пробурчал мясистый водитель.

-Автобус задерживается у них, мать-перемать,- не унималась бабёнка, - бардак у них тут! Короче ты, братан, тачку берём на двоих, да? – взглянула она на Охотина с задором.

- Скидываешься на такси, парень? – хихикнул строитель.

- Откуда ты такой взялся? Монах что ль? – покосился на

молчавшего Антона водила.

- Оставь парня в покое, тупой. Не тебе ровня – красавчик и умница. Вы студент, молодой человек? – спросила дева.

- Был когда-то, - вяло ответил Антон, не желавший даже смотреть на эту потаскушку.

- А где Вы работаете?

- Безработный я, - отрезал Охотин.

- Ну и козёл! – гаркнул строитель и зашёлся смехом, намеренно пуская в лицо Охотина табачный дым, добавляя трёхэтажный мат.

- «Не то, что входит в уста, оскверняет человека; но то, что выходит из уст, оскверняет человека[118]», - бросил ему Антон.

- Вот придурок! Он и говорит не по-людски как-то, - строитель пустил очередную струю дыма в нос Охотину.

- Рожу убери свою, - резко бросил ему Антон.

- Ты хайло-то заткни, недоносок. Усмирим тя живо тут! – гаркнул тот.

Антон нанёс удар хаму прямо в нос и совершенно неожиданно. Один из противников сразу отключился. Но массивный водила стал теснить длинного худого Охотина. Если он и пропускал удары Антона, то те его не пронимали, Охотин же болезненно ощущал каждый, от которого не успевал увернуться. Витя с девицей отошли в сторону и с упоением наблюдали драку. Разнимали дерущихся уже милиционеры. Они норовили повести обоих в участок, но водила знал, что

---

[118] Евангелие от Матфея 15:11.

надо делать и сунул одному в кулак взятку. Охотина продолжали теснить к ментовскому жигулёнку.

– В кутузку не хочешь парень? – спросил вдруг один из милицейских Антона.

- Нет… - смутился Охотин.

- Оно и понятно. Ты, я посмотрю, новичок в таком деле. Поделись баблом и ступай себе с миром. Зарплата у нас, сам понимаешь, маленькая.

Антон полез в кошелёк и с отвращением выложил, что мог.

- Вали и больше ни нам, ни шпане такой не попадайся. Тоже мне, фраерок, - усмехнулся старший в ручище которого быстро исчезли купюры.

Антон был очередной раз поражён «богатством» матерных вариаций, а также наглостью и продажностью блюстителей порядка.

Когда Охотин, миновав монумент партизанам в подземке, выходил из метро к своей гостинице, он обратил внимание на странную группу тщательно выбритых дюжих парней в коже, которые отрывисто переговаривались, кого-то ожидая у выхода. Антон пристально и удивлённо оглядел умолкшую группу молодых людей, одетых очень чисто и аккуратно, но, в то же время – нелепо и безвкусно, особенно один, красовавшийся в бардовом пиджаке. Под просторными новенькими кожаными куртками, одетыми, несмотря на весьма тёп-

лую погоду, виднелись рубахи, с распахнутыми воротами. На мясистых выях висели увесистые золотые кресты или просто широкие золотые цепочки. Но столь массивные кресты отнюдь не делали этих типов похожими на работников Церкви. Их гладко выбритые мощные подбородки и бегающие глаза напряглись, в момент встречи взглядами с Охотиным. Один из шестерых, по-видимому – главарь, что-то шепнул самому упитанному, мясистому детине и тот резко шагнул в сторону Антона. Настал черёд напрячься Охотину.

- Чего смотришь, фраер? Любознательный штоль? Смотри как бы боком не вышло. Чтоб тя тут через секунду близко не было! – с тихой уверенностью в тоне проговорил этот свежестриженный тип сквозь зубы. – Исчез быстро - по-ял? Аль ты по-русски не понимаш?

Антон был несколько шокирован грубостью и продолжал смотреть на говорившего с рассеянным непониманием. Знатоку иконописи, или даже слегка в ней разбирающемуся, как Антон, в первую очередь бросалось в глаза, что черты лица этих громил – полная противоположность ликам святых, которые подразумевают маленький рот – молчание–золото, большие глаза – видеть и замечать, непомерно высокий лоб. Этот детина смахивал более на молодого, тщательно умытого питекантропа.

- Ты тупой, иль глухой? Хорошо, умник, раз так - пойдём со нами, - он схватил Охотина за предплечье и повёл к шефу.

В этот миг Антону подумалось о многократно читанном о

сталинских держимордах, которые некогда примерно также заламывали руки неугодным режиму. Охотин не подозревал насколько он близок к истине в том плане, что не далее, чем дед этого молодчика был выходцем из крестьян-бедняков, которые выбрались в город и выслужились до работников НКВД. Прадед его был колеблющийся крестьянин, мечущийся от своих добрых соседей к, пришедшим в село, чекистам и назад. Но его сынок сразу смекнул, где выгодная сторона и стал исправно доставлять куда следует списки кулаков и подкулачников в годину «головокружения от успехов» коллективизации, беззастенчиво доносил на своих же соседей. Оказавшись в городе, дед молодчика пошёл в гору, а отец уже выседал в горкоме.

- Видать ему придётся всё объяснить в переулке, - покачав головой, заключил главарь. – Пойдём с нами, фраер долбанный. Может мент он молодой? - все шестеро окружили Антона и повели прочь от фонарного света.

- Да какой он мент? Не тянет и на легавого, - усмехнулся шеф.

Оказавшись в закоулке, тучный малый тут же распахнул кожаную куртку, под которой появилось пухлое брюшко, продавливавшее обтянутую маечку с жирной надписью на чистом английском: «Жри дерьмо!» Под рукой его на лёгком ремешке был закреплён «стечкин» немалого калибра.

- Говори, сука, чего хотел? – потянул кулачище к носу Антона розовомордый толстяк – внук НКВД-шника, ставшего

вертухаем ГУЛАГа.

- Сам и жри своё дерьмо! – огрызнулся Антон, выразительно показывая на надпись.

- Ты чё, плюгавый, бакланить[119]? Да я те щас! – замахнулся на Охотина жирный.

- А молодец парень! Наконец-то, хоть один смог перевести, что у тя там на пузе, Мишка, говноед долбанный!

- Но ты, чмо! Как звездану! – побагровел толстяк, замахнувшись на напарника.

- Прекратить! – цыкнул главарь и обратился к Охотину. – Давай, парень, говори кем послан?

- Никто меня к вам не посылал. Просто шёл мимо и посмотрел на вас. Не знал, что это запрещено, - съязвил Антон.

- Шибко гордый, гришь, так поумерим твою гордыню. Не таких ломали! – промычал толстый.

- Может и не врёт. Предъява[120] слабовата, - сказал мелкий плюгавый начальник - потомок служивых, водящих ссыльные команды в Сибирь ещё при Петре Великом, продававших по дороге «баб порочных» иноверцам. - Если коммунист он – пущай живёт – хрен с ним.

- А ты, что сам-то коммунист что-ли?

- Конечно!

- Какой ты там коммунист. Бандюга ты, бугор, а не коммунист. Свой, урка.

---

[119] Бакланить - болтать не по делу (феня).

[120] Обвинение (феня).

- Они и для большевиков свои всегда были. Социально близкими назвались, - вставил Антон.

- Вот как ты, сука, заговорил! Таперича не жить те! – вызверился начальник и рявкнул. – Обыскать живо!

Руки Антону заломили и обшарили все карманы.

- Йе, да у няво буржуйский паспорт, братва! – крикнул самый вёрткий, шустрый, маленький, но крепко сбитый мужичонка.

- Буржуйский документ... Сбыть можно… - задумался бугор.

- А не спокойней отпустить будет? За таких мусора круто шарить начнут, повяжут, - заметил кто-то в задних рядах.

- Заткнись! Может он и иностранец, а на нас пялился – изучал. Не нравится мне такое дело. Что же его теперь на свободу отпускать, чтобы заложил нас? – сказал бугор.

- Так, Мишке Сивому оставим. Евошняя работа.

- А ты что значит? Бабло снимишь, а руки я марать буду? – возмутился толстый.

- Те же мокруха попривычнее…

- Ты, сопляк, фуфло тут не гони! – цыкнул на того жирный.

- Теперь как отпустить фраерка? В посольство пойдёт… - говорил кто-то.

Антон возразил на это:

- Не пойду слово дам, и готов заплатить. В банке получить только я смогу, вам не дадут.

- Слово он даёт! В каком веке живёшь? Так я те и поверил! – засмеялся длинный.

- Чё ты зубы заговариваешь? Ежели ты нам всю цифирь изложишь, так мы всё сами и снимем, - осклабился бугор.

- А если нет?

- Больно станет – всё скажешь… - гыкнул толстяк.

- А сколько нам дать собираешься, молокосос? – спросил «гуманный» бугор.

- Что есть свободное – отдам. Вы на улице возле банка ждать будете.

- Сколько спрашиваю? – строго спросил бугор. - И ты думаешь меня заставить терять время на твои гроши? Кем работаешь?

- Научный работник я.

- Кого ловите, уроды? Мне что проблем без него не хватает? – зло бросил бугор, глядя на толстяка.

- А что Павел Валентиныч скажет, если такого отпустим? – спросил длинный.

- Надоел ты, придурок, - буркнул бугор, - шеф велел имя своё всуе не упоминать. Аль забыл, убогий? Ведите его в контору, а там, поутряне, и разберёмся.

В полутёмном помещении Антона крепко, до боли в конечностях, прикрутили к стулу. В карманах у него не осталось ни денег, ни кредитки, ни документов, ни мобильника. Единственно, что он успел в последний момент, благо-

даря суете и растерянности своих тюремщиков, удачно провернуть – сбросить эс-эм-эс брату, что он заперт где-то близ гостиницы через шоссе от неё.

- За что его повязали? – интересовался кто-то новый по поводу Охотина за дверью.

- Любопытный шибко, - отрезал другой басом.

- Ты, в натуре! Это уже наезд!

- Зубы выбью, тогда будет те наезд, лох. Петухом сделаю!

После этого те, которые привели сюда Охотина, удалились, а какие-то новые типы, менее внушительного вида, вошли в комнату, зажгли свет и начали пялиться на связанного. Потом уселись в стороне и стали пить чай.

- Давно промышляю, в свободное время, ордена у ветеранов тибрить, - продолжил разговор розовый, в меру упитанный малый. – Начинал прямо на улице реквизировать. Имто уж одной ногой в гробу и терять нечего, а нам, молодым, жить надо.

- Но вскорости их мало останется по улицам гулять-то. Чё делать буишь? – спросил его поджарый собеседник – по виду явный урка.

- Раздобыл я адреса – нетрудно купить было в пункте их регистрации для льгот ветеранам… - продолжал первый, больше напоминавший откормленного потомка вооружённой охраны Главного управления лагерей.

- Ну ты смышлёный малый, я посмотрю.

- По квартирам ходить стал, ну и реквизировать. Так, один

старый хрыч озверел, да чуть башку мне не проломил. Ну да я проворней оказался, да и порешил старикана. Пердун старый! Из-за него и старушку пришлось ломиком отоварить. Ордена-то сразу нашёл, а чулок с баблом поискать пришлось. Ничего так себе накопили ребята…

- И поделом. Без них бы сейчас, как говориться, баварское бы пиво пили, гы! – заржал второй.

- Вот то-то и оно!

Охотин был поражён услышанным до глубины души. Хотел было что-то сказать им, но не находил слов. «Какой цинизм! – сокрушался про себя Антон. – Но ведь и это не ново. Когда на броненосце, подорвавшемся на мине, погиб легендарный адмирал Макаров и пошли ко дну около семисот матросов и большая часть офицеров команды, в числе немногих спасённых оказался Великий князь Кирилл Владимирович. Это была общенациональная скорбь и Государь был в глубокой печали, но в столице уже пошла гулять глумливая шутка, что Кирилл не утонул благодаря тому, что научился хорошо плавать в ночном кабаре «Аквариуме. А когда бросили бомбу в Великого князя-губернатора Москвы, поползла шутка, что тот «впервые пораскинул мозгами… по мостовой». Разговор между, рядом сидящими, типами продолжался вяло и неторопливо.

- Костлявого помнишь? Шустрый был парень и весельчак большой. Я его с детства знавал. Бывало, закатает в фарш битое стекло и собакам скормит. Ну и потешаемся мы вме-

сте, как они прыгают. Сидели мы с ним вместе… В одном бараке жили, - второй прочувственно вздохнул.

- Не говори, - зашёлся собеседник гнусным смешком.

В комнату ввалился какой-то плюгавый развязанный тип:

- Короче, братва, конкретно ужинаем!

Он вывалил из авоськи на стол свежую ветчину, шейку, сыры, карбонад, хлеб и торжественно водрузил посередине бутылку столичной.

- Живём, мужики! Бухло имеем! – осклабился самый мерзкий тип, грабивший ветеранов.

- А кто там повязан? – спросил плюгавец, важно отключая свой старый пейджер.

- А хрен его знает. Наше дело маленькое – сказали охранять и всё. Короче, все ушли куда-то на Белорусский на Беговые улицы, что – надолго. Пируем! – потирал руки любитель баварского пива.

Неожиданно кто-то вошёл в прихожую, загремев дверью. Все трое живо спрятали бутылку под стол.

- Наши зарубежные партнеры не будут удовлетворены Вашим ответом. Малейшие задержки с Вашей стороны их не устраивают, - продолжал говорить по телефону вошедший вежливым тоном, не спеша двигаясь к их комнате. - Хорошо. Жду Вашего ответа завтра.

Потом, видимо, он рассоединил телефон, но тут же раздался очередной музыкальный звонок – прозвучал старый гимн СССР и тот же голос заговорил, на сей раз, раздражён-

но:

- Не выходит? Как это понимать? Что за чушь?... Числится как архитектурный памятник? Охраняемый комплекс, не подлежащий сносу?... Так можно решить этот вопрос на высоком уровне – станет подлежать... Это уже не твои проблемы… Ну что ты мне будешь рассказывать?... Журналисты? Заткнём рты. Чего ещё?... Демонстрация протеста местных жителей против строительства торгового комплекса и дачного посёлка? Какая ерунда! Раздать пощедрее деньжат их вожакам - тут же и разойдутся… Кто ещё? Принципиальный лидер? Не морочь мне голову. Такие давно вымерли. Всё зависит от его возможностей. И на такого найдётся своя цена… Чего ты опять разнылся? Руки опустились? Так, незаменимых нет. Уволю и все дела… Это уже звучит лучше… Вот-вот, уже лучше. Прилагай усилия, умник.

В двери возник неброско одетый человек средних лет с большей печатью интеллекта на лице, чем прочие в комнате. Он резко спросил:

- Где иностранец?

- Вот сидит, Пал Валентиныч. А мы охраняем.

- Я уже унюхал, как вы, уроды, охраняете. Опять по имени-отчеству? Развязать его! Выливай водку тут же в раковину!

- Как скажите, хозяин, - пожал плечами шибзик, - но как бы чего не вышло.

- Разговор исчерпан, - оборвал его умозаключения шеф и

направил стопы к Антону. – Прошу извинить нас, молодой человек. Подчинённые мои тупы и малограмотны. Надеюсь, что Вы нас сможете простить. Живо верните ему все вещи! До копейки! – гаркнул он на троицу за столом.

Антону вернули всё отнятое. Он проверил состояние своего паспорта и направился к двери.

- К сожалению, попрошу Вас позволить завязать себе глаза. Они проводят Вас до улицы под руки, - раздался спокойный голос большого босса. Тут вновь зазвонил его телефон, - Да? А ты… Так что, тот участок оттяпать удалось? Конечно перспективный! Дерзай! Да ладно тебе – природоохранный! Главное, вовремя в лапу дать кому следует и участок под застройку наш. Поспешай. Пока.

Глеб взглянул в свой мобильник и тут же, твёрдой поступью, направился на электричку. В тот день он ездил в архив города Дмитрова, и кое-что там накопал. Был вполне доволен. Но, ближе к вечеру, поступило тревожное сообщение: брат в беде! Сначала в электричке было довольно пусто. Вдруг в вагоне появились двое кавказцев, которые присвистнули при виде девицы, весьма вызывающе одетой, и сели по обе стороны от неё:

- Чаво, сэстра, выйдешь за мэня сэгодня замуж? – спросил старший, подбоченившись.

- Отстаньте от меня, - сжалась в комок девица.

- Я тэбя на одын вэчэр прошу, да. Нэ откажи!

- Я милицию позову! – взвизгнула дева, когда младший запустил руку ей под очень короткую юбку.

Из рук девки выпал покит-бук в ослепительно белой обложке с дешёвым и скабрезным любовным романчиком.

- Зови, дарагая. Твоя милисия всэгда с тобой! – заржал старший.

Девка начала вдруг отчаянно материться. Кавказцы стали лапать её ещё нахальнее. Все, сидящие поблизости отвернулись к окнам с полностью индифферентными лицами, словно ничего рядом не происходило. Лишь одна старушка начала справедливо возмущаться. Глеб подошёл к хулиганам вместе со своим небольшим, но увесистым рюкзаком.

- Господа, не пора ли вам унять ваши плотские устремления и сдерживать себя в обществе? Не вести себя как бы асоциально, – обратился он к кавказцам.

- Чаво ты сказал? Жить надаэло, а?! – огрызнулся старший, а младший, всё с тем же остервенением мял окорока девицы под юбкой, выслушивая от неё потоки сквернословия.

- Убирайтесь вон, милейшие! – строго насупился Глеб.

Старший встал, придвинул физиономию к глебовой и замахнулся кулаком. Глеб намеренно пропустил удар в бок, ожидая, что тот будет слабым, как слишком близкий, и ударил в нос противника своим лбом. Тот рухнул на сидение, обливаясь кровью. Младший молча схватился за нож, чего Охотин не ожидал. Он начал отступать, уворачиваясь от уда-

ров, принимая некоторые рюкзаком. Но тут за спиной верзилы возник пожилой человек в очках, давший ему подножку. Глеб тут же сумел заломить руку, державшую нож и завладеть им. Кто-то, по-видимому, позвал милиционера и тот уже подбегал к дерущимся, расстёгивая кобуру.

- Бросай оружие, стрелять буду! – заорал он, целясь в Глеба.

Только тут прорвало всю «публику» и блюститель порядка, наконец, понял, что Охотин не виновен. Он замкнул наручники на обоих кавказцах и увёл их, подталкивая пистолетом.

- Спасибо Вам, - спокойно бросил Глеб своему помощнику.

- Не за что. Рад был помочь. Чуть было не опоздал, - улыбнулся приятный седовласый человек с бородой, немного напоминающий старого советского хиппи.

В этот миг девица бросилась к Глебу и чмокнула его в щеку:

- Мужчина, а Вам я очень благодарная! Вы – мой спаситель! Могу ли я пригласить Вас, прямо сейчас, в ресторан?

- В вагон? – ухмыльнулся пожилой незнакомец.

- Дурак! – махнула она на него рукой, - Пойдём, милый, у меня сегодня полно денег!

- Богатый кавказец до этого заплатил? - донеслась острота с задних рядов.

Возбуждённая особа ответила матом.

- Извините, я сегодня сама не своя. Ва-аще, я не матюкаюсь никогда. Вы со мной, мужчина? – она вызывающе глядела на Глеба. – Только, вот, борода мне Ваша не нравится. Такой красавец и оброс весь. Бороды давно вышли из моды.

- Я это уже имел удовольствие заметить, что Вы не материтесь. А борода у меня не для щегольства, а по делу – от солнца и ветра защищаться. Всего Вам доброго, сударыня, - холодно усмехнулся Охотин, удивляясь, что это ещё за обращение «мужчина», «женщина» - бред! Глеб с грустью вспомнил дневники прадеда, который подчёркивал, что в их семье никто из братьев никогда не сквернословил. От женщин Охотин такого не ожидал услышать даже в постбольшевиствской России. Глеб подумал, что эта особа могла бы преподать ему урок изощрённого мата, ибо, рождённый вдали от исторической Родины, он не мог обладать столь глубокими познаниями даже при всём желании.

- Ну и пошёл ты. Но всё равно – спасибо тебе, - она зашагала в соседний вагон, виляя плотно обтянутым, пухлым задом.

- Впечатление, что народ и вовсе выродился за время правления коммунистов, - Глеб вздохнул, глядя в глаза своему помощнику, присевшему рядом. – Более всего поражает, как слабый пол повально сквернословит. С какой удивительной лёгкостью! Ведь не было же в былые времена такого?

- Вы, видно, не в России живёте, - улыбнулся незнакомец. – Михаил Евдокимович Легостаев. Если использовать синоним к редкому архаизму «легостай», то фамилия моя может звучать, как Вертопрахов, то бишь – легкомысленный я, - он протянул руку.

- Глеб Охотин, - ответил на его рукопожатие Глеб. – В самом деле, не живу в ней. А как вы определили?

- Много ума не надо, услыхав фразу «Господа, не пора ли вам унять…» - рассмеялся Легостаев. – Наконец, мне показалось, что слово «асоциально» Вы произнесли на английский манер. Впечатление, что Вы – потомок эмигрантов первой волны.

- Да, это так, - Глеб нервничал от того, что электричка плетётся еле-еле.

- Хоть бабёнка та и не стоила усилий, но поступили Вы достойно. Дамы не то, что в совсем былые времена, но даже до восьмидесятых годов не матершили, ну разве что самые отпетые. Процентов меньше пяти, наверное. Но потом началось молодёжное движение за легализацию мата. По Москве роились группки молодняка обоих полов, которые во всеуслышание выражались. А с девяностых осталось, может чуть больше пяти процентов, которые слов тех избегают среди дам и ещё меньше – среди пола сильного. Впрочем, по нынешним временам, говорить о слабом и сильном политически некорректно. Всё это - веяния с Запада. Нынешняя русская баба нахваталась западных идей эмансипации, поза-

быв давно свои, более ранние, что известны со времён Коллонтай с Цеткин. Теперь средняя дама считает своим долгом вести себя, как мужик, хамить, но при этом требовать, чтобы муж зарабатывал больше. Нравится Вам там, вне России, позвольте спросить?

- Не сказал бы… Тянет к русской культуре.

- Вы - русская душа, вот что печально, - проговорил Михаил. – А народ здесь, в самом деле, опаскудился после семнадцатого года. Говорю так не потому, что я такой уж монархист, нет. Скорее – столыпенец. Но факты говорят за себя и Ивана Солоневича я уважаю. Дерьма хватало и раньше, конечно. Но ныне оно слишком явно всплывает и держится наверху. Без таких выродков большевики бы и не победили.

- И в 1917-м у многих здравомыслящих было такое же чувство, что народ обезумел. Моё восприятие не оригинально. Достаточно вспомнить записки моего прадеда, - грустно проронил Глеб.

- Но впечатление, что идиотов стало ещё больше, - покачал кудлатой, нечёсаной головой его собеседник. – Вы, я вижу, нервничаете, на часы всё поглядываете.

- Да… Неприятность вышла…

- Позвольте поинтересоваться. Может смогу посоветовать чего полезное?

- Вряд ли… Брат прислал сообщение, что его держат взаперти какие-то подонки.

- Худо дело. Народ лихой пошёл на Москве.

- Слышу, Вы в беде, соседушка, - подсел к ним мужчина с ноутбуком, который оставался всё время драки полностью безучастным. – Не помочь ли?

- Да нет, спасибо. Вы бы не отвлекались лучше. Дело важное там у Вас, в лэптопе, - иронично заметил Глеб.

- Нет, оно подождёт, - сказал странный тип, - А компьютер мой под надёжной защитой. Вот посмотрите, - гордо заявил он, показывая Охотину домонгольское изображение Спаса - заставку его рабочего стола. – Защитит от вируса и взлома, наконец, и от физической кражи сего аппарата.

Навязчивый тип полностью игнорировал присутствие Михаила, стараясь переключить внимание Глеба:

- Чем могу Вам помочь? – спросил он с пафосом.

- Не уверен, что сможете, учитывая полное отсутствие желания помочь, когда мне угрожали ножом. Благодарю на добром слове, - ответил Глеб, глядя на Легостаева. – Чудные люди в Московии обитают, Михаил Евдокимович, ой чудные.

- Ты бы очистил место, сосед, шёл бы к себе, где сидел, - грубовато бросил Михаил владельцу ноутбука.

Тот сразу ретировался и исчез за высокой спинкой сидения.

- Долго ещё ехать? – спросил Глеб.

- Не больше двадцати минут. Сейчас ко мне подсядет приятель. Он работает лесником. По вторникам он в одно заведение здесь ездит и садится в это время в электричку. Это я к тому, что он человек душевный и крепкий малый. Он ско-

рее помочь Вам смог бы, чем я – шестьдесят пять уж мне.

- Хорошо, - растерянно отозвался Глеб. – И брат мой был лесничим…

- После обвала рубля 1998 года забыть бы беспросветно тоскливое настоящее, не думать о мрачном будущем, - Михаил вздохнул. – А Вы женаты, Глеб?

- Нет пока.

- Может лучше и не надо, - мрачно заметил Легостаев, спрятав, глубоко посаженные, суровые тёмные глаза. - От меня ушла жена-москвичка, из бывших, породистых. Хотя я и унаследовал часть денег удачливого брата, царство ему небесное – мрут те кому за шестьдесят, и не оказался в полной нищете, как многие мои коллеги по науке и творчеству. Тем не менее, она заявила, что я зануда-идеалист, отстал от времени и, что она предпочитает мне выскочку-дельца. Мало того, последовал мучительный процесс по разделу имущества и лишь потом постановление о разводе. А я, дурак, готов был все эти годы на руках её носить, верил в её любовь. Коварство красавиц… Но не будь проклятой Перестройки и жил бы себе с ней в обмане, не зная, кто она на деле. Тогда за научных сотрудников замуж шли… Только уж совсем паскудные бабы – за партийных бонз. Всю жизнь строчил диссертацию о Толстом, проработал в редакции литературного журнала, профессиональные переводы делал, статьи писал. Правда, и подрабатывать приходилось, редактируя журнал «Пожарное дело»… А теперь на пенсию, один, еле тяну. Но,

по большому счёту, мне всё «анвар садат».

- Да уж… - протянул Охотин, - но что Вы имеете в виду под «анвар садат»?

- В семидесятые, когда Насер обошёлся с Советским Союзом и его помощью Египту довольно по-хамски, вместо него в Каире сел Анвар Садат. Но отношение к СССР осталось прежним. Говорили: «Гамаль Абдель на всех насер». В народе начали употреблять имя Садата, как замену выражения «всё равно, безразлично».

- Забавно… - протянул Глеб.

- О! Антип Антипыч Аршинин собственной персоной! – весело проговорил вдруг Михаил. – Прошу любить и жаловать: потомок лесоруба прошлого века, который не хотел рубить лес. Семейство гуманистов-самородков!

Подсевший к ним человек, оказался примерно одних лет с Глебом, с открытым добрым простым лицом. Он протянул Глебу руку, сдержанно улыбаясь. Охотин встал и вежливо представился.

- Кажется, Антип, отец твой геологом был? Только он не был напрямую связан с лесом в семье?

- Насколько помню, так было, Михал Евдокимович, - ответил Аришинин. – И звали отца так же Антипом Антиповичем, 1942 года рождения. Первым в роду нашем - из крестьян, да сразу в геологи. Долго в геологии проработал, Сибирь избороздил всю. А я вот, ленив к учёбе, верно. Только на лесника и выучился после техникума.

- Тут дело такое, Антип. У хорошего человека, это я тебе точно говорю, у хорошего, урки брата в плену держат. Подсобишь?

- Как не помочь, коль человек душевный, - отозвался Антип.

«Нет, уцелели ещё достойные люди в России-матушке», - тепло подумал Глеб, глядя на них. Внезапно в его кармане завибрировал телефон и Охотин стремительно схватил его. Позвонил брат и сказал, что всё хорошо кончилось, мол, отпустили неожиданно.

- Ну и слава Богу. Стало быть, Антипушка, отменяется дело, - обрадовался Михаил. – Вот, Глеб, к Москве подъезжаем. Выходим все. Время найдёте, в гости заходите. Рад буду, - с этими словами Легостаев настрочил свои телефон и адрес на обрывке бумаги.

- Аль ко мне все вместе приезжайте, - сказал Антип, - живу в избушке бывшей егерьской, что на Лосином Острове. Доколе разрешат там селиться – не ведаю. Лес какой-никакой, воздух там. Я от души…

- Живёт он там нелегально, и менты могут согнать с насиженного места в любой день, - вставил Легостаев. – Кому нужны лесничие в наше время?

- Огромное вам обоим спасибо, - пожимал им руки Глеб, забирая у обоих адреса, - постараемся к вам выбраться.

- Ну, ты и напугал, брат! – воскликнул Глеб, входя в гостиничный номер.

- Всё хорошо кончилось. Даже и не побили, - улыбался Антон.

- Не надо ли на всякий случай гостиницу нам сменить? – спросил Глеб.

- Не думаю. Какое им до меня дело. Никакой связи.

- Смотри. Тебе виднее, конечно. У меня тоже был не простой денёк. Зато друзей новых обрёл. Впервые встретил душевный народ.

- Хорошо, коль в самом деле так. Душевность она временем проверяется. На первый взгляд и мой мафиози - добряк, - рассмеялся Антон.

В мае резко потеплело. Перед носом Антона порхала лимонница, севшая на берёзу. Вскоре она вновь вспорхнула, словно маня за собой человека. Братья остановились в парке возле своей гостиницы, Глеб набирал номер телефона Легостаева, надумав уделить старику внимание, не пренебрегая приглашением. До Антипа было далековато, да и телефона у него не имелось. Скоро срок пребывания Охотиных в России истекал и хотелось завязать хоть какие-то знакомства. Ведь чаще попадались очень малоприятные люди, как и в Северной Америке.

- Да, да, Михаил Евдокимович, сегодня к вечеру могли бы. Хорошо, постараемся пораньше, - говорил Глеб и, прервав связь, обратился к брату. – Через пару часов едем до Хамовников к Легостаеву. Надо будет прикупить чего-нибудь. Не с

пустыми же руками в гости. Надо ценить редких достойных людей, встреченных нами.

Антону стало стыдно, что он утаил пока от брата знакомство с девицей, показавшейся ему очень хорошей, знакомство, которое он хотел непременно развить. Он встретил эту особу не где-нибудь, но в месте, в его глазах, внушающем доверие – в храме Божьем. После всех девок, на которых он успел насмотреться на улице, та показалась ему сущим ангелом, хотя и особы уличного сорта тоже заходили в храм, едва прикрыв распущенные волосы, а кое-где и, обмотав тряпицей, обтянутые зады. Но та девушка в скромной юбке вызывала доверие и сулила надежды. Правда, телефон она отказалась ему дать и сказала, что он сможет её увидеть во время заутренней в среду. Охотины заглянули в булочную и долго думали, а что бы купить пожилому холостяку. Остановились на шоколадно-вафельном торте, хотя уверенности в том, что он порадует этого человека не возникло. Проходили мимо мрачноватого бетонного забора, на котором красовалась размашистая надпись краской «А ты записался в тамплиеры?!» В подъезде убогой хрущовки, в которой обитал Легостаев, убедительно-крепко смердело человечьей и кошачьей мочой.

Лифта не было, но братья мигом взлетели на пятый этаж на своих двоих. Замызганную дверь отворили почти мгновенно, столь «далеко» надо было шагать по двум тесным

комнатушкам.

- Милости просим, гости дорогие! – приветствовал их хозяин квартирки в засаленных джинсах и залатанном свитерке.

Охотины вошли, Антон представился, и хозяин сказал, что сегодня можно обувь не снимать. Дощатые полы отнюдь не сияли чистотой, но главное, тапочки у Легостаева были в таком состоянии, что ему было стыдно предлагать их иностранцам. Впрочем, прокуренность квартиры поглощала прочие нелицеприятные запахи. Братья выложили на стол, закапанный стеарином, свой гостинец молча и хозяин, скорее всего из такта, выразил огромное удовольствие при виде торта. Квартира была забита книгами до отказа. Жизненного пространства не оставалось и принимать гостей оказалось возможным только на кухне, где царил хаос неухоженных, прокопчённых кастрюль и сковородок, а из холодильника пахнуло несвежим душком. «Может быть и владелец квартиры такой же прокуренный и прокопчённый, а то и пропитый, как и она сама, но в нём есть что-то благородное, неподкупное», - подумал Глеб.

- Скоро должен прийти и Антип. Обещал, во всяком случае. Телефона у него там нет, конечно же, а на мобильник нет денег. Раньше имел работу, лес охранял, хоть и не хватало деньжат, но жить можно было. Теперь платить им стало нечем, егерей разогнали и вынужден наш Антип, в буквальном смысле слова, по свалкам побираться и, раз в неделю,

сторожем ночным сидеть. Сегодня ночью он дежурил, вот и сумел я ему туда позвонить. Семью содержать и не смог бы. Так и ходит бобылём в свои тридцать пять.

- Как и я, - ухмыльнулся Глеб, - мы с ним - одногодки. Но у меня хорошая работа и денег хватает, но времени нет ни своими делами заняться, ни о душе подумать. Чувствую себя каким-то роботом. Хотя полевая работа и для души приятна, но не городская моя.

- А кем Вы служите?

- В экспедициях, как гляциолог ошиваюсь. Специалист по ледникам. Красивы они очень. Только это и греет душу. А так – поиски спонсоров для осуществления проекта, конкуренция и, в результате, на науку времени толком нет. Особенно явным такое положение вещей стало на Западе после распада СССР. Денег на фундаментальную науку, теоретическую, не стало. Когда-нибудь это аукнется не самым лучшим образом.

- Понимаю. Здесь тоже вроде того, только куда острее: нечем платить научным сотрудникам: бюджет иссяк. А Вы, Антон, где работаете?

- Да так… Кем придётся. Образование биологическое, но незавершённое. Лесничим какое-то время был.

- Хотелось бы спросить, Михал Евдокимович: Вы, как понимаю, для участника войны, немного поздновато родились, - начал Глеб, - но каково было при Сталине себя ощущать, при Хрущёве, Брежневе и сейчас? Какое время было самым

светлым, какое – худшим?

- При Дядюшке Джо запомнился страх, хотя семья наша, до войны, не подлежала репрессиям – придраться было не к чему: дед - из крестьян-середняков, сумевший вовремя прикинуться бедняком. К тому же, он был призван в Красную армию, в Гражданскую и отслужил пару лет. Отец поехал в город к родне, где выучился на геолога и успешно отработал в Сибири. Его, как опытного геолога, в Великую Отечественную не призвали, как человека необходимого там, в тылу. При Хрущёве появилась смутная надежда на лучшее, а при Леониде Ильиче жилось, в целом, спокойнее, если не лезть на рожон, как сделал ваш покорный слуга…

- Вы стали диссидентом? – заинтересовался Антон.

- Я из шестидесятников, то есть – поколения тридцатых, - с печальным прищуром, заговорил Михаил. - Старейшие из нас были ещё середины двадцатых, то есть и повоевать успели. Чаще всего были наши шестидесятники из вполне лояльных к Советам семей, но так, или иначе, разочаровавшиеся в окружающей действительности. Брата моей матери репрессировали, как попавшего в окружение, хотя я твёрдо знаю, что он пошёл на фронт добровольно в то время, как всякая тыловая шваль, выносящая такие приговоры, хоронилась от фронта, пользуясь своей должностью. Беспартийный доброволец же, априори подозрительнее такого сытого политработника. Мать моя так и осталась коммунисткой в душе и была уверена, что с дядей вышла случайное недора-

зумение. Переубедить её мне не удалось никогда. Хрущёвские разоблачения несколько отрезвили мою маму. Для меня двадцатый съезд стал откровением! Большинство, пожалуй, радовались Оттепели. Во всяком случае народ столичный, более просвещённый. Но даже больному дяде, вернувшемуся лишь после пятьдесят пятого года из лагеря, и отправленного на проживание вдали от столицы, оказалось не по силам убедить маму в том, что сама система оставляет желать много лучшего. Тут и отца ненадолго, по чьему-то доносу, выслали в Казахстан. Дядю ездили хоронить в далёкие казахские степи уже через пять лет после его освобождения. Жил он там со статусом ссыльного, как и отец. Но далеко находились они друг от друга. Фронт и лагерь просто так не даются. А был у дяди некогда немалый запас здоровья. Навестили потом и отца в степи глухой. Мама воспринимала всё это как само-собой разумеющееся и это раздражало меня всё больше. А когда, начале семидесятых, её сыночек угодил за решётку за аполитичные высказывания по месту службы, мама моя заболела и быстро угасла от злокачественной опухоли. Меня почти уж было отправили в зону, как, по какому-то недоразумению, совпавшему с общей тенденцией признавать диссидентов умалишёнными, поместили в психушку. Год-другой мне приходилось изгаляться, чтобы глотать не все транквилизаторы, коими меня усердно пичкали. Потом я симулировал полное раскаяние и меня отпустили. Даже восстановили на работе – легко отделался. Что-то я за-

болтался. Надо бы чай гостям поставить. Или чего горячительного?

- Да нет, спасибо. Лучше чая, - ответил Глеб.

- По зэковски заварить, или как? – улыбнулся Михаил.

- Для того, чтобы вкусить атмосферу России, можно и потюремному. Кажется, это называется чифирнуть, если правильно припоминаю, - улыбнулся Глеб.

- Угу. Именно так. Предлагаю вам промежуточный вариант между тем, как пьют в зоне и просто чёрным чаем московским холостяков-шестидесятников. Иначе слишком будет. Только я уже давно не шестидесятник. Их мировоззрение было несостоятельным и ошибочным. Это я не к тому, что теперь жизнь экономически тяжелее стала, нет. Духовная атмосфера в стране важнее, чем состояние близости к нищете. Впрочем, если уж судить о моём быте в Москве то, если нищету когда я и испытал, так только в годы войны, когда пища скудна была, но я не понимал всего, ибо был младенцем и не способен сравнивать, а потом и в девяностые годы случалось подтягивать ремень в прямом смысле. Собственно говоря, сталинское время я помню по-детски. Зубрил когда-то: «Помните, любите, изучайте Ильича, нашего учителя, нашего вождя», или слова вождя о том, что мы, коммунисты, люди особого склада, мы сшиты из одного цельно скроенного куска. В предвоенное время родители запасли мне на вырост игрушек столько, что хватило и на более аскетичное послевоенное время. Помню, как я лю-

бил набор добротных деревянных кубиков, заводную птичку, заводного мотоциклиста и физкультурника, который делает «солнышко» на турнике. А в доме более состоятельных знакомых мне посчастливилось поиграть игрушку «Чапаев» с заводной тачанкой. Застал я ещё те времена, когда продавались подвязки для мужских носков, пристегивающиеся манжеты с резинками для рукавов, крахмальные воротнички и даже галошные буквы, впивающиеся в малиновую подкладку галош, чтобы не спутать галоши с чужими в гостях, а то и в театре. Помню ещё и клавишные счётные машины, и завораживающие охотничьи магазины с товарами, которые можно было купить только по охотничьему билету. Но больше всего я любил, конечно же, книжные и филателистические магазины.

- То есть, хватало духовной пищи? – спросил Глеб.

- Относительно. У столичных жителей часто были хорошие библиотеки, но в провинции с книгами было очень худо.

- Как и с едой? – уточнил Глеб.

- Более-менее сопоставимо. В Москве было временами очень даже хорошо с продуктами, как перед войной, так и вскоре после неё и, вплоть до восьмидесятых годов, сравнительно неплохо. В детстве помню, как можно было купить зернистую икру и недорого, но, например, испить кефир было не так просто. А кефир я любил мальчишкой, куда больше прочих напитков. Помню, что близко от нас - на углу Мамоновского переулка, находилась, так называемая, «кефир-

ная». В магазинах, в те годы кефир не продавался, в «кефирной» можно было опорожнить бутыль в глотку и тут же сдать её назад, или же перелить кефир в свою посуду, но выносить бутылки из «кефирной» было строжайше запрещено. В то же время, в новых домах на улице Горького» случались чудные, по тем временам вещи: открылся «Коктейль-холл», где торговали сливками с ликёрами «Шартрез», «Мараскин», «Какао-шуа», «Масседуан», коктейлями «Шампань», «Кларет-коблер», «Черри-бренди-флипп», кизиловый пунш. То есть, названия более чем странные, звучащие совершенно буржуазно. Но и в сытой Москве были свои странности, когда не хватало насущных вещей, как керосиновые лампы, лопаты, но уже появились электропылесосы и электроприкуриватели.

- Удивительно, - заметил Антон. – А как обстояло с запретом на подлинную отечественную историю, дореволюционные ценности?

- После промывки мозгов целого поколения, родившегося после Гражданской войны, советской пропагандой, наша интеллигенция стала далека от национальных идеалов, атеистична. Чего добилась красная пропаганда с наибольшим успехом, так это очернения ключевых фигур русской национальной культуры: философия Леонтьева, Ильина для советского читателя была недосягаемой, лучшие правители, как Николай Первый и Александр Третий – оболганы ещё дворянством, буржуазией, желающих больших свобод, так

и дореволюционной интеллигенцией. Национальные и православные писатели, как Шмелёв, практически неизвестны, а патриотические дневники Достоевского, в отличие от его критических романов, были недоступны и так далее. С пятидесятых годов интеллигенция носилась с такими именами, как Хемингуэй, Ремарк – гражданами мира. Многие почитали Че Гевару и Фиделя – маялись дурью. Художники-авангардисты, как и джазовые музыканты, подражали Западу, но не более того. Но в области литературы шли разоблачения сталинизма, что было самым важным и оставляло надежду на изменения. Твардовский силился сделать «Новый мир» рупором правды, но после хрущёвских времён, Косыгин счёл такое положение вещей недопустимым. В литературном мире завинтили гайки. Правдивые окопные романы о войне Быкова, и ему подобных, стали нежелательными к публикации, не говоря об «Одном дне Ивана Денисовича». Уцелели песни Окуджавы, Высоцкого и прочих, которые переписывались. Цензура оказалась тут бессильной. Расцвёл самиздат. Завозился и тамиздат. Если «лириков» держали в загоне, то задавить «физиков» не могли, потому, как нуждались в них. Поэтому академик Сахаров позволял себе многое. От, так называемых, «физиков» пошла фантастика – Стругацкие и прочие оппозиционеры. Но и сплачивал нас с официально дозволенной жизнью романтизм исследования космоса и невольная гордость за державу космическую. Невольно подпевали мы им: «Я верю, друзья, караваны ра-

кет…», «Мы – дети галактики…» и тому подобному. Поначалу верили, что освоение космоса – исключительно мирное, достойное и романтичное дело. Возникали оппозиционные театры – «Таганка» и ряд других. Но театры были, естественно, под надзором, как и толстые журналы. Сочувствие интеллигенции Пражской весне насторожило правительство ещё больше. «Новый мир» разгромили – поменяли руководство. В Москве возникали закрытые богемные кружки, где люди искусства начинали беситься по-своему. Отдельные оригиналы творили всякий бред, часто – с политическим окрасом, вроде физиомузыкальной сюиты «Пенитирование вагины Надежды Константиновны Крупской». Народ, особенно, чуть помоложе меня, начал усердно рваться в походы, на волю, с пением под гитару у костра. Но все эти проявления независимой свободной мысли были, повторяю, несколько ошибочными: национальные идеалы прошлого, более здорового для России по своей сути, были забыты и отвергнуты. Они стали постепенно воскресать лишь под пером писателей-почвенников. Благодаря ним стало возможно потянуться к истокам, к корням. Белов и Астафьев стали надеждой воскрешения национального самосознания. И такие фигуры, как Аверинцев, или даже Мень, пусть он и еретик, стали всё больше притягивать внимание народа к истокам, к православию. А шестидесятники не могли указать России верный путь развития, при всём их желании одолеть, постылую большинству, коммунистическую пропаганду, запрет на изу-

чение родной истории, открытое исповедание веры отцов. Да и привели бы они, в лучшем случае, лишь к анархии. Покуда часть «не самых верхних верхов» не захотела поменять строй, народ не смог бы ничего поделать. Как, впрочем, во всех успешных революциях. Но тот переворот, что произошёл в девяносто первом оказался губительным. Постбольшевистский интернационализм сейчас перерождается прозападный либерализм, что ещё коварней и опаснее для России и её национальной культуры.

- Полностью с Вами согласен, Михаил Евдокимович, - кивнул Глеб и ему поддакнул младший брат.

- А уж как нынешнего русского со всех сторон морочат! Тот же герб царской России взять. Пишут, будто головы орла смотрят на Восток и на Запад. Но головы эти, увенчанные коронами, означают лишь двуединство Церкви и Христианской державы, а третий венец - нисхождение небесного благословения на их симфонию. И никакого иного геральдического прочтения не дано, - сказал Легостаев.

В это время к ним захотел присоединиться и Антип, который сумел откуда-то позвонить Михаилу и спросить, пришли ли те люди.

- Ты заезжай давай, Антип. Чего церемонии разводить? Ты в городе? Ничего покупать не надо. Гости уже проголодались – не тяни! – говорил ему Легостаев.

Через полчаса в квартиру вошёл Антип. Он вежливо по-

здоровался, но начал жаться в угол – чувствовал себя неловко и был довольно грустным.

- Что с тобой не так, Антипушка? – ласково спросил хозяин квартиры, накрывая на стол, извлекая из холодильника какие-то диковинные блюда.

- Короче, худо дело, - начал Аршинин. – Спалил я их строительную технику: бензином облил и сжёг.

- Какую ещё технику? – подивился Михаил.

- Фирма одна там нелегальные дачи строит за счёт лесной площади… У меня копии карт реестровых есть. С советских времён сохранил. Точно знаю – за счёт заповедного леса желают себе оттяпать! Не хотел я готовые дачи жечь - больше вреда природе было бы. А бульдозер с экскаватором грех было не уничтожить.

- Разрешите пожать Вашу руку, Антип! – с восторгом сказал вдруг Антон, вставая, и брат последовал его примеру.

- Спасибо за поддержку, - смутился Антип. - Вычислили меня менты, похоже. Нельзя в сторожку возвращаться – поймают.

- Живи у меня пока, - покачал головой Михаил. – А там – видно будет. Может в бега тебе податься придётся. Угощайтесь, гости дорогие. С купеческим размахом кормлю вас: ботвинья со льдом, балык прозрачный. В Канаде, поди, такого нет.

- Замечательно, Михаил Евдокимович! – просиял голодный Антон.

- Раков с чёрной икрой и кваса не хватает, - смеялся Легостаев. – Так что потом думаешь делать, Антип? Из столицы бежать?

- Надо подальше уезжать. Накроют здесь рано, или поздно, - кивнул Аршинин. – Люди, знающие, советует мне на Енисей податься. Там, говорят - отдушина России, где попрежнему живут якобы. От центра не зависят.

- Может оно и разумно, - пожал плечами Михаил. – Человек ты лесной…

- Это очень занятно: НА ЕНИСЕЙ, ГДЕ ВОЛЯ… - задумчиво сказал Глеб.

- Нам надо бы разнюхать о жизни такой там, - добавил Антон.

- Вот и поехали бы со мной, - предложил Антип с надеждой в голосе.

- Увы, у нас срок визы скоро истекает, - покачал головой Глеб.

К балыку хозяин поставил на стол бутылку дешёвой водки и, употребив её гораздо больше гостей, взялся за старую гитару.

- Светлана, она легче всякой басурманской пакости в глотку льётся.

- Что-что? – спросил Глеб.

- «Светланой» называли в середине девятнадцатого века очищенную водку. Вроде того, как теперь зовут её «беленькой и белочкой». Спою-ка я вам, чужеземные гости, русский

вариант рок-баллады группы «Энималс» «Дом восходящего солнца». Если в оригинале они поют о жизни парня с нью-орлеанского дна, то наши барды, от горного туризма, предпочли романтизировать песню. Они ничего не оставили от мрачного оригинала и поют о, ходящей по свету легенде о затерянном среди горных льдов, Доме, который ищет некий странник всю свою жизнь. Вам, как гляциологу, Глеб, пою, - и Михаил хрипло затянул. – «По свету ходит легенда о том, что средь седых пирамид, стоит, стоит волшебный дом, у которого солнце встаёт. И если бы я не поверил в то, то жил бы сейчас без забот, но я пошёл искать тот дом, у которого солнце встаёт. Я шёл по горам, покрытым льдом, неделю, месяц, год, но я не нашёл тот волшебный дом, у которого солнце встаёт». Да… было время, и я в турпоходы ходил с рюкзачком. По тайге мотались и у костра пели. А как-то ходил я с рериховцами на Алтай – место их паломничества, так они переиначили песню Манфред-Манн (именно так и говорили в России, писали через дефис) «Си зе морнинг дансер, кроссинг зе скай» (вижу утреннего танцора, пересекающего всё небо) на свой лад, переделав её в культовую. Ассоциируется с полотнами Рериха старшего.

- Найдём ли мы свой Дом восходящего солнца? – тихо спросил Антон более сам себя.

После этого, Легостаев вспомнил песню про «фантом, теряющий высоту» и, наконец, затянул ещё более хрипло, почти, как Высоцкий: «Это Клим Ворошилов даровал нам сво-

боду... Кропи, бани стены прокопчённые кропи-и…»

- Собственно говоря, - заключил Михаил, - уже в зрелые годы, я перестал ценить наших шестидесятников, шушукающихся по кухням. Это в молодости они мне казались героями и хотелось быть одним из них. Уж слишком стали они напоминать мне, изучившему нашу историю, прозападную либеральную интеллигенцию, предавшую Отечество в 1917-м. Немного позже увлёкся я было идеями хиппи – детей цветов, особенно их советским вариантом. Понимаю, что советские хиппи были тоже разные. Жлобов среди них хватало. Помню слова одного такого: «У них наркота, а у нас, за неимением её, с нашим специфическим патриотизмом, и водяра сойдёт. Абы отключиться и все эти морды на плакатах не видать». Спился он быстро. Но и лучшие советские хиппи потом показались мне слишком прозападными, для уважающего себя русского. И с нестяжателями хиппи тоже никак не сравнить. Грех и сравнивать с Нилом Сорским – никак не тянут. У них и десятой доли за душой нет того, что было у, пусть заблуждающихся политически, но подвижников - нестяжателей. Державности должной нестяжателям тоже не хватало, конечно, но зато вера великая имелась. В этом иосифлян они превосходили. Но, слава Богу, Иосиф Волоцкий восторжествовал, и русская государственность возобладала. Стало возможным построить Великую империю. Иначе бы мы не уцелели с такими хищными соседями. Те бы всех отшельников-молитвенников нестяжателей по лесам переловили и

пахать на себя вынудили.

Поздно вечером Охотины распрощались и поспешили на метро, пригласив новых друзей к себе в Канаду. Оставалось у братьев до отъезда из России пара последних деньков. Надо было прикупить сувениров, а Антону ещё и непременно встретить ту самую девицу. Они успели сделать и то, к чему стремились весь месяц, но не позволяли себе до наступления «истинного отпуска»: посетили Третьяковку, Пушкинский музей, Бородинскую панораму и Боярские палаты.

- Надеюсь, что Пушкинскому, со временем, вернут его подлинное название, поскольку музей был создан по инициативе Александра Третьего. Пушкин здесь ни при чём, - сказал Глеб.

В самолёте оба брата сидели мрачноватые, полные сумбурных мыслей и чувств. С одной стороны, встреченные люди их ужаснули, с другой – нашлись такие, которых было не сыскать в Канаде. Стала очевидным наивность надежд их родителей, что в обновлённой России произойдёт поворот к самодержавию с идеалами народности и возврата к устоям. Непосредственного материала по истории их семьи найти не удалось ни в одном архиве, но множество интереснейших фактов о событиях Гражданской войны было Глебом собрано, и он знал, что родители будут очень рады и этому. Матримониальные планы Антона, по примеру Николая – поиски лишь русской и православной были пока ещё туманными,

и он не хотел о них распространяться. Но молодой человек, невольно, уже воображал себя, припавшим к устам девушки, в которую, как ему казалось, он был уже влюблён. Пока реальным представлялось лишь развить переписку с ней: девица была из крепкой православной семьи строгих нравов. Звали её Софья Благодарёва.

- В моём понимании, - задумчиво проговорил Глеб, нарушив мечты брата, - в России, после тоталитарного режима, наступило время некоей феодальной раздробленности. Похоже, что новый президент пытается бороться с торжеством мафии, но это не удаётся. Слишком уж сильными неофеодальчики по своим уделам стали. Но и чинуши, по-прежнему, у власти и приворовывают повсюду. Не ведаю, как с этим можно бороться без полноты власти. Наверное, президент, если он действительно захочет изменить положение, попытается взять в свои руки войска и милицию. Тогда может что-то и выгорит. Но пока он не более, чем Великий князь из раннего средневековья и царём ему не стать. Да и достоин ли? С тех пор, как большевики перемололи патриотичную часть элиты России, достойных людей среди политиков и не осталось…

- Да… всё не так и там. Наивны мы были… Похоже, что пока только хуже становится, народ продолжает деградировать, - сокрушённо отозвался Антон.

- Похоже, что с Запада копируется всё и, преимущественно, самое худшее, разрушительное. Взять тех же женщин в

Москве: каждая вторая девица считает своим долгом курить и сквернословить. Это считается эмансипацией. Я могу понять и даже посочувствовать суфражисткам конца девятнадцатого века, когда был перекос иного плана, но не могу не осуждать более поздние и крайние проявления феминизма в лице Коллонтай и Цеткин. Тем более – мадам Зонтаг, которая заявила, что мужской пол пора элиминировать. Если в России, после перегибов двадцатых, феминизм свёлся к совсем иным проявлениям, чем на Западе, то теперь он нарастает, принимая уродливые формы.

- Есть в России самые разные течения, как и в любой другой большой стране. Встретили мы и ярых традиционалистов, надеюсь, что православное движение крепнет. Но, если мы чаще сталкивались в России с вызывающими неприятие, то же процентное соотношение будет в любой стране мира. В том же Ванкувере, если задуматься над всеми знакомыми людьми – гораздо больше половины дерьма.

- В пику православию развелось немало неоязычников, русских неохиппи и рериховцев, которые стекаются на Алтай на всё лето, - добавил Глеб. - А пока нам надо ЖДАТЬ, присматриваться, попозже съездить и в российскую глубинку. Москва — это ещё не вся Россия. Может быть, в Сибири отыщутся лучшие люди, и мы найдём сведения о других двоюродных прадедах и прабабках. Ведь прадед Аркадий, например, воевал на Восточном фронте. Ты знаешь… меня не покидает чувство, что не нынешняя Россия – моя Родина,

а та, давно ушедшая – Великая Империя…

Антон про себя подумал: «Да, ждать и покуда, не найдётся достойная православная спутница жизни. А пока начну я упорную переписку на традиционной бумаге. Письма будут идти долго, но когда-то и такой почты не существовало. Если она заинтересуется мной, то найдёт время на хождение в интернет-кафе, или деньги на подержанный компьютер, то переписка заметно ускорится. Помниться, у Достоевского сказано… кажется, в «Подростке», что нельзя говорить с третьим лицом о своих отношениях к женщине даже самых чистейших. Ведь и с родным братом нельзя, наверное?»

Глеб же утаил от брата о своём случае попытки завести знакомство с москвичкой, поскольку ему было противно вспоминать об этом. Что-то поразило его в облике нордического типа девы с пышной копной светло-русых волос. Но, когда он отважился, впервые в жизни, попытаться познакомиться на улице, она окинула его, изменившимся, каким-то волчьим, взглядом и отшила с употреблением самого виртуозного мата, на который сам Охотин был просто не способен при всём желании. Ещё она добавила, что к ней смеют подходить лишь «выходящие из неподержанных иномарок, а не шваль всякая».

- А помнишь, Глеб, что приписано, уже дрожащей рукой стареющего человека, в дневниках прадеда в год его смерти – сразу после получения Индией независимости?

- Не припоминаю, Антон, - рассеянно отвечал брат.

- Там сказано весьма прозорливо: «Британская империя начинает распадаться и, надеюсь – безвозвратно. Наиболее лакомый и крупный её кусочек только что отпал и это лишь начало. Вражда Англии к России неистребима. Покуда Россия владеет шестой частью земли и огромными природными ресурсами, британцы, теряя заморские территории, всё чаще рассматривают Россию, как собаку на сене. Как бы я не относился к Советской России, это страна моих предков и хранительница их культурного наследия, во всяком случае, с тридцатых годов, после первых пятнадцати лет вакханалии уничтожения народной памяти. С началом последней войны правительство России заслуживает большего признания. Оно уже более национальное. Настораживает, что такие патриоты-ястребы, как Артур Конан Дойл, считают, что Англии необходимо скорее объединиться с Соединёнными Штатами и всеми доминионами в прочный союз англоязычных стран для захвата мира самой передовой нацией, несущей свободу и просвещение всем народам. Ту же мысль проводил Сесил Родс, сидя в Южной Африке, борясь за строительство железной дороги оттуда у Каиру для объединения всего континента под британским владычеством. К счастью, янки пока не прислушиваются к их советам, иначе славянскому миру будет противопоставлена сила неодолимая, жаждущая превратить в колонию Сибирь».

- Именно поэтому нам не место в Западном полушарии.

Следует поддерживать свои истоки, землю отцов, их веру. А вспомни, что заявляла Железная Леди всего лет двадцать назад? Было сказано, что Англия не может мириться с фактом, что русские владеют чуть ли не половиной всех мировых ресурсов. Россия должна уступить их странам, знающим как извлекать из них пользу и так далее. Неугасимые зависть и враждебность.

Часть 2. Безумные, ревущие двадцатые годы

Дневник полковника Охотина 1924 года: Глеб Гордеевич в Париже

Теперь, когда поругано имя Государево, когда наглые, жадные, грязные, святотатственные руки роются в дневниках Государя, читают Его интимные, семейные переживания, и наглый хам покровительственно похлопывает Его по плечу… своевременно сказать, чем Он был для тех, кто умирал за Него. Для тех миллионов, что умерли в боях, для тех простых Русских, что … сейчас живут в… истерзанной Родине нашей. Пусть из страшной темени лжи, клеветы и лакейского хихиканья раздастся голос мёртвых и скажет нам правду о том, что такое Россия, её Вера православная и её Богом венчанный Царь.

П. Краснов

Я ненавижу и боюсь науки. Она на долгое время, если не навсегда станет беспощадным врагом человечества. Я предвижу, что она разрушит всю простоту и теплоту жизни, красоту мира, реставрирует варварство под маской цивилизации».

Р. Гиссинг

Антон продолжал поглощать мемуары прадеда, сидя на ферме:

«Как-то случилось мне побывать на приёме у одного бывшего сослуживца, ещё по армии Деникина. Бывший деникинский поручик удивил размахом своего жилья, снимаемого в центре Парижа. Оставшийся в звании поручика, поскольку он никак себя не проявил на фронте, тридцатитрёхлетний Вадим Новгородцев по-прежнему не вызывал симпатий. Но он пригласил меня лично и мне было любопытно повидать его. Мы с женой свернули в переулок, где на стене красовалось большими буквами по-русски: «Одевайтесь в кредит у портного Абрама Родзевича из Петербурга». Потянувший за верёвочку[121] консьерж, оказался очень любезен с нами: душою каждого парижского дома был тогда консьерж, а чаще – консьержка. Они охраняли дом, наводили в нём чистоту, принимали почту. Это был, конечно, не особняк, огороженный глухим забором, но и подъезды таких домов с квартирами на ночь запирались изнутри, а консьерж служил

[121] Так зачастую открывались парижские двери.

как бы и ночным сторожем. Очевидно, что мы оказались в доме для привилегированной публики, что немало удивило меня: откуда у поручика столько денег? Квартира оказалась раз в пять просторнее нашей! Последующие разговоры в ней напомнили мне таковые, канувших в Лету, либеральных салонов Северной Пальмиры. Они очень ярко выражают настроения в разным слоях эмиграции тех лет.

- Но помилуйте, господа, ведь сам Робеспьер сказал, что «Добродетель без террора бессильна», - вальяжно развалившись в кресле, возле окна с накрахмаленными занавесками, рассуждал поручик Новгородцев – усатый синеокий красавчик и сибарит.

Никто не знал откуда у него берутся немалые, по меркам полунищей русской эмиграции, деньги. Потом я понял, что Новгородцев женился эдаким альфонсом, и живёт при богатой англичанке, по непонятным причинам уединившейся в Париже. Со временем, этот беспринципный поручик стал явным англофилом.

- Не имею удовольствие знать Ваше отчество… Но не сомневаюсь, что такое мог заявить лишь этот кровавый маньяк - аналог Ленина из прошлого. Получается, что Вы оправдываете большевиков, сударь? – глаза Ксаверия Павловича Старогородского расширились, академическая бородка клинышком затряслась вместе с челюстью. Бывший опытный крымский винодел и биолог, сорока с небольшим лет отроду, седовласый Старогородский был разночинцем, но в то же

время, и убеждённым сторонником самодержавия. Он носил зачем-то весьма нелепую, засаленную вельветовую мадьярку[122]. Оба они, с Новгородцевым, как я думал, были убеждёнными холостяками, но, очевидно, терпеть не могли друг друга.

- Простите великодушно, но разве я похож на большевика? Что Вы, в самом деле! Я не коим образом не могу сочувствовать левым, – с обиженной миной покачал головой Новгородцев, поправляя, напомаженные бриллиантином светлые волосы с английским пробором. - Оставшиеся там бедные русские, похоже, и вовсе без кюлотов остались – досанкюлотствовали. Го-ло-духа там! А здесь на нашем столе телятина, без раков правда, но - в грибном соусе и, разве что без трюфелей. Нет и фуагра, уж извините. Зато на смену последует угорь по-венгерски с перцем и сметаной с кресс-салатом в кулебяке. Но главное, как всегда: добрейшей души монарха нашего умертвили, как и французы, за века до них - Людовика X Сварливого. Король сделал предложение крепостным крестьянам получить свободу за выкуп. Хотя верхушке просто нужны были позарез деньги, она фактически ознаменовала идею отмены крепостного права во всей Франции. Такой король был травлен… Доброго Людовика XVI, но не его развратного предшественника. Вот ведь в чём парадокс! Александра Третьего боялись и не пытались свергнуть.

- Как Вы можете сравнивать мудрого патриота народолюб-

[122] Мадьярка (магирка) - венгерская шапочка.

ца Александра Миротворца с Людовиком XV?! Стыдно, милостивый государь! Вашими устами гласит вся наша либеральная интеллигенция, ничего в политике не смыслящая, но лезшая в неё! И доигрались! – подпрыгнул на стуле Ксаверий Павлович.

- Право, Вы удивляете даже меня, поручик, - не смог не вставить слово и я.

Ф. смотрела на поручика без слов и дивилась его цинизму, вполне типичному для большинства образованных людей нашего времени.

- Крестьяне и дворяне многого ждали от нового порядка в 1789 году, но быстро в нём разочаровались, - добавил Ксаверий. - Налоговые тяготы пуще прежнего обременили крестьян. Очень напоминает продразвёрстку большевиков, как и декреты Конвента о гражданском устройстве духовенства и последующие гонения священников, не присягнувших конституции. Вандея потерпела поражение, как и Белое движение. Ну, а Нантские утопления, заменившие собой казни на гильотине, которая оказалась недостаточно массовой, очень уж близки к зверствам большевизма с их потоплением барж, набитых людьми. Несогласных с революцией французов усаживали в лодки и пускали на дно посередине реки. При этом казнили, глумясь: беременных женщин, обнажёнными связывали лицом к лицу с дряхлыми стариками, священников - с юными девушками, называя такие расправы республиканскими свадьбами.

- Вы словно зашорены… как бы сказать помягче – в киммерийской тьме пребываете. Вы же русский интеллигент, - покачал головой «передовой» Новгородцев, - как Вы можете сравнивать передовые идеи Французской революции с нашим тёмным бунтом?

- В таком случае, не желаю и считать себя интеллигентом, ибо занимался всю жизнь своим делом, а главное – люблю своё Отечество, - возразил Старогородский.

- Собственно, следовало бы считать век восемнадцатый лишь до 1789 года, а от Революции начинается уже совсем иная эпоха. Так же, как и век девятнадцатый – до, недавно минувшего, 1918 года, когда рухнули почти сразу четыре империи: Турецкая, Русская, Австрийская и Германская... А, так называемая, La Belle epoque[123] ушла в небытие с конца 1914-го, - заметил профессор Виктор Витальевич Введенский – гуманист из разночинцев, заметно «поправевший» после хаоса революции.

- Mon cher, «иль ты не видишь, что всё, видимое нами – только отблеск, только тени от незримого очами», - обыгрывая известный стих Соловьёва, с издёвкой отвечал Новго-

[123] Дословно, по-французски – Прекрасная эпоха - условное обозначение периода (в первую очередь французской и бельгийской) истории между двумя последними десятилетиями XIX века и 1914 г. Для Англии это – последние годы Викторианской эпохи и начало правление Эдуарда VII. Аналогичное понятие – французское «Конец века» - Fin de siècle с характерным преобладанием отказа от общественной жизни и общепринятых моральных норм, пессимизмом, но и бурным развитием наук, техники, искусств, суфражистским движением. Частично совпадает с российским Серебряным веком.

родцев, вздумавший поправить автора этих строк и вставить французский вместо «милый друг», почти игнорируя слова Введенского. - Разумеется нет, Ксаверий Павлович и Глеб Гордеевич! Никакого сочувствия к красной России я иметь не могу, при всём моём к тому желании. Так, к слову, пришлось. «Любите добродетели и бегите прочь от пороков» - призывал тот же добряк Робеспьер.

- Mon cher, то, что Вы заявляете здесь звучит для русского слуха излишне цинично. Никогда не приму равнодушно подобные замечания об Александре Третьем, - заметил, до сих пор молчавший, молодой человек – эдакий, офицерского вида, усач в штатском, из прошлого даже доалександровского.

Я никогда прежде не встречал этого человека и лишь заметил, что взгляд его холодных стальных глаз мог пронизать и смутить любого.

- Очень может быть, что Вы и правы, Георгий Александрович. Оставим эту тему, - ответил Новгородцев.

- Это личность весьма легендарная, Глеб Гордеевич, - шепнул мне на ухо профессор Введенский, завсегдатай подобных эмигрантских сборищ, - Один из немногих, уцелевших в Легионе чести. Говорят, себя не щадил, пуле не кланялся и выжил каким-то чудом. Капитан Георгий Смураго - аристократ и, говорят, был некогда зловещим бретёром. Эдакий реликт пушкинско-лермонтовский эпохи, полный архаичной дворянской спеси. И как только такой экземпляр уцелел в этой мясорубке? Слышал, что он якобы спустил всё

состояние отца-помещика из Малороссии на тотализаторе и картёжных играх. Он – некий анахронизм в нынешней, послевоенной Европе. Помяните моё слово: скоро такие вымрут и мир, непременно, обеднеет.

Я заметил, что добрая половина левого уха Смураго была когда-то снесена пулей, оставившей аккуратную выемку, соответствующую револьверу значительного калибра. Были в тот вечер с нами и двое англичан, в силу тех или иных причин владеющих русским. Один из них вдруг спросил Смураго с сильным акцентом, но грамматически почти верно:

- А Вы не задумывались над тем, что русским пора бы уже умерить свои монархические амбиции? Точнее – склоняться к конституционной, то есть – цивилизованной монархии. Согласен, что только при наличии монархии русский народ способен проявить свои силы, поскольку женственная природа славянского племени, неспособного к самостоятельным решениям, требует указания свыше. Я слышал от одного мудрого русского человека, что народ, словно дерево: можно как икону смастерить из него, так дубину.

- Представьте себе, сударь, что не задумывался и не собираюсь этого делать – брать пример с коварной Британии, предавшей нас в трудную минуту, - резко ответил Смураго на безупречном французском. – А икону-то я и видел в народе…

Поскольку я и вовсе призабыл этот язык, моя способная к языкам, и не только, жена после разъяснила мне некоторые

обороты. А выучила она этот трудный язык целиком своими силами!

- Вам не кажется, что Вы себе слишком много позволяете, сударь? – вспылил молодой британский офицер, надув свои и без того пухлые, розовые щёки.

- Нисколько, сэр, - перешёл на английский Смураго.

- Мне кажется, что недоразумение между нами не может быть решено разумным путём, - витиевато начал англичанин.

- Понимаю, что у вас, англичан, бокс уж столетие как, по сути, вытеснил дуэль[124] и гордые собой, как никто в мире, британские аристократы всё это время норовят набить друг другу морду, подобно деревенским мужланам, или портовым рабочим, но у русских офицеров поединок ещё не вышел из моды, - зловеще усмехнулся в ус Смураго и заметный кадык его заходил ходуном. - Как говорится «ментo мори» - помни о смерти.

Британец изменился в лице и вскочил со стула:

- Я этого так не оставлю!

- Квентин, это никому не нужное безрассудство. Вам уже

---

[124] Английский бокс до 1880-х г. был без перчаток, но со строгими куинсберрийскими правилами – никакого участия ног, не бить ниже грудной клетки и так далее. Британцы, овладевшие классическим боксом, склонные к мордобою, стали опасными для прочих европейцев, покуда бокс не развился и во Франции, а потом и по всей Европе. Но английские офицеры, владевшие им, что случалось не так часто, были опасными противниками русских офицеров, которые признавали лишь оружие и, предпочтительно, холодное, до самой Германской войны.

не двадцать лет, - вдруг строго сказал ему драгунский штабротмистр Александр Ильич Блудов –по-британски щегольски одетый миловидный шатен лет сорока.

- Я к Вашим услугам, лейтенант Монтгомери. Где и когда? – невозмутимо произнёс Георгий Смураго.

- Позвольте, господа, - вмешался второй англичанин – видный, высокий офицер, в летах, переходя на коверканный русский. – Лейтенант Монтгомери, Вы совершенно напрасно вмешались и задели чувствительную сторону русской души. Убедительно прошу вас обоих не доводить до никчёмного кровопролития!

- Внимаю Вашему призыву исключительно из большого уважения к Вашей семье, капитан Кроуфорд, памятуя, что Ваш дядя лорд Эшбрук имеет отношение к моей тётке графине Стэнфорд.

- Я бы, со своей стороны, попросил Вас, Георгий Александрович, пустить этот случай на самотёк и сохранить жизни. Война, итак, отняла их у слишком многих, - добавил профессор Введенский.

- Tiens[125]… Не буду настаивать, Виктор Витальевич, - загадочно улыбнулся Смураго.

- Господин Монтгомери, - сказал вдруг, примиряющим тоном, Старогородский, - мне кажется, что Вы уверены в том, что самодержавие было совершенно неограниченным. Расскажу Вам один случай. Долгие годы я работал в Крыму и

[125] Tiens – вот как (франц.)

узнал, однажды, что Император захотел приобрести гору Ай Петри, находившуюся рядом с его имением Ливадией. Гора принадлежала одному знатному семейству. В конце концов, стороны договорились о цене, которая была непомерно большой, и владения перешли к новому хозяину. Но когда Царь решил построить на Ай Петри небольшой особняк, то выяснилось, что сделать это он не вправе: уплаченная им сумма не подразумевала такого использования земли, а бюрократы в России – народ стойкий… Николай Александрович был очень сердит, но здесь оказалось замешано столько влиятельных людей, что Он решил махнуть на всё рукой.

- Охотно Вам верю, сударь, но ведь самодержавие подразумевает ещё и такие казусы, как гибель более ста пятидесяти тысяч человек, строящих Санкт-Петербург в непролазных топях, - холодно возразил британец.

- Если когда-либо в истории цель оправдывала средства, то это именно тот случай, - резко заявил Смураго. - Что стало бы с Россией и Европой, если бы этот город не был построен именно там? Да, имела место безжалостная целеустремленность Петра Великого, но и цифры в сто пятьдесят тысяч явно дутые. Если бы Россия сохранила Москву своей столицей, то Россия пропиталась бы азиатчиной и постепенно стала бы частью Азии. Благодаря же европеизированной России, Европа стала защищённой от азиатского натиска, жёлтой опасности, как некогда была спасена Русью от монголов. Но, если бы Пётр перенёс свою столицу, например, в Крым, то славя-

не и греки могли бы объединить свои силы, раздавить Турцию, восстановив Неовизантийскую Империю с центром в Константинополе.

- Слишком уж много сослагательного наклонения, Георгий Александрович? Вам так не кажется? – с насмешкой произнёс Новгородцев. – А жёлтая опасность? Она остаётся. Не зря, ещё недавно в миру по всей России о ней поговаривали, а Вильгельм возвёл её в ранг государственной политики.

- Не забывайте господа, что царь Пётр – это совсем иная эпоха, с другими нравами и понятиями. Некорректно сравнивать деяния последних, гуманных самодержцев с тем веком. С таким же успехом можно сравнить правление королевы Виктории с расправами над своими подданными Елизаветы Девственницы, - вставил я.

- Главное, господа, что мы, общими усилиями, предотвратили кровопролитие! Вам, господин Смураго, хватило, я полагаю, пролитой крови на своём веку. Как всё же по-русски превращать мысли и учения в повод для свар, - вдруг воскликнул Введенский. В последние годы, он превратился в розового, сияющего старичка, хотя ему едва исполнилось сорок. Обросший целыми подушками мяса он полнел и не от сытой жизни. Порой на него находило игривое настроение, и он начинал бесконечно долгие тирады, завершаемые столь благодушной улыбкой, что даже мрачный Смураго не мог не улыбнуться.

- Довольно, профессор и не пытайтесь выглядеть боль-

шим святошей, чем Вы есть на самом деле, - отмахнулся от него Георгий. – Говорили бы лучше, по существу, и en toutes lettres[126]. Во всяком случае в этом доме никто больше не посмеет поносить память Александра Третьего, как и убиенного Государя.

- Не так давно один, высланный Советами, гуманитарий с Урала поведал мне об отношении части русского народа к памяти убиенного Государя, - сказал Старогородский. - Получается, что не всё так плохо, в отношении души народной. После окончания Смуты, большевики окружили Ипатьевский дом высоким забором, ибо слишком много людей хотели посмотреть на Него. Но власти не могли остановить людей, приезжающих отовсюду. И забор стоит, а всё равно приезжают люди всех сословий, чтобы поклониться своему любимому Государю. Вокруг бродят обозлённые секретные агенты, наблюдающие с некоторого расстояния, что происходит. Паломники осеняют себя крестным знамением и целуют стены...

- Но согласитесь, Смураго, что все эмигрантские нынешние страсти вокруг наследника Российского престола лишь напрасное сотрясание воздуха, - сказал Новгородцев. - Если уж мы не одолели большевиков в девятнадцатом, имея две крупные армии, то к чему махать кулаками теперь? Каждый Божий день только и слышишь страсти со стороны сторон-

[126] И без обиняков (франц.)

ников Кирилла Владимировича против сторонников Николая Николаевича. Да и где престол-то?

- В том смысле, что сейчас надо заниматься другим, Вы правы, - сухо бросил ему Георгий с презрительным выражением лица.

- Думаю, что очень даже уместно объединяться всем сторонникам Николая Николаевича, поскольку он не запятнал себя столь явно, как его оппонент, - не смог не вставить я свой комментарий. – Это усилит нас, не даст разбрестись русским офицерам и другим патриотам по всему миру.

- Лишь монархисты выражают истинное лицо России. Сам Трепов заявлял, что уже имеет место необходимость возглавить монархическое движение во многих странах и что назрело избрание Блюстителя Престола. Это стало вполне очевидным фактом. Марков Второй настоял на необходимости соблюдения тайны при ведении переговоров. Тот съезд твёрдо встал на преданности Дому Романовых, на принципе легитимизма и указал на старейшего из великих князей, а что особенно важно для народа русского, сделал это через Вдовствующую Императрицу - Помазанницу Божию, - с жаром сказал Старогородский. - Великий Князь Николай Николаевич ещё Государем Императором был назначен Главой Царствующего Дома, а потому таковым и остался до настоящего дня! Я там присутствовал. Тут прибыл и Высокопреосвященный Митрополит Антоний (Храповицкий), прямо с утреннего поезда из Сербии. Митрополита мы встретили пе-

нием! А барон Таубе сделал свой блестящий доклад об отношении европейских держав к идее восстановления России. Но выступление Кирилла Владимировича, увы, внесло споры и раздор в нашей среде. Стало очевидным, что князь, пока в мягкой форме, предъявляет свои права на коронование Императором Всероссийским.

- Кирилл навредил Отчизне второй раз после своего вызывающего поведения в Феврале с красным бантом на груди, - добавил я.

- Кирилл Владимирович?! Помилуйте! Ни словом, ни духом, - воскликнул Новгородцев.

- Разве в этом суть? И не абсурден ли лозунг «Кубанский поход продолжается!»? Вы же кутеповец, Охотин, насколько я знаю, - вмешался вдруг Блудов, - а кутеповцы – берсёркеры и маньяки – не более того. К чему столько жертв? К чему взрывы, в которых погибают не только большевицкие лидеры? Чуть ли не каждый месяц генерал кого-то посылает на смерть. Такая заброска агента в СССР напоминает мне едва научившегося держаться на воде мальчишку, который оказался в полярном море. От чего же господин Кутепов сам не поедет взорвать красную верхушку в Кремле?

- Да, мы в самом деле – маньяки, одержимые манией освобождения нашего Отечества от банды убийц. Что тут не так? – огрызнулся я. Блудову я никак не мог симпатизировать, поскольку краем уха слышал о его связи с англичанами.

- Не хотел Вас ничем задеть, полковник Охотин, - пожал плечами Блудов, переглянулся с Монтгомери и бросил ему. - Fleet street loves a good scandal[127].

Столь глубокое знание английского тоже настораживало. Эти слова не понял ни я, ни даже Ф. «Почему он так много знает о Кутепове? - невольно подумал я. – Ведь такой человек запросто продаст свои сведения британцам, а те – красным… Скорее всего, и Новгородцев уже британский прихлебатель. Почему среди приглашённых, в самом центре Парижа, явно преобладают англичане? С другой стороны, и Деникин был под покровительством Британии. Не значит же это, что я перестал верить честному генералу! Ведь как только Англия признала большевиков законным правительством[128],

---

[127] Улица Флота в Лондоне, где раньше были журналистские конторы. «Улице Флота люб хороший скандал» (англ. поговорка).

[128] Лидерам стран Антанты свергать большевиков казалось невыгодным. Если Черчилль настаивал на подлинной интервенции в Россию для разгрома красных, то премьер-министр Ллойд Джордж заявлял: «Мы признали, что они де-факто являются правителями... Мы не собирались свергнуть большевицкое правительство в Москве». Президент США Вильсон добавил: «Всякая попытка интервенции в России… превратилась бы в движение для… ради реставрации царизма. Никто из нас не имел ни малейшего желания реставрировать в России царизм». «Они хотели иметь рынки, которые можно было бы эксплуатировать монопольно, без конкуренции со стороны русских, немцев... Эта замкнутая группа была аполитична и аморальна. В 1917 г. она преследовала единственную цель - захватить рынок в России... Уолл-стрит действительно достиг этой цели. Американские фирмы позже принялись за построение Советского Союза» (американский профессор Э. Саттон в «Уолл-стрит и большевицкая революция»).

Деникин переехал в Бельгию, а оттуда – в Венгрию[129]. Милюков, который долгие годы превозносил Запад и его благородную помощь России, приложивший все усилия для разрушения монархии, уже в начале 1920 года написал из Лондона своей сподвижнице, графине Паниной на Дон: «Теперь выдвигается (на Западе) в более грубой и откровенной форме идея эксплуатации России как колонии». И уж если убежденный западник Милюков сообщает такое, не приходится сомневаться в истинности факта. Милюков, который недавно в Христиании сетовал на недостаточность «восьми культурных поколений в России», считая их, естественно, от Петра Великого, презирая предшествующий период…»

- Русский народ сам выбрал себе форму правления и с этим следует считаться. Разве не так, полковник Охотин? – задал мне вдруг вопрос поручик Новгородцев с развязанным видом, которого никогда не позволял себе в бытность у Деникина. Позже я узнал, что среди незнающей его публики, он представляется теперь капитаном.

- А не думалось ли Вам, господин поручик, - подчёркнуто вежливо ответил я, - не приходило ли Вам в голову, что

[129] После отъезда из Крыма в марте 1920 г. Деникин считался гостем британского правительства. Крайне щепетильный в денежных вопросах, он оказался почти без средств, но на его иждивении было 9 человек: дочь с нянькой, жена, её дед и мать со вторым мужем, двое детей генерала Корнилова и девица, отец которой командовал Архангелогородским полком до Деникина. Но принимать деньги от неблагодарной, коварной Англии генералу претило. Деникин оказался прозорливее многих русских генералов и быстро раскусил истинные планы Гитлера против России.

великие революции совершаются не от голодного существования и не народом, но частью правящих классов, которым всего становится мало. Достаточно вспомнить о том, что Английская революция 1640-х годов разразилась именно после того, как страна стала Владычицей морей. И не низы затевали переворот, а группа религиозных оппозиционеров и жаждущих власти. Франция к концу XVIII века стала центром всей европейской цивилизации, французский народ жил, как и везде тогда, плохо, но ничем не хуже окружающих стран. Как известно, французские революционеры залили страну кровью сопоставимо с большевиками. До Германской войны Россия процветала экономически как никогда, и народу её жилось с каждым годом легче. О всплеске искусств и науки я и не упоминаю. Взгляните на фотографии революционных рабочих: по их одеянию, ухоженности усов и бород, осанке и выражению лиц их можно спутать с привилегированным сословием[130]. Голодным не до бунтов: им надо выживать. О чём Вы говорите, поручик, мне, право, непонятно.

- Вот Вы, полковник Охотин, считаете главным врагом Царской России, скорее всего, Британию. Разве не так? – наседал на меня Блудов. Оба они мне явно не симпатизировали. Как же! Я работаю на Кутепова, то есть - олицетворение ультраправых сил для «уважающего себя» интеллигента, как

[130] Н. Хрущев вспоминал: «Когда до революции я работал слесарем и зарабатывал свои 40-50 рублей в месяц, то был материально лучше обеспечен, чем когда работал секретарем Московского областного и городского комитетов партии».

и в бытность свою работы на организацию, презрительно названную ими «Охранкой».

- Да, это так, - ответил я. – И что Вы хотите этим сказать? Ведь моя убежденность не мешала мне честно воевать, отчасти, и за английские интересы против Германии, ибо я присягал своему Императору, не задумываясь над Его политическими решениями. Не гоже их оспаривать военному человеку. Такой интерес влечёт к развалу армии. Не скрываю, что я - поклонник идеи Русского самодержавия и при этом прекрасно отдаю себе отчёт в том, что и при самодержавном строе много неправды и беззакония случалось. Но разве это можно сравнить с тем, что творят большевики сейчас? Не говорю же я о нечистоплотности политики англичан в ходе Германской войны, как союзников. О том, что они поддерживали левую оппозицию в России. А уж о их поведении в ходе Смуты упоминать и вовсе неловко в присутствии британских господ офицеров. Но, когда наступала Красная Армия, британские поставки белым резко возрастали. Они так же внезапно сокращались, когда наступали белые…

- Неужели это было так?! – поражённым голосом спросил вдруг капитан Кроуфорд.

- Я давно служу в секретных службах и мне всё это доподлинно известно, сэр, - ответил я на его языке с убийственном акцентом. – Белая армия, казачество, крестьяне, восставшие против красных, увы, в глазах современных политиков Британской конституционной монархии – поборники реакции,

мракобесия. Они не разделяют политических пристрастий современных англичан, а потому не вызывают у них ни малейшего сочувствия. От Деникина, как и от Колчака Англия постоянно требовала демократизации режима. Как это осуществить во время жестокой войны мне не понять никогда… Но главное, что Англия не хотела победы и торжества царизма, опасаясь обрести в нём вновь сильного геополитического конкурента. Её устраивал развал России. Побаиваясь Ллойд-Джорджа, британский король даже не потрудился убедительно попытаться спасти Царскую семью – его родственников…

- Вы знаете… мне давно казалось, что наша политика неблагородная. Об этом упоминал и мистер Черчилль, - растерянно сказал Камерон Обри Кроуфорд.

- Как Германия с её союзниками, так и Антанта не ставили своей задачей поддержать белых, или красных. Их главным интересом было ослабление России как государства, что хорошо поняли красные, но не белые лидеры в силу разных понятиях о чести. На русские деньги, отданные Царём за экономическую поддержку России оружием и техникой, уплаченные помимо русской крови, пролитой ради Западного фронта, на деньги, отданные Колчаком за помощь англичанам и американцам, Деникиным – французам и британцам, Антанта смогла успешно провести мобилизацию своей промышленности. Русская армия никогда не увидела тысяч орудий и десятков тысяч пулемётов, деньги за которые были полностью внесены вперёд, не говоря о жертвенной русской

крови против немцев.

- Неужели всё так чудовищно?! – британский капитан Кроуфорд изменился в лице.

- Ваше право верить мне, или нет, - отрезал я. Мне опротивел весь этот разговор. Хотелось скорее уйти. Хозяин квартиры, как и Блудов, вызывали лишь отвращение.

Англичанка в летах, которая, как позже выяснилось и есть супруга Новгородцева, представляющая себя, как подругу поручика, но на деле – хозяйка этой квартиры, выслушивала мои слова с неприязненным видом.

- Мне глубоко противны все эти рассуждения, уж извините меня, полковник. Я не имею собственного мнения на этот счёт, – нарушила она своё молчание. – Мне одинаково неприятны британские политики, как и любые прочие. Мир меняется и не в лучшую сторону. Девицу с сигаретой в зубах, в обтянутой юбке до колена, да ещё коротко стриженную и с водительскими правами в кармане я никогда не смогу принять. Но она – олицетворение новой, послевоенной эпохи. Уж лучше русский консерватор-царист, чем такая девица-холостячка[131]. Если недавно женщина без корсета, или простоволосая внушала любому явные подозрения по поводу своей добродетели, то теперь это все эти условности нико-

[131] Архетипом «безумных 20-х» стала героиня романа Маргерита «Холостячка» - молодая дама, похожая на мальчика (худая, стриженая), в юбке до колен, не сковывающая себя моральными принципами прошлого и отвергающая домострой.

го не волнуют. Любовные треугольники и даже многоугольники, начавшиеся до войны, становятся нормой…

Позже я понял, что эту фразу она бросила не просто так. Молодой муж вёл себя неподобающим образом - наболело.

- В Париже стало тесно и гадко от подобных девиц, - поддержал её Ксаверий Старогородский. – Надо куда-то уезжать всем нам… Жирующие слои России рвались годами в Южную Францию. А я собираюсь в Южную Америку. Только там, в глуши, возможен покой для русского человека. В Европе механическая культура перевесила культуру духа.

- Полноте, Ксаверий Павлович, - покачал головой Введенский. – Ну какой же там может быть покой? Ядовитые змеи, москиты, грубые мулаты и индейцы…

- Всё определяет воспитание человека и не более того. Я бы смогла жить хоть в папуасской жаре, если бы папуасы имели подобающее денди воспитание, - вставила англичанка в летах, произнося слово «воспитание» с особенным придыханием.

- Совершенна в мире только английская конституция, - с умным видом вставил поручик Новгородцев по-английски, добавив по-русски. - Куда уж нам, с суконным-то рылом, да в калашный ряд лезть?

- В мире преобладают люди, которые стремятся только к новшествам всякого рода. Тяга их непреодолима. Консерваторов, в целом, куда меньше. Корень столь сильного стремления кроется в, сохраняющемся во взрослом состоянии,

детском, или подростковом негативизме – стремлении сделать наоборот, вопреки консерваторам-родителям, - вставила вдруг моя умница Ф. Лучший итог беседе не смог подвести никто из присутствующих.

В это время к Новгородцеву пожаловали несколько припоздившихся гостей и только поэтому мы с Ф не ушли: некоторые из этих людей меня заинтересовали. Вадим Новгородцев представил всем присутствующим, с особым почтением, некоего человека восточного вида Лианозова Степана Георгиевича, как крупного нефтепромышленника[132]. Услышав, что я – человек Кутепова, промышленник завёл со мной беседу о том, что он заинтересован в дальнейшем укреплении антисоветского Торгово-финансового и промышленного комитета. Я подумал, что такие люди нам небезынтересны, но, с другой стороны, как можно доверять тем, чьи капиталы в тяжёлую годину войн были заблаговременно переведены за рубеж… Но больше всего меня поразило имя, представленного вслед за Лианозовым, прибывшего в Париж из его предместья. Это был представитель графского рода Келлеров! Моё почтение к, погибшему от предательской пули петлюровцев Фёдору Артуровичу, было безграничным. Ведь он – один из немногих генералов, остав-

[132] Лианозов Степан Георгиевич (1872--1951) - миллионер. В 1919 г. - глава Северо-Западного правительства, созданного при Юдениче. С 1920 г. жил в Париже, где совместно с другими предпринимателями основал антисоветский Торгпром.

шихся до конца преданным Государю! Представленный мне выпускник Пажеского корпуса, кавалергардский полковник Александр Фёдорович, оказался сыном двоюродного брата Фёдора Артуровича – Фёдора Эдуардовича. Это был очень высокий холёный красавец, который, как выяснилось, был награждён орденом Святой Анны за участие в Японской войне. В Германскую он сражался в рядах Чеченского конного полка и получил Святого Георгия четвёртой степени. О своём участии в Белом движении полковник упомянул лишь вскользь. Узнавая в нём благородные черты Фёдора Артуровича, мне невольно представилось, что он не может не захотеть примкнуть к нам, к Кутеповской боевой организации, чтобы продолжить Белую борьбу. Мы разговорились, но я почувствовал некоторое отчуждение со стороны Александра Келлера. Оказалось, что он служит в банке[133] и явно не скло-

[133] Александр Келлер (1883-1946) с 1927 г. стал рантье, работал в Лиге Наций, занимался нумизматикой и археологией в сирийской пустыне. Он был посвящён в масонскую Англо-саксонскую ложу и также членом Великой ложи Франции и ложи Гермес. С 1929 г. – хранитель русской ложи Северное сияние, основанной подполковником Н. Голеевским (который до 1917 г. служил военным агентом в Америке, а в эмиграции во Франции основал также ложи Золотое руно и Гамаюн, во Вторую Мировую был заключён в лагерь Компьен, потом работал секретарём консульства США, а в 1954 г. вернулся в Москву). С 1930 г. Келлер – агапоначальник капитула Астрея. Келлер стал мистиком и занимался алхимией. Ещё в юности граф находился под влиянием масона маркиза Сент-Ив-Д'Альвейдра, мужем бабушки графа. Одним из гостей Николая II был ученик Сент-Ива - Папюс, рекомендовавший монаршей чете старца из Лиона, колдуна и пророка Филиппа. Оказавший некогда влияние на Папюса, Сент-Ив внушил юному Александру мысль, что тот должен овладеть всеми основными науками и лишь

нен к участию в нашей организации. Позже я услышал, что он состоит в масонской ложе Северное сияние и был глубоко разочарован в факте глубокой деградации истинно монархического графского рода. В моём понимании масонами была большая часть Временного правительства – борцов с самодержавием, отдавших власть коммунистам. Чем они лучше большевиков?

В это время явился ещё один гость с приятным открытым лицом. То был малоизвестный художник из страны Советов – Кузьма Петров-Водкин, которого командировали вместе с женой и дочерью на год в Европу от Академии художеств «для ознакомления с системой зарубежного художественного образования». Многих присутствующих это удивляло, что в разорённой стране правительство позволяет себе такую роскошь. Столь категоричные люди, как Смураго, открыто высказали своё возмущение тем, что деньги были потрачены на никчёмную поездку вместо помощи голодающим. Я соглашался с ним в душе, но не хотел обижать приятного мне художника. Келлер же, облил Петрова презрением, не подав руки. Тогда Петров-Водкин дал всем отповедь, заявив, что он приехал за свой счёт, в первую очередь, чтобы подлечить жену. Он благодарен властям лишь за то, что его

потом осваивать оккультные. В двух браках граф не обрёл счастья. Имел трёх детей, но уделял внимание лишь наукам и даже создал в своём имени естественнонаучный музей с богатой коллекцией минералов.

выпустили и рассчитывает получить в Париже заказы, чтобы обеспечить семью продажей картин.

- Вот уж полгода мы здесь и я не заработал ни-че-го. Под мастерскую приходится использовать свой гостиничный номер. Для жены с маленькой дочерью удалось снять квартиру в Версале, - говорил Петров-Водкин, обращаясь к Охотиным. – Всюду до невероятия много русских... Трудно уединиться. Вообще в Париже уйма иностранцев. Здесь есть, пожалуй, не французское искусство, а искусство во Франции: японцы, русские и немцы…

- Если бы Вы не трудились во славу Советов, я бы выделил Вам средств лично, - вмешался вдруг Лианозов. – Но, увы… Как-либо поддерживать коммунистов я не намерен. Сам Иван Бунин недавно написал письмо Бернарду Шоу с просьбой, если и не выступать в поддержку белых, то хотя бы перестать поддерживать большевиков. Ведь именно поддержка европейских знаменитостей, лояльность интеллигенции, особенно британской, и позволяет красным творить произвол!

- Нет уж, благодарю. В снисхождении не нуждаюсь. Когда-нибудь вы все ещё услышите моё имя в художественном мире, - сухо сказал Кузьма.

- Бунин не удостоился ответа маститого британского драматурга, который всё знает о творимых большевиками зверствах. Но дело в том, что западная буржуазная цивилизация уже в тупике, а Россия добровольно ставит на себе грандиоз-

ный исторический эксперимент и вмешиваться в него не подобает. Эксперимент должен быть чистым, - заметил на это Келлер. И не было ясно осуждает ли он такой подход, или просто констатирует факт…

- «Если хотите поставить эксперимент по построению социализма - возьмите страну, которую не жалко», - советовал некогда ещё сам Бисмарк, - зло рассмеялся Монтгомери, но встретившись с ледяным взглядом Смураго, прекратил свой смех.

- Нам нужны такие люди, как Бунин, который упорно скверно говорит по-французски даже здесь. Он не желает углубляться в этот язык, опасаясь за свой совершенный русский, который якобы может пострадать. Не так давно имел удовольствие побеседовать с Иваном Алексеевичем, - добавил Введенский.

- Во всей Британии в защиту русского Белого движения высказался разве что Редьярд Киплинг. Он - честный патриот имперской Британии, один из последних хранителей идеалов Викторианской эпохи. Такой человек не может не сочувствовать монархии. Слышала, что он иногда и лично помогает русским эмигрантам даже и материально, - уместно вставила умница Ф.

- «Истинны в жизни человека не его дела, а легенды, которые его окружают. Никогда не следует разрушать легенд. Сквозь них мы можем смутно разглядеть подлинное лицо человека». Так сказал Уайльд, - с загадочной и нагловатой

улыбкой вставил Новгородцев.

Мне захотелось предложить Кузьме Сергеевичу остаться с нами и поработать над плакатами для кадетского корпуса в Сербии, но что-то остановило меня произнести эти слова: а вдруг об этом узнают большевистские власти, когда художник вернётся?

- Слышал, что Фёдор Артурович Келлер имел обыкновение своеобразно зычно приветствовать своих солдат словами: «Здорово, товарищи!» Интересно, пригласили бы его к себе красные, если бы граф тогда выжил? – язвительно спросил Новгородцев, покосившись на Александра Келлера.

Молодой граф проигнорировал его замечание, но зато Георгий Смураго взъярился на хозяина квартиры:

- Que diable[134]! Вы много себе позволяете, поручик! Мы, вместе с Владимиром Владимировичем Свечиным - ревнители памяти генерала Келлера, как и ряда других, священных для меня особ, и не потерплю глумления над ними в своём присутствии! Я также ревнитель памяти Отца Государя нашего последнего и Его самого и не трогайте их память своими грязными руками в противном случае – к барьеру! Извольте принести сейчас же свои извинения!

Зависла томящая пауза. Все притихли. Вадиму было хорошо известно, что Смураго не даёт промаха из револьвера, а храбростью поручик не отличался. Но и позориться в гла-

[134] Que diable! - Чёрт возьми! (франц.).

зах гостей ему не хотелось.

- На Вашем месте, Новгородцев, я бы не счёл унизительным принести извинения, поскольку не знаю более достойного человека и генерала, чем Фёдор Артурович, - попытался я помочь поручику, избежать крови и выяснений полиции «почему русские очередной раз убивают друг друга». – Граф ратовал всю свою службу за уважение к простому солдату, следил за питанием солдата, боролся с рукоприкладством своих офицеров, почитал заслуженных унтеров, обращаясь к ним не иначе, как по имени-отчеству. При этом он много раз, личным примером, поднимал войска в бой. Первой шашкой Империи он прослыл не зря, владел и джигитовкой, прекрасно стрелял.

- Хорошо, господин Смураго. Признаю, что я был неправ, - выдавил из себя холёный, массивный, гораздо более крупный, чем капитан, поручик.

- Вопрос исчерпан, поручик, - равнодушно бросил ему Смураго. – Прав наш неподкупный Николай Евгеньевич Марков Второй - непримиримый борец против большевиков и предателей-февралистов. Сейчас он - председатель Высшего монархического совета. Да и Коковцев – бывший министр финансов, исправился и возглавил Союз верных памяти Императора Николая Второго. Бехтеев продолжает радовать: стал редактировать в Белграде монархическую газету «Русский стяг».

- «Жила бы лишь правда в народе. На песни мои вам оков

не надеть. Я буду и мёртвый восторженно петь о Боге, Царе и свободе!» - Ксаверий прочитал по памяти отрывок из стихов Бехтеева.

- Сменовеховцы глубоко правы. Они поняли в своей Праге уже в двадцать первом году, что всем нам пора примириться и сотрудничать с Советами! – донёсся из угла чей-то голос, после чего зависла тишина.

Это был один из многочисленных гостей, которого я совсем запамятовал, хотя представлялись практически все. Но в этом доме в тот вечер собралось человек тридцать. Кого только тут не было! Буквально все слои эмиграции, помимо нескольких англичан и пары французов. И не удивительно: в одной только Франции собралось порядка шестисот-семисот тысяч эмигрантов из России. В Финляндии, куда спасались беженцы из Петрограда, находилось более двадцати тысяч. А после эвакуации Одессы и Новороссийска не менее трети эвакуированных попали отнюдь не в Крым, а в Турцию, Болгарию - около десяти тысяч беженцев, и Египет, куда были вывезены Донской кадетский корпус и ряд госпиталей. После эвакуации Северной и Северо-Западной армий военные попадали и в Норвегию, а кое-кто остался в неблагодарной Эстонии. Часть из них вернулись в Крым к Врангелю и оказались в Константинополе, Сербии. По-моему, в тот момент в Турции и Болгарии скопилось до сорока пяти тысяч русских, в основном – офицеров. Немало русских оседает на

чешских землях. Российский офицерский корпус перестал существовать, как единая организация[135]. Ах, как они могли бы пригодиться для деятельности Кутепова! Не все, конечно. Многие опустились нравственно и не могли уже рассматриваться, как офицеры. В огромной армии не могло обойтись и без таких, как новгородцевы и блудовы, охотящиеся за чинами. Позже я полностью убедился в том, что и Новгородцев, и Блудов работают на англичан. Возможно, что Блудов занимался этим уже давно.

- Великое дело, свершённое героями Февраля, исторически оправдано и непогрешимо! – воскликнул один из подобных «голосов разума», не поостерегшись нарушить тишину. – Беда лишь в том, что русский народ оказался недостоин их прекрасных замыслов и пошёл за большевиками-разрушите-

[135] На Юге России в Белом движении приняло участие примерно 115 тыс. офицеров, из которых 35-40 тыс. погибли, до 45 тыс. эмигрировало и до 30 тыс. остались в России. Под оставшимися имеются в виду как попавшие в плен, так и растворившиеся среди населения. Подавляющее большинство их также погибло, будучи расстрелянными сразу, или позже. На Восточном фронте воевало 35-40 тыс. офицеров, из которых погибло до 7 тыс., столько же эмигрировало, а большинство осталось на советской территории. На Севере из 3,5-4 тысяч офицеров погибло не менее 500, попало в плен 1,5 тыс., а половина эмигрировала. На Западном фронте из 7 тыс. офицеров, погибло не более 1,5 тыс., а подавляющее большинство оказалось за границей, на советской же территории осталось менее 10 %. Из участников антисоветского подполья (приблизительно 7 тыс. офицеров, не считая тех, кто потом воевал в белых армиях) удалось уцелеть и выбраться за границу лишь не более 400-500 офицерам. Таким образом, из примерно 170 тыс. офицеров, участвовавших в Белом движении около 30 % погибло, чуть больше 30% оказалось в эмиграции и примерно столько же осталось на советской территории.

лями.

Какие только, зачастую наивные, или вредные для русских политические мнения я не услышал здесь в тот вечер! Смураго стал пропускать подобные замечания мимо ушей. Из угла доносились чьи-то голоса:

- Единственно порядочными во всей Европе оставались наши враги – немцы! Кайзер, что не говори, человек чести, как и наш Царь.

- Побойтесь Бога! Ведь никто иной, как Вильгельм, одобрил и финансировал заброску банды Ленина в запломбированном поезде в Петроград.

- А слышали ли Вы, что генерал Леонтьев[136] опубликовал в Париже брошюру, в которой он обвиняет шефа своего полка - кайзера Вильгельма в том, что тот снабжал деньгами большевиков, то есть вёл себя неподобающим, для императора, образом.

- Нет, нет, что Вы! – слышалось с другого конца комнаты. - Шаляпин терпеть не мог частушек, а гармошку считал исключительно немецким инструментом, способствующим примитивизации и вырождению нашей древней вокально-хоровой культуры.

Кажется, то был голос Введенского.

---

[136] В 1917 г. Леонтьев был назначен военным атташе в Греции. В 1918 г. он выехал во Францию как представитель Временного правительства. В 1920 г. назначен военным агентом и представителем армии Врангеля в Праге, где оставался до 1923 г. Поселился на Лазурном Берегу, открыл ресторан в Монте-Карло. В 1936 г. уехал на остров Таити, где скончался в 1948 г. (В. Свечин).

- Шаляпин для меня не авторитет. Что он - певец и не более того, понимает в народных традициях?

- Недавно я слышал слова самого Фёдора Ивановича, мол, что же случилось с народом, коль он прекрасные песни запамятовал и запел частушку - удручающую, невыносимую пошлость? «Уж не фабрика ли тут виновата, не резиновые ли блестящие калоши?» - вопрошал Шаляпин.

- Вот именно, сударь – фа-бри-ка!

- Читайте, сударь! Здесь – слова Бунина. Они пронизывают русские сердца: «Вот перед тобой миллион из числа лучших русских душ, свидетельствующих, что далеко не вся Россия приемлет власть, низость и злодеяния её захватчиков; перед тобой миллион душ, облаченных в глубочайший траур, душ, коим было дано видеть гибель и срам одного из самых могущественных земных царств… Но мир отвернулся от этой страждущей России, он только порою уподоблялся тому римскому солдату, который поднёс к устам Распятого губку с уксусом. Европа мгновенно задавила большевизм в Венгрии... Но когда дело идёт о России, она тотчас вспоминает правило о невмешательстве во внутренние дела соседа… И дикарь… дерзнул на то, чего ужаснулся бы сам дьявол: он вторгся в самая Святая святых своей Родины, в место страшного и благословенного таинства, где века почивал величайший Зиждитель и Заступник её, коснулся раки Преподобного Сергия, гроба, перед коим веками повергались целые сонмы русских душ в самые высокие мгновения

их земного существования… Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в самый разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее: он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек - и всё-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди бела дня спорят, благодетель он человечества или нет?»

- А как французы и британцы выпячивают все промахи, допущенные нашей династией! – доносился голос достойного Старогородского. - Сколько говорится о нашей варварской исправительной системе, но никто не заикнулся о викторианской Англии, где недавно голодного человека, укравшего буханку хлеба, вешали или отправляли на каторгу.

- Говорят, господа, что по каналам Международного Красного Креста эмигрант имеет возможность добыть сведения о том, жива ли его родня в Совдепии по адресу, если адрес прежний, но не увидеть их.

- В определённой ситуации это может быть небезопасным для той родни…

- Чересчур уж бьёт в нос роскошь русских храмов, а сие не подобает обители благочестия. Красиво – стало быть, обязательно и греховно, - говорил Монтгомери Блудову.

- Потому я и уважаю протестантов, - отвечал Александр Ильич.

Мы с Ф. уже собирались было уходить, как в квартиру вошёл запоздалый гость – небольшого роста человек с при-

стальным взглядом светлых глаз на сухом суровом лице с остренькой короткой эспаньолкой.

- Иван Ильин собственной персоной – наш Теоретик православного меча, - прошептал мне Введенский прямо в ухо, слегка прихрюкнув. – Больше года назад прибыл в Германию на «Философском пароходе[137]». Слышал, что он заехал в Париж, но никак не ожидал увидеть известного философа в этих стенах.

Разговор англичанина с Блудовым звучал всё громче. Поздний гость перекинулся парой слов с Новгородцевым, будучи очевидно с ним мало знакомым, и подошёл к Введенскому со Старогородским, которых он знал.

- Россия накануне полного развала, хотим мы того, или нет, - покачал головой Квентин Монтгомери.

- Русские так и не научились европейскому цивилизованному правлению и от того рухнули в хаос, - поддакнул ему Александр Блудов.

- Мы Западу не ученики и не учителя. Мы – ученики Бога и учителя сами себе, - вдруг громко произнёс Ильин, мрачно глядя Блудову прямо в глаза. - Россия не есть случайное нагромождение территорий и племён, но живой, исторически и культурно оправдавший себя, организм, не подлежащий произвольному расчленению. Она есть сущий оплот ду-

[137] Пароход, отвезший, неугодных большевикам, 160 деятелей гуманитарных наук. С 1923 по 1934 г. Ильин работал в Русском научном институте в Берлине редактором журнала «Русский колокол» и идеологом антикоммунизма. Не осуждал Гитлера прямо, но уволен и переехал в Швейцарию в 1938 г.

ховного и культурного единства европейских и азиатских народов, а потому и оплот вселенского мира и равновесия. Расчленение России суть гибельная для всего человечества политическая авантюра. В таком случае, Россия превратится в некие гигантские Балканы – источник смут. Мы знаем, что западные народы не терпят русского своеобразия и горазды посеять в России хаос, могущий погубить всю Европу. Европа годами демагогически шумит о притеснении религиозных и национальных меньшинств в России. Господа-расчленители России, привыкшие бояться Великую империю, не развязавшую ни единой войны против Западной Европы, забывают тот факт, что именно в России, в отличие от западных колоний, сохранялись до ста шестидесяти племён и тридцати вероисповеданий, не было никогда жёсткой христианизации покорённых народов, как в той же Америке и многих других странах. Русский народ хоронят преждевременно. Придёт час, и он восстанет из мнимого гроба, требуя назад свои права[138]!

Стало явным, что ответить на гневно-обличающую тираду Ильина обоим злословцам нечего, и они смогли лишь, не теряя лица и снисходительно усмехаясь, пожать плечами. Выглядели они не слишком умно.

- По-моему, - сказал в этот миг Георгий Смураго, - в этом помещении есть по меньшей мере три человека, которых я бы с удовольствием пригласил стреляться. Да только похоже

[138] Здесь приблизительно переданы слова самого Ильина.

на то, что им не очень хочется получить свинец в лоб. Господин Блудов, разве я не прав?

- А Вы сами, капитан, хотели бы свинца в голову? – усмехнулся Александр Ильич. – Если уж Вам так хочется, то Вы могли бы помочь себе сами. Я же не люблю стрелять в людей. Вдруг мой выстрел окажется чисто случайно вернее Вашего?

- Ваша логика убийственна, штабс-ротмистр, - усмехнулся Смураго. – Очевидно, что она совпадает с таковой господ Новгородцева и Монтгомери. Но сегодня я в благодушном настроении и воздержусь от вынуждения других шагнуть к барьеру.

Все эти разговоры мне начинали уже надоедать, и я попробовал поговорить с Иваном Александровичем Ильиным, спросить его мнение о будущем России. Надо сказать, что этот мудрый человек продолжает верить в великое предназначение нашей Отчизны. Такие взгляды невольно придают душевных сил и надежд.

- Господа, прошу всех наполнить бокалы! – несколько бражным голосом призвал гостей Новгородцев, забывая дам.

- Дамы и господа! – поправил его, не менее хмельным тоном, Монтгомери. – Прошу всех выпить за славу будущей, воскресающей России, и великое будущее Британской империи!

Он принялся разливать всем, но я отодвинул свой бокал, как и Смураго.

- Что же Вы так, господин полковник? – неподдельно уди-

вился лейтенант. – Вы не желаете пить за будущее своей страны?

- Она ещё не воскресает, - строго ответил я, - а лишь погружается во мрак, стараниями Британской империи, готовящей себе великое будущее.

Нам с Ф всего этого хватило, и мы стали прощаться с близь сидящими гостями. Владельца квартиры, занятого беседой, я не счёл необходимым оповещать о нашем уходе, как и посещать его в дальнейшем.

Когда мы вышли в прихожую, там появился и Смураго, который бросил мне, что хотел бы поговорить по пути домой, на что я охотно согласился – такие решительные люди нам нужны, хотя и забрасывать диверсанта с явно офицерской внешностью к Советам было бы неразумно. Но просто поддерживать боевое состояние остатков Белой армии было необходимо и, на мой взгляд, важнее, чем заниматься терроризмом в России. Мы шли по вечернему городу и слушали рассказ Смураго о своей деятельности после разгрома Крыма. Оказавшись в Париже, он, первым делом, примкнул к «Союзу ревнителей священной памяти Николая II», учреждённого генералом Свечиным. В первые годы эмиграция старалась объединяться, но уже спустя несколько лет, устав от политики, деятельные люди исчезали на годы «сажать крыжовник». От былых обществ сохранялись одни названия. Политическая деятельность во Франции контроли-

ровалась всё жёстче – журналистам и литераторам становилось почти невозможным просто что-нибудь напечатать[139]. Пока же развивалось и Галлиполийское движение, возникло и Галлиполийское общество, издающее газету «Галлиполи». В ней публиковали Бунина, Куприна, Мережковского, Набокова-младшего. Как недавно сказал Бунин: «Галлиполи - часть того истинно великого и священного, что явила Россия за эти страшные и позорные годы». И не случайно высшим отличием среди эмигрантов стал нагрудный Галлиполийский знак - крест тёмно-свинцового оттенка с надписью в центре «Галлиполи» и датами: «1920-1921».

- Хотел бы оказаться полезным Вам, полковник, как и генералу Кутепову, - произнёс в заключении капитан.

- Думаю, что мы бы нашли Вам достойное применение, - ответил я ему.

Мы брели в несколько неопределённом направлении и, как-то само-собой, оказались на Дарю. Здесь мы уже, не спрашивая друг друга, молча направились к православному храму Александра Невского[140]. Возможностью иметь свой храм в центре французской столицы мы обязаны инициативе

---

[139] «Журналов нет, газет – почти… литератору…, особенно давнему, привыкшему к известной свободе в старой России, надо сначала пораскинуть умом: скажешь что-нибудь, хотя бы устами героя, что может показаться не вполне совпадающим со взглядами газеты, и пропала работа» (З. Гиппиус, 1935 г).

[140] Храм освящён в 1861 г. Намоленный тысячами эмигрантов собор, где отпевали Тургенева, Шаляпина, Деникина, Бунина, Бориса Зайцева, а также и Андрея Тарковского, Окуджаву и других.

священника посольской церкви Васильева, сборам средств по всей России и личному пожертвованию Александра Второго, светлая Ему память. Мы изрядно опоздали на вечерню, но отстояли её до конца. Собор этот привлекал нас с Ф как множеством своих реликвий, красотой убранства, так и необъяснимым ощущение прикосновения к родной земле. Мы отдыхали здесь душою.

- Моё бедное Отечество, мой народ! Как я любил вас и гордился вами! Что творится с нашими храмами ТАМ? Всё попрано и народ оказался на поверку безнравственным от темноты своей, - сокрушался капитан Смураго.

- Вспомните слова нашего лучшего философа, Леонтьева, который думал, что мы стали со второй половины девятнадцатого века «более национальными, гораздо более русскими, чем мы были при Николае Павловиче… думал, что мужики и мещане наши, теперь более свободные, научат нас (дворян) жить хорошо по-русски, укажут нам, какими господами нам быть следует, — представят нам живые образцы русских идей, русских вкусов, русских мод даже, русского хорошего хозяйства, наконец!..»Ничего подобного не случилось: освобождённый русский простолюдин начал превращаться в заурядную европейскую сволочь, как Леонтьев называл массового человека на Западе. Тогда Леонтьев и Мещерский обратили свои взоры к дворянству, видя в нём единственный оплот общественного порядка - Дворянский дух бескорыстного служения идее, которые Мещерский про-

тивопоставлял эгоистическому духу буржуазии и мертвящему духу бюрократии, тлетворное влияние которых извратило Александровские реформы. А Достоевский показал, что корень утопического безумия таится в последовательном, бескомпромиссном рационализме, огульно отрицающем иррациональные начала души, а потому и всей истории человечества, - сказал я на это.

- Как зеницу ока хранили мы нашу верность Отчизне и Государю, - продолжил Смураго. - Помню, как пришёл приказ от Временного правительства, запрещающий пение в казармах нижними чинами лейб-гвардии Преображенского полка Русского народного гимна. Я заявил начальству, что отказываюсь выполнять сей приказ. Тогда полковник, не хочется упоминать его имя, заставил меня писать рапорт об отказе, и я изложил в нём, что как и раньше, стану лишь приветствовать исполнение гимна нижними чинами и я буду продолжать петь «Боже, Царя храни». Мне были обещаны очень большие неприятности, если я не порву рапорт сам. Забавны были слова полковника: «Это же личное распоряжение Керенского, а Вы, полагаю, не раз слышали, какой это мелочный, ничтожный господин?» «Только умоляю не пугать меня этим шутом гороховым. Рапорта своего я назад не возьму» - ответил я. Позже мне стало известно, что рапорт этот по пути в столицу всё же решили ликвидировать.

- Теперь те офицеры, что служат им обязаны петь Интернационал. Боже мой, какой ужас! – добавила Ф.

- Господи, где те времена, когда над Красносельским плацем гремело дружное: «Рады стараться, Ваше Императорское Величество!»? И я совершенно уверен, что в каждое из этих слов солдаты вкладывали всю свою душу! Что стало с ними в шестнадцатом году?! – говорил Смураго, нервно теребя папиросу длинными пальцами, с судорожной жадностью втягивая дым в, прокопчённые куревом и войной, лёгкие.

- Народ развратили образованные люди, умело оклеветавшие Династию… - заметил я.

- Да… ведь между Царём и его народом существовала связь, которую вряд ли понимают в Европе.

- Вот именно, - я сел на своего конька, - связь, не имеющая ничего общего с чиновничьим аппаратом, законностью. Государь был связан с народом торжественной клятвой, которую Он давал в ходе коронации. Клятвой быть Царём, судьёй и слугой своего народа. В лице самодержца сливались воля народа и царское служение своим подданным. Теперь даже некого выбрать в блюстители Престола… Великий князь Кирилл недостоин совершенно очевидно. Помню, как отец рассказывал мне, что дворец младшего брата Государя Александра Александровича, Владимира, стал буквально осиным гнездом в сердце Империи. Владимир был женат на принцессе Мекленбург-Шверинской, чьи подданные были очень расположены к кайзеру и Бисмарку. Все Владимировичи умны, хитры и честолюбивы донельзя. Балы, которые они устраи-

вали, пытались затмить своим блеском балы в Зимнем. Оба супруга смотрели на Царскую Гатчину чуть ли не как на рядовую помещичью усадьбу. Единственное, что объединяло братьев Романовых - это их англофобия. Неспроста, после крушения поезда в Борках, Александр Третий сказал: «Представляю себе, как будет разочарован Владимир, когда узнает, что мы все спаслись!»

- А ведь в том поезде находились все три сына Александра, - вставил капитан.

- Мне достоверно известно, - добавил я, - что, когда кайзер однажды предложил Александру Миротворцу разделить всю Европу между Германией и Россией, Государь тотчас оборвал его словами: «Не веди себя, Вилли, как танцующий дервиш. Полюбуйся на себя в зеркало». Но не могу сказать, что Вильгельм виновен в окончательном развязывании этой убийственной для Европы войны. Если бы британское правительство дало понять, что Англия встанет на сторону России и Франции, то кайзер бы не посмел сделать и шага.

- Здесь некогда бродил, оделённый природой, но талантливый Тулуз-Лотрек, - попробовала переменить тему Ф., но мы уже входили в раж политики.

Неожиданно мы столкнулись с капитаном Камероном Обри Кроуфорд-Эшбрук, который, очевидно, возвращался от квартиры Новгородского. Учтивый офицер снял французский котелок, кивая Ф. и нам. Казалось бы, мы разминёмся

через считанные минуты, пожелав друг другу доброго вечера, как вдруг, Кроуфорд спросил, а нельзя ли ему зайти ко мне на служебную квартиру, чтобы поговорить о деле. Разумеется, я согласился. На шпиона он был похож очень мало, или уж был таким виртуозом, что стало бы наивным утаивать от него наш адрес. Капитан присоединился к нам, поскольку направления наши случайно совпали. В ходе живой беседы, хотя русский капитана оставлял желать много лучшего, Кроуфорд поведал нам, что он большой почитатель сэра Артура Конан-Дойла и, похоже, глубоко проникнут своеобразным мистическим учением автора Шерлока Холмса и некоего Гордона. Я и не знал, что сэр Артур очень основательно занимается спиритизмом, но при этом ворчит, что долг его уделять больше внимания своей медицинской деятельности. На это я возразил, что искусство лекаря может даже способствовать занятиям литературой. Взять тех же Чехова и Вересаева. Тогда капитан заметил, с чисто английским юмором, что такое возможно исключительно в России.

- «Настоящая жизнь и дух открытий, увы, не здесь, а за пределами Европы» - говорил мне сэр Артур, - продолжал капитан, блеснув своими светлыми очами и поведя горбатым носом. – Неспроста, Конан-Дойл так интересуется Индией, её культурой, особенностями её религии, как, впрочем, и Киплинг. Кстати, и сэр Генри Райдер Хаггард, и сэр Артур Игнатиус Конан-Дойл, оба стали мистиками, отрицающими

христианские истины[141], уверенными в существовании телепатии. Сэр Джозеф Редьярд Киплинг, как и сэр Артур, и сэр Генри, все трое - яркие представители умеренного джингоизма. Будучи чуть ли не ветеранами Англо-бурской и после того, как премьер Гладстон вернул бурам Трансвааль, Хаггард послал в «Таймс» гневное письмо с негодованием по поводу уступок бурам. Как Конан-Дойл, так и Хаггард - ярые противники коммунизма и были сильно обеспокоены русской революцией.

- И оба очень не симпатизируют России, - вставил Смураго.

- Это естественно, - согласился Кроуфорд, - но ведь после Англо-Бурской джингоизм резко пошёл на спад. От него мало что осталось после Всеевропейской войны.

- И в нынешней России отношение к Англии уже иное… - мрачно сказал Смураго. – А былую Россию сноб Поль Верлен назвал одним из трёх чудес мировой истории, к которым он отнёс Элладу, итальянский Ренессанс и Россию XIX века. Как это ни горько констатировать, но от этого чуда, в нынешней Триэсерии, сохранилось не многим больше, чем от Эллады в убогой Греции наших дней.

- Как и от Византии, следовало бы добавить, - заметил я.

- Ведь это так странно… Россия полна загадок, - растерянно произнёс англичанин. - Разрушение её - это уничтожение

---

[141] Эти взгляды не мешали Хаггарду быть активным членом Англиканской церкви и откровенно третировать католицизм.

своего собственного государства ведущей нацией, которая вдруг почувствовала себя жертвой в своей империи и стала, своими же руками, всё крушить. А ведь России осталось подождать совсем недолго, чтобы стать сильнейшей державой мира...

- Тут имели место немецкое и еврейское золото, британские интриги. Но беда в том, что нашлось достаточно своих, русских - грязных предателей, - сказал я.

- Кстати, сэр Редьярд Киплинг осуждал движение суфражисток, что, наверное, могло бы Вам само по себе импонировать, - англичанин хитро взглянул на Смураго.

Когда мы все, наконец, распрощались, я был уверен, что хотел бы ещё раз послушать Кроуфорда, поскольку, в последний момент, выяснилось, что он побывал в Тибете с экспедицией Френсиса Янгхасбенда. Некогда, по своей службе, я ознакомился с отчётом по британской военной экспедиции в Тибет и знал о её кровавых последствиях. Кроуфорд остановил таксомотор с флажком на левой стороне[142], водитель которого оказался, почти естественно для всех – русским офицером. Поговаривали, что каждый пятый таксист в Париже – русский. Французы называли их всех, почему-то, Поповыми. Тех из них, кто были офицерами по своему облику, французы называли непременно колонель – полковник, хотя чину это чаще не соответствовало. Крытое «пежо» обдало нас гарью и исчезло за поворотом. Мы предпочли про-

[142] Это означало, что такси свободно.

должить нашу пешую прогулку.

- Русские гардемарины красят и золотят верхушку Эйфелевой башни. Ведь они - народ отчаянный и не им боятся высоты. Почему бы офицеру временно не стать шофёром? – спросила Ф., заметив моё раздражение, точнее конфуз перед британцем.

- Временно ли – вот в чём вопрос[143], - ответил я со вздохом».

Соблазны и искушения Глеба Гордеевича

Когда я нахожусь в Европе, я всегда испытываю чувство, как будто гуляю по красивым аллеям кладбища, в котором каждый камень напоминает мне о том, что цивилизация покончила самоубийством в августе 1914 года… Я не считаю современную эпоху ни цивилизованною, ни христианскою. Когда я читаю о миллионах людей, умирающих от голода в Европе, Америке и Азии в то время, как в складах гниёт несметное количество хлеба… я признаю необходимость радикальных изменений в условиях нашей жизни... Тринадцать лет коммунистического опыта над несчастной Россией убили все мои иллюзии относительно человеческого иде-

[143] Во Франции, в отличие от Чехословакии, большинство русских не имело возможности заняться умственным трудом. Большая их часть стала чернорабочими, что в полной мере относится и к офицерам, большинство которых жили ниже прожиточного минимума. Генерал Шкуро работал в цирке Буффало, а Эрдели - тапёром в ресторане.

ализма.

Великий князь Александр Михайлович в эмиграции

Если мы белые по существу, рано или поздно Россия - наша… Если мы только «крашеные», то хотя бы мы взяли Кремль, нам его не удержать: облезлых, грязно-серых нас выгонят оттуда через короткое время.

В. Шульгин

«Лето промелькнуло в суете и томительном ожидании чего-то важного. Тянуло почаще заходить в нашу церковь. Запомнился своей торжественностью молебен в Троицын день. Но нет в Парижском храме знакомого с детства спёртого цветочного духа, какому подобает быть на Троицу… Влиятельная воскресная газета поругивала «этих русских», которые всё чаще стреляют друг в друга на улицах столицы Франции. На мой же взгляд, значительные и достойные три выстрела прозвучал лишь в Берлинской филармонии по предателю своего Государя, в Женеве и Варшаве[144]… Хорошо сказал полковник Винберг о таких, как Милюков: «Ростом и с лица обиженный, всем завидуя другим, жил я злобный и приниженный, видом пасквильным своим… И до нужника

[144] Имеется в виду покушение на Милюкова, в результате которого погиб кадетский лидер Набоков. В Женеве стреляли по Воровскому, в Варшаве - по палачу Царской семьи Войкову. На всю русскую эмиграцию оказалось лишь двое энтузиастов-мстителей - Конради и Коверда. Первый был оправдан швейцарским судом, второй, юноша, польским судом был приговорён к пожизненной каторге.

вонючего та дорога довела. Эх, не смыть стыда горючего с англоманского мурла!»

После создания Русского Обще-Воинскского Союза - РОВС, Врангель уже не имел никаких планов будущих операций, ибо ни одна иностранная держава не желала помочь Петру Николаевичу вновь вступить в борьбу для освобождения России и сокрушения коммунизма как общей мировой угрозы. Корысть задавила глас рассудка бывших союзников. Барон продолжал успокаивать остатки своей армии несбыточными надеждами на скорое возвращение в Россию. Возможно, этого делать и не следовало, и кое-кто позже упрекал в этом Врангеля. Но как бы могла выжить армия без всякой надежды? Мы не могли более существовать как армия. Все трудоспособные военнослужащие перешли на собственное содержание, а мучительные поиски работы делали невозможным сохранение частей в прежнем виде[145]. ПН на-

[145] В Сербии русским офицерам разрешалось носить униформу. В Болгарии для участников войны 1877-1878 г.г. были установлены пенсии, и туда переехало немало русских ветеранов. Русский Отряд в 108 человек во главе с полковником Миклашевским, при участии знаменитостей Белого движения – Барбовича и Улагая, с боями вошёл в столицу Албании и посадил на престол короля Ахмета Зогу. После этого чины отряда получили пенсии и осели в Албании. 80 русских офицеров во главе с генерал-майорами Фоком и Шинкаренко поступили добровольцами в национальную испанскую армию Франко, рассматривая это как продолжение борьбы с мировым коммунизмом. Но некоторые, из числа «возвращенцев» использовали эту войну чтобы снискать благоволение советских властей и служили в республиканских частях, после чего прибыли в СССР.

шёл выход в сохранении армии в виде объединений и союзов, а также штабов. Так, с осени 1924 года возник Русский Обще-Воинский Союз. Центром нашего воинства продолжала оставаться Югославия. С 1921 года, при содействии советской агентуры, началось «возвращенчество», охватившее частично и офицерскую среду[146]. Избранный два года назад, на Рейхенгалльском съезде, Высший монархический совет не признал манифеста Великого Князя Кирилла Владимировича, присвоившего себе императорский титул, и правильно поступил. Старшее кадровое офицерство не могло примириться с поведением князя в Февральские дни. Монархическое руководство нашей армии стремилось, прежде всего, сохранить единство армии, склонялось к тому, чтобы признать династические права Кирилла Владимировича, но не считало возможным участвовать в этой распре и запретило всем офицерам состоять в каких бы то ни было политических организациях, хотя бы и монархических.

Боевая организация Кутепова[147], к моему прискорбию, сильно уступала, хорошо мне известной Боевой организации эсеров, с которой я некогда боролся. Кутеповское детище

---

[146] С 1921 по 1931 г. в Россию вернулось 181432 человек, или 18-20 % эмиграции. Число возвращенцев-офицеров было ничтожно мало - не более 3 тыс.

[147] Она была образована в 1922 г. с целью разведывательной и террористической деятельности на территории СССР. Насчитывала несколько десятков человек. Организация делала ставку на закрепление своей агентуры в СССР и осведомительную работу.

считалось тайной организацией в рамках РОВС, но именно секретности и конспирации нам явно не хватало. Не смогли мы должно наладить и совместную работу с Высшим монархическим советом в Берлине. Работали мы, в основном, с совсем молодыми русскими офицерами. Большинство из них были произведены из юнкеров уже в Белой армии или были выпускниками эвакуированных кадетских корпусов. До смуты в России было тридцать кадетских корпусов, старейшим из которых считается Первый, основанный Анной Иоанновной в 1732 году. Корпуса были в столицах и в губернских городах по всей территории Империи, включая Малороссию, Кавказ и Сибирь. В ходе террора погибли почти все кадетские корпуса. Лишь несколько оказались на территориях, занятых белыми: на юге России – Киевский, Одесский, Полтавский, Донской и Владикавказский, и на востоке – Сибирский и Хабаровский. В 1920 году часть кадетов Киевского, Одесского и Полоцкого корпусов были эвакуированы из Одессы в Белую Церковь Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (СХС, в будущем – Королевство Югославия). Все эти корпуса были объединены в Сводный Святого Благоверного и Великого Князя Александра Невского кадетский корпус, директором которого стал генерал-лейтенант Адамович, некогда ушедший добровольцем на японский фронт. В составе корпуса собралось двести шестьдесят три кадета и сорок человек персонала. Позже в Королевство СХС прибыли ещё сорок два кадета, прорвавшиеся с боями через

Днестр в Румынию. «Рассеяны, но не расторгнуты. Жизнь - Родине, честь - никому. Один в поле – и тот воин. Храбрым - бессмертие. Только та страна и сильна, которая свято чтит заветы родной старины. Не в силе Бог, а в правде» - стало девизом Корпуса[148]. После войны и распада России мир катастрофически изменился. В нём не оставалось места для веры и чести. Всё стали определять деньги, технический прогресс, возрос страх человека за свою жизнь. Что ожидало в таком мире чистых душою выпускников Корпуса? Славный Адамович завещал многое своим учащимся, и кое-что не могу не упомянуть здесь: «Быть верными старой России и относиться уважительно к её прошлому. Не грязнить гнездо и будущие воспоминания о своём детстве, отрочестве и юности. Закалять свою волю. Терпеть безропотно лишенья. Быть везде и всегда с поднятым забралом. Помнить, что честен в великом лишь честный в малом. Не сквернословить. Быть, а не казаться. Не образовывать партий. Не доносить и не сплетничать. Не бояться быть вежливым. Не барствовать перед прислугой. Не проявлять и не вызывать брезгливость». Генерал Адамович лично читал кадетам прекрасные лекции по истории русской живописи, развешивал на стенах

[148] Кадетские корпуса были военно-учебными заведениями, дававшими среднее образование, соответствующее гимназическому. С правлением Александра II кадетское образование давало путь и к военной, и к гражданской деятельности, но главной задачей оставалась подготовка будущих военных. Выпускник кадетского корпуса мог продолжать обучение в юнкерском училище, откуда он выходил уже в обер-офицерском чине.

Корпуса тысячи репродукций картин знаменитых русских художников. Вечерами бывали прослушивания отрывков из русских опер, лучших образцов русской камерной и симфонической музыки. Кадеты имели свои оркестры, духовой и струнный. На памятный юбилей Суворова произвели вынос старейших знамён из музея в храм на молебен и панихиду. Пока я служил в Сербии, постарался чем мог помочь собирать библиотеку для Корпуса. В Сараево мы приобрели пачку старых русских «толстых» журналов: Вестники «Европы» и «Исторический», «Русскую старину», полное приложение к журналу «Нива» за десять лет. Потом удалось нам раздобыть книги из, ликвидированного в Софии, склада Сытина. Покупали и присылали нам книги из Америки, Манчжурии, Китая. Но чаще – из Польши, Прибалтики, Румынии. Кадеты оставались хоть какой-то надеждой на возрождение России, на её будущее[149]…

Душа моя, с самого начала, не лежала ни к террористической деятельности вообще, ни, тем более, к отправке этих юношей почти всегда на верную смерть. Но не удалось мне отделаться от давившего на меня Кутепова, просившего помощи. Хотя бы в чём-то от меня была польза: совсем уж безусых кандидатов в секретные агенты, но с амбициями я мог

[149] «С чувством глубокого волнения я пробыл несколько часов в Корпусе. Как я ни был подготовлен к восприятию «русского чуда» в Белой Церкви, я не ожидал увидеть того, что увидел» (И. Ильин, 1934 г.)

выбраковать. В те весенние дни в нашу квартиру, которой подобало бы быть конспиративной, приходили самые неожиданные посетители. Важными и радостными для меня оказались первые двое: пехотный капитан Иван Иванович Семилетов – матёрый «туркестанец», ветеран всех передряг, случившихся в тех краях в последние годы, и верный его соратник – молодой урядник из уральских уходцев – Селиверст Бешметов. Пёс войны вроде моего друга дроздовца Ведищева - ветерана подавления Боксёрского восстания, Японской и Германской, Семилетов попросился в диверсанты, говоря от имени их обоих. На вид он выглядел крестьянским сыном, как и казак тот, и такие не бросились бы в глаза красным. Я не возражал: люди с боевым опытом и, уж никак не похожие на провокаторов, или красных шпионов. Взял их адрес в Рюэле, где они нашли пристанище, благодаря казачьей общине[150], и обещал дал им знать, как только будет дело. Из разговора вдруг выяснилось, что они воевали в Туркестане в одном отряде с моим братом Дмитрием! Сомнений быть не могло: они упомянули имя жены брата и его сына. Бок о бок с ними прошли они через высокие ледяные перевалы Памира. О как я был благодарен этим посетителям, вернувшимся из гор Британской Индии! В тот вечер я долго молился в

[150] В Рюэле под Парижем возник Уральский казачий хутор, который в 1930 г., в связи с приездом в Париж новых казаков, был переименован в станицу. Ежегодно выбирался атаман и члены правления станицы. Станица формально входила в состав Союза казаков во Франции. Уральцы поддерживали связь со своим Войсковым атаманом, находившимся в Австралии.

храме, благодаря Всевышнего за милость Его, ибо до этого светлого сентябрьского дня двадцать четвёртого года я был почти уверен, что Дмитрий пал, ещё будучи в Легионе Чести, сражаясь на полях Франции. Теперь я мог молиться за здравие брата и его семьи, желать ему выжить в путешествии по, ныне беспокойным, просторам Тибета!

Случалось, что странные посетители доводили меня до, плохо скрываемого, бешенства. На днях заходил один из бывших руководителей российский скаутов – старичок, соратник самого Пантюхова[151]. При нём молча присутствовал задумчивый молодой человек. Старик долго и, казалось, основательно излагал мне свою мысль об использовании, ока-

---

[151] Скаутское движение началось в Северной Америке по инициативе Сетон-Томпсона в самом начале XX в. и развито полковником Баден-Пауэллом с 1906 г. в Англии. В России оно началось в 1909 г. по инициативе полковника О. Пантюхова и учителя Янчевецкого (писателя В. Яна), когда Императором было одобрено создание «Школ строю и гимнастики». Первым и единственным, кто исполнил волю Царя, был инспектор народных училищ А. Луцкевич, который создал «Народный класс военного строя и гимнастики имени Наследника цесаревича Алексея Николаевича». В годы войны движение усилилось: скауты помогали раненым, беженцам, занимались благотворительностью, работали на общественных огородах. Осенью 1917 г. насчитывалось 50 тыс. скаутов в 143 городах. Большевики разогнали скаутов к 1922 г. Белая эмиграция принесла скаутинг в страны, где его не было – на Балканы. В эмиграции русские скауты О. Пантюхова вошли в Славянский союз скаутов. Русские скаутские организации возникли в ряде стран (Китай, Англия, Бельгия, Венгрия, Германия, Франция, Греция, Польша, Финляндия, Бразилия, Венесуэла). В годы Второй мировой войны скаутские объединения были запрещены нацистами, но находились те, кто работал со скаутами в подполье.

завшихся в эмиграции бойскаутов, но от этого ситуация для меня стала ещё более туманной. Выяснилось, что он не знает сколько скаутов, и где именно находится, не имеет и связи с основной их массой, а только с несколькими юношами. «Мы создаём движение «Братства белых мстителей»! – с большим пафосом провозглашал он. Разговор ничем не окончился. Меньше всего мне хотелось отправлять с диверсионными заданиями столь не обкатанных, не повоевавших, юнцов. Но я предложил посетителю наладить связь с другими скаутами и рекомендовать им поступить в наше воинское училище. В тот же день пришёл какой-то тип, вероятнее всего – просто сумасшедший. Давно усохший, со взглядом мертвеца, он начал многословно повествовать о истоках своей болезни.

- Позвольте, но здесь не больница и я – не врач, - удивился я.

- Я страдаю, как бы Вам это лучше преподнести... от периодического излияния мочи в брюшную полость, - казалось, что он меня не слушает.

- Впервые о таковом слышу...

- Тем не менее, в моём случае… - и он изрыгнул новый утомительный поток слов.

- По-моему, скорее Вы страдаете от мочеизлияния в мозговую полость с длительной задержкой изливаемого в черепной коробке. Таков, во всяком случае, мой диагноз. Ничем другим помочь не могу и не имею на то времени. Прощайте, - отрезал я.

- Но как так?! - морщины нижней и верхней частей лица посетителя вступили между собой в конфликт.

- Не располагаю более свободным временем для Вас.

- Нет уж позвольте, сударь! Я к вам пришёл не за тем, чтобы выслушивать Ваше неуместное раздражение! – повысил голос странный субъект, воздевая к небу перст.

Мне пришлось вывести его под руки и больше не реагировать на последующий стук в дверь, из-за которой доносился жалобный крик:

- Дозволено ли обратиться мне, вшивому, к Вам, о великий повелитель душ?

Я мог лишь посочувствовать своему соотечественнику, вероятно лишившемуся рассудка от того, что творилось в России.

В тот странный день мне «повезло» ещё один раз: явился чудной, таинственный офицер, мечтающий о сверхоружии[152] против Советов. Он требовал никого иного, как только генерала Кутепова, но я охладил его пыл, уверив, что я остаюсь непременно промежуточной инстанцией и сначала ему придётся изложить всё мне.

- Хорошо, господин полковник, - успокоился суетливый

[152] Со времен промышленной революции 1870-х в Европе и до появления атомной бомбы политики всего мира мечтали сначала о сверх-мощных пушках и особо сильной взрывчатке, затем – о неимоверных размеров непотопляемых дредноутах, отравляющих газах небывалой силы и новых сверх-танках. Позже и о сверх-тяжёлых бомбардировщиках с невиданными бомбами.

маленький человечек со, снующими по сторонам, глазёнками. – Для начала мои бумаги, - он показал документы, удостоверяющие его службу рядовым в Добровольческой армии.

- Превосходно. И что Вы хотите узнать? - спросил я, бегло просмотрев эти бумаги.

- Полагаю, что узнать мой секрет захотите Вы. А мне и спрашивать-то нечего. Мне известно истинное плачевное положение остатков Белой армии, - самодовольно ответил странноватый субъект.

- Не могу этого исключить. В таком случае, я Вас слушаю, - невозмутимо произнёс я.

- Речь идёт об изобретении сверхоружия, которым мы можем вернуть Россию, - с торжественными нотками начал он. – Это единственное решение вопроса, ибо красные слишком сильны. В наше время лишь такое оружие может дать полноту власти и предотвратит всякие дальнейшие войны.

- Логично, - недоверчиво прищурился я. – И какого рода это оружие?

- Не существовавшее доселе нигде и никогда, - он осклабился в недоброй улыбке. – Электрический магнетизм решает все трудности, с коими сталкивается современная цивилизация! Магнит способен подавлять психику, внушить законопослушание и не надо никакого большевистского насилия, и кузницы новых людей.

- Звучит всё не так плохо, но остановит ли Ваше оружие кровопролитие в этом мире? Разве такое возможно в прин-

ципе?

- Всё решается просто руками цивилизованных учёных людей. Порядок в мире обеспечен. Волны с вышек, расставленных над всеми скоплениями людей по всему миру, наведут такой порядок.

- Интересно, а кто решает: кому подлежит исправлять психику и быть облучённым Вашими волнами, а кому корректировка мышления не нужна?

- Надёжные, умудрённые опытом люди.

- Как всё у Вас просто. Почти, как у большевиков, которые примерно так же и думают.

- Ну, знаете ли! Это уже похоже на оскорбление, полковник! Мы выберем истинно достойных, которые смогут всё решать за остальную серую массу.

- А ведь подобные мысли отнюдь не новы. Во все времена находились такие мудрецы, готовые продаться дьяволу за полную власть.

- Если Вы хотите меня оскорбить, сударь, я пойду к другим на переговоры. Смотрите не пожалейте об упущенном шансе спасти Россию. А вызывать вас за оскорбление на поединок я не имею, к прискорбию моему, морального права, ибо мне и моему другу-учёному, изобретшему сие оружие, предстоят великие задачи. Риск непозволителен.

- Я и не думал оскорблять Вас, но лишь высказал свои мысли вслух.

- Теперь уже поздно, полковник. Техническую мысль под-

держат англичане, а русские, как всегда, впрочем, останутся в дураках. Англичане свой шанс не упустят. И в том, что Золотой век всего человечества наступит под эгидой Великобритании отчасти Ваша вина, полковник.

- Если Вы с такой лёгкостью собираетесь пойти с таким предложениям к исконным врагам России, то мне говорить с Вами больше не о чем. Прощайте, - я встал и отворил для него дверь. Признаться, я не верил во всё это и счёл его наглым авантюристом. Мне невольно вспомнился один преступник-маньяк, которого я долго ловил в самом начале века. Он тоже имел склонность к техническим изыскам. А уж в двадцатые годы идея о сверхоружии носилась в воздухе Европы, Америки и, по-своему, в СССР. Неспроста же даже такие богоборцы, как Советы, вскоре отправили экспедиции на поиски тайн, сокрытых в Тибете. Почти все нашумевшие истории о таком оружии – чистый вздор. Взять те же «лучи смерти».

Семилетова и Бешметова Кутепов отправил с заданием на юг Совдепии уже через месяц. Я искренне молился за то, чтобы эти люди, ставшими мне дорогими своею благой вестью, остались в живых и смогли вернуться. Благодаря заброске таких опытных вояк, я сумел отстоять жизни юнцов, лезших на рожон, пытавшихся убедить окружение Кутепова в том, что они непременно справятся с поджогом здания ОГПУ в центре Москвы. Таких же нельзя посылать в Триэсе-

рию в принципе! Хотя бы временно этот вопрос был закрыт и Александр Павлович был поглощён группой, посланной на юг. Я же не верил в успех диверсии в столице даже с самыми матёрыми исполнителями. Тут подвернулись ещё надёжные люди, которых рекомендовали мне агенты Кутепова. С Савелием Протасовым было одно удовольствие пообщаться, как и с напарником его – Агафоном Хорошиловым, что из некрасовских дунайских казаков[153], вернувшихся в Россию ещё в николаевские времена. Ведь немалая редкость и в России, не говоря о Франции – дунайский казак из старообрядцев, ушедших от гонений в дельту Дуная, живущих там и поныне. Часть из них, в ходе Турецкой войны при Николае Первом, вернулась в Россию. Среди вернувшихся были и предки этого человека, но называл он себя по-прежнему дунаком и, здесь, в зарубежье, подчёркивал это. Отец Протасова был участником Крымской, когда ему стукнуло двадцать лет, затем участвовал в походе на Хиву, а в сорок два года он осаждал Плевну под турецкой шрапнелью, был сильно ранен и получил офицерское звание. Тем не менее, в девятисотом году этот неутомимый офицер подавлял Боксёрское восстание, а затем пал в Японской войне в шестьдесят де-

[153] Некрасовские казаки – липоване, игнат-казаки (по имени их лидера в период ухода), филипповцы, филиппоны, или дунаки. Они – старообрядцы поповского направления и ушли в начале XIX в. на Дунай. Несмотря на свою злость на никониан, за турок против русских воевать они тоже не хотели. Посланники поповцев упорно искали в диких краях Азии благословенное царство – Опонье, или Беловодье.

вять лет! Его отец был рекрутом из крепостных в наполеоновскую кампанию. Сын же его, Савелий, в девятнадцать лет отстаивал Шипку, неподалёку от отца, а потом, уже в офицерском звании, отправился в Южную Африку сражаться за буров. Если речь идёт об участии в этой войне русских, я всегда вспоминаю о глубоко отвратительном мне Гучкове, который тоже не преминул там побывать. Ну да Бог ему судья. В свои сорок шесть Савелий Протасов отличился на Японской войне, получил полковника и дворянство. В пятьдесят шесть лет он пошёл на германский фронт добровольно, а в шестьдесят не встал на сторону красных, обещавших землю его крестьянской родне. Протасов не поверил, как он сказал «жидам», а примкнул к колчаковцам. Сейчас, в шестьдесят шесть лет, этот несгибаемый вояка совсем не внушительного вида рвался «добивать жидовскую власть, Ленина-татарина, да святую Русь спасать», как он высказался не без оттенка лёгкой иронии. Человеком он был замечательным, но я бы послал его на такой страшный риск скорее, чем вчерашних кадет. Агафону Хорошилову было не более сорока, но по одному виду его было ясно, что он понюхал пороху на своём веку.

- Глеб Гордеевич, можно попросить Вас об одной услуге. Всё же одному Господу ведомо, вернёмся ли мы? – помявшись, спросил вдруг Протасов перед расставанием.

- Конечно, Савелий Игнатович. О чём разговор, - ответил я.

- Сын мой, будь он неладен… Русской рулеткой грешит. Вы бы с ним поговорили, да на путь истинный направили. Ищет смерти, но без толку. Не пьёт, не курит. Бобылём ходит. Ну, и чудит. Вместо этого бы на генерала Кутепова поработал, оболтус.

- Оставьте адрес, Савелий Игнатович, попробуем его убедить.

- Спаси Господи, Глеб Гордеевич…

Когда Протасов с Хорошиловым были заброшены вслед за группой Семилетова, я приложил все усилия, чтобы донести до Протасова-младшего, что работа на нас много достойнее, чем бездумный риск с рулеткой. Молодой человек вяло согласился, и мы направили его в Россию с очередной группой.

На другой день мне предстояло своеобразное искушение и назвал я его, для себя самого, «моим днём святого Антония». Утром ко мне в кабинет зашла Мария Владиславовна Захарченко, которая посетовала, что её так и не отправляют с заданием в СССР. Она познакомилась ещё в Галлиполи с капитаном Радковичем, бывшем лейб-егерем, который стал её третьим, гражданским, мужем. Я знал, что почти год назад, в октябре 1923 года, по заданию Кутепова, она вместе с Радковичем, под видом семейной пары по фамилии Шульц, нелегально перешла советско-эстонскую границу, пройдя по изборским болотам при температуре чуть

выше нуля по Цельсию, и побывала в Петрограде и Москве. То был первый подпольный визит этой неустрашимой женщины в Советскую Россию. Я мог лишь дивиться её мужеству, тому, что она вновь рвётся пересечь эти, всё тщательнее охраняемые, границы. Признаться, мне очень не хотелось забрасывать именно её, не меньше, чем юнкеров, обрекаемых на смерть, такими заданиями. Когда я встречался глазами с этой удивительной женщиной, мне становилось не по себе, и я начинал делать запинки в речи, краснеть. Не исключаю, что она посмеивалась надо мною в глубине души, замечая подобные казусы, достойные молокососа.

- Глеб Гордеевич, - произнесла она с холодными нотками, - мне кажется, что Вы против того, чтобы я вновь оказалась в России. Или я ошибаюсь?

- Мне действительно не хотелось бы подвергать Вас неоправданному риску без крайней на то нужды, - уклончиво ответил я.

- Но мне порядком надоело работать на химии, полковник, - настойчиво возразила Мария, блеснув задором молодости в уставших очах. - Я старею. Чувствую, что это последние мои силы. В «Трест» я вложила всё, если это оборвётся, я жить не буду[154].

Я растерялся и не знал, что ответить. Промычал что-то, вроде – «мы с генералом постараемся…» Работать «на химии» означало у нас проявлять и перепечатывать тайную

[154] Подлинные её слова из мемуаров.

корреспонденцию, которая писалась химическими чернилами. С её характером это, наверное, вселяло тоску в душу, рвущуюся к мести». Далее, на полях тетради мелким письмом было дописано позже: «В то время мы, к сожалению, ещё не раскусили коварную интригу красных с их таинственным «Трестом», задуманным, как ловушка для кутеповцев для дискредитации и разрушения РОВСа[155]. Гэпэушную суть якобы подпольного монархического «Треста» нам удалось разоблачить почти три года спустя. С резкой критикой обрушился на Кутепова Врангель, давно подозревавший «Трест» в двойной игре[156]. То был удар по репутации Кутепова, но

---

[155] В ходе особенно активных действий 1927 г. кутеповцы потеряли убитыми и расстрелянными не менее 80 % своих людей. Организация не имела существенных материальных средств и, ко времени похищения Кутепова (1930 г.). Работа в СССР была сведена к получению информации о существующем положении и посылке антикоммунистической литературы. Захарченко-Шульц была умело использована и для того, чтобы заманить в СССР Сиднея Рейли. По инициативе Дзержинского была создана Монархическая организация Центральной России (МОЦР) якобы располагающая разветвленной сетью сотрудников в РККА и Кремле. Она и проводила подобные операции. Есть мнение, что Захарченко оказалась влюблённой в красного шпиона из «Треста» - Стауница, и потому так верила в «Трест». Возможно, что и Стауниц был ей предан и уговаривал её спасаться из сетей «Треста». Весной 1927 г. он, вероятно, спас Марию, предупредив её. После Кутепова Боевую организацию возглавил генерал Драгомиров и её деятельность постепенно сошла на нет.

[156] Кутепов «…преувеличил свои силы, взялся за дело, к которому не подготовлен, и (я) указал, что нравственный долг его, после обнаружившегося краха его трёхлетней работы, от этого дела отойти. Однако едва ли он это сделает. Ведь это было бы открытое признание своей несостоятельности. Для того, чтобы на это решиться, надо быть человеком исключительной честности и гражданского

он твёрдо решается продолжать борьбу. РОВС делает ставку на усиление подрывной работы на территории СССР и проведение террористических атак против органов ГПУ. А пока, несмотря на призывы скрытых агентов ОГПУ, стоявших в руководстве «Треста», отказаться от проведения терактов и «накапливать силы», Захарченко стремилась изменить политику РОВСа и лично Кутепова, которого она хорошо знала, и склонить его к проведению диверсионных и террористических действий против красного руководства. Наиболее успешным терактом стало забрасывание гранатами здания «Агитпропагандного Отдела Ленинградской Коммуны» тройкой первопоходника, ветерана Второго кубанского похода и битвы за Каховку Ларионова[157]. Через неделю тройка Захарченко-Шульц совершила неудачную попытку взрыва мелинитовой бомбой общежития ОГПУ на Малой Лубянке. Долгожданный «тираноубийственный взрыв, который

мужества» - писал П.Н. Врангель генералу Барбовичу.

[157] В середине 1930-х Ларионов создал и возглавил военизированную молодёжную организацию «Белая идея», воспитывающая белых бойцов нового поколения: «появление в будущей борьбе воина-политического инструктора, несущего не только меч и огонь, но и творческую одухотворенную идею. Суровость, закалённость, дисциплинированность солдата, соединенная с энтузиазмом, монашеским экстазом революционера…» Ларионову удалось разрушить планы Скоблина по отправке в СССР на верную гибель белых бойцов. В 1937 г. «Белая идея» присоединилась к дальневосточной Русской фашистской партии. Позже Ларионов возглавил вновь созданную Национальную организацию русской молодёжи в Германии и в 1941 г. служил корреспондентом её газеты в оккупированном Смоленске. После войны проживал в Мюнхене. Печатался по вопросам истории Белого движения.

услышала бы вся подъярёмная Россия» не прогремел: бомба была обнаружена. На границах части ОГПУ усилили контроль, проводили облавы по лесам. У самой белорусской границы Мария Захарченко и Юрий Петерс, по ряду сведений, погибли в перестрелке. Но более убедительно звучат утверждения о том, что оба они покончили жизнь самоубийством, не пожелав сдаться. Последнее более соответствует непримиримому нраву этой удивительной женщины, прослужившей Германскую в кавалерии, в разведках, атаках, в повседневных тяготах, с двумя Георгиями на груди».

- Я глубоко уверена, что нам необходимо создать Союз национальных террористов, который бы вплотную занялся террором в Триэсерии! – убеждённо продолжила Мария.

- Это решать не мне, сами понимаете. На то есть у нас Кутепов и Врангель… - промямлил я в ответ, сильно смущаясь.

- Не забывайте, что всем нам недавно сказал Александр Павлович, - бросила она мне на прощание. – Наше дело там, в России. Оно требует жертв. Без жертв лучших русских людей Россия не восстановится, и они необходимы, они будут всегда! Многие погибли, погибнут ещё, погибнем все мы, начавшие, но зерно брошено, и плоды будут там, на Русской земле!

Не знаю почему, но мне стало по-мальчишески стыдно своего тёплого места, того, что не я был там, на болотах, с ней и Радкевичем, а павший гардемарин Буркановский. От-

чего-то подумалось мне, что Мария не знает, что и я прошёл германский фронт, сражался в числе дроздовцев до последнего в Крыму. От переживаний разболелась голова. Не особые ли чувства к этой женщине были в том виноваты? А ещё я остро почувствовал обречённость во взгляде Марии. Мне подумалось, что она раскусила, побывав там, непробиваемую апатию советского обывателя, взращённую годами давления и чувства страха. Я понял, что она ищет смерти». Далее следовала очередная поздняя приписка на полях: «С другой стороны, позже я узнал, что Захарченко-Шульц и её напарник Опперпут[158] со временем готовы были пойти на массовый террор с применением газов, бактериологического оружия, будто бы чума, оспа, холера, или тиф, которыми предполагалось заражать общежития войск ГПУ не затронули бы не повинных в большевизме обывателей. Осмысливая их крайности, я пришёл к выводу, что терроризм нигде и никогда не может быть оправдан. Исключением мог бы оказаться теракт, направленный прямо против упырей, засевших в Кремле.

«Все это произошло в то утро, но после полудня продолжилось в ещё худшей форме. Неожиданно вошёл юнкер, мой

[158] Есть мнение, что Опперпут вёл двойную игру, разыгрывая влюблённость в Марию. Возможно, именно он намеренно заложил мелинитовые шашки для взрыва неправильно. К тому же, он привёл Захарченко к дому рядовых работников ГПУ, а не начальства, за что был разоблачён и убит Захарченко. По другим данным он погиб в перестрелке с чекистами.

секретарь, и сказал:

- Ваше Высокородие, к Вам Евгения Богданова-Бельская и… ещё кто-то…

- Не знаком… Но пусть войдут, - ответил я с некоторым раздражением: бумажной работы было много, как никогда.

В дверях возникла дама поразительной красоты и я, грешным делом, чертыхнулся про себя: «Что такой холёной особе может быть нужно в военной организации? Не хочу терять своё время на пустые беседы». Вслед за красавицей вошёл высокий и стройный человек средних лет с незапоминающимся лицом, который произнёс:

- Простите за неожиданный визит. Но Ваш знакомый дал нам Ваш адрес и обещал, что Вы заинтересуетесь нашим предложением.

- Интересно…, а что это за знакомый? – удивился я.

- Капитан Кроуфорд – британский подданный, - в порядке вещей ответил незнакомец.

В этот миг я сожалел, что тогда пригласил сюда этого болтуна-англичанина.

- Что же, присаживайтесь и изложите мне Ваше предложение…

- Константин Васильевич Яхонтов, промышленник, а это госпожа Евгения Александровна Богданова-Бельская, - протянул руку посетитель.

Я пожал его вялую руку, назвав своё имя, и сделал условное движение к изящной руке молодой особы, не коснув-

шись её губами.

- Итак, я вас слушаю, - я сел на свой стул, сложив руки.

- Один талантливый русский инженер, мой старый приятель, изобрёл аппарат, позволяющий создавать сильнейшие магнитные поля… - начал Яхонтов.

- Простите, что прерываю Вас, - сказал я, - но на днях на Вашем месте сидел некий субъект, который говорил мне о том же аппарате. Мне показалось, что он меня разыгрывает. Я не склонен верить в технические чудеса, созданные лабораторией, не оборудованной по последнему слову техники, а какими-то частными лицами, вряд ли имеющими возможности для подобных дорогостоящих разработок.

- Очень жаль, господин полковник, если это так… - смутился посетитель.

- Но наш знакомый инженер разработал аппарат вовсе не в своей эмигрантской квартирке на Монмартре, а в Соединённых Штатах, где наблюдается бурное развитие техники и жизнь всего населения становится комфортнее с каждым днём. Европа же, наоборот, пока обеднела в своём хаосе послевоенной разрухи. Не говоря уже о России, погружённой в пещерное состояние. Вам не жаль своего Отечества, полковник Охотин? – спросила неподражаемым, чарующим своей густотой контральто, Евгения Александровна - столь же очаровательным двадцатидвухлетним голосом, как и её блистательная наружность.

- Если мне чего-либо жаль в этом мире, так это своё Оте-

чество, сударыня, - сурово произнёс я.

- В таком случае, Вы могли бы проявить интерес к нашим словам для доказательства слов Ваших, - Богданова-Бельская откинула пышную копну ухоженных тёмных волос, томно повела огромными очами и поднесла к алым пышным губкам длинную тонкую сигару. Бледность лица её заметно контрастировала с яркостью губ. – Вы позволите надымить в Вашем кабинете, полковник?

- В виде исключения Вам позволю, - решил немного подыграть и я, выдавив жалкое подобие улыбки. Боюсь, что она получилась вымученной и неуместной, выдавая моё смущение пред неотразимостью моей посетительницы.

- Вы, господин полковник, сделали первый шаг нам навстречу и потому, чтобы не утомлять Вас технической частью дела, я позволю себе сказать пару слов о политической стороне его, - предложила эта эксцентричная особа, блеснув задорными папоротниковыми глазами, постепенно перехватывая инициативу беседы из рук своего спутника.

- Прошу Вас, - сказал я.

- Как в Вашей организации относятся к евразийству? – неожиданно спросила она, нервно барабаня по столу тонкими руками поразительной красоты - пальцами пианистки.

Она поступила мудро, не обкорнав свои роскошные кудри в угоду моде, хотя и вырядилась в обтягивающую юбку до колен. Подчёркивать стройность своих ног обладательнице таких изящных рук было, право же, излишне. Впрочем,

эта пара ног была горда собой вне зависимости от их обладательницы. Невольно напрашивалось сравнение с плеядой красавиц Европы смены столетий. Мне подумалось, что она затмила и саму Скобелеву-Богарне, и Татьяну Рябушинскую, и Саломею Андроникову, и Лину Кавальери, и леди Райпон. Не говоря о, навязшей в зубах, королеве красоты 1920 года[159].

- По моим догадкам, большинство активных евразийцев в нашей эмиграции связаны с большевиками. Судите сами, как мы можем к нему относиться, - ответил я.

- Вам не приходила мысль о том, господин полковник, что наш недавний враг, Япония, могла бы оказаться неожиданным спасителем России, - нервно разминая длинную дорогую папиросу точёными пальцами, спросила Богданова-Бельская.

- Где же была Япония в самый тяжёлый для Колчака момент? Чем хуже становилось колчаковцам, тем меньше старались ему помочь японцы.

- В то смутное время японцы ещё не осознали важность момента. Но в принципе, только они остаются подлинными монархистами в этом мире. Синтоизм – единственная в своём роде религия военных, которая ставит патриотизм и преданность императору выше прочих гражданских добродетелей. Кодекс самурая не был истреблен с началом европеизации Японии второй половины прошлого века, - она попра-

[159] Первая «королева красоты» Аньес Суре была избрана в Париже в 1920 г.

вила холёными руками распустившиеся локоны. – Поэтому мы всецело сочувствуем нефти[160] и готовы вести энергичную пропаганду в галлиполийских организациях Франции, Бельгии, Болгарии. Пора начать отправлять наших лучших людей в Страну восходящего солнца. Париж уже не стоит мессы, позвольте мне так перефразировать слова Генриха Четвёртого.

- Простите, но не вижу в этом логики…

- Логика русского патриота-евразийца в том, что почва выше крови. Ведь такое утверждал ещё граф Витте, как известно – человек умный. Секретная организация балтийских аристократов «Балтикум», до последнего часа остававшихся преданными Царской семье, также ставила общую почву выше голоса крови. А барон фон Унгерн-Штернберг, поднявший всех монголов? «Нет! Не белым генералам, не эсеровским вождям и не красным каннибалам нас вернуть к счастливым дням», - задумчиво прочитала она стих Бехтеева. – Самураи ещё существуют и в них надежда на воскресение рыцарского духа в ослабленных душах европейцев.

- Насколько мне известно, те же монголы Унгерна и предали, поскольку в них возобладал голос крови, - усмехнулся я недоверчиво.

- Ваш скептицизм погубит надежды России! – воскликнула Евгения почти что с надрывом, заломив кисти рук. – Если кто и делает решающие шаги к освобождению России,

---

[160] Так завуалированно называли евразийство.

так это герцог Георгий Николаевич Лейхтенбергский [161], а не РОВС! Он, с генералом Красновым, основал Братство Русской Правды! Что толку от сонмов мелких русских организаций[162]?

Мне показалось в тот миг, что я почувствовал умело скрытую фальшь в её поведении, тогда как в душе Марии Владиславовны наблюдалось и полное отсутствие какой-либо фальши.

- Мне приятно слышать, что Вы – сторонница самодержа-

---

[161] Герцог Лейхтенбергский, он же - князь Романовский (1872-1929) – правнук Николая I и пасынка Наполеона I, Евгения Богарне, младший сын Николая Максимилиановича Лейхтенбергского и графини Надежды Богарне, урождённой Анненковой. Женат на Ольге Репниной-Волконской. Полковник лейб-гвардии конного полка. В Германской войне - штаб-офицер Юго-Западного фронта. В эмиграции - в Италии и Германии. Жил в замке Зеенон в Верхней Баварии. С 1920 г. – центр антибольшевистской и монархической деятельности. Организатор Союза объединённых монархистов.

[162] Их было, в самом деле, много: в Софии - Управление Всероссийского союза городов, Союз русских воинов, Союз инвалидов, Русская военная миссия, в Варне - Союз офицеров, Союз увечных воинов, Союз взаимопомощи служащих в армии. В Плевне - отделение Союза инвалидов, в Новой Загоре - представительство Общества Красного Креста; в Белграде - Управление российского военного агента и Управление российского морского агента; в Берлине - Русский союз увечных воинов, Союз бывших русских военнопленных и интернированных, Союз взаимопомощи украинских офицеров в Германии, Союз русских летчиков в Германии, Союз взаимопомощи офицеров бывшей Российской армии и флота; в Париже - Союз офицеров-участников войны, Общество помощи бывших русских воинов во Франции, Союз офицеров-инвалидов; в Польше - Русский Варшавский военно-исторический кружок, Польско-Русское общество, в Швеции - русская военная миссия, в Англии - Союз русских воинов; в Нью-Йорке - Союз русских офицеров армии и флота и Союз русских моряков.

вия, но я не слышу от Вас конструктивного предложения, - сказал я.

- Мне доводилось видеть своими глазами двух монархов очень схожих лицами – русского и английского. Оба произвели на меня чарующее впечатление.

- Как и Вы, очевидно, на них… - выдавил я неуклюжий комплемент.

- Речь не о том. Я сравнила их с выборными правителями, которых мне довелось повидать – Ллойдом-Джорджем с его мелкобуржуазными замашками лавочника и старика Пуанкаре – ожиревшего карлика с гаденькой улыбкой Урии Гипа. Сравнения и быть не может.

- У Вас, право же, чисто женское восприятие политики…

- Поверьте, что я к Вам надобности ни малейшей не имею и потому хотела лишь заинтересовать Вашу организацию, увлечь пламенных её офицеров задумкой отправиться на японские острова и начать там подбирать войско, подобно Унгерну, делающему ставку не на монголов, а на самураев. Кстати, барон не погиб. Он сейчас в Тибете и собирает новое войско. Увы, тибетцы, со своим ламаизмом, более монахи, чем воины…

- Ваша осведомлённость порою поражает, - сыронизировал я.

- Что же, Вы можете смеяться, но придёт время и Вы пожалеете об этом, если Вы любите былую Россию. На этом мы вынуждены распрощаться с Вами.

«Времена роковых женщин-вершительниц мужских судеб, казалось бы, уже прошли. Затянулись немного от фэнде-сиекл до самой Германской. Но после войны всё стало иным. И женщины тоже – остались одни лишь прагматики среди них. Не романтичны они более», - подумал я. Но образ Евгении оказался въедливее, чем я надеялся. В ту ночь меня одолевали во сне толпы мясистых, несовременных, женщин рубенсовского размаха. То появлялась пышнотелая безволосая медведица с нежной кожей почти, как у Евгении Бельской. Искушения святого Антония продолжились и в ночи, хотя образы привидевшихся жён, вовсе не совпадали со стройной Евгенией. Проснувшись, был зол сам на себя. Ведь я этой Бельской в отцы гожусь! Просто выдержки не хватает!

Приятным исключением стали уцелевшие и вернувшиеся Семилетов и Бешметов. Редко кому везло и удавалось уцелеть, побывав ТАМ. Но отец и сын Протасовы и Хорошилов сгинули в застенках ГПУ, в чём я ощущаю и свою вину. «Вернулась группа Семилетова – и слава Богу, - думал я. – А то, что они не добились ничего по существу – не суть. Завели несколько знакомств с недовольными режимом, не более. Погибни юный Селька Бешметов там – не простил бы себе. Пал и славный капитан Балмасов. Опытных людей в запасе у нас не оставалось. Приносит ли гибель лучших из нас пользу делу освобождения России? Не лучше ли направить усилия

РОВС на сохранение юнкерских и кадетских училищ? Наконец, на поддержку каждого беженца из России? Иной раз можно брать пример и с совсем неожиданной стороны. Как то – с богатой американки Дороти Педжет, купившей дворец под Парижем и превратившей его в дом для престарелых беженцев…» Заглянули ко мне на другой день капитан Семилетов и казак Бешметов. Они доложили о своих успехах в налаживании контактов с военными, недовольными существующим положением вещей. Действительно удачных связей с полезными нам людьми в Красной армии установить им не удалось. Называли они всё больше нижних чинов, которые не могли повлиять на успех нашего дела. Да и как добраться до чинов высоких? Всё у большевиков схвачено и находится под строжайшим контролем. Вдруг, когда они уже готовы были уйти, Бешметов проговорился о малозначимом контакте с некоей Татьяной – совсем молодой девушкой, которая горит желанием помогать нам, но никаких перспектив от связи с таким человеком они, мол, не видят. Оба они даже упоминать о ней не хотели, да и что взять с девушки-отроковицы?

- Она жила в доме одного священника, к которому нам посоветовали обратиться для ночлега в укромном месте под Москвой, - стал вспоминать Иван Семилетов. – Сидели мы за чаем с добрым батюшкой, как вдруг появилась эта девушка – красавица писаная и выглядит чуть старше своих лет. Во взгляде её затаённая скорбь. Сказала сокровенным голосом

таким, мол, мать её – казачка, отец – офицер Добровольческой армии. Мать и брата, на её глазах, убили красные и она жаждет мщения. Страшно, Глеб Гордеич, такое слышать в устах тринадцатилетней! Истинную фамилию свою, похоже, называть не хочет, использует фиктивную, но отчество её – Петровна. Почему-то мы тогда о Вашем брате Дмитрии подумали, о его отрывистых рассказах про брата Петра… Глаза у девочки чем-то Ваши, охотинские, напоминают: серые и строгие какие-то… особые…

- Очень может быть, Иван Иванович, - задумался я, - женою брата Петра была донская казачка. Таней его дочь звали. И должно быть ей лет двенадцать -тринадцать…

- Отец сумел найти её, как батюшка потом поведал нам. От голода её спас и повёз на север, на Белозерщину, где в монастыре каком-то тётя её была. Сам отец её постриг в Кирилло-Белозерском принял, но дочь отказалась идти в послушницы и бежала на юг, сгорая от жажды мщения. Калечит души юные война проклятая, - продолжал капитан.

- В Горицком Воскресенском тётя её? – воскликнул я взволнованно. – Если так, то она уж точно дочь брата моего! Там инокиней сестра моя Варвара уж давно…

- Название обители из головы вылетело как-то, не взыщите, - ответил Семилетов.

- Жуткая весть, но и благая. Убиты богохульниками жена брата и сын, но жив остался брат и дочь его. Вы воистину мои добрые ангелы, - только и мог промолвить я».

Потом они рассказали мне свой последний и забавный опыт с поиском заработка. Оба явились к французу-работодателю по объявлению о том, что требуются оклейщики обоев. Француз недоверчиво присматривался к ним, но Бешметов бойко заявил, что они имели немалый опыт в России. При этом он едва получил пару уроков французского от одной доброжелательницы. Им поверили и вручили стол, рулоны с обоями и клей. Семилетов был уверен, что стол дан им для того, чтобы на нём обедать и стали мазать обои клеем на полу. Вошедший представитель фирмы был несколько удивлён тем, что стол стоит в стороне без дела. Но они уверенно заявили, что так клеят в России и француз удалился. После этого оба благоразумно решили купить вина итальянским обойщикам, которые клеили по соседству, чтобы те немного научили их».

Incarvillea Younghusbandii[163], или в пароксизме Большой Игры

Я утверждаю, что мы - лучшая нация в мире, и чем большую часть мира мы заселим, тем лучше будет для человечества… Мы, люди практичные, должны завершить то, что пытались сделать Александр, Камбиз и Наполеон. Иными словами, надо объединить весь мир под одним господством. Не

[163] Широко распространённый в предгорьях Сиккима вид лилии, названной в честь полковника Янгхасбенда.

удалось это македонцам, персам, французам. Сделаем мы – британцы.

С. Родс – южно-африканский алмазный и золотой магнат, проводник британской имперской политики

«На другой день вновь не обошлось без посетителей. Конногвардейский капитан Смураго и капитан королевских драгун Кроуфорд-Эшбрук почему-то пришли вместе. При явной антипатии Георгия Смураго к британцам это казалось несколько странным. Оба они были в штатском и имели вид заговорщиков.

- Рад вас видеть, господа, - приветствовал я их, от чего-то, по-английски, хотя знал, что Кроуфорд владеет русским лучше, чем я языком Шекспира. – Присаживайтесь.

- Собственно говоря, Глеб Гордеевич, мы здесь каждый по своему делу, а пришли вместе совершенно случайно, встретившись по пути, - перешёл на русский Смураго, поправляя ветхий, давно облюбованный молью, пуловер.

- Я вас слушаю. Кто начнёт первым – решать вам самим.

- Полагаю, что мне остаётся сказать лишь пару слов, а господину Кроуфорду есть, что рассказать, - продолжил Смураго. – Поэтому разрешите начать мне.

- Не возражаю, - улыбнулся англичанин.

- На фронте я был знаком с госпожой Захарченко. Недавно я её встретил на улице Гобелен чисто случайно, - начал Смураго. - Мы разговорились, ведь такое не часто случает-

ся – встретить фронтовых знакомых, зашли в кафе «Глобус». За кофе я узнал, что Мария Владиславовна сотрудничает с Кутеповской организацией. Она не собиралась говорить больше дозволенного, не беспокойтесь. Несмотря на то, что мне она полностью доверяет. Но я говорю всё это к тому, что мне очень хотелось бы быть заброшенным в Россию вместе с ней, если только организация посылает туда женщин.

В его словах прозвучало даже нечто задушевное, что никак не вязалось с образом Смураго.

- Мы очень хотели бы использовать Вас, Георгий Александрович. Ваше мужество достаточно известно и Мария Владиславовна может дать лишнее подтверждение тому. Но есть одна деталь, из-за которой я бы не стал Вас отправлять в Совдепию. Извините за откровенность, но виной тому Ваш облик типичного царского офицера. Такой как Вы и без задания, со всеми подлинными советскими документами долго по улицам не проходит – арестуют за один бравый гусарский вид. Но мы же часть РОВСа, армии. Нам необходимы офицеры для будущих дел. Так, присоединяйтесь к РОВС!

- Признаться, Вы меня полностью обескуражили, - Смураго вздохнул. – Мне надо подумать. Хотелось бы действовать, а не ждать неизвестности. К сожалению, я не совсем уверен в том, что нам удастся восстановить мощь Белой армии настолько, чтобы можно было пойти в крестовый поход на узурпаторов. На помощь бывших союзников рассчитывать, как видно, не приходится…

- Именно поэтому, я ощущаю некую вину своего правительства перед Россией, - печально проговорил Кроуфорд.

- Думаю, что нас обоих радует слышать это из уст британского офицера, - заметил я доброжелательным тоном.

- Есть во мне и кровь шотландцев, которые примешались в род наш полстолетия назад по линии моей матери. Возможно, этим определяется моя критичность в отношении сомнительной политики Лондона. Шотландцев же, с их национальной гордостью, отвагой и суровостью горцев, не могу не уважать, пусть даже они и лишены воображения, - продолжил Камерон. – Бывают, правда, исключения: шотландец тот был потомком захудалого дворянского рода, давшего свою ветвь в Америку, где вскоре родился довольно известный прерафаэлит Джеймс Эббот Мак-Нилл Уистлер. Мои аристократичные родственники по отцу, те самые Эшбруки, и знать не хотят какого-то янки, пусть даже он - небезызвестный художник. Древом не вышел. Отец однажды отозвался о художнике, как о каком-то лондонском кокни - простолюдине… Но один из прямых предков отца составил состояние и улучшил свой дворянский статус после откровенных ограблений индуистских храмов, которые он с упоением описал в своих дневниках. Тем не менее, это – представители известного рода, которыми подобает гордится, в отличие от худородного живописца с репутацией вольнодумца, высокомерного и эгоистичного эксцентрика, невежи в вопросах политики. К

тому же, ставшего американцем. Уистлер учился в России[164] в Императорской академии художеств, долгие годы вёл богемную жизнь в Париже, но большую часть жизни провёл в Англии. Известный острослов, мой родственник-художник тягался в остроумии с Оскаром Уальдом. Однажды молодой Уайльд на обеде у Уистлера, услышав какое-то блестящее замечание хозяина, громко сказал: «Хотел бы я это сказать», на что Уистлер ответил: «Вы скажете, Оскар, Вы скажете!» И в самом деле: Уайльд не раз повторял множество острот, произнесённых моим дальним родственником. Позже Уистлер выступил против Уайльда с его эстетическим движением. А когда Уайльда публично обвинили в однополой любви, Уистлер открыто насмехался над ним, - Кроуфорд резко замолчал и мне пришлось поддержать беседу:

- Вы бывали в Тибете. Мне и, наверное, Георгию Александровичу, хотелось бы услышать о Френсисе Янгхасбенде из первых уст.

- Да… конечно, - вертя задиристо торчащий ус, вставил Смураго.

- Помня своё обещание поделиться с Вами своими переживаниями в Тибете, я и сижу здесь, - ответил Камерон. - Моё разочарование в нашей политике началось давно. Именно тогда, в 1904 году, оно зародилось. Да, я по-прежнему –

[164] Отец Уистлера был главным железнодорожным инженером САСШ. Николай I, узнав об его изобретательности в проектировании железных дорог, предложил ему должность инженера в ходе строительства дороги из Петербурга в Москву. В 1842 г. семья его прибыла в Россию.

патриот и британский империалист, но, увы, со многими оговорками. Коварство наших политиков и алчность генералов-ястребов погубили величие беспредельной Империи. Скоро она, непременно, рухнет.

- По-моему, политики Вашей империи слишком увёртливы, чтобы допустить полный развал, - предположил я. - Кстати, странная фамилия «Янгхасбенд», не находите?

- Дело в том, что их фамилия происходит от имени «Осбэн» - вариант «Освальда». Когда-то Осбэн-сын именовался Молодым, Младшим – янг-Осбэн. Их род был весьма почтенным в Нортумберленде. В пятнадцатом веке известен был шериф Ньюкасла с таким именем, - объяснил Камерон.

- События 1904 года в Тибете – предвестники крушения, как мне тогда показалось. Вы, наверное, знаете многое о военной экспедиции Янгхасбенда, но я лишь обрисую то, что видел глазами юного субальтерна, не более. Многое я и не мог предположить, ведь начальство со мной, почти что солдатом, не делилось своим пониманием ситуации. Само слово Тибет пришло в европейские языки от арабского – Туббат. Раньше китайцы называли эти земли «Ту-бат», что вероятно, означает: «ту» – высокий, а «Бат», или «Бод» некогда звали сами тибетцы свою страну. Не исключено, что это слово произошло от их старой шаманистской религии бон, поскольку буддизм начал утверждаться в Тибете лишь с седьмого ве-

ка[165]. Зовут тибетцы свой край иногда и «Ганджонг» - «страна снегов». Население там разрежено, как и воздух – до трёх человек на одну квадратную милю. Обитают пастухи в хижинах из ячьей шерсти. Стада свои охраняют гигантскими мастиффами высотой якобы с осла. Честно говоря, пса размером с осла я ни разу там не приметил, но лишь очень массивных собак с обликом медведя и гривой льва. Слышал, что на обширном далёком северном плато Чанг Танг не живёт никто. Условия там невыносимые даже для стойких тибетцев. Говорят, что тибетцы испытывают боль значительно позже, чем прочие народы, при одинаковой силе воздействия болевого фактора. Бедность среднего тибетца велика, а нравы этой страны оставляют желать лучшего. За мелкое воровство из храма, или из жилища высших чиновников, людей ослепляют. Сурово обходятся они, на европейский взгляд, и со своими покойниками, которые должны быть разрезаны на куски и отданы на съедение птицам. Но недовольство своей судьбой, характерная для христианских стран, неизвестна в Тибете. А смерть – воспринимается естественно и обыденно, чтобы не жить в постоянном страхе. Признанным тибетскими медиками снадобьем, веками являются дорогостоящие таблетки из экскрементов далай и панчен лам.

- Что ж, губа – не дура, - ненавязчиво заметил Смураго. – Надо бы и Римскому Папе так подзаработать.

- Один из шести юношей-тибетцев отдаётся в монастырь

[165] Самоназвание тибетцев – бодпа, или пёба.

на всю жизнь, прочие становятся послушниками лишь на короткий строк. Таким образом, имеется некий избыток невостребованных невест, усиленный, к тому же, древней традицией полиандрии, когда женщина имеет несколько мужей. Чаще это - два брата, которых она выбирает среди своих соседей и верховодит в семье. Мужчины объединяют свои усилия, чтобы прокормить такую жену. У англичан говорят, что сварливая жена подобна крыше, с которой постоянно стекает вода… Зато, система эта исключает проституцию. Домов терпимости в Тибете не замечал. Но, ближе к делу. Слухи о том, что скоро готовится русское вторжение в Тибет, а оттуда и в Британскую Индию, множились уже лет сорок до нашей военной экспедиции. Правительство нагнетало параноию неизбежного нападения русских, дошедших уже до Памира. Это несколько напоминало старые упорные, но не подтвердившиеся слухи о том, что запретный Тибет полон золота. Всё началось с самого Геродота, описавшего к северу от Индии, неких огромных муравьёв, которые, вместе с песком, извлекают из своих нор массу золота. В середине прошлого века в Европе пророчили Тибет очередным Эльдорадо, наивно ссылаясь на множество позолоченных ступ и крыш. После того, как в начале века стало известно об агенте Доржиеве в Лхасе, который был приближен к Далай ламе, страх того, что русские готовы послать войска в Тибет стал непомерно велик. Утверждалось, что русские уже поставляют тибетцам оружие и скоро начнут строить железную дорогу в Лхасу.

- Между прочим, мне достоверно известно, - вставил я, - что бурятский ламаист Агван Доржиев совершает в конце прошлого века паломничество в Тибет и остаётся послушником в одном из монастырей. Способного молодого человека замечает и приближает Тубтен Гьяцо - Далай-лама XIII. Агван становится одним из самых видных советников правителя Тибета. Брабунская мистическая академия присвоила тридцати трёхлетнему Агвану титул Цанид-Хамбо-лама. С этого момента его обязанностью становились упражнения по богословию с Далай-ламой. В российском Генеральном штабе тогда вынашивается проект присоединения к России «монголо-тибетско-китайского Востока». Александр III одобрил этот проект и субсидировал его. В Лхасу отправляют, под видом паломников, нескольких агентов-бурятов, в числе которых был известный Цыбиков. Они встречают там своего земляка. Им удаётся убедить Доржиева, а тому - Далай-ламу, в необходимости искать дружбы и покровительства России, державы, которая сможет защитить тибетцев от англичан. Агван умудряется создать партию пророссийски настроенных тибетских аристократов при дворе Далай-ламы. В 1898 году Доржиев даже появляется в Петербурге в качестве неофициального представителя Далай-ламы. Его принимает сам Император. Доржиев заводит полезные знакомства, в том числе с художником Николаем Рерихом, который всячески поддерживает Агвана. Вскоре монах возвращается в Лхасу с многочисленными дарами от русского Импера-

торского двора. Он убеждает Далай-ламу в необходимости сделать ставку на Россию. Давний союзник Тибета, Китай, более не представляет политической силы. Агван же видел свою задачу не только в военной протекции русских, но и в распространении тибетской религиозной мысли в русской среде. Доржиев ездил ещё два раза в Петербург с делегацией монахов, передал Государю подлинные одежды Будды и священную мандалу. Агван заявил, что буддисты России и Азии почитают Царя как Чакравартина, то есть Царя Мира, да и сам Николай Второй уже планировал создание Великой буддийской конфедерации от Бурятии до дружественного Сиама[166]. Но никогда Россия не готовила вооружённого вторже-

[166] В конце 1901 г. Доржиев привёз в Тибет предварительный текст договора между двумя сторонами. Британцы пытаются давить на Далай-ламу со своей стороны и требуют прекращения переговоров с Россией. Впрочем, бурные события в Маньчжурии временно затмевают для Петербурга важность Лхасы. В Тибет начинают скрытно поставлять русское оружие через секретного агента бурят-монгола Церемпила, для начала - лишь стрелковое и очень немного. Угроза британского вторжения становится совсем очевидной, и Далай-лама направляет Доржиева в Россию уже с официальной миссией, в качестве своего чрезвычайного посланника для переговоров о вводе войск в Тибет с целью остановить англичан. К концу 1903 г. происходит британское вторжение, но Россия, погрязшая в войне с Японией, усиленную английской техникой, не рискует и не может активно вмешаться. Россия посылает в Тибет под видом паломника тайного эмисара Рабданова, призванного наблюдать за ходом вторжения англичан и возможного натиска китайцев. В 1904 г. Царь направляет в Тибет тайную экспедицию из военных разведчиков - донского подъесаула Нарана Уланова и вероучителя из калмыков-буддистов Дамбо Ульянова. С 1900 по 1902 г.г. по Тибету путешествовал японский дзенский монах Экаи Кавагучи, собиравший санскритские и ламаитские тексты. На обратном пути, проезжая через Британскую Индию, он сообщил

ния в Тибет и не планировала массовой поставки оружия тибетцам!

- Лорд Керзон неспроста выбрал Янгхасбенда – прекрасно подготовленного физически[167], знатока топографии, славного первопроходца азиатских пустых земель, который уже в 1889 году, в свои двадцать семь лет, стал на хорошем счету в войсках. Будущий вице-король Индии некоторое время дружил с сэром Френсисом. Янгхасбенд проделал более тысячи миль вдоль северной границы Китая, пытался проникнуть в Лхасу под видом турецкого купца, разведал перевал с севера на каракорумский ледник Балторо – самый труднопроходимый горный участок[168]. Только через три года лучший в Англии альпинист, Мартин Конвэй, основываясь на андийском высотном опыте Уимпера, начал собирать экспедицию на Каракорум. Был сэр Френсис и на Памире, где его чуть не пленили русские, - продолжил Кроуфорд. – Его авторитет в Королевском Географическом обществе так возрос, что позже он был приглашён в гости к знаменитому Стэнли. Одним

индийскому разведчику Сарат Чандра Дасу, работавшему на англичан, ложные сведения об угрожающем российском военном присутствии в Тибете (материалы Берзина).

[167] Согласно Дж. Сэверу, лейтенант Янгхасбенд в 22 года пробегал 300 ярдов за 33 секунды, что есть – делал рекорд на уровне мировых.

[168] В 1887 г. экспедиция Янгхасбенда прошла перевал Музтаг в 19 тыс футов от реки Шаксгам к знаменитому леднику Балторо, стекающему от массива Чогори (К-2) в Пакистане. Перевал не очень технически сложный, поскольку они прошли его с мулами и пони, но достаточно опасный.

словом, никому бы не пришло в голову одарить Янгхасбенда белым пером. А во времена последней войны он был уж слишком давно оперившимся и не был бы взят на фронт по возрасту[169].

- Насколько мне известно, - заметил я, - русские его не пытались брать в плен, из которого он якобы ускользнул. Русские офицеры лишь пригласили его к себе в лагерь, хорошо накормили и взяли слово офицера больше на Памире не появляться. А Королевское Географическое – известное обиталище политических ястребов.

- Наверное, так оно и было. Не знаю. В Обществе сэр Френсис делал, в самом деле, доклады о том, что Англии необходимо неумолимо двигаться вперёд в Азии, иначе русские опередят её, - уклончиво отозвался Кроуфорд. – Керзон решается отправить майора Янгхасбенда с военной экспедицией с целью надавить на властителей Тибета. Вице-король был сторонником военного вторжения в Тибет перед лицом угрозы российского влияния в Тибете в то время, как лорд Артур Джеймс Балфур, сидя в Лондоне, настаивал на задержке экспедиции. Официально целью миссии объявле-

[169] С рыцарских времён в Англии существовала традиция вручать мужчине, избегающего военного похода, белые перья, как символ трусости. Возможно, это происходит от петушиных боев: считалось, что белые перья в хвосте петуха указывают на его плохие бойцовские качества. Во время Первой Мировой британский адмирал Фицжеральд выступил с инициативой награждать «Орденом Белого Пера» любого мужчину призывного возраста, который не носит военную форму. Женщины подходили к молодым людям без военной формы и цепляли им белое перо.

но улаживание споров о сиккимо-тибетской границе. Пекин, как номинальный правитель Тибета, и Санкт-Петербург были официально уведомлены относительно британской миссии. Россия протестовала... Перед началом экспедиции, которую точнее назвать военным вторжением, Френсис Янгхасбенд был произведён в полковники. Долго стояла наша экспедиция на границе Тибета, поскольку переговоры с упрямыми ламами ни к чему не приводили: нам не давали добро на визит в Лхасу. Я должен был торчать в лагере на перевале, а сэр Френсис не раз возвращался в Дарджилинг, проводя время в отеле Роквилл. С декабря 1903 года было дано добро на вторжение в Тибет и по тропам, среди пиявочных лесов Сиккима. И потянулись в холодные пустыни Тибета более тысячи гуркхов, сикхов и солдат-англичан с двумя пулемётами Максима, четырьмя орудиями под началом бригадного генерала Макдональда, сопровождающие миссию Янгхасбенда, полковника, который был в этой ситуации значимее, чем генерал Макдональд[170]. Впервые были взяты с собой, в ходе кампании, корреспонденты газет. За ними шествовали порядка десяти тысяч носильщиков-кули, несущих пресловутые шестьдесят семь рубашек Янгхасбенда и прочий скарб[171], семь тысяч мулов, четыре тысячи яков и все-

[170] Янгхасбенд был назначен Commissioner for Tibetan Frontier Matters с двумя ассистентами – Джоном Уайтом и Эрнестом Уилтоном (French P. Younghusband the last great imperial adventurer).

[171] 88 кули умерли от перегрузок и переохлаждения. Они не имели одежды, спасающей от морозов…

го лишь четыре верблюда (но в те годы, по мнению самого Керзона, британский путешественник не мог позволить себе оставаться без смены сорочек и костюмов…) Последней следовала группа, прокладывающая телеграфную связь.

- Помнится, я читал сведения о том, что среди гужевых животных были и зебрулы – помеси мулов с зеброй – некий генетический эксперимент британцев и, что имелось нескольких тысяч верблюдов и волов, - вспомнил я.

- Не уверен. Давно было дело, а данные, в письменном виде, мне, как субальтерну, естественно, не предоставлялись. Но верблюдов было совсем мало – это точно. В Гьятсе англо-индийский отряд был усилен прибывшими частями до двух саперных рот, двух горных батарей и роты конной пехоты, всего - 4600 человек, при двенадцати орудиях. Но полковнику было строго приказано не заходить дальше Гьятсе, что на полпути до Лхасы. Посылалась миссия для переговоров и за год до экспедиции, но тибетцы не позволили ей продвинуться дальше пограничной крепости в Гьятсе. До сих пор тибетцы уклонялись от переговоров с англичанами. Янгхасбенд же, надеялся всё решить в самой Лхасе: сесть за стол переговоров непременно в их столице. Перевал Джелап[172] – ворота в Тибет оказалось не так-то просто пройти с тяжёлой поклажей. Немало вьючных животных падало и разбивалось. Перевал был столь высоким, что тибетцы не считали нужным охранять подступы к нему. В долине под Пхари их встрети-

[172] Высотой 4200 м.

ли тибетский генерал и китайский чиновник, которые потребовали немедленного возвращения английского отряда назад через перевал. В стороне стояли высокопоставленные ламы из Лхасы, бросавшие на нас гневные взгляды. Полковник позже всегда был уверен в том, что именно они подстрекали народ к сопротивлению нашему отряду, они возбуждали ненависть к нам. Дело усложнялось, но Рождество мы, офицеры, отмечали с индейкой и сливовым пудингом, доставленными специальным курьером из Дарджилинга. Правда, шампанское, взятое с самого начала с собой, замёрзло и, после оттаивания, стало малопригодным. Затем мы пошли до городка Туна, лежащего ещё почти на тысячу футов выше. Но для этого нам предстояло пройти перевал Танг Ла, который лишь на триста футов ниже Монблана. На перевале стоял лютый мороз, и ружейная смазка замерзала. Приходилось разбирать винтовки и прятать их детали в спальные мешки, отогревая ночью их теплом своего тела. В Туне оказалось ненамного теплее. Поскольку вода, на такой высоте, закипает при более низкой температуре, нам было приказано кипятить воду очень долго до полной дезинфекции. Неожиданных трудностей от холода хватало. Ссоры Янгхасбенда с Макдональдом не прекращались. Полковник требовал двигаться вперёд, а генерал настаивал на возвращении в пригодную для нормальной зимовки долину. Наконец, Макдональд вернулся назад через Танг Ла с основным грузом, а Янгхасбенд остался в долине Туны с Норфолкской пуле-

мётной бригадой, гуркхской и сикхской пехотой. После этого случая, за генералом закрепилось презрительное прозвище Вернувшийся Мак. Но, по сути, в этом проявилось легкомысленная бравада Янгхасбенда, которая ставила его отряд под угрозу нападения превосходящих сил противника. Кроме того, затянули такие сильные ветра, что мы не могли разжечь огонь, не имея четырёх стен, кроме палаток. Из-за этого наши сипаи сидели трое суток голодными, а офицеры довольствовались мороженными консервами с виски. В гуркхском отряде имели место десятки случаев снежной слепоты, а в других – обморожения конечностей. Больше всех страдали кули из знойной Индии. Впервые среди офицеров начались разговоры, что покорение всего Тибета русскими, а тем паче прокладка железной дороги - чистой воды утопия. Они-то были справедливы, в отличие от вымыслов командования. Говорили о том, что высоты перевалов и мороз не позволят им этого сделать, ведь ближайшая отсюда область явного внешнего влияния России лежит в тысячи миль на север. Янгхасбенд же, до сих пор на это заявлял, что казаки смогут то, чего не выдержим мы. Тибетцы, заходившие к нам в лагерь, напоминали о том, что нам пора убираться на юг – в Сикким, мол, тогда они станут вести переговоры с нами. Переводчиком с нашей стороны был молодой офицер О'Коннор. Полковник запросил Калькутту о действиях в сложившейся обстановке. В разгар зимы успех нашей экспедиции грозил провалом. Постепенно Янгхасбенд тоже затос-

ковал без своей семьи, ждущей его в Дарджилинге. В январе 1904 года навстречу вражеским частям тибетцы направили своих посланников из великих монастырей Ганден, Дрепунг и Сера вместе с доб доб - монахами-воинами под руководством Ладинга.

В конце марта вернулся Макдональд со своими войсками. Мы продвинулись все вместе до деревни Гуру, лежащей в десяти милях дальше по долине. Там мы заметили около пятисот тибетских лам и доб доб. Генерал был готов ударить из орудий, но полковник настаивал на бескровном решении вопроса. Янгхасбенд с эскортом в тридцать человек поехал им навстречу. Было оговорено, что, если они не убедят тибетцев отойти с миром, генерал ударит по тибетцам. Приказано было первыми столкновение не начинать[173]. Но через оговорённые пятнадцать минут тибетцы продолжали лежать с оружием в руках за стеной укрепления-сангара. Как выяснилось, тибетцам было внушено, что амулеты защитят их от пуль. Залп британцев превосходил тибетский по убой-

[173] Супостаты требуют сдать оружие, а за отказ начинают нагло вырывать оружие из рук монахов, которые стискивают его, но не стреляют, следуя заветам не причинения зла живому. Один из тибетцев свирепеет и ранит британского офицера тесаком, а лхасский военачальник разряжает ружьё в упор в солдата-сикха, после чего приказ не стрелять, если противник не спровоцирует, английскую сторону уже не сдерживает. Был в рядах британской экспедиции и будущий разведчик в Туркестане Фредерик Маршман Бейли.

ной мощи раз в сто[174]. Первый залп был направлен поверх голов, засевших в укреплении. Тибетцы отвечали прицельной стрельбой и первыми ранили наших солдат. Мы стали стрелять на поражение. Почти семьсот тибетских солдат и монахов осталось лежать убитыми и умирающими. Ни у кого из них не было русского оружия и, более того, оружия современного, кроме фитильных и кремнёвых гладкоствольных ружей… Среди павших был и военачальник из Лхасы. Три ламы-подстрекателя исчезли. Мы стали собирать раненных тибетцев, чтобы оказать им медицинскую помощь. Из ста шестидесяти восьми раненых, в нашем походном госпитале, умерло двадцать. За этой бойней, названной в отчётах «Дело у Горячих Ключей», именуемых туземцами Источниками Хрустального Глаза, потянулись и другие постыдные победы. При Ущелье Красного идола, не доходя пятнадцати миль до Гьятсе, отряд Макдональда перебил две сотни тибетцев, потеряв троих ранеными… Над городом Гьятсе господствовала крепость, или йонг, к стенам которой приходилось бы карабкаться по круче около ста футов. Мы решили йонг сразу не штурмовать, а расположиться в городке на от-

[174] Такое соотношение сил было не впервые в долгой «славной» летописи британских колониальных деяний. Против зулусов, вооружённых ассегаями, дубинами и щитами, в 1879 г. шли регулярные войска с нарезным скорострельным оружием и пушками. Этой первобытной армии, не имеющей огнестрельного оружия вовсе, в отличие от тибетцев, хотя и с их особой дисциплиной, введённой ещё вождём Чакой, поначалу повезло больше, чем тибетской: супостаты были разбиты и повернули вспять.

дых. Позже была проведена атака йонга и, в результате битвы при перевале Каро, погибло более четырёхсот тибетцев… Всех раненых противника мы забирали на лечение. Вскоре ночью восемьсот тибетцев неожиданно напали на наш лагерь и убили сто тридцать наших сипаев. Тибетцы вновь заняли свой йонг над городом. Мы подвергли крепость затяжному обстрелу, после чего лейтенант Джон Грант повёл в атаку легко вооружённых гуркхов. Тибетцы оборонялись отчаянно и потеряли там три сотни людей. Штурм стоил жизни лишь четверым атакующим…

- Итак тибетские солдаты, но чаще – просто монахи, были избиваемы новейшим оружием уже в четвёртый раз. Погибло их до двух тысяч[175], не так ли? – мрачновато спросил я. – При этом с вашей стороны полегло около ста пятидесяти человек, да и те, в основном – колониальные наёмники – гуркхи, сикхи. А ведь тибетцы просто просили вас остановиться, не вторгаться на священную землю их предков…

- Всё так… Постыдная страница британской истории… По местному поверью, если падёт тот самый йонг, дальнейшее сопротивление становится бесполезным. Война была закончена, и дорога к Лхасе для нас открылась. Семь самых тяжёлых месяцев моей жизни были позади. Несколько шокирующее впечатление получили мы от столицы. Грязь её была

[175] Весьма объективный английский историк П. Хопкирк называет до 2700 жертв («Trespassers on the Roof of the World»).

столь же упоительной, как и любого захудалого тибетского городишки: улочки были повсюду пересечены смердящими стоками из отхожих мест, а по боковым стенам грандиозного дворца Поталы красовались буро-жёлтые подтёки из, нависающих над ними, нехитрых клозетов. Я и не говорю об убожестве бедных лачуг. Не собираюсь подчеркнуть своё пренебрежение к этому технически отсталому народу, отнюдь нет. Их философские концепции не уступают европейским. Но понятия о гигиене, в купе с холодным климатом, эти люди лишены полностью. Эпидемии милуют Тибет лишь благодаря холоду. Бедные индусы моют руки и даже тело достаточно часто по меркам их примитивного быта. Тибетцы же не имеют понятия о микробах и не считают нужным мыть руки, защищённые жиром от сухого холода. Средневековье во всей его красе. Город был полон своих нищих и полунищих паломников со всего Тибета и Монголии, а также голодных злых псов. Подлинное средоточие нищих было вдоль священной дороги Линг-кор, проложенной вокруг святого города для паломников. Очень многие были слепыми[176]. Мы,

[176] За преступления часто рубили руки и давили на голову грудой камней поверх мешка с песком пока глаза не лопались. Возможно и пожизненное надевание небольших круглых колод на шею, железных оков на ноги, ссылка на окраины и отдача в рабы. Смертная казнь, производимая утоплением в реке, или сбрасыванием со скалы, в буддийской стране, у людей, которые избегают убивать даже насекомых, кусающих их, вполне объясняется ламами тем, что ради блага многочисленных живых существ нет греха убивать злонамеренных людей. Казнь весьма полезна и для самого злодея, так как она избавляет его от дальнейших грехов. Самой жестокой из пыток считают прижигание тела расплавленным сургучом.

вероятно, стали первыми не буддистами, которые прошли по этой дороге. В цепи скал, протянувшейся по Лхасе, тибетцы усмотрели гребень китайского дракона и, чтобы лишить Китай силы, прорезали в скале проход, рассекая середину гребня, установив там субурган.

- Да, и народам русского севера приходится делать выбор между вымытыми мылом руками, которые обветрятся и потрескаются, или защищённой жиром кожей, - вставил я, вспоминая своё путешествие по Дальнему Востоку.

- Между тем, Янгхасбенд понял, что Далай лама уже бежит в Монголию и вряд ли досягаем. Мистический Доржиев исчез также, и все планы по переговорам в столице остались несостоятельными[177]. Но главное, что никаких ожидаемых арсеналов с российским оружием в Лхасе найдено не было!

От телесного наказания не избавляются и женщины, которых бьют плетьми.

[177] Далай лама прибыл в Ургу, где остановился в монастыре Гандан, в надежде на российскую военную поддержку. В Ургу по поручению Царя прибывает путешественник Козлов, передавший письма и бумаги с оказанием покровительства духовному лидеру ламаистов. После этого ревнивый монгольский богдыхан стал значительнее любезнее с Далай-ламой. Казалось бы, политический успех Доржиева должен был раз и навсегда померкнуть, но с конца 1922 г. он становится неофициальным представителем Далай-ламы в Советской России. Помимо чисто дипломатической деятельности, он пытается распространять буддизм и собирать средства на строительство новых монастырей. Он надеялся защитить памятники буддизма, повсеместно варварски разрушаемые Советами. В 1930-е Ленинградское отделение НКВД ликвидирует Тибето-монгольскую миссию, объявленную «контрреволюционной организацией». Доржиев пытается скрыться в Закавказье, но в 1937 г. он арестован грузинскими чекистами. После первого же «допроса с пристрастием» монах умирает в тюремном лазарете.

Как и никаких документов переписки с правительством России! Лишь три винтовки с русским клеймом были найдены на поле битвы под Гуру. Все эти слухи оказались провокацией со стороны японцев, имеющих зуб на Россию, - сказал Камерон.

- Вот тут, позвольте, не согласиться с Вами, - блеснул очами Смураго. – Великобритания хотела занять, или запугать Тибет в любом случае, и слова того японца, по сути, не изменили ничего. Разве что, немного ускорили сроки вторжения.

- Пожалуй, я не смогу аргументированно возразить Вам… - задумался Камерон. – Не оказалось не только арсеналов, но и каких-либо следов альянса Лхасы и Санкт-Петербурга. Если что мы и нашли, то это был чисто тибетский оружейный завод – убогая мастерская по производству гладкоствольных, кремнёвых ружей. Да и ваш царь отозвался на нашу экспедицию отнюдь не столь резко, как ожидал Лондон. Куда более раздражённым оказался протест китайцев, словно мы вторглись в их суверенные территории[178]. Что стало тогда самым удивительным для младших офицеров, так это вполне дружелюбное отношение к нам населения Лхасы!

---

[178] В Тибете правили Далай-ханы - подданные китайского императора, но Далай-лама V против них призвал в Тибет племя ойратов. Хошуты с озера Коконор (или Кукунор) подчинили себе Далай-ханов и провозгласили Далай-лам властелинами Тибета. Лхаса и стала столицей, а Далай-лама V задумал построить Поталу. Но кукунорские хошуты не ушли из Тибета. Летом они кочевали, а зимой жили в Лхасе во дворце Галдан-Кангсар. Владыка Китая же, продолжал считать и Тибет, и Коконор своими вотчинами.

Люди часто показывали нам свои языки, что служит там проявлением симпатии. Оказалось, что это – последствие добротной работы наших врачей в госпитале для раненных тибетцев! Поразило нас и то, что, проложенная нами, примитивная телеграфная линия всё ещё работала. Позже я узнал по отзывам англичан, оказавшихся в Лхасе тридцать лет спустя, что телеграф продолжал работать, хотя всё это время его, вроде бы, не использовали[179]! Самым запомнившимся мне событием оказался осмотр Поталы – резиденции духовного правительства. Размер дворца-крепости поражал воображение и не вязался с убожеством города. Теперь Янгхасбенд хотел оставить эту страну как можно скорее, словно мы здесь и не были, ибо договор об установлении приоритета Англии в Тибете и об обязательном прекращении связей Лхасы с Россией, похоже не удался. Но ушлому, в азиатских делах, полковнику всё же удалось вынудить власти Лхасы подписать мирный договор, по которому Тибет должен выплачивать англичанам в течение семидесяти пяти лет контрибуцию в размере семи с половиной миллионов рупий. Отныне Великобритания сулит Тибету неприкосновенность его владений, обеспечивается свобода индо-тибетской торговли. Сначала Янгхасбенд вступил в переговоры с китайским амбанем. Заручившись поддержкой китайского правительства, полковнику удалось склонить тибетские власти к

[179] На самом деле, линию ремонтировали с 1920 г. под руководством англичан. К 1922 г. работала связь между Гьятсе и Лхасой.

подписанию. Было достигнуто главное: Далай-ламе запрещается уступать территорию Тибета любому иностранному государству без согласия Великобритании[180]. Полковник мог возвращаться с гордостью римского триумфатора.

- Если мне не изменяет память, - заметил я, - в британской колониальной политике господствует доктрина «целебного страха». Вроде бы всё и хорошо кончилось: и Тибет как бы свободен, защищён по принципу протектората, и своё место теперь знает. А сколько было шума в Лондоне о чрезмерной жестокости войск генерала Скобелева с его винтовками в Туркмении, в восьмидесятые годы! Но пулемётов тогда и вовсе не было… После вашего ухода из Тибета, Россия и Китай начали неофициальные переговоры с Далай-ламой, находившимся в Монголии. В 1906 году, придя в себя после Японской войны и первой революции, наше Военное министерство предложило Далай-ламе вернуться в Тибет. Тот попросил дать ему конвой, состоявший из казаков-бурят. Вопрос о конвое был настолько деликатным, что несколько раз обсуждался министром иностранных дел и военным министром с самим Царём, но просьбу удовлетворили. Далай-ла-

[180] В Гьятсе остался британский торговый агент с охраной в 50 человек, а в долине Чумби - гарнизон из пяти рот пехоты. Китайцы не хотели сами вытеснять британцев, но постарались не дать им никакого предлога остаться. Они формально сместили с престола Далай-ламу, покинувшего свой пост в то время, когда в нём остро нуждался народ, и назначили правителем страны своего ставленника. Под давлением России, новый генерал-губернатор Индии Эмфтил ратифицировал Лхасскую конвенцию и сократил оккупацию Чумби до трёх лет (по материалам Хопкирка и Мультатули).

ма попросил также отправить в Лхасу две научные экспедиции, которые в случае необходимости смогли бы укрыть его, переправив в безопасное место. Кроме того, Далай-лама предлагал разместить на территории Монголии, недалеко от тибетской границы, подразделение из казаков-бурят, одетых в обычную одежду, для связи с русскими представителями и оказания ему, в случае необходимости, вооруженной поддержки. Дипломатическое давление России на Лондон, на сей раз, привело к сдвигу. После долгих разногласий сэр Эдвард Грей, эдакий серый кардинал Британии, и российский министр иностранных дел граф Александр Извольский приходят к соглашению. Было рождено четвёртое русско-английское соглашение о разграничении сфер влияния в Центральной Азии, подписанное в августе 1907 года в Петербурге, давшее компромиссное решение по Тибету.

- Помню, конечно же, - сказал Камерон. – Там сказано: «Обе стороны обязуются воздерживаться от всякого вмешательства в дела Тибета и сноситься с ним только через правительство Китая... Англия и Россия воздержатся от посылки своих представителей в Лхасу... Англия прекратит оккупацию долины Чумби в Тибете, когда получит от Китая три взноса по 25 миллионов рупий каждый, а тибетские власти откроют тибетский рынок для Англии». Кроме того, британское правительство попросило Россию не посылать в Тибет и не разрешать доступ туда в течение трёх лет никаких русских экспедиций и научных в том числе. Обе стороны согласи-

лись воздерживаться от любого вмешательства во внутренние дела Тибета, не искать никаких концессий для железных и шоссейных дорог, шахт, телеграфных линий, не посылать туда никаких представителей, а вести дела с Лхасой только через верховные власти Китая.

- А русские формально признали, что Афганистан находится в сфере британского влияния. Персию поделили поровну на сферы влияния, без колонизации. Главная цель русской дипломатии - признание Тибета частью Китая была достигнута, - добавил я. - За кровавую тибетскую операцию Френсис Янгхасбенд был посвящён в рыцари, а его помощник и организатор экспедиции, Остин Уоддел, прославился своей книгой о культуре Тибета и загадочности Лхасы. Чем-то напоминает ситуацию с тёзкой Янгхасбенда, Дрейком. Правда, то было в XVI веке...

- Ваша осведомлённость настораживает… - Кроуфорд смутился. - В 1906-1909 годы Янгхасбенд служил политическим агентом индо-британского правительства в Кашмире, покуда я стал лейтенантом и мытарствовал в изнурительном климате Южной Индии. Удалившись на пенсию, Янгхасбенд поселился в Лондоне, где он становится участником многих обществ и движений. Он отходит от политической деятельности, но остаётся патриотом и продолжает сотрудничество с Королевским Географическим Обществом, стремится воодушевить молодых путешественников к походам в Гималаях и Тибете. В 1919 году Янгхасбенд избирается президен-

том Королевского Географического Общества и засыпан наградами и почестями[181]…

- Великобритания действовала в Тибете, как обычно, наглее и решительнее России. Чего мне не дано понять, так это почему тибетцы должны платить эти миллионы. Всё это напоминает британские игры в home rule[182] в Ирландии, - вставил Смураго со свойственной ему прямотой полевого офицера.

- Возможно, - уклончиво-недовольным тоном отозвался Кроуфорд. – Но, когда китайцы, вопреки всем соглашениям, оккупировали Тибет в 1910 году, тот же Далай лама бежал в Сикким[183], прося у нас покровительства и став другом британского знатока Тибета, советника сэра Чарльза Мобер-

---

[181] В 1921 г. он становится председателем Комитета Горы Эверест, который был организован для координации разведывательных экспедиций к этой вершине. Он призывал альпинистов, включая Джорджа Мэлори и Ирвина, совершить первовосхождение на высочайшую вершину планеты. В конце жизни воспоминания о кровавой бойне подталкивают ветерана к духовным исканиям. Сказывается строгое англиканское воспитание и позже - освоенное учение Льва Толстого. Янгхасбенд организовал Мировой Конгресс Религий, делами которого продолжал заниматься до самой смерти в 1942 г.

[182] Самоуправление (англ.), которое в русской традиции называют «гомруль».

[183] В начале XVIII в. маньчжурская империя Цин установила контроль над Тибетом. В XIX в. власть империи над Тибетом стала ослабевать с ослаблением самой Цин, но Тибет оставался зависимым от неё. Между Пекином и Тибетом, который является мощным религиозным центром, сложились отношения охранителя веры и наставника в вере. С февраля 1910 г. китайцы заняли Лхасу и Далай лама был низложен. В 1912 г. Маньчжурская династия отреклась от трона и начался вывод китайских войск из Тибета.

ли Белла. Через три года, когда Далай лама смог вернуться в Лхасу, они с сэром Чарльзом организовали отправку молодых тибетцев для получения технического образования и изучения военного дела в Индию и Англию. Началась первая попытка снабдить электрическим светом центр Лхасы. Но влиятельные ламы были недовольны подобными новшествами и постепенно свернули реформы. Поводом стала эпидемия оспы, убившая четверть населения Лхасы, которую преподнесли, как кару Всевышнего.

- Поддержка экономического развития отсталой страны может означать и желание подчинить её себе пуще прежнего, заработать на помощи[184]. Разве я не прав? – спросил Смурого.

- Если уж богатая Британия потребовала от тибетцев уплату немалой контрибуции – куда уж дальше, - заметил я.

- Мне нечего возразить, но я знаком с мистером Беллом и он – замечательный человек, сочувствующий тибетцам и их культуре, - возразил Камерон. – Кстати, я давно не интересуюсь политикой и хотел бы остатки дней погрузится в дела конезавода, который мечтаю купить, получать призы на скачках за своих великолепных скакунов. Вместо инфан-

[184] Главным результатом похода Янгхасбенда стало то, что в Тибете стали преобладать английские товары – индийское сукно, но и китайское и сукно из Непала, немного кашмирской парчи и тростникового сахара. Было немало и немецких и японских товаров, но почти не было русских, хотя около 1900 г. Россия имела большой шанс для сбыта своих товаров.

тильной любви ко всему человечеству, предпочитаю любовь к прекрасному животному. Для меня истинный джентльмен непременно и подобающий знаток лошадей. Но именно джентльмен и есть лучший плод эволюции млекопитающих, а точнее - приматов.

- Свой конезавод! Можно позавидовать! Последнее время, после поражения нашей армии, в глубине души я тоже мечтаю о покое, - сказал на это я.

- Не только лошади, но и немножко виски по утрам, - улыбнулся Камерон. – В этом моё спасение от земных тягот. И никакой политики! Говорят, что с 1500-го по 1900-й год Англия провоевала ровно 212 лет. Узнав об этом, я понял, что выбранная мною карьера военного – абсурд и преступление перед человечеством.

- Но, наверное, и по вечерам от такой мысли тоже требуется виски? – спросил капитан Смураго.

- Это уже само-собой разумеется, сэр, - рассмеялся капитан Кроуфорд. – Иной раз можно и с содовой.

- Умеют жить эти британцы! – Георгий вздохнул.

- Не следует забывать, что Янгхасбенд был и остался патриотом Империи. Воспитанный на знаменитом «секретном» труде генерала-квартирмейстера главы разведывательного департамента сэра Чарльза Макгрегора «Защита Индии», Френсис не мог быть иным, чем он стал – ястребом имперской политики, стойко настроенным против России, которая якобы норовила отхватить Индию. Чтобы предотвра-

тить русское вторжение в Индию, следовало отхватить Туркестан у России… Политика натиска была в ходу в офицерской среде, но заметно угасла после ужасов Великой войны. Но до войны, «Защита Индии» несомненно оставалась Библией британского офицерства. С годами, сэр Френсис удалялся от политики и погружался в спиритизм и оккультные науки, занимался теософией, встречаясь с Анни Безан, телепатией, психологией, так называемыми, религиозными импульсами, пытался заимствовать что-то из учения йогов, из буддизма. Заявлял, что чистое христианство остаётся религией только для детей и писал книги на теософические темы.

После этих слов мы с Георгием многозначительно промолчали, и пауза затянулась. Наконец, я спросил, считает ли Кроуфорд Янгхасбенда гуманным человеком. Он ответил, что сам сэр Бертран Рассел – гуманист, призвавший Англию не ввязываться в Великую войну, очень тепло отзывался о сэре Френсисе[185].

---

[185] Когда Англия уже активно участвовала в войне, Янгхасбенд создал общество «Борьба за права» (в широком смысле слова) призывающее молодёжь, посредством агитационных лекций с мистическим оттенком и песен, отдавать жизнь за отечество. Необходимость жертвенности члены общества объясняли зависимостью от неё великого будущего страны, в противном же случае - падение империи. Рассел расходился во мнении с Янгхасбендом, был противником участия в войне. С 1916 г., по причине антимилитаристкой пропаганды Рассела, Янгхасбенд разорвал с ним отношения. Впрочем, пацифизм не помешал Расселу, сразу после окончания Второй Мировой, настаивать на ядерном ударе по СССР, покуда у него нет своей бомбы… В период между двумя мировыми войнами Янгхасбенд эволюционировал от поборника британского империализма до открытой поддержки Ганди. Он был в тот период организатором и активистом

- Как известно, сэр Бертран сочувствовал либералам, будучи аристократом и славился пацифизмом. Разве он смог бы петь дифирамбы Янгхасбенду, будь тот в самом деле палачом мирных тибетцев? Они стали друзьями с Расселом и вместе ездили в Америку. Там мудрый политик и знаменитый путешественник Теодор Рузвельт встречался с Янгхасбендом и хорошо о нём отозвался. Добрым приятелем Янгхасбенда стал и герцог Коннаут, - говорил Камерон.

Я промолчал и на счёт президента Рузвельта, зная, что тот ненавидел Царскую Россию и её последнего Императора… Потом Кроуфорд ненавязчиво добавил пару слов о том, что Янгхасбенду светила блестящая карьера, возможно, с реализацией его планов с созданием политического «батальона путешественников», если бы он не начал с удивительным упорством провозглашать свои религиозно-мистические идеи с атеистическим душком, и не высказывался в пользу свободной любви, чем оттолкнул от себя консервативную часть эстаблишмента.

Разговор о Тибете затянулся, но мне он был вдвойне интересен: как лишние факты по обвинению англичан в бесчеловечности и, чтобы лучше представить себе положение моего странствующего брата, оказавшемся в Тибете. Я заметил, что Георгий отключился от нашей дальнейшей беседы и

ряда обществ, таких, как Общество сохранения лондонских храмов, Общество поддержки бедных детей, Ассоциация сакральных гор итп.

думает о чём-то своём. Позже он мне неожиданно объяснил свой уход от разговора. Смураго вспомнился вдруг бой на Кубани, в котором ему, человеку выносливому, стало плохо от жары и жажды, ибо идти под пули он мог себе позволить лишь с пустым мочевым пузырём, ибо большего всего в жизни боялся лишь одного: погибнув, выпустить, неподвластную более ему урину, в исподнее. Позор быть обнаруженным врагами, или своими, с мокрыми штанами…

- Завершая, я бы хотел добавить пару тёплых слов о Френсисе Янгхасбенде, который не напрасно повторял: «Величие всего британского создавалось людьми, редко бывавшими в метрополии, но трудившимися по периферии империи», - сказал Кроуфорд. – В 1895 году Чарльз Белл, которого прозвали Управляющим Азии, предложил кандидатуру Янгхасбенда для миссии по расследованию возможных нарушений в Южной Африке. Дело в том, что Сесил Родс, владеющий девяноста процентами мировой добычи алмазов, ставший фактически главой всего юга Африки до Родезии, названной в его честь, послал своего человека, некоего доктора Джемисона, с отрядом в шестьсот головорезов для провокации столкновения с бурами, сидящими поперёк горла Родсу. Это сейчас нам более-менее понятно, что там произошло, но, когда сэр Френсис туда отправлялся он не знал почти ничего. Дело было провёрнуто нечистоплотно – чистой воды провокация войны. Только, когда Янгхасбенд добрался до Трансвааля, Старр Леандр Джемисон уже сидел в бурской

тюрьме. Отряд его был разгромлен, а Родс сразу же отрёкся от своей связи с арестованными. Янгхасбенд выступал в роли журналиста и смог взять интервью у заключённых, а потом общался с самим Родсом, вернувшись в Кейптаун. Впечатление тот произвёл на офицера не лучшее. Этот политикан заявил, например, что не любит, когда к нему обращаются «сэр» - игры в демократию. Сэр Френсис испытывал уже тогда брезгливость к интригам этих людей в Южной Африке, всячески очерняющих буров, приведшим вскоре к кровавой войне[186]. Четверть века назад Янгхасбенд пытался стать членом британского парламента с целью блюсти большую порядочность в политике. Наконец, Янгхасбенд, после общения с Ганди, которого никак не могли одобрять истинные патриоты, отозвался о лидере оппозиции, как о прекрасно образованном, занятном собеседнике. Когда Френсис оказался свидетелем помпезности вице-короля лорда Керзона, его «коронации», как выражались тогда –«керзонации» в Дели на площади Большой Дурбар, со слонами, бесчисленными, марширующими туземными войсками, Янгхасбенд выразился об этом с оттенком неодобрения, как об очевидном закате величия эпохи королевы Виктории и Великобритании[187],

---

[186] В письмах к своей платонической возлюбленной, чужой жене, Нелли Даглас, Янгхасбенд ясно выражался, что его симпатии на стороне буров, хотя он и патриот своей Империи. Он не одобрял и журналистскую нечистоплотность своей кузины Флоры Шоу, которая выгораживала участников рейда Джемисона.

[187] Янгхасбенд назвал помпезное шествие сорока тысяч солдат «гаргантюизмом и абсурдом».

несмотря на, присущий ему, империализм в духе Киплинга.

- Что же – всё это весьма достойно, - заметил я. – Но вспоминается, что как-то попалось мне обвинение британских солдат в Тибете в мародёрстве. Что они немного погромили монастыри и разворовали часть утвари. Так ли это?

- Да… увы, случалось и такое. Среди солдат был устойчивый слух о огромных золотых запасах Тибета, и они надеялись найти склады золота именно в монастырях. Ну, и взламывали раки, разбивали приметные стены с изображениями Будды, надеясь найти там потайной ход к сокровищам...

- Но просвещённые офицеры могли бы их остановить, не так ли? – спросил я.

- Раздражение офицеров против тибетцев тоже возрастало, когда они видели чаши из человеческих черепов и дудки из берцовых костей, не понимая сути этих символов. Они были уверены, что в монастырях Тибета процветает извращённый, дьявольский буддизм. Одним из таких был и ваш покорный слуга… Солдаты разочаровывались в отсутствии золота и немного приворовывали хотя бы бронзовые изделия, как компенсацию тяжестей похода…

- Да… всё не так просто, - согласился я.

- А вы знаете, джентльмены, что усилиями дипломатии сэра Чарльза Белла и организаторским способностям Янгхасбенда, Королевскому Географическому Обществу удалось организовать экспедицию на высочайшую вершину мира? Её высоту установили с помощью приборов, сидючи на равни-

нах северной Индии, но никто ещё не побывал под самой горой. А сэр Джордж Эверест был всего лишь главой Топографической службы.

- Нет, капитан, к сожалению, самые приятные новости до наших ушей не доходят, - ответил я.

- В мае 1921 года из Сиккима в Тибет вышла небольшая группа англичан под руководством пятидесяти семилетнего бригадного генерала Чарльза Брюса, имевшего большой опыт в Гималаях. Капитан Джон Ноэл, который давно пытался увидеть Эверест вблизи, был ответственным за киносъёмку. Лишь в марте следующего года экспедиция достигла монастыря Ронгбук, от которого до вершины оставалось немногим больше десяти миль. В монастыре том жили знаменитые ламаистские отшельники-затворники. Ламы предупредили чужеземцев, что здесь обитают снежные люди, которые не позволят им покорить вершину. Никто из англичан не обратил на их слова внимания. Надо было успеть взойти на вершину до первого муссона. Между восходителями шла дискуссия о том, этично ли использовать при подъёме баллоны с кислородом. Подготовка к восхождению затянулась, и погода стала портиться. В ходе заброски снаряжения в верхний лагерь сошла лавина, засыпав многих носильщиков. Девять из них умерли. В начале июня началось восхождение, ибо тянуть дальше было никак нельзя. Полковник Эдвард Нортон и Говард Самервилл побывали выше любого альпиниста в мире - до вершины оставалось лишь восемьсот фу-

тов. Разочарованные от своей усталости после неимоверного напряжения, они вынуждены были повернуть назад. За ними вышли молодой, но опытный Джордж Герберт Мэллори и Эндрью Ирвин. Их видели снизу долго и поднялись они не ниже первой пары, но погода ухудшилась и больше их никто никогда не встретил. После свершившейся трагедии, ламы сказали, что предупреждали о горе, способной уничтожить людей. Британцы были раздражены подобными замечаниями, умаляющими славу альпинистов, которые возможно побывали на вершине.

- Никто не сможет доказать этого, не так ли? – хмуро спросил Смураго.

- Пожалуй… Тем не менее, величие Мэллори и Ирвина в том, что никто во всём мире не был и близко на такой высоте. Есть надежда, что Юнион Джек всё же взвился тогда над самой вершиной.

- Да… может быть и взвился… Да только фактом остаётся, что никто в мире не перебил столько монахов, сколько воинство Янгхасбенда – ламаистов, и наши большевики – своих, - невнятно пробормотал Смураго себе под нос.

- Во всяком случае, никто не обрёл себе могилу на такой высоте. Даже туземцы, которым нечего делать среди льдов и скал, а кроме того, высочайшие вершины для них, как правило, священны, - добавил Камерон.

- Так, к чему было осквернять их святыни своими трупами? – спросил Георгий и почему-то добавил. - Европейский

титул можно было купить даже в Англии, а при наших царях русское дворянство – никогда. Честь и порядок существовали хотя бы в этом…

- Но сколько душ русских воинов вознеслось намного выше – на небеса со времени начала Великой войны, не говоря о мирном населении, принявшем мученическую смерть от красных? – задал я вопрос скорее самому себе, или Смураго, чем англичанину.

- Но, господа, мне пора возвращаться. Дела… - поспешно сменил тему разговора достойный британец.

Когда мы уже начали прощаться, выяснилось, что неутомимый рассказчик, Камерон, лично знаком с Артуром Конан Дойлем и собирается вновь встретиться с ним, чтобы побольше расспросить литератора об источниках информации, позволивших ему написать роман «Затерянный мир». Многих моих братьев чрезвычайно увлекали подобные мысли о сохранившихся древних ящерах, но и даже меня, старого сухаря, задевали очарованием своей романтичности. Было похоже на то, что Кроуфорд верит в существование некоего, затерянного на Амазонке плато с удивительной флорой и фауной.

- Между прочим, только Конан Дойл может пролить свет на загадку, сокрытого в глубинах джунглей, некоего затерянного мира, - сказал Кроуфорд. - Он написал об этом роман, но сам общался с таким человеком, как сэр Персивал Фо-

сетт, который исходил Бразилию. Одним из последних белых пятен остаётся Амазонская низменность… И мне хотелось бы увидеть вблизи Маунт Эверест. Как, впрочем, и побывать с Фосеттом на Амазонке. Но дальние путешествия требуют средств, а их в нашей семье не так уж много. Собираюсь вложить на паях в концессии в Китае, охваченном хаосом революции. Правительство, если таковое там есть, позволяет сделать это за сущие гроши. Но, увы, гарантий, при политической нестабильности, никаких…»

4. Париж безумных двадцатых

Реализм — это подрезать деревья, сюрреализм - это подрезать жизнь.

Предисловие к первому номеру журнала «Сюрреалистическая революция»

В самом деле, кто удивится, выйдя из дома и, обнаружив общественный писсуар на месте памятника, или памятник на месте писсуара?

Арлеттио.

Русская литература на чужбине закончится представителями старшего поколения… Молодые на чужой почве лишены тех соков, которые питают творчество.

И. Бунин

«Александр Павлович Кутепов, в кругу близких друзей, к которому стал причисляться и я, любил вспоминать своё благословенное детство, проведённое в новгородских лесах, где отец его, мелкий дворянин, служил лесничим. Рассказывал нам, как он, мальчиком, испытывал себя на мужество, отправляясь в одиночку в чащобы, либо, с наступлением темноты, на кладбище. Чувствовалось, как нашему генералу не хватало ощущения вольного простора русского леса в Париже - этом людском муравейнике! Как-то Александр Павлович заговорил со мной о своём сослуживце Беляеве, который был в Крыму инспектором артиллерии, а после Галлиполи оказался в Болгарии, откуда отбыл в Буэнос-Айрес. Больше вестей о нём никаких не было, а недавно генерал получил письмо уже из Парагвая, в котором Беляев приглашает к себе всех желающих офицеров якобы там имеются лучшие условия для сохранения русской армии вместе с её боевым духом, чем в Европе. Он путешествует по дикой стране с изнурительным климатом с топографическим заданием правительства Парагвая. Уверяет, что лучших условий для закалки юнкеров и кадет в Европе не сыскать. Здесь генерал обмолвился, что подумывает о том, чтобы послать к Беляеву надёжного человека. Я вспомнил о капитане Кроуфорде с Конан-Дойлем, его «Затерянном миром», об экспедиции Фосетта и захотел стать курьером к генералу Беляеву, оказавшейся волей провидения на границе неведомых земель.

От Парагвая не так далеко до, полной тайн, Амазонской низменности. Моя нынешняя служба навевала тоску и чувство безысходности, и очень захотелось отправиться в дальнее путешествие, забыться от затянувшегося европейского кошмара. «Слабость - поведение достойное страусового инстинкта» - укорял я сам себя, но ничего не мог с этим поделать и, в минуту нерешительности, готов был намекнуть генералу, что я бы хотел отправиться к Беляеву. Вспомнились слова моей мудрой супруги: «раньше мы благодарили за всё Господа, а нынешнее поколение перестало благодарить Его. Вот и пошло оскудение во всем. И плоды плохо родятся и люди больными становятся. Преподобный Нектарий Оптинский учил нас о том, что «молитва - это капитал: чем дольше лежит капитал, тем больше процентов приносит». Подумал я, грешным делом, что спрашивать не стану, но помолюсь, а там и видно будет – как Бог даст. Александр Павлович оторвал меня от посторонних мыслей словами:

- А вы слышали, господа, что кое-кто начинает посмеиваться над деятельностью РОВСа якобы лишённой смысла с момента его основания?

- Пора бы таким позатыкать рты! – гневно бросил офицер – ветеран Стальной дивизии Корнилова, а после и Добровольческой армии. Фамилию его я запамятовал.

- Дай мне волю – перестрелял бы таких, как собак! – бросил ветеран Уссурийской дивизии Крымова, которому поддакнул горец из Туземной конной, ставшей известной, как

Дикая дивизия Великого князя Михаила Александровича.

- Господа, - собравшись с мыслями, дал я им отповедь человека, немного сведущего в политике, - подобные методы борьбы к добру никогда не приводят. Нам следует усерднее работать, чтобы доказать всей эмиграции, что мы – надежда на спасение нашей армии. В этом самая важная сторона деятельности РОВСа, разве не так? Патриотическое воспитание молодых военных кадров, их боевая закалка – что может быть важнее?

Этими словами я опять же попытался сделать шаг к подчеркиванию важности предложения Беляева. Стало неловко перед самим собой. Потом Кутепов произнёс с пафосом[188]:

- Как только иго коммунизма будет свергнуто с нашей помощью или без неё, мы сольемся с бывшей Красной армией в единую Русскую армию! И только наша внепартийность и служение общегосударственным целям сделают это слияние возможным, иначе была бы увековечена Гражданская война. Не делайте из этого заявления вывод, что я верю в какую-то «эволюцию» самого большевизма… Нет, коммунистический строй может гнить, но не может эволюционировать. Я верю, что рано или поздно у русского народа найдется достаточно сил, чтобы сбросить это иго!

Когда мы расходились было довольно поздно, и я торопился прибрать бумаги в кабинете, пряча их в надёжный сейф, не желая волновать Ф, ждущей меня к ужину. В это

[188] Подлинные слова генерала.

время помощник сказал, что ко мне просится на минуту всё та же Богданова-Бельская. Я был раздражён, но дал согласие. Когда эта особа появилась на пороге, я сразу оговорил, что не располагаю для разговора более, чем пятью минутами. Она заявила, что больше ей и не требуется и пригласила меня, а также, кого угодно ещё из членов РОВСа, на вечер у барона де Кресси, назначенный на послезавтра. По её словам, там должен быть и сам загадочный инженер – творец сверхоружия, ставшего чаяниями многих людей того времени. Я оговорил, что если и приду, то непременно с соратниками, обещал подумать и записал адрес барона. В конце концов, любой белый генерал потенциально заинтересован в таком оружии для освобождения России. Кто знает, может быть сам Кутепов захочет заглянуть туда? Когда эта роковая женщина удалилась, я облегчённо вздохнул и побежал домой, поминая её про себя недобрыми словами, ведь коль она - Богданова-Бельская, такого знаменитого рода, то, судя по всему – незаконно рождённая, а от таковых проистекает половина всех интриг в Европе.

Сам Александр Павлович, конечно же, не пошёл туда, но меня попросил настоятельно там быть, весьма заинтересовавшись магически действующим словом «сверхоружие». Чтобы «сплотить там ряды единомышленников», я пригласил с собой Старогородского, конечно же, Ведищева с Заруцким и Смураго. Ксаверий уже повлёк за собой и Введен-

ского. Ф предпочла остаться с нашим сыном, и я вполне её понимаю.

- Иван Калита, как и Зубатов – лица малопривлекательные с позиции морали личностной, но ведь оба - русские патриоты, сделавшие державе немало добра. Поэтому я бы не стал подходить с одной меркой к морали государственной и частной, - доносился из гостиной незнакомый хрипловатый голос, когда Богданова-Бельская открыла дверь и повела нас по прихожей.

Речь держал высокий тощий человек в потрёпанной форме врангелевского пехотного капитана, которая похоже не стиралась, не гладилась уже не первый месяц. Тут я заметил, что рядом с этим человеком лежит таксистская форменная фуражка: «Очередной Попов…» «Жалко человека: похож на храброго и честного боевого офицера, а рука его дрожит, опрокидывая очередную порцию коньяка в ненасытную глотку. Он уже не верит в будущее нашей армии и обречён спиться. Обидно до слёз. А то, что он небрежно одет, явившись по приглашению этого загадочного барона де Кресси, которого пока нигде не видно, даже неплохо: почему бы ему не повести себя эдаким Шульгиным? Ведь не к Государю же православному он явился[189]?» - подумал я.

---

[189] Шульгин и Гучков явились в роковой день отречения к Царю, будучи небрежно одетыми, 4 дня немытыми и небритыми, чем вызвали гнев свиты, из-за чего между Шульгиным и истиными монархистами возникла вражда, длившаяся долгие годы. Человек из Царской свиты произнёс: «Вот что, Шульгин, что там будет когда-нибудь, кто знает. Но этого пиджачка мы вам не забудем…». Графи-

- Прошу знакомится, Глеб Гордеевич, а также все соратники РОВС, с Вами прибывшие, имена коих я, увы, сразу запомнить не смогла, - щебетала Евгения Бельская, - перед вами капитан Нащокин. И пусть легкомысленные парижане называют Аверкия Аксентьевича Поповым – Бог им судья. Да и глупость людская – дар Божий, как говаривал сам Бисмарк.

Нащокин с искренней приветливостью, пожал каждому из нас, РОВСовцев, руку, поскольку сразу разглядел в нас военную косточку. В рукопожатии его уже ощущалась вялость кисти нездорового человека. С Введенским и Стародоврским он поздоровался со сдержанной холодностью, явно подозревая в них «интеллигентов, погубивших Россию», хотя Ксаверий Павлович отнюдь не относился к левой интеллигенции. Офицеры тут же перебросились названиями полков, в которых они служили, и Аверкий, услышав, что мы с Ведищевым – дроздовцы, стал разговаривать с нами с особой приязнью и почтением. Введенский и Старогородский постепенно отмежевались, усевшись в уголке вместе с каким-то толстяком - купеческого вида и человеком средних лет с немецким акцентом. Нашей офицерской группе были представлены также молодой донской хорунжий, ныне – наездник парижского цирка – лихой усач Кондратий Дормидонтович Могильников, а также – уралец средних лет. Звали этого кудлатого коренастого крепыша с суровой складкой на

ня Брасова писала, что Шульгин «нарочно не брился… и …надел самый грязный пиджак… когда ехал к Царю».

лбу Агап Викулович Костромитинов. Из последующей беседы выяснилось, что оба казака склоняются к возвращению в Россию и почти что поверили посулам большевиков якобы ищущих царства справедливости. Оставалось недоумевать: от чего все эти странные люди приглашены к таинственному барону? Или для этого достаточно было быть ветераном Белой армии? Подошёл к нам и рыхловатый совсем юный человек в очках и штатском, который представился поручиком Алябьевым из мелких помещиков. Модест Всеславович Алябьев вызывал противоречивые чувства. Весь облик этого, вечно простуженного, юноши с розовыми пятнами на щеках – возможно, возникших от юношеских угрей, подчёркивал одну истину: такой человек не мог быть полезным на фронте. Он говорил больше других, взахлёб, иногда нарочито не выговаривая букву эр, чуть брызгая слюной, в порыве доказать своё, желая подчеркнуть важность своих знаний, могущих оказаться значимыми в общем деле:

- Господа, мне посчастливилось погово-оить с гене-аллейтенантом Александром Дмит-иевичем Нечволодовым, служившим в Японскую войну военным агентом в Корее, но и успевшим и побить японцев. Так вот, господа, Александр Дмит-иевич, пе-ед самой Ге-еманской, подготовил для нашего па-авительства специальный доклад о масонстве в Европе. К приско-обию, никто тогда не об-атил на этот мате-иал должного внимания. Сейчас гене-ал в Париже сотрудничает с ду-угими исследователями иудейства и масонства, издаю-

щими свои статьи в «Долой зло![190]». Не кажется ли вам, что и РОВС следовало бы отдать должное этим исследованиям?

- Отнюдь не исключаю этого, но не имею времени на это на данный момент, - ответил я этому экзальтированному юноше.

Модест продолжал говорить горячо, с апломбом и много, хотя и с простуженной гнусавостью. Постепенно я перестал вникать в его умозаключения. Бесчисленные замыслы о будущем устройстве человеческого общества, роящиеся в его голове, не давали ей работать в должном направлении. Его лощёно-снобические манеры, желание выставить напоказ знание французского на уровне достойном высшего света, вызывали моё полное неприятие.

Постепенно наш офицерский кружок начал рассасываться и разошёлся по гостиной. Евгения вновь оказалась рядом со мной и представила мне испанскую художницу, живущую где-то на севере Франции - Пилар Ремедиос Гонзаго – подсушенную годами даму неясного возраста с точёным, строгим профилем. Анфас её лица отсутствовал напрочь. Поскольку последнее время, в свой редкий досуг, я упражнялся в ис-

---

[190] В 1924 г. Нечволодов выпустил книгу «Николай II и евреи. Очерк о русской революции и её связях со всемирной деятельностью современного иудаизма», в которой исследовались Сионские протоколы. В середине 1930-х гг. генерал был негласным экспертом со стороны защиты на Бернском процессе по делу о Сионских протоколах. Но он признал, что нет прямой связи сил, разрушающих монархии, только с еврейством, но с крупным капиталом, в целом.

панском, надеясь попасть к Беляеву, то невольно попробовал перевести её имя. Выходило «Столп и Помни Бога». Обе женщины, на своём совершенном французском, заговорили о балете Дягилева, вовлекая меня, но я едва успевал за их мыслью. Познаний в этом языке мне всегда не хватало. Мне подумалось, что если Евгения и из бастардов, то образование она имела на самом высоком уровне.

- Вы прекрасно выглядите сегодня, Пилар, - Евгения улыбнулась собеседнице.

- Рядом с Вами недостаточно просто хорошо выглядеть, - ответила испанка.

- А Ваше платье просто поражает воображение. Не из салона ли мод «Ирфе» оно? – засыпала вопросами Евгения.

- Что Вы? С моими доходами мне в пору ходить в юсуповский кабачок «Мезонетт», а не в «Ирфе»[191], что для американок с бешенными деньгами, сорящих ими ради знакомства с князем, убившем Распутина. Но будет нам о пустом… В провале сезона двадцать первого года повинен Ларионов, которому удалось уговорить Дягилева доверить ему не только декорации, но и хореографическую сторону балета. Танцевальная сюита «Квадро фламенко» с декорациями Пикассо тоже не вызвала восторга публики, - сказала испанка.

- Но осенью восприятие публики исправила постановка

[191] Салон мод «Ирфе» был открыт князем Феликсом Юсуповым и его женой Ириной. Первые буквы их имён образовали название салона. Кроме того, Феликс, почуяв успех, открыл кабачок «Мезонетт», в который приглашал русских эмигрантов, предлагая им очень низкие цены.

«Спящей красавицы» со Спесивцевой в Лондоне. Тем не менее, Дягилев оказался на грани разорения, артисты стали разбегаться, и его антреприза едва не прекратила своего существования. Но Коко Шанель пожертвовала на восстановление труппы немалые средства, - добавила Евгения, очаровательно улыбаясь мне. От вида её, завораживающе-чарующего лица становилось не по себе…

- Но и сезон двадцать второго года нельзя воспринимать как возрождение труппы, - продолжила Пилар. - Ни опера Стравинского «Мавра», ни, поставленный Нижинским, балет «Лиса» не имели успеха.

- Зато в прошлом году появился Серж Лифарь и, представленный в Монте-Карло, старый репертуар с лишь одной новинкой - «Свадебкой» на музыку Стравинского, были встречены с восторгом, - вставила Евгения.

- «Голубой экспресс» на либретто Жана Кокто – подлинная находка нового сезона, - не унималась Пилар с вдохновением. – Над балетом работали Лоран, Пикассо и Шанель. Дягилев рассчитывает на «новую эпоху современного неореализма, с претворением его в танце». Именно так он сам выразил свою мысль в последней беседе со мной.

- А как вы относитесь к современным теософам? – спросила вдруг свою собеседницу Евгения Богданова-Бельская.

- Скажу, что Штейнер мне интересен, но Анна Безант нагоняет тоску…

- Однажды я оказалась в обществе Дмитрия Мережков-

ского с Зинаидой Гиппиус и Философовым, которые встретились с Штейнером. Случилось это недавно, здесь, в Париже, на улице Ренуар 127. Но Мережковский оказался предубеждённым против Штейнера, а Гиппиус, как прежде – в розовом[192], не идущем к её рыжим волосам, с открытыми до колен ногами, восседая на кушетке, лорнировала Штейнера, словно курьёзный объект. На лбу её сияла изумрудная капля, подвешенная на тонкой цепочке. Говорила она капризным скрипучим голосом. «Мы бедны, мы наги и жаждем[193]! - возглашал Мережковский. - Мы томимся по истине!», хотя всем было очевидно, что вовсе они не томятся, но глубоко убеждены в том, что давно познали ту самую истину. «Откройте нам последнюю тайну!» - требовательно кричал Мережковский, на что Штейнер парировал: «Сначала откройте мне предпоследнюю!» Основываясь на идеях петербургского Религиозно-Философского Общества, Гиппиус пытается создать в эмиграции «Союз непримиримых» - инкубатор идей, род тайного общества, чтобы бороться с влиянием большевизма. Когда Зинаиду спросили, что ей дороже Россия без свободы, или свобода без России, она ответила «свобода без России и потому я здесь, а не там».

- А что без России делать с этой свободой? Зинаида Гиппиус высказывается против восстановления самодержавия,

---

[192] Бунин смеялся, что у неё хранится 40 пар шёлковых розовых штанов и 40 розовых юбок.

[193] Здесь и ниже приведены подлинные слова Мережковского.

- вставил я. – Поэтому нам с ней не по пути. «Большевики - новое самодержавие. Они - сегодняшний день самодержавия, монархия – вчерашний» - заявляет эта странная особа. Скорее уж прав Бердяев, утверждая, что виновны прежде всего народники, социалисты, анархисты, русские просветители, происходящие от Белинского. Это они низвергли Россию в темную бездну, а большевики лишь сделали последний шаг.

Эта чудная особа Гиппиус была мне не по душе давно. Вспоминались рассказы знакомых, как в разгар революции пятого года Зинаида Николавна кокетничала с парламентскими деятелями, по сути – заговорщиками. Поговаривали – встречалась с самим Савинковым на улице Теофила Готье в Париже. Именно Зиночка подбила убийцу Савинкова разродиться опусами под псевдонимом Ропшин. Тогда ещё миловидная, высокая, тощая блондинка с рыжевизной, Зиночка любила надевать всё белое, подражая принцессе Грёза. Прохаживаясь среди именитых гостей с блуждающей улыбкой Джоконды на устах, она могла навязать свои неумные вопросысамым вкрадчивым тоном: «А Вы, сударь, в чём декаденствуете?» Принимая причудливо-поэтические позы, она будоражила иные умы. Уверяли, что она стала считать себя неким воплощением греховности, роковой женщиной. Её муж полностью поошрял её прозвище Белой Дьяволицы. А как заигрывала с партией кадетов! Более того, оба они с мужем сравнивали террористов с первыми христианами,

оправдывая любой террор! Наконец, погрязли в изобретении своего нового христианства – очередной изощрённой ереси. Идеи Ницше они с мужем мечтали возвести в ранг новой мировой религии. И террор против самодержавия богоугоден. Их выкормыш Философов делает выводы, что власть в России опирается на православие, следовательно следует сначала уничтожить веру. Так что, проклятия Мережковских в адрес Октября ничего не стоят. Словом, всё вполне в духе fin de siecle – конца века, когда воспеваются тёмные порочные силы, романтизируются и навязываются и тем, кто не горит желанием их воспринимать.

- Слышал я, что брат Зинаиды принял постриг и, став Иоанном Шаховским, начал издавать эмигрантский журнал «Благонамеренный». Сам он, после пострига, отказался от изящной поэзии и пишет душевные статьи под псевдонимом Странник, - сообщил Введенский заговорщическим тоном. – А разоблачитель Азефа – Бурцев, издаёт теперь газету «Общее дело» и стал одним из основателей Национального комитета. Даже Симон Петлюра[194] нашёл себя здесь, в Париже – статьи сочиняет…

- «Европа – Атлантида… Если мы не сумеем победить близнецов, двух величайших соблазнов: Эриса – войну, и Эроса – сладострастия, не преобразимся и не переродимся, нас всех ждёт гибель! Неминуемая гибель!» – с вдохновен-

[194] Вскоре Петлюра был убит эмигрантом Шварцбаумом из мести за еврейские погромы.

ной мрачностью продолжал Мережковский, - развивала свой рассказ Евгения. - А Илья Исидорович Фондаминский[195] твердил своё об Ордене интеллигенции, который необходимо создать, чтобы он породил мировое царство элиты. «Но, элита едет – когда-то будет?» – подавил пламенность речи Фондаминского Георгий Иванов, заменивший «улиту» на «элиту». Грянул смех и выкрики, мол, du tac au tac – метко, а Илья Исидорович уже не смог вернуть к себе всеобщее внимание.

- Дягилев - это сила, но будущее искусства всей Европы за сюрреалистами – уверена в этом! – продолжала Пилар с пафосом вплоть до истерических ноток, не вникая в последние слова Евгении. Было заметно, что о Мережковских она не знает ничего. – Старый мир неминуемо рухнет, похоронив старую мораль, старое искусство и литературу. Прошедшие фронт считают себя способными создать новую мораль, точнее – антимораль и новое искусство – антиискусство. Воз-

---

[195] Фондаминский – литературный псевдоним которого – Бунаков, был революционером, масоном и религиозным деятелем (1880-1942). Из еврейской купеческой семьи, принял православие. Окончил Гейдельбергский университет. Участник декабрьского восстания в Москве в 1905 г. Эмигрировал в Париж с женой (внучкой «чайного короля») с 1906 по 1917г.г. Выступал против пораженцев в годы войны. В 1917 г. назначен Комиссаром Черноморского флота от Временного правительства. С 1918 г. вновь уехал в Париж. Редактор ведущего журнала русской эмиграции. Участник Русского студенческого христианского движения. Арестован гитлеровцами вместе с 120 русскими масонами. Погиб в Освенциме. Почему-то канонизирован Константинопольским патриархатом в 2004 г, как св. мученик.

высившись над повседневностью, мы вознесёмся до сюрреализма, который станет эликсиром молодости всей поэзии! Гийом Аполлинер - глашатай нового искусства, уходящего к границе неведомого и бесконечности. Проклятая Испанка унесла гения!

Невольно поморщившись от восхвалений в адрес мужеложца Дягилева, я вспомнил о скандале вокруг его постановки «Весна священная» в тринадцатом году, когда весь Париж только о труппе Дягилева и говорил, а наши газеты вторили французам. Когда в театре на Елисейских полях завязалась потасовка между сторонниками нового балета и его противниками, Дебюсси первым ринулся на противников с кулаками. Оркестры Франции отказывались исполнять Стравинского, а театры закрывали двери перед носом Дягилева. В довершении всех дягилевских бед, Нижинский стал ему изменять с женщинами, покуда не женился на дочери венгерского миллионера. Впрочем, такой скандал сделал имя Дягилева лишь более привлекательным и принёс барыши.

- Но и у Аполлинера были свои предтечи: те же Эдгар По, гашишист Бодлер и Лотреамон, - заметила Евгения. – У них наблюдается некая форма неподчинения, которая суть дезертирство внутрь самого себя. Это даже не пораженчество Артура Рембо, но позиция полного безразличия, попытка ничему не служить и, скорее, вредить.

- Началось всё тогда, в девятнадцатом году. Тцара донёс до парижан своё дада. В «Манифесте дадаистов», взорвав-

шемся бомбой сразу после войны, было сказано, что название «дада» было выбрано потому, что эти два слога «ничего не означают». В этом таится скрытая деструктивность дадизма, - сказал, незаметно присоединившийся к нам, небольшого роста, но очень видный человек с чисто парижским выговором. Черты его резко очерченного лица и манера поведения указывали на знатное происхождение.

Евгения сочла своим долгом представить меня графу.

– Граф де Растиньяк, - представился он мне.

- Вы сторонник дадаизма, граф? – спросил я.

- Отнюдь нет, полковник, скорее – напротив, отношусь к подобным экстравагантным выходкам критически, несмотря на свои тридцать пять лет отроду. Дело в том, что я – потомок тех, кто поднимал Вандею, и остаюсь истинным роялистом, большим, чем сам король, тогда как все эти чудаки-дадаисты, если и не анархисты, то чуть ли не коммунисты[196].

- Что же, шуан мог бы найти общий язык со сторонником российского самодержавия, - улыбнулся я.

- Жители Европы радуются тому, что они выжили в этом аду, затеянном сильными мира сего, - возразила Пилар. – Удивляюсь, как можно оставаться монархистом после того,

---

[196] В СССР отголоском дадаизма стала группа ничевоков в 1920-22 г.г. Она опубликовала «Манифест от ничевоков», «Декрет о ничевоках поэзии» и манифест «Да здравствует последний интернационал Дада мира». Один из лидеров французского сюрреализма Андре Бретон призывал коллег вступать в компартию, встречался в Мексике с Троцким. Но на Конгрессе писателей, дал пощёчину Илье Эренбургу за слова в его памфлете о том, что все сюрреалисты – педерасты.

что сотворили кайзер Вильгельм с царём Николаем? Дадисты не хотят быть и далее «пушечным мясом». Так, да здравствует индивидуальность, непохожесть на предков! Долой рационализм! В нём залог разрушительных войн! Возьмите Нэнси Кьюнард, дочь владельца судоходной компании. Разве это не пример стремления к истинной свободе вопреки желания сытых родителей? Нэнси бежит от напыщенно-самодовольного британского общества, как кэрролловская Алиса - сквозь зеркало. Бежит к парижским смутьянам-сюрреалистам.

- Всё это так, но Париж превращается в какой-то новый Вавилон. Чужаки заполоняют целые районы города. Почему я должен приветствовать всё это? – спросил Анри де Растиньяк.

- Дадаисты провозглашают: «Мы не представляем собой ничего, ничего, ничего, несомненно, мы не достигнем ничего, ничего, ничего!» Разрушение какой бы то ни было эстетики – вот в чём задача Дада! Отрицание канонов, иррационализм и бессистемность во всём! В этом спасение человечества! - перешла на повышенный тон Пилар и, безумно вращая тёмными бездонными очами, начала декламировать постулат дадаистов. – «Бросьте жену, бросьте любовницу. Бросьте надежды и опасения. Забудьте детей на опушке леса. Бросьте реальное ради неосязаемого. Бросьте, если нужно, зажиточную жизнь, то, что создаст вам положение в будущем. Отправляйтесь в дорогу!»

Де Растиньяк отвернулся от заговаривающейся испанки и сосредоточился на любезничании с Бельской. Но и Евгения продолжила о сюрреализме и автоматическом письме[197], к которому она и её друзья якобы нередко прибегают. Граф был до последнего момента очень галантен с ней, но вдруг резко заявил:

- Но позвольте, мадемуазель, ведь такие люди, как Аполлинер, или даже Пикассо – весьма аморальные типы. Известно, что в 1911 году из Лувра была похищена Мона Лиза. Подозревали Гийома Аполлинера, которого сразу же арестовали. Как вскоре выяснилось, любовник поэта, в наше время это стало приемлемым словосочетанием, – бельгиец Жери Пьере, давно воровал из Лувра старинные иберийские статуэтки и продавал их Пабло Пикассо. Аполлинер успел отправить своего возлюбленного в Египет до того, как его пытались арестовать. Пикассо ночью бегал по Парижу с чемоданами, набитыми статуэтками, но так и не решился сбросить краденое в Сену, поскольку его могли заметить ажаны[198], снующие вокруг в неимоверных количествах. В то вре-

---

[197] В то время, как сюрреалисты отрицательно относились к спиритизму, они занимались почти тем же, вытягивая руки за столом, начиная писать, не задумываясь о написанном, на бессознательном уровне. Уверяя, что в медиативном трансе могут быть написаны шедевры, они мало отличались от поклонников спиритизма, которые занимались тем же в устной форме. Духи умерших управляют их автоматическим письмом. Теософ В. Соловьёв занимался задолго до них тем же и прослыл «пассивным медиумом».

[198] Прозвище парижских полицейских.

мя, у этого скупщика краденого уже имелись влиятельные покровители. Статуэтки незаметно вернулись в музей, а Пикассо не тронули. Аполлинера отпустили, после пяти дней заключения, за непричастностью к краже Джоконды.

- Простите, Анри, но я не намерена выслушивать напраслину на, уважаемых мною, людей, - сверкнула очами Евгения. Взгляд её вселял в меня юношескую робость. Эта женщина имела поистине власть над мужчинами, независимо от их возраста. И Растиньяк уже не сумел ничего возразить ей.

Я невольно вспомнил о Модильяни, совратившем молодую Ахматову в том же году, по рассказам кого-то из завсегдатаях салона Ольги Третнёвой. Впрочем, кто кого тогда совратил остаётся вопросом. Не говоря о том, что всё это могли быть лишь злобные сплетни.

Я покинул их, направившись к своим приятелям Старогородскому и Введенскому.

- Обратите внимание, Глеб Гордеевич на эту миловидную особу там, у окна, - сказал мне профессор Введенский тихо. – Это госпожа Скобцова – супруга высокопоставленного кубанского казака. Какое-то время он председательствовал в Кубанской раде. После разгрома они уехали в Константинополь, жили в Сербии, а с этого года оказались здесь. Девичья фамилия её Пиленко, а по первому мужу – Кузьмина-Караваева. Сейчас муж её ведёт работу среди казаков-эмигрантов в «Общеказачьем доме», а сама Елизавета Юрьевна зани-

мается литераторством. Повествует об ужасах гражданской усобицы.

Я пристально вгляделся в мягкие черты миловидной молодой женщины и заметил в её взгляде неистребимую скорбь. Как же досталось нам всем за эти годы! Как корёжит судьбы наше лихолетье[199]!

- Представьте себе, многие утверждают, что у государственного советника Набокова в тот самый момент, когда он держал корону перед торжественным актом, сделался понос, и он напустил в штаны[200], - повествовал Виктор Введенский о коронации последнего Царя.

- От того и царствие таким вышло, - буркнул в ответ упитанный купчина.

- Слышу, Виктор Витальевич, что уроки революции Вас мало чему научили, - укоризненно произнёс я. – Вы по-прежнему грешите своим февральским либерализмом.

---

[199] Е. Пиленко из благополучной семьи юриста. Была влюблена в А. Блока. Вышла замуж за присяжного поверенного Кузьмина-Караваева. Посещала «Башню» Вячеслава Иванова и «Цех поэтов». В 1913 г. ушла от мужа и погрузилась в религиозные искания. Февральскую революцию встретила с энтузиазмом и стала эсеркой. В 1926 г. в Париже умерла от менингита её младшая дочь и она решает посвятить себя служению Богу и людям. Закончила в Париже Свято-Сергиевский православный богословский институт и получила церковный развод с мужем. Приняла постриг под именем инокини Марии. Создаёт дом для выздоравливающих туберкулёзных больных и ухаживает за ними сама. Здесь умерли её мать и супруг. В 1942 г. спасала у себя еврейских детей, выдавали взрослым фиктивные документы о крещении. Мать Мария и её сын арестованы гестапо, помещены в концлагерь, где были потом убиты.

[200] Из дневника Суворина - запись от 19 мая 1896 г.

- Что Вы, Глеб Гордеевич, это я так – к слову пришлось… - растерялся Введенский.

- В таком случае, извольте уважать память нашего Государя.

- Так, я же о Набокове…

- Даже и в такой форме – грех, - отрезал я.

- Да будет Вам, полковник, - пробасил купец. – Царя и в самом деле жалко, жизнь нашу былую жалко, но чего уж так к словам придираться?

- Чистота должна быть сохранена. Такого моё мнение. В этой комнате находится некий ревнитель памяти двух последних Государей, который может запросто пригласить любого из вас к барьеру, а таковому может очень не поздоровится, - сказал я.

- Вы знаете, я не дворянского сословия и в такие игры не играю. Мне безразлично, вызовет ли этот офицерик меня, - пренебрежительно заметил купец и мясистая физиономия его выразила глубокое отвращение.

- Не офицерик, а офицер, сударь. Извольте выбирать выражения, - заметил я строго.

- Я не навязывался к вам с разговорами, сударь любезный. Извольте оставить меня в покое, - проговорил купчина угрожающе низким голосом и добавил себе под нос. - Вот бы те аршинной стерлядью по упрямой твоей по головушке.

Весь его облик, с шикарной тройкой, приобретённой вовремя на Большой Миллионной, золотым портсигаром и ча-

сами Фаберже, торчащими из кармана, вызывали у меня полное неприятие, ибо было ясным, что он перевёл свои капиталы с Отчизны на Запад ПЕРЕД Войной. Я молча повернулся к нему спиной и направился было к Ведищеву, как меня настиг немец, молча присутствующий при нашем последнем разговоре.

Это был странного вида конопатый рыжий толстяк лет более тридцати, одетый в штатское, но имевший выправку отставного офицера. В руках он теребил нелепую в Париже трубку с длинным чубуком наподобие кермического голландского, или хохляцкого. Он нервно мял трубку, не куря.

- Отто Хорст Лемке, - протянул он мне широкую крепкую ладонь. Я представился в ответ подчёркнуто любезно.

- Вы мне чем-то импонируете, господин полковник, - произнёс он бодрым тоном на неплохом русском. - Хельмут фон Мольтке некогда заявил, что «война - это неотъемлемая часть порядка, установленного Господом» и я полностью его поддерживаю. Мне мила военная выправка и офицерская поступь. Ведь моими предками были ландскнехты времён Тридцатилетней войны. Мой род включал некоего пращура из солдат-разбойников больших дорог. Сам я служил в Танганьике в бравых подразделениях фон Леттов-Форбека. По-моему, крупнейшей ошибкой Вильгельма стала война с русскими вместо того, чтобы вместе с ними разгромить общего старейшего врага – наглых англичан – нацию пиратов.

- Во многом Вас понимаю, сударь, - ответил я, - подобный союз двух монархий против островной псевдомонархии, как и против республики Франция был бы более уместным. Но я не забываю и слова генерала Скобелева некогда сказавшего, что «славяне и тевтоны никогда не разделят мировую Империю. Одна из этих двух рас должна подчинить себе другую». Надо сказать, что агрессия веками исходит отнюдь не с нашей стороны. Что касается генерала фон Леттов-Форбека, то честь ему и хвала – достойнейший военачальник! Когда немцы спасали в Малороссии русских офицеров от захвата большевиками, офицеры добро помнили, и уверяли меня однажды, что психологически немец-монархист ближе имперцу-русскому, нежели республиканец- лягушатник и сноб-англичашка.

- Возможно всё это так, полковник, но вся суть в нынешнем безбожии, - он ненавязчиво перевёл разговор. - Дух безбожия отнимает у немцев Библию и веру, мы становимся нацией неверующих. Ведь «Школа критического осмысления Библии» сделала возможной эту проклятую войну, ибо для истинно христианской нации было бы немыслимо вести войну так, как вела её нынешняя атеистическая Германия с доктриной о стратегии на уничтожение, битвы на уничтожение, террором, который призван парализовать мирное население, а точнее - низшую расу неприятельской страны, способствовать скорейшей победе германского оружия. Я – патриот, но не нынешней Германии. Фридрих Великий – король-рыцарь

и Бисмарк – мои идеалы. Помимо этого, заметны следующие казусы: Франция стала антикатолическим государством, а Германией правит могущественное католическое меньшинство. Куда же это годится?

- Тевтонская военная доктрина пропитана духом громовержца Тора, а российская вдохновлена Христом. Мы были Христовым воинством, и наш Государь остался рыцарем и в таком веке, - отозвался я мрачно. - И те же два начала сказались и на военных доктринах обоих народов.

- Да… Рудольф Фрейхерр фон Сэботтендорфф в самом конце войны учредил мюнхенское отделение Общества Тулле, включив в устав антисемитизм и право на санкционированное убийство. Он провёл много лет в Турции и близко познакомился с порядкам ордена ассасинов[201], - продолжил мой собеседник. – Теперь и антикоммунизм объявлен одной из сторон деятельности Общества Тулле.

- Что же, антикоммунизм не могу не приветствовать, - недоверчиво вставил я.

- В 1919 году мюнхенское Общество Тулле учредило Германскую рабочую партию, главой которой через год стал некий Адольф Гитлер, переименовав её в Нацистскую партию.

- Название это немного режет слух. А господина Гитлера

[201] Предтечей этого тайного ордена была секта исмаилитов Ибн-Сабаха XII в. Слово «ассасины» происходит от «хашишины», курящие гашиш. Они готовы были идти насмерть по заданию Ибн-Сабаха и европейские владыки трепетали перед ними.

не имею чести знать. Что он из себя представляет? – вяло поинтересовался я: все они так многословны!

- Я его мало знаю. Лишь понаслышке. Мне интереснее другая личность: Карл Хаусхофер, который долго служил германским военным советником в Японии после Русско-японской войны. Традиции Японии произвели на него неизгладимое впечатление. Он глубоко изучил японский, а также санскрит и около года изучал буддизм в Тибете. Сразу после войны он создал в Берлине Общество Врил, которое к задачам Тулле добавило поиски некоего врила, которым якобы обладают сверхсущества, живущие под землей. Наиболее вероятным местом проживания этих существ он считает Тибет – родину арийских переселенцев из Тулле. Хаусхофер разработал свою геополитику, согласно которой каждая раса может достичь могущества, лишь расширяя своё жизненное пространство завоеванием соседних земель. Он возглавил Институт по геополитике в Мюнхене и начал влиять на Адольфа Гитлера[202]. Что Вы об этом думаете?

- Не имею своего мнения по этому поводу, - заметил я.

- Мне кажется, что львы и тигры в цирках Европы понимают команды лишь по-немецки и это неспроста, - рядом

---

[202] В 1935 г. Хаусхофер приложил много сил, чтобы убедить Гитлера учредить Аненербе - Бюро по изучению родового происхождения для обнаружения арийских истоков в Центральной Азии. Антрополог Бруно Бегер измерил черепа множества тибетцев и пришёл к выводу, что тибетцы - переходная раса между арийцами и монголами и могут служить связующим звеном для германо-японского альянса.

возникла, загадочно улыбающаяся, Евгения.

- Вы имеете что-то против порядка? – удивлённо спросил немец.

- Нет, но мне не очень приятны ваши дома: чистые, опрятные, но по-немецки слащаво убранные, - ответила Бельская.

- Mit den Russen ist es immer so. Unordnung und keine spur von organization[203]! – проворчал обиженный Отто. Уверен, что письменный стол отца этого выходца из прусской юнкерской семьи украшал бронзовый бюст Бисмарка.

Де Растиньяк разговаривал с Старогородским и, когда я приблизился к ним, то услышал нелицеприятный спор. Ксаверий Павлович поведал своему собеседнику о своей службе в крымских винодельных угодьях, а также прислуживании в ходе царских обедов.

- Но, мне кажется, сударь, что дворяне за столом не прислуживают даже особам монаршей крови, - вдруг резанул чванливый граф.

- Вы хотите выставить меня лакеем? Прислуживают, сударь, в ресторане, а Августейшей семье служат, – с неподдельным удивлением возразил Ксаверий.

- Отнюдь нет. Этого я не утверждал. Вы правы… Я и сам – монархист.

- Так вот, уместнее уж тогда меня сравнить не с лакеем,

---

[203] С этими русскими всегда так. Беспорядок и никаких признаков организации! (нем.).

а с гоф-фурьером – это раз. А во-вторых, я – не дворянин, Ваше Сиятельство, а лишь разночинец.

- Право, простите, я не хотел… - смутился француз.

- Кстати, обращение на «ты» я сношу исключительно от августейших особ. Точнее - почитаю за привилегию и особое отличие. Я был бы огорчён, если бы сам Государь, или кто-нибудь из Его детей, пусть самых младших, вдруг сказал мне «Вы». Да, я - пассеист. Даже не ретроград.

Анри де Растиньяк слушал его дальнейшие пояснения очень рассеянно. Взгляд его устремился на длинную худую фигуру в чёрном фраке, появившуюся в дверях.

- Дамы и господа, - раздался красивый, поставленный голос Евгении, - перед вами владелец этой замечательной квартиры – барон Гийом де Кресси. До сих пор мне было поручено принимать и развлекать вас. Отныне передаю сию прерогативу господину барону.

- Приветствую вас, мои дорогие гости! – произнёс барон гнусавым, вялым голосом. – Что я могу вам сказать, кроме того, как призвать к истреблению снеди и напитков, которыми уставлены столы? Будьте, как дома. К сожалению, не могу составить вам компанию в поглощении яств, поскольку много лет питаюсь очень своеобразной пищей, в силу своих особенностей.

Это был человек по меньшей мере сорока пяти лет отроду с брезгливой миной на помятом бледном, но породистом ли-

це с длинным хрящеватым носом. Его безжизненный взгляд пугал, когда встречаешься с ним глазами.

- И такая роскошная женщина живёт с этим ничтожеством? – тихо спросил самого себя граф. - Воистину, половые предпочтения женщины неисповедимы…

Впрочем, с моим знанием французского, могу лишь очень приблизительно передать то, что он пробормотал себе под нос.

- A bas Guillaume! – с нелепой юношеской бравадой вдруг громко воскликнул граф в адрес барона, что я не смог не понять, но позже мне пояснили. Было сказано «долой Гийома!», но никто не обратил на возглас графа внимания.

- Евгения Александровна, а могу ли я спросить у Вас, чем именно вынужден питаться наш барон? – спросила вдруг Бельскую миловидная особа, которую мне представили, как Юлию Аларину.

- Насколько мне известно, исключительно шоколадом с кофе, - небрежно бросила в ответ Евгения. – Впрочем, я не слишком вникала в его меню.

Услышав эти слова, Растиньяк возрадовался, что сразу было заметно по его живому, подвижному лицу. Очевидно, он подумал, что Евгения терпит барона за его деньги, ведь подобная квартира в центре столицы была большой роскошью. Но, когда де Кресси неожиданно страстно припал губами к руке Бельской дольше, чем позволяли приличия, лицо Анри де Растинька вновь помрачнело.

- Вы бывали в России, барон? – насела на де Кресси со своими вопросами Аларина.

- Однажды довелось. Москва показалась мне менее цивилизованной, чем я ожидал. Улицы её безнадёжно узки, их изогнутость бессмысленна, а дома, по большей части, убоги. Публика же, выглядит провинциально. После Петербурга этот город не производит никакого впечатления, - разразился скрипуче-гнусавой тирадой барон.

- Уверяю Вас, месье, что это лишь на французский взгляд так. Русскому же сердцу милее Москва – древняя столица, - не удержался я.

- Очень может быть, - ещё более вяло отозвался барон. Каждый жест его казался последним усилием старца на смертном одре.

- Вы правы, полковник, - очаровательно улыбнулась мне Аларина.

- Заметил я одну странность в русском характере: русский человек может удивительно быстро сделаться безрассудным до жестокости, скверным, но и вновь измениться. В этом бесхарактерность русских, этих больших, извините меня, детей, - добавил де Кресси, примиряюще улыбнувшись.

Я заметил, что рядом возник Заруцкий, который зорко следил за Аларионой ревнивым оком. Мне показалось, что эта тихая, но внушающая приязнь, женщина полностью завладела помыслами бравого капитана-марковца. Вдруг к Бельской

подошёл тот самый грузный купчина.

- Это один из немногих финансовых тузов русского зарубежья, - тихо сказала Аларина Заруцкому, - промышленник Сысой Евлампиевич Скотобойников.

- Вы хотели меня представить господину барону, - обратился Сысой к Бельской, - на предмет возможной денежной поддержки, - и добавил тихо, чтобы слышно было только ей, но я стоял, случайно, совсем близко. – Делаю это исключительно ради Вас, Женечка. Уж соизвольте принять от меня поутру букет свежих розочек.

- Пусть будет по-Вашему, Сысой Евлампиевич, - очаровательно улыбнулась ему Евгения, подводя его к барону.

Взгляд графа де Растиньяка зловеще сверлил купца.

- Премного благодарен Вам, господин Скотобойон, - исказив имя Сысоя, ответил Гийом де Кресси, улыбаясь недоброй улыбкой, ибо иначе он не мог. Неадекватное выражение его, обычно заторможенных, глаз оживилось на удивление.

В этот миг Растиньяк поймал пламенный взор Смураго, устремлённый на Евгению, и понял, что у него в этой гостиной уже два соперника, если не три, ибо Алябьев давно не сводил очей с Бельской, забывая о взорах окружающих. Всё это весьма бросалось в глаза. Внезапно всем стало ясно, что у Бельской появился ещё один воздыхатель в лице полупьяного Нащокина. Кроме того, Заруцкий временами засматривался на Евгению, тряся своей дурацкой чёлкой, и тогда Аларина выводила его из подобного заторможенного состо-

яния, отвлекая внимание на себя. Если кто-то и последовал совету владельца квартиры истреблять съестное на столах, то это был толстенький Введенский, которого, судя по всему, не слишком волновали особенности собственной фигуры и ширина талии. Отто Хорст Лемке подошёл к Растиньяку и тихо сказал:

- А Вы заходили, граф, в отхожее место в этой квартире?

- Нет, а в чём дело? – удивился Анри.

- Там рядом и ванна и… стоит… биде[204]… - страшным шёпотом произнёс немец.

- Ну и к дьяволу всё это, сударь. Мне и так очевидно, что за фрукт владелец этого дома и, что он злоупотребляет своей властью и деньгами! – раздражённо ответил граф.

- Говорят, - шепнул мне на ухо Введенский, - барон – Синяя Борода нашего века. Якобы в сокрытой комнате у него томятся наложницы, которых этот вампир истязает.

Я не придал значения очередной сплетне, отмахнувшись от болтуна.

Всё это мне порядком надоело и захотелось уйти домой, но я вспомнил, что должен дождаться того самого таинственного инженера, о котором была речь. Похоже, что Бельская нервничала, поглядывая на часы, стоящие на роскошном

[204] Простые душевые даже без ванны были ещё роскошью, а биде - признаком порока.

псише[205] времён Консульства. Казалось, что и непроницаемый барон тоже кого-то ожидает. Я присел в полутёмном уголке, чтобы немного отдохнуть от назойливых собеседников, как вдруг встретился глазами с неподвижно сидящим там Блудовым, которого прежде в гостиной не приметил. Я сухо кивнул ему, но штабс-капитан выразил явное желание разговорить меня. Не имея ни малейшего желания беседовать с этим малоприятным человеком, я готов был уйти, извинившись, но внезапно слова его остановили меня.

- Вот Вы, Глеб Гордеевич, всё избегаете меня, или со мною ссоритесь, а между тем, возможно, что Вам было бы небезынтересно услышать о Вашем брате, с которым мне пришлось немало прошагать по горам Туркестана. Или Вам ничего не говорит имя Дмитрия Гордеевича Охотина?

- Как? Вы знаете моего брата, который оказался в Туркестане? – я был шокирован. Недавно я узнал о Дмитрии от Семилетова с другом, а теперь и от этого типа: Провидение не оставляет нас, Охотиных.

Вслед за этим Блудов лаконично поведал мне о переходе с семьёй Дмитрия из Памира в Афганистан факты, очень совпадающие с семилетовскими. Кто бы мог подумать, что все они были там вместе, а теперь оказались в Париже! Я поблагодарил его, но не стал упоминать Семилетова, который был нашим секретным агентом, а доверия к Блудову я не испытывал.

---

[205] Туалетный столик с вращающимися зеркалами.

К нам подсел Введенский и развеял сгущающуюся атмосферу весёлым рассказом:

- Недавно я беседовал с князем Волконским и он поведал мне презабавнейшую историю в бытность свою в Совдепии. Оказывается, согласно официальному докладу председателя Коллегии охраны памятников, бумаги, отобранные в доме Волконского в восемнадцатом, были израсходованы в уборной ЧК. А когда члены комиссии увидели портреты на стенах дома Волконского, главный спросил: «Генералы? Содрать их». «Но это ведь декабристы» - заметил кто-то. Далее произошёл следующий диалог: «Знаем мы этих октябристов. Содрать!» «Ведь это же первые революционеры». «Оставить... А это что за генерал?» - он указал на портрет Николая I работы Дау. «Это?.. Это Дау. Написано же…». «Ну Дау, так Дау. Пусть висит».

- Что может быть хуже Чеки? – риторически спросил Блудов.

- Мобократия времён Февраля, беснующаяся на улицах Питера. То бишь - власть толпы, - многозначительно поднял указательный палец вверх профессор.

- Признаки начала исчезновения целой, некогда великой, нации на лицо. В России полнейший хаос и не суть, когда всё началось, - отстаивал свою точку зрения Блудов.

- Но большевики развиваются очень бурно, пытаясь воскресить новое и более сильное государство, - вмешалась

вдруг Юлия Аларина, бесшумно возникшая рядом.

Я не собирался с ней спорить, тем более что вовсе не знал её, и поспешил отойти в сторону». На полях была приписка: «Много позже я узнал, что она оказалась красной шпионкой и по её вине пропал бедный Роман Заруцкий, славный марковец, обладатель георгиевской планки с золотыми черепами[206], связавший с ней свою судьбу и, угодивший в лапы ЧК».

«Бедный поручик Алябьев сидел совсем потерянный, поскольку Евгения не обращала на его попытки завязать с ней разговор и понравиться ей ни малейшего внимания, а, откуда-то взявшаяся дева, тип которых, по старой памяти[207], именуют «фокстрот-девица», одолевала его своим щедрым вниманием развязанного характера. Дошло до того, что она бухнулась на колени, покрасневшего поручика, болтая изящными ногами с заголившимися коленями. Она поправляла свои коротко стриженные, смазанные бриолином, волосы и дымила ему в нос длинной тонкой папиросой, зажатой пунцовыми, густо накрашенными, губами. Иногда доносился их смехотворный разговор, из коего явствовало, что провинциальное семейство не смогло позволить себе преподать Моде-

[206] В русской армии эмблема «Адамовой головы» стала знаком дополнительной награды для лётчиков, сбивавших вражеские аэропланы. На георгиевской планке черепами со скрещёнными костями отмечали число уничтоженных самолётов: золотыми черепами - десятки, серебряными - единицы.

[207] Фокстрот был известен уже 10 лет и к 1924 г. его теснил чарльстон.

сту французский должным образом. Поручик начал искать выход в обильном поглощении алкоголя без всякого разбора и вскоре понёс всякую чушь.

- Господин полковник, а там… кто он такой? – спросил он вдруг меня.

- О ком Вы, поручик? – нехотя переспросил я.

- Ну, Маслов тот, Вадим? – он указал глазами на Ведищева.

- Капитан Ведищев Мефодий Степанович, который уже был Вам представлен, поручик. Капитан сражался в рядах дроздовцев, как и я сам. На Вашем месте, я бы срочно прекратил пить спиртное, - ответил я, так и не поняв, что имеет в виду юноша[208].

- Ради всего святого, господин полковник! Простите меня грешного! – с особой выспренностью воскликнул поручик, чуть ли не со слезами.

- Бог простит, - сухо отозвался я, - ведите себя подобающе русскому офицеру.

- Искры Божьей-то и нет во мне! От того мне так худо! - Алябьев залился пьяными слезами, зажимая в трясущемся кулаке пузатую рюмку с коньяком. К нему подскочила фокстрот-девица и принялась рыдать вместе с ним.

---

[208] Вадим Маслов – капитан 23 лет, любовник почти 40-летней Мата Хари. Присягнул Временному правительству, но участвствовал и в беспорядках Легиона Чести. После газовой атаки под Реймсом постепенно ослеп на 1 глаз. Половина красивого лица его была опалена газами, лёгкие обожжены и часть их вырезана.

- Глеб Гордеевич, а не могли бы Вы познакомить меня с промышленником Лианозовым? – проворковала вдруг мне на ухо Евгения.

- Понимаю, что для прожектов Вашего инженера Вам требуются денежные мешки, но, увы, я даже не знаю адрес этого человека. Если же он снова появится у нас, заинтересовавшись в сотрудничестве с РОВС, то я попрошу его связаться с Вами.

- Эх, наша бражно-раздольная разухабистость. Эта вечная игра бесовская скоморошья: всюду плясцы, глумцы, да сквернословцы. Но Россия – это и прянишность церквушек нарышкинского барокко, белоснежное величие домонгольских храмов. Бывало взберёшься на любой бугор и – благодать российская предстаёт взору твоему: колышущиеся поля ржаные, пестрота березняка, сосны рыжеют… А теперь что нам остаётся? Простор Елисейских полей созерцать? Нет уж, меня увольте, - разглагольствовал Нащокин, проходя мимо. Он уже слегка пошатывался.

- И что тогда остаётся? В Триэсерию возвращаться? Так, порешат они Вас там и все дела, - сказал Смураго.

- Но Россия это и Бальмонт, Блок, - с томной мечтательностью проговорила Евгения. - Без таких людей, как они всё прахом пойдёт. Давно нет Достоевского. Остался один Бунин…

- Кстати, Бунин отзывался о любимых Вами, Евгения

Александровна, Бальмонте, Сологубе и даже Блоке исключительно нецензурно и его можно понять. Да, да! Этот непревзойдённый мастер слова способен и так выражать свою мысль. Символизм же он совершенно не выносит, - заметил Смураго, оказавшийся подле Евгении.

- Ведь не зря же воскликнула Цветаева: «Пал без славы орел двуглавый», - дразнящим тоном говорила Юлия Аларина Заруцкому, стоя за спинкой его стула и, весьма фривольно, облокотившись на его плечо.

- Потаскуха она – твоя Цветаева, - зло бросил в ответ Роман.

- Не кошунствуй над именем поэта! А дальше знаешь, что сказано?

- И не хочу слышать. Чехов не зря говорил о декадентах присущей ему иронией: «Какие они декаденты, они здоровеннейшие мужики! Их бы в арестантские роты отдать». Декаденстский лепет о красоте порока, восторг пред некромантией – тьфу!

- «Царь! - Вы были неправы. Помянет потомство ещё не раз – византийское вероломство Ваших ясных глаз...»

- Ну и дура твоя Цветаева! Такая же слепая в политике, как и все они – богема чёртова. Возьми того же Баламута-Бальмонта, или любого из поэтишек.

- Какой ты грубиян! Что бы ты понимал в поэзии!

- Уж не курсистка-истеричка в потёртой котиковой шубке

я, слава тебе, Господи, - брюзжал подвыпивший Роман, очевидно ставший за этот вечер на короткой ноге с Аларионой. - Опостылело мне всё!

- Хорошо, отбросим Цветаеву. Но уж черносотенец Никольский должен быть тебе близок. Так вот, он сказал не так давно, что без мощной и прочной государственности попросту немыслимо само существование России. И потому как истинный патриот, для которого Россия - превыше всего, он не идёт и не пойдёт против большевиков! Разве это не убедительно? – не унималась Аларина.

- Ты вспомни лучше, что красные твои не смогли даже песен своих создать. Те же слова «Слышали деды, война началася...» взяты из старой казачьей. Исказили прекрасную песню, подстроили под себя и, вместо красивейших слов: «Мы смело в бой пойдём за Русь Святую и, как один, прольём кровь молодую» вставили: «за власть советов и, как один, умрём в борьбе за это»! А как испохабили легендарный марш дроздовцев «Из Румынии далёкой шёл Дроздовский славный полк...» Вместо них появились слова: «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперёд...» Мелодию-то непросто придумать, вот и сохранили её иуды. Паразитируют на нашем культурном наследии!

Оказалось, что в гостиной уже находились Сергей Эфрон с Мариной Цветаевой, которые, возможно, слышали нелестные слова Заруцкого. Вошли они незаметно и скромно се-

ли в уголке. Одеты оба были страшно бедно. Говорили, что недавно заехали из Праги[209] посмотреть, что и как.

- И тогда я понял, что все наши метафизические чаяния, наши лучшие надежды на будущее собраны в учении Карла Маркса! Просто мы этого не поняли, а большевики – да, - неуверенно, но с многословным пафосом говорил Сергей Эфрон, обращаясь к Бельской. Тягучий напор его речи утомлял.

- Быть мужем даровитого поэта[210] ещё не означает разбираться в политике, мой дорогой Сергей, - усмехнулась в ответ Евгения.

- Вы не правы, мой милый, - улыбнулась Цветаева мужу.

- Но, дорогая, я говорю об очевидных вещах…

- Когда я спросила Волошина, что ему больше всего понравилось в Париже, он ответил, что Эйфелева башня. В ответ на моё негодование, он добавил, мол, это единственное место, откуда её не видно, - постаралась смягчить очередное унижение мужа Марина Цветаева своим глуховатым, негромким голосом.

---

[209] Весной 1922 г. Цветаева, вместе с дочерью, эмигрировала из России, прибыв в Берлин, где она встретилась с мужем, Эфроном. В Праге у Цветаевой возник роман с офицером Родзевичем и в 1925 г. она родила сына Георгия, отцом которого многие считали Родзевича. Эфрон хотел развода, но Цветаева заявила, что это выше её сил и всё осталось по-старому. Они перебрались в Париж уже с сыном.

[210] Слово «поэтесса» считалось в петербургских богемных кругах начала века уничижительным.

- Но последние три года, обруганная за уродство и никчёмность, Эйфелева башня стала символом Парижа. Хотите Вы того, или нет, - заметил де Растиньяк. – А с 1906 года на этой железной леди размещаются военные радиопередатчики.

- Пусть так, но мне она не нравится по-прежнему… - заторможено проговорила Марина Цветаева.

Что-то странное было в круглом лице этой маленького роста, рыжеватой серо-зеленоглазой женщины с мальчишеской походкой, стриженной «под пажа», но что именно я так и не уловил. Лоб её был заметно высок и крут даже под чёлкой, подёрнутой дымкой первых серебристых нитей. Пальцы крупных рук её грубоваты, покрыты заусенцами и унизаны какими-то цыганскими перстнями и браслетами. Казалось, что собственные руки часто мешают ей. Глаза её, за поблескивающими стеклами пенсне, насмешливо-неуловимые и какие-то прозрачные. Чаще всего она смотрела на окружающих без линз и становилось очевидным, что она очень близорука и слабое зрение отторгает её от общения, поскольку она старалась не подавать вида, не нагибаться, чтобы рассмотреть что-либо, не подносить печатный лист к носу. Эта женщина могла вдруг показаться красивой, а через минуту чуть ли не безобразной. Анне Ахматовой, которую я хорошо запомнил, внешне она явно проигрывала. Но те немногие стихи Цветаевой, которые я успел однажды прочесть, поражали своей новизной и оригинальностью мысли больше при-

вычно-символистских ахматовских. В одном из них было по-доброму сказано о последнем Государе, в отличие от приводимого язвительной Аларионой. Мысли поэтов непредсказуемы.

- Так, позвольте Вас спросить, госпожа Цветаева, что Вы изволите думать о Государе Николае Втором? – в лоб задал вопрос нетрезвый Заруцкий.

- Следует всегда быть на стороне слабого. В этом высокое предназначение интеллигенции. Взять те же разговоры о Волошине в Крыму, что он прятал у себя то красных от белых, то - наоборот. Говорили, что непринципиальная позиция, мол. Но и я бы поступила на его месте точно так же[211].

- Укрывал красных… Эта мягкотелая интеллигенция сама себе могилу и вырыла, - рубанул Заруцкий.

- Но ведь подобное отсутствие ясной позиции по-своему аморально. В этом вся наша интеллигенция, - добавил я.

Марина Цветаева смерила мою униформу прозрачным, несфокусированным взглядом в котором выражалось, скорее всего презрение, и промолчала.

- А каковы Ваши взгляды, Марина Ивановна, на позднюю русскую историю? – спросила Аларина с невинным видом.

- Очень интересуюсь историей и Рима, и Эллады - какие удивительные, целые эпохи. Но ближе всего я чувствую средневековье: я как будто бы вижу пёструю толпу монахов, рыцарей, трубадуров, чувствую их движение, живу в нём... –

---

[211] Частично подлинные слова Цветаевой, как и приведённые ниже.

рассеянно ответила Марина.

- Но вопрос был о русской истории, а не о трубадурах с труверами, - уточнил Роман Заруцкий с ехидной улыбкой.

Было похоже, что с такими людьми, как капитан, или я Цветаева просто не желает разговаривать: она вновь промолчала и разговор зашёл в тупик. А может быть она успела расслышать грубость Заруцкого в свой адрес.

- Вы хорошо себя ощущаете в среде наших эмигрантов во Франции? – спросил вдруг поэтессу Смураго.

- Среди свежих эмигрантов – да, - задумчиво ответила она. – Но не среди засидевшихся годами во Франции. Гордясь своим русским, они говорят на невероятной тарабарщине, прибавляя русские суффиксы к французским словам, спрягая и склоняя эти слова по правилам русской грамматики. Аварии для них – аксиданы, а их жёны хорошо кудрят, а не шьют… Почему-то многие из них непременно - офицеры Императорской гвардии или гвардейского экипажа, и к своим русским фамилиям они приписывают аристократическую приставку «де» - «де-Пряжкин», «де-Иванов». Но подлинная аристократия чуждается таких гвардейцев.

- Но всё же, бросайте вашу Прагу и перебирайтесь к нам в Париж – столицу эмигрантской политической жизни, - с любезным видом предложила Бельская.

- Может быть Париж и центр эмигрантский, но зато Берлин, как мне кажется, стал средоточием русской зарубежной литературы, а Прага - центром русской эмигрантской науки

и студенчества[212]. Там, в каждом домике, непременно светящееся окно в ночи: русский студент! Живут чуть ли не впроголодь, цены невероятные, а русских ничто и никогда не научит беречь деньги: в день получки - пирушки, неделю спустя - задумчивость. Студенты, в большинстве - бывшие офицеры. За редкими исключениями живут Россией, мечтой о служении ей, - произнесла Цветаева. – В отличие от Парижа, в Праге нет сплетен, интриг среди эмигрантов. А это важнее всего.

- Да и как прожить русскому, что при деньгах, без Парижа, Монте-Карло и Ниццы уже доброе столетие! – иронизировал Введенский. – Тем более, как нам, дикарям, без английского снобизма? По мне, так нечего нам делать в этом Париже! Тьфу! Как и на юге: среди приморских сосен и виноградников Фавьера, у подножия отрогов Маврских гор живописного уголока Прованса годами съезжается творческая богема со всей Европы в поисках вдохновения. Саша Чёрный построил там свой «пряничный» домик среди сосен, причудливо расписал свой теремок Иван Билибин, Во главе с вдовой Ильи Мечникова поселились здесь и русские учёные, Возник целый cite Russe – Русский городок. Предприимчивые дамы из Одессы возвели там длинные домишки с отдельными ком-

---

[212] В Праге были открыты Русская гимназия, Русский народный университет, Русский юридический факультет, Русский институт сельскохозяйственной кооперации, 11 научных обществ и учреждений. Обучение вели известные русские профессора по программам, существовавшим в Российской империи.

натушками - дешёвое общежитие, или Авгиевы конюшни[213]. Кормят в них борщом и пирожками. Но из знойной Африки, господа, в Прованс налетает, временами, душный, обжигающий сирокко. Но именно мистраль лишил рассудка Ван Гога. Мистраля ему захотелось!

- Если не мистраль, то уж точно – абсент, - рассмеялся Заруцкий. - Не идиотизм ли полнейший во всём этом: мистраль, сирокко?

- Мне кажется, что Вы просто слишком сочувствуете Советам, Марина Ивановна, - с мрачным трагизмом промолвила Аларина, как мне показалось, в целях провокационных.

- Вам просто следовало бы поучиться писать стихи на ином уровне[214], - заметил Смураго.

- Моим стихам, как драгоценным винам, наступит свой

---

[213] Туда приехала позже, после жизни в Париже, Цветаева. Там она сумела немного заработать своими чтениями.

[214] Для Бунина и сотен средних читателей Маяковский был неприемлем не только потому, что он воспевал коммунизм. Над Пастернаком издевались, и Тэффи в связи с ним вспоминала детский стишок: «Танцевала рыба с раком и петрушка с пастернаком». Цветаеву сопричисляли к Маяковскому и Пастернаку. Бунин сочинял о ней частушки не для печати, а Гиппиус отзывалась о ней с презрением и просила не печатать её собственных стихов рядом с цветаевскими. П. Струве видел в Цветаевой некую болезнь века – «бессодержательную невнятицу». Даже и Есенина клеймили как «революционную нечисть». В русском литературном Париже преобладала мода на изысканно минорную лирику, некую «франко-петербургскую меланхолию», одобренную Адамовичем. Но когда, в 1929 г. туберкулёз Эфрона усилился, Цветаева обратилась к эмигрантским кругам помочь собрать средства для госпитализации мужа в туберкулезный санаторий, и эмиграция помогла.

черёд, - тихо проговорила Марина своим стихом, не обращаясь ни к кому, скорее - к стенам, или самой себе.

- Ободранная кошка, а не поэтесса! – с трудом расслышал я бормотание испанки, если и верно понял его. Пилар была уязвлен тем, что внимание общества переключилось на русскую знаменитость.

- Вы понимаете… - вдруг промямлил Сергей Эфрон, хлопая глазами, - с позиций евразийцев[215], нам вернее находиться в Праге, чем ещё западнее… А крахмальное бельё снобирующего офицерства – лишь некий атавизм рыцарских доспехов, тогда как сам принцип рыцарства давно забыт…

- Либо уж ехать в Париж, Сергей Яковлевич, либо назад - в СССР[216], - отрезала Аларина с загадочной улыбкой. – Третьего не дано!

- Вы способны ослепить и свести с ума, Евгения Александровна, - донёсся до меня гулкий бас Смураго. – Вам это удаётся, как никакой другой женщине.

Поручик Алябьев, уронив красивую кудлатую голову на грудь, продолжал поглощать спиртное, закапав им добротный секретер вишнёвого дерева. Оказалось, что он ещё способен почувствовать мой, полный укоризны, взгляд и, под-

---

[215] Эфрон постепенно начинал примыкать к левым евразийцам, которые, по мере углубления раскола евразийства, всё лояльнее относились к советскому строю.

[216] В 1930-е Эфрон начал сотрудничать с советскими спецслужбами, чем погубил и себя и свою жену.

няв голову, уставился на меня с испугом.

- Ваше Высокоблагородие, не могу остановиться потому, что влюблён, но взоры ЕЁ обращены к другому. Я - инкурабильный пациент…

- Полноте, Ваше степенство. Держите себя в руках, поручик! Если Вам недостаточно моей просьбы, то приказываю Вам, как старший по званию, поскольку Вы числитесь в рядах РОВС.

Он встал, пошатываясь, и, весьма комично, отдал честь, стукнув каблуками. После этого Модест уже не прикасался к алкоголю весь вечер.

- Если Вы хотите укрепить в человеке национальное чувство, самое верное средство – дать ему подольше пожить за границей, - разглагольствовал неподалёку Введенский. - Пребывая в эмиграции, мы остаёмся вдвойне русскими. Наша русская тоска не даст нам здесь офранцузиться даже, если мы свободно изъясняемся на их картавом наречии и любим их историко-культурные ценности больше них самих. Право, сгори Собор Парижской Богоматери, русское сердце откликнется на это глубже французского, начнёт страдать безудержно и безутешно!

Барон де Кресси, нервно подёргиваясь, мерил шагами комнату и вдруг резко удалился, чуть ли не хлопнув дверью. Было очевидно, что он и Евгения ожидают кого-то, но только это удивительная женщина умела скрывать свои чувства.

- Самый близкий нам, нынешним, литератор, и самый правдивый это - Иван Бунин, - рассуждал Старогородский, прохаживаясь подле Введенского. – Позволим зоркому оку Бунина показать нам русский народ. Народ до революции он вывел слишком критично и даже сам сожалел о своей «Деревне». Важно услышать от него о сегодняшнем народе и отличить лицо человеческое от хари бесовской.

- Находясь здесь, он уже не сможет быть объективным, - парировал Введенский.

- Наконец-то! – с облегчением воскликнула Евгения, когда в гостиной появились два неприметных, с первого взгляда, человека.

Поскольку я оказался в тот миг ближе других к вошедшим, Бельская поспешила представить мне сухопарого человека лет пятидесяти:

- Прошу, Глеб Гордеевич, перед Вами Максим Викторович Глаголев – инженер и профессор, о котором мы с Вами уже говорили. Максим Викторович, Глеб Гордеевич – полковник РОВСа, - затем она кивнула на плотно сбитого блондина с бычьей шеей, удостоив его лишь кратким замечанием. – Наш друг – Кшиштоф Ковальский.

На лице поляка мелькнула тень: его самолюбие шляхтича было уязвлено и его не то, чтобы поросячьи, но при некоторой воле фантазии - свиные глазки налились кровью. Тогда я ясно понял, что в его взгляде прослеживается что-то отда-

лённо свиное: это был взгляд сосредоточенно-озабоченного матёрого секача.

- Н-да, сударыня, пока ещё - друг, - горделиво тряхнув головой, с сильным акцентом, отозвался он. – Наша дружба в Ваших руках.

- Очень рад видеть Вас здесь, Глеб Гордеевич, - улыбнулся Глаголев, скользнув по мне своими не по возрасту старыми, усталыми, но углублёнными в себя, глазами.

Услышав имя инженера-профессора, к нам протиснулся Отто Хорст, который тоже захотел быть представленным:

- Уверен, что нам будет о чём поговорить, господин профессор! –взволнованно заговорил он по-русски. – Германии необходимы такие люди, как Вы. Немцы умеют быть благодарными!

- «Одни лишь немки рождают. Все остальные женщины мечут» - ведь так говорят в Вашей стране, сударь? - язвительно и вызывающе бросил немцу Кшиштоф.

- Вам, наверное, виднее, сударь, что у нас говорят, - раздражённо ответил Отто.

- Похоже, Евгения Александровна, что Ваш инженер в Париже уже - секрет полишинеля, - негромко усмехнулся я.

- А хоть бы и так! Тем скорее нам, русским, надо начать использовать его открытие, - с вызовом ответила Бельская. Она сосредоточенно смотрела в одном направлении, призывая кого-то взглядом.

- Я к Вашим услугам, дорогая Евгения Александровна, -

подошёл к нам промышленник Скотобойников, обращаясь к Бельской с особым почтением.

- Сысой Евлампиевич, - очаровательно улыбнулась красавица, грубо изваянной образине купца, - именно сейчас мы с Вами, как нашим финансистом, а также Глебом Гордеевичем, как представителем наших вооружённых сил, сядем за круглый стол вместе с профессором Глаголевым. Барона де Кресси и графа де Растиньяка я также приглашу, чтобы и Франция, по возможности, поддержала нас. Наш граф Анри, как говорится - Plus royaliste que le roi. Да, да - более монархист, чем сам король. И, поскольку Польша крайне заинтересована в уничтожении большевицкой власти, господин Ковальский может сесть с нами.

Евгения провела нас в другую, небольшую, комнату, где мы расселись за круглым столиком, более напоминающим место для сеансов спиритизма, чем, скорее всего, грешил барон. Бельская исчезла за другой дверью и вскоре вернулась с раздражённым лицом:

- Думаю, мы все простим барону его временную немочь: он не может проснуться…

- Переживём, - лаконично заметил профессор. – Ближе к делу, господа.

В нашу комнату заглянул Отто, но Евгения попросила его «закрыть дверь с другой стороны, простив за некоторую резкость». Вслед за немцем сюда заглянула Аларина и тогда,

Евгения хлопнула дверью перед её носом, сокрушаясь, что здесь нет замка.

- Русский народ ждёт освобождения от красного ига, которое по сути своей – иудейское. Вы, профессор, уверяете, что можете помочь нам в решении этой задачи, - начала Бельская.

- Вы уверены, что он ждёт? – усмехнулся невозмутимый профессор, не изменяя своего пустого, скользящего взгляда даже в сторону такой красотки. Казалось, что он отделяет себя от русского народа по одному ему известной причине.

- Русский народ показал свой подлинный лик, точнее - звериную харю, - с гонором шляхтича быстро заговорил Кшиштоф. - Русские не способны ни к какому развитию, культуре, просвещению. Русский мужик - хам и раб, быдло! Ему требуется кнут!

- Если Вы сейчас же не прекратите эту мерзость, я вызову Вас к барьеру! – я в гневе и раздражении прервал поток его красноречия.

- Матка боска! Думаете Ковальский испугается русского полковника? – нагло усмехнулся тот в ответ, подёргивая пшеничный ус. – Сам король польский нам пан-брат, ведающий страх рокоша. На то и Вольность златая! Что мне полковник!

- Ковальский, требую, чтобы Вы сейчас же покинули эту комнату! – свирепо произнесла Евгения.

- Только Вам, прекрасная пани, может подчиниться по-

томок сарматов[217]! – зловеще отозвался Кшиштоф, пытаясь прильнуть губами к её ручке, но был отвергнут и быстро вышел вон.

- Парвеню, - процедила сквозь зубы Бельская и тут же продолжила. - Итак, господа, кроме графа де Растиньяка, вы все знаете какой великой тайной является изобретение профессора. Специально для Вас, граф: имеется техническая возможность создавать магнитные поля невиданной силы, - Евгения немного замялась, и я вставил, цитируя слова моего странного посетителя:

- Магнит способен подавлять психику, внушить законопослушание.

- Великолепно! – воскликнул Растиньяк.

- Поддержат ли нас французы? – резко спросила его Евгения.

- Не правительство, нет. Но частные лица – мои сорат-

---

[217] Короля шляхта воспринимала как равного себе, оставляя себе право на мятеж - рокош. В среде шляхты сохранялось представление о всеобщем равенстве внутри сословия - «паны-браты». Шляхетский сарматизм возводил шляхту к древним сарматам, которые считались кочевым германским народом. Тем самым шляхтичи отделяли себя от массы простолюдинов – славян и литовцев, воспринимаемым как холопы и быдло. Шляхта – сословие воюющих господ, противопоставлявших себя простолюдинам. Сарматисты противопоставляли себя как деспотичной Азии, так и буржуазной Европе. Истинный шляхтич готов был умереть с голоду, но не опозорить себя физическим трудом. Можно было быть помещиком-магнатом, рыцарем, занимаясь лишь войной, охотой, танцуя полонез. Протестантская трудовая этика чужда сарматскому идеалу. Развит и галантный обычай целования женской руки, поскольку статус женщины был высок, что указывало на миф о сарматских амазонках.

ники-роялисты… Сейчас Франция тратит деньги, которых не заработала – немецкие репарации. Республиканцы намерены обложить налогом состояния крупной буржуазии. Она это чует и начинается утечка капитала за рубеж. Им не до России после войны. Нелёгкое время…

- Сысой Евлампиевич, Вы даёте нам средства на изготовление аппаратов? – не меняя тона продолжала Евгения.

- Всё зависит от Вас самой, Женечка, но и от размера необходимой суммы, конечно же. Я – не Савва Морозов и не Юсупов, а так, скажем – самарский купец средней гильдии. Но, как говорят в Самаре, «ежели надо, так у нас муки хватит испечёнными блинами дорогу до Владивостока выстлать».

- Глеб Гордеевич, что скажете Вы? – нервно спросила Бельская

- Хорошо. Обещаю обсудить эту тему со своим начальством, - уклончиво ответил я. -Изобретение должно быть продемонстрировано…

- Со своей стороны, я переговорю со знакомыми в японском посольстве, готовыми нас поддержать, - сказала Евгения.

- Осторожнее с ними надо. Половину Сибири оттяпать себе хотят, - заметил я.

Когда мы покидали комнату, к профессору тут же подлетели Отто Лемке, Юлия Аларина и Александр Блудов. В тот миг в моей голове впервые возникло подозрение о её связи

с красными, а Блудов лишний раз подчеркнул связь своих интересов с британскими: они оба пытались остаться с профессором наедине.

- Германия имеет достаточно средств, господин профессор, Вы можете сейчас же заключить контракт с нашей организацией! – убедительным тоном вещал Лемке.

- Не забывайте, профессор, что меч Зигфрида карлик Миме выковывает в преисподней, тогда как меч Ильи благословляет калика - угодник Божий, - шепнул я на ухо профессору, но казалось, что его холодный рассудок не трогают образные сравнения.

Реальные деньги со стороны Германии, скорее всего, его занимали гораздо больше: профессор отошёл в сторону под руку с Лемке... Здесь во мне взыграла некая смутная ревность и мне впервые захотелось привлечь Глаголева на нашу сторону: «А что, если инженер не блефует? Вдруг это чёртово сверхоружие уже им открыто и не хватает лишь средств на доработку и изготовление? Ведь совсем недавно никто не мог поверить в аэроплан… По большому счёту, поскольку нет больше былой России, я бы скорее отдал такое оружие красным, чем тевтонцам, или англичанам…» Когда профессор завершил обсуждение с немцем, его подхватил под руку Блудов. Общаться с Аларионой профессор не пожелал.

- Господа офицеры! – обратилась Бельская ко всем, сидящим в гостиной. – Нам нужны те, кто верит в спасение Рос-

сии от большевистской чумы. Мы имеем вполне осуществимый план и нам требуются люди, готовые на отчаянные поступки!

- Мы к Вашим услугам! – голоса Смураго и Алябьева слились в один.

Им вторили Анри де Растиньяк, оба казака, Нащокин и, с некоторым скепсисом, Ведищев. Меня удивило, что Заруцкий остался в стороне. Объяснялось его поведение лишь одним: подле него стояла Юлия, которая, очевидно, успела изложить ему грубое отношение к ней Бельской. Поляк смерил всех нас презрительным взглядом, подливая себе в рюмку водки.

- Что есть Русский общевоинский союз? – с жаром вопрошала Евгения. - Это - несколько сот тысяч офицеров в возрасте от двадцати пяти до тридцати пяти! Таким людям с четырёхлетним опытом Великой войны, с более, чем трёхлетним - Усобицы только воевать и воевать. Это же огромная сила, которую не зря панически боятся большевики! Да здравствует Русский общевоинский союз!

- Мы с Вами, ведите нас! – кричал уже Модест Алябьев.

- Остановите этих крикунов, Евгения Александровна, - брезгливо поморщился на Алябьева профессор Глаголев.

- Я - боевой офицер и много раз чудом уцелевал, пулям не кланялся, - резко заговорил Георгий Смураго. - Не знаю, чем Вы занимались во время этих двух войн, профессор, но мне кажется, что оружие в руках не держали. И я не позволю

Вам разрешать себе такой тон с нами, офицерами!

- Да, и я не церковным титором, поди, служил, - вставил с хрипотцой круглоголовый, поседевший Мефодий Ведищев, грозно глядя на профессора.

- И что вы этим хотите сказать? – высокомерно ухмыльнулся Глаголев. – А я в это время находился в Америке, где сделал открытие, могущее вернуть вам вашу Россию без помощи вашего ратного мастерства, которое не слишком-то помогло Колчаку, Деникину и Врангелю.

- Не позволим белорубашечнику издеваться над ветеранами! – вспылил пьяный Аверкий Нащокин.

- Умерьте немного свой пыл, капитан, - посоветовал я ему. – А Вы, профессор, прекратите разговаривать в таком тоне с офицерами.

- Не понимаю о чём Вы, полковник? – недоумённо повёл плечами профессор.

- Подумайте сами и ведите себя посдержаннее.

- Не знаю к чему Вы придираетесь. Я не сказал ничего оскорбительного.

- Фальшивый монетник, в каторгу его! – закричал вдруг, вероятно в адрес инженера, совершенно пьяный Аверкий Нащокин.

- Капитан, попрошу Вас выйти на время из помещения, - строго сказал я ему.

- Полковник, я – первопоходник[218]! Попрошу не обра-

[218] Участник Первого Кубанского Ледяного похода Корнилова – легенды Бе-

щаться со мной, как с мальчишкой! – огрызнулся Нащокин.

- Пусть инженер отвечает за свои слова! – гневно бросил Алябьев.

Евгения раскинулась в кресле, равнодушно-задумчиво покуривая длинную папиросу в янтарном мундштуке.

- Я член «Союза Первопоходников» под управлением Думы Союза и не позволю какому-то инжеришке, - начал было Нащокин, но сбился с мысли.

- Мы поддержим капитана, коль до дела дойдёт, - высказался молодой донец, поведя лихо закрученным, чёрным усом.

- Ты тово, прахфесар, говори, да не заговаривайся тут! – внушительно молвил уральский казак. - Учён он тут, поди, шибко. Не таких видали.

Вдруг Евгения начала, с завыванием, декламировать Туроверова:

- «Мы отдали всё, что имели, тебе, восемнадцатый год, твоей азиатской метели, степной - за Россию – поход». Умоляю вас, господа, не продолжать ссоры!

- Меня не оставляет чувство, господин полковник, - вдруг подошёл ко мне Отто, - что у большинства русских не все

лого движения. С 1961 г. Калифорнийским отделом Союза издавался журнал «Вестник первопоходника». Руководил изданием, в том числе, и сын генерала – Г.Л. Корнилов. Продолжением этого издания с 1971 до 1981 г. стал журнал «Первопоходник». Дума «Союза первопоходников» приняла решение о праве на ношение их почётного знака старшим из прямых потомков по мужской линии после смерти первопоходника.

чашки в буфете.

- Что Вы сказали? – переспросил я.

– Это перл немецких поговорок. Примерно, как в русском - не все дома.

- Возможно, - предпочёл я самоустраниться от неприятных замечаний, но и уязвить немного немца, - для меня аспекты психологии - малодоступная тема.

- Как говорится в другой немецкой присказке - Богемские деревни. То бишь – глухомань, Брянский лес в три часа ночи по-русски.

- Вы просто полиглот, господин Лемке.

- Бабушка по матери моей была из Богемии родом, ха-ха. То есть, я, в каком-то смысле потомок таборитов и чешников, а сам при этом - патриот Великой Германии.

- Право, Ксаверий Павлович, в этой гостиной слышны какие-то средневековые страсти, призывы этой новой русской Жанны Д'Арк, - доносилось со стороны уголка, занимаемого Введенским. – И всё это, вместо того, чтобы составить коалицию, куда вошли бы либералы, радикалы и даже умеренные социалисты. Пусть и монархисты – не вижу здесь ничего предосудительного. Только такая коалиция могла бы послужить зерном будущего правительства России. Потому, к сожалению, и невозможен сговор между русскими эмигрантами-политиками.

- Удивляюсь, Виктор Витальевич, как Вы можете доверять

левым после того, что случилось в Феврале? – покачал головой Ксаверий.

- Я сужу в масштабах всего человечества…

- И масштаб всей Вселенной не умаляет ценности Имперской России. А все, кто пытались её разрушить, пожинают свои деяния в виду торжества большевизма. Не пора ли пересмотреть свои взгляды критически и окончательно: принять простую мысль, что при самодержавии нам всем было лучше? - рассудил Старогородский.

- Пожалуй, мне трудно не согласиться с Вами, - растерялся Введенский. – Хотелось бы мне поговорить об этом с образованным православным священником. Ведь Грааль, некогда питавший святое причастие Православной Руси, иссяк.

- Позвольте, учёные мужи, но, по-моему, христианство давно пора соединить с «Критической философией» Канта и создать здравую философскую систему, которая займёт достойное место взамен, погрязшего в суевериях, православия, – к ним неожиданно подсел инженер Глаголев, с исключительно брезгливой, усталой миной. – Именно так советовал поступить ещё Фонвизин младший, господа.

- Все декабристы были, по сути, враждебны русскому народу и Фонвизин мне не пример, - возразил Ксаверий.

- Ваше право не доверять моему мнению, сударь, - снисходительно усмехнулся Глаголев. – Да только в наше время любая святость более неприменима. С ней одни лишь хлопоты, да душевные терзания. К примеру: я хотел бы завещать

свой свой скелет для анатомических целей, во славу науки. Если меня сдерживает христианский взгляд на действительность, то есть – искажённый, то я не могу совершить сей благородный поступок.

- Эх, времена были, - мечтательно промолвил, изрядно подвыпивший, Введенский, - мог я себе позволить сесть в российский экспресс, каких, возможно, и у британского короля нет: стекла во всю стену, какой-то весь литой, блиндированный, чистота! Разница с первым классом лишь в том, что у нас не было жёлтых кожаных кресел. В швейцарскую бы санаторию сейчас, да на лечение…»

5. Стадный инстинкт

Довоенный уют был мёртв, Европа дичала.
С. Аверинцев

Как бьётся сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой, наёмный дом
С своей уж ветхою котомкой!
И. Бунин

«Возвращаясь после визита к заболевшему коллеге, я наткнулся на капитана Нащокина там, где красный фасад бара «Дыра в стене» выходит на Итальянскую улицу, близ авеню Оперы и Итальянского бульвара, где в любое время можно

было приобрести хоть опиум, хоть кокаин. Капитан имел помятое лицо и присутствие его именно в этом месте наводило на горькие раздумья. Он не заметил меня, а мне не захотелось смущать его. Да и чем бы я мог ему помочь? Не набрасываться же на него, как на юнца Алябьева? На другой день я почувствовал, закрадывающуюся в душу, тревогу за судьбу юного горячего поручика Алябьева и решил навестить его. Чтобы дойти до его логова, пришлось пройти кварталы Тампль и Марэ, где на вывесках, афишах и витринах преобладал один язык – идиш. Был в «Парижском Израиле» свой театр и кинотеатр, свои бани и библиотеки. Влюблённый Модест Алябьев лежал на кушетке с головой, обмотанной полотенцем, которое он обильно пропитал уксусом, и молча страдал. В комнате стоял тяжёлый уксусный дух, и я поспешил раскрыть окно, обращённое на шумную улицу. Впрочем, от преобладания душевной тоски, поручик не обращал внимания на головную боль.

- Это не любовь, Ваше Высокоблагородие, - мрачно проговорил он, - но – фатум. Конец всему. Умоляю Вас назначить ЕЙ свидание для меня. Иначе мне конец. Я не хочу пока покидать этот мир, хотя я почти уверен, что смог бы умереть достойно.

Мне стало жалко мальчишку: не приведи Господь – сопьётся, а то и хуже – пальнёт в себя – револьвер у него есть.

- Хорошо. Обещаю Вам, что передам всё виновнице Ваших мучений, - попытался я его утешить. – А пока что на-

прягите силу воли военного человека и держите себя в руках. А главное, не забывайте о непростительном грехе самоубийства. Это недостойная смерть!

- Я Вам так благодарен, Ваше Высокоблагородие!

Из окна пахнуло каким-то мерзким душком.

- Что за леший? – удивился я.

- В старых домах, как этот, - гундосо пояснил Модест, хлюпнув носом, - на каждом этаже подле лестницы имеется клозет без сиденья. Уборные эти соединяются с выгребными ямами, содержимое которых, ассенизаторы выкачивают иной раз, по ночам. Не дай Бог, чтобы в такую ночь, пусть в самый разгар лета, Ваше окно оказалось открытым. А тот запашок, что Вы сейчас услышали… так разве ж это зловоние? Да и полно вокруг дешёвых пивных и забегаловок у нас по левобережью от которых так и тянет кислятиной. Там простой народ глушит дрянное красное вино бутылками. Стал нищ здесь, как Иов… Так проходит земная слава, как говорили римляне…

- Бодритесь, юноша! Ведь пребывание в тоске и печали суть безделье, а в Ваши годы следует трудиться, - сказал я ему на прощание.

За оживлённой улицей появилась набережная Сены, на которой с утра сидели парижане, вооружившиеся бамбуковыми удочками, и полностью сосредоточенные на поведении поплавков из гусиных перьев. Протяжные вопли буксиров нисколько не смущали рыбаков. Париж разделился на «за-

пад» и «восток»: на западе царили правые, прочно обосновавшиеся в историческом центре, а с востока столицу охватывал беспокойный «красный пояс». Водораздел как в прямом, так и переносном смысле слова проходил по Сене. Я знал, что среди рыбаков находятся все мои знакомые казаки – Бешметов, Костромитинов и Могильников, и что, по большей части, им попадается лишь мелкая плотва. Самым прискорбным было то, что занимались они этим отнюдь не для развлечения. Свой скудный улов они приносят домой, жарят и съедают вместе с мягкими костями, а если с уловом повезёт - сбывают часть добычи в едальни, где её продают с жареной картошкой, наряду с фламандскими ванильными вафлями. Инвалид войны, ставший уличным скрипачом, неумело пытался сыграть «Розы Пикардии». Его инструмент требовал хорошего настройщика. Бросив случайный взгляд на основание общественного писсуара, в виде, улиткой завёрнутого, квазилабиринтика из крашенного кровельного железа на тонких ножках, я заметил чьи-то знакомые поношенные желтые с чёрным лаковые туфли большого размера. Их обладателем оказался тот самый казак Костромитинов. Он не заметил меня, а я постарался «не заметить» его. Подмышкой он держал коротенькую удочку.

Через день Бельская вновь заходила ко мне на служебное место, но я разочаровал её, сказав, что наш генерал никак не может поддержать их задумку деньгами. В случае же успеха,

мы смогли бы посодействовать им военной силой, что мало устраивало Евгению. Когда она была готова уйти, я попросил её встретиться с поручиком Алябьевым и объяснил по какой причине. Евгения отнеслась к возможности самоубийства юноши с сочувствием и согласилась прийти в, оговорённое мною место в определённый час. Вечером следующего дня мы с поручиком ожидали её возле входа в метро, которые, с недавнего времени, в Париже стали обозначать фонарями в виде белого шара на высоком столбике, с завитками из кованого железа. Откуда-то доносились звуки живой музыки, передаваемой по «Радио Париж»[219]. Радиовещание уверенной поступью входило в европейскую жизнь. Было довольно прохладно – осень давала о себе знать. Маленькое лето Святого Луки[220] миновало и Алябьев ёжился – ему нездоровилось. Он нескончаемо поправлял свой дурацкий галстук невероятной расцветки. Появившаяся Евгения только разозлила меня своим сегодняшним обликом «женщины-вамп»: тонкая линия выщипанных бровей её контрастировал с яркой косметикой, которую до сих пор я у неё не замечал, да и не нужна была она с её внешностью. Прюнелевые туфельки, роскошные боа из перьев, серьги в стиле «ар деко» и «кубистская» сумочка привели поручика в

[219] Музыку в середине 1920-х транслировали вживую, то есть - в студии находился оркестр, солист. Возникла профессия - артист на радио. Только в 1927 г. научились передавать звуки проигрывателя.

[220] «Маленькое лето Святого Луки» - бабье лето французов – середина октября, а потепление середины ноября - «лето Святого Мартина».

окончательное замешательство, если не умопомрачение. Мы спустились в метро и, когда Модест не мог нас слышать, я высказал ей своё недоумение по поводу её нового амплуа, идущего вразрез с целью сегодняшнего общения:

- Или Вы намерены окончательно охмурить бедного поручика?

- От чего бы и нет? Нам очень нужны храбрые молодые люди, готовые спасать Россию, - последовал легкомысленный ответ, после которого мне захотелось поскорее уйти, и я уже проклинал тот час, когда вмешался во всё это из лучших побуждений.

«Клозери де Лила», куда я их привёл, считалось одним из лучших кафе в Париже, при том, что цены в нём тогда были низкие. Кто-то мне рассказал, что хорошее вино, пиво и аперитивы стоят там совсем недорого. В таком большом кафе можно было уединиться среди людей, не обращающих на тебя никакого внимания, поэтому я и выбрал его. После её выходки я всё же заставил себя посидеть вместе с ними хотя бы первую четверть часа. Мы расположились в укромном уголке и тут Евгения поразила меня в очередной раз, поправив мои слова, обращённые гарсону:

- Нет, не на троих. Нас будет десять человек.

- Вы шутите? – недоумённо переспросил я.

- Нисколько, Глеб Гордеевич, я пригласила ещё семерых, поскольку не имею свободного времени. Обсудить же нам следует многое. Надеюсь, что и Вы нас не покинете сейчас

же.

Теперь я решил остаться просто из любопытства: кто же те – ещё семеро? Кафе всё больше заполнялось господами в клетчатых двойках и смокингах, в мягких шляпах, сменивших цилиндры и котелки, дамами в нарядах из ткани «электрик» и «металлик», покрытых «сюрреалистической» вышивкой, напоминающих рыбью чешую, отделанные бахромой и кружевами из канители, расшитые жемчугом и стразами, тогда как днём они предпочитали неброский спортивный стиль. Когда начали появляться приглашённые Бельской, я понял, что эта коварная особа прекрасно уловила неравнодушие к себе и тех, кто никак не проявил себя в тот вечер: среди них оказался и Александр Блудов. Смураго старался не встречаться со мной глазами и поспешил сесть подальше от меня. Капитан чувствовал себя марионеткой в её руках и от того неловкость передо мной. Присутствие здесь Растиньяка, Скотобойникова и даже пана Ковальского меня не удивило, но оказалось, что Евгения где-то обратила на себя внимание и Новгородцева, и, что самое удивительное – Кроуфорда – знакомые все лица…Восемь обречённо-охмурённых представителей слабого духом пола выглядели весьма нелепо, но и я ощущал себя в глупом положении. Бельская нисколько не смущалась всем этим, упиваясь своей властью над взрослыми мужчинами.

- Не смущайтесь, господа, сегодня я угощаю всех, - заявил Скотобойников, откидывая полы своего смокинга, и подзы-

вая кучерявого гарсона. – Живу здесь уж немало лет и кой-чего в напитках смыслю. Жаль только, что нынче абсент под запретом. Но появились, заменяющие его, всякие цветастые настойки и некоторые - весьма крепки.

- Предпочитаю оплату в складчину, - недовольно вставил Смураго.

- Что посоветуете из аперитивов? – с нотками снисхождения спросил Сысоя Анри.

- А нам, русским, какая разница? Что аперитив, что дижестив, - рассмеялся Сысой. – Абы крепость была подобающая.

- Абы надраться, как свиньям, хотите сказать? – с невинным видом переспросил Кшиштоф.

- Не полячишке судить, - резанул Сысой, поправляя свой английский воротник.

- Пся крев! Быдло купеческое! – взревел шляхтич, потянувшись кулаками к промышленнику, но не слишком убедительно, ибо купчина тот был здоровенный.

- Кулачного боя не боюсь я. Знаком был немного, по молодости, - мрачно улыбнулся Сысой, поигрывая тростью с тяжёлым серебряным набалдашником. – Но не здесь же, и не в присутствии дамы. Потом и поговорю с тобой за быдло. Краковяк у меня запляшешь!

- Но позвольте, Сысой Евлампиевич, - нервной скороговоркой начал поручик Алябьев, - и мы, русские, кое-что в аперитивах смыслим. Они образуют некую иерархию. Так, аристократы в их мире - анисовые настойки, «Перно» и про-

чие. За ними следуют горькие наливки, особенно – чёрный «Мандарин-Юорасао», а также гренадин и мятная настойка.

- Браво! Браво, господин поручик! – развеселился де Растиньяк. – Вы можете своими знаниями утереть нос многим французам!

- Клошар, - прошипел поляк, покосившись на Алябьева. - Знаю я, каково Ваше прозвище среди своих, месьё Ажан[221], - с ядовитой улыбкой бросил Кшиштоф Растиньяку, в бессильной злобе на всех.

Тот полностью проигнорировал замечание поляка.

- Бесподобно, Модест Всеславович! – поведя очами, пропела Евгения и юноша зарделся румянцем.

- Гарсон, - крикнул Скотобойников, - принеси-ка нам по анисовой каждому.

- Господа, - Евгения подняла свой бокал, - сегодня нам подобает определиться: работаем ли мы вместе и все ли присутствующие хотят восстановления былой Российской империи?

- Нам, русским, оно понятно хочется, но что здесь делает Польша, Франция и, особенно, исконно враждебная Англия? – рассмеялся Сысой.

- Пальцем ещё покажи! – разъярился Ковальский.

- Кшиштоф, если Вам не по душе наше общество, я Вас не удерживаю, - мило улыбнулась ему Бельская. – Во мне самой есть шляхетская кровь, но Вы мне почему-то не сим-

---

[221] Клошар – парижский нищий. Ажан – парижский хулиган, грабитель.

патичны. И дело даже не в том, что Вы не принадлежите к beau monde[222]…

- К чёрту! – взревел поляк, блеснул своим кабаньим взглядом полным ненависти и, опрокинув свой напиток на скатерть, вышел вон.

- Граф де Растиньяк – убеждённый роялист, а потому, Сысой Евлампиевич, замечание Ваше не совсем справедливо, - сказала Евгения. – Монархист и сэр Камерон.

- Ну уж, Женечка, прости меня, старого ворчуна, но звучат слова твои наивно: монархисты они для своей державы, но кто же из них хочет видеть Россию-матушку вновь сильной?

- Сысой Евлампиевич, я бы попросила Вас не судить за других.

- Но и среди русских попадаются такие, кто не желал бы возрождения своей Отчизны, - сурово заметил я, выразительно взглянув на Новгородцева и Блудова.

- Великобритания достаточно сильна, чтобы не страшиться Российской империи. Воду мутит лишь наш премьер, заигрывающий с левыми, - с чопорной непроницаемостью во взгляде вставил Кроуфорд по-русски. Камерон выделялся среди прочих, либо одетых в военную форму без знаков различий, либо в костюмы, своей демократичной фуражкой с кожаными перчатками, как у шофёра.

- Когда Франция, наконец, перестанет быть республикой,

---

[222] Высшему свету (фр.).

она будет готова содействовать реставрации монархии в России, - насуплено промолвил Анри.

- Господа, давайте приступим к делу! – с утомлённой миной воззвал Новгородцев, одетый в безупречный клетчатый костюм от Ланвена[223].

- Вы знаете, Евгения, - заговорил Анри, наверное, в пику замечания Новгородцева, - в Париже есть замечательные места, гораздо занятнее этого. Взять тот же ресторан «Лила», который посещают члены Французской академии, преподаватели Сорбонны, но и фронтовики-инвалиды - коренные обитатели Латинского квартала. Но Вас бы я хотел пригласить в кафе «Купол» или «Ротонда», что в квартале Монпарнас. Там собирается богема. Но самое излюбленное место богемы - ресторан «Бык на крыше» с его неживым, гелиотроповым светом электрического шара.

- Стало быть, это местная «Бродячая собака», - усмехнулся Георгий Смураго.

- Именно там, на улице Буасси д'Англа, в закрытых кабинетах проходят эпохальные встречи людей искусства. Там бывал и Сергей Дягилев, и Пикассо, и Фернан Леже, и Антон Рубинштейн, который исполнял на рояле мазурки Шопена. Сам я не видел, но говорят и Марсель Пруст забрёл туда пару лет назад, - продолжал Анри.

- Всё это – вырождение, дешёвка, по сравнению с тем, что бывало в «Собаке». Теперь

---

[223] Тогда впервые появлялись дома мужской моды: первым стал дом Ланвен.

Повсюду стандартные негры в смокингах, а в полутёмном зале - беснующаяся толпа, извивающаяся в новомодных чарльстонах. Смрад пота с духами и больше ни-че-го, - пожал плечами Георгий.

- Завезли к нам из Бразилии новые ритмы самбы и румбы. А танго больше не под запретом – сливайся с партнёршей в страстном порыве, сколько тебе угодно, - вальяжно разглагольствовал Вадим Новгородцев.- «Негритянское ревю» Джозефины Бейкер сводит парижан с ума: ведь её костюм состоит лишь из пары связок бананов в виде набедренной повязки. Видная мадемуазель…

- Кому «нам»? – переспросил я. – Не слышу я русского человека!

- Это кому как. Французы считают меня излишне русским, - рассмеялся Вадим. – Евгения, могу предложить кафе-ресторан у Дюпона. Кто не знает - вход с авеню Ваграм, расположен неподалёку от рю Дарю и зала Плейель. Veuve Clicquot[224] лучше, чем где-либо! Есть у меня и карманный путеводитель «Гиды парижских наслаждений». Имея такую книжицу, можно постичь загадки ночного Парижа.

- Интересно, а чей это счёт, господин поручик? – не удержался я вставить ему шпильку.

- Знаю я, Женечка, ресторан – не чету всем этим. Одна беда – название запамятовал. Не силён в французском я, - подкупающе улыбнулся Сысой. – Как там кормят! От трю-

[224] «Вдова Клико».

фелей может тошно стать. Икорка есть даже чёрная. А по всяким там улицам Лапп ходить я брезгую[225], - бросив презрительный взгляд на графа, добавил он. - Замшевые штиблеты с накидкой из верблюжьей шерсти за версту чую[226].

- Но ниспровержения табу и нарушения любых запретов - это так в духе времени! – сказала Евгения.

- Местный народ бесится от того, что после войны не хватает здоровых полноценных мужчин, - сказал Блудов. – По этой причине, в День святой Екатерины, которая была девой-мученицей, незамужние женщины, достигшие двадцати пяти лет, затевают теперь процессии. Самые лихие из мидинеток карабкаются по приставной лестнице к статуе святой Екатерины, чтобы возложить ей на голову венок. Церковь пытается организовать свою процессию, но каждый раз, проигрывает в числе участниц.

- Вы хотите сказать, что сходят с ума исключительно женщины, Александр Ильич? – улыбнулась Евгения. – Но будет нам сотрясать воздух. Знаете ли вы, что позавчера Эдуар Эррио, от имени Совета министров Франции, направил предсе-

---

[225] Мужская проституция и гомосексуализм не приняли в Париже такого размаха, как в Берлине 1920-х. Но на улице Лапп открылись бары, где моряки танцевали с трансвеститами, а в писсуарах мнимые женщины поджидали клиентов-буржуа.

[226] В отличие от Англии, во Франции представители привилегированных слоёв общества не стремились афишировать свою «нетрадиционную сексуальную ориентацию», хотя имелись определённые признаки гомосексуалистов имелись: замшевые штиблеты, или пальто из верблюжьей шерсти.

дателю ЦИК Калинину телеграмму, в которой говорится, что французское правительство готово «установить теперь же нормальные дипломатические отношения с правительством Союза путём взаимного обмена послами». Сведения из совершенно надёжного источника! Mauvais temps[227]… Французы предают нас… Кто-то уже призывал нас ближе к делу. Так вот, первым заданием нашей боевой организации станет террористический акт против советского представительства в столице Франции. Кто из вас готов рискнуть?

- Располагайте мною, о Евгения! – жалобно, срывающимся голосом, выкрикнул Модест Алябьев.

- С превеликим удовольствием, - зловеще усмехнулся Георгий Смураго.

- Готов исключительно ради Вас, но и со сознанием правоты дела! – воскликнул Анри.

- Позвольте, но это же несерьёзно. Мы же в цивилизованном обществе, - покачал головой Кроуфорд. – Если бы Вы предложили мне присоединиться к армии, идущей на красных, я бы присоединился…

- Как-то по-детски, Евгения Александровна, - улыбнулся Блудов.

- Право, не нахожу слов… Но это же несерьёзно, - развёл руками Вадим Новгородцев.

- Что ж, теперь, я вижу, кто предан делу и мне, - с грустью сказала Евгения.

---

[227] Плохие времена (франц.).

Я почувствовал взгляды собрания на себе и высказался резко:

- Полностью разделяю мнение господина Кроуфорда. Полковник РОВСа не станет даже обсуждать всё это. За такие выходки нашу организацию выдворят из Франции и совершенно справедливо. Считайте, что я вас не слушал. С меня довольно!

- Что вам всем сказать, - с усмешкой начал Сысой, - не решение это, конечно. Но, если ты, Женечка, настаиваешь, могу подбросить деньжат и на такое дело. Самому мне не по годам уж с пистолетами бегать. А пока, позвольте мне оплатить наши напитки. Вижу, что полковник уже готов ретироваться.

- Не по годам и за Евгенией Александровной волочиться, - добавил Смураго, но промышленник сделал вид, что не расслышал.

- Ну уж нет! – заявил Растиньяк. – За себя плачу я сам!

- Ваша воля, граф, - с глумцой усмехнулся Сысой.

Он начал извлекать из всех карманов помятые голубые десяти-франковые, пёстрые – сотенные и даже - лилово-розовые тысячные. Скотобойников долго перекладывал купюры из одного кармана в другой, словно шикуя ими перед Евгенией, а лишь затем подозвал гарсона. Сильно раздражённый на всех, я демонстративно заплатил за одного себя, вышел из кафе первым и поспешил домой. Хотелось пройти пешком, чтобы немного успокоиться.

Спустя несколько дней сидели мы с женой и сыном в бистро за утренним кофе, как вдруг до моих, давно отрезанных, и плохо улавливающих направление звуков ушей, донеслись знакомые голоса. Я покосился за своё плечо и увидел Смураго с Бельской. Отсутствие ушных раковин позволяло мне даже лучше слышать то, что происходит за моей спиной. Я был в штатском и со спины не был узнан. Да и оба, словно юные влюблённые, были слишком поглощены друг другом. Подслушивание не самое приглядное занятие, но, в силу сложившихся обстоятельств, выбирать не приходилось. Я дал знак своим, чтобы они не разговаривали.

- Жорж, милый, - донеслось воркование Евгении, - одному идти на дело опасно. Надо бы вам вдвоём с Модестом.

- Не могу согласиться. Это не совсем так. Точнее – совсем не так: поручик сможет послужить лишь обузой. Хватило бы и одного Анри.

- Ну, Жорж! Как ты так можешь? Ведь я буду волноваться, что вас так мало в опасном предприятии!

- Иногда качество воинов бывает важнее количества. Очень даже часто.

Смураго удалился прочь стремительным шагом. Не успел я перекинуться со своими и словом, как к Евгении подсел Скотобойников.

- Егорке поставлена задача, как я вижу, - усмехнулся купец, - то-то меркурием понёсся.

- Да, Георгий – герой, не то что многие другие мои соратники, - тихо заметила Богданова-Бельская.

- А я тебе деньжат принёс подкинуть, Женечка, на делишки твои святые-ратные, - шутливым тоном продолжил Сысой.

Я понял, что пора спасать Смураго из розовых коготков этой роковой дамы и срочно написал ему письмо, в котором признался, каким образом услышал об их безумных планах. Добавил, что людей с репутацией вольных террористов РОВС в свои ряды не примет. Я бы пошёл поговорить с капитаном, поскольку знал его адрес, но был уверен и в том, что застать дома его будет очень непросто. Я сам занёс и оставил письмо под его дверью. В действенности своих доводов, учитывая великолепие её внешности, уверен я отнюдь не был. Такая красавица, а с головой у неё не совсем благополучно. К тому же, безумие её заразно для мужчин.

Через день я услышал, как мальчишка-разносщик газет кричит:

- Свежие новости! Русские вновь стреляют в русских! В перестрелке погиб граф де Растиньяк!

От чего-то подумалось: «Я опоздал, тянул, а надо было поговорить с этими взрослыми, на вид, потерявшими рассудок от юбки, людьми. Хорошо, что Алябева с собой не взяли…» В тот день ко мне в кабинет вошёл Смураго. Взгляд его блуждал:

- Я не оправдал Ваши надежды, Глеб Гордеевич, не судите строго. А так хотелось послужить в ваших рядах делу. Но теперь меня разыскивает полиция…

- Что Вы себе позволяете, капитан Смураго? – сурово спросил его я. – Выполняете любые прихоти взбалмошной особы, подставляя под пули товарищей?

- Да… Но всё так печально получилось из-за предательства, как я полагаю не без оснований, того самого полячишки, который ожидал нашей вылазки и их предупредил, чтобы отомстить за ущемление своего шляхецкого достоинства. Уничтожу мерзавца!

Капитан вынул из кармана почти белый никелированный револьвер, прокрутив ладонью барабан. Зависла тишина. Он продолжал вертеть в руках оружие. В какой-то момент ствол револьвера глянул ему прямо в правый глаз…

- Могу Вас понять: уж слишком сложно устоять пред её папоротниковыми очами холостому офицеру. Но Вы же взрослый человек, фронтовик, не как юнец Алябьев, - нарушил я молчание.

- Как Вы точно заметили: папоротниковые глаза! – ответил, с остановившимся взглядом, Смураго. – Но я не могу без неё! - высказав эту выспреннюю банальность, он смахнул со лба пот, несмотря на прохладу.

- А Вы вполне могли бы помочь Белому делу. Но теперь помогать надо Вам. Но и сам генерал Кутепов вряд ли сможет что-либо сделать для приостановки дела.

- Понимаю… Но я пришёл не просить о помощи, которой не достоин, а лишь принести извинения, что не смогу, в обозримом будущем, стать Вашим сотрудником.

- Единственно, что я Вам могу ещё предложить – поехать со мной за свой счёт в Парагвай к генералу Беляеву и остаться там, чтобы тренировать новое поколение белых воинов в полевых условиях. Обкатывать их в настоящих военных действиях. Ведь Вам не терпится пострелять? Не исключаю, что мой выезд будет затягиваться и тогда Вам следует ехать самому срочно. Будем надеяться, что Вас не задержат в порту. Если Вы опасаетесь, что этот поляк укажет им Ваш адрес, то можете пожить у меня. У нас имеется свободная комната. Если это действительно – поляк, а не этот verricktem Herr, то бишь - сумасшедший господин Лемке.

- Что Вы, помилуйте! Разве достойно мне подвергать Вашу семью подобным неприятностям! А насчёт Южной Америки - заманчиво, но сперва мне следует расквитаться с предателем… Но и не хотелось бы убивать ни в чём не повинных, в моих глазах, индейцев, ради других индейцев… Да и человек я глубоко городской. Не представляю себя среди дикарей…

- Нет там давно уж дикарей. Всех их обратили в католицизм иезуиты уж более столетия назад. Речь не о чистых индейцах в Вашем понимании. Поговорим об этом ближе к делу. А Вы уверены в предательстве? Следовало бы всё хорошо взвесить и не проливать напрасно крови. С билетом на

пароход наша организация сможет, думаю, помочь. Возможно, потребуется новый документ… А пока повторяю, что не вижу риска в том, если Вы и укроетесь в моей квартире.

Капитан смутился окончательно, рассыпался в благодарностях и поспешил покинуть мой кабинет.

- Так, есть где временно укрыться, капитан? – спросил я его вдогонку.

- Пока отсижусь в парке де ля Мюэтт. Это - часть Булонского леса, - кивнул он. – После того, как розыск утихнет, зайду к Вам по поводу билета.

В последующие дни Смураго ушёл на дно, а я видел в магазине Евгению с её инженером в обществе японского посла и очень малоприятного сытого турка, держащего себя с султанскими амбициями. Вокруг них вертелся молодой человек чухонской внешности, который очень напоминал мне преступника Вишневского, с которым мне пришлось основательно повозиться до Германской войны. Но, по возрасту, он годился в сыновья того маньяка. Меня они не заметили и, некоторое время, я следовал за ними по улице, пока они не сели в таксомотор. Всё это наводило на те же грустные мысли: а что, если сверхоружие инженера существует? Но РОВС всё равно не имеет денег на покупку, а этому профессору, похоже, всё равно на кого работать. Неужели, и Бельской безразлично получат ли оружие исконные враги наши - турки и японцы? Может быть, и для этой особы существует

лишь златой телец? Если учитывать наличие в ней польской крови, отнюдь не располагающей к нашему имперскому патриотизму, то – неудивительно. Вспомнились её слова, в нашей совместной беседе с инженером: «Это оружие должно спасти Россию. Для этого нам придётся вооружить им страны Антанты» - высказала Бельская весьма рискованное мнение. «Сверхоружие в руках двух враждующих стран не имеет смысла: они уничтожат весь мир. Таким образом, смысл войн утрачивается. Ради этого я и создаю подобный смертоносный ужас. Не хочу выдавать секрет ни единому правительству. А оправдание власть всегда найдёт: Fiat justitia – pereat mundus! Да свершится правосудие, хотя и погибнет мир!» - заявил неожиданно профессор. Мне стало уже тогда странным подобное высказывание, хотя он, вроде бы, готов был принять деньги от РОВС. Или именно от РОВС, которое не есть правительство? Тем не менее я сказал им: «Думаю, что в вашей наивности заключается чудовищная и недопустимая ошибка, ибо всегда найдутся экстремистские силы, которые всё же решат опробовать Ваше изобретение на деле. Но учтите, что Антанта не станет от души помогать России встать на ноги. Не для того она её стремилась разрушить».

Уже полгода, как я написал представителям РОВС в Харбине письмо с просьбой разыскать своих братьев Аркадия и Бориса, если они в городе. Наконец, пришёл ответ от брата Бориса. Оказалось, что это было уже второе его письмо. Пер-

вое пропало. Благодаря любезности наших сотрудников, Борис был найден! Он обрисовал мне своё шаткое положение в Харбине, усиливающийся натиск китайцев во всех сферах жизни и возможную необходимость выезда в Шанхай. На Европу он бы не нашёл денег. Но, что самое важное, он знал о судьбе брата Аркадия, правда через посредника. Аркадий был тяжело ранен и остался где-то в глуши на Уссури. Он женился и только что обзавёлся первенцем. То была последняя, свежая новость от Аркадия. Узнав об этом, я решил сначала попробовать поехать в Харбин, а оттуда уже к Беляеву в Парагвай. Но мои попытки отпроситься у Кутепова в Харбин, где служба пришлось бы мне больше по душе, разбивались о стену непонимания. Все мои объяснения, что террор не для меня, не воспринимались генералом. Наконец, я заявил, что хотел бы поехать на связь с Беляевым в Южной Америке, ибо вижу в этом будущее для поддержания боевого духа наших войск. Сказал, что уже давно стал изучать испанский, как только генерал упомянул о такой возможности. Тогда Александр Павлович был сломлен и, скрипя сердце, согласился отпустить меня в долгую поездку на Южно-Американский континент без определённых сроков возвращения. О том, что мои успехи в испанском несравненно слабее, чем у, способной к языкам, жены, а также, чем у сына, запоминающего в день в десять раз больше слов, в силу своей молодости, я умолчал… Что говорить: приобретая кусок мыла «muguet», Ф свободно перевела это название, как «лан-

дыш», несмотря на то, что она начала изучать французский уже взрослой. В немецком же она разбиралась свободно с молоду. Мне пытались привить этот язык ещё в гимназии, но едва его помню. Английский жены примерно на одном уровне с моим. В испанском она, конечно же, заметно обгоняла меня. Оставалось доделать кое-какие служебные дела и приобретать билеты. Смураго так и не появлялся, но Ксаверий Старгородский, услышав от меня о моём отъезде, сказал, что и он тоже хочет в Южную Америку. Возражать было неуместно – на то воля Ксаверия Павловича, а он – человек свободный. Очень скоро я косвенно услышал и о Смураго: в эмигрантской газете[228] промелькнула заметка об убийстве польского коммерсанта Ковальского…

Неожиданно ко мне заглянула Евгения и пригласила меня, а если угодно и с семьёй, в салон госпожи Гиппиус. Невольно вспомнились салонные вечера в Петербурге у Третнёвой! Бельская, с загадочной улыбкой, уверяла, что там встречаются некоторые небезынтересные для РОВС ли-

[228] Русские эмигранты жили обособленно, имея свои газеты, журналы, свой театр Дягилева, свои салоны: у Гиппиус и Мережковского - литературные «воскресения» и, позже - литературно-философское общество «Зеленая лампа»; салон у Цетлин; литературный салон у Элькан; литературные «четверги» на квартире у Буниных. В музыкальном мире царствовали Шаляпин и Рахманинов, приезжавший из Америки. В 1927 г. Мережковские назвали свои воскресенья заседаниями «Зелёной лампы» - реминисценции пушкинских времён, и у них, исключительно по письменному приглашению, собирались многие знаменитости: Бунин, Ходасевич, Берберова, Тэффи, Бердяев и даже Керенский.

ца.

- Но Вы уже, наверное, поняли, что у РОВС нет средств на покупку изобретения господина Глаголева, - ответил я.

- Увы… Мне бы хотелось, чтобы этим овладели сотрудники барона Врангеля…

- Но этот профессор – вовсе не отличается патриотизмом. По-моему, ему безразлично кто завладеет оружием. Главное, чтобы его заоблачная цена была уплачена на его счёт.

- Это не совсем так. Просто мы с ним ищем иные возможности спасти Россию…

- То есть, перебросить её из лап большевиков в колониальную эксплуатацию ведущих держав? Ведь именно этим и чревато овладение таким оружием той же Британии, веками стремящейся к мировому господству.

- Поэтому и надо бы дать такое оружие сразу нескольким государствам, но не экстремистским, как Триэсерия, Германия, или Япония. Всё упирается в расхождение мнений: профессор намерен отдать его в руки группы, партии, тайной организации, но не официального правительства. Я же убеждаю его в обратном.

- По-моему, он просто хочет найти себе сообщников, чтобы с ними завладеть миром. Поэтому он прощупывал и Лемке, и Растиньяка, о смерти которого мне было прискорбно слышать... Если это оружие не блеф, то профессор непременно остановится на группе авантюристов, - сказал я уверенным тоном и лицо её побледнело. Не исключаю, что та-

кого она от Глаголева не ожидала.

- Вы знаете, Глеб Гордеевич, - вдруг бодрым тоном, стараясь скрыть смущение, перевела тему Евгения, - мои стихотворения начали публиковать во многих эмигрантских журналах, несмотря на очевидную незрелость стихов. Ведь я сознаю, что это лишь слабые потуги на декадентские изощрения и символизм.

- Но Вы же способны очаровывать всех издателей подряд, - улыбнулся я. – Не удивлюсь, если Ваши стихи на русском станут печатать во французских журналах.

- Так, Вы придёте к Зинаиде Гиппиус? Иной раз полезно и поразвлечься?

- Мне и не до развлечений, но, с другой стороны, любопытно, чем наша богема занимается в нынешних салонах? Неужели не повзрослела после развала державы? Хочется думать, что былой либерализм и у них повыветрился, - ответил я неопределённо.

Но в воскресенье я оказался у Мережковских на 11-бис, рю Колонель Боннэ в фешенебельном районе Пасси. Несколько удивило, что обстановка в квартире столичных литераторов не отличается особым вкусом. Впрочем, это могло быть объяснимым в эмигрантских условиях: мало кто из нас имеет достаточно средств. Количество книг в доме меня впечатлило и вызывало зависть, потерявшего почти все книги, которые остались в Москве. Что с ними там сейчас?

Не отобраны ли у моей сестры Евпраксии в коммунистическую библиотеку, а часть – просто выброшены, как не соответствующие их идеологии? Мысль эта довольно мучительна… Дмитрий Мережковский производил странное впечатление очень малым своим ростом, худобой и сутулостью, порою заставляющей думать, что у него горб. На его маленьких ногах красовались ночные туфли с помпонами. Лицо уже пожилого человека, но глаза поражали живостью. Казалось, что из этих лучезарных глаз, зрима светлая душа. Во всяком случае, в это хотелось верить. Я припозднился и понял, что Мережковский продолжает свою странную речь о династических тонкостях Древнего Египта. Говорил он виртуозно, и каждое его слово уносилось неким плавным потоком в духовно-эпистолярные сферы, если таковые существуют в каком-либо зазеркалье. Неспроста знакомые прозвали его «полководцем цитат». Всем заметно, что худощавая особа «мадам Мережковская» - Зинаида Гиппиус очень близорука, но её манера лорнетировать каждого нового посетителя с поразительной бесцеремонностью, думаю, раздражает любого. Под её лорнетом ощущаешь себя амёбой под микроскопом[229]. Во всяком случае, под её лорнетом невольно вспоми-

---

[229] Гиппиус использовала монокль для прогулок по улицам. Дама с моноклем была совершенно немыслима ни в какие времена. Может быть, это связана с её желанием подписывать свои статьи мужским именем? Говорили, что эта идеальная супружеская пара опровергает обычные представления, ибо Мережковский представляет в ней, по духу, женское начало, а Гиппиус- мужское: она- логику, а он - интуицию.

нались её же строки: «Я такая добрая, добрая, как ласковая кобра я». Пришли на ум и рассказы в петербургском салоне Третнёвой о том, что некогда Гиппиус воскликнула: «Как скучно! Подают всё одно и то же. Опять телятина! Надоело. Вот подали бы хоть раз жаренного младенца!»

- Миром правят Распря и Дружество – учит нас Эмпедокл. Или же: Эрос и Эрис, Любовь и Ненависть, Мир и Война, - убеждённо вещал Мережковский. – Язва убийства – война, язва рождения - Содом. Пол с войной пересекается. Кровь сначала загорается похотью, а потом льётся на войне [230].

- Полно, Дмитрий! Я не согласна! – резко прервала очередную тираду мужа Гиппиус, откидываясь на обитый кретоном диванчик.

- С чем именно? – растерянно переспросил Мережковский.

- Если надо объяснять, то не надо объяснять, - загадочно отозвалась она нехотя, лениво-капризным тоном, откидывая, всё ещё пышную, копну рыжих волос. И вновь поднесла к своим мутновато-бесцветным глазам лорнет и уставилась на меня, затем на других, очевидно – новых лиц в салоне – Глаголева, Блудова, Скотобойникова и, всё стол же томного, Алябьева. Рядом с инженером стоял всё тот же бесцветный молодой человек, напомнивший мне нашумевшего преступника Вишневского, но ничей глаз на нём не останавливался.

---

[230] Часть его подлинной речи, как и прочие реплики, приводятся по ряду мемуаров посетителей салона.

Словно и не присутствовал он здесь.

- Почему литератор должен быть непременно нервом народа? – возмутилась вдруг Гиппиус. – Нет, не согласна я! Из всей литераторской эмигрантской братии зрело мыслит лишь один Георгий Иванов!

- Полноте, Зинаида Николаевна, - заметил на это Бахтин, тряхнув рыжей шевелюрой.

- Позвольте спросить Вас, господин Охотин: что думает наша армия по этому поводу? – Гиппиус устремила взгляд на меня.

- Русская Армия, если она ещё и существует, то ничего не высказывает по этому поводу, - ответил я с улыбкой.

На это Гиппиус скривила тонкие губы, от чего гримаса её стала, скорее всего, злобной. Трудно понять покойного Александра Блока, некогда назвавшего её «зеленоглазой наядой» и «безумной горячкой». Не говоря о том, что некогда воспетые её стройные ноги, скорее напоминали теперь мощи.

- Вам надо бы улучшить здоровье, Дмитрий Сергеевич. От чего бы не поехать на воды? – спрашивал кто-то хозяина квартиры.

- На воды? Что Вы! Минеральная вода – сущий яд! Вы хотите нашей смерти? – отвечал Мережковский. – Но прекратим эту обывательщину! В те времена, в Элладе…

- Лермонтов – сущая бездарность! – безапелляционно начал вдруг Бахтин.

Каких только эксцентричных выходок я не встречал в салоне Третнёвой, но это было уже слишком.

- Позвольте Вас прервать, но уж слишком мелкотравчато Вы судите, сударь, - вмешался я, защищая память великого творца.

- Каждый имеет право на своё мнение, сударь, - резким тоном ответил Бахтин.

- Разве можно считать Бунина великим писателем? – прозвучал вдруг повышенный тон Мережковского. - Он просто бытописатель, надоедливо и скучно фотографирующий скучные мелочи жизни, с надоевшими всем давно закатами и снегопадами. Кому это интересно? От его «Деревни» я каждый раз засыпал на двадцатой странице, как ни старался – не одолел. Держу этот томик рядом с кроватью на случай бессонницы.

- Видно здесь преобладает здоровая традиция сокрушения пьедесталов, - усмехнулся я, глядя на собеседника, который тоже услышал Мережковского.

Стало ясным, что владельцы этой квартиры жаждут нахождения истины так же, как это было и в петербургскую бытность, и стараются перенести идеи из своей столовой на общественную арену, спасти России, если не весь мир. Но ведь их идеи тогда лишь расшатывали здоровые устои…

- Говорят, что Зинаида Николавна поглощает по детективному роману в сутки, но всё равно считается чрезвычайного и даже непомерного ума человеком. Недоброго и язвитель-

ного ума – да, - донёсся до меня чей-то приглушённый голос, когда я удалялся от Бахтина, надеясь перекинуться парой слов с Евгенией.

В это время красивый молодой человек с тонкими чертами смуглого лица, начал декламировать нараспев, несомненно, талантливые, ностальгически-печальные стихи, сопровождая чтение музыкальной жестикуляцией. Кто-то за моей спиной спросил, а что это за поэт и ему ответил женский голос:

- Так это же – Смоленский, Владимир, восходящая звезда русской эмиграции! У него есть дар. По крайней мере, мне кажется, что стихи его тонки, преисполнены подлинностью чувства и чужды модного, наигранного новаторства. Слышала, что недавно одна барышня во время его чтения упала в обморок.

- А я подумал было, что он француз по внешнему облику…

- Его мать была итальянского происхождения, от того и… А отец был из донских казаков, полковником и начальником, кажется, Луганского жандармского полицейского управления железных дорог. Большевики расстреляли отца на глазах юного сына, который после этого пошёл в деникинцы. Впрочем, сам он уцелел лишь потому, что его укрыла горничная…

Услыхав такое, я невольно перекрестился.

Бельская стояла в уголке с каким-то, незапоминающего вида, средних лет человеком. Когда я подошёл к ним, собеседник её откланялся и отошёл в сторону. Тут я заметил, что в руке его зажат маленький, дымящийся кофейник. Я плохо выспался и не отказался бы от чашечки кофе, но несущий кофейник быстро удалился. Поймав мой взгляд, Евгения рассмеялась:

- Глеб Гордеевич, это – Злобин, секретарь Дмитрия Сергеевича и, по совместительсьтву – jeune fille de la maison, то бишь – девушка в доме. Гостям он разносит чай. Но кофейничек этот предназначается только для Зинаидой Николавны. Прочим кофий здесь не полагается. Так что, не взыщите.

- Но, ближе к делу, - сказал я, - Вы, как я понимаю, хотите, чтобы я вновь поговорил с Глаголевым? Иначе к чему моё присутствие в этом доме?

- Нет. Вас хотел увидеть один наш общий знакомый, - с этими словами она посмотрела в полутёмный угол у занавешенного окна, где кто-то находился.

- Рад Вас видеть, Глеб Гордеевич, - ко мне навстречу шагнул Смураго. Было очевидно, что он не желает показываться перед всеми гостями.

- Так, Вас оставили в покое, капитан? – спросил я с долей участия.

- Надеюсь. Похоже, что меня больше не разыскивают. И… Если Вы ещё… Всё ещё собираетесь в Латинскую Америку…

- Да, скоро надеюсь туда отправиться.

- Хотелось бы к Вам присоединиться.

- Хорошо, я утрясу с билетами, чтобы Вам лишний раз не показываться в людных местах, - мне подумалось, что они хотели бы остаться вдвоём и я начал прощаться с Георгием.

Когда я уже шагнул от них прочь, то услышал, что к ним подошёл Скотобойников – знакомый, рокочущий бас его огласил самый тихий угол гостиной.

- Позвольте украсть Вас у Вашу собеседницу, сударь, - самоуверенно ухмыльнулся Скотобойников.

- А если я Вам не позволю? – холодно спросил Смураго.

- Я же не прямо сейчас заберу её, - усмехнулся купец. – Прошу прощения за трюизм, но - тише едешь – дальше будешь. Успеете ещё перекинуться словом в ближайшие дни.

- Что означают эти слова, Евгения? – возмущённо спросил Смураго.

- Вы не имеете права так говорить, господин Скотобойников, не имея ни малейших прав на меня! – возмущённо сказала Бельская.

- Имею, имею, Женечка, - нагло рассмеялся грузный купчина. Смех его слился со звоном пощёчины, которую нанёс ему капитан.

Я подошёл к ним с явным намерением остановить рукоприкладство. Впрочем, на меня никто и не посмотрел.

- Ну что же, капитан, - приглушённо произнёс Сысой, после недолгой паузы, - видать ТЕБЕ невдомёк, что шутки шу-

тить со Скотобойниковым даром не проходит. Я – человек современный. Что для меня ваш, дворянский, безнадёжно устаревший кодекс чести? Мы разберёмся с тобой по-свойски: уничтожу! Не жить тебе! - сверкнул глазами купец и пошёл прочь, а Евгения устремилась за ним.

- Напрасно, Георгий Александрович, - сказал я, - опасно такое себе позволять в Вашем положении. Думаю, надеюсь, что Вы не станете применять против него те же методы, которыми Вы обошлись с Ковальским?

- Нет, Глеб Гордеевич. Этот тип нужен Евгении, к сожалению… А теперь, прощайте. Уж слишком много незнакомых лиц в этом доме. Мне лучше избегать таких мест.

- Конечно. Хорошо, если Сысой не знает всего о Ваших последних подвигах.

Гиппиус зачитывала всем вслух критичесскую статью Георгия Иванова из эмигрантской газеты Поэт утверждал в ней, что, если читатель Брешки в России был гнусен – здесь, в эмиграции, перед ним надо снять шляпу почтительно, как перед покойником: «Конечно, русский интеллигент был наивен, архаичен, нигилистичен, в голове у него был сумбур, но всё-таки с тех пор, как стоит мир, лучшего читателя в мире не было. И никакая царская цензура не могла отвернуть интеллигента от его подспудного желания перевернуть мир и страдать вместе с Достоевским, вместо предлагаемого ею «семейного чтения», но нынешний читатель-эмигрант в

условиях свободы добровольно заявляет: «Хочу быть приложением к «Ниве»… Поразительно оскуднение, к коему пришла эмигрантская литература. Она старается быть похожей на «дорогого покойника» – эмигрантского читателя». Подле Евгении остановился элегантно одетый человек в летах с сухим породистым лицом почти в тот же миг, когда я уже подходил к ней. Он окинул Бельскую холодным взглядом, с присущим ему одному особой бесцеремонностью, которая оставалась при этом исключительно аристократичной и даже казалась вполне позволительной.

- А Вы не робкого десятка, - улыбнулся неожиданно незнакомец, – ведь от моего взгляда Иоанна Грозного, иные женщины в обморок падают. Вы же нисколько не смутились!

- Меня смутить чем-либо сложно, Иван Алексеевич, - очаровательно улыбнулась Евгения, и тогда я понял, что пред моими глазами сам Бунин. – А Вас я знаю, как лучшего литератора современности и очень люблю Ваши рассказы и повести.

- То, что Вам, сударыня, понравились мои произведения, свидетельствует о том, что у Вас хороший вкус. Но не понимаю, почему Вам так хотелось довести это до моего сведения? – Бунин продолжал пытаться шокировать красавицу неожиданными выпадами абсолютной самоуверенности и подавляющего самомнения.

- А Вам нравится цветущий каштан, или его чарующий плод? Умопомрачительная коричнивезна зрелых пло-

дов каштанового дерева похожа на драгоценные сорта древесины, не так ли? – было похоже, что Евгения решила усмирить его потуги устрашения.

- Будь на то моя воля, - все эти проклятые цветущие каштаны с их похоронными свечами вырубить бы повелел[231]! Обильно цветущие, каштановые деревья напоминают урорд-ливо толстые рождественские ёлки. От их огромных свечей - белых соцветий исходит дух мертвецкой, дух тления, – ответил Иван Алексеевич, виртуозно скручивая самокрутку. – И дешевле, и лучше готовых папирос, - назидательным тоном добавил он.

- А Вы любите Блока? Для меня он остаётся величайшим поэтом, - грудным голосом произнесла Евгения.

- Блок? Да он просто эстрадный фигляр. В ночном кабаке после цыган - отчего же - послушать можно. Но к поэзии это никак не относится… Ведь Ваш Блок просто… клоун, шут балаганный[232]… - Бунин продолжал разминать самокрутку. – Впрочем, рядом с Северяниным и Блок – поэт. Но разве можно нынешнее поколение литераторов сравнить с тем же Чеховым? В подмётки ему не годятся! Хотя, о дворянах Чехов напрасно брался писать. Не знал он ни дворян, ни их быта. Никаких вишневых садов в России не существовало. И

---

[231] Бунин боялся смерти и не выносил похорон.

[232] Бунин очень нелестно отзывался о большинстве знакомых за глаза, не говоря о его причудах и повышенной язвительности в глаза. Даже Достоевского он ни во что ни ставил. Одного Л. Толстого Бунин полностью одобрял.

пьесы его все - чепуха, как бы их не раздували… Вы уж простите, очаровательное юное создание, меня за брюзгливость и резкие суждения. Не старался Вас обидеть.

- Познакомьтесь – Глеб Гордеевич Охотин, - собралась, наконец, Евгения духом, чтобы меня представить. Бунин сам представил себя, и мы обменялись рукопожатием. На этом наше знакомство и завершилось, если только не брать неожиданную, странную тираду литератора:

- Глядя на Вас, госпожа Бельская, невольно вспоминаю Анночку.

- Простите, какую Анночку? – удивилась Евгения.

- Сожалею, что и я с ней никогда не встречался. С Карениной, конечно. Для меня не существует более пленительного женского образа. Но, роковая женщина, Каренина, кого же она не прельстит из нашего брата? На то и роковая. Героини романов, порою, снились мне. Даже днём я иногда чувствовал их присутствие. И теперь не могу без волнения вспоминать об Анночке. В начале и Наташа, Ростова то бишь, прелестна и обаятельна. Но вскоре она превращается в родильную машину, становится неряшливой, простоволосой…

- Мне обидно такое слушать про Наташу, - заметила Евгения нерешительно.

- Но она остаётся прекрасной в душе. Наши русские православные души лиричны, аскетичны, мрачны и сумасбродны. Напрасно считают французов легкомысленными. Мы гораздо легкомысленнее их, только русское легкомыслие при-

нимает мрачные, а не белесые формы… Взять того же рыжего Лазаря Розенталя – кормильца нашего. Он умудрился остаться миллионером и в эмиграции. Обитает в собственном отеле с зимним садом возле парка Монсо. Кто из русских на такое способен? Пару лет назад был приглашён с женой к нему на вечер. Там оказались и Мережковские, и Куприн, но также и французский министр Эррио.

- А почему Вы назвали его кормильцем? – поинтересовалась Евгения.

- Так вот, Розенталь попросил всех нас, литераторов, принять от него скромную субсидию в тысячу франков каждому! Кстати, Мережковский вдруг заявил, что он когда-то был в гостях у Тургенева. Интересно, а сколько ему было тогда лет и о чём этот мальчик мог беседовать с Иваном Сергеевичем? Прошу прощения, заболтался. Честь имею, - и Бунин поспешно раскланялся с нами.

- Сноб он, конечно, яркий, - мучительно выдавил я одну фразу, чтобы разрядить обстановку. – Но, мне пора, Евгения Александровна. Вряд ли Глаголев надумает сделать подарок РОВСу. Больше мне здесь делать нечего.

У окна стоял Смоленский, жадно втягивающий дым очередной папиросы[233]. Он бросил на меня рассеянный взгляд

---

[233] По свидетельству Берберовой, Смоленский «не жалел себя, пил много, беспрестанно курил, не спал ночей, ломал собственную жизнь и жизнь других...» Он умер в 60 лет от рака (1901-61). Печататься он начал только в 1929 г. Его талант был признан самим Буниным, а также Ивановым, Ходасевичем, Адамовичем, М. Чеховым, кн. Шаховской.

тёмных глаз.

Мы распрощались, но проходя через толпу, чинно беседующих, гостей, я услышал вновь чуть хрипловатый голос Бунина и невольно остановился у стола, сделав вид, что я намерен налить себе вина.

- Вы, сударь, имеете зуб на Лермонтова, - обращался Иван Алексеевич к Бахтину, - а я всегда думал, что наш величайший поэт был Пушкин, но нет, это - Лермонтов!

- Чем обязан такому вниманию к моей персоне? – хорохорился Бахтин.

- Просто представить себе нельзя, до какой высоты поднялся бы Лермонтов, если бы не погиб двадцати семи лет! Но некоей метафизически и религиозно утверждающей себя несмиренности, несмиримости и не могут простить Михаилу Юрьевичу русские литераторы.

- Но моему отцу довелось слышать отзыв графа Адлерберга, министра двора при Александре II, старика, который лично был знаком с Лермонтовым, - возражал ему Бахтин. – «Вы представить себе не можете, какой это был грязный человек!» - воскликнул граф. Владимир Соловьёв не преувеличил, а скорее преуменьшил пошлость, свинство Лермонтова, как человека.

- Вот уж кто – не авторитет для меня, - усмехнулся Бунин.

- Чтобы убедиться в справедливости слов графа, Вам стоит прочесть записки Екатерины Александровны Хвостовой.

Лермонтов ухаживал за ней долго и упорно, довел её до признания в любви, произнося кощунственно такие слова: «Полюби меня, и я буду верить в Бога... Ты одна можешь спасти мою душу... «Он поработил меня совершенно, - признается Хвостова. - Мне стало страшно за себя. Я как будто чувствовала бездну под своими ногами. Он уговаривал меня на побег и тайный брак». Когда же Лермонтов убедился, что она готова на всё, он написал ей анонимное письмо, в котором говорил о себе самом: «Поверьте, он недостоин вас. Для него нет ничего святого, он никого не любит». «Он убил во мне душу» - пишет Хвостова, но разлюбить его она не могла. – «Куда девалась моя гордость? Я готова была стать перед ним на колени, лишь бы он ласково взглянул на меня». Они встречались мельком на балах. Потом она написала: «Наконец, я спросила его: «Ради Бога, скажите, за что Вы сердитесь?» «Я Вас больше не люблю, да кажется, и никогда не любил», - ответил Лермонтов.

- Даже, если это и в самом деле так, то он остаётся великим литератором, - задумчиво проговорил Бунин.

- Но ведь есть человеческие мерзости, которых нельзя простить ни за какое величие.

- Вспомните слова Печорина: «Во мне два человека. Я сделался нравственным калекою: одна половина души моей высохла, умерла, я её отрезал и бросил; тогда как другая шевелилась и жила к услугам каждого, и этого никто не заметил, потому что никто не знал о существовании погиб-

шей её половины», - процитировал Бунин. – «В наружности Лермонтова, - вспоминал Тургенев, - было что-то зловещее и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой веяло от его смуглого лица, от его больших и неподвижно-тёмных глаз. Одна светская женщина уверяла, что глаза Лермонтова «имели магнетическое влияние». Иногда те, на кого он смотрел пристально, уходили в другую комнату, не будучи в состоянии вынести этот взгляд. В детстве Лермонтов напускался на бабушку, когда она бранила крепостных, выходил из себя, когда вели кого-нибудь наказывать, и бросался на, отдавших приказание, с чем под руку попало. Однажды в Пятигорске, незадолго до смерти, он обидел неосторожным словом жену какого-то маленького чиновника и потом бегал к ней, извинялся перед мужем, так что эти люди не только простили его, но и полюбили, как родного. Не следует и это забывать. Если только женщина «даст мне только почувствовать, что я должен на ней жениться - прости любовь! Я готов на все жертвы, кроме этой: свободы моей не продам. Этой какой-то врожденный страх» - говорил поэт устами своего героя. А как Вы на это смотрите, Глеб Гордеевич? – неожиданно спросил меня Бунин, заметив, что я всё слышу.

- Мне кажется, что трагедия Лермонтова в том, что он христианства преодолеть не мог, потому что не принял и не исполнил его до конца, - замявшись, ответил я и мы окончательно распрощались.

- Полноте. Даже, если всё это правда, во что я не могу по-

верить, не желаю её знать, - донеслись до моих отрезанных ушей последние слова Бахтина, а затем вновь Мережковского, который обращался к незнакомому мне дородному человеку:

- Всякая картина без изощрённости и непонятности становится для нынешней молодёжи пресной, скучной. Пикассо поражает и вдохновляет её, тогда как сам как-то признался, что часто посмеивается над своими поклонниками, ни во что их не ставя.

- Вот именно! – оживлённо вторил ему собеседник. – А господин Щукин вещал о том, что Гоген завершает эпоху с идеей о прекрасном и Пикассо открывает оголённую суть. Сама идея красоты изжила себя – вот что особенно импонирует оголтелой молодёжи. Серову приходилось сдерживать молодёжь, одержимую влиянием модернистской французской живописи, призывать её к голосу разума, к попыткам изображать не только безобразное, но и совершенное. Но Щукин, сам того не желая, совращал несформировавшихся художников, оборачивал всё так, что они отворачивались от всего родного.

- А Вам не казалось никогда, что Горький спасает русскую культуру от большевистского варварства? – прищурившись, спросил Мережковский своего собеседника.

- А разве это не так? – спросил тот.

- Я одно время сам думал так, сам был обманут, как Вы. Но когда испытал на себе, что значит спасение Горького, то

бежал из России. Я предпочитал быть пойманным и расстрелянным, чем так спастись! Если Ленин с Троцким убивают тело, то Горький убивает и растлевает души, – нервно продолжал Дмитрий Сергеевич.

- Давайте, Дмитрий Сергеевич, лучше сыграем в буриме, что ли? – неожиданно предложил его собеседник.

- Видно наш Дмитрий позабыл, как он лебезил перед Максимушкой, униженно прося переиздать, для гонорара, его романы, - прозвучал рядом приглушённый голос Бунина, который прошёл мимо под руку с Бельской.

Чей-то бражный тенорок затянул: «Иду к Максиму я, там ждут меня друзья, весёлые певицы, на «ты» со мной девицы - Додо, Лозо, Кло-Кло…» Я был рад покинуть салон вовремя.

- В семнадцатом году, когда отцвела сирень, жасмин зацвёл так же буйно, как и в прошлый год, - вздыхал кто-то.

- Вы просто идиот, сударь, в таком случае! Как можно такое говорить?! Нет, хуже того: Вы – марксист! – проголосил кто-то дряблым тенорком.

- Ну уж нет. Как не монархист, так и не марксист. Уж никак в этом меня попрекнуть нельзя. Я – олицетворение высокого российского либерализма по образцу британского, - отвечал голос, кажется, Новгородцева, которого, впрочем, я так и не разглядел.

Мне стало и вовсе тошно от всего этого. Неспроста в Британской энциклопедии сказано, что «русский интеллигент - это человек, для которого истина важнее личной выгоды».

Какие высокие идеи! И что за ними скрывается? Желание разрушение своего Отечества в угоду либералам той же Англии. Кажется, Клемансо сказал, «если кто не был социалистом в свои двадцать лет, у того нет сердца, а если кто останется им в сорок – у того нет ума» - с грустью подумал я и вышел из этого дома. Надеюсь, что это моё последнее посещение подобного салона. Ведь содержательнее беседы там не стали и после опыта семнадцатого года. Но глаза Бунина, удивительно насмешливые и добрые в одно и то же время, увидеть стоило, как и его особенный, проникновенный, голос.

В те дни Кутепов много ворчал, мол, РОВС совершенно теряется в бесчисленных малых отделах, разбросанных по всей Европе, а тут ещё в одной только Франции, оказывается, действуют Всероссийский союз кадет, Объединение бывших кадет Аракчеевского корпуса, Союз Пажей (с отделами в Ницце и Брюсселе), Союз военных лётчиков, Оренбургское казачье училище и Общество Северян – группы, формально не входящие в РОВС. К тому же, моряки, как всегда, себя предпочитают отделять. Действительно – огромная путаница, снижающая эффективность работы. «Единственно, в чём можно быть уверенным, что похоронят тебя здесь по-православному[234]» - добавил я к сетованиям генерала. Наконец-то,

[234] В 1939 г. в Париже имелось Русское похоронное бюро с вывеской: «Бюро выполняет все заказы точно так, как они исполнялись в России. При бюро име-

генерал одобрил и благословил мою поездку в Парагвай. Перед ней я мог взять непродолжительный отпуск за свой счёт, и я не преминул это сделать, поскольку представилась возможность съездить в Лондон по приглашению Кроуфорда с целью встречи с его знакомыми Янгхасбендом и Конан-Дойлем. Очень уж любопытно было посмотреть на эти две одиозные фигуры. Кроме того, я смог бы заглянуть к лондонским коллегам.

Оставлять вспыльчивого Смураго в Париже было бы опасным: Скотобойников непременно найдёт пути свести с ним счёты за оскорбление. Или же Смураго успеет первым порешить купца, что вновь повлечёт нежелательные разговоры о поведении русских офицеров. Поэтому я предложил Георгию Александровичу присоединиться ко мне до Лондона и обратно. Билеты в Буэнос-Айрес же, были куплены и ожидали свой черёд. Когда я заговорил со Смураго о Лондоне, он покраснел и сказал, что не имеет на данный момент средств на билет в Англию, ибо дал много денег своему бывшему соратнику-прапорщику, который проигрался до нитки в карты, заложил последние личные вещи и ему стало нечем платить даже за жильё. От слова «прапорщик», имевшего негативный оттенок для ушей белого офицера, я было поморщился,

---

ется одежда на умерших. Русский фасон гробов. Монахини для чтения псалтыря. Заморозка умерших. Деревянные православные кресты на могилу. Отправка и приёмка умерших во все страны света».

но Георгий рассказал за что он так уважает своего боевого товарища. Оказалось, что тот умудрялся выживать в любой передряге. Имел немалый фронтовой опыт ещё с Германского фронта и, несмотря на юные годы, отличился в обеих войнах.

- Однажды, красные взяли его в плен, в Северной Таврии дело было, - продолжил свой рассказ о друге Смураго, - ну а поскольку он в пулемётной бригаде служил, красные приковали его к пулемёту и стрелять по наступающим соратникам заставили. Он лупит грамотно – всё поверх голов, а красные не разобрались в том. В полный рост штыковые они не выдерживали, сами знаете, ну и побежали большевички, ожидая, что наши, вот-вот, прорвут их линию. Он остался прикованным и перестал стрелять вовсе, понимая, что свои примут его за красного и, не разобравшись, тут же порешат. Тогда он измазал себе голову кровью убитого рядом бойца и прикинулся мёртвым. Так и уцелел. А как только прошли наши линию, стал звать их, выкрикивая своё имя. Тут я его и услышал.

- Такие люди оказались бы полезнее в том же Парагвае, чем в карточной игре в Париже, - заметил я.

- Вне сомнений, Глеб Гордеевич. Только беда в том, что он начал пить, связался с какими-то апашами[235]…

- Пока что собирайтесь в Лондон, капитан. Деньги вернёте потом, как и за билет в Буэнос-Айрес. Послезавтра выплы-

[235] Французские бандиты.

ваем в Великобританию.

- Глеб Гордеевич, - замялся вдруг Георгий, - ради всего святого не подумайте, что я выстрелил Ковальскому в спину. Даже доносчика я не способен убить таким способом…

- Нисколько не сомневаюсь, хотя и не одобряю происшедшего, в любом случае.

- Пришлось попросить у друга второй револьвер… Он сказал, что его наган даёт осечки – боёк сточен и кривит. Но выбора у меня не было. Явившись к Ковальскому, я предложил ему поединок, в котором Бог рассудит, совершал ли он донос, или я заблуждаюсь. Конечно же, он не хотел признаться, но и стреляться не горел желанием. Оружия у него не было, и я вручил ему свой новый револьвер, чтобы он не мог обвинить меня в намеренном подсовывании неисправного оружия. Ковальский очень нервничал и выстрелил первым. Скорее всего, стрелок он скверный. Пуля даже не задела меня. На сей раз, наган моего дуга не дал осечки и правосудие свершилось.

- Я Вас могу понять. Но, не напоминает ли Вам Ваш самосуд инквизиторский процесс о ведовстве: всплывёт ведьма – значит подлежит сожжению, а утонет – стало быть, не виновна.

- Поверьте мне: всё его поведение, его мимика, свидетельствовали о его вине. Ведь подобное обвинение должно было бы задеть за живое его шляхтическую честь. Но я этого не заметил: лишь раздражение, злость были написаны на его ли-

це, но никак не праведный гнев. Но, vraiment c'est un sacrilege de ma part - воистину это преступление с моей стороны…

- Оставим это… Надеюсь, что в Парагвае Вы себя найдёте.

- Уповаю на то, что там можно будет faire la carriere военного.

В тумане уже вырисовывался силуэт здания британского парламента, когда мы со Смураго, наконец, разговорились, и, естественно, на больную тему.

- Во время Крымской кампании Государь Император Николай запретил русским офицерам использовать аэростаты, как неподобающий, нерыцарский метод ведения войны, – размышлял я вслух. – Вот были времена! Разве сравнить с последними войнами?

- Британцы, в свою очередь, не стеснялись, во время Крымской войны, бомбардировать гражданские районы Одессы и Петропавловска-Камчатского из тяжёлых корабельных орудий, - заметил на это Смураго. – Уже тогда понятия о чести в этой стране с ущербной монархией стали размываться. В Русско-японскую, в последний раз в истории, имело место рыцарство между офицерами противоборствующих сторон. Да и то далеко не всегда.

- Конец воинскому этикету положили уже британцы в Южной Африке за несколько лет до этого. Именно в войне с бурами начался закат рыцарства и варварство в отношении к противнику, мирному населению вражеской стороны.

Кичащаяся своей просвещённостью нация сделала первый шаг! Но, после 1914 года, Европа, да и весь мир, погружаются во мрак одичания. Немецкий офицерский корпус начал с того, что перестал брать в плен казаков, но расстреливать их на месте. Потом и издеваться над пленными офицерами стали. Лагеря для военнопленных уже напоминали ад. Видимость Belle Epoque была прервана и, похоже, что навсегда. Впрочем, ещё солдаты Бонапарта устраивали стойла для коней в православных храмах, а в Египте палили из пушек по сфинксам для забавы. Наполеон приказал взорвать Кремль! Но интеллигенция всей Европы и России носилась с безумным корсиканцем, ставя его бронзовые бюсты на свои рабочие столы, дольше столетия! Нелепый миф о благородстве корсиканца, ореол эдакого мушкетера вокруг выкормыша робеспьеровской гильотинированной культуры. Странно всё это.

- Именно по причине своей офицерской чести мы и проиграли красным.

- Я бы сказал, что в последний год войны мы стали не менее жестокими с красными, не менее неразборчивыми в плане обирания мирного населения. Мы проиграли узурпаторам и потому, что вели себя с народом слишком высокомерно, в целом. Не желали понять его чаяния, провозглашали непонятные ему, дурацкие лозунги. Наш род Охотиных, как раз принадлежал к редкому исключению. Мы помнили, что лишь недавние наши предки были крепостными, - добавил

я».

6. Последствия папоротникового бума

Чем больше я провожу времени с женщинами, тем крепче убеждаюсь: необходим закон. Нужно что-то делать с прекрасным полом, иначе здание общества рухнет до основания, а мы будем только хлопать ушами, как ослы.

П. Вудхауз

Недавний вид Ллойд Джорджа, хохочущего и потрясающего «договорчиком с людоедами» - зрелище когда-то приличного англичанина, вдруг содравшего с себя одежды, и заплясавшего в хороводе с каннибалами вокруг их костра, с гиканьем и топотом, - это зрелище не могло не поразить ужасом разумных и здоровых.

Гиппиус З.

«Покуда мы стояли в очереди в бюро паспортного контроля, неожиданно оказалось, что с нами на одном судне прибыла Богданова-Бельская. Смураго изменился в лице. Казалось, что, на сей раз, он не рад её видеть. Очевидно, он пытался, в последнее время, выбросить её образ из своего сердца. Но папоротниковые глаза делали своё роковое дело и, через несколько минут, Смураго уже нёс её саквояж, желая непременно, доставить даму до гостиницы. Евгения вдруг

проникновенно заговорила о своём покидании отчего дома в начале Гражданской войны, как трогательно она прощалась с каждым предметом быта, сознавая, что скоро всё будет разорено и она видит родной дом в последний раз: «Прощай, стол, - обращалась я к старенькому, милому сердцу, письменному столу, заваленному бумагами, - прощайте и милые часы мои» - и я целовала эти предметы. А как бы мне хотелось увидеть хотя бы раз в жизни этот дом. Но родовые имения в России жгут…»

- Документ[236] выдали, казалось бы – на седьмом небе быть подобает… - ворчливо обращался пожилой человек в очереди сам к себе на чистом русском.

Мы встретились с ним глазами, и я сочувственно, понимающе, вторил его словам:

- Мы здесь и не люди вовсе, а перемещённые лица – displaced persons[237] – вот кто мы и не более того. Так назвал

---

[236] Ф. Нансен занимался решением сложной задачи обеспечения жильем 1,5 млн. русских эмигрантов, бежавших от революции. Многие из них не имели удостоверений личности и перемещались из страны в страну, оседая в лагерях, где от голода и тифа вымирали тысячи. Нансен разработал международные соглашения о документах для беженцев - «нансеновских паспортах», которые удостоверяли личность держателя, и впервые начали выдаваться Лигой наций для беженцев без гражданства. В основном благодаря усилиям Нансена, большинство эмигрантов обрели кров. За многолетнюю помощь беззащитным, Нансен был награжден Нобелевской премией мира 1922 г. «Нобелевская премия присуждалась самым разным людям, – писал датский журналист, – но впервые она досталась человеку, который достиг в практике мира таких выдающихся успехов в столь короткий срок». Но лишь к 1942 г. 52 страны признали эти документы.

[237] Этот термин стал применяться массово после Второй Мировой войны.

нас один чиновник – убийственное выражение.

- Бюрократии местной Россия царская в подмётки не годится. А главное, работает законность на высоте, но и без малейшей пощады, не по-русски, а сухо, технично. Что нам остаётся? И стареем мы куда быстрее неперемещённых лиц, - оживился незнакомец и добавил с трагической нотой. – Они надеются, что все мы скоро помрём.

Капитан Кроуфорд встретил нас у причала и проводил сначала до гостиницы Евгении, а после забрал Георгия и меня к себе. Мы оказались в городе, в котором русскую общину возглавляет сама Императрица-мать Мария Фёдоровна, поселившаяся в Мальборо-Хаус с вдовствующей королевой Александрой[238]. Здесь же, в Лондоне, находилась и Великая княгиня Ксения с детьми. Это лишь те члены Императорского дома, о которых я знаю. Слышал я и о том, что король Георг, вроде бы, предоставил в пожизненное распоряжение тестю, Великому князю Сандро, и тёще князя Юсупова Фрогмор-коттедж в Виндзоре, прямо в парке.

В доме Кроуфордов нас любезно встретила сухонькая старушка-мать в весьма старомодном одеянии. За обедом она бросила пару слов сочувствия русским с их «ужасной революцией», тут же прошлась по Ллойд-Джорджу и его «гадкому кабинету», который не пожелал спасти родственника ко-

[238] Позже они жили на вилле Гвидоэр.

роля (нашего Императора)[239]. Когда прозвучало «наш король и хотел бы вызволить царя из большевицкой темницы, но виноваты левые», меня подмывало спросить, а что же стоит тогда «звание короля» в их стране, если он не в состоянии поддержать дальнюю родню, оказавшуюся в нужде, но я удержался. Позже, оглядываясь на суетные дни, проведённые в Лондоне, я понял, что ни малейшего сочувствия к поверженным Романовым там не наблюдалось. «Внучка же королевы Виктории» - Императрица Александра Фёдоровна, вызывала лишь злопыхательство англичан. Ей вменяли многое в вину и даже связь с Распутиным. Грязнейшие непристойности в адрес Царицы легко принимались на веру в любой среде английского общества. Хотя, казалось бы, если является фактом то, что внучка Виктории столь просто отринула все нормы приличий, это показывает изъяны британского воспитания. Вид скабрезных ухмылок, при разговорах о моральном облике Государыни, злопыхательство, несколько раз доводили нас с капитаном до бешенства. Потом нам попалась в руки грязная книжонка «Подлинная Царица», вышедшая в Лондоне в 1922 году небольшим тиражом на английском языке. В ней обыгрывались отвратительные сплетни. Якобы, в порыве жертвенности, Государыня сама отдалась Распутину и отдала ему своих дочерей для того, чтобы доказать, что

[239] Черчилль, как и Клемансо, считали, что следует вырвать большевизм с корнем. Но им было не по плечу бороться с влиянием президента Вильсона и Ллойд Джорджа, бывших против Российского царского дома в принципе.

плотская жертвенность угодна Богу! Мы с капитаном возмущённо возразили, что глубоко уверены в моральной стойкости членов Семьи Романовых – людей глубоко верующих, но это не убеждало оппонентов. Наконец, на аргумент о том, что Распутин не был привлекательным ни для одной женщины физически и был при дворе не более, чем лекарем, нам с ехидством пытались доказать, что никакие дефекты внешности и рассудка не имеют значения в глазах некоторых чувственных особ. Тогда горячий нрав Смураго потребовал выхода эмоций, и он демонстративно порвал книжонку в клочки, швырнув их на пол пред владельцами этой мерзости, после чего мы молча вышли вон.

В доме Камерона нам прежде всего бросились в глаза старинные турецкие ковры на добротном дубовом полу и портреты предков на стенах. Леди Кроуфорд в первые же минуты встречи несколько раз высказалась о судьбе Романовых, по меньшей мере, с сочувствием и тактом. Потом она принялась расспрашивать сына о его планах на ближайшее будущее, высказывая опасение о пагубности тропического климата для англичан.

– Мама, я и не намерен отправляться в колонии с гибельным климатом – не те уж годы. Но, прежде чем я смогу удалиться на покой, мне нужно будет где-то отслужить. В колониях платят лучше. Надо только избегать пагубной влажной жары. Поэтому и не смогу составить компанию моему при-

ятелю Фосетту в Амазонию. Хотя, вспоминая подвиги моего славного деда, сражавшегося в Крыму, и отца, участника событий Фашодского кризиса, Бурской войны, куда он сам вызвался ехать, мне становится совестно своей спокойной жизни.

- Не надо прибедняться, сын мой. Ты - ветеран экспедиции в Тибет и Германской войны, - заметила его мать.

- Ни там, ни там я не отличился, увы… Поеду, например, в Восточную Африку, где климат вполне сносный, а трофейная охота – лучше не сыскать!

Его отказ от влажных тропиков пришёлся, похоже, матери маслом по сердцу, но она принялась и тут ворчать:

- Все словно помешались на трофеях, потугах уложить непременно самого крупного льва! Ладно мужчины. Но оголтелые девицы! В моё время идеалом благовоспитанной леди был сбор редких папоротников для гербария, или выращивания в домашних условиях.

- Папоротниковая лихорадка уже сошла на нет, мама. Продержавшись более полувека, она канула в Лету, как это ни прискорбно. Помню, мама, что в моё детство над нашим обеденным столом висели живые папоротники. И я любил их. Кое-кто начинает охотиться за орхидеями[240].

---

[240] В XIX в. викторианцев охватила папоротниковая лихорадка – fern fever. В 1829 г. британский путешественник Натаниэль Бэгшоу Уорд изобрёл «цветочный ящик Уорда», или флорариум – стеклянный контейнер, который использовался для перевозки и хранения экзотических растений. Ботаник Джордж Лоддидж построил в Лондоне крупнейшую в мире оранжерею, где выращивали раз-

- То было прекрасное время! Мы познакомились с твоим отцом, заблудившись в лесу, в поисках папоротников для наших коллекций. В то время пойти в лес с ящичком для сбора папоротников не считалось для девушки из хорошей семьи предосудительным. Но можно и нынешним девицам заняться чем-то иным, достойным женщины, а не только мазать глаза, губы, отплясывать непотребные, дёрганные танцы и отправляться в Африку на охоту! Но нет! Нынешняя дама из хорошего общества способна пудрить себе нос при людях! До войны и представить себе такое было невозможно! Даже манера говорить меняется. Молодые произносят слова быстрее, словно боятся, что телефон отключат. Но беда в том, что они глотают слова отнюдь не только по телефону. И такая речь становится нормой в хорошем обществе! Пришло время фривольности и сумасбродства, взбалмошное, мечтающее о наслаждениях здесь и сейчас. Люди не желают вспо-

---

личные виды папоротников и прочие растения, которые ассоциировались с магией. Лоддидж распространил слухи о том, что сбор папоротника не только говорит о высоком интеллекте тех, кто этим занимается, но и придаёт отвагу, улучшает психическое здоровье. Сбор папоротника способствовал и стиранию классовых границ: шахтёры и фермеры были такими же заядлыми коллекционерами, как и аристократы, которые призвали бедных и психически нездоровых заняться этим. Начали печатать папоротниковые мотивы на всём подряд: платьях, визитках, подарках и даже надгробных плитах. Кое-кто считал это увлечение полным безумием и называл папоротниковую лихорадку «птеридоманией». Профессиональные охотники за папоротниками отправлялись на поиски редких видов в Вест-Индию, а преступники занимались воровством редких папоротников. После смерти королевы Виктории лихорадка спала и к концу 1920-х г. сменилась интересом к орхидеям.

минать о прошлом и думать о будущем. Мы уверенно катимся к полному падению нравов. Добром это не закончится. Думаю, что в Шотландии до такого всё ещё не дошло. Надеюсь на то… Даже «Таймс» уже не тот. Раньше сенсационность считалась в нём дурным тоном. Скоро у нас всё станет как на континенте.

- Будем надеяться, мама, что нет, - с долей иронии отозвался сын. – Право, чем больше эмансипируется британская мысль, тем больше мы цепляемся за викторианскую мораль. Впрочем, ничего не имею против.

Стало очевидным, что зов хайлендских[241] предков преобладает в матери Кроуфорда, несмотря на родство с знатным британским родом Эшби. Это было весьма занятным и, казалось, по крайней мере, более достойным: выбрать не более конъектурную линию рода, привязывая себя к ней, но напротив, гордится и выпячивать менее выгодную.

- Ты уже немало отслужил королеве. Отпрыски её, на мой взгляд, достойны гораздо меньшего внимания со стороны, преданных короне, офицеров. Принца Уэльского, будущего короля Эдуарда VII, в 1875 году избрали «Великим магистром» английских масонов. Куда уж дальше идти? И не должно потомку шотландского эрла отдавать себя на заклание во славу интересов британцев. Интересы Лондона веками противоречили интересам гаэлов, а Подвязку британцы

---

[241] Шотландских горцев-хайлендеров, или гаэлов.

ставили выше Репейника[242]. Кстати, твой дед, Камерон, имел зелёный плащ[243], - сверкнула всё ещё ясными глазами старушка.

Камерон затянул старинную песнь о копытах британских коней, чавкающих в крови хайлендеров с истинно шотландской картавостью, а мама слушала с умилением.

- Вам, русским, не кажется ли это пение слишком чуждым и бессмысленным? – спросила она вдруг нас с Георгием.

- От чего же, - ответил я, - старинные напевы всегда привлекательны, а направленные против лондонского правительства – вдвойне.

- В памяти шотландцев жив тот факт, что в 1775 году их национальная одежда была запрещена. За ношение её выселяли в самые отдалённые колонии! – сверкнула очами пожилая леди.

Камерон вышел в соседнюю комнату, гудя себе под нос об омывании грязных копыт шотландской кровью, а мы продолжали потягивать чай из старого сервиза, украшенного папоротниковыми мотивами.

Когда мы остались наедине со Смураго, я услышал шёпот капитана, который, казалось, запамятовал, что я нахожусь

[242] Имеется в виду национальный символ Шотландии – чертополох, или репейник, ставший символом шотландского ордена, как подвязка – британского.

[243] Офицеры ордена Чертополоха носят зелёные накидки. К рыцарям ордена и ныне относится лорд Роберт Линдси, граф Кроуфорд и Балкаррес, получивший этот титул в 1996 г.

рядом и могу его услышать. «О, Евгения… beaux yeux[244]!» - с надрывом шептали губы Смураго. Тогда я спросил капитана в лоб:

- Надеюсь, что Вы соблаговолите вернуть мне долг до моего отъезда в Южную Америку в случае, если Вы раздумаете туда ехать? Сегодня мне показалось, что это не исключено и Вы можете остаться в Европе, если эта особа того пожелает.

- Я приложу все усилия, чтобы отделаться от её чар, выбросить из головы образ этой женщины, - печально проговорил Смураго.

- Могу себе представить, если такая дама давала себя поцеловать, дразнила воображение… Конечно, трудно устоять и порвать отношения. Ведь она - само физическое совершенство.

- Но дальше поцелуя ничего не было, друг мой, - Георгий тяжело вздохнул. – Она - оправа с бриллиантом, но, как мне всё чаще кажется – безделушка, не более того. Я могу ею любоваться, как скажем, великолепием природы, готическим собором, созерцать часами, наслаждаться совершенством форм. Но, если капнуть, в ней остаётся мало человеческого. А получение частицы душевного тепла женщины важнее… Но её последние слова вызвали во мне бурю противоречивых чувств и мне показалось, что я сужу о ней предвзято.

- Простите за любопытство, но Вы просили её руки? Мне

---

[244] Прекрасные глаза! (фр.).

просто хотелось бы понять, что можно ожидать от Вас в дальнейшем.

- Да, однажды дошло до этого шага с моей стороны. Ответ её был неожиданным и столь же импульсивным, как и прочие её выходки: «Когда-нибудь и я выйду замуж, но выйду лишь за русского князя». Я растерялся и заметил, что многие князья сейчас не менее нищие, чем я - мелкий дворянин. «В таком случае, я выйду за нищего князя» - отозвалась Евгения. Тем разговор и завершился. Это очень амбициозная особа. Возможно, и беспощадная к мужчинам, окружающим её. Жизнь сделала её такой. Евгения никогда не видела материнской ласки: мать отказалась от неё. Отец же, княжеского происхождения, отдал её на воспитание в интеллектуальное семейство, оплачивал хорошее образование незаконной дочери. Семья, в которой она воспитывалась, как я понимаю, относилась к Евгении практично и холодно. Отец же, нередко приходил к дочери, любил её по-своему. Но она не смогла ему простить, когда выросла, что отец стеснялся её, никогда не выходил с ней вместе на улицы, так и скрыл от законной супруги само существование Евгении. Нет… выход у меня один – забыть её… Но разговоры за столом о папоротниках вновь растревожили мою душу…

- Лучший выход – оказаться за океаном, чем дальше – тем надёжнее, - заключил я.

Когда мы спустились к завтраку, мать с сыном уже сиде-

ли за столом за свежим номером «Таймс». Поглощая крутые яйца с поджаренным до хруста беконом, жаренными почками, затем – тосты с джемом, заедая их апельсином и, запивая кофе, мы услышали немало занятных речей. Помимо этого, к завтраку подали маринованные орехи и торт с вареньем, что считалось обычно излишеством.

- Наш знакомый уже слушает новости политики и биржи по радио вместе с боем «Биг Бена» по Гринвичу. Такой прибор пока ещё стоит огромных денег, но скоро и он подешевеет, - заметил Камерон.

- Только прошу тебя не приобретать радиоприёмник до тех пор, покуда я жива, - откликнулась мать Кроуфорда. – Не хочу уподобляться лорду Невиллу ни в чём.

- Хорошо, мама. Как тебе будет угодно, - Камерон начал нервно постукивать вечным пером по столу.

- Пращурам нашего знакомого и почти соседа Невилла был некогда пожалован графский титул самим Ричардом Львиное Сердце за отвагу, проявленную в битве с сарацинами. Король-воин умел ценить лучших из своих рыцарей. С той поры крепло их родовое древо, превратившееся к шестнадцатому столетию в эдакий раскидистый дуб. Впрочем, ветви его, отросшие неподобающим образом, следовало бы вовремя отпилить и не изображать на общем древе. Нынешний потомок Невиллов - истинный британец, чванлив даже со своими добрыми знакомыми и всё ещё обитает в роскошном особняке. Имеет своё поле для гольфа и площадку для

лаун-тенниса. Говорят, помимо всего он погружён в герметизм, теософию, имеет высокую степень посвящения в масоны.

- Право, ты утрируешь, мама.

- Никогда не забуду, как мой сын попытался посвататься к его дочери и получил отказ по причине меньшей знатности нашего рода. Не исключаю, что прежде всего, это случилось из-за наших шотландских корней. Но дочь их - хотя бы девица пристойной внешности – тогда, во всяком случае, не красила лицо и не стриглась.

- Не думаю мама, что всё именно по прихоти её отца. Скорее всего, я ей не нравился. Ведь времена уже иные и мнение дочерей чего-то значит. И если уж что и не нравится в нас её отцу, то – не шотландские корни, а отсутствие денег.

- И это несмотря на слухи о том, что нынешние Невиллы имели предка пирата и потому сумели так разбогатеть. Как известно, королева Элизабет давала титулы за разграбление испанского флота. Потомок их наживался грабежом индуистских храмов, будучи колониальным офицером, что факт уже неоспоримый. И, после всего этого, они воротят от нас нос! - мать, казалось, не слышала слов сына.

- Не надо, мама. Мне, по-прежнему, мил огромный стол Невиллов, уставленный старинными оловянными солдатиками, повозками и пушками, за которым мы так часто играли со старшим братом той самой дочери графа Невилла. Поз-

же мы увлеклись стипль-чезом[245] с сыном графа. Впрочем, согласен, что послевоенная мораль изменилась и вместо былого «будь джентльменом прежде всего» зазвучало «не будь тоскливым недоумком, бери от жизни всё».

- Надеюсь, что ты не испортишь чистоту нашего рода. В средние века титул эрла был несравнимо выше континентального графа! – поджала губы мать и обратилась к нам, ища поддержки. – Вы знаете, господа, что для истинного англичанина из хорошей семьи скандально стать вдруг католиком и, тем паче, католическим духовным лицом. Говорят, что даже в Америке католики воспринимаются как люди второго сорта.

Мне вспомнилось, что и Бисмарк заявлял, что победа лютеран над католиками неотвратима, ибо на стороне лютеран прогресс. Свои попытки ограничить права немецких католиков Железный канцлер назвал «борьбой за культуру».

- Мама, я помню, что у нас в роду все пресвитерианцы и англикане, но слабость протестантизма в том, что каждодневно долбить Библию и молиться на рассудочном уровне дано отнюдь не всем, а лишь тем, у кого преобладает рациональное начало. При эмоциональном же восприятии мира, привлекательнее обрядовость католицизма. Поэтому меня всегда завораживает мистицизм католической службы.

- Мне очень жаль, сын мой. Католичество - удел ирландцев, которые за пятьсот лет не научились жить.

---

[245] Скачка с препятствиями.

- Твои слова напоминают мне британскую спесь тех же Невиллов, мама. Не верю я евгеническому подходу. Поместить младенца, рождённого докером, в семью аристократов и он вырастит достойным палаты лордов. Вспомни, мама, как ты уверяла меня, что хотя граф, как и его отец, и рождён в фешенебельном районе Бельгрейвии, и избегал годами Ист-Лондона, к ним давно примешалась политико-коммерческая элита, портящая кровь родовой аристократии, и тому подобное.

- Но у ирландцев же террор стал образом жизни! –продолжала о своём леди Кроуфорд. - В ирландском эпосе, который они впитывают с молоком матери, культивируется идея жизни как некоей азартной игры. Ну, а спесь Невиллов, после недавнего замужества дочери графа, не стоит и ломанного гроша. Представьте себе, господа, - обратилась она к нам, - что они поспешили выдать свою дочь Лавинию за американского газетного магната, неслыханно разбогатевшего, но - без малейшей родословной. Этот тип питает слабость к аристократическим титулам, стал членом престижного лондонского Уайт Клуба. Куда мы катимся?

- Никого из нашего рода никогда даже не пригласили бы даже в Девоншир-Хаус[246]. Не забывай об этом, мама. Вигами никто из нас не побывал, а так – лишь тори.

- Сын же графа, Мортимер, приятель молодых лет мое-

[246] Имеется в виду, что их род является недостаточно знатным, чтобы посещать клуб для самых влиятельных людей Англии.

го мальчика, женился на американской еврейке! Мезальянс с семейством выкрестов, получившим право именоваться лордами! Чего только не купишь за деньги в наше время? Зато недавно эта чета приобрела чайные плантации на Цейлоне под Кэнди, а также под Даржилингом. Они даже не утруждают себя проживать там и полностью доверили ведение дел управляющим. Так что, часть отпрысков, некогда славного, рода Невиллов говорит теперь с американским акцентом – звучит убийственно, но для некоторых важнее набитый карман. Англичане слишком практичны. Потому их поведение меняется в зависимости от обстоятельств и определяется выгодой. В наше время не остаётся идеалов и принципов. О человеке судят по количеству фунтов на его счету. Нажива вытесняет нашу религию, - не унималась старушка. - Нувориши скупают поместья, вытесняя аристократов в города, обрекая их ютиться в квартирах. Уж лучше оставаться скромным лэрдом[247], жить в глуши. А кто совсем разоряется, тот, с последними грошами, отправляется куда-нибудь в Восточную Африку.

- Конечно, мама, лучше иметь своё поместье, подобно моему покойному отцу, который всю сознательную жизнь положил на разведение лошадей, выведение новых пород. Однажды лучший конезавод России, нуждающийся в опытном ипологе, пригласил отца в качестве консультанта.

- Я слышал, что в нынешней России полный развал коне-

[247] Лэрд – шотландский помещик.

водства. А сколько великолепных скакунов полегло на полях Германской и Гражданской! – произнёс Смураго с болью в голосе.

- Но возможно ли, чтобы нувориш из Америки стал членом Клуба Уайта?! – принялась за своё мать. - Великобритания давно перестала быть страной, в которой уважают частную собственность и опыт старшего поколения и высшего сословия, отобранного столетиями. Наша империя трещит по швам и скоро развалится. Где доблестные офицеры, преданные Королевскому дому?

- А вот фотография джентльмена с торчащими, напомаженными усами в цилиндре из Уайта – облик нынешнего консерватора… Пишут, что один из аристократических клубов на Пелл-Мелл скоро закрывается, - Камерон вновь углубился в пролистывание газет. – Кстати, об американцах. Знаю одно заокеанское семейство строгих пуританских нравов. Так вот, они рассказывали, что их предки переехали в Америку в конце семнадцатого века, когда в Англии царили вольные нравы, и такие семьи, с Библией в руках, это не устраивало. Бросив имущество, потеряв многое, они поселились в американских лесах пограничной области. В Викторианское время, наверное, остались бы на родине.

- Всегда найдутся исключения, как порядочные янки, сын мой. Впрочем, скоро все честные люди покинут Британские острова. Уедут, во всяком случае до тех пор, покуда здесь сохранится самоуправство нынешнего премьера, укрепляю-

щего связи с большевицкой Россией.

- Не зря некогда сказал сэр Гордон[248]: «Англию никогда не создавали её государственные деятели; Англия была создана её авантюристами», - вставил Камерон.

- Помните ли вы, что наш король Джон некогда подписал Хартию вольностей под нажимом лордов, что стало несомненным шагом назад и мы вновь скатились от абсолютизма к феодальной раздробленности? Но нынешние политические лидеры упоминают об этой Хартии в положительном аспекте, уподобляя амбиции феодалов воле народа. Всё делается лишь бы очернить монархические принципы – профанация истории на руку нынешним политиканам!

- Не могу с тобой не согласиться, мама.

Мне предстояло связаться в Лондоне с героем-ветераном Лазарем Бичераховым. Об этом меня попросил Кутепов, но я и сам был намерен успеть навести личные контакты с лидерами местных отделений РОВС. В связи с насыщенной программой, я спросил Камерона, без обиняков, когда ожидается наш визит к Конан Дойлу, или Янгхасбенду. Он ответил, что завтра же услышит ответ по телефону и всё станет ясным. Пока же, хозяин квартиры показал нам свою коллекцию старинных книг, и кое-что из оружия предков, а также свой добротный ли-энфилд образца 1895 года, выпущенный, под заказ любителя, с инкрустированным прикла-

[248] Фраза генерала Гордона – героя Судана, где шло восстание Махди.

дом. Он красовался рядом с увесистым армейским спрингфилдом 1903 года, подвешенный поверх роскошного восточного ковра. Во второй половине дня я пошёл на встречу с Бичераховым, думая посетить пару представителей РОВС вместе с генералом, а Смураго поспешил куда-то со смущённым видом. Скорее всего, он договорился вчера о встрече с Евгенией.

Я был довольным очень продуктивным днём. Вечером Георгий неохотно мне поведал о том, что виделся с Бельской, которая повела его на встречу с «очень важными лицами», которыми оказались те же Глаголев, со своим помощником Вишневским (при этих словах я вскинул брови – скорее всего это отпрыск того самого маньяка!), откуда-то возникший Блудов, явно завербованный кем-то, а также некий японский самурай и британец. Вся эта компания очень не понравилась Смураго. Похоже, что всё сводилось к сотрудничеству инженера отнюдь не с русскими патриотами. Англичанина представили как Реджинальда Блетсуорси – представителя какого-то загадочного синдиката. Разговор в этих стенах шёл о передаче изобретения Глаголева в руки «наиболее гуманной и передовой нации в мире», чему противился представитель Страны восходящего солнца, заявивший, что после тесного военного сотрудничества 1905 года, утекло много воды и Япония не может быть уверенной в продолжении подобного альянса. Евгения заикнулась было в пользу передачи Рос-

сии, поскольку разработчик сверхоружия – гражданин России, но Блетсуорси бесцеремонно оборвал её на полуслове, заявив, что той России уже не существует и инженер может владеть лишь нансеновским паспортом. Когда они расходились, Георгию показалось, что люди Глаголева и Блетсуорси пытаются оттеснить Евгению в одну из комнат, чтобы запереть её. Смураго попробовал сделать вид, что не замечает этого, или – что ему безразлично, поскольку вряд ли сумел бы помочь Бельской в тот момент: он был один, без оружия, а те люди окружали его со всех сторон. Вишневский выполнял малейшее повеление профессора, понимая его с полуслова, а Блудов – приказы Реджинальда. Располагалось это собрание в роскошной квартире, не понятно кому принадлежащей. Автомобиль, тоже не ясно чей, вёз их туда, очень путанно петляя. Не исключал Смураго и того, что делалось это намеренно. Тогда я предложил ему спросить о возможном расположении квартиры, по описанию вида из её окна, оказавшемуся приметным: вдали, на той же улице, красовался собор Сент Пол - Святого Павла. Но Камерон не смог внести полную ясность, заявив, что подобный вид мог быть как вдоль по Флит стрит - улице Флота), так и Ладгейт Хилл. Во всяком случае, мы могли бы пройти по тем двум улицам и, возможно, Смураго узнал бы фасад дома, хотя он был не слишком запоминающимся.

Мы с Георгием решили попытаться найти японца, с ко-

торым Смураго распрощался возле его отеля. Пригласили и Камерона, коий был явно неравнодушен к Евгении. В сумерки мы были уже в приёмной гостиницы. Служащий – толстяк добродушного вида в рыжеватых усах с подусниками, начинавший лысеть, охотно помог нам разыскать, где именно остановился мистер Сиямура Утамаро Моронобу. Японский дансяку, то есть – барон, вышел к нам очень неохотно, окинув нас ледяным взором. Это был человек незначительного роста и неопределённого возраста. На довольно носатом лице его повисла гримаса недовольного презрения:

- Чему обязан?

Мы объяснили ему, как могли, что Богданова-Бельская в опасности, а он, возможно, лучше нас знает, где расположено место сборища. Сиямура загадочно улыбнулся, вернулся в свой гостиничный номер и вскоре вышел оттуда с продолговатым свёртком в руках, в полной готовности показать нам то место.

- Похоже, что сегодня вечером мне удастся разогнать, одолевающий меня второй день, сплин[249], - улыбнулся Кроуфорд, когда мы садились в таксомотор.

- Оружие у вас имеется, господа? – спросил вдруг Сиямура.

- Нет, поскольку мы пересекали строгую таможню, - отве-

---

[249] Сплин - типично английская хандра от особенностей местного климата. Сплин как причина распространения самоубийств среди англичан упоминался еще Н. Карамзиным в «Письмах русского путешественника».

тил я.

- Как обычно: у русских, не хватает всего. Даже оружия, - глумливо усмехнулся японец.

Поначалу мы с Георгием промолчали.

- Когда-то, при царе, было у них всего немало, - слабо возразил Камерон.

- Я был при ставке Колчака до его падения и видел во что погрузилась их страна. Она никогда не воспрянет, - снисходительно-поучающим тоном продолжил Сиямура.

- Япония бросила колчаковцев на произвол, когда их дальнейшая поддержка ей показалась слишком обременительной. Но не могу осуждать японцев, ибо они не были связаны того же уровня договором с Россией, как британцы и французы. Если кого и можно упрекнуть в неблагодарности – то это правительства Англии и Франции, которым так много помогли русские в страшной войне, - с укоризной произнёс я. – Наш Царь держал своё слово, данное союзникам, свято…

- Что толку, если не сумел удержать свою власть? – презрительно спросил японец.

- Просто моральные нормы Его не совпали с таковыми правителей окружающих стран и союзников, - возразил я.

- Нельзя оставаться таким наивным в наше время – не выживешь… увы, - сочувственно вставил Камерон.

- Приведу один, достоверно известный мне, пример: Осень 1910 года, Царская семья без охраны, вместе с детьми

гуляет по Гамбургу, сталкивается с почтовым экипажем, из которого неожиданно падает ящик. Государь наш тут же поднял с дороги тяжёлый ящик и подал почтовому служащему. Тот едва Его поблагодарил. На вопрос фрейлины, зачем Он беспокоится, Государь ответил: «Чем выше человек, тем скорее он должен помогать всем и никогда в обращении не напоминать своего положения; такими должны быть и мои дети!»

- С такой философией современной войны не выиграть, - фыркнул Сиямура.

- Как я понял, Вы – выходец из среды самураев, рыцарей, так чем же Вам не симпатичен такой подход? – с видом непонимания спросил я и японец сначала промолчал, но после молвил:

- Я был рождён в годину упадка самураев, но помню рассказы отца о временах лучших, до открытия дверей Японии европейцам, когда самурайская доблесть была в почёте и устои старины хранили свято. Теперь я готов воскресить те времена любыми неправедными путями.

Мы пересекли Пикадилли, свернув на Сент-Джеймс-стрит. Как обычно, перед дворцом Сент-Джеймс, маршировали гвардейцы в высоченных меховых шапках. Вскоре, вышли из автомобиля у стен высокого добротного фасада. Автомобиль рыгнул, обдавав нас чёрной гарью и укатил прочь. «Покупайте эликсир Форана для укрепления волос!» - голо-

сил мальчик-разносчик сиплым тенорком. Поднявшись по широкой лестнице до роскошной дубовой двери в квартиру, указанную японцем, мы прокрутили ключик звонка. Дверь отворила дама в сером с чопорным выражением слегка лошадиного лица. На вопрос здесь ли мистер Блетсуорси последовал ответ с поджатыми губами, мол, его лордство, то бишь – его светлость, занят и никого не принимает. Мы трое растерялись, но японец, оттеснив горничную, шагнул в квартиру. Женщина слабо закричала и в прихожую тут же вбежал лакей –весьма крупногабаритный малый. Сиямура свалил его умелым ударом в поддых и этот человек, рухнув, не издал и звука. Японец развернул свой свёрток, в котором оказался укороченный самурайский меч, и приблизил его лезвие к горлу горничной. Та поняла, что кричать дальше ей не позволят. Из отдалённой комнаты доносился голос человека, говорящего по телефону. Речь его обличала подлинно оксфордское произношение. Очевидно, то был хозяин квартиры – сам Блетсуорси. Мы ворвались в ближайшую просторную комнату, уставленную огромными горшками с пальмами, и целой теплицей с папоротниками, где обнаружили печальную Евгению, сидящую в кресле с умученным видом. Судя по всему, её опоили снотворным. Смураго и Кроуфорд подхватили драгоценную ношу, и мы все поспешили покинуть дом. В таксомоторе Евгения крепко уснула. Камерон заметил, что больше всего в этой странной квартире его поразило богатство видов папоротников, в которых он неплохо

разбирался с детства – мать просветила его в этом деле.

- А что за тип этот Блетсуорси? – спросил Камерон Георгия.

- На вид - почтенный джентльмен, облачённый в шикарный твидовый костюм, белый галстук, а волосы его, прилизаны уж слишком гладко. Взгляд надменен, - Георгий пожал плечами.

- Описание выдаёт, скорее всего, обитателя Олбани - фешенебельных многоквартирных домов на Пикадилли, - проговорил на это Кроуфорд.

На утро Евгения отошла и уже сидела с нами за завтраком, мило беседуя с леди Кроуфорд. Смураго, обезглавливая яйцо всмятку нервным движением ножа, ревниво поглядывал на Камерона, который предлагал гостье угощения.

- Георгий, не снобизм ли это – начинать поедание яйца, сваренного всмятку, решительным жестом при помощи ножа? Думаю, что это подчёркивает Вашу самоуверенность и даже авторитарность. Люди поскромнее и помягче разбивают скорлупу при помощи ложечки, которую используют для поедания того же яйца, - заметила Бельская с совершенно невинным видом, и продолжила наслаждаться своим кофе.

- Вечером миссис Причард сварит для нас окстэйл-суп, - продолжил Камерон. – Жить в английском доме и не попробовать это исконно-народное лакомство – наваристый бульон из бычьего хвоста, любимый всеми слоями общества –

нонсенс. Хорошо бы ей заказать и традиционный ростбиф с яблоками…

- Только прошу Вас – хорошо прожаренный, а не кровавый, - Евгения одарила его очаровательной улыбкой. – Нам, русским, хватило крови за эти годы.

Стиснутые губы Георгия передёрнулись. «Этот человек может и нашего общего гостеприимного приятеля принудить к дуэли» - невольно подумал я. После завтрака все расселись по креслам с газетами в руках.

- А кто эта красавица на фотографии? – спросила вдруг Бельская, повернувшись к Камерону, указывая на раскрытую страницу старой «Вестминстер газетт», которая лежала на комоде и, похоже, покрылась слоем пыли.

- Миссис Пенхерст - королева красоты 1923 года. Половина Лондона поистине сходила по ней с ума в прошлом году, - улыбнулся Кроуфорд.

- Вы были одним из них? – хохотнула Евгения.

- Не совсем… Не могу сказать, что она в моём вкусе, - смутился Камерон.

- Я вижу, госпожа Богданова-Бельская, Вы уже полностью отошли от своего недомогания. Позвольте мне спросить: почему Вы были под влиянием сильной дозы снотворного, и кто Вам его дал? Что ещё Вы можете вспомнить? Почему Вас попытались насильно задержать в доме Блетсуорси? – спросил я.

- Глеб Гордеевич, я право, мало что помню, - растерянно

и, на сей раз, похоже искренне, ответила она. – Меня оттеснили от других, завели в какую-то комнату, а потом, по-моему, дали понюхать что-то, вроде эфира, и сознание моё отключилось.

- Больше Вы ничего вспомнить не можете?

- Кажется ничего… Но кто знает, может быть что-то ещё всплывёт…

- А для чего всё это было сделано? Видимо, на то была воля мистера Блетсуорси?

- Скорее всего, Глеб Гордеевич. Могу лишь предположить две версии. Смысл первой в том, что я пыталась повлиять на профессора не отдавать предпочтения англичанам, а дать возможность использовать его достижения русским. Сам профессор, в предыдущих моих беседах с ним, высказался, что не намерен отдавать, простите за прямоту – «нищему РОВСу изобретение бесплатно».

- Странная история, - протянул я. – А что насчёт второй версии?

- Не исключаю и того, что мистер Блетсуорси положил на меня глаз и грубо воспользовался тем, что это его дом… Добавлю, без ложной скромности, что со мной подобное уже случалось. Мужчины грубы и прямолинейны.

- Он – просто негодяй! – гневно произнёс Камерон, а со стороны Смураго, как мне, во всяком случае, показалось, донёсся скрежет зубов.

- Огромное спасибо вам, господа, что вы вытянули меня

из этого заключения, - улыбнулась Евгения столь обворожительно, что меня, старого хрыча, чуть ли не бросило в краску.

- Кроме нас троих, с нами был и тот самый японец, сударыня, - с невозмутимым видом вставил Смураго.

- Как? Дансяку? – неподдельно удивилась Евгения.

- Он самый – барон самурайский, - несколько язвительно произнёс Георгий.

- Гм-м… но этот человек был очень недоволен моими попытками склонить инженера к Российской стороне. Впрочем, он понимает, что у англичан больше денег и шансов. Сиямура идёт напролом и, по-моему, готов убить Блетсуорси, если Глаголев откажет японской стороне. Дансяку не знает страха…

- Не удивительно, сударыня, - недовольным тоном произнёс Смураго, - свой патриотизм самураи получают с молоком матери. В их школах воинская доблесть стоит во главе всего курса обучения. В их сознание внедряется правило предводителя японского клана Отоно своим вассалам: «Вы обязаны умереть рядом с вашим великим повелителем и никогда не показывать своей спины врагу». Русским следовало бы взять с них пример в самом начале нашего столетия…

- Но и среди лучшей половины офицерства Императорской армии, перед Великой войной, Второй Отечественной, собралось всё, что представляло духовные силы России, - добавил я. - Лучшие традиции русской армии и российской государственности хранились в среде офицерства и были взя-

ты с собой в эмиграцию. В одной из либеральных брошюр, появившихся сразу после окончания войны, припоминаю такие строки: «Я, как и всё поколение 900-х годов, был воспитан если не в прямом презрении, то в холодном пренебрежении к офицерству... Я стал прозирать в 1917 году и окончательно упала пелена с моих глаз, когда мне выпало счастье провести несколько дней в боевой обстановке. Русские офицеры! Будет время, и не поверят потомки, что могли существовать на грешной земле люди во всем, казалось бы, похожие на нас, с такой же плотью и кровью, а на самом деле, возвышающиеся над нами, как вершина Монблана возвышается над долиной Роны. В семнадцатом году их топили, варили в пару, бросали в пылающую нефть свои же братья в Кронштадте, Севастополе, Владивостоке; им сдирали кожу с рук и черепов, вырезали лампасы на теле, прибивали гвоздями погоны к плечам…»

- «Уважение к офицерам? Упаси Господи – какой атавизм!» - внушала мне некогда моя воспитательница, - сказала Евгения, ласково глядя на Георгия. – Теперь я понимаю, как она заблуждалась.

Во второй половине дня, неожиданно, Камерон пригласил нас с Георгием к своему приятелю – сыну графа Невилла, а точнее – к самому графу. Судя по реакции Евгении, стало ясным, что она знала о предстоящем приглашении, или, во всяком случае, ожидала его. Это навело меня на мысль, что

Евгения попросила Камерона помочь ей найти порядочного клиента для профессора Глаголева, а не такого, как Блетсуорси. Думаю, что Кроуфорд не горел желанием делать это, но отказать ей был не в силах. При этом Евгения, скорее всего, искренне пыталась подтолкнуть инженера на сотрудничество только с русскими, но эта затея провалилась. Я не исключал, что теперь Бельская готова стать посредником между профессором и англичанами, поскольку тот обещал ей определённый процент от сделки. Или же она рассудила, что немцы с японцами представляют большую опасность для России, чем англичане? Возможно, что функции Евгении Глаголев видит именно в обольщении потенциальных покупателей. Для того профессор её и нанял. После неудачи с русскими, она поняла, что инженер может справится и без неё, поскольку уже имеет договорённость с Блетсуорси. Тогда она решила, во что бы то ни стало, найти более денежного клиента, используя для этого влюблённость Кроуфорда. В таком случае, она бы обвела вокруг пальца, неприятного ей, Блетсуорси, а также сделала бы себя незаменимой в глазах Глаголева. Это объясняло бы многое.

Мы доехали до Кенсингтона, что за Виктория-роуд и остановились подле красивого особняка, утопающего в осеннем золоте листвы буков.

- Меньше всего мне бы хотелось встречаться с супругой графа. Она из тех, кто проводит дни в парфюмерии Акинсо-

на, - ворчал Камерон вплоть до самого порога. – Подобные ей аристократки на удивление тоскливы. Право, иная индийская красавица более достойна руки британского джентльмена. Да и сам лорд – одно слово – почётный член Пен-клуба[250]. Кто из них не проводит там время в праздности?

Лакей чрезвычайно чопорного вида провёл нас в роскошную гостиную, с огромной пальмой в горшке и подвешенными папоротниками, где нас любезно встретил лорд Сомерсет Гилберт Невилл – поджарый рыжеватый человек лет шестидесяти, одетый с иголочки, с гримасой аристократического презрения ко всем окружающим. Каждое слово он произносил со старомодной учтивостью, чуть растягивая его. Тем не менее, он любезно заметил, что для меня он просто Берт, очевидно выделяя меня за мой почтенный возраст. Точёная остроконечная голова графа не уставала поворачиваться к каждому из гостей, даря суховатые улыбки. Вскоре к нам спустился и старший сын графа – приятель Камерона, одетый несколько небрежно. С его потрёпанными тапочками особенно контрастировали туфли отца из дорогой кожи, в сочетании с шёлковыми бордо носками. Но высокий, сухощавый, более скромный сын Мортимер, в поношенном твидовом пиджаке, оставлял, несомненно, более приятное впечатление. Когда всё необходимое, при подобном приёме, бы-

[250] Пен – от аббревиатуры слов «поэт», «эссеист» и «новеллист» (романист), складывающихся в слово «пен – ручка». Учреждён с 1921 г. для содействия творческому сотрудничеству писателей всего мира и их объединению для поддержки «людей слова», которые подвергаются политическим гонениям.

ло сказано, и возникла пауза, Мортимер рассказал, что он, с младшим братом Уилфредом, собирается организовать экспедицию в Родезию на поиски легендарного чудовища болот Бангвеулу. Смураго явно показалось, что Мортимер пытается произвести впечатление на Евгению и он стал буквально ёрзать в кресле. Сэр Сомерсет рассеянно крутил увесистый радиоприёмник, который вдруг прокашлялся и громко выдал бравурную мелодию «Год, сэйф зе кинг – Боже, храни короля». Хрип оркестровых труб заглушил голос сына лорда. Невилл старший быстро отключил радио и любезно извинился перед всеми нами. Лакей, с прежней застывшей маской невозмутимости, принёс поднос с напитками и закусками, предлагая гостям лёгкий французский аперитив, ломтики стилтонского рокфора, аккуратно нарезанный пирог с ревенём и фарфоровые чашечки с цейлонским чаем. Граф сказал, что их жёны отсутствуют и придут гораздо позже, давая понять, что нам следует приступить к закускам, не ожидая никого более. Когда вновь возникла пауза, Невилл старший вдруг сказал, проглатывая «г» в духе старой аристократии:

- Но опера, по-прежнему, остаётся наиболее доро-оим развлечением в Лондоне.

- Что же, хотите послушать музыку – зайдите в любую церковь и насладитесь хоралом «Да пасутся овцы без страха» под орган, - заметил на это его сын.

- Если так рассуждать, то мы должны быть счастливы тем, что нам вообще разрешено пребывать в этом городе. Ведь, по

закону лондонской коммуны четырнадцатого века, ни один дворянин не имел права ночевать в Лондоне. Даже сам король! – улыбнулся Камерон.

- Ты знаешь, Обри, что я побывал на лекции некоего русского о «Школе Четвёртого пути», - сказал ему Мортимер. - Наверное, это небезынтересно нашим русским гостям. Его имя Успенский. Он приехал в Лондон три года назад и, последнее время, имеет успех. Мне запомнились некоторые его тезисы, как то: «Мы являемся машинами и не знаем природы и функционирования нашего механизма… Мы полностью управляемы внешними обстоятельствами. Все наши действия следуют в направлении меньшего сопротивления давлению внешних обстоятельств. Проведите опыт: сможете ли Вы управлять своими эмоциями? Нет. Вы можете пытаться уничтожить эмоцию или одну эмоцию заменить другой. Но вы не в состоянии их контролировать. Именно они контролируют вас». Признаться, производит впечатление…

- Идеи Успенского есть переработанное им учение некоего Гурджиева, которого мне давно доводилось встречать лично, - вставил я. – Гурджиев особенно нашумел своими танцами, которые частью публики воспринимались как воплощение сатанизма. Такого мнения придерживается, к примеру, Василий Шульгин, который в 1920 году оказался с бароном Врангелем в Стамбуле и попал на «гурджиевские танцы» в его «Институте гармонического развития человека».

Как только тема разговора оказалась вновь исчерпанной,

Евгения решила, что настал её черёд и обратилась, глядя попеременно на обоих Невиллов:

- Господа, позвольте поведать вам совсем об ином – неожиданно сменить нашу мирную тему и вспомнить об угрозе, которую несут Европе коммунизм, да и японский милитаризм.

- Мы полностью внимаем Вашим словам, - расплылся в улыбке лорд Сомерсет.

Богданова-Бельская вновь поведала о сверхоружии, вкладывая в свои слова все свои чары, и Мортимер, похоже, уже позабыл о том, что он женат не только на капиталах своей избранницы. Он воскликнул:

- Мы должны сделать это для спасения нашей державы, отец!

- Что? Купить кота в мешке? Не разобравшись ни в чём, не видя работу приборов в деле, выложить бешенную сумму? – холодно спросил граф.

- Но, тем не менее!

- Что «тем не менее», сын мой? Если сам профессор сумеет убедить меня, вместе с представителями генерального штаба, в гениальности изобретения в йействии – я лично не поскуплюсь присовокупить к средствам, вые-еляемым госу-арством, некоторую сумму. Не исключаю, что и вы с Айрис ообавите что-то. Я готов спросить самого министра, ве-ающего военным бю-жетом об ау-иенции тля профессора Хлэхолив.

- Очень признательна Вам, сэр Сомерсет, - проворковала Евгения, добавив, - как и Вам, сэр Мортимер. Вы полагаете, что Англия заинтересована в этом?

- В принципе со-ласен, моя прекрасная оостья, - ответил граф, - но есть и небольшие сомнения в том, что министерство со-аласится вы-елить столь крупную сумму. После поражения Еермании, этот потенциальный противник стал на ооды вперёт совершенно безопасным. Менее известный Севрский ооговор стал совершенной катастрофой для нашего второго противника - Османской империи. Турки потеряли то восьми-есяти процентов своих земель, а мы получили Палестину, Трансиортанию и Ирак, а, вслет за тем - Египет, Су-ан и Кипр - бывших вассалов Великой Порты. Французы получили Сирию и Ливан, Марокко и Тунис. В Закавказье же, и-ёт формирование независимых госу-арств Армении и Куртистана. Чтобы иметь полную а-арантию не возрожтения Турции, как империи, мы ле-ализовали еврейскую иммиграцию в Палестину, пой-ержали сионистское твижение. Сей план был окончательно закреплён е-екларацией министра иностранных тел Великобритании лор-а Бальфура ещё в 1917 ооду[251]. Нынешняя Россия, несомненно, ораздо слабее былой. Как видите, Британия не чувствует былой опасности извне.

- Но немцы тоже хотят приобрести изобретение профес-

[251] Британцы повторили идею Наполеона, который собирался сделать то же самое и с той же целью в 1799 г.

сора, сэр. Я знаю это наверняка и эти джентльмены, - Бельская кивнула в нашу сторону, - могут подтвердить мои слова. С новым оружием Германия сможет пойти на реванш в недалёком будущем. Но и новая Россия уже проявила внешнюю агрессию в Польше, засылает резидентов в британские колонии с целью пропаганды… - настаивала Евгения.

- Этого нельзя допустить! – торжественно произнёс Мортимер.

- Любая мелкая уступка Англии, как потенциальное проявление слабости, веками вызывает попытки британцев предъявить ещё большие притязания. Есть лишь один способ сделать Великобританию сговорчивее - поддерживать её беспокойство в уязвимой части её колоний, чем воспользовался ещё Бонапарт, планировавший поход на Индию, а позже умело пользовалась Россия, имея значительную армию в Туркестане. Так, в минуту опасности со стороны, пока ещё непобедимой немецкой армии в 1915 году, Лондон признал права России на получение черноморских проливов. После развала России, обещания этих прав были успешно забыты, - сказал я.

- Уж простите моего друга Глэба за его старорежимный патриотизм в отношении Царской России, - Камерон попробовал обратить мои слова в шутку.

- Вы отрицаете мессианскую роль англосаксонской расы, сэр? – спросил меня Сомерсет в лоб.

- Не имею намерений отрицать этого, граф, но признаю,

что в мире имелось, помимо Англии, ещё, как минимум, пять империй, народы которых претендовали на то же, - уклончиво ответил я.

Сын графа заметно нервничал и вдруг предложил нам выпить, для разнообразия, портера – тяжёлого тёмного пива с ненавязчивой горечью и запахом лакрицы. Под воздействием возлияний, взгляд Мортимера всё тяжелел и чаще останавливался на точёном профиле Евгении.

- Мы живём в страшное время! Такая очаровательная женщина, как Вы занимается посредничеством в распространении столь чудовищного оружия! – произнёс он вдруг.

Вскоре мы распрощались. Было похоже, что Евгения полна надежд на успех. Всё это вселяло в мою душу сомнения: а вдруг сверхоружие не мистификация и англичане сделаются единственными властителями мира? Не стесняясь Камерона, Георгий сказал Евгении с раздражением:

- Вам не кажется, что, овладев таким оружием, англичане сделают Вашу историческую Родину одной из своих колоний?

- Что я могу поделать? Глаголев торопится и не желает дожидаться возможного положительного ответа русской эмиграции. Не предлагать же изобретение японцам, немцам, или Советам? Уж лучше более просвещённой нации…

- Конечно, нет! – мрачно вымолвил Смураго. - Чёрт знает что творится! Но отдать британцам тоже не выход…

- Но почему бы и не Советам, если вы – патриоты своей

страны? – спросил Камерон Обри.

- Никак не следует сравнивать Россию царскую и СССР, который печётся лишь о всемирной революции. Территория России для большевиков – некая колония, сырьевая база, отправная точка – не более, - отрезал Георгий.

Утром Камерон, неожиданно, огласил нам заметку в «Таймс»: Мистер Блетсуорси убит. Согласно версии инспектора Скотленд-Ярда, преступление совершено с целью похищения очень редкого папоротника из коллекции умерщвлённого.

- Поразительно! – искренне произнёс я. – Но, почему-то, чутьё подсказывает мне, что папоротники похищены лишь для отвода глаз…

Мне вспомнились слова Евгении о японце, который мог бы у убить Блетсуорси.

- В самом деле, очень странно: преступление, как в былые времена… Но в наше время коллекционеров папоротников в Лондоне можно сосчитать по пальцам - мода на эти растения прошла безвозвратно, - сказал Кроуфорд. – Одним из крупных собирателей папоротников остаётся ретроград лорд Невилл…» «От чего бы не собирать что-либо, если у тебя такие доходы, как у сэра Сомерсета - подумал я, промолчав. – Как утверждал Бальзак: «Калькуттского богатства не прокалькулируешь».

7. Сэр Френсис Янгхасбенд и сэр Артур Конан Дойл

Я не считаю, что собака на сене имеет какое-либо право на сено даже, если она очень долго на нём лежала... Я не признаю, например, что большая несправедливость была совершена по отношению к красным индейцам Америки или чёрным аборигенам Австралии. Я не признаю, что несправедливость была совершена по отношению к этим людям, потому что более сильная раса, более высокоразвитая раса, более мудрая раса, скажем так, пришла и заняла их место.

Уинстон Черчилль, 1937 год, официальное заявление

«На утро Камерон объявил нам о предстоящей встрече с его знакомыми Янгхасбендом и Конан Дойлем сегодня после полудня. Евгения, весьма бесцеремонно, навязала нам своё общество, и было ясно, что Камерон не в состоянии был отказать ей, хотя и не был уверен в одобрении двумя уважаемыми джентльменами подобной неожиданности: ведь те, с кем предстоит встреча, были оговорены. Оказалось, что Янгхасбенд хотел бы встретить пожилого русского полковника, имевшего доступ к секретным, в своё время, документам, то есть – что-то спросить у меня, а капитан Смураго был уже лишь «бесплатным приложением». Конан Дойл собирался явиться лишь по случайности. Он хотел встретить Янгхасбенда, не проявив к нам интереса, но и не избегал встречи с нами. Но, появление неоговорённой дамы, могло вызвать неудовольствие высокопоставленных джентльме-

нов, как проговорился мне Камерон. Когда же я предложил отговорить её идти с нами, Кроуфорд запротестовал. Видимо, опасался того, что она будет очень недовольна его жалобой. Мне стало ясно из намёков Камерона, что Янгхасбенд имеет несколько необычный взгляд на женщин: всю жизнь он изливал душу лишь любимой сестре, затем перенёс неразделённую любовь, а после этого был долго влюблён в замужнюю даму, бывавшую чаще одной в доме мужа-офицера в Шринагаре. Янгхасбенд занимался вместе с ней мистическими опытами, с чего и начались их загадочные отношения[252]. Наконец, лишь в тридцать восемь, он женился на некрасивой женщине, которая была на несколько лет старше него. Ходили слухи, что перед свадьбой Хелен Мэгник поставила условия: интимных отношений между ними не будет. Правда, вскоре у них родился мальчик, умерший через несколько дней. Оставалось наедятся на природное очарование Евгении, которая могла бы расположить к нам полковника…

По дороге Кроуфорд рассказывал нам о своём восприятии Артура Конан Дойла, которого он считал не менее загадочной личностью, чем Янгхасбенд. Когда Дойл оказался в

---

[252] Янгхасбенд называл Нелли Даглас не иначе, как Леди Мира, писал ей длинные трогательные письма годами. Сначала он обращался к ней только «Миссис Даглас», но потом они стали друг для друга «Нелли и Фрэнк». Из всех писем становится очевидным, что чувственные отношения с женщиной были для Янгхасбенда не главным. В старости у Янгхасбенда появилась очень молодая подруга, бросившая, ради национального героя, своего мужа.

Арктике, он был полон восторга от суровой природы и, выпавших ему, испытаний. Путешествие в Африку произвело на сэра Артура далеко не лучшее впечатление: зной, малярия, чуждые ему люди - всё разительно отличалось от сурового благородства, восхитившей его, Арктики. Фритаун, столицу Сьерра-Леоне, Дойл назвал «местом тоскливым и гибельным, где несчастным белым людям не оставалось ничего иного, кроме как искать утешения в бутылке». Провести более года во Фритауне было, по словам Артура, «выше человеческих сил. Стоят ли наши колонии таких человеческих жертв?» Дойл без малейшей симпатии отозвался и о туземцах: «Очень много слов сказано о том, что мы обязаны помогать нашим чёрным братьям, и о скрытых добродетелях представителей негритянской расы. Мой личный опыт таков: они вызывают отвращение при первой встрече, и чем лучше вы узнаете их, тем глубже и крепче оно становится». Поведал и о том, что заметки Дойла о последней войне были написаны в, свойственном ему, патриотическом духе. «Любое сражение за Империю - не только долг, но и большое счастье», уверял автор, - говорил Камерон. - Даже джингоист Киплинг писал совсем иначе: «Если нас спросят, за что мы умирали, скажите им - наши отцы нам лгали». Но Конан Дойл отказался написать официальную биографию Ллойд-Джорджа, когда тот стал премьер-министром. Ллойд-Джордж интересовался трудами Дойла и, лет пять назад, пригласил писателя на завтрак к себе на Даунинг-стрит. Дойл нашёл, что пре-

мьер непретенциозен и прост в общении: он лично, без помощи слуг, разливал чай и угощал гостя беконом и яйцами. Но Дойл не простил премьеру его позиции осуждения Бурской войны, очернения британских солдат ради своей карьеры. При этом сэр Артур имеет ирландские корни[253], но рос он в Шотландии и даже приобрёл шотландский акцент. Может от того он мне немало симпатизирует. Впрочем, мать его уверяла, что её предки были в родстве с Плантагенетами и призывала сына быть джентльменом в любой обстановке. Сам Конан Дойл уверял меня, вместе с сыном Невилла, что его предки жили в Ольстере, но впоследствии, заявил, что ирландские Дойлы были младшей ветвью стаффордширских, принявших участие в англо-норманнском вторжении в Ирландию. Я же всегда интересуюсь генеалогией и не исключаю, что его древо уходит корнями в Понт-д'Ойли, местечко близ Руана во Франции, и к норманнскому семейству д'Ойли, получившему в XII столетии собственный герб. При Вильгельме Завоевателе их род появился на островах, а в 1333 году Эдуард III пожаловал земли в ирландском графстве Уэксфорд некоему Александру д'Ойли. Но не исключаю, что их род идёт от Фолкса д'Ойли, соратника Ричарда Львиное Сердце. В дальнейшем, их род обнищал из-за жестоких законов против католиков, и в 1762 году потерял своё

[253] Дойл (Doyle) - занимает 12-е место в списке наиболее распространённых ирландских фамилий. Считается, что она происходит от гаэльского Dubh-Ghail (тёмный чужеземец). Так местные кельты звали викингов, появившихся в Ирландии более тысячи лет назад.

последнее родовое имение в Уэксфорде. Тем не менее, в прошлом веке, у Джона Дойла частенько гостили писатели, политики, художники. Там бывали и сэр Вальтер Скотт, и Бенджамин Дизраэли, и Уильям Теккерей, и Чарльз Диккенс, и Данте Габриэль Россетти, и Джон Миллиас! Отец сэра Артура, Чарльз, был большим мечтателем не от мира сего и неудачником в делах, но превосходным художником с большим воображением. Он обнищал ещё больше, начал пить. В Эдинбурге, где пьянство было делом обычным, падение его стало стремительным. В Шотландии пьют больше виски, но Чарльз предпочитал бургундское. Подобно другим пьяницам, он готов был на всё, чтобы найти денег на выпивку. Ему стукнуло лишь тридцать, но приступы белой горячки довели его до того, что целый год он не мог работать и жил на половинное жалованье. Он начал пить всё подряд, вплоть до жидкости для полировки мебели, и психика его была совершенно разрушена. В 1881 году родители сэра Артура развелись де-факто и Чарльза поместили в Блайэрно-хаус, лечебницу для алкоголиков из приличного общества. Так называемый «пансион для джентльменов»… Чарльз неоднократно пытался сбежать оттуда и тогда его отправили в Королевскую клинику для душевнобольных в Монтроузе. Вскоре у него начались эпилептические припадки и в шестьдесят один год он умер. Мэри Дойл обожала маленького Артура - светлого, жизнерадостного ребёнка, который очень мало капризничал. Гордая своим происхождением, мать вну-

шила сыну веру в то, что он - аристократ по рождению, воспитывая его в духе рыцарства, прививая интерес к геральдике. Подобные занятия позволяли на время забыть бедность, в которой они жили. Более состоятельные родственники помогли дать образование Артуру. Но первый его опыт в иезуитском колледже оказался весьма печальным. Монахи рассчитывали, что каждый выпускник покинет суровую школу с порками и лишениями ужина, проникнутым глубокой верой. Восторг, испытанный Артуром на первом причастии, оказался недолгим… Конан Дойл знаком с братьями Невилл и их отцом. Его привлекают задумки поисков африканского монстра. Как-то он сказал Невиллу старшему, что, попав в Ходдер истинно верующим, он покинул Стоунихерст, унося в душе лишь обломки веры, почти агностиком. Впоследствии он разочаровался в католичестве, ибо ему претили суровые догматы, нетерпимость и лицемерие. Мне даже лестно, что сэр Артур, годящийся мне, в мои сорок два, в отцы, порой откровенничал со мной и Невиллом младшим, правда, в присутствии его приятеля Невилла-отца».

Мы подошли к шикарному испанскому ресторану «Мартинез», что в одном из переулков за отелем «Пикадилли».

- Заметьте, леди и джентльмены, - сказал Камерон, - перед входом здесь всегда расставлены синие ирисы. Высшая русская аристократия, если она при деньгах, собирается частенько в «Мартинезе».

Как и предсказывал Камерон, первым к столу, занятому нами, подошёл, всё ещё статный и стройный, в свои шестьдесят с лишним лет, полковник, представившийся Френсисом Янгхасбендом – Действительным членом Королевского Географического общества. Его открытое, горделивое лицо с висячими, седыми усами оставалось красивым и, возможно, привлекательным для дам. Кроуфорд церемонно представил нас. Приветствуя даму, пожилой офицер задержал на ней взгляд дольше дозволенного приличиями. Глядя на него, я продолжал прокручивать в голове всё, что мне было известно об этом человеке: Само рождение его в Северной Индии в доме британского офицера предполагало его дальнейшее отношение к Большой Игре, классическим игроком которой он и стал. Мать же его была сестрой известного ранее игрока – Роберта Шоу. Молодой Френсис получил назначение в первый гвардейский полк Королевских драгун в Дели. Вскоре лейтенант Янгхасбенд прошёл от Пекина через Гоби и Джунгарию до Яркенда – расстояние огромное – по диким, малоизвестным территориям. В дальнейшем, он умудрился пересечь, считавшийся непроходимым, хребет Каракорумских гор[254]. За это его избрали самым молодым членом Королевского Географического Общества. После этого, он прошёл к Хидден-пику, желая перевались к огромному лед-

[254] Задолго до Янгхасбенда немецкий путешественник Адольф Шлагинтвейн, скорее всего, прошёл тот самый высокий перевал Музтаг (5422 м). Не все путешествия Шлагинтвейта известны, но, бесспорно то, что он перешёл в 1865 году перевал через Каракорум и, видимо, впервые вышел в район ледника Балторо.

нику Сыачен на том же устрашающем Каракоруме, поднимался на перевалы порядка девятнадцати тысяч футов высотой, но они не пропустили экспедицию из-за слишком глубокого снега[255]. Потом Янгхасбенд участвовал в исследовании верховий долины Хунза, где и повстречался с доблестным Брониславом Громбчевским, исследовавшем бассейн Раскем-Дарьи. Вспомнились и отчёты самого Громбчевского для нашего Географического Общества: «Капитана Янгхасбенда сопровождал небольшой конвой бенгальских солдат, пундиты и многочисленная прислуга. Мы встретились вполне дружелюбно и, так как отряд мой стал на ночлег раньше, чем подошёл капитан Янгхасбенд, то он был нашим гостем в течение почти трёх суток. Обе экспедиции представляли интересное смешение двадцати народностей[256]». Позже была, печально известная, «экспедиция» Янгхасбенда в Тибет…

Полковник явно проявил больший интерес ко мне, как к равному по званию и более близкому по возрасту. Он начал расспрашивать меня о местах моей службы. В ходе дела, я упомянул об участии моего брата в экспедиции Маннергейма через земли, видимо, знакомые Френсису по его первой экспедиции. Янгхасбенд не преминул заметить:

---

[255] Ныне по пути Янгхасбенда через перевал Агылдаван следуют все экспедиции к вершине К-2 с северной (китайской) стороны.

[256] Приводятся данные по работе P. French «The last imperial adventurer Younghusband» итп.

- По моим впечатлениям, русские люди очень душевные попутчики в горах – с отрядом Ионова мы пили за здоровье Александра Третьего и королевы Виктории. Правда, позже Ионов заставил меня покинуть «территорию России», как он выразился о Памире[257]. С Великобританией сия аннексия обговорена ещё не была: как же мог он так заявлять? Но сопротивляться казакам мы не могли. Наш отряд был слишком мал.

Когда я задавал ему вопросы о его экспедициях, он избегал упоминания об «инструкциях из Шимлы[258]». Наконец, я сам упомянул Шимлу, как место, ставшее курортным для британских офицеров на время их отпусков, в силу благодатного, предгорного климата. Не уверен, понял ли мой собеседник намёк, но он отделался странным замечанием, критиковавшим колониальные принципы:

- Да… до 1918 года британские правила в колониях были весьма неприглядными. В центре той же, упомянутой Вами, Шимлы, запрещалось пребывание собак и… индусов…

---

[257] Отряд Ионова дошёл до северного подножья Гиндукуша неожиданно встретился с Янгхазбендом в Базай-Губмазе. Тот сам явился в русский лагерь. Встреча была весьма дружественной с ужином и шампанским. Звучали здравицы в честь русского императора и британской королевы. Утром Ионов получил приказ о задержании британского гостя. Смущаясь, поскольку близко сошёлся с англичанином, Ионов предложил Янгхазбенду покинуть территорию, которую русские считали своей. Тот подчинился, подписав документ, что обязуется больше не появляться на русской территории.

[258] В Шимле (Симле), в северной Индии, располагалось разведывательное управление британских колониальных войск.

Прибывая из Европы в колонии, средний молодой британец, как торговец, так и военный, обретал уверенную хватку и некую двойную мораль: одну - для жизни в колонии, другую - для родной Англии. В колониях, среди «дикарей» создавался тип людей с нравами иными, чем в метрополии. Вернувшимся, спустя годы, в Европу поражала, непривычная им, терпимость нравов и они стремились внедрить там свой колониальный опыт… Но, что поделать – предгорья Гималаев – моя Родина. Под Дарамсалой, близ церкви Сент-Джон, в глуши, под скалистыми склонами, поросшими хвойными великанами, стояло наше бунгало. Моя строгая пуританка-мать постоянно рисовала, окружающие нас, прекрасные ландшафты. В те годы, жёны британских офицеров всё чаще приезжали жить в Индию на долгие годы. Впрочем, если офицер был действительно полным энтузиазма, и вовлечённым в Большую Игру, он не имел времени ни на женитьбу, ни на отцовство: все силы отдавал такой человек служению Её Величеству – Великой Белой Королеве, как называли её азиаты.

Постепенно я перевёл разговор на встречу Янгхасбенда с Громбчевским. Полковник бодрым тоном повествовал о гостеприимстве казаков в отряде Громбчевского на Памире, временами массируя свои запавшие глаза человека, страдающего бессонницей:

- То было в восемьдесят девятом году. Мне предстояло исследовать, не отмеченную на картах, область близ пе-

ревала Кунджераб в верховьях долины Хунза. По другую сторону перевала, в устье реки Илик-су, впадающей в Яркенд, посыльный передал мне письменное приглашение русского путешественника. Мы поднялись до урочища Каинды-Аузы, где стоял небольшой отряд Громбчевского. За водкой и бренди, и прекрасными мясными блюдами, приготовленными казаками капитана, мы разговаривали о намерении Громбчевского дойти до Ладака и зимовать там, - заметил полковник вскользь. – На утро казаки поразили нас своей верховой ездой. Мы лишь могли похвастать меткостью стрельбы, но и они не отставали.

Но я тут же засыпал его вопросами, зная о том, что Янгхасбенд ведал об опасности и, почти что невозможности такого перехода через очень суровые горы, представлял себе все сложности подобной высокой зимовки, имея карты, но не отговорил гостеприимного капитана. Постепенно, загоняя собеседника в угол, я дал ему понять, что мне известно многое. И то, как казакам досталось там, в зимних условиях, и то, как сам Громбчевский, в результате, долго передвигался на костылях от обморожения, а многие другие участники перехода остались лежать в горах[259].

---

[259] Об этом Янгхасбенд умалчивает в своих мемуарах, но этот факт зарегистрирован в секретных документах британской Индии. Янгхасбенд признался, что указал русскому «путь, абсолютно лишённый всякого значения, из ниоткуда в никуда, проходящий по очень высокому плато без травы и топлива, и что движение по нему зимой будет сопряжено большими трудностями и потерями в отряде. Так и случилось. Русский отряд, пойдя этой дорогой, потерял всех лоша-

- Но я же предупредил капитана, что английская администрация ни за что не позволит совершить переход русским военным до Ладака. Не просто так тибетцы прозвали меня Кушаб Сахиб. В чём-то сроднился я с туземцами, - с надеждой на лёгкое оправдание сказал Янгхасбенд. По его растерянному виду стало ясным, что он сам никогда не мог себе простить тот поступок, как, наверное, и расправы в Тибете. – Кстати, когда наши войска вошли в Лхасу, многие жители её аплодировали, завидев стройные ряды британских солдат[260].

«Очень странно», - подумал я, не поверив такому утверждению. Полковник заговорил о своей второй и последней встрече с Громбчевским в Яркенде. На этот раз, Янгхасбенд разбил лагерь в Яркенде раньше и постарался отплатить за гостеприимство, оказанное ему несколько месяцев назад на Памире. Разговорить его о Тибете мне так и не удалось. Понимая всю щепетильность темы, возможное покаяние полковника в грехах молодости, в ходе достижения успехов своей карьеры, я не стал настаивать. Оказалось, что он увлечён Рейхенбахом и его «Исследованием магнетизма и жизненной

дей, и только чудом обмороженные и оголодавшие путники добрались до Южной Кашгарии. Сам Громбчевский потом еще долго болел, но, по-видимому, так никогда и не узнал, что английский «друг» злонамеренно отправил его на возможную гибель.

[260] В добуддийском Тибете существовал обычай хлопать в ладоши для отпугивания злых духов, а в буддийском контексте это действие символизирует полное уничтожение. Когда английские войска проходили по улицам Лхасы в 1904 г., встречавшиеся им горожане хлопали в ладоши, что было истолковано англичанами как радушное приветствие.

силы», отдавая должное, бывшим прежде модным, околонаучными теориями, а также оккультизму Мессмера, которые увлекали, как подчеркнул полковник, и джингоистов Генри Райдера Гаггарда[261] с Конан Дойлом. Потом Янгхасбенд вспомнил о том, что в ходе томительного ожидания перед прорывом экспедиции на границе Тибета в Кхамба-дзонге, его соратники мистер Хэйден – коллекционер ископаемых, капитан Уолтон – орнитолог-любитель и полковник Прэйн, собирающий гербарий, работали не покладая рук. Вдруг оказалось, что Янгхасбенд глубоко почитает учение Толстого, а также намерен когда-нибудь организовать Мировой конгресс религий, где были бы представлены не только христианские идеи, но и буддийские, и индуистские[262]. После Янгхасбенд с очень глубокомысленным видом добавил:

- И придёт новый сын Божий, более совершенный, чем Иисус. Непременно придёт и изменит этот несовершенный мир.

Мне не хотелось пытаться спорить с ним, защищая саму суть христианства. Стало очевидным, что полковник давно отошёл от веры отцов.

Когда мы почти всё обсудили, к нам присоединился рос-

---

[261] Именно так называли Хаггарда согласно дореволюционной традиции. Подобно тому, как «Холмс» звучал «Гольмс», «Айвенго» - «Ивангоэ» и так далее.

[262] Одна из прислужниц Янгхасбенда, Глэдис Эйлвард, стала христианским миссионером в Китае.

лый, плечистый, широколицый усач в твидовом костюме, примерно одних лет с Янгхасбендом, низким голосом представившийся Артуром Игнэйшусом Конан Дойлем. Знаменитый литератор нисколько не напоминал обликом своего, наиболее знаменитого, книжного героя, хотя я, конечно же, ожидал увидеть некое подобие Шерлока Холмса[263]. Сэр Артур вёл себя менее чопорно, чем сэр Френсис, но участвовал в беседах отстранённо, временами погружаясь в свои мысли. В начале он расслышал нашу беседу о современной политике и бойко вставил, что ему импонирует позиция Черчилля, сказавшего: «я знаю, что нужно Англии, а в остальном - меня не волнует, что об этом скажет мир». Я сразу вспомнил высказывания Конан Дойла в печати в защиту Англии, которую ругали во всём мире за нападение на буров: «Большинство людей во всех странах, настроенных против нас, было введено в заблуждение потоком разных нареканий и ложных слухов, распространявшихся продажною и невежественной прессой[264]». Он написал историко-публицистическую книгу «Великая бурская война», которую издали огромным тиражом, как и, последующую вскоре, вторую[265].

---

[263] Фредерик Уит оставил афористичное описание внешности Дойла: он «как два полисмена, которых скатали в одного».

[264] Здесь и далее использованы материалы книги Р. Миллера «Приключения Конан Дойла» и прочие.

[265] Дойл даже писал в «Таймс», предлагая перед каждым составом в Трансваале пускать вагон с непокорными бурами, мол, тогда, возможно, их товарищи и передумают взрывать поезда.

Именно за эти книги, а отнюдь не за романы, он был возведён королём в рыцарское достоинство и получил право именоваться сэром[266]. Конан Дойла очень тревожило растущее недовольство Бурской войной во всём мире, и он начал отчаянно защищать державу от нападок: доказывал несостоятельность обвинений против солдат в жестокости, изнасилованиях и грабежах; претензий к командующему Китченеру с его тактикой выжженной земли; заявлял, что концентрационные лагеря были просто лагерями беженцев, созданными, чтобы, лишенное крова мирное население, нашло там укрытие. Он признал, что смертность там была высока, однако утверждал, что причиной явились болезни, а не дурное обращение… Он напрочь отрицал тот факт, что британцы использовали пули дум-дум, запрещенные международным правом, но впоследствии ему пришлось признать, что он ошибался. Я намекнул Дойлу, что мнение современников Англо-бурской войны континентальной Европы вряд ли изменилось с выходом в свет его публицистики. На это сэр Артур, поколебавшись, парировал:

- Вспомните слова моего американского коллеги Марка Твена во время Бурской войны: «Говоря между нами, это

---

[266] Эдуард VII, большой поклонник Холмса, пригласил Конан Дойла на обед и усадил подле себя. Сам Дойл считал эти свои работы главным общественным трудом своей жизни. К неудовольствию матери Дойл решил, что принять рыцарское звание он не может, ибо какие могут быть награды за бескорыстную службу своему народу? Но настойчивая мать не желала смириться и убедила сына, что отказываться нельзя - это лично оскорбит короля.

грязная и преступная война, во всех отношениях постыдная и не имеющая оправданий. Но Англия не должна быть повержена: это означало бы распространение по всему миру позорной политической системы Русской и Германской империй, что обрекло бы земной шар на ночь нового средневековья и рабства вплоть до Второго пришествия. Даже когда она не права (а она не права), Англию надо поддерживать! Тот, кто выступит против нее сейчас - враг человечества!» А Россия, простите, старый недруг Великобритании. Факт остаётся фактом, господин полковник. И, начнись подобная ей война вновь, я бы не преминул попытаться пойти на неё добровольцем, хотя мне отказали уже тогда по возрасту и пришлось служить в лазарете. При этом я остаюсь в душе пацифистом, каким начинал много лет назад. Но ведь пацифизм, увы, нереален. Когда Российский император созвал мирную конференцию в Гааге, в попытке ограничить гонку вооружений и создать международный трибунал для решения спорных вопросов во избежание войн, по всей Европе проходили собрания, где обсуждались эти предложения. Я председательствовал на одном из таких собраний и горячо выступал в поддержку мирных начинаний. Тогда я был уверен, что Бернард Шоу, этот сторонник фабианства, разделяет мои взгляды, но был неприятно удивлен: Шоу решительно отверг идею ограничить вооружение. «Все государственные деятели, все те, кто командует торпедными катерами, сегодня тоже одобряют царский рескрипт, - сказал Шоу. -

Но каждый понимает, что если французам удастся создать подводные лодки, то их правительство тут же закажет их, и Германия закажет, и даже русский царь не сможет помешать России заказать их. Считается, что война должна быть не такой ужасной, какова она сегодня. Я, однако, настаиваю, что сражаются не боеприпасы и броненосцы, а люди, и, если мы уничтожим всё современное оружие и у противников останутся лишь первобытные средства - кулаки, клыки и когти, они будут драться не менее ожесточённо[267]».

- Разрешите пожать Вашу руку, сэр! – вдохновенно воскликнул Янгхасбенд (оба бывших джингоиста ценили друг друга).

- Не устаю надеяться, что наступит час, когда все англоговорящие народы объединятся в некую империю, состоящую из всех британских колоний, доминионов и Соединённых Штатов, - сказал Конан Дойл, сверкнув большими серыми глазами.

- И это будет полмира! – восторженно поддержал его Янгхасбенд. – Империя - это мир. Человечество идёт от зулусов к Лондону, а не наоборот.

- Не могу с вами не согласиться, джентльмены, - добавил Кроуфорд.

- Думаю, что русским офицерам должно быть понятно на-

---

[267] Потом Шоу сказал, что именно он «переориентировал Конан-Дойла со слащавого пацифизма на яростный шовинизм», но добавил, что, вероятно, при этом «слегка переусердствовал».

ше чувство, - заметил сэр Артур, глядя на нас с Георгием, и добавил, улыбнувшись Евгении. – А может быть и русским дамам?

- Уважаю ваши чувства. Не думаю, что русские относятся к Англии хуже французов, немцев, или, тем паче, буров, - отозвался я с улыбкой. – Вспомните, джентльмены, слова франко-бурского патриота Жубер-Пинара о том, что он готов плыть на пароходе вдоль побережья Африки, имея, под бункерами с каменным углём, большой запас оружия. Что он будет раздавать это оружие вождям африканских племён. Потом он станет путешествовать по кафрским землям якобы для закупки скота и зерна и там тоже раздаст оружие. Он считал, что после этого начнётся восстание полумиллиона негров против англичан. Он быль уверен, что война с чёрными племенами продлится пару лет, причём Англии придётся напрячь все свои силы. Затем в дело вмешаются французы, буры, и выгонят англичан из Африки[268]. С предложениями своих авантюрных планов он отправился в Париж, где переговорил с российским послом, но русские политики сочли его задумки несерьёзными.

- Одобряю и противника, если он патриот, каковым быть достойно мужа, пусть даже не джентльмена, как этот бур, -

---

[268] «Я поклялся перед Богом, что с Его помощью я сделаюсь виновником падения Англии… С этой верою в Бога и с безграничным убеждением в правоте моего дела я начал наблюдать за всем, что творится на политическом горизонте, и тщательно изучать каждое происшествие, которое могло бы содействовать моей цели» - писал Жубер-Пинар (Франсуа Якобус Пинар).

заметил Дойл. - Всё, чего я требую от моих сыновей - быть джентльменами. Однажды Адриан грубо обошелся со служанкой и получил от меня нагоняй. Как-то, шестнадцатилетний Дэнис заявил, что наша попутчица в поезде - уродина. Это меня взбесило, и я отвесил ему весомый подзатыльник, сказав: «Ни одна женщина не может быть уродиной. Любая женщина прекрасна. Но некоторые прекраснее других, как твоя мать». Признаю лишь три несомненных признака настоящего джентльмена: рыцарское отношение к женщине, учтивость с теми, кто ниже тебя в обществе, и неукоснительная точность в возврате долга.

- Позвольте спросить, а как Вы относитесь к суфражисткам? – неожиданно вмешалась Евгения. – Признаёте ли Вы избирательное право для женщин?

- Когда мужчина приходит домой со службы, он, я думаю, не слишком жаждет встретить политика подле своего очага, - ответил Дойл с усмешкой. – Но, главное, что мне не нравится в суфражистках – тот факт, что они ведут себя крайне необузданно, разбивают витрины, кидают чем попало в полицейских. Дело доходит до поджогов и взрывов. Мне лично они лили не раз серную кислоту в ящик для писем. Как могут женщины претендовать на право голоса, коль скоро они не платят налогов? Моя обожаемая мать доказала весьма убедительно, что женщина способна добиться своего и без помощи законодательства. Эксцессы суфражисток - путь

к социальному хаосу, а не к равноправию полов[269]. Женщины уже позволяют себе курить в общественных местах. Куда дальше идти? Когда-то я требовал вернуть «Закон о заразных болезнях», позволявший властям, в принудительном порядке, обследовать женщин, подозреваемых в том, что у них венерические заболевания. Но, увы, его действие было приостановлено в 1883 года. Якобы закон сей нарушал права человека. Я написал очень язвительное письмо в «Медикал таймс» против «защитников невинных шлюх» и конкретно - против безнаказанности проституток Портсмута, завлекавших моряков и солдат. Но не подумайте, что я какой-то женоненавистник. К примеру, реформу закона о разводе я поддержал в своё время.

- Вы ретроград? Как же такое заявление вяжется с Вашими футуристически-техническими романами? – спросила Евгения. – Помню Вашу статью с предложением оригинального решения проблемы подвоза провизии с континента в условиях морской блокады немецкими субмаринами - проложить туннель по дну Ла-Манша.

- Я преклоняюсь пред техническим прогрессом. Но не замечаю социального в подобном поведении слабого пола. Современное же искусство меня не трогает. В нём я нахожу лишь регресс. Начиная с постимпрессионистов, художники утратили чувство меры и гармонии. То же и в литературе.

---

[269] В ходе поджогов, совершаемых суфражистками в Лондоне в 1913 г., выгорела значительная часть уникального ботанического сада.

Как и раньше я предпочту Вальтера Скотта и Уильяма Теккерея модным знаменитостям - Лоуренсу, Фицджеральду, Хемингуэю, а тем паче Джойсу... Эти борзописцы просто глумятся над устоями общества, над тем, во что я свято верю. Моё мировоззрение во многом определила поездка с китобоями в Арктику. Я познал мир простых, сильных мужчин. Такие люди создавали великую Англию, осваивали колонии. Когда мне было всего двадцать, мой друг предложил мне поработать вместо него на китобое «Надежда», отправляющегося к берегам Гренландии. Кулачный бой давно казался мне замечательным спортом, в духе гладиаторских боев. Уж лучше пусть наш спорт будет груб, чем мы станем женоподобны.

Его слова о боксе вызвали презрительную ухмылку Смураго, остающегося верным идеалам царских офицеров.

- Будьте добры, расскажите нам об этом немного, - попросила Евгения.

- Молодой студент, каковым был тогда Ваш покорный слуга, был потрясён зверством охоты на тюленей в Гренландии. Взрослых тюленей убивают из ружей, детёнышам просто разбивают головы. Шкуры снимают на месте. Впрочем, жестокий спрос рождает жестокое предложение, и тюлени гибнут, помогая выжить множеству моряков, докеров, скорняков и дубильщиков, торговцев свечами, кожей и маслом. Если нет оправдания щёголю в мягких кожаных сапогах, то есть учёному, которому требуется высококачественная смазка для его приборов. В тоже время, я оценил дух товарищества на

борту судна. Хотя случались у нас и драки… Несмотря на свой азарт при охоте на китов, и восторг, я испытал к бедному созданию сочувствие. Глазки у кита, для его размера, маленькие, чуть больше, чем у быка, но мне не забыть тот немой укор, с каким глядело на меня умирающее животное. Проплавав семь месяцев, я возвратился в Эдинбург с пятьюдесятью золотыми соверенами, запрятанными по всем карманам, чтобы мама получила удовольствие, отыскивая их.

- Вы, очевидно, осуждаете нынешнюю изнеженность молодёжи, не прошедшей войну? – спросила Евгения.

- В каком-то смысле, я даже излишне либерален, - ответил Дойл. – Я был знаком с Оскаром Уайльдом. Однажды мне довелось провести вечер у него в гостях и разговор с ним оставил неизгладимый след в моём сознании. Он, как мне тогда показалось, был неизмеримо выше среднего писателя, но изящно давал понять, что наши разговоры ему интересны. Он был деликатен и тактичен, как и подобает джентльмену, ибо человек, единолично завладевающий беседой, в сущности, вульгарен. Его формулировки были безукоризненно точными, юмор - утончённо острым, а свои слова он подкреплял изящными, лишь ему присущими, жестами. Мы снова встретились через несколько лет, когда в Лондоне, с большим успехом, шла его новая пьеса «Женщина, не стоящая внимания». Уайльд спросил, видел ли я эту пьесу. Услышав отрицательный ответ, Уайльд воскликнул: «Вы должны её посмотреть! Она превосходна. Она - гениальна!»

я был глубоко поражён столь беззастенчивым самовосхвалением и счёл, что мой собеседник рехнулся. Но, когда его заключили в тюрьму за «вопиющую непристойность», я счёл что гомосексуализм скорее – патология и подлежит рассмотрению врачей, но не полиции. Впрочем, ханжи и в его «Дориане Грее» усмотрели аморальность.

- Сэр Артур, мне известно, что Вы глубоко заинтересованы в развитии научной мистики, - неожиданно продолжила Бельская. – Дело в том, что меня крайне волнует всё, что постижимо умам в области спиритизма. Не могли бы Вы немного поделиться с нами своим опытом?

- Всё очень просто. Апокалипсис начнётся в конце лета 1925 года с гигантской бури, которая вызовет пожары и наводнения.

- Так скоро? – с деланным, как мне показалось, волнением спросила Евгения.

- В Америке разразится гражданская война, Нью-Йорк полностью уничтожат пожары, Японию и Африку затопят прибрежные воды, Россия, как самое, простите, тёмное пятно на карте мира, просто перестанет существовать, как, впрочем, и Ватикан, погрязший во зле. Множество людей погибнет, но избранные, то есть спиритуалисты, выживут, чтобы основать спиритуалистическую утопию, в каковую пока никто не верит. Но всё это случится меньше, чем через год. Англия станет светочем во мраке.

Я невольно подумал: что осуждает этот странный человек больше: «тёмное пятно на карте», или «Ватикан, погрязший во зле?» А ведь он воспитывался в католической семье… Не по душе мне и такие нововведения, подмена, веками проверенных духовных ценностей, на какое-то досужее верчение столика. Чем всё это, по большому счёту, отличается от оголтелого коммунизма?

- Вы, очевидно, уделяли немалое внимание мистическим опытам? – оживился сэр Френсис[270].

- Вне сомнений. За спиритизмом будущее, поверьте мне[271]. В молодости мне больше всего хотелось отправиться

---

[270] Янгхасбенд был, в какой-то малой степени, конкурентом Дойла в плане влиятельности в мистических кругах. Янгхасбенд был больше привержен мистицизму с индийским уклоном. Так, в 1936 г. он способствовал становлению Всемирного конгресса религий и имел связь с Всемирным спиритологическим университетом в Маунт Абу в Индии (секты Брахма Кумарис). В 1924 г. в своём философском трактате «Мать мира» Янгхасбенд впадает в ересь, осуждённую католической церковью.

[271] К 1893 г. Конан Дойл, загадочным образом, изменился. Стало известно, что он интересуется спиритуализмом, популярность которого росла. Это мистическое движение возникло в Америке 40 годами ранее в лице психически нестабильных сестёр Фокс, поддержанных в своё время Фенимором Купером. Медиумов регулярно ловили на обманах и разоблачали, но глубочайшая вера в спиритуализм оставалась незыблемой. Признание Маргарет Фокс, которая публично заявила, что всё это - одно сплошное надувательство, уже ничего не могло изменить. Жизнь сестёр завершилась в беспробудном пьянстве. В 1855 г. Дэниел Хоум прибыл в Лондон и втёрся в высший свет, где обрёл массу поклонников. Хоум умел «летать, мог материализоваться в любой точке земного шара и поднимать тяжести, не притрагиваясь к ним». Королева Виктория и принц-консорт участвовали в спиритических сеансах, что способствовало процветанию модно-

в экспедицию в районы белых пятен, подобно той, которую скоро осуществит сэр Перси Фосетт, но теперь я понимаю, что не это главное, а постижение возможности общения с умершими. Не даром наш герой генерал Гордон, отдавший свою жизнь за честь Империи в Судане, был не чужд мистике. Но не мог же я, как человек, взращённый на традициях нового возрождения в искусстве, столь пышно расцветшего в лице английских поэтов и художников Прерафаэлитского братства, не проникнуться интересом к неизученным, сокрытым областям познания?

- Я была знакома в Париже с русским аристократом, господином N, который, каждый раз, за вертящимся столом, впадал в подлинный экстаз от общения со своими отдалёнными предками. Потом он начал засыпать письмами все известные ему инстанции окружающих стран, на их языках, с

го течения. После трагедии Великой войны, потери сына и брата, в её ходе, от «испанки», Дойл ударился в мистику, стал пропагандировать спиритизм в разных странах и континентах. Но, если многих спиритуалистов Дойл раздражал, то священников просто бесил. И тем, что провозглашал движение Новой религией, наследующей христианству, и тем, что критиковал Библию. Церковь сочла, что Дойл «утратил душевное равновесие», вероятно, под влиянием злых сил. Его упрекали в попрании всех норм морали и нравственности, в том, что он способствует духовному падению нации. В ответ он защищался горячо и искренне. Он, безусловно, подкупал аудиторию страстностью и убежденностью, говорил с пророческой уверенностью человека, который убедил сам себя, будто вся его прежняя жизнь была заблуждением. Обвиняли Дойла и в том, что, при помощи спиритуализма, он «зарабатывает себе славу и деньги так же успешно, как при помощи своего идиотического Холмса». Дойл потратил на спиритуалистическое движение 250 000 фунтов, по нынешним временам - многомиллионное состояние.

призывами к прекращению любых войн, но, с другой стороны, призывал к крестовому походу на коммунистов. В последнем письме к президенту Франции он подписался не больше, не меньше, как «…. Первый» и в скобках – представитель побочной линии Романовых, - сказала Евгения.

- Очень интересный пример, мисс Бельская, - улыбнулся Дойл, и продолжил серьёзнейшим тоном, своим глубоким хрипловатым голосом с шотландским акцентом. – И я понял, что агностицизм - не прихоть, но моё убеждение, и что нельзя принимать ни один религиозный или философский постулат, если его невозможно доказать. Не могу разделить слепой веры христиан, а соответственно, не могу продолжать быть практикующим врачом. Меня всегда удивляло, сколько учёных проявляют интерес к спиритуализму! В 1882 году весьма почтенные мужи из Кембриджа создали Общество психических исследований, которое занималось паранормальными явлениями. И среди них половина - натуралисты, физики и астрономы. Впрочем, Дарвин не скрывал своего скепсиса. Я давно верю лишь в благодать Божью, но совершенно не принимаю религиозных догм и обрядов. Мои дети упорно отрицали спиритуализм. Дочь заявляла, что болезненно и неестественно общаться с тем, кого любишь, через тело постороннего медиума. Но, в итоге, она сдалась и приняла спиритуализм, поняв, что, найдя хорошего медиума, возможно установить связь с ушедшими близкими. Ведь нет никаких противоречий между официальной религией и

спиритуализмом, хотя бы потому, что в основе их лежит глубокая вера. Духовное тело - аналог физического, а загробная жизнь есть логичное продолжение земной. Спиритуализм принесёт в мир невиданное доселе развитие человеческой мысли! Наконец, спиритуализм может принести облегчение людям, понесшим большие утраты. Теперь я верю, что мои сын и брат, унесённые «испанкой» лишь перешли на другую сторону и вскоре дадут о себе знать. Чтобы облегчить душевные страдания других, я, вместе с семьёй, два года назад предпринял поездку в Америку для разъяснения «нового учения». В Нью-Йорке я провёл четыре лекции в «Карнеги-Холле». Я старался доносить свои мысли доступным языком, демонстрировал фотографии, подтверждающие существование потустороннего мира. По приглашению местного фокусника Гарри Гудини, мы посетили ежегодный банкет «Общества американских фокусников». Правда, в дальнейшем, я поссорился с этим типом Гудини. Он опубликовал в «Нью-Йорк сан» статью, в которой норовил разгромить движение спиритов...

- Если я не ошибаюсь, Вы успели читать лекции и в Новой Зеландии, сэр Артур? – спросила Евгения, даруя литератора божественной улыбкой.

- Четыре года назад, мы отправились в Австралию и Новую Зеландию с женой, тремя детьми, секретарём и гувернанткой. В ходе полуторамесячного плавания с заходом в различные порты, я не преминул прочесть лекцию о пси-

хической религии пассажирам первого класса, после чего, все пассажиры только и делали, что спорили на религиозные темы. Суэцкий канал, конечно, впечатляет своим масштабом, но наши коммерсанты опошлили его огромными рекламными плакатами по берегам, призывавшие покупать виски. И это в то время, как в Америке приняли сухой закон, что очень разумно! В Красном море я прочитал ту же лекцию пассажирам второго класса. Увы, в Мельбурне нас ждал прохладный приём[272]… Люди косны и невежественны. В австралийских газетах писали, что я занимаюсь чёрной магией, называли «исчадием ада» и «мерзким язычником»… Но, вопреки слухам, что поездка моя провалилась, я сумел всё же, выступить перед пятьюдесятью тысячами слушателей и немного окупил затраты на дальнюю поездку.

- Сэр Артур, а Вы действительно наблюдали фей? – казалось, что Бельская полностью завладела вниманием всех присутствующих. Взгляды обоих «королевских рыцарей» были уже прикованы только к ней.

- Я глубоко уверен, что вскоре появятся новые, лучшие фотографии маленького народца, не менее многочисленного, чем род человеческий, с которым мы живём бок о бок, отделённые лишь тончайшей перегородкой. И сама мысль о том, что даже невидимые, они всюду рядом, добавит очаро-

---

[272] Мельбурнские пресвитерианцы устроили общественный молебен, умоляя Господа не допустить, чтобы нога нечестивца Дойла ступила на землю Австралии.

вания каждому ручью, каждой роще. Признав, что они существуют, мы признаем, что в мире есть волшебство и тайна[273]. И нам будет проще понять спиритуалистические послания, подтверждённые физическими фактами, которые уже теперь представлены со всей убедительностью, - ответил сэр Артур.

Я подумал о том, что бурное развитие науки не могло не привести к парадоксальным последствиям: христианская вера, неизбежно, пошатнулась и, в сознании большинства, возникла пустота для того, кто сумел бы им поведать о тайнах Вселенной, сокрытых где-то. Это и породило массовый психоз со столоверчением, ясновидением, хиромантией, гаданием на магических кристаллах и прочее. Ведь, если фонограф может улавливать голос, телеграф - связывать континенты, то и связь с миром усопших должна быть возможной. Некий, недозволенный ранее, аромат ереси стал особенно притягательным с тех пор, как мадам Блаватская умело преподнесла его европейцам. Мы разделались с нашим ужином и распрощались. Мне понравились прощальные слова Конан Дойла:

- Но, увы, интерес к спиритуализму в обществе неумоли-

---

[273] Некоторые учёные критиковали Дойла за распространение идей, «способных вызвать у детей... нервные расстройства и умственные отклонения». Были и восторженные заявления о «прелестных, чистых детках, которым одним доступен заповедный мир волшебства». В 1929 г. Конан Дойл отметил своё семидесятилетие. Местные жители шептались, что он проводит какие-то мистические ритуалы. В саду стояли керамические гномы, которые должны были привлечь в гости окрестных фей. Для той же цели он нередко просил восьмилетнюю дочку садовника взобраться на дерево у ворот, а сам ставил пластинки с духовной музыкой и ждал с камерой наготове, надеясь запечатлеть появление фей.

мо падает. Наступил век джаза, как выразился мой, с позволения сказать, коллега Фицджеральд. Это эпоха фривольности и сумасбродства, взбалмошная, мечтающая лишь о наслаждениях здесь и сейчас. Люди не желают вспоминать о прошлом и думать о будущем.

Когда писатель ушёл, Евгения спросила у Камерона:

- Мне кажется, что оба они увлечены теософией и каждый по-своему.

- Это не совсем так. Дело в том, что Янгхасбенд, сильно отошедший от христианства, ищущий новую религию в синтезе старых, назвал как-то теософию «пагубной доктриной для невротических полуобразованных леди», уж простите меня.

- При этом его теории очень смахивают на теософические, не так ли? – язвительно усмехнулась Евгения.

По пути до дома, Кроуфорд рассказал нам о том, как недавно Конан Дойл поссорился с лордом Сомерсетом Невиллом:

- Они случайно вспомнили о давнем деле Кейсмента, в котором Невилл занимал непримиримую позицию осуждения подсудимого. Роджер Дэвид Кейсмент происходил из ирландской семьи, но протестантской и хорошо зарекомендовавшей себя на королевской службе. Отец его служил офицером, а Кейсмент младший поступил в министерство иностранных дел и стал консулом в Мозамбике, затем, кажется,

в Анголе и в Конго, бывшее тогда личным владением бельгийского короля Леопольда II. Англия начала проталкивать возможность международного расследования злоупотреблений и нарушения прав человека на этих землях.

«Какая демагогия! – подумал я. – Словно англичане невинные овечки в своих колониях!»

- Неужели в Конго негров притесняли больше, чем в британских колониях? – с невозмутимым видом спросил Смураго.

- Дело не в этом… Так появился «Доклад очевидца о злоупотреблениях», известный как «Доклад Кейсмента», отправленный в британские ведомства в 1904 году, - продолжил Камерон. - Парламент потребовал пересмотреть решение берлинской конференции[274]. Ряд европейских держав и Америка отправили дипломатические ноты, принудившие Бельгийский парламент создать независимую комиссию. Комиссия подтвердила выводы Доклада Кейсмента. Через три года Свободное государство Конго перестало быть личным владением Леопольда и было создано бельгийское Конго, а

Кейсмент был награждён Орденом Святого Михаила и Святого Георгия. Позже он обнаружил аналогичные нарушения прав в Перу. За свою деятельность по защите индейцев он получил титул рыцаря-бакалавра. Кейсмент ушёл со службы летом перед Великой войной и тайно участвовал

[274] Конференция 1884 г., которая обсуждала условия раздела Африки между европейскими державами, в условиях ожесточившейся «Драки за Африку».

в создании военной организации Ирландские добровольцы. Он даже поехал в Америку, чтобы собрать деньги для организации, установил связь с ирландскими националистическими организациями в Соединённых Штатах. В начале войны он встретился с немецким дипломатом графом фон Бернсторфом и предложил взаимовыгодный план: если Германия продаст ирландцам оружие и предоставит офицеров, ирландцы поднимут восстание, отвлекая внимание британских войск. Немецкие генералы отнеслись к Кейсменту скептически, но предоставили малую часть требуемого вооружения и ни одного офицера. Немецкое грузовое судно, транспортировавшее оружие, было перехвачено англичанами. Кейсмента обвинили в деятельности против британской короны и заключили в Тауэр, как в добрые старые времена. Общественность реагировала по-разному. Если Бернард Шоу, Джером Кэй Джером, Честертон и Голсуорси были против казни, то Киплинг и Джозеф Конрад одобряли её. Конан Дойл убедил сам себя, что Кейсмент просто повредился рассудком и, с присущей ему энергией, включился в кампанию по отмене смертного приговора. Дойл указывал на то, что Кейсмент мог страдать психическими отклонениями в результате его многолетнего общественного труда, связанного с деятельностью в Конго и на Амазонке, в условиях невыносимого климата. Поэтому превращение его из горячего патриота Британии в ярого ирландского националиста есть не что иное, как умопомешательство. Кроме того, уверял сэр Артур, если

казнить Кейсмента, это сыграет на руку Германии - распалит недовольство ирландцев. И напротив, если его помиловать, это поможет решить ирландскую проблему. Думаю, что ирландские корни сэра Артура в то время впервые проявили себя… Дойла вызвали в министерство иностранных дел и посоветовали не ввязываться в это дело. Власти заявили о гомосексуализме Кейсмента, ссылались на личные дневники осуждённого[275], чтобы охладить общественные симпатии. Дойл же заявил, что в случае с Кейсментом, это лишь очередное свидетельство его душевного нездоровья. Но предательство было очевидно и никакие былые заслуги не могли умалить падение этого высокопоставленного человека. Пятидесятилетний Кейсмент был повешен.

- На сей раз не могу сказать, что это – несправедливо со стороны британских властей, - заметил я.

- Не так давно сэр Артур, в нашей общей беседе с семьёй лорда Невилла, затронул судьбу Кейсмента, после чего они поссорились с сэром Сомерсетом, который до сих пор остался несгибаемым джингоистом в душе.

- Мне показалось, что и Дойл с Янгхасбендом остались ими в душе, просто Невилл старший не скрывает этого, - улыбнулся Смураго.

«Вне сомнений – все они – джингоисты и ястребы, как

---

[275] Кейсмент не был женат и его гомосексуальность есть доказанный факт. Его «Чёрные тетради» - личные дневники, где он откровенно описывал свои любовные приключения, принадлежали его перу.

и мы с Георгием – «джингоисты России», если так можно выразиться. Только каждый по-своему, согласно своему душевному устройству. Но как они правы в своём стремлении сохранить державность и устои от таких разрушителей, как Ллойд-Джордж! Казалось бы, Дойл – человек творчества и на голову выше Янгхасбунда, но писатель погряз в верчении стола, а полковник проникся толстовщиной» - подумал я».

8. Туманный Альбион словам не верит

Ласково кружимся в вальсе загробном на эмигрантском балу!
Г. Иванов

Теперь мне стало ясно, что германский солдат, в конечном счёте, оказался слепым орудием, своего рода ландскнехтом, скрытых за кулисами, тёмных сил… что германским мечом был расчищен путь этим силам, закабалившим Россию».
Генерал Людендорф (после заключения мира в Европе в 1918 году)

«Пора было возвращаться в Париж, чтобы спокойно успеть собраться на пароход в Буэнос-Айрес. Да и злоупотреблять гостеприимством Кроуфордов не хотелось. Но тут возникли непредвиденные обстоятельства: когда мы вернулись после встречи с Янгхасбендом и Конан Дойлом, у входа

в подъезд дома Камерона нас ожидал грузный верзила-полисмен, который, казалось, прождал здесь немало часов. Он спросил Камерона, не с мистером Кроуфордом ли он имеет честь разговаривать? После утвердительного ответа Камерона, дюжий бобби вручил ему приглашение в полицейский участок. Прощаясь, полисмен добавил, что Камерону необходимо явиться срочно. Было ещё не поздно, и Кроуфорд поспешил успеть посетить это малоприятное заведение. Он вернулся расстроенным, когда мы с Георгием сидели за чаем в гостиной, на Камероне не было лица. На мой вопрос, что с ним, Обри поведал о чудовищном обвинении его в убийстве:

- Меня видели входящим в квартиру Блетсуорси и опознали по описанию. Прочих посетителей, которых, как известно, было много за последние дни, идентифицировать не удалось, к вашему счастью. Хотя подозрение падает на всех, посещавших его в тот вечер. Я узнан, а кроме того, отец моего друга коллекционирует папоротники. И это им стало известно. Инспектор Брентли лишь должен установить, не появились ли в его коллекции те самые, похищенные, растения. Тогда круг замыкается. Держался я не самым блестящим образом, поскольку был напуган мыслью о позоре для нашего рода. Инспектор, всё больше прищуриваясь, смотрел мне прямо в глаза, а я, инстинктивно, отводил их. Впечатление оставил не самое благоприятное. С меня взяли подписку о невыезде из города.

- Я уже говорил, что глубоко уверен в том, что папорот-

ники украдены для отвода глаз. Цели убийства не совсем ясны, но они, скорее всего политические – страсти по сверхоружию и только, - сказал я. – Но как доказать всё это? Ведь полиция ничего не знает об этом. Но, не сиключено, они что-то откопали в бумагах Блетсуорси?

- Об этом я не решился им сказать, опасаясь скомпрометировать Евгению.

- Надо бы нам вместе встретиться с инспектором, убедить его в иных мотивах убийства. Ведь, как самурай, так и Вишневский, могли быть заинтересованы в устранении Блетсуорси. Кстати, Георгий Александрович, Вы не могли бы вспомнить… этот тип… Вишневский… Он тогда всё время присутствовал при разговоре, или куда-то отлучался? – спросил я Смураго.

- Вы знаете, он – личность настолько неприметная, что никак не могу ручаться, был ли он рядом с нами в тот, или иной момент. Выйди он вон – никто бы и не заметил. Разве что, если бы он дверью хлопнул. Его и не слышно никогда. Молчаливая тень профессора – не более.

- А в чём роль Блудова? Ведь не исключено, что он подыскал более щедрого клиента для профессора, чем Блетсуорси, клиента, который обещал ему больший процент от сделки, - задумался я. – Это же касается и Вишневского. А тут ещё и Скотобойников, и тот немец…

- Более того, - сказал Камерон, - небезызвестный вам по Парижу лейтенант Квентин Монтгомери тоже имеет отно-

шение к профессору и стремится заполучить изобретение во благо горячо любимой державы. Возможно, Евгения знает об этом. Этот молодой горячий человек – настоящий офицер из ястребов. Дух джингоизма сохранился в немногих.

- Давайте попытаемся проанализировать заинтересованность в совершении убийства всеми, упомянутыми нами, лицами, - предложил я. – По методу, как это ни банально звучит, Шерлока Гольмса.

- Вы имеете в виду Шерлока Хоумса? Ну да… Но только не Квентин! - воскликнул Камерон. – Я назвал его без задней мысли.

- Итак: Сиямура. Он вполне подходит для роли удивительно ловкого человека, способного проникнуть на верхние этажи дома Блетсуорси с дерева, растущего близко к окнам. Я обратил внимание тогда на этот раскидистый бук… - сказал я.

- Наверняка это японец, - вставил Обри.

- Это, конечно, логично: японец не хотел, чтобы изобретение попало в руки англичан. Казалось бы, всё просто. Но, не исключено, что и Отто Хорст Лемке сейчас в Лондоне. А он не приветствует передачу сверхоружия Британии не меньше японца, - говорил я. – Надо бы спросить Евгению: не знает ли она, где сейчас Отто?

Смураго пригласил в комнату Бельскую.

- Право, джентльмены, я не ведаю о том, где может быть сейчас этот малоприятный тевтонец, - ответила нам Евгения.

- Позвольте, а господин Скотобойников случаем не в Лондоне? – спросил я.

- По моим сведениям – нет. Хотя и собирался сюда прибыть. Что-то задержало его в Париже. Похоже, что Глаголев не намерен ждать Скотобойникова, который обещал заплатить на пару сотен фунтов больше, чем англичане, - растерянно ответила она. – А что происходит, джентльмены? Вы плохо выглядите, мистер Кроуфорд. Что с Вами?

Камерон обрисовал ей мрачную ситуацию, и она была искренне поражена этим.

- Не сомневаюсь, что это дело рук японского барона, или Лемке, - уверенным тоном сказала Евгения.

- Не думаю, что всё так просто. Ведь инспектор Скотленд-Ярда так же свято уверен в прямо противоположном, - сказал я. – Но мы можем подтвердить алиби капитана Кроуфорда.

- А Вы не опасаетесь, полковник, что полиция попросит Вас и капитана участвовать в очной ставке с консьержем для опознания, как лиц, столь заинтересованных в обелении моей персоны? – спросил Камерон.

- Не исключаю этого, конечно, - ответил я. – Так, какие соображения по поводу Лемке?

- Немцы, как нам теперь известно, народ злобный и воинственный, - заметил Обри Камерон, - но германец не может себе ясно представить свободу без ограничений, обеспечивающих порядок. Немец готов к войне и охотно погу-

бит миллионы жизней своих и чужих, но он не легко идёт на преступления мелкие. Англичанин может шагнуть гораздо дальше и пожертвовать многим ради иллюзорной свободы. Скорее уж тогда – самурай. Нельзя исключить пока из этого списка потенциальных убийц никого, в том числе и меня, и Квентина, и помощника профессора, и Блудова.

Пока мы остановились на том, что Камерон потребует встречу нас всех с инспектором завтра же, а я пошёл телеграфировать в Париж, чтобы попросить коллег изменить даты наших билетов в Аргентину и предупредить мою семью о задержке. Был задет вопрос чести!

Оставшись наедине с собой, я открыл чистый лист моей потрёпанной записной книжки и написал в середине листа имя Блетсуорси. На расстоянии от него, по периферии листа я начал записывать имена тех, кто мог быть под малейшим подозрением в его убийстве. В числе прочих имён я записал и Глеба Охотина, который, правда, имел, в тот вечер, алиби со слов ряда лиц. Неоспоримые алиби были и у господ Кроуфорда, Смураго и госпожи Бельской, находящихся всю ночь в доме Кроуфордов. Впрочем, кто знает, не покидал ли кто-либо из них дом той ночью. Ведь каждый спал в отдельной комнате за толстыми дверьми. Кроме того, если полиция узнает, что Бельская была долго в доме убитого пусть даже и не по доброй воле, возникнет вопрос, как она освободилась, кто приходил за ней, не порешили ли они все вместе сразу

почтенного гражданина? Далее следовали лейтенант Монтгомери, который, будучи джингоистом, вполне мог быть заинтересован в перехвате оружия из-под носа более умеренного Блетсуорси, который выступал от лица какого-то синдиката, то есть сил более левых, не военных. Не исключаю, что он хотел прибрать к рукам изобретение и стать диктатором, тогда как лейтенант мечтал лишь о величие державы. Далее следовали те, кто были, совершенно очевидно, неравнодушны к чарам Евгении: Мортимер Невилл, могущий иметь, помимо ревности, те же стремления, что и Монгомери. Но когда бы этот человек всё узнал и решился на такое? Всё это выглядело слишком сомнительным и я вычеркнул его имя. Далее, в числе пробританских лиц, я вписал Блудова, который мог иметь ещё и вторую цель – влюблённость в Евгению. Скотобойников мог бы сделать это чисто из ревности, но не своими руками, а нанять кого-то. Но был ли он в Лондоне? Знал ли обо всём? Одно несомненно: он готов отдать огромную сумму, чтобы завладеть этой красавицей, потешить себя и это для него важнее сверхоружия. Но действительно ли в состоянии он выложить огромные деньги за оружие? Оставались два очень сильно подозреваемых: во-первых, японец, который тоже засматривается на Бельскую, во-вторых, Отто Лемке, который, впрочем, вряд ли сумел бы вскарабкаться по буку и проникнуть в окно – слишком уж грузен. Но в Лондоне ли он? Вишневский мог бы быть заинтересован в получении большего процента за сделку от другого англичанина –

кто знает? Или Вишневский подкуплен своим соотечественником Скотобойниковым, который заинтересован затянуть дело, чтобы собрать деньги? Сам Глаголев не имеет явного резона убивать потенциального плательщика, но ведь и в этом ясно далеко не всё. Наконец, открытый вопрос: существует ли на самом деле такое сверхоружие? Следовало бы встретиться с самим профессором и надавить на него. Да и профессор ли он? А может быть – шарлатан?

Инспектор Дадли Брентли – вертлявый, ехидный тип, засыпал поначалу вопросами. В самом деле? Так, Вы – мой коллега! Московский сыск – подумать только! Великолепно! Рад посотрудничать! Вскоре он дал понять, что очень скептически относится к нашим показаниям, поскольку все мы, как он выразился – «друзья и гости капитана Кроуфорда, которые не могут быть объективными». Его аргументы были убийственно примитивны, и он явно не желал отступаться от своей первоначальной версии. Мне он подсознательно, упорно напоминал самоуверенного персонажа из известных рассказов Конан Дойла – Лестрейда. Но наши слова о деле со сверхоружием заинтересовал его, и он согласился показать мне, «как уважаемому коллеге», место преступления. Остальные могли пойти вместе с нами. Инспектор поведал нам о том, что Блетсуорси – отпрыск знатного рода, холост, служит в какой-то конторе, деятельность которой весьма туманна. Скорее всего, они связаны с оружейными заводами,

потому всё так засекречено. Нам посоветовали не лезть к ним в контору с расспросами. Но, чтобы владеть такой роскошной квартирой в центре Лондона, нужны немалые доходы… Застрелили его почти в упор из револьвера, судя по мнению, высказанному знатоком из Скотленд-Ярда – из довольно редкого здесь нагана старого образца. Пуля засела в основании черепа. Смерть наступила мгновенно. Эти слова сразу заставили меня подумать о том, что такой револьвер часто встречался и преобладает до сих пор у русских. Оказалось, что Блетсуорси разбудили, прежде, чем застрелить. Такого заключение судебного медика. Брентли никак не мог уняться:

- Почему же тогда из дома Блетсуорси исчез лакей, который, как оказалось, был раньше осуждён за воровство? Малый он вполне образованный – выходец из солистеров[276]. Вполне мог неплохо разбираться в ботанике. Дед его был зажиточным сквайром, разбогатевшим на торфяниках, а отец спился и спустил состояние по ветру. Я всегда говорю, что таким место либо в Австралии, либо – на виселице. Всё это наводит на мысль, что именно лакей мог перепродать папоротники. Но я уже побывал у известных коллекционеров и убедился, что они не приобретали эти краденные растения. Подозрение, падающее на Вас, мистер Кроуфорд, уменьшается: в доме Невиллов этих папоротников не оказалось. С другой стороны, нам известно, что дела у Вас идут неважно

[276] Присяжный стряпчий, поверенный адвокат в Викторианской Англии.

и Вы могли бы быть заинтересованы…

Камерона буквально передёрнуло от унизительности этих слов, но он смолчал.

- А почему Вы исключаете, что лакей мог быть также устранён убийцей? – спросил я. – Потому он и исчез. Он был разбужен выстрелом и мог, к примеру, погнаться за убийцей хозяина – малый был не слабый, и был убит уже на улице, сброшен в Темзу…

Я встретил в ответ недовольно-настороженный взгляд Брентли. Когда мы осмотрели квартиру Блетсуорси, я указал инспектору на явный взлом одного из окон – рама была аккуратно вскрыта снаружи. Тот, со странной лёгкостью, признался, что «они этого не заметили». К окну очень близко подходили толстые ветви бука. Я убеждённо сказал ему, что могу сейчас же продемонстрировать, как и пятидесятилетний может проникнуть сюда по ветвистому дереву. Брентли неохотно согласился, но заметил, что это совсем не аргумент в пользу более молодого и крепкого Кроуфорда. На это я добавил, что лакей не стал бы проникать в комнату хозяина через окно. Сотрудник Скотленд-Ярда, невозмутимо, парировал, что лакей не хотел с шумом взламывать дверь, рискуя разбудить хозяина с горничной. С этими словами он показал мне, что дверь спальни Блетсуорси запирается на ключ, а горничная свидетельствовала о том, что хозяин запирал замок каждую ночь. Я пытался доказать главное, что лакею для похищения папоротников вовсе не нужно убивать владель-

ца квартиры, как и любому другому грабителю, а также упоминал о том, что папоротники после войны уже не в цене, но упрямство инспектора сводило все доводы об этом к их неприятию. Затем я попросил позволить поискать бумаги, имеющие отношение к покупке сверхоружия. Мы с Георгием и Камероном прорылись в недрах письменного стола, сейфа и книжного шкафа более часа, но ничего не нашли. Видимо, документы, если они и существовали, то хранились в конторе синдиката. Больше ничего интересного в квартире я не обнаружил. Прощаясь с нами, Брентли заставил нас оставить ему подписку о невыезде из города. Выйдя за дверь, я успел расслышать ворчание инспектора:

- Эти русские не смогли защитить своего царя, свою державу от развала. Куда уж им тягаться с нами?

Это задело меня и подстегнуло удвоить усилия. Я тут же влез по буку до самого окна, изучая каждый сантиметр ствола и ветвей. На маленьком сучке я заметил моток тёмно-синих шерстяных ниток, которая могла принадлежать одежде злоумышленника. Я вспомнил, что в ту ночь дождя не было, а лезть по дереву, в любом случае, сподручнее без плаща.

На улице Сент-Джеймс, за зданием отеля «Ритц», мы зашли в довольно дешёвое заведение, желая пригласить Камерона отужинать вместе, чтобы не слишком обременять его кухарку миссис Причард. За ужином я предложил Евгении срочно узнать, где находятся в настоящий момент, а в осо-

бенности, где были позапрошлой ночью господа Лемке и Скотобойников, не в Лондоне ли они, а затем попробовать пригласить все лица, связанные с ней делом Глаголева на собрание. Необходимость и срочность такого сборища аргументировать ей проще, чем мне.

- Вы знаете о том, что в первые дни войны в лондонскую полицию поступали доносы на многие тысячи, так называемых, немецких шпионов, - сказал за столом Камерон. – Но, как выяснилось, ни один из доносов не имел под собой веских оснований. Шпиономания приобрела характер безумной эпидемии.

- Подобное было и в России, - вставил я. – Но то, что Отто Хорст Лемке – немецкий шпион, я не сомневаюсь ни минуты

- До конца войны ряд министров и часть общественности были глубоко убеждены в том, что срывы на производстве и прочие происшествия, были результатом заговоров и диверсий. В нашумевшем уголовном деле по обвинению в клевете, присяжных убедили в том, что немецкая секретная служба располагала «Чёрной книгой», в которой значилось сорок семь тысяч имён сексуальных извращенцев, занимающих высокие посты в Великобритании, которых шантажировали, с тем чтобы сорвать военные планы. Во всём этом было слишком много преувеличений, и потому сейчас сотрудников Скотленд-Ярда не вдохновит наша информация о сверхоружии, шпионах из Японии и Германии… - добавил Кроуфорд.

Когда мы, возвращаясь по фешенебельной улице, проходили мимо старейшей шляпной лавки «Локс», оттуда вышли несколько, весело щебечущих, дам, Камерон резко прикрыл лицо шляпой. Оказалось, он узнал среди них, малоприятную ему, жену его друга Мортимера. На следующее утро Евгения узнала, что Скотобойников и Лемке уже в Лондоне и, если первый прибыл лишь вчера, в чём можно и усомниться, то второй не скрывал своего недельного пребывания в столице Туманного Альбиона. Было похоже, что она хочет помочь искренне, возмущаясь обвинению гостеприимного Камерона, к тому же – неравнодушного к ней. Соответственно, я обвёл имена купца и немца в моём блокноте кружочками, означающими веское подозрение.

Со своей стороны, Камерон Обри Кроуфорд тоже стал действовать, пытаясь по-своему, спасти честь семьи. Он связался со своим другом Мортимером Невиллом и попросил его замолвить за него слово Френсис Эвелин Гревилл, графине Уорик. Дело в том, что предки Невиллов, прославившиеся во времена войны Алой и Белой розы, имели титул графов Солсбери и Уорик, а значит имели родственное отношение к знаменитой графине Френсис Уорик, более известной, как Дейзи. Эта почтенная шестидесятитрёхлетняя женщина, написавшая множество воспоминаний о своей светской жизни, всё ещё имела репутацию былой красавицы – любовницы Эдуарда Седьмого, бывшего тогда прин-

цем Уэльским. Дейзи стала в молодости наследницей огромного состояния своего отца. Мать её и вышла второй раз замуж за придворного – любимца Виктории. Королева благосклонно рассматривала возможность брака своего младшего сына и Дейзи. Но чахлый принц, страдавший гемофилией, не вдохновлял красавицу. Неожиданно, Дейзи вышла замуж за Гревилла лорда Уорика. Вскоре она оказывается в кругу знакомых лорда и принца Уэльского, имеет роман с лордом Бересфордом, а после с самим принцем. Репутация графини Уорик в глазах викторианской Англии оказалась подмоченной, но имя принца надёжно защитило её от великосветского остракизма. Ведь плотской любви в то время для почтенной англичанки не существовало, а если бы она и стала реальностью, то оскорбила бы её добродетель. Через десять лет будущий король увлёкся другой, а Дейзи завела роман с миллионером Джо Лайкоком и родила от него детей. Тем не менее, Джо женился на другой. Муж же Дейзи был удивительно терпим ко всем прегрешениям супруги. Он только что скончался, и графиня полностью погрузилась в благотворительность, защиту прав женщин и улучшение условий жизни рабочих. Говорили, что она стала членом лейбористской партии. Через несколько дней Камерон получил любезный, но краткий и сухой ответ, что графиня попробует замолвить за него слово. Стало очевидным, что Дейзи не любит, когда её попусту отвлекают от занятий.

Для собрания был выбран редкий погожий денёк. Бывший на отшибе, обычно малопосещаемый в рабочие дни, парк показался всем приглашённым, удачным местом для встречи с Евгенией и профессором. Глаголева Бельская уверила в том, что она нашла более выгодного клиента, а прочим стоило лишь намекнуть о встрече и они проявили инициативу сами. По просьбе Евгении, Мортимер Невилл был готов обещать профессору малореальные, на поверку, вещи, а лейтенант Квентин Монтгомери до сих пор верил Невиллу. Блудов пытался выступить посредником, но вскоре стал понимать, что он тут лишний. Но похоже, что его привлекала возможность полюбоваться Евгенией. Во всяком случае, он не ушёл. Сиямура и Лемке были здесь по понятным, политическим мотивам. Скотобойников же, по-прежнему, надеялся перекупить инженера и вскоре почувствовал, что Невилл блефует. Вишневский, как обычно, стоял за спиной профессора, в самом прямом смысле слова. Мне показалось странным, что здесь присутствует и поручик Алябьев, но потом я сообразил, что Евгения, по моей просьбе, пригласила действительно каждого, имеющего малейшую связь с Глаголевым, или с ней самой. «По-хорошему, и Алябьев должен быть в моём списке подозреваемых, раз уж он оказался в Лондоне» - подумал я. Неожиданно, собачонка Лемке принялась лаять простуженным, тонким голоском.

- Прошу прощения, что я не один, за моего, немного шумного, спутника, - бодро рассмеялся толстяк Лемке, указывая

на дряхлую, еле ковыляющую таксу. – Морицхен, дружочек мой, ты не будешь больше подавать голос, хорошо? В Париже мне не с кем было оставить Морица…

- Милости просим Вас и славного пёсика, - улыбнулась Евгения со всем своим очарованием.

- Так, мистер ГлЭголев, - подытожил Монтгомери, - мы заключаем контракт с Вами прямо сейчас? У нас с собой готовый бланк договора, - он полез в портфель за папкой.

- Позвольте, сэр, - резко отрезала Евгения, - но так мы не договаривались. Я нашла и других клиентов для мистера профессора, которые не смогли явиться именно сегодня.

- У не из советского ли постпредства? – недобро ухмыльнулся Квентин. – «Бойтесь данайцев даже дары, приносящих». Не советовал бы Вам, мистер ГлЭголев, иметь дело с подобными клиентами.

- «Бойся бычьих рогов, конских копыт и улыбки англичанина» - гласит известная ирландская поговорка, - глумливо ухмыльнулся Лемке. – Не уверен, что Вы, лейтенант, сможете выделить больше средств, чем моё начальство. Повремените подписывать, господин Глаголев.

- Мой император не станет скупиться подобно британским военным ведомствам, мистер Глаголев, - уверенно вставил Сиямура.

- Да будет вам, джентльмены, - ухмыльнулся Скотобойников. – Никому в этом мире не дана щедрость купца расейского. Будьте покойны, профессор, Вы отдаёте в надёжные ру-

ки своё изобретение. Оно послужит русскому делу – устранению большевизма.

Мне подумалось, что каждый из них блефует по-своему, поскольку пределов суммы, позволенной вышестоящими инстанциями, не знает никто из них, кроме купца, который располагает собственными средствами, хотя не исключено, и он привлечёт кого-то в помощь. Профессор перекинулся парой слов с Вишневским, которых никто не расслышал. Молчал всё это время лишь Алябьев, откровенно пожирающий глазами Евгению так, что это вызвало усмешку у Смураго. В этот миг я решил пойти на ложь во имя разоблачения убийцы. Помочь передать изобретение в руки РОВС я всё равно бы не смог, но склонялся к стороне Скотобойникова, надеясь, что из его рук всё-таки можно будет что-то сделать во благо России.

- Джентльмены, - сказал я уверенным тоном, - по-моему, вы делите шкуру неубитого медведя. Насколько мне известно, мистер Блетсуорси, имел предварительный договор с мистером Глаголевым.

- Позвольте, но его нет в живых. Всякое подписание аннулируется, - запротестовал Лемке.

- Поражаюсь Вашей осведомлённости, но на деле это не так. Мистер Блетсуорси жив. Мне довелось участвовать в его беседе с полицейским, расследующим преступление. Реджинальд Блетсуорси просто ещё не в состоянии ходить, но дело идёт на поправку.

Я попытался бегло окинуть взглядом каждого присутствующего. На лицах людей выражалось недоумение, но не более. Страннее всех мне показалась реакция с самой неожиданной стороны: поручик Алябьев очень нервничал и залился нездоровым румянцем. Тогда я приписал это его пьянству и неумению сдерживать эмоции.

- Как странно, что официальное заявление о его смерти оказалось несостоятельным, - пожал плечами профессор. – Кстати, документ там был составлен предварительный, не имеющий юридической силы. Джентльмены, мне надоело уже всё это. Пора бы вам начать оперировать конкретными цифрами, а не привлекать на свою сторону голословно.

- Мы гарантируем Вам достойный контракт, скрепляя свои слова именем лорда Невилла, мистер ГлЭголев, - напыщенно произнёс лейтенант Монтгомери. Было заметно, что его слова очень не понравились Мортимеру Невиллу.

- Я уже говорил Вам, профессор, что ряд солидных учреждений и военное ведомство дали мне добро на заключение договора с Вами. Я представляю здесь конкретные государственные структуры, а не каких-то посредников, - вставил вдруг Блудов, что смахивало на импровизацию. Видимо, он раскусил, что Монтгомери с Невиллом имеют денежной ясности меньше всех присутствующих.

- Именно наше ведомство не станет мелочиться, мистер Глаголев! Германия выше ценит подобные вещи, чем прочие державы и я – не «какой-то посредник», - весомо произнёс

Лемке, вскидывая брови и багровея лицом.

- У них нет больше кайзера, заметьте. Лишь держава, сохранившая монархический дух, как Япония, сможет оценить подобное достижение техники, - мрачно произнёс самурай.

- В отличие от всех них, любезнейший профессор, я знаю твёрдо какими цифрами я оперирую и могу назвать свою окончательную сумму хоть сейчас, но наедине с Вами, - хитро прищурился Скотобойников.

- Я готов Вас выслушать, - холодно ответил ему Глаголев.

Мне показалось, что в тусклых, безучастных глазах Вишневского блеснул недобрый огонь.

- Не нравится мне этот здоровенный русский торговец с размером обуви, как у журналиста-троцкиста Джорджа Оруэлла, – проворчал Невилл на ухо Камерону.

- Прошу прощение за опоздание, но я плохо знаю улицы Лондона, - услышали все голос человека, которого, было похоже, не знал никто, кроме Евгении. Это был высокий, стройный, сухопарый человек с породистым, флегматичным лицом и русским акцентом.

- Позвольте представить вам князя Родиона Илларионовича Бестужева, джентльмены, - произнесла Бельская, окидывая собрание ласковым взором. – Вы опоздали меньше, чем на четверть часа, князь. Будем считать это простительным.

Разговоры и споры продлились в том же русле. Князь сто-

ял совершенно равнодушный ко всему и, казалось, был безразличен и к объекту почти всеобщего внимания – самой Евгении. Он проявлял к ней интереса не более, чем, отстранённый от женских чар, Вишневский. Тогда я подумал, что князь, очевидно, не знает о причине собрания и был приглашён лишь как знакомый Бельской, находящийся в столице королевства. Именно так толковала мою просьбу Евгения, что было вполне логично для уголовного расследования. В конце концов, князь мог быть в неё влюблён, или же, по словам Смураго – она в него. Соответственно, он мог быть возмущён насилием Блетсуорси над ней, со всеми последствиями. Но человек этот никак не тянул на страстного рыцаря, готового на всё ради дамы сердца. В его облике чувствовалась опустошённость, доведшая его до безразличия ко всему. Он даже не замечал ревнивый взгляд тёмных глаз капитана Смураго, сверливших его профиль. Позже, из разговоров с Евгенией, я узнал, что предком князя был, обиженный Павлом Первым дворянин, для сына которого идеалом стал декабрист-радикал Пестель. Хотя Бестужев и имел отношение к тайной организации, в решающий момент он предпочёл отсидеться, и не выходил на Сенатскую площадь. Нынешний князь – масон. В том роковом Феврале он запятнал себя связью с думскими заговорщиками. Капитал свой князь вовремя, без сантиментов, перевёл во Францию. Ещё до войны… Невольно приходит на ум, что фамилия «Бестужев» происходит от архаичного слова от «бесстужий», означавше-

го «бестыжий». Так предавала высшая знать своего Государя… Но Евгения уверяла, что князь, будучи циником и атеистом, всё же может себе позволить помогать соотечественникам, попавшим в беду. Она знала о его благотворительности из первых уст. Бельская умалчивала о своих видах на брак с ним, но было ясно, что она к нему даже неравнодушна, не говоря о выгоде такого союза. Собрание заходило в тупик, и участники его поняли, что пора расходится. Последним, возле профессора, задержался Скотобойников, перекинувшись с ним парой слов. Видимо, он назвал Глаголеву цену, которую он готов заплатить, но инженер временил с утвердительным ответом. Брезгливая физиономия его, по-прежнему, выражала раздражение и презрение к окружающим.

- Жизнь прекрасна, джентльмены! – вдруг невозмутимо произнёс лейтенант. – Как насчёт five o'clock у полковых дам и concours hippique[277]?

Невилл поддержал его бодрым смехом. Очевидно, оба поняли, что проиграли, но не хотели ударять в грязь лицом на глазах у других.

В тот день у меня не выходило из головы еле заметное, но несвойственное Вишневскому вовсе, выражение недовольства, если не ненависти. Этот человек мог бы убрать самого профессора и присвоить все его секреты, если такое возможно. Но очень сомнительно, чтобы он поспешил с убий-

[277] Пятичасовой английский чай... конские состязания.

ством Блетсуорси. Лемке бы явно не сумел пролезть в окно, как и более крепкий, но уж слишком громоздкий купчина. Но толстосум бы мог нанять кого-либо, как и немец. Похоже, что Блудов, Алябьев и Бестужев не имеют отношение к убийству. На ястреба-Монтгомери, сохранившего довоенный патриотизм, как и на Невилла младшего вряд ли могла бы пасть тень. Но все мои подозрения в адрес самурая и немца, увы, оставались недоказуемыми, и я не видел пути устранения обвинений Камерона и меня самого, побывавшего в квартире убитого, признавшегося в этом. Чиновникам же от сыска, удобнее всего простейший ход обвинений…

- Я забрёл сюда по долгу службы, а Вы как здесь оказались князь? В этом зловонном месте, полном убогих, смердящих лавок? – удивлённо спрашивал Сиямура, неожиданно столкнувшийся с князем Бестужевым в грязной пивнушке.

- «... но слаще вкус желудей для меня... и свиньи лучше людей для меня и к стаду иду я вновь» - с чувством продекламировал, в ответ ему, князь, добавив. – Это - строки из «Блудного сына» Редьярда Киплинга. И я не мог ожидать Вас здесь встретить. Что может заставить оказаться в таком месте служащего посольства?

- По долгу службы случается и не такое. Но Вы, человек вольный…

- Обитатели Челси и Белгрейвии, действительно, побрезговали бы зайти в эти кварталы, но мне чужд британский

снобизм выпускника Колледжа Малборо, - улыбнулся князь.

Я сидел вполоборота к ним в двух шагах с фальшивой бородой за пинтой светлого эля с мускусным душком коровника. Единственное, что пришло мне в голову, чтобы ускорить развязку и скорее вернуться в Париж – это слежка за японцем. Появление князя вовсе не способствовало успешной слежке.

- Вижу, что это чёрное пиво Вам милее изысканных вин, князь, - усмехнулся японский барон.

- Это сладковатое пойло имеет поистине консистенцию киселя, - рассмеялся Бестужев, протягивая руку к синему кувшину. – Не спроста истинные британцы говорят, что континентальное пиво – одна вода. Не составите ли компанию, барон?

- С удовольствием. Нам, японцам, пиво гораздо ближе и понятнее вин.

Оба, с видимым удовольствием, приложились к кружкам, заедая пиво остывшей варёной картошкой и отбивными.

- Что ни говори, а неказистый Ист-Энд полон своеобразного очарования своей сомнительной публикой, наконец, грязью, - говорил князь. – Пусть это не Лестер-сквер, с его пошлыми увеселительными заведениями, но, после лоснящегося центра – олицетворения прогресса современности, с его вездесущей рекламой и амбициозным британским духом, только здесь и можно отдохнуть душой. Всё дело в том, что правительство могло бы сделать жизнь здешних обита-

телей гораздо сытнее – ведь не средние века на дворе. Но устранить бедность полностью пока ещё не способно никакое общество. От бедности же пристойной, могут пошатнутся устои. Безнравственные полунищие, пьющие, сквернословящие, не вызывающие симпатий, устанавливают власть…

- Согласен с Вами. Англичане уверяли меня, что все проститутки здесь не иначе, как француженки. В этом - вера обывателя в силу родимой англиканской веры, мол, мы не то, что эти чёртовы паписты. Но ведь достаточно зайти в Ист-Энд, и вы увидите даже малолетних шлюх – коренных англичанок, - добавил японец, недобро усмехнувшись.

- Один из моих знакомцев в Ист-Энде – потомок, так называемых, духов – английских дельцов позапрошлого столетия, которые крали детей, или дёшево их скупали в сильно обнищавших семьях, и продавали их в Америку на плантации в долговое рабство. Вскоре это запретили новым законом, но чиновников подкупали сплошь и рядом. Барыши приносило это дело огромные. Его отпрыск сумел приобрести себе фиктивную дворянскую родословную. Когда правнук духа случайно услышал, что я – русский принц, он вздумал вести себя со мной на равных. Впрочем, я прощаю ему многое. В детстве ему было непросто: мать его страдала странным психическим расстройством, превращавшим её порой, в опаснейшую фурию: она швыряла в ребёнка чем попало: била стекло – осколки доставались мальчику, брызгала в него кипятком… Забавные перипетии, не правда ли?

- Послушайте, князь, раз уж мы с Вами случайно встретились… - начал Сиямура доверительным тоном, - могу ли я Вас спросить…

- Право, не стесняйтесь, барон.

- Мне кажется, что Богданова-Бельская влюблена в Вас.

- Мне тоже, - неприятно хмыкнул Бестужев. – Только что мне до неё? Это её трудности.

- В таком случае, не поможете ли Вы мне завладеть этой женщиной?

- Вы поддались её чарам? Сочувствую.

- Я бы хотел увезти её в мою страну навсегда.

- Отчего бы не помочь? Мне она порядком надоела. Но что я могу сделать для Вас? Право, не представляю. Через границу Вас не пропустят с телом, замотанным в ковёр, уверяю.

- Этого и не требуется. Она будет следовать за мной как бы добровольно. Для этого понадобятся лишь некоторые лекарства.

- Понимаю. Но чем я могу быть полезен?

- Вы бы могли пригласить её в условное место на встречу. Если позову её я, она не придёт.

- Хорошо, договорились. Могу ли я попросить о встречной услуге?

- Разумеется.

- От Вас требуется, всего лишь на всего, добыть для меня чертежи профессора Глаголева.

- Вы меня удивляете, князь. Вы же прекрасно понимаете, что моё служебное задание заключается в этом. И только Япония будет владеть секретом сверхоружия.

- Всё очень просто, барон. Мне не нужно изобретение, как таковое, а лишь деньги за продажу его. Дела мои пошатнулись и меня вполне устроит оригинал чертежей, а Вы снимите копию – ведь для выполнения задания для Вас не важно – подлинник ли это, не так ли? Главное – преподнести секрет своему начальству.

- Вы ставите меня в щекотливое положение.

- А Вы – нет? Помочь в похищении дамы из хорошего общества, которая доверяет мне…

- Похоже, что мне придётся уступить Вам. Продолжим разговор на улице. Слишком много вокруг посторонних ушей, - сказал Сиямура.

Возможно, ему показалась подозрительной моя близость к их столу, или напряжённость моей позы. Теперь я не мог бы сразу последовать за ними. Но едва они вышли за двери, с улицы донёсся шум и крики. Я поспешил за ними. Пустые глаза, мрачно жующих вокруг, выражали полное безразличие к шуму с улицы. За дверью глазам моим предстало занятное зрелище расправы самурая над уличными хулиганами, которые, уж не знаю почему, привязались к японцу с его спутником. Кулаки Сиямуры работали с поразительной скоростью, и я подумал, что все мои, изрядно позабытые уже, познания в джиу-джицу не могли бы сравниться с его ис-

кусством. Молодчики бросились бежать. Их было не меньше пяти. Один из них, со скверно зашитой заячьей губой, распластался на булыжной мостовой без сознания. Я перевернул мой плащ подкладкой наружу, напялил драную шапчонку по уши, а также быстро смазал бороду краской, придав ей новый, рыжий оттенок и стал шататься, как изрядно опьяневший бродяга. Но продолжение беседы их мне так и не удалось подслушать.

Стало ясным одно: нам следовало дать японцу заманить Евгению в свои сети и, в последний момент, помешать ему. Для этого я всё рассказал ей самой, а также Смураго. Обдумав всё втроём, мы пришли к тому, что у нас появляется шанс перехвата чертежей инженера в ходе операции по спасению Евгении. Всё прошло гладко: через пару дней Кроуфордам позвонил Бестужев, пригласивший Бельскую на свидание. Она передала весь разговор нам. По её тону было очевидно, что она горит желанием отомстить коварному князю. Когда мы, переодетые в лондонских бродяг, вышли вслед за Евгенией, к нам неожиданно присоединился Алябьев. Оказалось, что она пригласила его нам в помощь. Смураго не скрывал своего недовольства, могущего оказаться для поручика оскорбительным, но, к счастью, до обид дело не дошло. Князь встретил Бельскую в парке в наступивших сумерках и предложил ей распить «знаменитый коньяк», извлекая из портфеля небольшую бутылку с походными ста-

канчиками, упакованными в кожаные ячейки. Бестужев говорил много и путанно о том, что сегодня особенный день и ему необходимо отметить эту дату. Стало ясным, что он подсыпал в напиток снотворное, или ещё какую худшую пакость. Вскоре появился японец, вышедший в начале тропинки в парк из мотоциклета с коляской. Мы задержали обоих, наведя на них оружие, которое раздобыл для нас Камерон. В ходе всего этого действа меня поразил вид нагана Алябьева, который полностью подходил под описание пули, выпущенной в Блетсуорси. В завершении операции произошёл нежелательный инцидент: Сиямура был тяжело ранен капитаном, поскольку он оказал сопротивление, выбив револьвер из рук поручика и готов был прыгнуть за живую изгородь, чтобы раствориться в наступающей темноте. Я принялся бинтовать рану японца. Пуля прошла сквозь его грудь, и он терял катастрофически много крови. Капитан ловко связал кисти князя за его спиной. Бестужев, с совершенно остекленевшим взглядом, не оказывал ни малейшего сопротивления. Евгения пыталась взглянуть ему в глаза, но голова его была опущена. Алябьев был поглощён своей рукой, тут же сильно опухшей, от профессионального удара самурая. Сначала мы обыскали одежду самурая, лежащего без сознания. Никаких чертежей мы в ней не обнаружили. Принося извинения, я обыскал портфель и карманы князя. В пиджаке его оказался пакет с плотно сложенными бумагами.

- Здесь - подлинники чертежей профессора от японского

агента? – спросил я князя.

- Конечно - нет. Где бы я их раздобыл по-Вашему? Это лишь плод моей фантазии. Когда-то я служил в артиллерии и способен начертить кое-что до сих пор, - ответил он голосом очнувшегося покойника.

- Так, он не передал Вам чертежи?

- Нет. Он обещал их передать здесь, в парке.

- Но их нет при нём…

- Надо посмотреть в мотоцикле, - предложил Смураго.

Но и там не оказалось никаких бумаг.

- Немудрено, - заметил князь, - коварный самурай хотел обмануть меня. Но как бы он получил чертежи? Я понял, что Глаголев и Вишневский разделили документы и надежно спрятали их в двух местах.

- Для чего Вы чертили поддельные схемы, князь? – строго спросил я Бестужева.

- Я хотел продать поддельные чертежи англичанам, а настоящие передать русским организациям, например, РОВС.

- И Вы думаете, что провели бы британского разведчика? Ведь и он кое-что должен понимать во всём этом?

- Я приложил все усилия. Мне необходимы деньги. Как видите, России я не нанёс ущерба. Но мне страшно неловко перед дамой…

- Вы называете это столь мягко: небольшая неловкость? Вы – подлец, князь! – воскликнула Евгения.

- Не будем судить столь строго, госпожа Богданова-Бель-

ская, - сказал я, - ведь князь собирался передать секреты сверхоружия русским.

Смураго отвёз Сиямуру на его мотоцикле в его гостиничный номер, заявив персоналу, что подобрал своего знакомого на улице. Просил вызвать срочно врача, а сам незаметно смылся. Я же поспешил проводить Евгению домой. Алябьев, естественно, присоединился к нам. Князю мы высказали полное презрение, оставив его одного в парке. Оказавшись в доме, я сразу пригласил поручика в свою комнату и прямо высказал ему свои подозрения. Нездорово-бледный цвет лица его сменился пунцовым, он начал всё рассказывать, заикаясь. Юноша понял, что загнан в угол. Я резко заявил, что он должен спасти всех нас от подозрения полиции, в том числе и свою возлюбленную. Алябьев нисколько не колебался и готов был попасть за решётку ради неё даже с охотой. Я добавил, что посидеть в тюрьме, но не слишком долго может оказаться очень полезным для человека, у которого, от избытка спиртного, уже трясутся руки. Чтобы кара оказалась не слишком суровой, надо было срочно идти в полицию с покаянием. В купе с преступлением на почве ревности, приговор не должен быть беспощадным, рассуждали мы вместе. Я предложил ему тут же позвонить инспектору Брентли, заявить о себе и договориться о встрече. Если не сам Брентли то его помощник должен был находиться в участке и поздно вечером. Разговор состоялся и утром

предстояла встреча властей с раскаявшимся преступником. Я обещал поручику сопровождать его. Мы попросили Камерона позволить Алябьеву заночевать в моей комнате на полу, но капитан настоял на том, чтобы ему постелили постель в крошечной комнатке, смежной с моей, служившей кладовой. Под конец, я спросил Алябьева, как он умудрился провезти наган через британскую границу? Оказалось, что он особенно и не прятал оружие. Револьвер лежал в самом заметном месте чемоданчика, а искали таможенники что-то запрятанное в глубине. Одна мысль не давала мне покоя: поручик клялся, что лакей Блетсуорси за ним не гнался и, что он его не убивал. Что-то не увязывалось: кто же тогда украл папоротники? Возможно, что и лакей… Среди ночи меня разбудили приглушённые голоса. Но говорившие были настолько возбуждены, что не отдавали себе отчёта в том, что могут быть легко услышаны, ведь они находились не в старинном замке, а за тонкими перегородками.

- Вам преждевременно сдаваться властям, поручик! Вы совсем не думаете обо мне! – доносился голос Евгении.

- Что Вы имеете в виду, о любовь моя? – с приглушённым страхом вопрошал Алябьев.

- Оскорбивший меня до глубины души продолжает сотрясать землю, как ни в чём ни бывало. Вы находите это нормальным?

- Скажите, что я могу сделать для Вас. Лишь одно слово и я готов на всё!

- Совершить возмездие за меня, за даму Вашего сердца, если угодно!

- О! Я был бы несказанно счастлив!

- Князь не должен больше жить на этом свете! Ce que femme veut, Dieu le veut - чего хочет женщина, того хочет Всевышний, – говорила ему Евгения со всей убедительностью.

«Вот же чертовка! – подумал я. – Какой эгоцентризм! Толкает человека на убийство, обрекает одного на смерть, а другого на заточение!»

- О, как я понимаю Вас! Он должен умереть и как можно скорее, конечно же!

Постепенно голоса стихли.

Утром Алябьев наотрез отказался идти в полицию, заявив, что сначала должен закончить срочное дело. Я сделал вид, что ничего не понимаю, но стал пугать его фактом, что если он нарушит договорённость и не сдастся властям сразу, то его начнут ловить и после этого не следует ждать поблажек. Мои аргументы не произвели на него должного впечатления. Перед самым выходом поручика на улицу, я изловчился и выкрал из его плаща тот самый наган. Похоже было, что рассеянный Модест Всеславович не замечал пропажи. В те же минуты я объявил Евгении в другой комнате, что стал невольным свидетелем их ночного разговора, а также о его опасном положении после первого преступления.

Она вспыхнула и посмотрела на меня так, будто готова влепить мне пощёчину, но, овладев собой, побежала за выходящим из дверей поручиком, чтобы остановить его. Раздался её требовательный окрик. Видимо Модест упёрся и упорно отказывался. Наконец, она втащила его назад в квартиру, как мальчишку и, буквально, поволокла за собой в комнату. В это время ко мне подошёл Камерон и сказал, что ему только что звонил Брентли. Инспектор поведал о том, что в своём гостиничном номере скончался гражданин Японии. Он был ранен, ему вызывали врача и тот вскоре ушёл, уверив администрацию в том, что он перевязал японца и скоро пришлёт карету скорой помощи. Когда же появились люди с носилками, оказалось, что японец вскрыл свои раны и быстро истёк кровью. Кроме того, полицейские обнаружили в канале всплывший труп лакея Блетсуорси. Было похоже, что он упал в воду, или ему помогли упасть, в месте, где было очень трудно выбраться на берег и, быстро наступившее переохлаждение, погубило его. Ран на теле не обнаружено. Инспектор хотел бы поговорить с нами. Я постучал в дверь комнаты Евгении, закрывшейся там с Модестом. Они открыли не сразу. Я предложил всем идти в полицию, в том числе и поручику. Когда мы явились к инспектору, то встретил он нас язвительным замечанием о том, что доставивший японца на его мотоцикле, по описанию служителей отеля, очень напоминает Смураго. Особенно сильным указанием на этот факт является описание акцента этого человека. Георгий сразу же

ответил, что это был он. Мы с ним рассказали всё случившееся без утайки, а потом слово взял Алябьев, покаявшийся тут же в своём преступлении. Он приложил свой наган, который я ему вернул перед входом к Брентли, как вещественное доказательство. Инспектор заявил, что снимает с нас всех ограничения по передвижению и требует взятия поручика под стражу. Как только Брентли вызвал своих подчинённых, Модест схватил со стола свой наган и, прежде чем кто-либо помешал ему, разрядил его себе в сердце. Умирая, он едва слышно произнёс, что получил ЕЁ поцелуй и этого достаточно. Его губы растянулись в подобии улыбки: «я умираю счастливым, любимая…» Все пребывали в скверном настроении. Каждому было, по-своему, жалко несчастного. В тот вечер Евгения не выходила к ужину, а утром глаза её были припухшими и красными. Мы с капитаном срочно заказали себе билеты на пароход через Ламанш. Скоро мы узнали, что сможем отправиться назад через день.

Утром Кроуфорду вновь позвонил инспектор. Камерон отзывался с явной неохотой – он уже никак не зависел от полиции не считал своим долгом быть любезным с человеком, унизившим его своими подозрениями. Но оказалось, что Брентли хотел бы лишь спросить совета у своего коллеги из России. Выяснилось, что позавчера на мосту Ватерлоо был убит из револьвера русский миллионер мистер Скотобойников, а вчера вечером, у выхода из Дома Восточной Ин-

дийской компании на Лиденхолл стрит, выстрелом из другого пистолета редкой модели, а затем и ножом – профессор Глаголев. Кроме того, из отдалённой провинции, по объявлению, данному инспектору, любители сообщили, что в их руки попали те самые редкие виды папоротников, которые всё же, были украдены. Всё это навалилось так неожиданно, что пришлось вновь пытаться обменять билеты на пароход. Вскоре мы сидели в кабинете инспектора и совместными усилиями пытались выстроить рабочую гипотезу. Когда мне показали нож, который был воткнут в печень профессора, я тут же вспомнил дело двадцатилетней давности, когда некий Вишневский, с изобретательностью маньяка, вершил одно за другим замысловатые преступления. Разглядывая странный нож, я узнал в нём сразу известную российскую старую марку с перламутровой рукоятью. Но на рукояти было нечто, вырезанное уже владельцем, а не фабрикой. Оно напоминало какой-то плод… «Яблоко? А не персик ли?» – подумал я, покручивая клинок пальцами. Ножом к телу профессора была приколота записка на совершенно никому не понятном языке. Можно было быть уверенным лишь в том, что язык этот европейский и основанный на латыни. Да и зачем было вонзать кинжал в тело после смертельной раны от пули? Я высказал свои подозрения в адрес мистера Вишневского – ассистента профессора. Брентли сразу же загорелся мыслью арестовать его, но где можно было бы найти этого человека мы не представляли. Тот номер телефона, который остав-

лял Глаголев Евгении, был проверен, но профессор с ассистентом уже покинули тот отель почти неделю назад. Следы их терялись в гигантском городе. Полиция могла оповестить пограничные пункты, оговорив имя и описание внешности подозреваемых, но это было не слишком явным решением вопроса. Камерон предложил всем передать таинственную записку знатоку архаичных языков – лорду Невиллу, а я заинтересовался делом настолько, что вызвался поехать в провинцию и переговорить с людьми, заявившими о появлении краденных папоротников. Уже к вечеру граф Сомерсет ответил Камерону, что это - олтремонтанский диалект южной Корсики – смесь итальянского и старо-французского. В записке было в витиеватых и весьма помпезных выражениях сказано, что правосудие свершилось. Старый граф получил истинное удовольствие от расшифровки письма и был признателен Кроуфорду за предоставленную возможность. Я лишний раз вспомнил того Вишневского и подумал, что это, скорее всего, его родственник: тот злоумышленник питал пристрастие к подобным же розыгрышам. Камерон также предупредил своего друга Мортимера, что, если помощник профессора обратиться к нему с предложением продать чертежи, следует сделать так, чтобы его задержала полиция. Было очевидно, что обращаться к Лемке с той же просьбой стало бы наивно. Но, скорее всего, Вишневский сообразит, если он похитил чертежи, что следует выходить именно на немца и в полной тайне от прочих. Но существуют ли эти чертежи

в принципе?

Когда я собирался в путь на юго-запад страны, Бельская уломала меня взять её с собой, поскольку нервы её были в полном расстройстве после самоубийства юноши на её глазах. Георгий отправлялся со мной, как обычно. Он просто хотел быть мне полезным, в случае чего. Узнав, что Евгения едет с нами, он был отнюдь не рад этому обстоятельству. Последнее время она вызывала у него всё больше отторжение.

- Настоящий биконсфильд[278] этот инспектор, – улыбнулся Смураго, когда мы сидели в купе поезда.

- В самом деле, - улыбнулся я, - как он ловко умудрился заставить нас помогать ему!

Евгения в разговоре не участвовала, видимо, демонстративно. Изменения в отношении к ней со стороны капитана бросались в глаза и угнетали её. Она рассеянно перелистывала журнал «Леди» с объявлениями о работе для дам. Я рассказал Смураго о том, другом, Вишневском. Капитан сильно удивился таким сходным почерком злодеяний. Он вспомнил вдруг историю о том, как в их полку, во время Гражданской, в Крыму, они вычислили красного шпиона. Он выдавал себя за офицера – рьяного монархиста, и, очевидно, им и был на самом деле когда-то. Но, заболев сильной инфлюэнцей, на-

[278] После Русско-турецкой войны 1877-78 г.г., от раздражения на неудачный для России мир, навязанный и заключённый усилиями лорда Биконсфилда-Дизраэли, отхожие места с водяным снабжением в России стали называть «биконсфильдами», или даже просто «англичанами».

верное – «испанкой», он выдал себя, начав бредить. Стало ясным, что он участвовал в массовых расстрелах матросов после подавления Кронштадтского восстания. Молодой человек приятной наружности предлагал пассажирам, иронично называемый ими «обед клерка»: белые булочки, с тонкими ломтиками чеддера и листьями зелёного салата, немножко копчёной рыбы с жаренным картофелем. Евгения позвала разносчика снеди весьма раздражённым тоном и попросила дать ей прохладительный напиток.

- Сию минуту, мэдэм, - бойко ответил юноша, который, едва остановив на ней взгляд, весь зарделся и потерял дар речи. Когда он подавал ей стакан, он позабыл о том, что следует взять деньги и ей пришлось остановить его, вручая несколько монет насильно. Этот инцидент слегка поднял её настроение.

От железнодорожной станции мы добирались на извозчике ещё мили три. Английская осень во всей красе предстала нашим взорам после лондонской серости. Погожий денёк особенно радовал: краснота и желтизна крон деревьев вдоль просёлочной колеи, отцветший вереск, буро-зелёные скошенные луговины. Вездесущие папоротники уже бурели и не тянули вверх изогнутые головки свежих побегов.

- Да здесь же сущий рай для одержимых папоротниковой манией, - рассмеялась Бельская.

Проехав милю-другую в полном молчании, грузный рыжий извозчик вдруг сказал:

- Вот вы, леди и джентльмены, вижу, городские. Иностранцы, к тому же. Вам и невдомёк, что места там дальше недобрые. Всякое там бывает. Честный христианина туда не заманишь. Ну да ладно – вам виднее. Мне -что? Моё дело вас довезти и поскорей назад.

- А что там случалось? От чего такие слухи недобрые? – спросила Евгения.

- Народ за пустошами там странный живёт. Вот и всё… Да что говорить… - на этом извозчик вновь умолк, и теперь уже до конца перегона. Пунцовая скверная кожа лица его невольно наводила на мысли о злоупотреблении крепкими напитками.

Лишь к вечеру мы стояли у, одиноко ютящегося в роще в миле от крошечной деревушки, аккуратного, но давно не видевшего ремонта, домика под крышей с, позеленевшей от мхов, черепицей. Нам отворила дама лет сорока с вполне характерной для истинных британок поджаростью и строгим викторианским взглядом тёмно-синих, глубоко посаженных, глаз. Евгения извинилась и кратко объяснила цель нашего визита – узнать кто именно и когда продал, или попытался продать в этом доме папоротники, оказавшиеся возможно, краденными. Из письма в полицию полной ясности нет, подчеркнула она. Хозяйка любезно пригласила нас войти и усадила в кресла, разбросанные по просторной гостиной со излишне закопчённым камином, старинными часами «в доми-

ке», превышающими рост человека, и множеством горшков с цветами на окнах. Ни единого папоротника я не заметил.

- Что же, постараюсь ответить на ваши вопросы, хотя и не знаю всего, о чём больше ведает мой супруг. Но он сейчас отлучился по делам службы, - сказала миссис Рут Харриэт Чейзвик, разогревая на плите чайник.

- Очень рада буду Вас выслушать, миссис Чейзвик, - улыбнулась Евгения.

- Мы много лет собираем папоротниковый гербарий и разводим папоротники. Здесь, в комнате, они растут хуже – слишком сухо для них. У нас есть в саду специальное место для них. Там посажены и те самые, которые нам принёс несколько дней назад тот странный человек и продал по сходной цене. Совершенно случайно мы нашли в «Морнинг Пост» обращение Скотленд-Ярда о том, что именно эти виды растений были похищены в ходе убийства почтенного человека в Лондоне. Кто бы мог подумать! Ведь тот, кто принёс папоротники, оставлял, в целом, впечатление порядочного человека… Нам неприятно слышать, что вор, обманувший наше доверие, - русский. Мы понимаем, что эмигрантам из России живётся здесь тяжело. Британские власти могли бы и лучше помогать бывшим союзникам, храбрым офицерам, которые спасли Францию ценой своей жизни, немало помогли и Англии в борьбе с германцами.

- Нам важно узнать, миссис Чейзвик, как выглядел этот человек, как он назвал себя, - вставил я.

- Начну с того, что он имел акцент, схожий с Вашим, сэр. То есть, очевидно, он тоже русский… - замялась Рут Харриэт. – Мне кажется, он не назвал своё имя, но лицо у него не заурядное, породистое.

- Это чрезвычайно существенное обстоятельство! Круг сразу сужается, – сказал я.

Далее Рут живо описала внешность этого человека и каждый из нас сразу же узнал в нём князя Бестужева. Мы знали, что князь нуждался в деньгах, очевидно промотав все свои накопления, но его участие в этом деле было для меня очень странной новостью и загоняло весь ход моих рассуждений в тупик: как могло совпасть похищение папоротников с убийством Блетсуорси в одну и ту же ночь? Как мог князь проникнуть в папоротниковую галерею в квартире, где спали, помимо жертвы Алябьева, горничная и лакей? Были ли знакомы князь и Алябьев? Я пристально посмотрел на Евгению и заметил, что она нервничает, то есть, не исключено, что ей известно больше, чем всем нам… В это время в дом вошёл муж Рут, представившийся мистером Джеймсом Чейзвиком. Супруга кратко обрисовала ему цель нашего посещения.

- Джим, ты нашёл, наконец, что давно ищешь? – спросила мужа миссис Чейзвик, не находившая себе места, с момента его появления.

- Нет, дорогая. Орхидей там нет. Впрочем, как я и ожидал.

Тут все мы заметили, что на мистере Чейзвике надеты высокие болотные сапоги, которые были весьма грязны.

- Прошу прощения за мой внешний вид, леди и джентльмены, - смущённо улыбнулся, скромный на вид, неприметный человек. – Но, если вы задались целью непременно найти неуловимую гэмпширскую орхидею, вам грозит слегка промочить ваш костюм в болотной жиже. Болота – это не милые вересковые пустоши севера. Но и они полны своего особого очарования – природа! Их огромные серые лопухи, которые здесь называют здесь «ревень Робина Гуда» чего только стоят! Скоро ОНИ высушат последнее болото Гэмпшира и лишат меня последней надежды… орхидей не останется вовсе… В «Дейли Мэйл» писали, что в скором времени хотят все болота осушить.

- Вы – ботаник и ищите какой-то особый вид орхидеи? – спросил Смураго.

- Я – всего лишь коллекционер-любитель. Поиском девичьего локона, то бишь гэмпширской орхидеи, обуреваемы многие умы Англии уже добрые полвека, а то и больше. Неизвестно даже, а сохранились ли они вообще в природе? Вот, в чём главный вопрос. Когда-то давно их рвали, где только находили, и, очевидно, истребили в большей части страны. Это всегда был редкий вид, во всяком случае, насколько мне известно – реликт наших островов. Пока приходится обходиться редкими папоротниками. Поэтому, мне было очень печально услышать о том, что мы приобрели ворованные растения и, возможно, нам придётся вернуть их, не успев насладится ими.

- Полагаю, что это не так: ведь владелец тех растений мёртв и никому в том доме они уже не нужны, - сказал я. – Но нам необходимо сверить списки ещё раз, посмотрев на, приобретённые вами, растения.

- Джимми, своди наших гостей в оранжерею, пока ты не разулся, - попросила его Рут. – тем временем, я приготовлю всем нам пудинг к чаю.

- Хорошо, дорогая, - добродушно улыбнулся Джеймс.

В теплице оказалась очень богатая коллекция папоротников и владелец её не преминул похвастаться, что до войны она бы стоила около пятидесяти тысяч фунтов, и ещё больше – в конце прошлого века.

- Времена меняются, джентльмены, и не в лучшую сторону, - мистер Чейзвик вздохнул.

- Вы, наверное, собирали такую коллекцию всю свою жизнь? – спросила Евгения.

- Почти… Но значительная часть папоротников досталась нам от, не так давно умершей, соседки – очень необычной дамы…

- Расскажите нам, пожалуйста – обожаю таинственные истории, - проворковала Евгения.

- Самое необычное в этой женщине было то, что никто не знал её истинного места обитания, - начал Джеймс. – Мэйбл Роуз была истинной, одержимой охотницей за папоротниками и, вопреки веянию времени, оставалась ею до самого своего конца. У неё был домишко, напоминающий скорее сарай

в соседней деревне, но там она постоянно не жила. Она удалялась каждый раз в сторону побережья, в пустоши. И, если кто-либо из деревенских парней и надумывал проследить её путь, чтобы разгадать тайну её пристанища, он непременно терял её след у скалистых берегов, где не было ни единой мызы, ни малейшего подобия жилья на многие мили! Бродил и я когда-то в том направлении, но видел там лишь пустой берег. Миссис Роуз буквально растворялась там, на пустом берегу…

- Она была, всенепременно, доброй феей, и не иначе! – воскликнула Евгения.

- Или же – злой колдуньей. Кто знает? – усмехнулся Джеймс Чейзвик. – Так вот, будучи уже весьма почтенных лет, эта загадочная женщина заболела и однажды, нашла в себе силы зайти к нам, чтобы предложить забрать её коллекцию папоротников, которая вся помещалась в особый ящик известной конструкции, бывший давно разработанным для разводящих эти растения. Для этого мне надо было приехать на подводе в оговорённые час и место - подле самой большой прибрежной скалы. Назад она удалилась с трудом передвигая ноги, но на мои настоятельные предложения проводить её до дома, категорически отказалась. Когда я подъехал туда утром, там стоял ящик, наполненный самыми изысканными видами папоротников. Самой же владелицы их нигде не было видно. С тех пор никто в деревне её не встречал.

- Поразительно! Как романтично! Это не для Ваших

ушей, Глеб Гордеевич, не для таких сухарей, как Вы, - сказала Бельская. Капитана она продолжала игнорировать всю поездку.

Мы с Георгием сосредоточенно проверили список похищенных растений, соотнесли с указанными Джеймсом – всё идеально совпадало: ошибки быть е могло.

- Джеми, зови гостей сюда! Пудинг готов! – раздался голос миссис Чейзвик.

После чая мы готовы были расстаться с неожиданно гостеприимными хозяевами, но те в один голос заявили, что мы не найдём сейчас, в темноте, никакого транспорта, а ближайшая гостиница находится не на той станции, а только на следующей, то есть – в два раза дальше.

- Вы можете идти туда пешком всю ночь, а потом ещё целое утро, поэтому не возражайте и оставайтесь ночевать у нас. – иного выхода нет. Да и бродить в этих краях не безопасно. Всякое случается. Шальные парни из деревни стреляют белок[279], например. Так и человека убьют за милу душу. Им ничего не стоит. Да что говорить, сам кантор[280] приходской нашей церкви в зверьков постреливает. Мы имеем достаточно комнат. Если Вы, - Рут строго посмотрела на капитана, - супруг миссис Бэлскайа, то мы можем постелить вам в

---

[279] В Англии белки считались вредителями до 1960-х г. Их стреляли, травили псами даже в пределах столицы.

[280] Кантор в протестантской церкви - дирижер хора и органист, а в синагоге - певец псалмов.

одной комнате. Иначе, мужчин мы уложим в одной комнате и даму во второй. Третьей, увы, не имеем.

Ей даже не пришло в голову, что я, старый хрыч, мог бы быть мужем этой юной красавицы, каковым намеревался стать Скотобойников, мир праху его.

Всю обратную дорогу в Лондон у меня не выходили из головы, вновь и вновь, задаваемые самому себе вопросы: неужели Алябьев договорился с князем о совместных действиях в доме Блетсуорси? Допустим, что они давно знакомы с князем. Но подобный замысел выглядит очень нелепо. Случайное совпадение – не менее странно. Мне следует поговорить с Бельской и потребовать от неё поведать больше о князе и его связях. Евгения, казалось, была поглощена размышлениями о загадочной Мэйбл Роуз, а Георгий погрузился в воспоминания о прошлом. В коляске извозчика и в купе стояла полная тишина. Лишь раз Смураго нарушил молчание:

- А зима-то выдалась ранняя. Смотрите – снег идёт.

Оказавшись в квартире Кроуфордов, я попросил разрешить мне позвонить по телефону инспектору и рассказал ему о полном совпадении списка похищенных папортников с приобретёнными семьёй Чейзвик. О явном соответствии описания внешности, продавшего папоротники, с князем я пока умолчал, но сказал, что имею кое-какие подозрения и попробую узнать немного больше в этом направлении. Ко-

гда я закончил, Брентли ошарашил меня новостью о том, что «ассистент профессора найден умерщвлённым под пытками в, покинутом германскими резидентами, доме… да, да, тот самый мистер Вишневский». Я подумал сразу, что скорее всего, этот человек пытался продать секрет самостоятельно, выйдя на Лемке с его пособниками, а те стали допрашивать его с пристрастием, где сам профессор, требовать вторую часть документов. Возможно, что им необходим был, согласно заданию, сам инженер, а не только описание изобретения. Личность Вишневского их не устраивала.

После этого я потребовал у Евгении «аудиенции» и надавил на неё. Она неохотно рассказала о том, что князь, действительно стал очень нуждаться, при том, что он привык жить на широкую ногу даже в эмиграции, а также содержал старушку-мать. Её рассказ был полон ненужных деталей, как то о старомодном обращении князя к престарелой матушке непременно на «Вы». Но я не возражал, надеясь найти какую-то зацепку в этих мелочах. Евгения высказала предположение, что Вишневский убил Скотобойникова, чтобы всё самому продать Лемке. Я согласился с логичностью её доводов, полностью совпадающих с моими предположениями.

- Но кто же убил самого Глаголева? Кому пришла в голову дикая идея с запиской на реликтовом наречии? – спросил я Бельскую.

- Очевидно – тому же Вишневскому Вольдемару Вольде-

маровичу. Кому же ещё, как не ему? Это очень даже свойственно его гиперболичным фантазиям. Очень странный тип… Но Скотленд-Ярд ведь должен быть способным провести анализ отпечатков пальцев на ноже, который я, судя по Вашему описанию, видела своими глазами у Вишневского.

- Не совсем уверен в этом, - отозвался я задумчиво, – ведь не в интересах Вольдемара столь явно указывать на свою причастность к убийству, каким бы позёром он не был. Лондонская полиция шутить с такими не станет. В любом случае, Вишневский мёртв, а немцы вовремя удрали, наверное, узнав, что профессор убит. Им больше нечего делать в Лондоне. Как, впрочем, и мне. Просто любопытно бы разгадать всю трагедию до конца. Мне кажется, Евгения Александровна, только Вы могли бы пролить свет на эти события, - я впился

взглядом в неё, пытаясь поймать её, ускользающий в сторону, взор. - Ведь Вы сказали до сих пор далеко не всё.

- Хорошо, Глеб Гордеевич, я расскажу Вам всё, что мне известно, - она покраснела немного и нервно извлекла длинную тонкую сигару, жадно прикуривая. – Вы – полковник РОВСа, и лишь потому я готова говорить начистоту. Я завладела подлинными чертежами профессора. Та часть, которую имел Вишневский не так существенна. Любой грамотный физик, имея основной документ, может воссоздать аппарат Глаголева. И я готова передать чертежи РОВСу безвозмездно. А именно Вам в руки, будучи уверенной в Вашей

полнейшей бескорыстности, - с этими словами, она полезла в сумочку, извлекая на свет рулон, запечатанный в кожаный футляр. – Забирайте. Я хотела нажиться на своём посредничестве до последнего, но устала от всей этой заварушки, от крови. Гадко и тошно от людской корысти, как и от своей собственной. Я владела сердцами и чем это кончилось? Милый, чистый юноша убил себя, а второй - честнейший офицер, от меня отвернулся… Я увлеклась знатным человеком и не только ради его титула, почти полюбила его, а он оказался гадким циником. Как всё это ужасно! Le beau monde[281]…

- Вы можете мне объяснить, как и почему князь оказался связанным с этими чёртовыми папоротниками? И какова связь их похищения с делом о сверхоружии?

- Хорошо. Я поведаю Вам всё по порядку. Скотобойников был мне отвратителен, как мужчина, и даже деньжищи его не могли меня соблазнить стать его наложницей. Но я продолжала игру с ним ради того, чтобы иметь шанс отдать изобретение в руки патриотов России. Ему было безразлично всё это, он хотел лишь завладеть мной, но условием этой сделки была передача чертежей неплатежеспособному РОВСу через мои руки. Эта партия в общей игре особенно утомляла и мучила меня. Очень досаждал британский угодник Блудов, как и все прочие английские посредники. В отличие от немцев, они ещё и имели виды на меня. Вся ситуация стала раздражать меня всё больше. Наконец, я решилась

[281] Этот прекрасный мир (фр.).

на интригу с Блудовым, поскольку этот тип однажды сделал мне предложение. Но он, в моих глазах – предатель своей державы и нации - не более, чем подлец. В тот момент, когда Скотобойников ещё не появился в Лондоне, мне показалось, что этот гадкий профессор вот-вот уступит немцам, или японцам. Тогда я, грешным делом, пообещала красавчику Блудову ночь со мной за обещание соблюдения моего интереса, то есть - исключения продажи секрета англичанам, но помощь в продаже его Скотобойникову. А там я надеялась затянуть дело, передать секрет РОВС и вовремя удрать от купца. Подлый офицер, позорящий честь Русской Императорской армии, обманул меня. Он посмеялся надо мной, после той проклятой ночи в его объятиях за деньги, подобно куртизанке. Это так взбесило меня, что я поклялась лишить его процента от сделки пусть даже ценой становления наложницей, оплывшего жиром, купчика. С тех пор, я старалась для Скотобойникова, вовремя вызвав его в Лондон, обрабатывая и профессора. Блудов очень злился, но не мог ничего поделать. Мой роман с князем, казалось бы, почти завершился ещё в Париже. Мне показалось, что он недостаточно заинтересован в развитии отношений. Вдруг он появился в Англии и разыскал меня. Князь был давно знаком с бедным Модестом, и я их вновь свела здесь. Кстати, вполне случайно. Бестужев вполне откровенно жаловался мне на свой финансовый кризис. Зная о былой папоротниковой лихорадке, но не осознав, что она завершилась, я, больше в шутку, по-

советовала князю отыскать самый редкий вид папоротника и сделать на этом деньги. В моих словах прозвучал некий вызов, и князь принял его. Откуда-то, не исключаю, что в результате знакомства с сыном коллекционера – лорда Невилла, он узнал о ботанической коллекции Блетсуорси и, по-моему, подговорил того самого злополучного лакея, который недолюбливал своего хозяина, выкрасть растения. Возможно, Алябьев откровенничал с князем и тот знал о его планах убийства Блетсуорси, оскорбившего, в глазах славного поручика, мою честь… О, мне больно говорить об этом! О милом Модесте… Он такой наивный! У него была острая потребность довериться кому-то. Поэтому, князь подстроил похищение в ту же ночь – как бы проще, когда в квартире одним человеком меньше. Вдруг Бестужев сказал мне о том, что намерен перепродать, как он выразился, коллекцию папоротников, мол, не могу ли я свести его с интересующимися людьми, но подальше от Лондона. Я могла лишь посоветовать ему обратиться к Невиллу старшему.

- То есть, князь совершил убийство? Ненавязчиво столкнул лакея в ледяную воду?

- Скорее всего… Князь постепенно, всё больше вникал в интригу со сверхоружием и попытал счастья и в ней, сговорившись с японцем. Как потом выяснилось жертвой сговора должна была стать я. Как Вы понимаете, князь глубоко мерзок мне. На Вашем месте, я бы заявила в полицию, что описание его внешности, в сочетании с акцентом, идеально

подходят. Место такому человеку за решёткой. Кажется, я сказала Вам всё…

- По-моему, князь несёт наказание за свои грехи ощущением своего собственного падения. Такое наказание может быть мучительнее любой смерти. Вы так не думаете?

- Да… Вы правы…

- Так, кто же устранил Глаголева? Он был убит из другого оружия, нежели Скотобойников. Уж не Вы ли, дорогая Евгения Александровна, сделали это?

- Мне нечего скрывать. Я уверена в том, что Вы не отдадите меня слугам закона. Да, я умертвила этого страшного обманщика, всадив ему пулю в череп, а потом использовала кинжал Вишневского, чтобы и этому мерзавцу досталось, при случае.

- Откуда Вы владеете корсиканским диалектом, позвольте спросить?

- Случайно встретила эти фразы в одной исторической книге. Они мне понравились, перекликаются с известными мне современными языками.

- Если Вы совершили всё это ради России, то Вы достойны лишь преклонения, - заметил я, немного сомневаясь в искренности этой странной особы. – И это несмотря на то, что с позиции британской законности, Вы – преступница сами и причастны косвенно ещё и к убийству Блетсуорси, и японца. Из шести убийств, с Вашим именем связаны три… Точнее – четыре, если учесть и самоубийтсво… Если вспомнить

о Растиньяке, то – пять из семи убийств! Но, если учесть и Ковальского… Итого – девять смертей за эту осень… Но, на мой взгляд, бескорыстная передача секретных документов в руки российских патриотов перечёркивает все прочие грехи. Но с позиции православного священника, пожалуй, они не снимаются и Вам надлежит долго каяться в содеянном. К Вашему счастью, я не имею сана.

- Не имею возражений и чувствую желание исповедоваться. Но самый гадкий грех, совершённый мною в эти дни – неумение удержать юношу от пагубного шага… невнимание к этой, неуклонно надвигающейся, беде, которую мне следовало предвидеть, хоть немного зная его. Это хуже пролития крови подлого продажного изобретателя. А виной тому мой другой непростительный грех с Блудовым, после которого я не могла ни о чём ином сосредоточенно думать. Что может быть с человеком, носящим такую фамилию, кроме блуда?

Когда билеты на пароход были у нас на руках и оставался последний вечер, мы с Камероном, Георгием и Евгенией пошли прогуляться напоследок по городу. Возвращаясь домой уже в темноте, мы срезали путь через тёмные пустые переулки. Вдруг пред нами возникли чьи-то тени.

- Они не свои. И говорят с акцентом, - пробасил крепко сложенный молодой человек с бычьей шеей. – Белые воротнички, поди.

- И не таффи[282] даже. Ирландцы? – спросил его другой, помельче.

- Да какие ирландцы! Лягушатники они паршивые. Бей их, ребята! – крикнули ещё двое, подкравшихся сзади.

В ходе потасовки стало ясным, что Смураго не способен грамотно махать кулаками, но лишь шашкой, которой у него давно не стало, но Камерон немного владел боксом, а я, поднапрягшись, вспомнил джиу-джитсу. Во всяком случае, все мы вели себя достойно, плотно обступив нашу даму и не подпуская хулиганов к ней ни на шаг. Больше всех досталось Георгию, который пропустил немало ударов громилы, молотившего своими кулачищами, как кузнечным молотом. (Могу понять его угнетённое состояние в последующие дни – честь офицера была болезненно задета!) Поняв, что нас им легко не одолеть, шпана бросилась врассыпную. По пути до дома я высказал предположение, что эти молодчики куплены Лемке, который всё ещё хоронится в Лондоне, или Блудовым. Прочие согласились со мной: уж слишком вяло, без должного хулиганского куража, вели себя эти парни. Евгения рассыпалась в комплиментах героической самоотверженности Камерона и моей, но совершенно не замечала Георгия. Поздно вечером, к своему удивлению, я заметил, что входная дверь захлопнулась за Бельской. Эта загадочная

---

[282] Белый воротничок – презрительная кличка, данная пролетариатом клеркам и прочим служащим. Таффи - старинное прозвище уэльсцев, бытующее среди англичан.

женщина не побоялась выйти в ночь одна после случившегося! Камерон долго мерил шагами гостиную своего дома и, наконец, посетовал, что не может спать последнее время. Я посоветовал ему выпить холодной воды перед сном, но заметил, что и мне плохо спится. Тогда он порекомендовал мне модную методику самовнушения Куэ. На этом мы разошлись по своим комнатам.

На утро мы тепло распрощались с Камероном и его матерью. На прощание он передал мне слова Конан Дойла о неплохой возможности для меня присоединиться к экспедиции Фосетта, которая тоже отправляется в Южную Америку. Я хорошо запомнил это, но подумал тогда, что всё это останется лишь мечтой. Когда мы с капитаном и Бельской покидали Лондон с его противным, посеревшим от чёрной копоти, снегом, всем нам хотелось поскорее унести ноги из этого города, вездесущая сажа из угольных печей которого, смешивающаяся с туманом, порождала копоть. Сия неистребимая субстанция успешно проникала и замочные скважины. Лондонцы неспроста закрывали их металлическими пластинками. На судне я раскрыл утренний номер «Таймс» и что-то подтолкнуло меня обратиться к странице с криминальными сводками. Помимо сообщения о том, что в Булонском лесу найдены расчленённые трупы и прогулки становится всё опаснее для парижанам, мне сразу же бросилась в глаза заметка об убийстве русского штабс-капитана Алек-

сандра Блудова. Заметка преподносилась в обычной манере: «русские продолжают сводить счёты с русскими, что усиливает хаос в нашей стране». Было оговорено, что он убит из того же оружия, что и профессор Глаголев. Я пристально посмотрел на Евгению, которая почувствовала мой взгляд и подняла папоротниковые очи, откинув свой номер газеты, раскрытый на той же странице. Мы хорошо поняли друг друга, и я продолжил чтение, не уставая удивляться разрушительной энергии этой дамы. А всего – десять смертей за пару недель, считая самоубийство… Но мистеру Блюдоу поделом. Его, скорее всего, следовало отдать под трибунал ещё в годы Германской. Из всех жалко лишь одного поручика… Но какова мадемуазель Бельская! Ничто человеческое ей не чуждо даже убийство... Оно, пожалуй, наиболее человеческое из всех преступлений. Разве каждый из нас не подумывал хоть раз в жизни о том, чтобы отправить кого-либо ad patres? Удержал нас лишь страх пред возмездием правосудия ли, Господня ли, или угрызениями совести. К вечеру я столкнулся с Евгенией в узком коридоре и хотел, по привычке, отделаться учтивым кивком, но она бросила мне со скрытым вызовом: «c'est trop misere, et surtout c'est si banal[283]». За таинственной многозначительностью свой фразы она, возможно, скрывала свои сомнения, или даже раскаяние в содеянном.

[283] Это слишком мелко, а главное – это так банально (фр.).

По возвращению в Париж, первым делом, я передал чертежи Глаголева специалистам из РОВС, которые привлекли физиков со стороны. Заключение было беспощадным: Глаголев оказался шарлатаном, и скорее всего даже не профессором, ибо весь этот документ был полон ошибок сразу заметных профессионалу, но мог легко пустить пыль в глаза дилетанта. Всего этого я вполне ожидал с самого начала авантюры. Госпожа Богданова-Бельская сильно расстроилась, сокрушаясь видимо, бесцельностью своего преступления, но я постарался успокоить её, заметив, что она освободила мир от наглого мошенника, что вполне достойно похвалы с точки зрения сотрудника сыска.

В Париже я с горечью узнал о том, что в октябре, над Средиземным морем, раздалась последняя команда «На флаг и гюйс» и спустя одну минуту – «Флаг и гюйс спустить». В гробовой тишине, как мне рассказали очевидцы, спускались флаги с крестом Святого Андрея Первозванного, символом былой, почти четверть-тысячелетней славы и величия России. С этого момента была ограничена и деятельность Морского корпуса. Был выпущен последний курс гардемарин. Преподаватели и выпускники прощались, и Бизерта - последний русский островок жизни в Тунисе, перестал существовать. Но, и после исчезновения эскадры, продолжает теплиться жизнь наших военных эмигрантов в Северной Африке. Некоторые из морских чинов вступили в Иностран-

ный легион… Ещё узнал я о назревающих событиях в Албании, король которой, Зогу Первый, решил начать вооружённое сопротивление епископу Фаноли, сочувствующему коммунистам. Советская миссия во главе с Краковецким получила инструкции «по разжиганию пламени перманентной революции» на всей территории Албании. Русские офицеры-монархисты были полны энергии помочь королю[284]. До поездки успел я участвовать на встрече офицеров РОВС с лидером союза «Молодая Россия» Казем-Беком – бывшим церковным журналистом и богословом. Союз возник уже год назад в Мюнхене, на «Всеобщем съезде национально мыслящей русской молодёжи». Александр Львович Казем-Бек произвёл на меня двойственное впечатление. Тот факт, что он поддерживал кандидатуру Кирилла Владимировича на Престол, уже отворачивал меня от него. Казем-Бек отчаянно доказывал нам, что крестьянство есть основа неомонархического движения, а потому следует обратиться лицом к деревне. Кое-кто из РОВС отпускал шутки в адрес Казем-Бека вроде «Подобное евразийство родилось в оскорблённом самолюбии русского интеллигента, нарядившегося в бухарский халат, но не могущего спрятать его красной подкладки». (На полях тетради было позже приписано: «Год спустя эта организация была переименована в «Союз младорос-

[284] Русский отряд генерал-майора Миклашевского имел пулемётную команду и артиллерийскую батарею. К концу 1926 года отряды добровольцев-монархистов без труда занимали города, выпускали всех противников режима епископа из тюрем. Сторонники Фаноли спешили сдаваться.

сов», ставшим эмигрантским русским националистическим движением до Второй Мировой». Эмиграция не охотно поддерживала движение младороссов, которое открыто контактировало с советскими властями. Но плодились отделения «Младоросский студенческий союз, Молодёжный спортивный союз, Казачий центр младороссов, Женский союз содействия младоросскому движению, Ассоциация русских ассирийцев». Формой младороссов стали синие рубашки, что навевало на мысли о коричневых, поскольку приветствие младороссами лидера сопровождалось вскидыванием правой руки и возгласом в честь вождя: «Глава, Глава!» Но в ходе войны младороссы воевали на стороне Франции и участвовали в движении Сопротивления. В 1942 году Казем-Бек объявил о роспуске партии младороссов. Сам по себе принцип объединения консерватизма и революционности не вызывал моего доверия никогда, хотя их мысль о мировой «революции Духа», и торжества её над господством материалистических ценностей мне импонировала. Русскому национализму они придавали мессианское значение. Идеалом государственного устройства они сочли идеократическую самодержавную монархию. Но образец русского самодержца они видели в «царе-труженике» Петре, а по-моему, царь-столяр – полностью несостоятелен, ибо добросовестному самодержцу не хватает времени заниматься своим, чисто царским делом. Младороссы видели преимущество Советского принципа перед парламентским, поскольку первый предполагал

многоступенчатые выборы представителей. Предполагалась некая «социальная монархия, неомонархизм как союз советов и царя в форме органического государства», способного якобы обеспечить социальную справедливость. Будущая «Союзная Российская империя» должна была стать централизованной федерацией национальных образований. Советы Казем-Бек считал надклассовой организацией управления. Вся страна теперь должна иметь один класс. После войны Казем-Бек вернулся в СССР, работал в «Журнале Московской патриархии», отказавшись от принципов монархизма».)

- Сыны Альбиона, как я поняла, любят описывать важнейшие вещи так, словно им не ведома просвещающая сила упорядоченного рассуждения, - сказала моя любимая жена после моих рассказов о Лондоне. - Узнанное из различных источников неизбежно смешивается, и мы уже не в силах их разделить. Оттуда и вся историческая путаница.

В те дни я распрощался довольно тепло с Бельской и больше я её никогда не видел. Смураго не пожелал встречаться с ней, как и она с ним. Читая эти мои строки, моя дорогая жена начала подтрунивать надо мной, мол, с тех пор, я не нахожу себе места и мысли о Евгении мучают меня. Конечно же, всё это вздор и образ Бельской давно покрыт в моей памяти слоем пыли. Когда я расставался с семьёй, надеясь встретить её скоро в Латинской Америке, или же вернуться

сюда, Ф заметила, что ей было бы, вероятно, больше по душе поехать туда. «Уж слишком унизительно нам жить в Европе, отвернувшейся от нас, предавшей память о нашем Царе» - сказала она».

Антон Охотин оторвал уставшие глаза от рукописи прадеда. Он был под сильным впечатлением.

9. Бросок в неизведанное

Гелиевый лес «...это мир, где человек чувствует себя пришельцем, где он чувствует себя подавленным созерцанием вечных сил природы»

А. Р. Уоллес

Оставалось дочитать описание путешествия прадеда за океан, с чего и начиналось их с братом и сестрой, волей судеб, появление на свет в западном полушарии, вместо более подобающего места.

«Смураго всё время проводил на палубе, всматриваясь в морские дали. И не важно: обдувал ли судно ледяной ветер, как при отправке из Европы, или изнуряло светило в полосе экваториальных вод, капитан императорской службы воображал себя полярным исследователем, главарём карибских флибустьеров, или же сокрушался по госпоже Богдановой-Бельской, продолжая что-то высматривать на горизонте. Ксаверий Павлович Старогородский порой немного до-

нимал меня философствованием, но оставался милым, добрым человеком, который связывает меня с прошлой жизнью, с Россией. Вскоре выяснилось, что с нами на борту, но в отделении четвёртого класса, плывут кубанские казаки, целыми семьями покидающие негостеприимную Европу[285]. Если в нашей каюте второго класса было не слишком просторно, то скученность в недрах парохода пассажиров третьего класса вызывала искреннее сочувствие. В глубине чрева парохода, изнывая от шума и смрада двигателя, ютился четвёртый класс, забивая каюты, как сельди в бочке. В каютах первого класса имелся даже водопровод, а иллюминаторы позволяли насладиться морским бризом. В зной там работали и электрические вентиляторы. Десяток стюардов в накрахмаленной белоснежной форме сновали по коридорам с подносами, уставленными яствами для пассажиров первого класса. Перед отплытием, я приобрёл свежий номер «Таймс», где, с удивлением, прочёл, что сэр Персивал Харрисон Фо-

[285] Председатель РОВС генерал Миллер в 1930 г. прибыл из Парижа в Белград к терским казакам и в Кральево – к кубанским, чтобы обсудить их предложения по массовому переселению. Группа джигитов-кубанцев тогда была в турне по Венгрии. Почти все кубанские казаки к 1930 г. покидали Европу, надеясь найти счастье в Перу. Если поначалу оттуда шли в Европу радостные письма, зовущие своих, то вскоре наступило разочарование. Казаки были вынуждены работать по прокладке дорог в горах выше 4000 м и болели повально, ссорились до драк. Потом резко переселились во влажные низменности и к высотной болезни добавилась малярия. Тогда возникла мысль, что им лучше уехать в Канаду, где есть близкие по вере и духу люди.

сетт вчера, наконец, отбыл из Нью-Йорка[286] в Рио-де-Жанейро. Судя по интервью, приводимом в газете, Фосетт вполне благожелательно относился к шумихе вокруг его экспедиции, но явно был весьма сдержан в своих ответах. Перед отплытием знаменитый путешественник написал Королевскому Географическому обществу: «Я не могу сообщить всё, что знаю, или даже точно указать место, поскольку такие подробности имеют обыкновение просачиваться наружу, между тем для первопроходца не может быть ничего обиднее, как обнаружить, что венец его трудов перехватил кто-то другой». Кроме того, Фосетт опасался, что если он разгласит детали маршрута, то позже другие попытаются найти его город-Z, или же отправится спасать его самого, что может погубить немало жизней[287]. Недавно, уверял репортёр, в этом районе пропала экспедиция из тысячи четырехсот вооружённых людей! Его экспедиция, как подчёркивает сам Фосетт, «не будет комфортно обставленным предприятием, обслуживаемым целой армией носильщиков, проводников и вьючных животных. Такие громоздкие отряды никуда не годят-

---

[286] Цель пребывания путешественника в Нью-Йорке была поддержка его «Североамериканским газетным союзом», который оказал существенную финансовую поддержку его замысла и приобрёл право на все данные о результатах экспедиции.

[287] В течение XX в. около ста человек погибли или пропали без вести, пытаясь найти Фосетта в джунглях. Исчезновение Фосеттов породило больше поисковых экспедиций, чем за несколько веков раньше для поисков легендарного Эльдорадо. Фосетт сделал всё для того, чтобы его маршрут было практически невозможно проследить.

ся, обычно они не идут дальше границ цивилизованного мира… Нам придётся достичь стойкости нервной, душевной, а также физической, так как люди, оказавшиеся в подобных условиях, зачастую ломаются из-за того, что дух предаёт их раньше, чем тело». Цель экспедиции Фосетта, заявляло агентство - проникновение в страну, из которой никто ещё не возвращался[288]. Репортаж завершался на оптимистической ноте: «Если мистер Бингем мог открыть почти пятнадцать лет назад руины Мачу-Пикчу, то почему бы самому опытному исследователю Южной Америки, не добиться успеха с поисками его заветного города-Z?» Из огромного бразильского портового города Фосетту предстояло проследовать по железной дороге до городка Корумбы на реке Паране, откуда проплыть до Кьябы в её верховьях и начать пешее путешествие. Честно говоря, мне было бы приятнее, если бы Кутепов направил меня примкнуть к Фосетту, чтобы русские прославили своё имя в стирании белых пятен. Слишком уж разуверился я в возможности изменить что-либо в России. Но я понимал, что британский путешественник такое вряд ли одобрит. В тот миг у меня зародилась дерзкая

---

[288] Британская пресса ухватилась за достижения Фосетта, поднимая его на щит в качестве идеального противовеса общенациональной послевоенной неврастении и безволию. В одной из газет провозглашалось: «Соблазн непознанных краёв не утратил своей власти над людьми бесстрашными и изобретательными - тем характером, который столь замечательно воплощает собой майор Фосетт»… «Вот истинный скаут, примеру которого вы должны следовать! Он отбрасывает всякие мысли о собственной безопасности и комфорте, чтобы выполнять долг…»

мысль проплыть по реке немного выше Парагвая – до Корумбы – бывшей Албукерки, и попытаться там встретить экспедицию Фосетта, чтобы немного соприкоснуться с духом первооткрывателей на фронтере – границе цивилизованного мира. Вдохновляли и мысли о том, что в этих краях, столетие назад, побывала первая российская экспедиция. Два её отряда – Лангсдорфа и Риделя спускались о Кьябы по Тапажос и Мараньон. Потом бы я вернулся в Асунсьон – столицу Парагвая, чтобы встретиться с генералом Беляевым. Смурого мог бы начать переговоры до меня. Моя самовольная отлучка заняла бы дней десять – не больше.

- Вы не начали ещё сожалеть о принятом решении пересечь океан? – спросил я как-то Ксаверия Павловича, изнывающего от томящего зноя в полный штиль на экваторе.

- Далековато, конечно. Но в принципе, это же ничем это хуже того, чем если наши кости лягут на Сент-Женевьев-де-Буа, - сострил Старогородский в ответ и печально добавил. – Разве не остаётся нам, русским, на этом свете лишь одно - нравственное самоистязание. Оно становится нашим уделом, будь мы хоть в Сербии, хоть в Австралии. Скорбь по утраченному душевному комфорту, по вере отцов.

Пересекая океан, мы с ним зачитывались последними романами генерала Краснова, которые брали за душу, теребили незажившие её раны. О самом Краснове я знал немного. Лишь то, что он сейчас связан с Великим князем Никола-

ем Николаевичем, с РОВС, а также заправляет в «Братстве Русской Правды». Мои слова подстегнули Старогородского к дальнейшим рассуждениям:

- Взять того же Георгия Карловича Старка – славного потомка старинного шотландского рода на русской службе… Участник Цусимы… К семнадцатому году в чине контр-адмирала и, конечно же, уволен… Хорошо ещё – не расстрелян и не утоплен – повезло – дело случая. На Каме и Белой был началом Колчака и сражался в рядах каппелевцев. Еле выжил от тифа - по льду Байкала его уже несли на руках – в полном беспамятстве. Долго выздоравливал в Харбине. По просьбе правительства Приморской области возглавил Сибирскую флотилию. В октябре 1922-го он увёл из Владивостока в Корею часть флотилии с беженцами. Не так всё шло гладко… Дальше были Китай, Вьетнам, Филиппины. В Шанхае кадеты высадились на берег, но русским судам было отказано во всём, даже в пресной воде! Контр-адмирал добрался до Парижа, где представил полный финансовый отчёт и военно-политический доклад Николаю Николаевичу! Какое обострённое чувство долга! В Париже Старк вынужден работать водителем такси. Этим сказано всё…

Так, несколько витиевато, Старогородский подвёл к расширенному ответу на мой вопрос.

- А Вы всё продолжаете учить испанский? – спросил меня Ксаверий.

- Конечно, приходится. Но возраст даёт о себе знать – ма-

ло что остаётся в голове... В молодости английский легко давался, хотя основательно учить его я так и не взялся. Не хватало времени: служба. В французский же, не желал углубляться из принципа. Не хотелось уподобляться офранцузившемуся, и отошедшему от народа своего, дворянству.

- Я Вас хорошо понимаю. Французский мой тоже остался в зачаточном состоянии, а вот за латынь, по молодости, я взялся основательно, - улыбнулся Ксаверий. – Это немного упрощает нынешнее погружение в испанский.

Из дымного, суетного Буэнос-Айреса мне захотелось убраться как можно скорее. Некоторые уверяли, что эта столица напоминает былую Золотоглавую больше городов Европы своими, бурно живущими энергией тысяч прихожан, католическими соборами и звоном колоколов, но у меня всё это вызывало противоречивые чувства. Ни наше временное пристанище – убогая гостиница на углу Митре и Сан-Лоренсо, ни местная архитектура даже с испанским барокко в сторону проспекта Лусеро, ни вид грязного залива не вызвали у меня приятных чувств. Смураго пребывал в этом городе в покаянном настроении и, в один из вечеров, обратился ко мне с неожиданно длинной речью:

– То убийство поляка, которое я совершил – не единственное, увы. Рядом с Вами, Глеб Гордеевич, дважды убийца, если не считать обыкновенные дуэли, военные действия и стычку с Сиямурой. Если поляка я вынудил к поединку, то с другим подлецом я расправился, как с бешенным псом. Я

знал его по Германской. Это был ничем неприметный поручик. Потом я встретил его в Париже. Откуда он взялся – никто не знал. То было ещё осенью двадцать первого. Случайно мы поговорили по душам, и он предложил мне снимать комнату на двоих по сходной цене. Рассказывал, что сражался в армии Колчака… Но, в ходе резкого похолодания, он схватил воспаление лёгких, и, в бреду, выдал такие подробности подавления мятежа в Кронштадте, что стало ясным – он участвовал там в числе карателей и не самого последнего ранга. Когда ему полегчало, я строго спросил его об этом, и он признался, что есть такой грех, мол, но потом он бежал от красных. Я не мог его больше видеть и нашёл себе другую лачугу. Но потом я точно узнал, что этот тип сделал и деньги на Кронштадтском мятеже, на крови более честной части матросов, в пролитии которой он принимал деятельное участие, как комиссар. Не только карьеру большевистского комиссара, но и деньги! Дело в том, что в ходе Кронштадского восстания все биржи Западной Европы тут же подняли котировку русских ценных бумаг и николаевская ста-рублёвка, и колокольчики и думские вновь стали иметь цену.

- Это точно… Спекулянты подальновиднее скупали их у наших ещё в Галлиполи за гроши, - вставил я.

- Этот негодяй приобретал их у входа на завод «Рено», куда приходили сотни наших эмигрантов в надежде на хотя бы на подённую работёнку. Я подстерёг его в парке и бросил эти обвинения ему в лицо. Он попытался сделать тот же ход –

слезливо покаяться в грехах, но я был непримирим и требовал, чтобы он пустил себе пулю в лоб, или сразился со мной. Я протянул ему револьвер, а он попытался тут же выстрелить в меня. Как же! Жалко расставаться с нажитыми тысячами франков! Но я предвидел неожиданности и выстрелил первым – на секунду раньше.

- С моей точки зрения, как бывшего блюстителя закона, Вы лишь свершили правосудие и напрасно укоряете этим себя. Я – не священник… Мне думается, что Ваши частые дуэли в молодости уносили жизни достойных людей не раз, и об этом следовало бы сожалеть. Во имя чего, кроме как гордыни, звучали эти выстрелы?

- Не могу с Вами не согласиться, - понурившись, отвечал Георгий.

До аргентинского речного порта Резистенсиа наш пароход шёл по реке Парана девять дней. Сначала ландшафты были весьма тоскливыми – плоскими и густонаселёнными с западного берега. Потом начались бесконечные разливы, болота и кампосы - степи. Тоску пассажиров скрашивала, а для кого и усиливала трескучая пианола с её, щемящими душу, звуками. Ходивший по рукам пассажиров, изрядно потрёпанный номер «Космополитена» рекламировал двенадцатицентовые банки «Томатного супа Кэмпбелла» и призывы американской телефонно-телеграфной компании: «Зачем говорить через стенку, когда можно говорить через весь

континент!» Соседи по пароходу были не менее скучные сытые обыватели-аргентинцы, или же мрачноватые, молчаливые переселенцы, ищущие лучшую жизнь на диком севере. Многие из них буквально не вылезали из-под своих тольдет[289] всю дорогу. Единственный католический миссионер на пароходе поведал мне однажды, что индейцы, как дети малые требуют зримой и ощутимой помощи от Бога, к тому же – немедленно! Это взаимонепонимание больше всего угнетало его, мешало работать. Однажды, в звёздную полночь, я стоял на палубе, задрав голову, наслаждаясь, как я полагал, Южным крестом. Он казался мне чуть ли не православным с еле заметной перекладиной ближе к основанию, навевающей мысли о повергнутом полумесяце. Какого же было моё разочарование, когда миссионер сказал мне, что я смотрю вовсе не на Южный крест, который на деле оказался гораздо более мелким созвездием, на мой взгляд крест вообще мало напоминающим… Перед самым отплытием капитан Смураго зашёл в дешёвую цирюльню и остригся накоротко, о чём вскоре пожалел, оказавшись среди комариных пойменных озёр. Я оказался благоразумнее и даже не укоротил бороду. Дальше следовало слияние с рекой Парагвай и граница с Парагваем-государством. Оттуда мы шли ещё три дня до Асуньсьона, где я распрощался с друзьями и пересел на небольшой пароходик до Корумбы. Георгий и Ксаверий, которым за эти дни пароход изрядно опротивел, с радостью

[289] Тольдеты - дешёвые хлопчатобумажные противомоскитные сетки.

остались в столице Парагвая, чтобы организовать встречу с Беляевым и дождаться меня. С продвижением на север становилось всё дождливее, одолевала духота, ибо наша зима здесь – лето, когда проливается больше осадков, чем более прохладной зимой. Если стихал ливень, палубу оглушал вечерний хор цикад, производящий впечатление своей мощностью на любого северянина. Наконец, я добрался до убогого городка Корумбы. Оказалось, что на плавание потребовалась целая неделя и стало ясным, что всё, вместе с возвращением, займет не меньше двух недель даже, если спуститься вниз по течению получится немного быстрее. С парохода на примитивный бревенчатый причал нас доставила куберта – нехитрая лодка бразильских метисов. Селение представляло собой море безликих клетушек, покрытых рифлёным железом, которое способно испортить вид любого места. Покрой таким железом все невысокие дома Москвы, крыши которых видны с улиц, и город потеряет половину своего обаяния. Но, увы, испанская черепица много дороже и требует больших усилий от кровельщиков. Как только я оказался на берегу крупного и на редкость грязного посёлка, ко мне подошёл пожёванного и сумрачного вида пожилой кабокло[290] и спросил:

- Если Вы прибыли для участия в экспедиции, сеньор, я

[290] Кабокло, или кабоко – от каа-бок («пришедшие из леса» на языке тупи) – португало-индейский метис. Их появилось много во времена каучуковой лихорадки, когда Амазонию наводнили белые сборщики каучука. Позже многие из них оседали там, женившись на индианках.

могу проводить Вас в ИХ кабаньо.

Дальше он добавил что-то витиеватое, чего я бы не разобрал и по-испански, но португальский мне был едва доступен лишь в наиболее простых выражениях. В этом пограничном местечке говорили на смеси португальского, испанского и гуарани, который преобладал в Парагвае. Спустя секунду меня осенило, что может быть он имеет в виду экспедицию Фосетта и я тут же дал согласие. По пути старик бормотал что-то вроде «десперадос» - сорви головы. За пару монет он провёл меня по чавкающей жиже центральной улицы к крайне убогой гостинице-кабаньо и сказал, что эти десперадос-англичане поселились здесь и, наверное, ждут меня. На радостях я добавил ему ещё одну монету.

- Пап, смотри! Здесь есть белые люди! – раздался баситый молодой голос с чисто британским выговором с веранды гостиницы, остававшейся в тени.

Навстречу мне вышел плечистый парень лет двадцати, как он потом мне с гордостью заметил - шести футов трех дюймов ростом, весь кости да мышцы. Он протянул мне руку и представился:

- Джек Фосетт – член экспедиции сэра Персивала Фосетта.

Я представился в ответ и он, естественно, переспросил моё трудно-произносимое имя. На грязноватую веранду с покосившимися опорами вышел не менее рослый человек с

чёрной с проседью бородой, который был никак не моложе меня, если не старше. Позже выяснилось, что этот атлетически сложённый мужчина старше меня на шесть лет, но, возможно, превосходит меня по физической форме. Так мы познакомились с полковником Перси Фосеттом. Был с ними и друг сына Персивала – Рэли Раймел. Экспедиция ожидала пароходик в Кьябу, что затерялась в верховьях Парагвая на границе амазонских дебрей. Там им предстояло переждать несколько недель, чтобы сезон дождей закончился. Скорее всего от нечего делать, Перси Фосетт соблаговолил поговорить с неожиданным русским гостем. Всё началось с моего чувства благодарности старику-кабокло, которое я не преминул высказать, спросив, а не следует ли добавить ему ещё денег, ведь цен в Бразилии я не знал, а реакция старика на мои гроши была не слишком бурной.

- Этот убогий кабокло, которого все здесь величают не иначе, как дон Доминго, просто мелкий мошенник и одной монеты хватило бы ему по горло. Их никак не следует баловать – сразу садятся на шею. Надо сохранять дистанцию. Имейте в виду, полковник. У меня не малый опыт скитаний по Бразилии, - Персивал повёл кривым, точно у боксёра, носом.

- Вы думаете, что человек из России никогда не слышал о полковнике Фосетте - амазонском Дэвиде Ливингстоне? - улыбнулся я. – Вот, посмотрите.

Я показал ему вырезку из «Таймса» и добавил, что про-

плыл лишнюю неделю сюда в надежде застать его в Корумбе и услышать хоть немного больше о тайнах Амазонии. Объяснил, что мне необходимо возвращаться в Парагвай и я никак не намерен составлять ему конкуренцию в исследованиях. Насторожившись поначалу, Перси успокоился и пригласил меня на чашку английского чая, добавив, что спиртное они не употребляют. К сожалению, у них не было ничего свежего, чтобы угостить меня, кроме туземного яства из листьев пальмы эвтерпа. Консервы же и сухие супы «Эдвардс» – святое и они берегут их для полного отрыва от цивилизации. Я проявил глубокое понимание таких деталей, чем купил симпатию строгого начальника экспедиции. После немногочисленных острот в мой адрес, а не собираются ли Советы начинать революцию в Новом свете после неудачи в Германии, я дал им понять, что принадлежу к сонму противников Советов, а не их разведчиком. Если Фосетт старший и мог себе позволить подобные шутки в мой адрес, как мой ровесник, то некоторая фамильярность красавчика Раймела мне не понравилась. Фосетт-младший же был очень учтив со старшими.

- Ума не приложу, что здесь делают русские? – с улыбкой произнёс Фосетт-старший.

- Могу ответить вопросом на вопрос: а что здесь позабыли англичане в этой бывшей португальской глубинке? – нашёлся я.

Перси немного повеселел и рассказал немного о деятель-

ности генерала Беляева по демаркации границ Парагвая с Боливией. Перси отозвался, что Британское Королевское Географическое Общество, ещё до войны, командировало его на демаркацию границ между Боливией, Бразилией и Перу, а после - Боливийское правительство и Южноамериканская демаркационная комиссия.

- Собственно говоря, лично я не испытываю явной неприязни к русским, хотя они и враги нашей державы, - произнёс Перси несколько официальным тоном. – Вспоминаю свою давнюю страсть к учению мадам Блаватской… В 1888 году я служил в королевской артиллерии на Цейлоне, где делил свою комнату с семью фокстерьерами, которые в те дни часто сопровождали офицеров на поле боя. В то время Блаватская заметно повлияла на умы Европы и многие становились теософами, а иные, закоренев в своей ереси, принимали буддизм, объединяясь с религиозными лидерами Индии, Цейлона, начинали критиковать нашу колониальную политику. Таким теософом стал Эдвард, мой старший брат. Альпинист огромного роста с золотым моноклем, прослывший вундеркиндом, который в тринадцать лет издал эпическую поэму, а потом помогал Блаватской в её исследованиях и создании фундаментального труда - «Тайной доктрины». Отправившись на Цейлон, Эдвард должен был принести там пансил - пять буддийских обетов, в том числе: клятвы не убивать, не пить спиртного и не прелюбодействовать[291]. Он заразил

[291] По словам некоторых родственников, позже Перси Фосетт также принял

Блаватской и меня… Позже брат забросил теософию, став популярным автором приключенческих романов. Его сравнивали с самим Жюлем Верном. А Вы читали труды Блаватской? – спросил он, переведя взгляд с потолка на меня.

- К сожалению, или к счастью для меня – не доводилось. Хотя и наслышан. Стремления к тому не имел, - ответил я.

- Оба парня никогда не бывали в экспедициях, - перевёл разговор Перси за чаем, кивнув на молодых людей, - но я уверен, что для нынешнего путешествия они подходят идеально: выносливые, едва ли способные после мучительных месяцев, проведённых в отрыве от цивилизации, донимать и раздражать друг друга», тем паче - поднимать мятеж. Джеку претит употребление курева, или алкоголя. Он склонен к аскетизму. Рэли, как недавно выяснилось, слишком уж донжуан, но здесь у него не остаётся, отвлекающих от дела, объектов внимания. Верно я говорю, Рэли?

- Да, сэр Перси, - в самую точку.

- Джек готовился к этой экспедиции годами: поднимал тяжести, придерживался строгой диеты, изучал португальский, ориентирование по звёздам. Что меня настораживает во всём этом: оба они не имели дела с настоящей нуждой… Столкнувшись с пираньями, ядовитыми скатами, ягуарами, кайманами, они не оплошают. Но, потницы, грибки и лишаи могут свести с ума и бывалых скитальцев. Да и муравьи сау-

---

пансил - поступок куда более дерзкий для колониального офицера. Есть мнение, что и Янгхасбенд стал скрытым буддистом.

ба, способные за одну ночь обратить ваши рюкзаки в труху. Клещи, впивающиеся, точно пиявки, красные мохнатые песчаные блохи, обжигающие многоножки, черви, проникающие в глаза и вызывающие слепоту. Оводы, способные проткнуть яйцекладом одежду, отложить под кожу яйца, а их личинки потом буравят ваше тело. Почти невидимые мошки-пиумы, целующие жучки, кусающие вас в губы, передавая вам трипаносому и, много лет спустя, думая, что вы выбрались из джунглей невредимым, вы начинаете умирать от опухоли сердца, или мозга. А москиты служат разносчиками всего: от малярии до, сокрушающей кости, лихорадки, от слоновой болезни - до жёлтой лихорадки, от которой больной выплёвывает пригоршни крови - так называемая чёрная рвота… Посмотрите на сытые физиономии этих парней – каждый ест каждый за двоих. Вам, прошедшему два фронта, это должно бросаться в глаза. Я воевал не так долго, как Вы и больше вкусил нужды в дебрях Амазонки, загибаясь от голода, усталости, чем на фронте. Если сын пойдёт в меня, к нему не прилипнет всякая зараза, а на крайний случай у него есть мужество. А Рэли последует за Джеком повсюду [292].

Если его словам о сыне я охотно мог поверить, что в этом типчике Рэли, на месте Перси, я не был бы столь уверен.

- Нам не терпится углубиться в сельву, пап, - бодро сказал Джек. – Пароход до Рио, поезд до Корумбы, да ещё предсто-

[292] Подлинные слова Фосетта-старшего о сыне. Материалы Дэвида Гранна и прочие, как и в ряде других монологов.

ит пароходишка «Игуатеми» до Кьябы! Переезд довёл нас до полного отупления! И всё это нескончаемыми неделями!

- И всюду грязь после Рио, – вставил смазливый, холёный Рэли. - Совмещённый с душевой ватерклозет в гостинице Корумбы так грязен, что следовало смотреть себе под ноги, куда ступаешь, но в Кьябе будет и того хуже. Скоро Вы убедитесь в этом. Вчера ночью нас одолели тучи насекомых. Крыша над тем местом, где мы едим и спим, стала чёрной от них! Ложась спать, мы обернули головы рубашками, не оставив даже отверстий для дыхания, ноги тоже обмотали рубахами, накрывшись макинтошами. Вы скоро перестанете завидовать, предстоящему нам, путешествию, - добавил он, посмотрев на меня.

- Вы знаете, молодой человек, на нашем речном пароходе я уже привык к крылатым термитам, которые мириадами падали на палубу. А в российских лесах комаров ничуть не меньше, чем в этих краях.

- Ты забываешь, Рэли, что правительство Бразилии нас тепло приняло и предоставило бесплатный проезд в роскошных железнодорожных вагонах, предназначенных для знатных особ, с личными ванными и салонами. Другое дело, что люди в этой администрации мало отличаются от конкистадоров далёкого прошлого[293]. Так, что ты называешь «грязь по-

[293] В 1909 г. доктор Герман фон Игеринг, научный директор музея Сан-Паулу, заявил, что, поскольку индейцы не вносят вклад «ни в труд, ни в прогресс», у Бразилии «нет иного пути, кроме как уничтожить их». В XIX в. в Бразилии власти были озабочены поиском национальной идентичности и переоценкой ис-

сле Рио»? – гневно блеснув глазами, спросил сэр Персивал. В его суровом облике чувствовалась порою даже свирепость.

- Конечно, нет! Я имел в виду посёлки…

- Мы решили больше не бриться. Так москиты меньше мучают, - добавил Джек.

- Москиты буквально расплющивают нас здесь за ночь! – Рэли сделал круглые глаза. – На эту, забытую Богом дыру, лучше всего смотреть закрытыми глазами[294]!

- По-моему, ты забыл, что у нас здесь немало дел: перебрать и рассчитать снаряжение и припасы, изучить получше карты. Скучать вовсе некогда! – строго сказал Фосетт-старший, насупив кустистые брови. - Да и пострелять в мишень вам не мешало бы. Но не забывайте, что патроны мы должны беречь! Впрочем, бразильские власти, опасаясь провала нашей экспедиции, заставили меня подписать заявление, освобождающее их от всякой ответственности, что я и сделал без промедления. Они не хотят, чтобы на них оказывали давление, если мы не вернёмся. Но мы, непременно, вернёмся, если только мои пятьдесят восемь лет сумеют со всем этим справиться…

конно бразильских атрибутов. Для молодой нации было желательным отыскать собственные «великие корни» в историческом прошлом, чему могло бы способствовать открытие следов древних высокоразвитых государств, которые обеспечили бы своего рода легитимность молодого правительства.

[294] Рэли с самого начала похода оказался в полном шоке от жары, злобных насекомых, боли от подкожных личинок и потерял интерес к путешествию, возможности вернуться героем. «Фосетты вправе заклеймить меня позором, ну и пожалуйста!» - писал он брату в последнем письме с фронтеры.

- Я слышал, что сэр Артур Конан Дойл писал свой «Затерянный мир», во многом основываясь на Вашем опыте. Так ли это? – спросил я.

- Не исключаю, - пожал плечами Перси. – В ходе моего второго путешествия мы проплыли мимо гор Рикардо Франко[295], в месте слияния рек Верде и Гуапоре, где сходятся границы Бразилии и Боливии, с многочисленными, причудливыми плато из песчаника, поднимавшихся на добрых три тысячи футов. Их не тронуло ни время, ни нога человека. Осенью 1908 года мы почти умирали с голоду в этой отравленной преисподне. Над нами вздымались ввысь, изрезанные глубокими трещинами, отвесные скалы Рикардо-Франко, с плоскими, таинственными вершинами. Ничто не могло нарушить тайну этих вершин - ни время, ни человек. Они были покрыты густыми зарослями - казалось, что это настоящий затерянный мир, и воображение заселяло его разными доисторическими существами, которые вполне могли там сохраниться до наших дней. Не знавшие борьбы за существование в постоянно менявшихся условиях, чудовища, жившие на заре человечества, быть может, продолжают жить там и поныне, надёжно ограждённые от остального мира неприступными склонами скал[296]. Во всяком случае, такое предположение выдвинул Конан Дойл после того, как, вернувшись в Лондон, я рассказал ему об этих местах и показал их фото-

---

[295] Теперь этот массив обозначен, как Съерра Дос Паресис в Рондонии.

[296] В этих предложениях много подлинных слов Фосетта.

графии. Тогда-то он и задумал написать роман, действие которого должно было происходить в сердце Южной Америки, и попросил сообщить ему подробные сведения о тех краях, что я и сделал с удовольствием. Возможно, что сэр Артур, выбирая местоположение для своего «Затерянного мира», взял за основу эти плоскогорья, описанные мною. Но с не меньшим успехом это могла быть и венесуэльская столовая гора Рорайма, о которой я только читал. Считаю, что такие романы полезны для нашей изнеженной молодёжи [297]. В известном смысле, сэр Райдер Хаггард утверждал, что идеалы рыцарства сохранились лишь на фронтере, то есть – в местах, ещё не охваченных рутиной политики и финансов. От этого некоторых влечёт в такие места…

- Вам не кажется обидным, что вместо того, чтобы покоиться в Вестминстерском аббатстве, Ваши останки имеют немалый шанс остаться гнить в амазонских болотах? – спросил я, когда сэр Персивал намекнул парням заняться делом, а не просиживать за столом.

- Племя шаванте в анклаве Шингу от чего-то не желает пускать на свои последние земли чужаков, - заговорил Перси изменившимся голосом с гораздо большим вдохновени-

[297] Фосетт призывал всех своих детей заниматься рискованными вещами. «Он вечно подбивал нас лазать по крышам и забираться на деревья… Однажды я упала и повредила себе шейный позвонок, после чего две недели провалялась в постели... После этого случая шея у меня так и осталась слегка искривлённой» - вспоминала его дочь.

ем. - Может быть именно они - хранители тайны? С аэроплана сельва совсем не просматривается. Сплошной кудрявый ковёр – непроницаемый полог, под которым находятся многие, не просматриваемые, ярусы леса. Что под тем сомкнутым пологом ведает лишь Господь. Сахара велика и дика, но уже вся изучена с воздуха, как и Калахари, или Австралия. Остаются сомкнутые леса Конго, Новой Гвинеи, Борнео, да и часть лесов Канады и России, которые достаточно высоки и густы. Лишь там могут уцелеть тайны. Посмотрите сюда, полковник, - он развернул карту и указал пальцем с перстнем, на котором был выгравирован фамильный девиз: «Nec aspera terrent[298]».

Я склонился над картой Мату-Гросу – одой из наименее изученных провинций.

- С некоторых пор, я глубоко уверен, что искать затерянную цивилизацию следует не в Венесуэле, а в Мату-Гросу, что, возможно, означает «густой лес» – в верховьях Журуены, Шингу и Токантис. Беда в том, что территория эта по меньшей мере равна всей Франции, а нас лишь трое пред девственным лесом – «дремучей чащей» рыцаря Персиваля, selva oscura Данте, - Персивал блеснул сталью глаз.

- Полковник, всё зависит от удачи и Вашей энергии, которой, очевидно Вам не занимать, - заметил я.

- Когда я был последний раз в Кьябе, там находился, пришедший из джунглей индеец, который увидел не столь уж

[298] Презрев препятствия (лат.).

мелкую церковь посёлка и сказал, что в его лесу есть сооружения куда больше и богаче. В них двери и окна высечены из камня… Многие поднимают подобные заявления дикарей на смех. Но я верю, что в глубине самых обширных дебрей мира, скрывается древний город, с сетью дорог, мостов, с множеством храмов. Я даже убежден, что в бразильской части Амазонии до сих пор сохранилась древняя, высокоразвитая цивилизация нахождение которой, раз и навсегда изменит традиционные представления европейцев об американском континенте[299]. Никто не знает, ЧТО ТАМ – за землями воинственных племён суйя и кайяпо… Лопе де Агирре, спускаясь по Амазонке лет триста пятьдесят назад, перед своим крахом успел отправить предостерегающее письмо своему монарху: «Я клянусь, о Король, клянусь честным словом христианина, что даже, если сюда явятся сто тысяч, ни один из них не уйдёт отсюда живым. Ибо все свидетельства лгут: на этой реке нет ничего, кроме отчаяния».

- Некогда предостерегали и Колумба: «Не посягай на

---

[299] Раньше Фосетт описывал Z в строго научных терминах, замечая: «Не думаю, что Город обширен или богат». Однако к 1924 г. Фосетт начал исписывать кипы бумаги горячечными заметками о конце света и мифическом царстве атлантов, напоминавшем Эдемский сад. Z обратился в «колыбель всех цивилизаций» и центр одной из «Белых Лож» Блаватской, где группа высших духовных существ помогает вершить судьбы Вселенной. Фосетт надеялся отыскать Белую Ложу, которая существовала «со времен Атлантиды», и достичь некоего трансцендентного состояния. Младший сын его писал в дневнике: «Может быть, вся папина теория о Z, как духовной цели, и сам способ достижения этой цели были просто религиозной аллегорией?»

непреодолимое. Ещё никто из Атлантики не возвращался. Потом Орельяно, сэр Уолтер Рэйли доказали, что и Амазонка покоряется упорным. И о Тимбукту, спустя столетия, говорили - Сахара, мол, непреодолима. Уже пытаются и на Гималайские вершины вскарабкаться, - сказал я. – Уверен, что Вы добьётесь своего!

- Надеюсь. Упорства мне не занимать. Помню, как на одном из регбийных матчей я прорубился сквозь соперников, несмотря на то что мне выбили передние зубы… После спада резинового бума в лесах стало хотя бы спокойнее и безопаснее. Дружелюбно настроенные до бума, племена начали убивать и мирных путешественников, не отличая их от прочих пришельцев. Попавших в их руки, индейцы-мстители оставляли на растерзание огненным муравьям, личинкам и пчёлам. Теперь поубавилось проходимцев – аморальных типов, делавших деньги на жесточайшей эксплуатации туземцев и обнищавших переселенцев. Плохие добытчики каучука подлежали отстрелу, поскольку возвращаться к цивилизации им не надлежало – могли разгласить беззакония, творимые в сельве. Мне довелось всё это видеть своими глазами, когда мы занимались демаркацией на севере Боливии. Все правительства были негласно на стороне влиятельных баронов. Ни единый правительственный инспектор не рисковал отправиться в край каучука, а тем паче послать оттуда добросовестный отчёт. Человеческая жизнь там не стоит и ломанного гроша. «Сок гевеи - это белая кровь белых людей за ко-

торую мы, индейцы, платим нашей красной кровью» - сказал мне как-то один гуарани. Однажды, некий судья был послан в район реки Акри за свидетельскими показаниями об особо зверском убийстве одного австрийца. Естественно, что об убийстве индейца никому бы в голову не пришло отправлять инспектора. Прибыв на место происшествия, инспектор получил взятку, а вернувшись, закрыл дело, постановив выплатить небольшую компенсацию родственникам убитого. Это происходило почти что у меня на глазах, а таких случаев по Амазонии тысячи, не считая ежедневных казней ленивых работников-туземцев, а также расправ над индейцами, не желающими уступать свои земли под плантации гевеи. Налёт на индейцев, вырезание целой непокорной деревни, захват в рабство – дело обычное. Случается в таких случаях и такая забава: индейских младенцев подбрасывают в воздух и ловят их на острия мачете. В таких местах смрад от разлагающихся трупов заставляет всех людей уходить очень далеко[300]. Подобных подонков – наёмников предпринимателей, стали называть бандейрос – бандейрантами. Изначально этим словом обозначали знаменосцев, также и первопроходцев, а позже - охотников за индейцами. Служителей каучуковым магнатам называют также серингейрос. Но в наше время их следовало бы именовать не иначе, как отребьями. Каучуковую зону вокруг ядра, незатронутой пока, Амазонии назвали «раем для

[300] От рук лишь одной каучуковой компании погибло около тридцати тысяч индейцев (Р. Кейсмент).

дьявола», где царит манаусская мафия[301]. Цивилизованный мир знает об этом гораздо меньше, чем о варварском отношении к туземцам в колонии короля Леопольда.

- Но, позвольте, ведь это же была очевидная целенаправленная кампания Британии с целью попытаться отобрать у Бельгии Конго, - возразил я. – Допускаю, что бельгийцы попирали нормы христианства, чинили произвол, сопоставимый с гуттаперчевыми баронами, но и в английских колониях не раз, от непомерной эксплуатации, бесправия туземцев, случался, голод, уносящий сотни тысяч жертв, как было в Индии.

- Пожалуй, что Вы правы. Если я и патриот, то только несколько отвлечённый. Участвовать в бойне с тевтонцами я счёл своим долгом, но оправдывать грехи нашей алчной колониальной администрации не собираюсь. После того, как я побывал на фронтах последней войны я понял одно: само

---

[301] Каучуковые бароны превратили Манаус в один из самых безвкусно-шикарных городов мира. В своём стремлении к роскоши они доходили до абсурда. Если один барон приобретал гигантскую яхту, другой заводил у себя на вилле ручного льва, то третий купал свою лошадь в шампанском. Чугунные конструкции для рынка в Манаусе были выполнены Густавом Эйфелем. Роскошнее всего было здание оперы, с итальянским мрамором, богемским стеклом, золочёными ложами, хрустальными люстрами, викторианскими стенными росписями. Предварительно сконструированный в Европе, оперный дворец был по частям отправлен вверх по Амазонке, преодолев более тысячи миль, после чего рабочие, трудившиеся круглосуточно, собирали его, пользуясь первыми в Бразилии электрическими лампочками. И не важно, что почти никто в Манаусе никогда не слышал оперу, и что больше половины, гастролирующей там, оперной труппы умерло от жёлтой лихорадки.

слово «цивилизация» - нелепость. Любой дикарь с Амазонки гораздо безобиднее европейского милитариста. И после каучуковой лихорадки простые латифундисты на фронтере нанимают, в порядке вещей, бугейро, что значит - охотников на дикарей и неумолимо истребляют индейцев.

- Хотелось бы спросить Вашего совета, полковник, для снаряжения военных отрядов, отправляемых в глушь Парагвая, - сказал я.

- Во-первых, моё главное правило – брать с собой минимум. Но в Парагвае больше открытых, безлесных мест, поэтому вы сможете там использовать лошадей, чего лишены мы в сельве. В наши пешие экспедиции мы берём рюкзаки по фунтов шестьдесят с лишним на человека, которые, через пару дней пути заметно легчают – мы начинаем съедать запасы провизии. В первые недели наш завтрак обычно состоит из овсянки, сгущённого молока и большого количества сахара. Имеются и порошковые супы, изюм, галеты, вяленое мясо. В ходе продвижения я позволял своим людям делать лишь короткий перерыв на обед, а остальное время они должны были постоянно идти вперёд - до двенадцати часов в день. Перед самым заходом солнца я давал сигнал разбить лагерь. От голода мы употребляли в пищу любое мясо, добытое в пути. Вполне съедобны броненосцы, пресноводные скаты, черепахи, обезьяны, анаконды и даже крысы. Но я убеждён, что вегетарианская диета повышает выносливость

путешественника, а попутчики не склонны мне верить. В лесистой местности смерть от голода кажется почти невероятной, между тем, на Амазонке это реальность. В реках часто не удаётся выловить ни единой рыбки. Доходило до того, что мы поедали дохлых животных. Но и их не просто найти: каждый труп мгновенно пожирается падальщиками и муравьями. Поскольку затяжной голод делает человека непредсказуемым, я забрал у всех оружие. Страх - движущая сила всякого зла, некогда изгнавшая человека из Эдемского сада. Поэтому важнее всего умело подобрать состав экспедиции, что и сложнее всего. Имею весьма печальный опыт в этом деле…

- Хотелось бы узнать поподробнее.

- На свою голову я пригласил в путешествие видного учёного-зоолога и полярного исследователя мистера Мюррея. Этот человек могучего сложения заметно скис в джунглях всего за несколько дней похода. Он нёс такой же груз, как и все, но отставал всё больше, высказывал раздражение. Я сделал ему выговор за то, что он замедлил продвижение группы, но это не помогало. Напряжение между нами нарастало. Когда почти закончились припасы и начался голод, он заявил, что не привык, когда тебя постоянно, жестоко грызёт изнутри, пожирая душу. Непрестанное нытье Мюррея снижало боевой дух отряда. Однажды Мюррей толкал через реку плот, нагружённый снаряжением, и поскользнулся из-за сильного течения. Несмотря на мои предписания, он ухватился за край плота, рискуя перевернуть все наши вещи. Я

крикнул, что он должен отпустить плот и выплывать самостоятельно, но он не отцепился от плота. Вскоре все стали подозревать учёного в более страшных прегрешениях, чем трусость - в воровстве. Кто-то, всё чаще, поедал последние припасы, предназначенные для всего отряда. Но, «в подобных условиях, кража еды равносильна убийству и должна караться точно так же» - уверял Теодор Рузвельт в записках о своём путешествии по Амазонке в 1914 году. Когда я открыто обвинил Мюррея в этих кражах, он рассвирепел. «Очевидно, достойным выходом для меня считалась бы голодная смерть» - кричал он. Позже Коустин поймал Мюррея с кукурузой, которая была взята из неприкосновенного запаса, предназначавшегося для последнего этапа похода. Мюррей заявил, что это излишки из его личных припасов. Я распорядился, чтобы ему не позволяли есть хлеб, который из кукурузы приготовят. «Это дело принципа» - подчеркнул я. «Тогда - это принципы глупца» - парировал Мюррей. Но первым свалился не Мюррей, а Мэнли. У него была малярия. Затем крепыш Коустин подхватил эспундию, которая неумолимо разрушает плоть человека. Кожа гниёт, как при проказе. Между тем, Мюррей тоже разваливался от воспалений кожи, изнурительного поноса. На его руке и колене появились какие-то личинки. Он попытался вытравить их никотином, сулемой, марганцовкой, извлечь их иглой. Некоторые личинки погибли и начали гнить внутри его тела. От ран шло зловоние. Ступни его распухли. Однажды Мюррей и Мэн-

ли сцепились в яростной драке, выясняя, кто с какой стороны от костра будет спать. Теперь уже не стоял вопрос о том, может ли медлительность Мюррея стать причиной неудачи экспедиции. Возникал вопрос не помешает ли Мюррей отряду вернуться назад живым? Мюррей считал, что я лишён милосердия к слабым. Тело Мюррея распухло от гноя, червей и гангрены, над ним кружились мухи, точно он уже стал трупом. А мы не прошли ещё и половины маршрута… Я предупреждал всех участников экспедиции: если кто-нибудь чересчур ослабеет, чтобы идти дальше, такого ждёт одно - его бросят. Но я попытаться спасти Мюррея. Это стоило нам значительного отклонения от маршрута. Наконец, мы встретили колониста с фронтеры, у которого был при себе мул. Он обещал попытаться доставить Мюррея в цивилизованный мир. Я предложил Мюррею денег, чтобы тот купил себе еды, хотя вражда между нами была в разгаре. Мы - трое оставшихся, продолжили маршрут. Все долго думали, что Мюррей пропал, но его отходили добрые люди в деревне и провели в Ла-Пас. Мюррей обвинил меня во всех грехах, кроме разве что покушения на убийство. Я возражал, что его болезнь была вызвана его же антисанитарными привычками, ненасытным поглощением пищи и чрезмерным пристрастием к крепким спиртным напиткам. Коустин, как и Мэнли, свидетельствовали в мою пользу. Королевское Географическое общество, рассмотрев дело, сочло, что «для спасения Мюррея сделали многое, однако не всё, что было возможно

при данных обстоятельствах[302]». Коустин и Мэнли, несмотря на свою недавнюю схватку со смертью, готовы были вновь пойти со мной. А Мюррей не желал больше тропиков и в 1913 году он присоединился к канадской научной экспедиции в Арктику. Судно их затерло во льдах. На сей раз Мюррей возглавил бунт против капитана и, с отколовшейся группой сбежал на санях. Капитан сумел спасти оставшихся с ним. Мюррей и его отряд сгинули. Человека по-настоящему узнаешь, только очутившись с ним в диком, полном опасностей, месте. Поэтому, советую Вам, полковник, прежде всего подбирать годных людей, а потом уж – оружие, карты подступов к terra incognita, секстант и хронометр для определения широты и долготы, барометр-анероид для измерения атмосферного давления и глицериновый компас, помещающийся в кармане. Не менее важна ваша обувь, а лишь потом следует провизия. Как-то сам Лоуренс Аравийский выразил желание отправиться вместе с нами на поиски города-Z, однако я не решился взять с собой компаньона, непривычного к условиям влажных тропиков, тем более с высоким самомнением. Впрочем, найти средства на экспедицию[303] не про-

---

[302] Неясно, принёс ли Фосетт извинения Мюррею, или же тот извинился перед ним: подробности этого противостояния не стали достоянием общественности. В частности, осталось неизвестным, насколько близко Фосетт подошёл к тому, чтобы бросить своего соотечественника в джунглях.

[303] К 1923 году Фосетт настолько обеднел, что не мог даже платить ежегодные три фунта - членский взнос в КГО. Днём и ночью он вынашивал всевозможные идеи - добывать нитраты в Бразилии, искать нефть в Калифорнии - лишь бы

ще, чем подобрать участников.

- А в ходе поисков потерянной цивилизации, Вам не попадались необычные животные, или хотя бы указания местных на их неоспоримое существование? Меня всегда впечатляли слухи о минхоке – гигантском черве Амазонских дебрей, - спросил я на другой день, когда мы укрылись от ливня под крышей веранды.

- В Бразилии его зовут по-португальски – миньокао. Великий червь миньокао. Но иные упоминают только о змее, не употребляя слово «червь», об анаконда-миньокао, или - сукуриу. Длина её якобы превышает восемьдесят футов. Отношусь к таким рассказам скептически, но только уж слишком много в тех краях свидетелей, уверяющих, что они встречали таких существ. Что-то должно быть за всем этим. Не станут же самые разные люди, на огромных расстояниях друг от друга, никогда не встречавшиеся, выдумывать столь схожие небылицы? Именно здесь неподалёку, в верховьях реки Парагвай, встречаются якобы змеи до ста пятидесяти футов длиной и десяти-пятнадцати толщиной. К тому же - с панцирем… По-индейски эти существа среди разных племён называются также битата, мбои-ассу, мбои-тата, что на языке тупи, например - огненный змей.

- Я читал, полковник, что возможно минхока это не червь, а гигантский крот, или подземный броненосец, выживший

достать деньги для экспедиции.

здесь, в сравнительно мягких условиях, без оледенения[304].

- На границе Бразилии с Боливией народ буквально запуган минхокой-миньокао! Люди бросают свои асьенды и перебираются подальше от лесов и болот. В 1907 году я в первый раз услышал о гигантских змеях, обитающих в окрестностях крохотного поселения серингейрос, затерявшейся в лесах Иоронги недалеко от истоков Акри. Дальше плотной стеной следовали неизведанные области. Чиновник из Иоронги рассказал мне, что ему пришлось однажды убить анаконду длиной шестьдесят футов. Тогда я счёл это преувеличением, но скоро мне пришлось повстречаться с ещё более длинной змеей. Да, я видел своими глазами анаконду по меньшей мере в шестьдесят пять футов[305], - несколько взволнованно произнёс Фосетт. - В своих докладах Королевскому географическому обществу я долго пытался доказать достоверность своих наблюдений, но учёные отказывались это признать, заявляя, что официально измеренные анаконды известны до двадцати семи футов и девяти дюймов… Но, Бразильская комиссия по границам зарегистрировала змею, убитую на реке Парагвай, длина которой составляла около восьмидесяти футов! Таких змей на Амазонке зовут «сукуриу гиганте», то есть – «гигантский боа, водяной удав».

[304] Минхоки описаны до 50 м длиной и 5 м толщиной, с панцирем . По-индейски называются также: битата, мбои-ассу, мбои-тата, что озгначает «огненный змей».

[305] То есть – более 18 метров. Науке сравнительно достоверно известна лишь одна анаконда в 11м длиной.

Если прислушаться к отчётам знаменитого путешественника Гарднера, боа-констрикторы нередко бывают почти сорок футов.

- Позволю себе оставаться скептиком в отношении этого червя, как и змее толщиной в пятнадцать футов, но анаконду в шестьдесят футов длиной вполне могу себе представить, - проговорил я.

- Но и маркиз де Эврин, один из лучших знатоков бассейна Амазонки и её притоков, и Лоренц Гагенбек собрали многочисленные свидетельства бразильских миссионеров Хайнца и Фрикеля о гигантских змеях. Эти показания у меня не вызывают ни малейшего сомнения! «В 1922 году, во время половодья, - пишет Виктор Хайнц, - меня везли в лодке по Амазонке из Обидоса домой. Вдруг я заметил посреди реки нечто необычное. На расстоянии девяноста футов от лодки плыла гигантская водяная змея. Чудовище тихо скользило по течению. Экипаж застыл в панике и перестал грести. Поражённые, мы не отрывали глаз от монстра. Толщиной он был с небольшой бочонок, а длиной футов восемьдесят».

- И мне бы хотелось верить этому и самому всё увидеть, - мечтательно произнёс я.

- А слышали ли Вы о белом останце на севере – Божьем Персте Альвареса Тореса? Впервые эту скалу зарисовали ещё конкистадоры Орельяны. Недавно Перст искала американская экспедиция, которая бесследно исчезла. Сельва не даёт вернуться тем, кто проник в её тайны слишком глубо-

ко. Это касается и особых лесных полулюдей, которых боятся даже индейцы. Они называют их называют ширу, или диди. Источники сообщений, поступающих о них, разбросаны на восточных склонах Анд от Колумбии, Эквадора, Перу – до Боливии и юга Чили, но немало их и в Мату-Гросу. С появлением здесь, на фронтере, португальцев сообщения об опасных первобытных существах поступают с пугающей регулярностью. Часто слышно, что, заросшие шерстью, пигмеи убивают домашних животных и вырывают их языки.

- Но Вы сами не находили следов их присутствия?

- Мы даже видели их совсем рядом с Коустиным и Мэнли. Мы пересекли участок скучного мелколесья и наткнулись на пристанище первобытных людей с крайне убогими хижинами из листьев. Должен сказать, существ столь ужасающего вида я не видел никогда. Одни занимались изготовлением стрел, другие бесцельно бродили взад и вперед - огромные обезьяноподобные твари, ещё не перешагнувшие стадию животных. Я свистнул, и из ближайшей норы вылезло громадное, волосатое, как собака, существо, встало на ноги, в мгновение ока вставило в свой простейший лук стрелу и, переминаясь с ноги на ногу, двинулось в нашем направлении. Примерно в четырех ярдах от нас существо остановилось, издавая крики, что-то вроде «Юх! Юх! Юх!» Оно пританцовывало перед нами, и вдруг со всех сторон на нас полезли огромные, ухающие обезьянолюди. Я попытался обратиться с дружеской речью на языке максуби, но они не обратили на это

ни малейшего внимания. Существо напротив нас прекратило свою пляску, несколько мгновений стояло совершенно неподвижно, а затем принялось натягивать тетиву, пока она не оказалась на уровне его уха, а наконечник его шестифутовой стрелы не был направлен мне в грудь. Его свинячьи глазки, полуприкрытые чудовищными надбровными дугами смотрели на меня как-то странно, и я понял, что какое-то время он стрелять не будет. Так же медленно он опустил свой лук, исполнил ещё один, не столь живой танец, издал ещё одно «Юх!». Он приблизился ко мне в очередной пляске и, на сей раз, я понял, что он пустит стрелу в цель, рванул с бедра маузер. Я не стал наводить пистолет в него, и пуля ударилась в землю у его ног. На лице обезьяночеловека появилось выражение полнейшего недоумения. Он бросил лук и спрятался за дерево. В нас полетели стрелы его соплеменников. Мы пальнули по кустам, и, не желая никому причинять вреда, ретировались, пока деревня не скрылась из вида. Никто нас не преследовал. Максуби называли этих существ «марикокси» и уверяли, что восточнее живут очень низкорослые, покрытые шерстью темнокожие полулюди, которые охотятся на индейцев, используя их в качестве пищи. Максуби считали их совершенно презренными существами. Ещё рассказывали мне о шерстистом племени морсего - люди-летучие мыши, ведущих ночной образ жизни. Испаноязычное население называет их «кабельюдо», или «волосатые люди», а несколько общин американцев – «татус, или броненосцы»,

поскольку они обитают в норах[306]. Не они ли - то самое недостающее звено?

Наш разговор прервал шум с дороги. Двое местных, в одном из которых я сразу узнал старика Доминго, подошли к веранде, громко переговариваясь.

- Клянусь всеми святыми, я видел вчера вечером, как из-под земли возникшего, индейца гуарайю в полной боевой окраске! – уверял, почтенных лет, измождённый худобой, приятель Доминго, пощёлкивая по утрамбованной глине бичом из толстенной кожи тапира.

. – Это означает, что они готовят нападение на Корумбу!

---

[306] Нет оснований не верить запискам Фосетта. Заслуженный путешественник и полковник не был выскочкой. Его начальство обратило внимание на его высокие моральные принципы, как молодого офицера и продвинуло по службе. По рекомендации Королевского Географического общества он был выбран для топографической съёмки границ государств Южной Америки - отнюдь не по его просьбе и без каких-либо протекций. Потом КГО наградило офицера Золотой медалью и оценило, как опытного специалиста. Он ни разу не сделал заявления, что открыл нечто такое, что непосредственно подтверждало бы его теории. Будь бы он хоть на йоту шарлатаном, ему ничто не мешало бы подтасовывать факты в пользу своих теорий. Он мог бы заявить, что нашёл руины города. Главной целью его поисков был сбор доказательств, касающихся существования на Амазонке высокоразвитых цивилизаций, а вовсе не попытки принизить туземцев, сравнивая их с полуобезьянами в 1914 г. в Мату-Гросу. Сообщения о поросших шерстью гоминидах с наружностью первобытного человека поступают годами отовсюду, начиная с северных районов Канады до Патагонии. Описание звуков, издаваемых гоминоидами по Фосетту, соответствует описаниям звуков, которые издают канадские сасквачи.

- Меньше кашасы[307] пить надо, старик, - усмехнулся Фосетт.

- Вот и говорю ему то же самое, сеньор, - поддакнул дон Доминго, отрыгивая мутно-бурую табачную жвачку.

В это время на веранду вышел Рэли с дымящимся кофейником и предложил нам наполнить чашки. Доминго почуял кофе и сделал шаг вперёд выше на ступеньку, чтобы протянуть нам свою миску с поджаренными крылатыми муравьями танажуру, в надежде обменять их на глоток кофе. Рэли щедро наполнил ему чашечку, а также пригласил и его товарища отведать настоящий кофе, а не местную бурду.

- У Вас нет уха, сеньор. Простите, но Вы, очевидно побывали в плену у гуарайю? – вдруг спросил меня, без церемоний, напарник Доминго, поскольку я откинул, липкие от влаги, волосы в сторону. Фосетт помог мне с переводом на португальский:

- Когда маньчжурские разбойники берут Вас в плен они не задаются вопросом насколько Вы дорожите своими ушами, - последовал мой ответ.

- Накурились маконьи – туземного дурмана и несут всякую чушь, - брезгливо бросил Рэли.

- Вы не видели Хоакина, молодой дон? – спросил Доминго Рэли очевидно лишь для того, чтобы поддержать беседу.

- Какого Хоакина?

- Моего поросёнка по имени Хоакин, - невозмутимо от-

[307] Бразильская маисовая водка.

вечал старый кабокло.

В ответ Рэли, весьма беспардонно, зашёлся долгим смехом.

- Недавно наш капитан «Игуатеми» вёз одного человека из Европы, который, по пути из Кьябы, умудрился повеситься прямо на палубе, - охладил юношу Доминго.

- Повесился? Но почему? – Рэли исказился в лице.

- Кто знает? В наших краях одолеть могут и солнце, и ливень, и муравьи. Наконец, как и везде – и жена, и нищета…

- Obrigado, - несовсем уместно ляпнул растерянный Рэли.

- Faz favor, – учтиво ответил старик, несколько недоумённым тоном.

Эти едиственные португальские слова - faz favor – пожалуйста, да obrigado – спасибо, из всего разговора я понял отчётливо, а в прочем мне любезно помог разобраться Фосетт старший.

Через день, 23 февраля, Перси Фосетт объявил, что погода установилась и велел сыну и Рэли начать грузить их снаряжение на «Игуатеми» - грязный пароходишко, направлявшийся в Кьябу. Рэли насмешливо назвал старое судно «ванночкой». Оно было рассчитано всего на двадцать пассажиров, но их набилось, по меньшей мере, в два раза больше. Труба изрыгала массу дыма не от угля, а от древесины. Отдельных кают здесь не предусматривалось и каждый спешил подвесить свой гамак, пока это ещё было возможно. Отправ-

ляющиеся в неизведанное помахали мне на прощание, как только застолбили себе место для гамака. «Игуатеми» пополз по реке так медленно, что его обогнало лёгкое каноэ. Я отбыл из Корумбы через день. До Асунсьона наш пароход спустился за шесть дней. Ксаверий Павлович встретил меня у входа в ближайшую гостиницу, как мы и договорились.

- А Георгий Александрович уже где-то далеко, в рядах беляевского отряда, - были первые его слова.

- Что же, прекрасно, коль мы здесь оказались востребованными».

На полях Антон Охотин заметил более позднюю приписку, сделанную рукой прадеда: «29 мая 1925 г. Фосетт телеграфировал своей жене, что они стоят на границе неисследованных джунглей готовы углубиться в них втроём. Они уже пересекли реку Шингу и дальше не будет возможности отправлять письма, поскольку их останется трое и направить кого-либо назад до асьенды будет нереально. Больше о путешественниках никто не слышал. Наиболее расхожее мнение, что исследователи были убиты воинственным племенем калапало. Но мне представляется и другой ход событий. Оба молодых человека были больны и хромали, в отличие от неуязвимого Персивала. Больной человек может погибнуть в джунглях от вполне естественных причин и без всякого насилия. Самое настораживающее во всём первом переходе по затронутым лесам, до последней асьенды – это

письма Рэли, из которых ясно, что он потерял всякий энтузиазм и держится только на нежелании проявить слабость в глазах друга и его отца. Рэли распустил нюни, уже пройдя по холмистым Сьерра Рондадор, вдоль верхнего Рио Мортес, ещё не будучи отрезанным от обитаемых мест полностью. Сколько могло такое положение вещей продолжаться после утраты всякого контакта с цивилизацией и неизбежных голодных дней? Очевидно, что такой юноша, как Рэли не способен к стоицизму Фосетта старшего. Кроме того, Фосетту было уже пятьдесят восемь лет, и он успел износить свой могучий организм в первых семи экспедициях и в ходе участия в битве на Сомме. Некий Билл Брайсон писал в 1927 г., что отряд Перси Фоссета подвергся нападению озлобленных туземцев в связи с деятельностью американской исследовательской группы под руководством Александра Гамильтона Райса – внука американского конгрессмена, богатого конкурента Фосетта, которая использовала экспедиционный аэроплан для бомбардировок местных племён! Не знаю, насколько это так, ибо встречал и утверждения, что Райс вынужден был стрелять в индейцев яноами только в ходе экспедиции по верховьям Ориноко в 1919 г., но аэроплан для экспедиций у Райса имелся».

10. Русский очаг (1925- 1926)

В России горько стало жить,

А без России мы... в пустыне.
М. Колосова

«Мы с сыном доигрывали партию в шахматы, когда в дверь кто-то постучал. Я откликнулся по-испански, что дверь не заперта и можно войти. В дверном проёме появилась тощая, сутулая фигура соседа, проживающего на границе столичных трущоб. Хитроватые глаза беглого пеона [308] всё чаще останавливались на бутылке с буроватой жидкостью. Наконец, взгляд его полностью зафиксировался на ней. Потом он медленно перевёл глаза на меня: в них застыл немой вопрос: для кого всё это богатство? Безмолвное меланхолическое томление спившегося индейца начинало не на шутку досаждать. Наконец, я вынужден был плеснуть ему бражного пойла на дно жестяной кружки. Я понимал, что сие суть потакание спаиванию, но ведь этот человек не первый год, как пьянчуга. Исправляться он и не подумывает. Генерал Беляев приглашал в свои ряды самых разных туземцев, в надежде выявить среди них достойных проводников в глуши на севере страны, но было это непросто. К нему обращались преимущественно разные проходимцы, от которых было потом нелегко отвязаться. Но, по традиции, для собеседования, мы предлагали местным стопку туземной бражки. За неделю моего общения с генералом ясным стало главное: я нужен Беляеву и здесь я скорее могу представить своё буду-

[308] Пеон - долговой раб-индеец.

щее вместе с семьёй, чем в организации Кутепова. Террор не для меня. В Парагвае я мог бы помогать русскому отряду по демаркации границ – правительственному заданию, которое могло продолжаться ещё не один год. Беляев одобрил моё желание вызвать семью в Парагвай, а Кутепов не мог возражать. Александр Павлович понимал, что душа моя не лежит к подобной службе, требующей выбирать диверсантов для заброски в Россию. Я сумел убедить Кутепова одобрить тот факт, что я остаюсь здесь и, при случае, смогу приглашать к Беляеву людей, которые не находят себя в терроре. Потом я попросил жену продать всё, что только можно и найти денег для покупки билетов моим коллегам по РОВС, которые оказались не у дел там, но могли бы стать незаменимыми здесь. Это были Ведищев, с его опытом четырёх войн, и Семилетов - с опытом трёх войн, а также особой сноровкой закоренелого туркестанца выживания в пустыне. Капитан Ведищев давно признался мне, что он принципиально не желает быть заброшенным в Россию, поскольку опасается, что встретив свою семью, погубит её, привлекая хвост чекистов, или пытаясь перебежать границу с семьёй. Капитан Семилетов, убеждённый холостяк, сказал, что никогда больше не пойдёт на авантюру с заброской в СССР. Оба они не имели постоянного заработка в Париже и перебивались от случая к случаю. Но поскольку, оба они вели холостяцкий образ жизни, то справлялись кое-как с нахождением куска хлеба. Одно время экзотичный одноглазый Ведищев даже

прирабатывал «казаком» у входа в ресторан. Жена обещала мне всё уладить. Наконец, Феврония с Андрюшей прибыли без осложнений, поскольку их доставили сюда в полной сохранности капитаны Ведищев и Семилетов. Жена привезла мне дневники Блудова, найденные инспектором Брентли. Они были на русском и потому инспектор прислал их на наш парижский адрес, не желая утомлять себя. Почитать их было весьма занятно. Становилось ясным, что человек этот, в самом деле, давно заслуживал военного трибунала. Целью своей жизни он выбрал получение британского рыцарства, свою близость к английскому трону, а далее – карьеру, сопоставимую с такими инородцами, как Дизраэли, деньги. Более того, всё чаще сталкиваясь с разочарованием от отказов английских чиновников, он начинал постепенно ненавидеть британцев, которым продался. В конце жизни было похоже на то, что он возненавидел весь свет, не имея ни собственного угла, ни семьи.

На веранду вошёл Беляев. Он строго посмотрел на пьянчужку-пеона и тот поспешил убраться прочь. В облике генерала было мало от военного, кроме хорошей выправки. Его лицо в круглых очках напоминало скорее типичного городского интеллигента. Тем не менее, этот человек - сын потомственного военного, воспитанник Михайловского артиллерийского училища, автор Устава горных батарей и ветеран Германской и Гражданской войн! В первой своей войне он

был тяжело ранен и лежал в Лазарете Её Величества в Царском. Георгиевский кавалер. Последние годы он работал в очень тяжёлых климатических условиях южноамериканских дебрей. При этом он был всего на два года младше меня, а в наши годы подобные лишения переносятся всё тяжелее. Девичья фамилия его матери – Эллиот. Она – выходец из шотландской семьи. Беляев владеет английским в совершенстве, получив его с детских лет из уст матери.

- Всё идёт своим чередом, Глеб Гордеевич, - улыбнулся он мне. – Мы получили предписание для очередной экспедиции на север. Остаётся не совсем ясным финансовая сторона. Манны небесной от парагвайского правительства ждать, конечно, не приходится. Но и с голода не помрём. Так что пусть Ваши родные свыкаются с мыслью о скорой разлуке.

- Им не привыкать, Иван Тимофеевич, - отозвался я не слишком весёлым тоном.

- Я Вам уже рассказывал, что в пятнадцатом году я разрабатывал мысль создания в глубоком тылу особых запасных батальонов, в которых кадровые офицеры и солдаты могли бы прививать и поддерживать дух старой армии. По понятным причинам задумка лопнула, но я не оставляю надежды претворить это в жизнь здесь, на лоне суровой природы. Увы, только русских здесь маловато. Как бы полезно было привлечь к нам русскую молодёжь из Европы, которая там нищенствует, или прожигает последние деньги, но опускается неизбежно.

- Полностью разделяю Вашу мечту, Иван Тимофеевич. Ни в Болгарии, ни даже в Сербии нам этого не удалось продолжить в силу самых разных обстоятельств. Послевоенная обстановка в Европе тяжёлая и все подобные начинания лопаются. Жаль, что мы с Вами не столкнулись в Галлиполи по странной случайности.

- В самом деле! Не исключаю, что вместе мы могли бы предпринять что-то более конструктивное. Но и здесь всё непросто. Прибыв в Парагвай в марте 1924 года, я смог устроиться в Военную школу Асунсьона лишь на должность преподавателя фортификации и французского языка. Казалось, что ничего более живого и насущного не светит. Но осенью, по заданию Министерства обороны, меня направили в район Чако-Бореаль - междуречье Парагвая и Пилеканойо. Последняя является границей с Аргентиной, а вот граница с Боливией очень неопределённая. «Чако» с языка гуарани можно перевести, как «охотное поле», ну а «бореаль» Вам должно быть понятно из испанского – «северное». Властям представлялось необходимым основательно исследовать эту мало изученную местность и нанести её на карты, чтобы закрепить границу между Парагваем и Боливией[309], пусть пока

[309] Закрепление границ «де-факто» помогло Парагваю если не предотвратить, то хотя бы отодвинуть назревающую войну с Боливией. Исследование и нанесение на карту топографических ориентиров на территории Чако в 1925–1932 г.г. оказалось важным вкладом Беляева и его немногочисленных русских спутников в мировую географическую и этнографическую науку. Совершив 13 научных экспедиций, Беляев оставил после себя массу данных по географии, эт-

лишь на бумаге. В область Гран Чако входят и провинции Аргентины с Боливией. Территория с четверть Франции, населённая почти одними индейцами. Климат на равнинах и плоскогорьях там не слишком балует. Сейчас, в августе, то бишь - зимой, на возвышенностях бывает чуть выше нуля, а летом – до сорока пяти по Цельсию. Если задует южный сурусу, народ укрывается в, продуваемых сквозняками хижинах, залезает под все одеяла, пережидая холода. Но лишь немногим приходит в голову конопатить щели жилища пальмовым волокном с помощью рукояток мачете.

- В прошлом месяце приходилось по вечерам надевать вторую рубашку, вторые брюки и вторые носки, - улыбнулся я. – Чуть ли не Россия!

Постепенно мы разговорились о том и о сём. Иван Тимофеевич поведал мне, как он впервые очутился в Южной Америке. При первой возможности он разыскал Парагвайское посольство в Буэнос-Айресе. За одиннадцать месяцев в Буэнос-Айресе он освоил испанский вполне прилично, но в парагвайском посольстве его приняли сухо. Сказали, что в их стране революция и, что надо ждать приезда военного агента. Попытки Беляева устроиться на службу в других странах не удавались также. Но в газетах появилось сообщение об окончании смуты в Парагвае. Бывший президент

нографии, климатологии и биологии Парагвая. Он изучил быт, культуру, языки и религии местных племён, составив первые словари: испанско-мокко и испанско-чамакоко.

Гондра и военный агент Санчес приняли русского генерала с распростёртыми объятиями. Гондра горячо приветствовал желание Беляева дать возможность русским устроиться в его стране. Однако оба они прибавили, что страна обнищала и на крупное вознаграждение рассчитывать не приходится. Русские в Аргентине на Парагвай смотрели пессимистически.

- «Куда вы? В Парагвай? Охотиться на обезьянок? - спрашивал меня священник Изразцов. - Посмотрите, что мне пишет оттуда бывший артиллерист, полковник Щекин: «Сейчас русских здесь никого нет. Были один или два инженера проездом, ничего не нашли и уехали. А те молодые, которые гостили у вас, тотчас же после революции откочевали в Бразилию... Я перебиваюсь как corredor (посредник по мелкой торговле)». «Но здесь, в Аргентине, мне нечего делать, - отвечал я ему, - продолжил Иван Тимофеевич[310]. - В этой стране я не вижу никаких перспектив для обездоленных русских, а в Парагвае нам будут рады». Едва ли не с первого дня моего прибытия в Буэнос-Айрес, в начале прошлого года, на меня обрушилась целая буря самых яростных нападений со всех сторон. Не щадили меня ни левые, ни правые из «Вера и верность». Обвинения сыпались даже от бывших моих соратников - белых, в том, что я совращаю верных им чинов, и со стороны врагов русской национальности, проклинавших Парагвай. Ожесточеннее всех набрасывались, устро-

[310] Здесь, как и в некоторых других местах, приведены подлинные слова из мемуаров И. Беляева.

енные мною здесь, наполнявшие газеты и воздух воплями, и распространявшие по моему адресу самые противоречивые нелепости. А причиной тому стало моё искреннее обращение ко всем русским за границей, в котором, предвидя ожидающие их в Европе передряги, я указывал путь к спасению в Новом Свете, единственной стране, которая желала русской эмиграции и выразила это в конкретной форме, разрешив мне выписать на казённые места русских в Парагвай. С первых же дней я послал, в издававшееся в Белграде «Новое время», горячий призыв ко всем, кто исстрадался душой за себя и своих на чужбине и мечтает вновь начать жить в стране, где он может оставаться русским, где он может найти себе существование, создать прочный очаг, сохранить детей от гибели и растления. Идеи бросить толпу русских беженцев на Советы в целях интервенции с помощью германцев я считаю пирамидальной глупостью, а с помощью американцев - грубым невежеством и незнанием истории. Всю бурю клеветы в свой адрес я выносил со стоицизмом русского солдата, с самообладанием краснокожего у столба пыток и продолжал кормить, поить и устраивать тех самых людей, которые, едва став на ноги, спешили расплатиться со мною потоками грязи и струями самой ядовитой клеветы. Где бы я ни устроил своего, там уже мне не было доступа. Но так я поступал всегда, начиная с Болгарии, так поступаю и по сей день. Были причины, побуждавшие меня к молчанию. Я не мог разоблачать тех, кого только что сам вывел в люди, руча-

ясь за их высокие качества, а ручался я за всякого, кто приходил ко мне с именем России на устах. Патриотизм означает для меня, что я люблю своё Отечество, что я не должен мириться ни с чем, пока не увижу его возрождения. На мой зов отозвались тысячи... Слёзы сыпались градом, когда читал их письма... Но смогут ли эти люди найти средства, чтобы сюда перебраться? Эта страна, только что вышедшая из двухлетней распри, обессилена. Общий уклад жизни здесь несколько напоминает Россию до 1900 года. Те же патриархальность, радушие к иностранцам, жизнь без претензий на европейские достижения, но полная своеобразных прелестей. Асунсьон походит на небольшой губернский городок, вроде Владикавказа, Эмкарнасьон и Консепсьон напоминают захудалые уездные городишки вроде Луги и Гдова. В столице имеется всего пять автомобилей: личные президента и военного министра, а также три торговых. Жизнь здесь оказалась удивительно дешёвой и спокойной. Словно и не было только что никакой смуты.

- В этом своё очарование. Смрад от автомобилей Лондона в наше время таков, что порою дышать невозможно, - вставил я. – Порою чувствую себя нео-луддитом[311].

- Чтение фортификации в Военной школе и французские

[311] Луддиты - участники стихийных протестов в Англии первой четверти XIX в. против внедрения машин в ходе промышленной революции. С точки зрения луддитов, машины вытесняли из производства людей. Нередко протест выражался в погромах и разрушении паровых машин. Восстания луддитов стали усердно подавлять войсками.

уроки в коллегии давали мне около тысячи песо в месяц. После ста аргентинских в Буэнос-Айресе это было недурно. Через три месяца, в полночь, меня вызвали к военному министру, который сообщил мне: «По Вашему желанию Правительство предлагает Вам выписать сюда специалистов согласно приложенным спискам на жалованье от содержания депутата до сенатора – то есть от двух с половиной до пяти тысяч песо в месяц. Вы должны гарантировать диплом и неучастие каждого в Красной Армии. Вы не консул и не посланник, мы не можем заключать с Вами контракты, но Правительство гарантирует своим словом, что все Ваши кандидаты будут пользоваться полными правами парагвайских подданных в смысле обеспечения. По Вашей задумке эти люди могут служить Вам базой для массовой эмиграции колонистов». Вслед за этим, я получил ряд поручений по исследованию Чако, где должен был подготовить всё в предвидении столкновения с Боливией. Что же, некогда юношеские мечты влекли меня в Южную Америку, к тем самым индейцам, которых я уже знал с детства, а потом немало читал о них в библиотеках Императорского Географического общества и Академии наук. Индейцев я сумел в юности воплотить в своей душе именно такими, какими я их и нашёл, оказавшись здесь. Но, помимо помощи индейцам, как народу угнетаемому, вижу для себя другую великую задачу: найти уголок на Земле, где бы всё святое, что создавала вечная Святая Русь, могло сохраняться, как в Ковчеге во время потопа

до лучших времен. Вы одобряете такой подход, Глеб Гордеевич?

- Безусловно! – искренне воскликнул я.

- Наше будущее поселение здесь мы назовём РУССКИЙ ОЧАГ. Этим мы ставим перед собой возвышенную цель - сохранение всех светлых основ, которыми жила Россия до Великой смуты, разврата и растления. Уже не сохранить прежнюю Россию, но можно попробовать спасти её честь, поддерживая закваску русского офицерского духа для оздоровления будущей России. К такому Очагу стягиваются немногочисленные, но достойные люди, разочаровавшиеся в западно-европейском радушии. Но, увы, пока что ни одна рука не поднялась мне в помощь, ни один голос не отозвался на мой зов. Никто из русских… Но отозвались, по-своему, краснокожие дети пустыни. Я знал о существовании Парагвая с семи лет, а в шестнадцать мечтал о возрождении этой героической страны, задушенной завистниками, что вполне сопоставимо с чёрной завистью к нам англичан, немцев французов…

Тогда мне настолько захотелось поверить в идею Беляева, что на глазах моих выступили слёзы и я буквально загорелся этим каким-то давно забытым, юношеским огнём».

На полях рукописи было позже приписано: «Беляев был официально назначен руководить переселением русских, но в деликатных условиях местной политической игры ему по-

требовалась большая дипломатичность, чтобы не погубить дело в зародыше. Вызванный им к жизни в Париже Комитет под председательством Донского атамана Богаевского, при участии брата Беляева и Парагвайского консула Ла Пьера, уступил место коммерческим организациям. Консулу был дан такой приказ, вследствие переноса центра переселения в Варшаву. Оттуда эмигранты посылались польской организацией на спекулятивных условиях, закрепощённые контрактом. Такое положение сильно вредило нашему делу. Но кто только в Европе не пакостил русским, как всегда, веками. Что говорить о поляках».

- Темно, как в «Аиде», в последнем действии, - заметил Беляев, глядя в непроглядный мрак спустившейся тропической ночи. Где-то неподалёку ухали туземные подобия сов, на наших сов мало похожие. – Надо будет завтра явиться к самому президенту с просьбой выделить достаточно средств на экспедицию. По-моему, кто-то на пути из казны часть денег прикарманивает...

- С Вашим испанским это будет не так сложно утрясти, - сказал я.

- Полноте. Мой испанский весьма убог. Ему едва как год исполнился. Вот английский мой, в самом деле глубок. Читал в детстве Вальтера Скотта в оригинале. Так сложилось в силу кровей моей матери, считавшей себя почти что шотландкой, не выносящей политику Лондона. Тем не менее, говорю я по-английски с большим напряжением – нет практи-

ки, да и произношение негодное.

- У меня недавно было суровое практическое испытание моего английского, что повысило его беглость. Но ему как-раз и не хватает глубины – словарного запаса, - рассмеялся я.

- Но в Вас не течет британская кровь – Вам простительно. Во мне есть и капля гурийской крови. Мать отца была родом с Кавказа. Но язык сей я никогда и не слышал. Шучу, шучу… При чём тут кровь, - с доброй иронией сказал Иван Тимофеевич.

Через день мы уже собирались в путь. Наш скарб мы катили в грубо сколоченной тачке по ухабистым улицам столицы. После вчерашнего ливня колёса часто вязли в лужах, но ближайшая к пристани улица оказалась сносно вымощенной. Но и в самом центре города, у огромного базара, заваленного бататом, маниоком и фруктами, мы с трудом обогнули глубокую лужу. Мимо нас, то и дело, сновали солдаты и полицейские с ботинками в руках, что было здесь нормой – кому приятно весь день ходить в мокрой обуви, облепленной высыхающей жижей? Проще было вымыть босые ноги, а то и незаметно одеть носки поверх грязных ступней. Молодые барышни надевали за углом чулки и ботинки, чтобы появиться на центральной мостовой улицы Пальмас обутыми. В городе уже было электричество и даже существовали трамваи, которые попадались на глаза, впрочем, не часто. Наконец, мы начали грузить вещи на небольшой баркас, под-

жидающий нас вместе с, вечно улыбающимся, молодым индейцем гуарани, который был избран генералом в проводники вместо спившегося пеона. Индеец, крещённый как Диего, оказался расторопным малым и умудрился подыскать нам надёжное судёнышко с умелым речным моряком – его владельцем. От него с утра несло крепкой брагой, но его физические качества были неважны, поскольку он должен был лишь забросить нас подальше на север по реке. Важнейшие детали двигателя дряхлого суденышка соединялись проволокой, или верёвками, а стенки котла его местами были толщиной с бумагу. Даже при самом низком давлении котёл мог легко взорваться и представлял немалую угрозу... Груза же, для столь утлой посудины, было более, чем достаточно: кукурузная и маниоковая мука, чёрная фасоль, рис, свиное сало, соль, сахар, кофе, живые куры, хина и прочие лекарства, запас верёвки, палатки, москитьеры, лопаты, сети и удилища, дробовики, винтовки, ножи, матече, топоры, посуда, спички, компасы, а также рыболовные крючки и ткани для подарков туземцам. С нами было ещё двое молодых русских – коренастый, могучего сложения унтер-офицер Ермолай Гурьевич Ерохин и мелкий, но жилистый прапорщик Тарас Терентьевич Финифантьев. Ермолай уже побывал в экспедиции с генералом, а Тарас был новичком. Даже двадцатипятилетние крепкие ребята поёживались от утренней прохлады, пришедшей с антарктическим циклоном – ветром сурусу, случающимся здесь до сентября.

- А что вы думаете? – рассмеялся Беляев, глядя на нахохлившихся ребят. – Поутру на моём термометре было пять по Цельсию! Вот вам и Россия почти что. А в Гран Чако сейчас куда-а посвежее! Там ведь на полверсты выше уровня моря.

- Где наша не пропадала! – Ведищев по-отечески похлопал по спине, близ стоящего Тараса.

- Климат во многом схож с летом в Нагорном Туркестане, - заметил Семилетов, со свойственной ему, невозмутимостью.

Семью я оставил в надёжном просторном доме, где поселился и Ксаверий Павлович, которому Беляев дал временное жалование за разбор всей почты для русской колонии. Конечно, проку от учёного в летах, будь он и моложе меня на целых семь лет, в плане защиты моих родных мало, но люди из муниципалитета убедительно попросили соседей «присмотреть за безопасностью друзей генерала Беляева», который жил совсем рядом. Соседи его уже знали и, похоже, уважали. Февронии я дал, на всякий случай, свой памятный браунинг, выданный некогда мне Московским сыском. Старогородский давал моему мальчику уроки по биологическим наукам и химии, а мать продолжала преподавать языки, историю и немного математику с физикой, по имеющимся старым учебникам на русском. Мы же проплыли пару дней по реке Парагвай до Консепсьона, за которым повернули по западному притоку-Верде в сторону боливийской границы. К

крепости Фортин Фалкон мы подплывали уже, местами, касаясь днищем илистого грунта. Дальше становилось слишком мелко даже для такой незначительной посудины, как наша. Возле убогой крошечной крепости мы прождали долгий день, покуда Диего и генерал, с его испанским, искали мулов для поклажи и лошадей для нас самих. Затем началась перегрузка скарба на вьючных животных. Самыми тяжёлыми были тюки с провизией и геодезическими приборами. Запас патронов тоже был нелёгок. Столичные власти милостиво одарили нас столь роскошными, по местным меркам, вещами, как сардины в томатном соусе, лимонадный порошок. Беляев раздобыл и местное блюдо - печенье с орехами колы, которое, по словам бывалых охотников и гаучо, поддерживает силы при длительном напряжении в ситуации близкой у голоду. «Полуголодные рудокопы в Андах Перу и Боливии выживают исключительно на жевании листьев коки. В том числе и несовершеннолетние – совсем ещё мальчики. Тогда им хватает одной якубы – болтушки из муки маниока вроде тибетской дзамбы» – уверял генерал. Мачете, гамаки, москитные сетки, рыболовные лески и сетки, стереоскопический фотоаппарат, подарки для туземцев весили немного. В общей аптечке, по настоянию супруги генерала, имелись марлевые бинты, йод, перманганат калия для промывки овощей или ран, миниатюрный складной нож для вырезания участков, пораженных укусами ядовитых змей или гангреной, а также опиум для болящих. Погонщиком мулов – соб-

ственности его хозяина, стал сухопарый метис средних лет - Родриго с недобрым взглядом прищуренных чёрных глаз. Когда мы, русские, оказались на миг одни, Беляев сказал:

- Нельзя напоминать метису о его краснокожих предках, которых тот, непременно, стыдится, в силу уродливой действительности. Метис никогда такого не простит и будет вам, при случае, пакостить, мстить. Это из моего недавнего опыта. Этот тип, Родриго, родом с севера. Он был раньше льянеро в Венесуэле. Тамошние саванны называются льянос – оттуда и слово такое. Всё равно, что гаучо здесь то бишь – ковбой, коровий пастух. Скорее всего, Родриго преследовала за какие-то грехи полиция, вот и занесло его так далеко на юг. Будьте с ним поосторожнее. Ожидать можно всякого, но выбора у нас нет.

В припойменных равнинах я подхватил, с непривычки, какую-то хворь. Меня бросало временами в жар и основательно «чистило» кишечник, без своей на то воли. Симптомы были непонятными ни для начитанного о местных особенностях начальника экспедиции, ни даже для коренного жителя Диего. В те дни я завидовал несгибаемому здоровью Фосетта, которого не брали тропические недуги. Меня успокоили, что это не малярия. Иван Тимофеевич любезно лечил меня исключительно коньяком из личного запаса.

- Этот напиток прекрасно помогает в тропиках, когда надобно всяку гадость глушить - прочищать кишки от тропи-

ческой пагубы... Сам я не пил в России почти никогда, но здесь, иной раз, приходится, - приговаривал он.

- В былые времена я пил лишь раз в месяц примерно, да и то – зимой. Не крепкие вещи, а только красное вино. Сухое, либо монастырское, - говорил я, «принимая на грудь».

Когда выяснилось, что коньяк нисколько не помогает, Беляев принёс мне на привале тыквочку-калебас, наполненную духовитым бурым напитком.

- Здесь - матэ[312], Глеб Гордеевич - парагвайский чай - сильно тонизирующий сок листьев падуба парагвайского. Горчит, но не так уж плох на вкус, если привыкнуть. В Парагвае предпочитают холодный матэ, называя его – терере. Но я Вам подолью ещё кипятка, как только Вы допьёте первую порцию. Хорошо бы пропотеть так, чтоб вся хворь вышла. Чай этот и дубит немного. Иезуиты, присвоившие в семнадцатом столетии эти земли, начали впервые возделывать плантации падуба парагвайского. Отсюда и его второе название - иезуитский чай, - рассказал мне Иван Тимофеевич. – После ухода иезуитов, плантации забросили, но, к началу нашего века, производство матэ вновь возросло во всех соседних странах. Это привлекло в Аргентину волну переселенцев из южных районов Бразилии. Большинство их них - поляки и немцы. Не слишком легко германцу живётся у себя после войны…

---

[312] Слово «матэ» означает на кечуа ёмкость для питья, изготовленную из бутылочной тыквы. Испанцы произносят это слово с ударением на первый слог.

Я стал тянуть терпкий напиток через трубочку-бомбилью и уверил себя, что именно это средство непременно поставит меня на ноги. Утром я уже с лёгкостью сидел в седле. Через несколько дней, когда позади остались более влажные и нездоровые низменности, с их заболоченными высокотравными саваннами, и мы оказались на уступе западного плато, всем русским полегчало от сухости прохладного «весеннего» Чако конца сентября. В ходе передвижения по довольно однообразным саваннам и редколесьям, прерываемым пойменными галерейными лесами и болотами, мы встречали совсем немного животных. «Сыну было бы здесь совсем не так увлекательно, как он думал, напрашиваясь со мной в путешествие. Я убедил его с трудом, что двенадцатилетнего никогда в экспедицию не возьмут и ему придётся подождать немного, хотя бы до шестнадцати. За все эти дни мы видели раз, мельком, анаконду с баркаса. Да и та была маловата… Болотные олени мелькали на берегу… Вчера из кустов метнулся гривистый волк, которого и разглядеть не успели. Обезьян только слышали… Болотной птицы и колибри, в самом деле, много…» - размышлял я. Ближе к границе мы начали работу. Геодезические измерения в деле я освоил довольно быстро, поскольку полистал учебную литературу ещё в Асунсьоне. Тарас знал это дело прекрасно, а генералу от артиллерии тоже подобало разбираться в схожих задачах. Семилетову оставалось вспомнить былые навыки: много лет назад он тоже занимался топографической съёмкой в Турке-

стане. Ведищев и Смураго учились вместе со мной. Ермолай был только на побегушках, таскал снаряжение. Он и грамотой владел с трудом. Диего с Родриго оставались на биваке за поваров. Им было поручено добывать свежую дичь и рыбу. Места здесь были весьма глухие, не принадлежавшие какому-либо племени. Сюда, в кампосы – пальмовые саванны, забредали лишь случайные бродяги-охотники. Словом, двуногие попадались редко и каждый из нас был рад этому, ибо бродяги бывали зачастую опасны. Племена же индейцев Чако-бореаль - тумраг, санапан и мачикуи были, не без оснований, озлоблены на белых и от таких племён можно было ожидать всякого.

После двух недель усердной работы, мы продвинулись вдоль границы на север и оказались возле весьма удалённой калеры – каменоломни для добычи известняка. Управляющим этого карьера оказался толстый итальянец с семьёй, а наёмными работниками у него были как полунищие итальянцы, так и парагвайцы. Поскольку в эти края редко кто наведывался, нам оказались даже рады. Связь с внешним миром осуществлялась по мелким истокам рек плоскодонками и плотами. Судя по убранству чакры - фермы, или асиенды дона Аугустино, как звали хозяина местные, итальянское семейство не слишком преуспевало.

- Угощайтесь, сеньоры, - с заметным итальянским акцентом пригласила нас к столу миловидная хозяйка, бывшая на-

много моложе толстяка-мужа.

Она водрузила на стол чёрный от копоти котелок, наполненный ромом, выгнанным из сахарного тростника, и чиркнула над котелком серной спичкой. По поверхности жидкости забегало синеватое пламя.

- Только добрый ром и спасает в этих краях от лихорадки белого человека, - проговорил владелец карьера зычным басом. – Прошу вас, сеньоры! А уж если угораздило заболеть, следует пить смесь табака, соли, жгучего перца, уксуса, водки, пороха и медного купороса – как рукой снимет.

- Благодарим Бога за ваше гостеприимство, сеньора и сеньор, - улыбнулся Беляев.

- Нам везёт с гостями в нашей дыре в последние дни. Познакомьтесь с доном Гуилермо, - произнёс Аугустино, указывая на, входящего на веранду к трапезе, незнакомца, добавив. – Он остановился у нас по пути с восточной границы с Бразилией. Прозвали его в наших краях Эль Десперадо и, полагаю, не напрасно.

Беляев уточнил для прочих русских, что Эль Десперадо означает Сорви-голова. Рослый сухопарый человек с дон-кихотовской бородкой и печальным взором запавших глаз почтительно кивнул всем присутствующим. По местным нормам за столом могли находится только носители чисто европейской крови, пусть и родившиеся в этих краях – креолы[313],

---

[313] Креол – рождённый в колониях, кровный испанец (португалец). Называться креолом было престижно и в поздние времена после Второй Мировой войны в

в крайнем случае – метисы. Наши Диего и Родриго ужинали отдельно – с рабочими-метисами.

- Сеньоры, я рад видеть вас, представителей далёкой державы, на парагвайской службе! – со сдержанным пафосом произнёс Гуилермо, поигрывая своим Смит-и-Вессоном внушительных размеров, с, украшенной жемчужными пластинами рукояткой, и длинным никелированным стволом. Все выпили по чарке обжигающего напитка и потянулась беседа.

- А Вы чем заняты в этих краях, дон, позвольте спросить? – поинтересовался Беляев.

- Не по доброй воле я оказался здесь, дон, - ответил Гуилермо. – Всё началось с того, что моего отца, инженера, в 1872 году боливийские и бразильские власти пригласили предпринять попытку провести железную дорогу через джунгли южных истоков Амазонки. Начинался каучуковый бум и у них появились лишние деньги: от чего бы и не построить дорогу для удобства доставок гуттаперчи из дебрей? Казалось бы, всё так и должно получиться, но от болезней и нападений индейцев полегло столько рабочих, что проект прозвали Дорогой мертвецов. Поговаривали, что за каждую шпалу положил жизнь один человек. Постепенно дело стало стопориться, так как никто не отваживался устраиваться туда работать даже за приличную оплату. Позже строительство

противоположность гринго – инородцу северо-европейского происхождения – олицетворению корысти, лишённого кодекса мужской чести.

продолжили, но отца уволили в тяжёлый год, он разругался с местными властями. По сей день там проложено лишь пять миль пути, идущего из ниоткуда в никуда… Цены на каучук с 1910 года по двадцатый упали на два порядка. Шампанское уже не имело спроса в Манаусе и европейские примадонны больше не приезжали в сердце сельвы – в Манаусский оперный театр. Он стал прибежищем летучих мышей и собак… Мой отец был в Испании человеком из давно обедневшей семьи, но в жилах его текла кровь идальго, если не испанского гранда со значительным титулом. Имеются семейные предания, что пращур наш некогда получил титул рыцаря Золотого Руна с правом не снимать шляпы в присутствии самого короля.

_Поразительно! – вставил Беляев.

«Какой испанец не мыслит себя грандом?» - мелькнуло в моей голове.

- Отец потерял в Испании работу и потому оказался в Америке. После кризиса со строительством на боливийско-бразильской фронтере, наша семья оказалась в полной нищете, и никто из нас уже не смог выбраться из этой глуши. Там я и родился, и вырос. Выживать приходилось охотой и рыбалкой. Став охотником с именем, я столкнулся с новыми трудностями. После появления искусственной резины, брандейрос – наёмники каучуковых баронов, остались не у дел. Название это происходит от «bandeirante» - «солдат удачи». Не стало удачи и они озверели от нищеты, злобы. После

1912 года большинство из них занялись откровенным разбоем. Это не люди! К ним стали примыкать многие, оставшиеся без работы, каучеро, они же - серингейрос – сборщики латекса[314]. Не гоже винить во всём каучеро-сборщиков. Нищета и безвыходность сделала их бесчеловечными. Они оставались должниками скупщиков каучука, а сами скупщики – должниками компании. Круговая порука, основанная на долговой кабале и, при этом, сколько ни трудись каучеро – расплатиться он бы не смог. Ведь годовой процент на долг составлял более ста! А если и появлялись в лесах независимые серингейрос, то представители компаний старались с ними расправиться. Нередко фазендейро – боливийские латифундисты ловят индейцев, превращая их в рабов. Им нужны для этих целей такие живодёры, как брандейрос. За черепа и скальпы индейцев, оказывающих сопротивление, современный фазаендейро готов платить награду. Эти подонки прослышали обо мне, как о лучшем стрелке в округе, явились к нам в дом и заставили меня записаться в наёмники под угрозой расправы над моей, еле живой от старости, матерью и женой с младенцем. С тех пор я не видел свою семью…

- Надо бы оповестить власти о подобном произволе, – вставил Беляев.

- Полноте, это совершенно бесполезно в тех краях. Вла-

[314] Когда, в ходе Второй Мировой, японцы заняли английские и голландские колонии в Юго-Восточной Азии, где находились плантации каучука, США надо было мобилизовать все силы, американцы остались без каучука и цена его резко подскочила.

сти? Что это такое? Мы там знать не знаем никакого правительства, - покачал головой Гуилермо. – Чего только не пришлось повидать в компании с брандейрос. Как-то, вырезая индейскую деревню, они устроили своего рода тотализатор: на полном скаку разрывают тело, привязанное к двум коням за ноги, ударяя человека о дерево. Брандейрос делают ставки: какая нога отделится от тела, а какая останется с ним соединённой… Наконец, я бежал, когда мы были очень далеко от моего дома. Бежал, в надежде, что им будет не до мести моей семье. Скитался в одиночку по дебрям и пришёл, в обход, к родному дому. На его месте было пепелище… Расспросив соседей, я узнал, что жену мою забрал себе в наложницы бывший каучуковый барон, а сыночка продали кому-то. Мать моя сгорела вместе с домом. Оказалось, что жена за это время утопилась в реке, не сумев удрать от насильника. Я расстрелял из укрытия всё семейство каучукового барона, обедавшее на лужайке пред фазендой, с большого расстояния и скрылся. Никакие напасти с тех пор не берут меня. Недаром имя моё происходит от слова «шлем». Пожил довольно долго в колонии меннонитов, обосновавшейся в боливийской пустыне, а потом оказался здесь.

- Да… и нам ведомо, что былой американский Дикий Запад выглядел, по сравнению с этой нынешней фронтерой, чинным, точно молитвенное собрание, - вставил Беляев. – А всё началось здесь примерно в те же времена, что и на Диком североамериканском. В середине прошлого столетия в

Парагвае, на британские деньги, руками Бразилии и Аргентины было устроено массовое избиение индейцев[315].

- Они хуже, чем барбаро[316] – эти люди, - вставил Аугустино.

Все наши разговоры мне приходилось кратко передавать Ведищеву и Семилетову, которым испанский, в их возрасте, давался с большим трудом, ибо они не освоили до того ни единого иностранного языка, кроме десятка французских слов. Ермолай с Тарасом тоже были склонны слушать мой перевод, но в их юные годы не выучить азы испанского было грехом. Ребята просто не привыкли утруждать мозги.

- Страшный тигр из Санта-Крус опять унёс одного их моих работников – почти мальчика, - сказал вдруг дон Аугустино. – Но мы надеемся, что лучший охотник в Гран Чако по воле Провидения, остановившийся в моём доме, положит конец произволу хищника.

- Приложу все мои усилия, дон Аугустино, - невозмутимо кивнул дон Гуилермо.

- А что это за зверь? – удивился я, зная, что тигры водятся только в Азии.

- Ягуар, который наводит ужас на посёлки по всему плоскогорью. Но это, конечно же, не тот самый, что запугал всю

---

[315] От населения Парагвая в 1,5 млн осталось 250 тыс. Уцелела девятая часть всех мужчин-индейцев.

[316] Барбаро - варвары, дикари, то есть – индейцы, живущие в лесах, не коснувшиеся цивилизации.

округу лет пятнадцать назад. Столько ягуары не живут. Но, как поговаривают - тот самый. Мол, его почерк. Так же убивает – своеобразно и без явной надобности, а скорее из любви к искусству. Хотя, кто знает? – ответил Эль Десперадо с загадочной интонацией.

Посоветовавшись, мы сочли своим долгом принять участие в облаве на ягуара-людоеда. Мы помучались, продираясь сквозь заболоченные пойменные дебри, а потом залегли на невысокой плоской скале – на языке гуарани - Ита-пуку-ми. Поскольку в округе эта скала была единственной, мы нанесли её на свою карту с большой буквы. Если Диего подобное название воспринимал с буквы маленькой, как носитель языка гуарани, то прочие местные считали это словосочетание именем собственным и единым словом. Диего, под руководством Гуилермо, привязал козла у подножия скалы, и мы стали дожидаться сумерек, надеясь, что луна успеет выйти и вовремя озарит для нас хищника, крадущегося к своей жертве. Испанец зарезал курицу и обрызгал её кровью окружность в сажень вокруг козла, чтобы привлечь внимание ягуара к бедному козлу. Но, оказалось, что все ухищрения искусного охотника Гуилермо ни к чему не привели. Либо ягуар был слишком хитрым, либо среди нас не нашлось достаточно искушённого ловца зверей. Вся наша русская компания собралась здесь и, если среди нас и были отменные стрелки из винтовки, как пёс войны-Ведищев, Се-

милетов, или Ермохин, то наше с Георгием умение стрелять из пистолета явно не подходило. Иван Семилетов, как выяснилось, был и неплохим охотником на горных коз, баранов, или джейранов в туркестанских пустынях. Но условия охоты в этих краях отличались слишком сильно, к тому же, капитан не привык к ночной охоте. К утру наша молодёжь – Тарас, Ермолай, как и Диего, крепко посапывали, Георгий ронял голову на винтовку всё чаще. Комары, на продуваемой возвышенности, нас не беспокоили. Бодрствовали только мы с генералом, а также Смураго, Ведищев и Семилетов. Не спал и, сильно сокрушающийся от своей неудачи, Эль Десперадо. С первыми лучами солнца, наш козлик продолжал мирно пастись, а мухи стали слетаться на капли куриной крови.

- Каналья! Не пришёл! Это слишком хитрый зверь! – возмущался Гуилермо.

- Он никогда не придёт в ловушку. Он слишком умён, - уверенно произнёс индеец.

- Не отчаивайтесь. Мы поддержим Вас, дон Гуилермо, если Вы не возражаете против нашей помощи в этом деле. Время нам пока позволяет, - сказал Беляев, который понимал, что для укрепления авторитета русских в этой стране и победа над людоедом может пригодится.

- Да, конечно, помощь вашу я бы очень высоко оценил, - несколько растерянно и неуверенно произнёс Эль Десперадо.

По пути назад он начал рассказывать нам о «прелестях»

местных пойменных галерейных лесов, полных ядовитых змей. Эти рептилии очень хорошо себя чувствуют в сухом кустарнике окружающих саванн, откуда они наведываются и во влажные заросли. Мы узнали, что в этих краях обитает пять различных видов гремучих змей! Яда самой мелкой из них вполне хватило бы любому их нас, чтобы отправиться на тот свет. Крупнейшая из них - сурукуку, пакарайя или бушмейстер, которая, если верить туземцам, может достигать пятнадцати футов. Впрочем, я позволяю себе усомниться в этих словах.

К вечеру мы сидели на веранде дона Аугустино за ужином, обсуждая дальнейшие шаги к поимке Тигра из Санта-Крус. Капитан Смураго неожиданно предложил вместо козла использовать в качестве приманки человека, выдвигая свою кандидатуру. Похоже, что Эль Десперадо был бы рад за это ухватиться, но Иван Семилетов заметил, что следует обойтись без лишнего риска. Бывалый туркестанец решил, что пойдёт сам в окружающие нас дебри и спровоцирует нападение хищника, спрятав винтовку под накидку, прикидываясь ослабленным, больным. После этих слов, Георгий, конечно же, не мог устоять и заявил, что пойдет в джунгли с револьвером в кармане. Гуилермо возразил, что пистолет – не есть серьёзное оружие против такого зверя, но переубедить бравого капитана не смог бы и лучший зоолог в мире. Он уверял, что попадёт без промаха в глаз зверя. Испанцу

осталось последовать задумке Ивана Семилетова. Мы с генералом попытались посоветовать отчаянным головам хотя бы не уходить в дебри в эту ночь, а выспаться за предыдущую, но все увещевания оказались напрасными – удила были закушены. Хорошо ещё, что это не задело понятие о воинской доблести отважного капитана Ведищева, оказавшегося вне охотничьих страстей после четырёх войн. К ночи все слышали рёв ягуара совсем неподалёку и крепкие запоры чакры дона Аугустино были тщательно проверены. Два капитана Императорской армии и бразильский охотник исчезли в ночи, разойдясь в три стороны. Глядя им вслед, генерал произнёс с печальной иронией:

- Налево пойдёшь – смерть найдёшь, направо пойдёшь – коня потеряешь. Прямо не получится – в реку сразу упрёшься…

Ближе к утру всех разбудил отчаянный лай собак. Оказалось, что ягуар унёс поросёнка, перепрыгнув через забор. Трое, ушедших вечером в лес, вернулись вскоре ни с чем…

- Этого зверя невозможно убить. Он – демон, - прокомментировал Диего, на что Гуилермо грубо оборвал его, обозвав неотёсанным дикарём.

Беляев веско заметил, что не одобряет в своей группе подобных выражений.

После полудня на ферму обрушились потоки ливня. Уровень вяло текущей реки за какие-то полчаса поднялся на

добрую сажень, и она уже грохотала, как горный поток! Дождь в этих краях ливня всегда можно ожидать при полно-, или новолунии. В такую погоду было бы бесполезным пытаться выследить ягуара. Как только хляби небесные немного унялись, задул устойчивый юго-западный сурусу и следующим утром в умывальнике оказалась тонкая корочка льда! Вода в реке спала очень быстро, оставив на берегах груды веток, коряг, мёртвого ибиса и полудохлых членистоногих тварей. Размеры иных пауков невольно вызывали почтение. Супруга дона Аугустино неожиданно слегла в жесточайшей лихорадке и ничто ей не помогало. Жар съедал её на глазах. Муж послал лодку с гонцом-итальянским парнем в ближайший посёлок за врачом, но путь туда был не близок. Когда посланник вернулся один, казалось, что жене владельца карьера и фермы уже ничто не поможет. Парень смущённо поведал, как недружелюбно его там встретила супруга врача, который был занят лечением самого алькальда от бери-бери в муниципальной асьенде, и не мог никуда отлучаться. Дон Аугустино взбеленился, поскольку узрел в этом ущемление своих прав на услуги врача, как «жалкого эмигранта-итальянца, отнимающего хлеб у местных». Метисы варили в гробовом молчании свою чичу – крепкое бражное пиво, которым были намерены подкрепить здоровье в этот неожиданный холод. Они жевали терпкий местный табак, который стали обильно запивать своей тёплой брагой. Эффект был ошеломляющий – началась какая-то мрачная оргия: никто и

не помышлял о работе – великий дождь поглощал все стремления. На другой день пьянство лишь разгорелось с новой силой. Эти люди искали забвения в своей грубой безрадостной жизни единственно доступным им способом и их можно было понять. Пили рабочие-метисы и их жёны до полного скотства и умопомрачения. Когда жена хозяина отошла в иной мир, никто из работников уже не воспринимал окружающую действительность и нам пришлось рыть могилу чтобы помочь, обессилившему от горя, пребывающему в полном смятении, мужу её. Примечательно, что владелец карьера и работодатель нисколько не возмущался повальным запоем своих подчинённых, да ещё в такую минуту, словно всё это было в порядке вещей. В те ночи ягуар умело пользовался моментом и унёс пятерых, одурманенных алкоголем, забывшихся поблизости в чащобе. Но и это не вызвало отрезвления. Оргия продолжалась. Прекратилась она лишь после убийства одного из метисов другим на почве ревности. Когда толпа захотела растерзать убийцу, дон Аугустино набросился на неё с тяжёлой плетью из кожи тапира, раздавая удары направо и налево. Порядок был восстановлен, а убийца оправдан, поскольку оскорблённый лишь подозрениями, муж напал на него первым и, возможно, не имея веского повода: как уверял убивший его, он не имел дела с чужой женой, будучи слишком пьяным. Не симпатизируя расовому высокомерию этих итальянцев, мы готовы были их поддержать, поскольку от одуревших метисов можно было ожидать

поножовщины.

- Анта! Его шкура, – с гордостью показывал всем свою плеть Августино.

Так они называют тапиров к югу от Бразилии.

Вечером мы справляли поминки по бедной хозяйке, но бражные выкрики, ругань временами заглушали наш разговор. Такой звуковой фон бы больше подошёл к языческой тризне, нежели к чинной погребальной, а затем и застольной молитвам, совершённым вдовцом на чистой латыни. Но Аугустино и теперь не жаловался на работников, а во всём винил лишь несвоевременные ливни. Он вновь сварил обжигающий ром, и мы помянули усопшую. Еды было мало, поскольку всем было в тот день не до стряпни. Ром закусывали бананами и на полупустой желудок гадкое пойло быстро мутило рассудок.

- Сразу видно, что вы из Европы, сеньоры, или уж – гринго, - усмехнулся молодой, обамериканившийся, итальянец, глядя, как мы – русские, очищаем банан. – Местный никогда не вскрывает банан с черешка, как европейцы, а с противоположной стороны – с носика.

- Да, он прав, - усмехнулся Гуилермо. – Вас можно вычислить и не слыша ваш акцент.

Дон Аугустино долго проклинал эти гиблые края, в которых «даже нет приличного итальянского вина, а лишь одна одурманивающая дрянь».

Гуилермо, Георгий и Иван Семилетов вновь сговорились пойти на ловлю ягуара-людоеда, на сей раз смазав кровью петуха себя и, притворяясь немощными. Они также сговорились не брать с собой заметного ружья, а лишь револьвер, чтобы обмануть коварного хищника. После затяжного ливня стояла прохладная сушь и все ожидали от Тигра из Санта-Крус новых жертв.

- C'est une affaire d'honneur - это дело чести! – восклицал капитан Смураго по-французски, который в этих краях никто не понимал. – Мы накажем убийцу!

В ту ночь они решили также разойтись по одному, но совсем недалеко, лечь в зарослях наподобие тех пьянчуг, которые стали последними жертвами, и ждать. Повезло Георгию, который стал героем дня, точнее – той ночи. Впрочем, слово «повезло» тут вряд ли уместно: ягуар выбрал почему-то его и напал, как всегда, очень неожиданно, подкравшись бесшумно. В последний миг капитан успел разрядить крупнокалиберный кольт прямо в глаз хищника, но мышцы на его левой руке были сильно повреждены. Обливаясь кровью, капитан добрёл до чакры под утро, разбудив нас, и сказал, что не смог принести тушу ягуара, из-за своей бессильной руки. Ермолай с Тарасом бросились на поиски убитого хищника в сторону, указанную героем, но им навстречу уже шли Иван и Гуилермо, несущие ещё тёплую тушу зверя. Мне показалось, что Эль Десперадо ревниво косится на Смураго, чисто

случайно посрамившего его амбиции. Мы с Мефодием промывали и бинтовали израненную руку Георгия. Было похоже на то, что она не сможет служить капитану как прежде уже никогда…

Казалось, что теперь наша экспедиция может спокойно распрощаться с гостеприимной фермой, чтобы продолжить работу на севере, но на следующий день к дону Аугустино прибыл, низкорослый человек изможднного, потерянного вида, оказавшийся его знакомым Раймундо Алеяндро с северных земель. Он сетовал на произвол брандейрос, которые сожгли его убогое жилище на стыке трёх границ. Оказалось, что этот человек – потомок иезуитов, некогда правящих территорией нынешнего Парагвая, как своим государством, мало считаясь с испанской короной. Его предок в восемнадцатом столетии согрешил, по понятиям иезуитских лидеров, женившись на гуарани, которых полностью подчинили себе каких-то сотни три-четыре отцов-патеров[317]. Нарушил целибат, а кроме того, и все представления о взаимоотношениях с колонизируемым народом. Большинство иезуитов в этих

[317] На иезуитов безропотно работали сто пятьдесят тысяч индейцев и двенадцать тысяч, ввезённых, негров. Первые иезуиты в Парагвае, действительно, ещё в семнадцатом веке, стали защищать обращённых индейцев от их главного бедствия - охотников за рабами-паулистов (из штата Сан Паулу, центра работорговли). Иезуиты добились того, что индейцы обрели безопасность от набегов паулистов и приучили гуарани к оседлой жизни, переселяя их в крупные селения, называемые редукциями.

краях были отнюдь не испанцами, но чаще – немцами, итальянцами, или шотландцами. Предок Раймундо был французом и звали его Раймон. Пращура дона Раймундо собирались изгнать из иезуитских колоний, но в 1768 году государство иезуитов было упразднено по велению мадридского правительства. Иезуиты погубили себя своими успехами - они стали слишком опасны. Они вмешивались в междоусобные войны, не раз брали штурмом столицу Асунсьон, побеждали португальские войска, освободили Буэнос-Айрес от осады англичан. После изгнания иезуитов правительственные чиновники бросились искать, спрятанные ими, сокровища, но их не оказалось[318]! Обнищавший сын Раймона от второй жены, уже – испанки – взамен умершей от болезни гуарани, стал настоящим пиратом и был прозван Чёрным пенителем морей. Он продолжил, уже запрещаемую частью европейских стран, работорговлю. Он весьма разбогател, но, во времена наполеоновских войн, был пойман имперскими французскими кораблями и повешен. Его юный сын продолжил дело отца, но однажды его корабль охватила эпидемия чёрной индийской оспы. Они вынуждены были сдаться властям, прибыв в один из портов Британских Антильских островов, с пугающим жёлтым флагом, означающим чёрную оспу. Англичане отнеслись к ним благосклонно, поскольку пираты

[318] По сути, иезуиты опередили масонов своими идеями захвата всемирной власти и разрушения монархий. Более того, иезуиты планировали исключить религии, которые могли мешать мировой власти, подобно глобалистам новейшего времени.

эти грабили и французов, в команде были и английские авантюристы, поэтому прадед дона Раймундо был излечен в британском госпитале.

- Иезуиты оценили будущее такого товара, как хинное дерево и лет, эдак, триста назад, полностью захватили производство целебного порошка хины, который стал называться «порошком иезуитов». В те времена цена его в двадцать раз превышала камфару и в пятнадцать – опия! – продолжал свой рассказ дон Раймундо, сверкая огромными чёрными очами на иссохшем жёлтом лице.

- В России после Петра Великого стало модой настаивать водку на очень дорогих травах и пряностях, - вставил Беляев. – Так появилась у нас и хинная водка в качестве аперитива. Подешевела она лишь с середины прошлого века.

- Так, из Вашего рассказа не совсем ясна роль иезуитов: что было важнее для гуарани: спасение от работорговцев, или же закабаление в редукциях – беспросветное существование за весьма сомнительную медицинскую помощь? – спросил я.

- Судите сами… Иезуиты хорошо вооружили индейцев огнестрельным оружием вопреки безусловному запрету, введённому испанскими властями по всей Южной Америке. Но, несмотря на требования правительства, иезуиты отказывались обучать индейцев испанскому языку. Они разработали письменность гуарани и обучали их новой грамоте. В своём квази-независимом государстве иезуиты сознательно ко-

пировали строй империи инков. Законов не существовало - их заменяли решения патеров. Существовали наказания: выговор, порка, тюремное заключение, изгнание из редукции. Смертной казни не существовало. Индейцы не владели почти ничем: ни земля, ни дома, ни сырье или орудия ремесленника не были частной собственностью. Даже работа на личном участке и урожай с него находился под контролем. Общины владели громадными стадами лошадей и быков. Мясо общественных быков раздавалось жителям по два-три раза в неделю. В редукциях развивались разнообразные ремесла, которые достигли высокого уровня. Были построены кирпичные заводы, мельницы. Строились органы, отливались колокола, печатались книги на иностранных языках для вывоза. Ни внутри редукции, ни между редукциями торговли не существовало. Не было и денег. По контрасту с жильём индейцев церкви поражали роскошью. Редукция была окружена стеной со рвом и общение между индейцами различных редукций не допускалось. Никто из индейцев, кроме военных и пастухов, не имел права ездить верхом. Все средства передвижения: лодки, повозки принадлежали общине. Патеры не только выступали посредниками, но и решали вопрос о браке, мало считаясь с желаниями взрослых людей.

- То есть – вопрос, что лучше - весьма спорный… - попытался резюмировать генерал.

- Кроме того, население редукций почти не росло -

несмотря на гарантию от голода и врачебную помощь. Ночные удары колокола призывали индейцев к исполнению супружеских обязанностей. После изгнания иезуитов большинство индейцев разбежалось и вернулось к своей прежней религии и бродячей жизни. Не это ли указание на то, чего им больше хотелось? – ответил Раймундо.

Постепенно, разговор об иезуитах заглох и Раймундо решился обратиться к дону Аугустино с просьбой дать ему несколько человек из чернорабочих, чтобы повести их на север и остановить, творящееся там беззаконие, с оружием в руках. Итальянец, сочувственно кивающий ему вплоть до этих слов, резко отказал, заявив, что работников ему крайне не хватает. Тогда Иван Тимофеевич призвал наш отряд помочь бедствующему населению страны в отделённых провинциях. Нам в любом случае следовало промаркировать границы с Боливией до стыка с Бразильской, так от чего бы не начать с северо-востока? Все мы охотно согласились: такой поступок способствовал бы завоеванию симпатий в глазах мирного населения страны. Гуилермо был больше других рад примкнуть к нашему отряду, поскольку ненавидел всех брандейрос.

Наш путь по Гран Чако оказался не так сложен, поскольку было сухо и мы имели достаточно лошадей и мулов. Но земли, лежащие северо-восточнее Рио Тимане, представляли собой уже более густые и даже сомкнутые леса, а пото-

му там предстояло передвигаться на своих двоих. По пути мы охотились на жирных водосвинок-капибар, броненосцев, уток и были неплохо обеспечены свежим мясом. Иной раз попадались, одичавшие, со времён иезуитской колонизации, апельсиновые деревья. Во влажных низменностях, незаметно переходящих в бескрайние болота Пантанал, всякой живности было очень много. Часто ловили и крупных рыб, стреляли уток.

- Что же, здесь начинаются непроходимые чащобы. Дальше мы продолжим путь per pedes apostolorum - по-апостольски, то бишь – пешком, - сказал Беляев, когда мы остановились у границы густого леса.

Когда мы расплачивались с Родриго, прощаясь с его вьючными животными и верховыми, метис оказался недоволен, оговорённой заранее платой и потребовал добавить слишком много. Генерал согласился на добавление половины от запрашиваемого, и мы холодно расстались с погонщиком. Когда мы углубились в джунгли с увесистыми вещмешками на плечах, наш проводник Диего вдруг поднёс палец к губам и произнёс с трагической интонацией:

- Тише, сеньоры! Слышите? Это песнь Пахара Муэрте!

В глазах индейца застыл невыразимый ужас. Генерал уточнил для всех перевод: «Мы слышим песнь Птицы смерти». В отдалении послышался протяжный крик, который не был явно птичьим, но, возможно, каким-то стоном неясного происхождения.

- Кто слышит её пение второй раз в жизни, тому больше не жить, - крещённый индеец перешёл на шёпот. - Мне выпало сейчас услышать её во второй раз... Бог да хранит вас, чтобы вы в этом переходе не повстречали её более. Я же обречён.

- Да, это вам не милый сердцу крик коростеля над болотом, - проворчал Ермолай.

С того дня лицо Диего более не посещала былая частая улыбка.

- Высокогорью и пустыне надобно, по мере сил, сопротивляться. Только так можно отнять у злобной природы свою жизнь, которую, она отнюдь не против отобрать у вас, - говорил Иван Семилетов. – А что касается таких стонов из леса, так лучше всего – не обращать на них внимания.

Даже, если он и сумел бы выразить свою мысль на чистейшем гуарани, его слова бы нисколько не пошатнули сложившегося убеждения Диего. Если в начале маршрута у многие натирали промокшие, распухшие от влаги ноги, то вскоре приходилось нести с собой запас воды на день в надежде заночевать у большого ручья, поскольку мелкие пересыхали. Рука Георгия заживала с трудом, раны гноились. Среди команды зрели какие-то недовольства и распри. Неожиданно Ермолай подрался с Диего из-за сущего пустяка.

- Dominus vobiscum – Господь с вами, - увещевал их генерал, пытавшийся пресечь подобные конфликты в корне, но мягкими методами, взывая к голосу разума и терпимости.

- Может быть, напротив, дать им выпустить пар? – пред-

ложил Георгий.

- Jamais de ma vie![319] – сказал Иван Тимофеевич. – Рукоприкладства не потерплю в своих рядах. Тем более, что наш бравый унтер ставит себя, вне сомнений, выше какого-то индейца, что я в корне не одобряю. Постыдился бы: такой здоровяк и лупцует худенького парня наотмашь! Дурное дело – нехитрое.

- Ваше Превосходительство, - старорежимно вопрошал генерала унтер, - так, басурманин ентот такой – бей-не-бей яго – яму-то от того ни хуже, ни лучше не станет. Иной раз двинешь такому, так оно и на пользу. Таких и тайга ента тропическая не берёт, а у меня на потнице подмышкой червяки под кожей завелися – ой, как гадостно. По ночам спать не дают. В тайге расейской хоть комара и побольше, зато хоть муравьи с клещами не донимают… А эти пионес – меньше блохи, а спасу нет – руки пухнут.

- Похуже, чем пионес – буррашуду. От этих маленьких насекомых расчёсываешь укусы до незаживающих ран. Потом остаются шрамы. Ладно… Всё это так, но рук распускать никому не позволю! Последнее предупреждение! Лучше бы мазь у меня спросили, унтер. Есть такая – и от червей поможет, - ответил Беляев сердито.

Как-то ночью, под полог гамака Диего пробралась кровососущая летучая мышь и на утро индеец стал ещё мрачнее обычного. На вопрос, в чём дело, он ответил генералу, что

---

[319] Никогда в жизни! (фр.).

вампир был послан к нему самой Пахарой Муэртэ. Похоже было на то, что все твари, населяющие лес находятся в её услужении… Нападни на Диего сама пума, он бы испугался, по-моему, куда меньше.

Наконец, мы оказались к северу от местечка Байя Негра, что лежит на реке Парагвай, в очень глухом заболоченном районе вдоль пограничного притока. Дон Раймундо сказал, что мы совсем близко к разгромленному посёлку, а в Байя поселился тот самый отставной каучуковый барон – главарь бандейрос. Вскоре мы вышли к пепелищу. Среди сожжённых хижин и дощатых домов уцелела лишь пара строений. Из развалин выглянул человек, который окликнул Раймундо по имени.

- О, Ансельмо Абелярдо! Как я рад видеть тебя выжившим! – отозвался Раймундо Алеяндро. – Думал, что я один успел тогда бежать.

- Не такое видали, - хрипло заговорил бронзовый, иссушенный солнцем, щуплый человек в летах. Было заметно, что он оголодал и давно не мылся. – Когда в шестнадцатом году к нам в Мексику вошли гринго, войска Панчо Вилья и Запато стали стремительно отступать. Куда нам было тягаться с восьмитысячным американским корпусом[320], вооружён-

[320] Президент Вудро Вильсон начал интервенцию, отправив карательную экспедицию генерала Першинга в ответ на убийство 17 граждан США мексиканцами.

ным по последнему слову техники?

- Гринго взяли Ансельмо в плен, но он сумел бежать. Узнав, что партизанская война прекращена, он разочаровался во всём и подался на юг. Вот какие люди живут у нас в посёлке! – с гордостью продолжил за своего соседа Раймундо. – Скажи мне, дружище, брандейрос знают, что ты здесь?

- Что ты, Раймундо. Ежели бы знали, затравили б давно, как зверя дикого. Они сейчас совершенно уверены, что все жители нашей деревни перебиты, или же унесли ноги далеко отсюда.

- Тогда, самое время их наказать, - задумчиво произнёс Раймундо.

Думаю, что я бы мог посочувствовать мексиканской революции, по сути - борьбе за независимость, несравнимой с нашим безумием перемен. В лице Ансельмо Абелярдо к нам примкнул ещё один матёрый стрелок. Благо, запас оружия у нас имелся и мы выдали соседу Раймундо старый британский армейский карабин, каковые имелись и у Ермолая с Тарасом. Прочие участники экспедиции имели вполне современные винтовки, кроме Гуилермо с его буквально антикварным, длинным, однозарядным ружьём. Зато Эль Десперадо мог стрелять из него как пулями, так и дробью. У Диего не было никакого оружия, кроме ножа и духового ружья. Когда мы, через день, подкрались к логову брандейрос, именно духовое ружьё особенно пригодилось: Диего бесшумно обезвредил часового отравленной стрелой. Отряд противника го-

раздо превосходил нас по численности, но на нашей стороне была неожиданность, и мы ворвались в лагерь полный полусонной пьянью. Началось беспощадное истребление отбросов общества, терроризирующих округу уже много лет. Первый же меткий залп порешил тех, кто был в состоянии оказать сопротивление, а потом уже работали лишь мачете трёх мстителей: Гуилермо, Раймундо и Абелярдо. Им было за что брать на себя грех смертоубийства довольно беспомощных пьяных и спящих. Иной раз и Смураго пускал в ход свой беспощадно-меткий револьвер. В залпе из винтовок капитан участвовать не мог из-за своей руки. Никто из шайки подонков не ушёл в лес. Через полчаса лагерь был устлан тридцатью изрубленными телами. Зрелище было отвратительное и, глядя на Абелярдо, мне становилось не по себе: этот маленький, тщедушный человечек сам казался мне исчадием зла. Можно было представить себе его суровое партизанское прошлое в рядах воинства Панчо Вильи. Оказалось, что Гуилермо узнал некоторых главарей банды, которые опустошили его селение ещё раньше, чем деревню Раймундо. Этим объяснялось его особое усердие в резне беспомощных пропойц. Когда дело было сделано, мы услышали мычащий сдавленный крик, исходящий словно из-под земли, и, с трудом, разглядели на пыльной площадке голову человека, зарытого в землю до самого подбородка! Он уже еле дышал и скоро бы отдал душу Господу, ибо глина вокруг головы несчастного была плотно утоптана и ему не хватало возду-

ха – грудную клетку сдавливала тяжесть земли. Чувствовалось, что он закопан был довольно долго. Так, мы спасли хотя бы одну душу, жертву произвола бандитов и это оправдывало всю ту кровь, если не думать о прошлых грехах брандейрос. Мы откопали несчастного, он отдышался, а когда Абелярдо облил его пропылённую голову водой, они с Гуилермо узнали в нём жителя соседней деревни. Вскоре они выяснили, что почти все её жители проданы в рабство на бразильскую территорию. Все наши новые знакомцы стали просить генерала помочь им освободить ту деревню, поскольку в ней оставались люди из банды, но мы никак не могли себе позволить нелегально пересечь границу, будучи официальной экспедицией от парагвайского правительства. Теперь и Эль Десперадо устремился к бразильской границе, чтобы вновь попытаться разыскать своего сына. Удалось ли ему? Об этом мы так и не узнали. Все четверо мстителей распрощались с нами, направляясь в Бразилию сводить счёты с остатками банды.

- Дельце не слишком достойное русского офицера – в пьянь палить, но, признаться, порой я даже испытывал некое удовлетворение, представляя их теми же матросами -маргиналами революции и с чувством всаживал пули в их пустые черепа, - сказал Смураго, когда мы расположились на ночлег в лесу подальше от кровавого места.

Через день мы бодро шагали в сторону столицы. Лес ста-

новился всё реже и важной частью пейзажа оказались многочисленные термитники в виде усечённых красноватых конусов. Потянул устойчивый ветер с севера, из бассейна Амазонки. Он принёс собой затяжные дожди чуть раньше обычного – на смене октября-ноября. За несколько дней проливного дождя тропы стали непроходимы, а ручейки превращались в широкие реки. Было решено остановиться у миролюбивых индейцев, с которыми мог разговаривать Диего. Вождь разрешил нам пожить в общинной хижине. Оказалось, что его деревня была давно испорчена огненной водой. Вождь потребовал плату за кров только в единственно приемлемом для него виде – пинту кашасы. У нас был с собой чистый медицинский спирт, и мы сказали, что это лучшая «русская кашаса», поэтому мы даём лишь поллитра, что, в конечном счёте, порадовало вождя. Долгими свободными от дел вечерами, под шум дождя, мы с Иваном Тимофеевичем вели интересные беседы. Иной раз с нами сидели Ведищев с Семилетовым, реже и Смураго. Молодёжь не решалась участвовать в разговорах старших по возрасту и званию. Впрочем, они не теряли времени попусту, беря уроки испанского у нашего проводника-индейца.

Как-то я спросил генерала о его предках, и он поведал мне немало занятных вещей:

- Род отца моего известен со времён Екатерины Великой. Прадед же мой, по материнской линии - Эллиот, по-

томок старинного шотландского рода. Государыня пригласила его к себе для укрепления российского флота. Он отличился в сражениях при Чесме и Наварине. Другой прадед - генерал Леонтий Трефурт был адъютантом Суворова и принимал участие в знаменитом Итальянском походе через Альпы. Прадед Леонтий Фёдорович - дипломат екатерининской школы и секретарь по иностранной переписке Суворова. Трефут женился на Елизавете Лавинской - сестре известного виленского губернатора. На старости лет прадед приобрёл четыре тысячи десятин земли у старого морского волка Снурчевского, за которым ходила слава пирата. Отец мой - генерал от артиллерии Тимофей Михайлович Беляев, который привил нам любовь к своей усадьбе[321]. Для нас этот родной очаг стал всем – раем земным. В наше время такое чувство родной земли людьми утрачивается. Никогда не забуду, как в стенах отчего дома я, юношей, читал «Илиаду», слушая, как тётя Женя, в сотый раз, исполняет на рояле рапсодию Листа. Под её звуки, из пожелтевших страниц, вставали стены и башни священного Илиона, роковые поля, где бились герои. Но ни могучий Ахиллес, ни ловкий Одиссей, ни стойкий Аякс не увлекали меня, как Гектор, кроткий образ которого, беспримерное самоотвержение, исключительное великодушие и благородство, соединенное с тончайшей нежностью его беспорочной души, заставляли меня прекло-

[321] Отец А. Блока был женат вторым браком на сестре Ивана Тимофеевича, ставшей мачехой поэта.

няться перед каждым его словом и поступком[322]. Образ этого героя-христианина, не знавшего Христа, - но за тысячу двести лет до Него показавшего недосягаемый идеал великодушия, на всю жизнь остался для меня светозарным маяком во мраке эгоизма и страстей. Целые песни я запоминал наизусть. Очень долго увлекался я и Фенимором Купером с его великодушными индейцами. Позже я с ужасом узнал, что в Соединённых Штатах до середины прошлого века власти выдавали премию за скальп краснокожего! Я даже молился за возлюбленных мною индейцев и Господь услышал, сделав меня, по-своему, их защитником. Всё же составил я за эти годы словарь их языка с переводом на испанский, обучал индейцев мака испанскому в своём доме, где на стене висят Царская шашка, скрещенная с мачете. Перевёл я на их язык и «Отче наш»[323]… От Купера и Майн Рида я постепенно перешёл к русским классикам. География, этнография, история путешествий были моими самыми любимыми предметами. Успевал я посещать и лекции Семёнова-Тян-Шанского в

[322] Здесь и далее отдельные фразы полностью заимствованные из мемуаров Беляева.

[323] Позже Беляев возглавил Национальный патронат по делам индейцев, чем помог укрепить их правовое положение в обществе. В 1938 г. в Асунсьоне с аншлагом прошла премьера спектакля первого в истории Америки индейского театра об участии индейцев в Чакской войне. Автор либретто - Беляев. Труппа в 40 человек, под руководством Беляева, побывала на гастролях в Буэнос-Айрес. Распад русской колонии «Надежда» в Парагвае не привел к краху личных судеб колонистов лишь благодаря личной деятельности Беляева, который устраивал русских соратников на работу, помогал, чем мог.

Императорском Географическом обществе, куда я был принят по рекомендациям профессоров Богуславского и Мушкетова. Слушал и лекции дальнего своего родственника академика Ольденбургского по географии и антропологии.

- Помню, как и я увлекался теми же авторами-приключенцами, - вставил я.

- А кто из нас не был очарован их романтикой? – спросил Ведищев. – Я бы добавил и Дюма с Вальтером Скоттом.

- А мне в Туркестанском крае милее всего было читать правдивые повести Арсеньева об Уссурийском крае, - добавил Семилетов.

- Увы, отрочество наше не бесконечно… Экзамены в кадетский я выдержал блестяще, третьим во второй класс. Но, на осмотре обнаружилось, что я слишком близорук. Директор, старый моряк генерал Макаров, был в восторге от всех моих братьев: Сережа уже перешёл в училище, он всюду был первым, Миша был в седьмом классе, Володя - в четвёртом. Все преподаватели сразу узнали меня по семейному сходству и радостно приветствовали. Но сделать нельзя было ничего из-за моих глаз. Мы поехали к генералу Махотину - начальнику военно-учебных заведений, человеку сухому и формалисту. Я помню его слова: «Но закон! Вы можете найти себе другую деятельность». Тётя со слезами на глазах твердила: «Но все его родные - военные. Он рвётся на военную службу, он хочет умереть за Отечество на штыках!». Лишь отец сумел помочь мне и добился приказа военного министра о за-

числении меня в корпус «для испытания». После кадетского корпуса было Михайловское артиллерийское училище. После грубой среды подростков-кадет с их цуками училище производило очень благоприятное впечатление. Прекрасное здание на самом берегу реки Невы у Литейного моста со старинными пушками по обе стороны, электрическое освещение, безукоризненно чистые мраморные умывальники, блестящие паркеты, юнкера в элегантной форме, при шашке с белой портупеей и замшевых перчатках, старшие - со шпорами. Все взаимоотношения были основаны на правилах безупречной вежливости. На медицинском осмотре меня ожидал полный провал, но репутация братьев спасла мое положение, и я был принят. Оказалось, что математика и верховая езда даются мне с трудом. В душе я остался мечтателем, скорее уж - гуманитарием... Но позже я слился со своим скакуном в кентавра лишь тогда, когда очутился на кабардинском седле и на лёгком огненном коне кавказских кровей. Моя тонкая кость и деликатное телосложение, унаследованное от гурайских предков матери моего отца, сделали из меня джигита. «Скачет наш Шамиль», - говорили офицеры моего конногорного дивизиона. Сам барон Врангель не без зависти поглядывал на мою кавказскую посадку. На кавалерийском седле, и на строевом коне барон был великолепен, но когда садился на кабардинца в черкесское седло, всё спрашивал: «А что, я не слишком наклоняюсь вперед?» Его конногвардейский рост и сложение требовали рыцарского коня.

Возвращаясь с занятий, мы тотчас же брались за книги. Для меня программа была ясна: я с особым жаром хватался за всё, что только могло иметь общее с моими любимыми индейцами. И вот, я здесь… Могу помочь индейцам делами…

- Божий промысел, - перекрестился Иван Семилетов.

- Наверное, так оно и есть, Иван Иванович, - продолжил Беляев, - и надеюсь найти себя здесь, стать полезным для наших эмигрантов и для индейцев. Но там, в училище, у меня стало болеть сердце. Бригадный врач, увидев мое состояние, сразу приговорил меня к смерти: «Сейчас же выходите в отставку, не напрягайтесь физически, не отходите от дома больше, как на версту, может быть, протянете ещё год». Отец привёз мне своего доверенного доктора, вердикт которого оказался более успокоителен: «Никакого органического порока, миллиард малокровных шумов. Перемените обстановку, отправляйтесь на Кавказ, и Вы вернетесь другим человеком». После стало лучше и сам Наследник престола Николай Александрович произвёл меня в офицеры. В три года от роду довелось мне увидеть в Летнем саду Александра Второго. Горько плакал я три года спустя, когда услышал, что Царь убит. Довелось увидеть и Александра Третьего, посетившего наше училище. Всё же прошёл войну Германскую и то выжил. За бои в Карпатах и спасение батареи в пятнадцатом Георгия удостоился. А вот этот серебряный образок Святого Георгия Победоносца и молитвенник, - генерал показал их нам, - подарок после моего исцеления от ранений

в Лазарете Её Величества от самой Александры Фёдоровны. Не мог я сразу понять, что не мог знать, что это отречение Николая было, фактически, насильственным. Но и принять сомнительных деятелей Временного правительства никак не мог душою.

- Особенно мне гадок Керенский, - вставил я.

- Как говорят в народе: «родила мама, что не принимает яма». Таков этот Керенский, - поморщился Беляев. – В годину развала армии, я предложил одному генералу, имя которого называть не стану, проект, который мог бы спасти самое драгоценное, чем обладала ещё наша оборона: остатки кадров, которыми держалась армия. Достигнуть этого можно было бы, создавая в глубоком тылу ряд запасных батальонов от каждого полка, где тяжело раненные и даже искалеченные офицеры и солдаты могли бы воскресить среди зелёной молодежи те традиции, которыми жила армия, которая уже вся полегла под ударами немецкой техники ради спасения западных союзников. Эта свежая армия, явившись в последний момент, решила бы судьбу России и, в случае преждевременного заключения мира, осталась бы залогом будущего спокойствия страны. Но, увы, я наткнулся на полное непонимание.

- А где Вы были в Гражданскую войну? – спросил генерала Ведищев.

- Служил в войсках Врангеля. Командующий он силь-

ный и достойных всех похвал, но методы его были жестокими вплоть до неразборчивости. Барон не терпел малейшего неповиновения. Я оказался свидетелем его охлаждения к Соколовскому. Когда Казанович поступил под его командование, Врангель решился добиться его удаления. Казанович горячился, протестовал против доводов барона, который хладнокровно взвешивая свои слова, постепенно подталкивал его к решению. «Я добился своего! - торжественно заявил потом Врангель Соколовскому. - Он подает об увольнении». «Вы нехорошо поступили, Ваше Превосходительство! - отвечал ему тот, не отрываясь от стола. - Казанович храбрый и честный старик, но он считает, что ради одной или двух блестящих побед не следует жертвовать последними кадрами, которые уцелели ещё в нашем войске. Вы спровоцировали старика!» Врангель ничего не ответил и молча сел на место. Но, с этих пор, я заметил, между ними пробежала кошка. «Вы считаете, что следует окружать себя лишь безукоризненно порядочными людьми, - продолжал Врангель уже в разговоре со мной. - Но среди негодяев есть талантливые люди, только надо уметь их использовать». «Честные люди не выдадут вас в беде, - возразил я, - а талантов у Вас самого хватит на всех. Но негодяй, как змея, рано или поздно покажет Вам свое жало». С этой минуты я почувствовал, что в качестве ближайшего сотрудника Врангеля моя песенка спета... «Ваше Превосходительство, - сказал он мне несколько дней спустя, - я очень огорчен, что мне приходит-

ся взять начальником артиллерии армии генерала Макеева. Романовский предложил мне одного из двух: вас или Юзефовича. Я был вынужден согласиться на последнего. Не согласитесь ли Вы остаться у меня начальником снабжения?» «Это совершенно не в моих вкусах, - отвечал я. - Но ради того, чтоб не разлучаться с Вами - в Вас я вижу единственного человека, способного спасти дело, - я соглашаюсь».

- Понимаю, что непрост барон Врангель. Но, в самом деле, кто кроме него мог бы спасти остатки нашей армии в тот чёрный год? – сказал я.

- Что ждёт нас, потерявших Отечество в будущем? – грустно спросил Беляев. - Два переживания омрачают мою жизнь. Первое состоит в понимании того, что мир предстаёт быть необъяснимо таинственным и полным страдания; второе - в том, что я родился в период духовного упадка человечества. Спасает от душевного упадка лишь благоговение перед жизнью, природой…

- Хочется верить, что Ваша задумка создания Русского очага непременно осуществиться хотя бы в этих краях, - сказал я.

- Помните, как в 1916 году писал Бердяев: «Россия - страна безграничной свободы духа... органическую, религиозную свободу русский народ никогда не уступит ни за какие блага мира… Страна бытовой свободы, неведомой... народам Запада, закрепощенным мещанскими нормами. Только в России нет давящей власти буржуазных условностей...

Тип странника так характерен для России и так прекрасен. Странник - самый свободный человек на земле». К 1917 году до семидесяти процентов деревенских жителей Империи были уже грамотными, а в городах – до чуть ли не девяноста. Страна жила сытно. Голод не грозил больше ни единой деревне. Но правящие административные круги грешили любоначалием - похотью власти, а либеральная интеллигенция – празднословием и насаждением хотя и высокой, но мало связанной с жизнью народа, культуры … И что мы видим там теперь, при торжестве большевизма? – говорил Беляев с грустью.

Дождь продолжал лить и зыбкие крыши, плетённые из пальмовых листьев, пропускали капли, превращающиеся в постоянные струйки, могущие основательно промочить нашу одежду. Понадобилось три сухих дня, чтобы мы могли продолжить путь по чавкающим от жижи тропам. В самую последнюю ночь случилось нечто, оставшееся для меня загадкой о сей день. Утром, перед выходом, мы никак не могли разбудить нашего проводника Диего. К нашему изумлению, он был мёртв! Мы раздели его и пристально осмотрели тело на предмет укусов ядовитых животных, или коварных ударов двуногих недоброжелателей: тело было чисто – без единой раны! К нам подошёл колдун племени и без всякого удивления констатировал, в переводе с очень скверного испанского:

- Этот человек рассказывал мне, что он слышал два раза крик Пахары Муэрте. Он лишь ждал своей смерти с тех самых пор каждый день и каждый час. Чему же удивляться? К чему искать следы насилия? Если вы услышите эту птицу первый раз – ещё полбеды. А кто увидит её тотчас же, совершенно ослепнет, а кто пытается поймать эту птицу, тот лишается рассудка. Это я, чтобы вас предостеречь.

- Мы верим Вам, сеньор, - дипломатично ответил ему Беляев, - но нам бы хотелось исключить все случайности.

- Сельва взяла его душу. Так и должно быть, - убеждённо произнёс колдун.

Оказавшись в Асунсьоне, мы впервые ощутили, насколько все мы измотаны этой поездкой даже и наши молодые, крепкие ребята, не говоря о нас с генералом – стариках. Когда я увидел жену, то, к своему ужасу, сразу понял, что её здоровье сильно пошатнулось: этот климат не был задуман Творцом для Февронии. В том же принялся убеждать меня и наш добрый Ксаверий Павлович, который очень беспокоился за мою жену и старался применить все свои естественнонаучные знания, чтобы помочь ей. Вместе с Александрой, супругой Ивана Тимофеевича, оба они буквально выцарапали Февронию из лап смерти от сильного жара!

- Да, это Вам не мистраль – суховейчик слабенький, Феврония Афанасьевна. Что бы в этих краях Ван-Гог делал, если ему во Франции от мистраля так худо стало? - пригова-

ривал Ксаверий Павлович о южном ветре сурусу, несущем холод из Антарктики. – Вам надо бы чаю горячего испить, Феврония Афанасьевна, голубушка. Право, Глеб Гордеевич, уж не знаю, что и делать, чем непонятную хворь изгнать. Всё началось с похолодания, пришедшего с юга. С того месяца супруга Ваша словно лихорадку схватила. Но это не воспаление лёгких, нет… Сильного жара уже нет, но температура немного повышенная… Надо бы далеко на север уехать.

Наш сын всхлипывал, тревожно поглядывая на мертвенно бледную мать. В те дни у меня в голове впервые возникла мысль о схожести климата Северной Америки с российским и необходимости переезда туда. Разобравшись с беляевскими делами, я поговорил с Иваном Тимофеевичем о возможной необходимости скорой отправки семьи на север. Генерал отнёсся к моим словам с пониманием и сочувствием. В 1926 году я съездил на разведку сам, побывав сначала на юго-западе Канады, которая нам была бы больше по душе, чем амбициозные Соединённые Штаты с их эстафетой англосаксонских имперских амбиций. Но Господь рассудил так, что мне удалось дёшево купить участок земли именно на границе Джорджии с Южной Каролиной, а на Канаду в тот раз не хватило денег, от незнания ситуации. На самом деле всё было совсем иначе. Между делами по организации экспедиций, я отправил жену с сыном в убогое жилище на приобретённом участке, снабдив их немалыми деньгами – благо помог и сам Беляев. Последующие годы я разрывался между работой

в Парагвае и поездками к своим в Штаты. Всё шло к тому, что скоро Боливия нападёт на Парагвай и случится настоящая, кровавая война и я даже был рад, что вовремя отправил отсюда своих, хоть и не сладко им там жилось без отца».

11. Пятая война капитана Ведищева (1932-1948)

Россия в каждом из нас! Любить её – это нравственно.
И. Бунин в 1943 году, в эмиграции

Пассионарность – жертвенность ради иллюзорной цели.
Л. Гумилёв

« - Это будет вполне серьёзная война, как мне представляется, - сказал капитан-дроздовец Мефодий Ведищев, прищуривая свой единственный глаз. Последнее время был он мрачнее тучи. Видно, страдал душою от неизвестности о своей семье, брошенной на Курщине. В ходе полной бездеятельности между экспедициями он замыкался в себе. Как-то он вошёл ко мне и попросил развернуть для него дроздовское знамя. После того, как выполнил просьбу капитана, он встал на одно колено, поцеловал край знамени и молча покинул комнату.

- Parole d'honneur[324], господа офицеры, с боливийцами шутки плохи. У них даже женщины дерутся, да ещё как! Для

[324] Честное слово (фр.).

публики бьются чуть ли не до смерти, не говоря о том, что население Боливии в два с лишним раза больше, - вторил ему капитан Георгий Смураго. – Как говорил Наполеон, для ведения войн нужны три вещи: деньги, деньги и деньги. Именно этого у парагвайцев не хватает.

- Думаю, что и боливийцам тоже. А мы здесь на то, чтоб помочь своим опытом парагвайцам, защитить более слабого. Бездельничаем пока, но может быть и прольём кровушку свою на чужой земле, за чужие интересы. Но, всё равно, поможем слабому против сильного, что на том свете зачтётся, - добавил капитан Иван Семилетов, пожёвывая пшеничный ус.

- Настоящая война разгорится со дня на день и это уже не будет лишь прелюдией, как в 1928-м году [325], - мрачноватым тоном вставил я, по странно неутраченной до сих пор привычке пытаясь потереть мочку несуществующего уха. – Ведь территориальные споры из-за Гран Чако начались сразу после обретения этими странами независимости от испанцев и длятся они целое столетие. Изначально на Северное Чако претендовали бразильцы и Парагвай создал там систе-

[325] Тогда парагвайская кавалерия захватила боливийский форт, в результате чего погибло 6 солдат. Боливия в ответ захватила парагвайский форт. Всё дело было в том, что имелись предположения о том, что Чако богато нефтью. Оспаривая право на эксплуатацию нефтеносных земель, сильные державы начали развязывать локальную усобицу. За Боливией стояла американская нефтяная компания «Стандард Ойл», а за Парагваем – британская «Шэлл». С тех пор шли напряжённые переговоры, а потом последовал разрыв дипломатических отношений. В 1931 г. случались мелкие пограничные стычки. Началось перевооружение.

му фортов, что предотвратило вторжение Бразилии. Удерживать эти бедные территории - более вопрос национального престижа.

- То будет моя пятая война, - не без гордости заметил Ведищев. – Отсчёт веду с подавление Боксёрского восстания, куда Государь нас бросил и не напрасно: там китайцы убивали неповинных русских людей. Одной войной больше, одной меньше – все там будем. Если в первой моей войне в Китае очень хотел живым остаться, то теперь – совсем иначе смотрю на всё это.

- Всё бы оно ничего, когда Отчизну защищаешь, но последняя – когда русские рубили русских, или сейчас, здесь, на чужбине, неизвестно ради чего и кого – нет вдохновения более. Мы здесь лишь кондотьеры. Проклятые ублюдки Керенский с Лениным, - Георгий сокрушённо покачал головой.

- Поздно уже сокрушаться. Всё позади, - произнёс Семилетов.

- Так, par hasard - случайно, точнее – в силу привычки, - отозвался Смураго.

- Военная служба она и на чужбине взывает к порядку и чести. Представим себя ратниками Легиона Чести. Ведь сражались же наши соотечественники на французском фронте, отдавая все силы. Наш капитан Смураго не даст мне соврать. Legio patria nostra[326], - усмехнулся генерал Иван Беляев. – Пока что закупка оружия совершенно разорила казну. У ис-

[326] Армия – наше отечество (лат.).

панцев приобрели тысяч двадцать винтовок маузер, в Дании – двести ручных пулемётов системы мадсен, у янки – крупнокалиберные пулемёты, а также «люськи[327]», у французов – горные орудия Шнейдера и миномёты. Непосильно дорогой покупкой оказалось приобретение у итальянцев двух канонерских лодок с современными орудиями. Всё это, конечно, звучит неплохо, но боливийская армия куда сильнее и имеет, вроде бы, пару боевых аэропланов. У Парагвая же, есть лишь гражданские аэропланы, которые могут быть оснащены оружием…

Близилась Пасха 1932 года – праздник, который для нас, русских, всегда оставался источником утех. В эмиграции именно в пасхальные дни особенно остро ощущаешь горечь изгнания. И мерещится былая Москва, и звучит в ушах звон колоколов во славу Воскресения Христова! Много воды утекло со времён нашей первой демаркационной экспедиции с Беляевым около семи лет назад. Смерть Врангеля стала для нас огромным горем. Россия потеряла великого человека и патриота. Через год скончался и Великий князь Николай Николаевич Романов. Генерал от инфантерии Кутепов оказался единоличным главой РОВСа. Скурившийся от потерянности и бездействия Заруцкий умер от рака лёгких. Тот, кого не брали ни пулемёты красных в ходе психических атак, а в Германскую и аэропланы его не падали, прошиваемые очередьми. Кутепов был уверен, что погуби-

[327] Английский пулемёт «льюис».

ла Заруцкого любовь к красной шпионке, каковой оказалась Юлия Аларина. Заруцкий не выдержал раздвоенности, вынужденной скрытности. А вслед за ними, в начале 1930 года, сам Кутепов был похищен в Париже советскими агентами и, очевидно, вывезен в Россию. С гибелью Александра Павловича - последнего рыцаря Империи, стало ясно, что у белой эмиграции нет реальных возможностей повернуть историю Родины вспять. Что теперь остаётся парижской эмиграции, как не читать мемуары, которые строчит батька Махно?

Все эти годы генерал Беляев делал всё, чтобы привлечь к нам осколки Белой армии со всего мира. Не всегда дело шло гладко, но всё же нас отряд неуклонно увеличивался. Некий инженер-полковник Попов, которого Беляев знал по первому и второму Кубанским походам как искреннего патриота, отказался от своего намерения явиться к нам с ядром первых русских, но рекомендовал нам инженеров Шмагайлова и Пятницкого. Они оказались хорошими специалистами, но их ничто не волновало, кроме личной наживы. За ними к нам прибыл Абраменко, честный инженер-путеец, конструктор Маковецкий, опытные геодезисты Авериановв, Снарский, Яковлев, Воробьев. Некто Шлезингер, участвовавший в ограблении Московского купеческого банка на Фонарном переулке в 1905 году, бежавший с миллионами золотом через Финляндию и Германию в Парагвай и водворенный там, несмотря на протест французского консула Пер-

ро (бывшего русским представителем при Империи). С помощью Шмагайлова, Шлезингер вызвал военного инженера Бобровского с целью положить конец патриотической эмиграции. Врангелевский генерал фон Эрн, бывший в Крыму всегда при министерстве обороны, умолявший Беляева вытащить его в Парагвай, проживал в Монтевидео. Чтобы спасти его от нищеты, Беляев передал ему свою кафедру, несмотря на нежелание директора, и исхлопотал для него длительное пособие. За ним приехал и Туманов. Оба клялись Беляеву в верности, как главному своему начальнику в русском деле в Парагвае и единственному представителю перед зарубежной эмиграцией, что тотчас нарушили, открыто приняв сторону Бобровского. Их группа стала бойкотировать всё, что Беляев делал для вызова эмиграции в Парагвай. Николай Фёдорович Эрн был избран церковным старостой и пользовался этим для создания полной изоляции Беляева.Но небольшой поток эмигрантов к нам не прекращался. Прибывали, главным образом, инженеры и мелкие техники. Но большая часть русских, освоив достаточно испанский, перекочёвывала в Буэнос-Айрес ради более лёгкой жизни, несмотря на затруднения с визами. Аргентина благоволила лишь евреям, ибо их диаспора в Буэнос-Айресе одна из крупнейших в мире. Одиннадцать экспедиций Беляева в Чако не остались незамеченными правительством Парагвая. Ивана Тимофеевича оно ценило выше генерала Эрна. Но группа бессовестных русских эмигрантов сумела со-

вершенно разложить нашу русскую колонию, лишить её патриотического смысла - спасения остатков русской культуры перед лицом приближающегося красного потопа. Все они, проклиная коммунизм, оскорбляли или замалчивали любые заслуги царской России вплоть до спасения Парижа от немцев. Нашу работу они выставляли, как распыление и подрыв тех «мощных» организаций, которым суждено было якобы, с помощью Германии, разгромить большевистскую Россию. Мы презрительно называли эти сплетни и нападки «керенским душком», но беляевская идея Русского очага неуклонно терпела крах… Создание консервативной истинно русской среды, пусть даже и вдали от центров скопления эмиграции, грозило пошатнуть позиции русских либералов, так и консерваторов, погрязших в бесконечной говорильне, на которой и те и другие в Париже обеспечили себе авторитет и добились привилегий высказывать мнение от лица всего русского сообщества. Эрн и Бобровский вступили в контакт с новыми руководителями РОВС в Париже, способствуя их равнодушию к начинаниям Беляева. Все эти люди были рады распаду русской колонии в Парагвае, как существующей вне централизованного контроля. Стали появляться различные коммерческие предприятия, готовые за определенную плату организовать выезд желающих на жительство в Парагвай, но условия и стоимость услуг оказались грабительскими. Им лгали, что вырученные за переезд деньги поступают в распо-

ряжение самого Беляева[328].

Десятого мая стороны официально объявили о начале войны. Мы узнали, что боливийским войскам помогают германские офицеры и не ожидали ничего хорошего от столкновения с армией, превосходящей парагвайскую в три раза… Наряду с местными генералами, армией противника командовал генерал-майор Ганс Кундт, имевший за плечами долгий опыт войны с Россией. Имели боливийцы и броневики, которые были в ведении Ахима фон Криса[329]. В каком-то смысле Великая война России с Германией продолжилась на далёкой земле другого полушария. Пасха оказа-

---

[328] Стараниями либералов в Париже усилия Беляева для привлечения эмиграции в Парагвай оказались напрасными. Патриотическая идея не выдерживала коммерческой нагрузки: путешествие за океан оказалось многим не по карману, а создание фонда в поддержку переезда не нашло поддержки финансовых воротил эмиграции, считавших себя не обязанными помогать державникам создавать прототип «реакционной России» в Парагвае. Но памятником самоотверженного дела Беляева остались тысячи русских интеллигентов, устроившихся в Парагвае или рассыпавшихся по Аргентине, Уругваю и Бразилии, и 20 тысяч крестьян, нашедших здесь спасение от польского ига.

[329] Всего боливийской армии служило 120 немецких офицеров. Военным советником служил там и соратник Гитлера Эрнст Рем. Фон Крис тоже стал нацистом. Часть боливийских солдат носила кайзеровскую униформу и обучались по прусскому образцу! Немцам после 1918 г. было запрещено иметь тяжёлую артиллерию, танки, авиацию и Латинская Америка стала желанным полигоном для офицеров Германской армии. Армию Боливии можно было развивать, смело экспериментировать. Им противостояли разобщённые 80 русских офицеров Беляева и, конкурирующего с ним, Эрна. Тем не менее, парагвайцы, под русским руководством, одолели врага.

лась не слишком радостной, хотя кое-кто из наших псов войны, как Ведищев, возликовали этому событию. Похоже было, что и Георгий обрадовался. Боливийцы осадили и заняли город Питиантуту, но вскоре парагвайцы отбили его. Отряд русских был послан правительством в Чако. В нём были Щекин, Орефьев-Серебряков, Касьянов, Салазкин, Ширкин, Бутлеров, Ходолей, Ведищев. За ними были брошены и Корсаков, Малорож, Тарапченко, Дедов, Экштейн, Малютин, Смураго и Семилетов. Они стали первыми. Беляев и я, его советник, послали им поздравление. Щекин ничем себя не проявил и вскоре пожелал эвакуироваться. Он уехал в Бразилию. Но остальные показали себя блестящими офицерами. Беляев перенёс на ногах сильный приступ малярии, но вскоре смог вновь помогать артиллеристам. Донской есаул Василий Орефьев-Серебряков поразил всех при штурме Бокерона, куда прибыли мы с Беляевым. Бесстрашие есаула Орефьева-Серебрякова вызывало общий восторг[330]. «Нечего кланяться пулям, - говорил он офицерам, - ведь это неприятельские». Одна пуля пробила ему фуражку, другая прошла между ног. Накануне взятия Бокерона в сентябре тридцать второго отважный донец пал, оказавшись ближе всех к вражеским позициям. «Какой прекрасный день для смерти!» - восклицал он на рассвете перед последним боем. Когда он поднялся, чтобы броситься в атаку, солдаты хватали

[330] После войны в Парагвае был назван форт в честь донского казака Серебрякова.

его за ноги, чтоб не допустить встать, но он тут же пал, пробитый двумя пулями навылет. Генерал Беляев пытался убедить командующего дать в его полное распоряжение четыре орудия с телефоном, ручаясь разбить укрепление за два часа, как делал это в Великую войну. О том же неизменно просили и прочие русские офицеры из почти пятидесяти (всего же, вместе с фон Эрновскими[331], русских было около восьмидесяти). Но они встретили совершенно непонятное тупое сопротивление. Генерал Эстигаррибия предложил Беляеву составить план артиллерийской атаки неприятельских позиций, что требовало много времени и было абсолютно бессмысленно. Какое-то время наш русский отряд, называвший себя промеж собой шуанами и вандейцами, держался особняком. На моих руках умирал наш унтер Ермохин. Широченные ноздри его жадно тянули воздух, могучая грудь всё ещё вздымалась, но глаза уже заволакивались туманом: кровь хлестала из его аорты и остановить её не сумел бы самый лучший в мире хирург, а не то, что я–грешный. Кроме упомянутых мною русских офицеров, остальные русские недолго были собраны в одно формирование. Мы

---

[331] Со стороны группы офицеров фон Эрна известно меньше подвигов. Одним из заметных офицеров был Степан Высоколян (1895-1986) – выходец из подольских крестьян, который ушёл на Германскую добровольцем. Стал прапорщиком. Потом сражался во ВСЮР, оказался в Галлиполи. В Праге окончил физико-математический факультет и потом военную академию. С 1933 г. - капитан парагвайской армии и стал командовать дивизией. В 1936 г. удостоен звания почётного гражданина Парагвая. Был женат на парагвайской гражданке и имел 9 детей.

не могли удержать свои рубежи, поскольку слаженной поддержки туземные войска нам не оказывали. Русский отряд оставался особняком, как бы не сливались в единую армию. Но вскоре всё изменилось, все наши офицеры были признаны парагвайскими, объединены со всей армией и командовали небольшими подразделениями плохо обученных, но отчаянных солдат. Касьянов уже командовал эскадроном, отличаясь спокойствием и выдержкой, мягкостью и деликатностью. Ширкин быстро получил эскадрон и впоследствии полк. Позже к нему примкнул Ходолей, с которым он и завершил войну. Вскоре получил эскадрон и Бутлеров. Он обладал великолепной ориентировкой на местности и полным хладнокровием в бою. Выражался он свою мысль по-испански плохо, держал ординарца, который передавал его лаконические, но ясные приказания на гуарани. Его командование вселяло в подчиненных доверие.

Но, под натиском более многочисленных войск противника парагвайцы стали откатываться от границы. Но, чем глубже оказывались боливийцы в бесплодных, малонаселённых равнинах Чако, тем труднее им становилось снабжать свою армию. Парагвайцы останавливались в своих фортах, на взятие которых, у наступающей армии, не оставалось сил. Ближайшая железнодорожная станция, куда могли подставляться провизия и боеприпасы для наступающих боливийцев, отстояла от границы на триста с лишним вёрст, а оттуда до ли-

нии фронта оставалось ещё до двухсот вёрст! Отсутствие фуража не позволяло использовать гужевой транспорт. Солдаты-боливийцы были выходцами из прохладных высокогорий и жара в Чако оказалась губительной для их здоровья. Снабжение парагвайских фортов было налажено по рекам и гужевыми тропами. Чако было превосходно исследовано и парагвайцы имели полное господство на реках и линиях железных дорог. Коренные обитатели Чако – гуарани были на стороне парагвайцев. Индейцы становились партизанами и отрезали все коммуникации противника. Когда аэропланы противника пытались подвезти своим боеприпасы и провизию, наш капитан Сергей Щетинин успешно сбивал их. Всё больше боливийских солдат гибло от болезней и ослабления от недоедания. Им не хватало чистой воды. За трусость и дезертирство с обеих сторон карали люто. Мне раз довелось увидеть военно-полевой суд в действии. Простого солдата-индейца приговорили к тысячи пятистам ударам плетью. Палка с четырьмя сыромятными ремнями, завязанными узлами, после полусотни ударов, превратила спину несчастного в кровавое месиво. Наказуемый множество раз терял сознание, но экзекуция продолжалась. Мои протесты, обращённые к парагвайскому командующему ни к чему не привели. Солдат, который бил недостаточно сильно, мог и сам получить до пятидесяти ударов. Спину полумёртвого индейца посыпали солью якобы не для пытки, а от мух, могущих отложить в мясо яйца... Выжил ли он я никогда не узнал.

Нам выдали достаточно пулемётов и прочего современнейшего оружия и маленький отряд индейцев во главе с русскими офицерами, засев в окопах, мог остановить продвижение нескольких сотен боливийцев. Там был и я, хотя уже не участвовал в непосредственных наступлениях, а находился советником при Беляеве. Мы использовали давно забытые голубиную почту, гелиограф – световой телеграф, аэростаты, передвижение по-пластунски, походное охранение – все тактические ходы в духе прошлого века, ностальгически щемящие сердце для таких ветеранов, как Ведищев с Семилетовым. Оба они нашли себя в этом. Парагвайские командиры ставили наш отряд в пример своим солдатам. В боливийских газетах за голову генерала Беляева предлагали значительные суммы в тысячу английских фунтов, или пятьсот тысяч боливийских песо. Поздней осенью продвижение боливийцев было полностью остановлено несмотря на то, что Боливия заказала в Соединённых Штатах двадцать новых бипланов-разведчиков и лёгких бомбардировщиков и первый из них прибыл в январе 1933 года. В этом году мне стукнуло шестьдесят и становилось всё тяжелее мотаться по по изнуряющему пеклу Чако. Парагвай провёл полную мобилизацию и закупил четырнадцать лёгких бомбардировщиков французского производства и пять итальянских истребителей. Боливийцы предприняли новую попытку захватить Нанаву, но потеряли более двух тысяч убитыми, тогда как па-

рагвайцы лишь сто сорок девять человек. Не зря, под нашим руководством, парагвайцы окружили Нанаву минными полями и колючей проволокой. Братья Оранжереевы обучили туземцев искусству поджога броневиков и все усилия фон Криса оказались тщетными. Это сражение прозвали «Верденом Чако». За такую неудачу правительство Боливии отправило Ганса Кнудта в отставку. В декабре целая группировка боливийских сил была окружена, частично перебита и взята в плен под Кампо-Виа. Полегли и капитан Борис Касьянов, и ротмистр Сергей Салазкин, и хорунжий Василий Малютин, и Николай Гольдшмидт, и Виктор Корнилович – малознакомые мне славные офицеры. Тяжело ранен капитан Николай Блинов.

Но в тех боях погибли и близко знакомые мне люди. После тяжёлых боёв под Нанавой, когда на большой площади долго щипало в носу от едкой пороховой гари, я встретил мрачного Ивана Семилетова. На нём не было лица. Привычное всем умиротворение, свойственное этому человеку даже в напряжённые моменты, исчезло. На мой вопрос последовал его печальный рассказ:

- Мефодий искал своей гибели. Он не мог смириться с мыслью о потере семьи, с тем, что он не знает, что с ними там. В том бою я понял, что он намеренно лезет под пули. Увидел издалека, через люнет[332], и сразу же постарался до-

[332] Оптический прицел.

браться до него. Пытался его остановить, но не уследил – прошит был пулемётной очередью. Перед смертью он шептал что-то трудноразличимое. Кажется, просил, если кто из нас окажется в России, найти его семью на Курщине. Мне проще. Я – старый холостяк… Лучше б меня там прихлопнули.

- Мир праху его. Достойнейший человек! – с трудом произнёс я, осеняя себя крестным знаменем. – Ведь этот человек мне дорог. Все мои фронтовые годы он был моим другом.

- Да и моим он тоже стал здесь… Нет больше и Георгия. Храбрейший был человек, как и Ведищев. Оба они лезли в самое пекло. Когда Смураго лежал в агонии после разрыва в окопе миномётного заряда, а я тщетно пытался остановить, хлеставшую из развороченной груди, кровь, капитан говорил какие-то странные вещи, наверное, уже бредил.

- А что именно, Иван Иванович?

- Он сказал, по-моему: «папоротниковая лихорадка сводит его с ума». Да… Нелепое словосочетание… А потом о глазах какой-то женщины и просил передать какой-то Евгении, что по-прежнему любит её.

- Мне понятно о ком речь, капитан. То – его последняя, а может быть – кто знает – и единственная любовь Смураго. Наша общая знакомая в эмиграции…

- Понятно…

- А глаза у неё цвета папоротника. Во всяком случае, нам так казалось. Как будем в столице, давайте зайдём в нашу

церквушку и помолимся за души убиенных. Закажем за упокой, - предложил я.

- Непременно, полковник. И это ещё не всё. Уже на руках у сестёр милосердия скончался тяжело раненный Тарас Финифантьев.

- Царство ему небесное, - перекрестился я. – Как жаль его молодость! Ведь ему и тридцати не было.

- Вы, может быть, не знаете майора Леонида Леша.

- Только имя слышал. Помню, его назначили командующим пехотного полка «Рубио». Кажется, он воевал в Крыму во Врангелевской армии.

- Недавно я узнал, что он был тяжело ранен при обороне форта «Франция» в ходе операции «Чарата». Слабо у них там в плане санитарии… Уж не знаю, выживет ли он[333].

- Да, немало русских жизней стоит эта, чужая нам, война…

- Я немного знал отца Леонида, генерала от инфантерии, по Туркестану, - продолжил Семилетов. – Генерал этот – участник Боксёрского, Японской. С тринадцатого года – начальник Закаспийской области. В Германскую отличался мастерством тактика. Потом служил у Деникина в резерве. Это мне уже сын его поведал.

Все эти дни у меня перед глазами стояли славные Мефодий и Георгий, ищущие смерть. Вспоминались их недавние

---

[333] Леш младший умер позже в госпитале в Пуэрто Касадо от заражения крови.

слова. «Мы же не англичане, чтобы использовать бурских женщин и детей, как заслон от вражеских пуль. Когда великая просвещённая нация так поступала с бурами, они не могли стрелять и проигрывали сражения. Это, на мой взгляд, навеки обесчестило британскую армию, как и её стратегия выжженной земли – уничтожения ферм и сгон бурских семей в концентрационные лагеря. Но наш противник лучше вооружён и куда более многочислен. Былое благородство здесь тоже не уместно» - говорил своё мнение, как всегда совершенно спокойный, Мефодий, в ходе наших дискуссий о партизанских методах. На это Георгий сказал тогда: «Мне говорил не кто иной, как некий, довольно объективный, английский джентельмен: «может быть на уровне частного лица всё, в чём нас уверяют искренние патриоты и достойно доверия, но на уровне британского правительства преобладает откровенное враньё». «Хотелось бы верить, что бывают исключения» - заметил я на его слова. Одним словом - The last of the Gentleman's War[334]… Мне было бы приятнее стрелять в тевтонцев, даже в красных русских, наконец, в двуликих томми, или лягушатников, но не в этих простых латиноамериканских крестьянских детей, индейцев. Ни в боливийцев, ни в парагвайцев. Не вижу разницы между ними и чьей-то определённой вины, кроме политиков, стоящих за ними. В таких бы и выстрелил. А крови невинной на мне итак хватает после всех дуэлей…» Всплыли в памяти и рассуждения Беляева:

[334] Последняя джентльменская война (с иронией).

«Как не вспомнить о старой немецкой ландскнехтской поговорке: «Молодой – солдат, старый – нищий», или о знаменитом испанском выражении «солдат удачи», который проиграл солнце, пока оно взошло».

Мне было вновь как-то неловко, что самому не пришлось участвовать в боях в Гран Чако, как некогда, находясь временно при штабе Деникина, а потом и Врангеля. В истинном пекле я побывал лишь перед самым разгромом Врангелевской армии. С другой стороны, я старел и был уже не боец: глаза не позволяли видеть достаточно резко мишень и мушку винтовки, а кроме того, усилился былой эффект от моей необременённости ушными раковинами, которых я лишился четверть века назад благодаря заботе добрых хунхузов. Я мог всё хуже различать источники звуков. А может быть, слух ухудшаться стал вне зависимости от ушных раковин – не знаю. Но скверно было на душе от того, что не был я рядом с более молодыми друзьями на передовой в их последнем бою. Как ни горько было бы видеть кончину моего друга Мефодия, но я бы очень хотел быть на месте Семилетова, быть там, в пекле. Слышать последние слова, покидающего этот мир, друга. Но мог ли такой человек, обременённый идеалами иной, рыцарской эпохи, уцелеть в этом чуждом, прагматичном мире? Моя семья была со мной всё это горькое десятилетие изгнания, а его – где? Жутко даже представить себя в его положении! А мог остаться в гармонии

с новым, изменившимся не в лучшую сторону, обществом жирующих обывателей такая личность, как Георгий – человек порыва? Нет и ещё раз нет! Он – человек иных понятий, иного уровня ощущения понятия достоинства и чести. Такие люди вне былой, утраченной России вырваны с корнем. Они – обречённые мастодонты. Потому и не смог сохранить себя и наш Государь, не понимаемый новой, образованной российской верхушкой, от чего-то мнящей себя носителями прогресса и добра, на самом деле, предельно оторвавшейся от религиозного, консервативного, в своей массе, народа. Люди эпохи, канувшей в небытие, обречены. Как это чудовищно, что былого никогда не вернуть, как не вернуть и этих замечательных, чистых душою людей!»

Ещё через год под Эль-Кармен резервный корпус противника был разбит и в армии боливийцев началась паника. Война фактически была проиграна Боливией. К весне 1935 года обе стороны достигли крайнего финансового и морального истощения. Парагвайцы уже вели войну на территории Боливии и сами оказались отрезанными от путей снабжения.

Далее в дневниках прадеда следовала поздняя краткая и сухая приписка: «В то время я был уверен, что победа уже обеспечена Парагваю. Мы оба, с Иваном Тимофеевичем, были вынуждены признать, что несмотря на успехи в боевых действиях, наша задумка с созданием «Русского очага» про-

валилась и перестала казаться достижимой. Поговорив об этом начистоту, я сказал, что подумываю о переезде в Северную Америку, поскольку здешний климат стал пагубен моего для здоровья, а главное, что сын там растёт без отца. Сильно страдая от малярии, я уехал к своей семье, распрощавшись с друзьями. Когда с палубы нашего судна, в лёгком тумане, возник силуэт Манхэттена, с его башней страховой компании «Метрополитен», бывшей некогда самой высокой на планете, и небоскребом Вулворта, превзошедшим её, мне стало от чего-то горше обычного: душа не лежала к этой стране. После беспросветности существования в Галлиполи, было лучше и в Сербии, и в Париже, и даже в Парагвае, но только не здесь. Помню, как меня мутило, то от автомобильной гари, то от приклеенных улыбок американцев, то уже и от мутного блеска эбонита телефонных трубок. Я ступил на американскую землю с твёрдым намерением срочно перебираться в Канаду.

Лишь в середине 1935 года, как написал мне Беляев, было подписано соглашение о прекращении огня. Потери сторон убитыми оценивались до сорока тысяч со стороны Парагвая, а Боливия потеряла ближе к девяноста тысячам. В плену у парагвайцев оказалась чуть ли не вся боливийская армия – триста тысяч человек! В Буэнос-Айресе открылась Чакская мирная конференция с участием представителей Боливии, Парагвая, Аргентины, Чили, Уругвая, Перу, Бразилии и Со-

единённых Штатов. В августе 1936 года Боливия и Парагвай подписали акт о восстановлении дипломатических отношений. С 1939 года Чакская конференция завершила работу и Парагвай получил три четверти спорной территории Гран Чако. Нефть на спорной территории, за которую было пролито столько крови, так и не нашли…

Иной раз и я писал Беляеву новости, услышанные из Парижа. Так, ещё в 1932 году эмигратские газеты там потешались над Керенским, выступившим перед тысячной аудиторией со своими, навязшими в ушах с семнадцатого года, речами, в знакомой отталкивающей, манере. Некая русская дама отхлестала его по щекам букетом роз, приговаривая: «Это за Россию!» И зал освистал бывшего главу государства. Ещё в 1934 году Беляев получил письмо от некоего президента общества «Русская эмиграция в Африку» Фёдорова с просьбой оказать содействие выезду в Парагвай тысячи семей русских староверов и казаков, осевших в Литве. Иван Тимофеевич пожаловал Фёдорова званием своего личного представителя в Парагвае и уведомил о том, что обратился правительству с просьбой назначить Фёдорова почётным консулом. Получив это звание официально, этот интриган заявил о независимом характере своей эмиграционной организации и предложил Беляеву принять в ней участие при условии полного разрыва с Колонизационным центром. Беляев пытался дезавуировать Фёдорова как своего личного

агента в Прибалтике. Но это уже не могло помешать Фёдорову проводить самостоятельную эмиграционную политику. Иван Тимофеевич не унывал, написав мне: «Но памятником нашей деятельности… остались тысячи русских интеллигентов, частью устроившихся в Парагвае или расселившихся по Аргентине, Уругваю, Бразилии, и двадцать тысяч крестьян, нашедших здесь спасение… Поля, дома, хутора, скот – их тяжёлый труд не пропал даром. И от этих людей я не слышал иного, кроме искреннего привета и благодарности». Писал Беляев без злобы и об Эрне, дочь которого стала основательницей первой в стране балетной школы. Возникла и еврейская колония в Парагвае, созданная в основном иммигрантами из России, давшая стране замечательных художников. Но Иван Тимофеевич сетовал, что некоторые русские офицеры, по увольнении в запас, предоставлены своей судьбе, не имеют пенсии. Когда в парламент был внесен проект закона о предоставлении русским врачам, принимавшим участие в войне, права практики наравне с врачами-парагвайцами, то его провалили. Наши врачи не получили права свободной практики и вынуждены, как и прочие иностранцы, работать только в тех местах, которые отстоят не ближе, как на несколько десятков вёрст от места практики врача-парагвайца. Писал генерал и о своей новой надежде на кадетский корпус в Буэнос-Айресе.[335]

---

[335] Кадетский корпус в Париже оставался до Второй Мировой, а в Аргентине деятельность по воспитанию кадет активно продолжалась ещё и в 1960-е годы.

Через полгода после моего воссоединения с семьёй, нам удалось найти участок в Британской Колумбии, куда мы вскоре успешно переехали. Вот, только сил поднимать новый участок земли уже почти не оставалось. Наш сын перенимал эстафету главы семьи.

В годы Второй Мировой войны Беляев написал мне, что он молится за победу русского оружия, а на его стене висит портрет маршала Жукова рядом с портретом Николая Второго. Генерал считал Сталина повторением Петра Великого по своей жестости, но нужным для России в такое время правителем. Я вспомнил, как Беляев говорил: «В завещании отец мой умолял своих детей сохранить непоколебимую верность Престолу»... Вопрос этот, на мой взгляд, спорный, но следует иметь в виду, что белоэмигрантам импонировало уничтожение Сталиным почти всех их былых противников по Гражданской войне, особенно - Троцкого. Во время войны эти симпатии возрастали вместе с победами советского оружия, открытием храмов, введению атрибутики царской армии – погон, орденов и медалей Суворова, Кутузова, упразднению института комиссаров. И прозорливых людей может подкупить бутафория под державность. В Сталине начинают видеть чуть ли не истинного царя, но ведь это – подмена ради достижения победы в войне. А Московская партиархия всё же не Мать-церковь, но некая антиканони-

ческая подделка под неё… Беляев[336] собирал деньги в эмигрантской среде на помощь советскому фронту. Наша семья наскребла посильную сумму и отправила её через банк генералу. В годы этой страшной войны меня не раз посещала мысль: «А что, если красным в Кремле, только кажется, что они сражаются во славу своего Интернационала? На самом же деле, они бессознательно льют кровь только для того, чтобы восстановить Богохранимую Державу Российскую... Получается, их красными руками они делают Белое дело – отстаивают Единую и неделимую. В какой-то степени это и наша, белая победа! Вернее – победа белой мысли. Если бы не их сатанинская вивисекция над поверженной Империей…»

Далее следовала приписка прабабушки Февронии: «Глеб Гордеевич, умирая, был в совершенно здравом рассудке, прощался с Андреем и со мною, а потом сказал: «Господь наказывает сейчас Великобританию, которая после распада её колоний перестанет быть великой и сожмётся до размеров средневекового королевства Англия. Да только народ её бу-

[336] Когда, в 1957 г. 81-летний И. Беляев, бывший в годы Чакской войны начальником генерального штаба парагвайской армии, скончался, в Парагвае был объявлен трёхдневный траур. Президент страны посетил отпевание генерала в православном храме. Воздавая должное заслугам русских офицеров, в столице Парагвая их именами были названы, по разным источникам, от 5 до 10 улиц, а в Свято-Покровском православном храме Асунсьона установлена мемориальная доска. Ещё 9 улиц столицы были названы именами русских воинов и инженеров, строящих дороги и мосты. В последние годы жизни семья Беляева жила впроголодь, но дом был полон обнищавших индейцев-гостей.

дет уже усталый от всего и на подвиги его уже не потянет. Былое величие можно будет забыть. Это дано им за подлые интриги с целью уничтожения Великой России. Но я верю, что Россия ещё воспрянет духом и останется великой державой. Её армия сейчас уже величайшая. Осталось лишь сменить пагубный дух атеизма на почитание Веры отцов. Увы, но мысли Врангеля, а потом и Беляева, что Белая армия должна сохраниться «как ядро будущей русской армии», оказалась невыполнимой». Отходную я читала сама: в нашей глуши канадской трудно было и англиканского священника сыскать, не то, что православного. Шёл 1948 год... Дорогие наши потомки, те, кто возьмёт эти тетради в руки и проникнется ими! Ваш предок, Глеб Гордеевич, был честнейшим человеком, который преданно служил всю жизнь своему Отечеству. Не взыщите с него, что он не оставил вам никаких накоплений ни в банке, ни в чулке. Оставил он вам едва встающую на ноги ферму на скудной земле, да потрёпанное полковое знамя дроздовцев. Ф. А. Охотина-Феоктистова, октябрь 1960 года».

«Какую интересную жизнь прожил наш прадед! Да и прабабушка наша вместе с ним! Но и не позавидуешь пережить такое…» - подумал Антон, завершая чтение и осеняя себя и тетрадь крестным знаменем. В последующие дни Антон нашёл время допечатать все дневники прадеда себе в компьютер, скопировал всё на внешний диск, который оставил на

ферме под ответственность любимой сестрицы. В последние дни на ферме Антон попросил отца достать то самое знамя Дроздовского полка и, подобно капитану Ведищеву, припав на колено, поцеловал знамя, чем очень растрогал своих родителей.

Часть 3. Болота Миссисипи

Заезд в Нью-Йорк (Начало панамериканского броска, 2000)

Подобно греку я народы зрел и страны.
«борхезированый» Борхесом эвфемизм Гомера

Оказавшись вновь в Ванкувере с целью утрясти дела с арендой квартиры, Антон с удивлением узнал от коллег по охране леса, что неожиданно, от сердечного недомогания, умер Сирил Хатчинсон. «Вроде бы не стар ещё был» - недоумевал Охотин. Имущество и сбережения владельца крупной компании наследовали его жена и сын. Выяснилось, что у них была ещё и дочь, но никто не знал куда она исчезла, разорвав отношения с родителями уже давно. Антон прервал контракт по аренде, который частично оплачивали фонды охраны природы, и стал ожидать прибытия брата.

Мистер Сирил Джереми Хатчинсон всё реже спал в одной

постели с женой и, по возможности, старался избегать этого. Впрочем, и к любовнице его тянуло всё меньше. Беттина Летиция не желала делить с ним ложе уже давно. Она решила ускорить события и, превозмогая отвращение к мистеру Слоуму, позволила этому «мерзкому Урия Гипу» залезть в её кровать, пообещав ему, что сделает всё, что тот захочет, если Уайтлоу возьмёт на себя устранение своего босса, которого «преданный» управляющий не слишком любил, как и «верная» супруга. Через день Сирил скончался в своём кабинете от «сердечного приступа». Был приглашён врач, который, видя всю «глубину горя» вдовы, не усомнился в случайности кончины по естественной причине. «Тяжёлая погода, душно. Имело место скрытое предынфарктное состояние» - заключил молодой эскулап. Сын Сирила прибыл уже после похорон и сокрушался от горя в присутствии сотрудников компании. Но, оставшись в кругу дружков, он уже упоминал папашу с иным лексиконом и на выражение соболезнований отвечал, мол, лучше не доживать до тех лет, когда тебя распирает от пассажей флатуленции, то бишь – выхода кишечных газов, а по-простому – не становиться старым пердуном, пускающим время от времени газы, и погрязать в marasmus senilis. При подобных замечаниях, обе стороны приходили в подобающее приподнятое настроение и вечеринка вовсе не омрачалась потерей любимого папочки. Беттина же, сразу после похорон куда-то уехала, оставив Слоума в раздражённом недоумении.

В те же суетные дни начала лета в город, на своей новой машине, приехал Глеб Глебович. Он с гордостью продемонстрировал брату мощный джип «Тойота», оборудованный для установки палатки на крыше, или же, в случае сильного ветра, ночевки в кабине. Глебу пришлось немало выложить одному умельцу, переоборудующему автомобили на заказ. Джип был идеально приспособлен для дальних путешествий по бездорожью. С работы Глебу пришлось временно уволиться, но он знал, что ему бы вряд ли отказали, если он захочет вернуться, чтобы, при необходимости, съездить в экспедицию для заработка. Братья сделали некоторые запасы и, через день, выехали с намерением проделать Панамериканскую трассу до крайнего юга. В тот же день они уже пересекли границу Соединённых Штатов, где были намерены доехать по побережью до северной Калифорнии, чтобы бегло осмотреть национальный парк «Ред вуд», в котором росло самое высокое дерево, из уцелевших в мире. Учёные намеренно не уточняли, где именно оно находится, чтобы не привлечь лишние толпы туристов и избежать неизбежное строительство для их приёма. Но коллеги подсказали Антону, как пройти к великану, и братья не преминули сфотографировать огромную веллингтонию – секвойю вечнозелёную. Затем братья намеревались пересечь страну до Нью-Йорка, где немного отдохнуть, посетить знаменитые музеи, но также и музей Рериха. Дальнейшие планы были предельно ясны-

ми для обоих: заехать в известный православный монастырь близ мексиканской границы и покинуть Штаты, ибо целью поездки была Латинская Америка.

Насладившись последней, хорошо уцелевшей, рощей вечнозеленой секвойи, которая, увы, уступает по толщине секвойя-дендронам, то бишь - мамонтовым деревьям, братья Охотины совершили затяжной рывок на восток по скоростным дорогам, сменяя друг друга за рулём каждые три часа. Благо, молодость позволяла выспаться сидя в эти часы.

- Не зря секвойя – это символ вечности, мощи, мудрости и надёжности, - говорил Антон.

- Согласен. В самую точку, - ответил Глеб.

Очень раздражало почти полное отсутствие классической музыки по радио, как и в Канаде.

- Они так гордятся своей великой державой, а сами неспособны наладить нормальную радиоволну с приличной музыкой. Или радио у нас такое слабое? - возмущался Антон.

- Ладно уж, понять можно: классику народ местный почти не воспринимает больше. Может в Европе с этим обстоит получше. Хочется верить. Но нет здесь даже сколько-нибудь удобоваримого джаза, или рока: одна дрянь – поп-дешёвка, - злопыхал Глеб.

Вымотавшись, решили остановиться в кемпинге лишь в Каштановом штате[337]. Оттуда за день доехали до Нью-Йорка,

[337] Огайо.

оставив джип на платной стоянке в Вестерчестере[338]. Уже в темноте братья случайно оказались на Бауэри стрит, забитой питейными заведениями. У входа в сравнительно приличный ресторан, где решили поужинать Охотины, когда они уже почти распахнули дверь, до их слуха донеслось улюлюканье шестерых парней-мусульман, шлёпающих по обтянутому заду приятную на вид, стройную блондинку. В ответ на её возмущение, доносилось лишь циничное хамство в её адрес. Братья крикнули в один голос:

– Эй там! Уймитесь! Ведите себя прилично!

- А пошёл ты! – гаркнул в ответ самый дюжий парень и, повернувшись к девице, больно ткнул её пальцем в грудь, за что, впрочем, получил от неё чёткий удар кулаком, раскварсивший его губу.

Двое других уже держали её за руки. Блондинка нанесла неожиданный удар в пах обидчика острым носком туфля, а братья уже сцепились с остальными тремя. Обменявшись с защитниками блондинки короткими, резкими ударами, парни предпочли убраться, скорее всего, опасаясь полицию.

- Спасибо вам! – улыбнулась красивая блондинка, но голос её всё ещё дрожал. – Ой, что с Вами? – взгляд её упал на раскрытую ладонь Глеба на которой была кровь.

- Ничего особенного, - смутился Охотин-старший, - слегка пырнули ножом в бок напоследок…

- Какой ужас! Из-за меня! Вам нужно срочно в больницу!

---

[338] Фешенебельный пригород Нью-Йорка.

Сейчас я поймаю такси. Нет, лучше я позвоню в больницу! – с этими словами, она схватилась за мобильник, но тут же воскликнула, - О, проклятье! Батарея села. У Вас есть телефон? – она строго посмотрела на растерянного Антона.

- Мы только что приехали в эту страну и пока ещё… - промямлил Охотин-младший.

- Беру такси! – она кинулась чуть ли на середину улицы, но машин было мало и те набитые пассажирами.

- Да будет Вам, - спокойно сказал Глеб, явно рисуясь своим хладнокровием, - ведь рана пустячная, неглубокая – я это чувствую. Надо лишь залепить её пластырем, чтобы не марать одежду. Я зайду в аптеку. Да и заслуги нашей никакой: эти подонки были обкуренными и не были способны толком сопротивляться.

- Хорошо, мы идём вместе, и я Вам помогу продезинфицировать рану, - вынуждена была согласиться незнакомка.

Глебу вдруг захотелось ощутить тепло её рук: «До чего же хороша! Её произношение никак не американское. Но и не британское. Откуда она?» После посещения аптеки, они присели на скамейку, быстро остановили кровотечение и посыпали рану антисептиком. Но незнакомка продолжила настаивать на звонке в больницу.

– Если я Вам в тягость – звоните. Иначе не хотелось бы туда. Как нет смысла и обращаться в полицию – их лиц я не запомнил, а вы? – невозмутимо отозвался Глеб.

- Всё! Мы идём ко мне на квартиру, которую я снимаю

уже полмесяца. Там есть всё необходимое и можно будет в любой момент связаться с врачом.

- Уговорили, - улыбнулся Глеб, переглянувшись с братом, - А Вы – смелая. Приглашаете к себе в жилище двух совершенно незнакомых людей.

- Я занимаюсь скалолазанием, что подразумевает некоторую выдержку, улыбнулась незнакомка и представилась, - Моника Пиркхаймер.

Братья назвали свои имена.

- Вам, наверное, не просто произносить моё странное имя именно так? – улыбнулся Глеб.

- Совсем уж так – да, пожалуй… Вы, наверное, из России?

Глеб кивнул, издав звук утверждения.

- А Вы не из Германии ли?

- Вы угадали. Здесь я проездом после соревнований по скалолазанию в Йосимити-парке.

- Как Вы покоряли сам Эль-Капитан?

- Вы тоже разбираетесь в горах? Соревнования были не на нём, но я попробовала Эль-Капитан немного. Чтобы пройти всю стену следует иметь больше силы в руках…

- Я занимаюсь прохождением ледников. На такой серьёзной скальной стене чувствовал бы себя новичком, - улыбнулся Глеб. – Эль-Капитан это не мой уровень, увы.

- Но такси нам, всё же, понадобится. Ведь я живу в Сохо – достаточно далеко для ночного времени. Это даун-таун южного Манхэттена.

Наконец, Антон поймал свободную машину и вскоре они подъехали к старому многоквартирному дому с чугунными элементами столетней давности.

- В XIX веке в Сохо[339] находились текстильные фабрики. До середины 1980-х здесь преобладали художественные галереи, и значительная часть богемы обитала в таких домах, - рассказывала Моника.

Вскоре они сидели в тесной квартирке Моники, которая разогревала нехитрый, вполне американский, ужин с толстой «неаполитанской» пиццей и немногочисленными анчоусами, разбросанными по ней. Долго длилась беседа о тонкостях скалолазания и альпинизма и Антону показалось, что брат с немкой полностью очарованы друг другом. Антон ощущал себя лишним: «Для неё я, конечно же, юнец. Да, Глеб и красивее меня. Но, кто знает? Ведь все лавры достались брату от того, что его пырнули. А если бы я был ранен?» Наконец, разговорились об истории. Всё началось с того, что Моника пыталась произнести имя Глеба именно на русский лад, но это не звучало. Тогда она заметила, что именно имена определяют всё, как и язык, употребляемый с рождения.

---

[339] Сохо - сокращение от South of Houston Street - «к югу от Хьюстон-стрит». Это название возникло в 1968 г. Но Сохо и квартал в центральной части лондонского Вест-энда. Там, в XVI в. был разбит охотничий парк и считается, что название произошло от охотничьего клича. Позже лондонский Сохо стал кварталом публичных домов и до сих пор – средоточие увеселительных заведений столицы там.

Услышав, как братья называют друг друга, она стала воспринимать их, как русских из России, а не канадцев.

- У немцев немало общего с русскими в исторической судьбе, - говорил Глеб, - особенно в том плане, что англосаксы и евреи считают себя в праве учить их и продолжать попрекать историческими ошибками, требовать искупления исторической вины, словно сами они и вовсе безгрешны. А ведь британцы творили расистский беспредел во всех колониях, как никто другой, а евреи установили настоящий геноцид русской культуры в России двадцатых годов. Но об этом западная историография как бы не ведает и эти факты не признаёт. То, что Сталин, к примеру, спас перед войной из зоны немецкой оккупации сотни тысяч евреев – забыто, а всего лишь несколько сотен политработников-евреев, репрессированных с конца тридцатых, не забыты, потому что этим Сталин лишил еврейских коммунистических лидеров власти. Впрочем, даже Каганович уцелел… Сталин совершил множество преступлений, особенно по отношению к русскому крестьянству, разгромив его окончательно, но, в отличие от своего предшественника, он хотя бы сделал и что-то положительное.

- Полностью согласна с Вами, - сказала Моника. - Всё очень непросто было в то время. Мой дед брезговал поддержать выскочку-лавочника Гитлера, поскольку был аристократических кровей, мечтал вернуть кайзера, но его брат… Словом, дошло до того, что родной брат, член СС, сажает

моего деда за решётку…

Моника настояла на том, чтобы Глеб спал на её кровати, а сама она, с Антоном расположилась на полу, в спальных мешках. Что больше всего удивило Антона, она пару раз вставала ночью к Глебу и щупала его лоб на предмет начала жара. Через несколько дней рана Глеба начала затягиваться, и он отблагодарил Монику за гостеприимство и сказал, мол, пора и честь знать.

- Ваше гостеприимство заходит столь далеко, что разрушает все мои представления о таковом в северной Европе, - улыбнулся Глеб. Он мог сказать простые фразы на немецком, что забавляло хозяйку квартиры.

- Давай уж перейдём на «ты», все втроём, - ответила Моника по-немецки. – Но я не вижу никакого неудобства, которое я должна испытывать, по-твоему, со своей стороны. Мне кажется, что мы очень мило провели время. Думаю, что тебе не следует торопиться, тем паче, что вы едете в опасные экзотические страны. Давайте сначала посетим музеи Нью-Йорка, как вы и планировали. Я ещё не успела побывать в музеях. Куда вам торопиться?

Глеб согласился. Тогда впервые зашла речь о цели их путешествия и его маршруте. Услышав, что они собираются в Техас, Моника заметила, что она была бы не против, если они подвезут её на юг к её подруге – будет как раз по пути. Братья не возражали. Антону показалось, что Глеб несказанно рад этому. Три дня они посветили Метрополитену, му-

зей коллекции старых мастеров Фрика, Рериха и Музею естественной истории. В последнем музее братьев больше всего удивили масштабные фрески в фойе, с фигурами, под которыми они обнаружили имена Витте, Набокова-старшего и прочих знакомых лиц из русской истории. Постепенно Охотины сообразили, что речь идёт о подписании Портсмутского договора с Японией, в ходе визита министра Витте, коего за это прозвали Графом Полусахалинским. Моника же была под впечатлением от глубины познаний Глеба в живописи и совершенно очарована его рассказами о художниках и стилях в Метрополитене, не говоря о профессии Глеба, связанной с владением альпинистской ледовой техникой.

- Всё же Николай Рерих, как бы интересен он не был и в качестве художника, и как личность, остаётся, в моих глазах, неким изменником русской идее. Ведь он полностью позабыл, отверг своё увлечение древнерусскими мотивами, углубившись в буддистское восприятие мира, - говорил Глеб, выходя из музея Рериха. – Как-то не вяжется образ чуть ли не святого пацифиста из России с небоскрёбом в этом городе, выстроенным для Рериха… Сама атмосфера в музее оставляет много вопросов: ведь Николая осудила американская общественность после того, как стало ясно, что он вёл двойную игру, получая деньги и от мецената-янки, и от секретных организаций СССР. Здесь же всё сводится к негласной реабилитации Рерихов, замалчиванию фактов, как и в России, как и в Индии. Рерих повёл себя нечестно, но радует то,

что русский, раз в жизни, надул американцев, а не наоборот.

- Но чем-то очаровывают его пейзажи, завораживают. Наверное, особым чувством гор и ламаистских монастырей, - отозвалась Моника, не вникнув в слова друга.

Садовник

Лишь добродетельный человек имеет право быть атеистом

С. Морешаль

Охотины не преминули проехать через приток реки Саваны на границе Джорджии с Южной Каролиной, где некогда, в убогой лачуге, пропахшей коровами, под старым тюльпанным деревом, обитал их дед Андрей, когда отец ещё не родился. Ветхий дом не сохранился, как и, окружавшие его тогда, леса болотных кипарисов. Постояли на берегу реки, пытаясь представить себе, утраченную ныне, пышность лесов. Краем глаза Антон заметил, что брат с Моникой взяли друг друга за руки. «Если так будет продолжаться, то вскоре мне придётся спать в кабине, уступив палатку в их распоряжение, - подумал Антон. – Но чему здесь удивляться, если он поразил её гораздо более глубоким знанием немецкой живописи, да ещё столь отдалённой эпохи».

В ходе приближения к границе Луизианы с Техасом, Мо-

ника начала рассказывать, что подруга её, родом из Голландии, стала присылать столь странные письма, что они уже начинают настораживать. Именно поэтому, Моника сочла своим долгом навестить подругу. Всё началось с того, что брат подруги, антрополог, окончил школу живописи и поехал в США, где побывал в резервациях апачей. Брат был полностью очарован их культурой, рисовал их жизнь в их традиционном стиле. Годами он углубляется в их быт, изучая язык индейцев. Подруга уверяет, что её брат уже признан апачами своим и ему остаётся жениться на скво. Но, что-то изменилось в его отношениях с индейцами, брат вернулся в Голландию и опускается там, пребывая в безделии. Пристрастился ещё в резервации к наркотическим грибам, кажется, продолжает курить дрянь. Сестра его тоже хочет кардинально изменить свою жизнь, осев в Америке. Ей требуется простор – необозримость горизонтов, а в Голландии она лишена этого. Темнело, Охотины сильно утомились поочерёдно сидеть за рулём в тот знойный вечер и машину вела Моника. Неожиданно они оказались подле старого дощатого дома с открытой верандой, окружённого деревьями, со свисающими лоскутами мхов. Номер дома полностью совпадал с адресом, имеющимся у Моники. Строение выглядело не слишком приветливо, а небольшой сад перед верандой выглядел запущенным, порос бурьяном. Моника ни разу не была у подруги со времён её переезда из Голландии. Они общались уже несколько лет только по электронной почте, или телефо-

ну.

- Иди и звони, Моника. Когда мы убедимся, что тебя приняли со всем подобающим гостеприимством, мы поедем искать гостиницу, - сказал Глеб.

- Что ты! Какая гостиница в этой глуши? Вы так измотались сегодня! Если и не пригласит она вас ночевать под одной крышей, то спите в своей палатке, или салоне джипа. Нам и втроём там хватало места, - возразила Моника, нетерпящим возражений, тоном.

- Ладно, убедила, - буркнул Глеб.

Вопреки ожиданию, открывшая дверь взъерошенная и столь же неухоженная, как её сад, женщина пригласила всех в дом сразу же тоном, не терпящим возражений. Похоже, что она была очень рада лицезреть Монику.

- Эмма Леони фан Хэндт, - протянула Охотиным сухую, прохладную руку странная особа, смерив их вопрошающе-настороженным взглядом, свойственным людям, сознающим свои слабости, если не пороки.

Братья не могли себе представить, что молодая особа, пусть даже одинокая, может жить в таком свинарнике. Гостиная оказалась смесью рабочего кабинета, заваленного бумагами, с уборной актрисы и прачечной: на потёртом диване красовались вперемешку стиранные и грязные, мятые и глаженные трусы и бюстгальтеры. Хозяйка лишь слегка сдвинула принадлежности интимного туалета в сторону и предло-

жила гостям располагаться на диване поудобнее. Тем же самым были увешаны кресла и стулья и, казалось, что платяных шкафов с вешалками в этом доме вовсе не существует. Трюмо было залито опрокинутым, и не вытертым до сих, пор коньяком, запах которого преобладал, смешиваясь с табачным из переполненной пепельницы, и недопитого, ещё теплого кофе из отодвинутой, чуть в сторону, чашки. Из холодильника, установленного ближе к кухне, подтекала струйка мутноватой, несвежей водицы. Рабочий стол был усеян скомканными бумагами, огрызками нечиненых карандашей. На стенах висели авангардистские картины весьма эротической и эксгибиционисткой направленности. Одна из них представляла нечто, напоминающее отвратительную физиономию, скорее всего, женщины, в расчленённом, экспрессионистском стиле. Единственный зрячий глаз этого монстроподобного образа с расслоённым ликом преследовал, находящегося в комнате повсюду, в какой бы угол он не забился. От его взгляда братьям было не по себе. Второй глаз, вроде бы с бельмом, смотрел куда-то в сторону, а вернее – в никуда.

- Чувствуйте себя как дома, гости дорогие, - произнесла хозяйка, но как-то растерянно, без улыбки. – Тут любой посетитель всегда, как дома. Люблю раскрепощённых людей.

Эмма ткнула длинным, не накрашенным ногтем в кнопку проигрывателя и до слуха братьев донеслась приглушённая музыка кого-то из известных минималистов.

- О! Мой кофе! Уже остыл, чёрт подери! О Боже, что это

со мной? – нервно воскликнула вдруг хозяйка с некой голландской шепелявостью. - Сейчас заварю всем свежий, простите, - смутилась она немного.

Вскоре чашечки свежего, дымящегося напитка были поставлены на, закапанный свечами, журнальный столик, испачканный давно чем-то жирным и липким. Эмма разломила плитку шоколада и предложила по кусочку каждому.

- Как брат? – поспешила спросить Моника, чтобы избегнуть затянувшейся паузы.

- Всё чудит, как обычно. Впрочем, я узнаю о нём всё реже. По-моему, он окончательно переселился из своей квартирки в палатку и, соответственно, не имеет под боком интернета, - вяло отозвалась Эмма. – Ты лучше поведай о себе и о своих спутниках. И не думала вдруг в этот вечер вас увидеть, как и вообще кого-бы то ни было. Всё так неожиданно!

Моника живо обрисовала события в Нью-Йорке и их случайное знакомство.

- Романтично! – рассмеялась Эмма. – В духе лучших традиций: ОН защитил ЕЁ!

- Не вижу повода для подобной иронии, Эмма. Мне было не до смеха там с этими сынами Пророка Мухаммеда. Их было шестеро! - обиделась Моника. – Ты вечно иронизируешь.

- Что ты! Только, если речь заходит о мачизме.

- Какой же тут мачизм, если мужчина защитил женщину, подвергнувшеюся нападению?

- В чистом виде! Уважающая себя свободная женщина

способна сама себя защитить!

- Посмотрела бы я на тебя одну против такой оравы молодчиков! Ты опять начиталась опусов миссис Зонтаг? И не тошно тебе до сих пор?

- Представь себе, что нет, ибо в них чистая правда: миром до сих пор вертят самцы, как и нами, увы. Сьюзен Зонтаг – умница! Вы не примите мои слова на свой счёт, Глэ-эб и Антон (ударение она ставила на «А»). Склоняю голову, что вы не убоялись шестерых молодчиков!

- Но Вы же говорите в целом, то есть мы, как раз-таки и должны воспринимать эти слова на свой счёт, - улыбнулся Глеб.

- В какой-то мере Вы правы, конечно, - лишь немного смутилась Эмма. – Но я подразумеваю не порядочных мужчин, а пакостных мачо, как мы говорим, обобщая - viese mannetje[340]. Цель же женщин, наконец, достичь полной свободы и самостоятельности. А ради благородной цели пригодны любые средства борьбы.

- Что это? Голландское слово? – тихо спросил Глеб у Моники.

- Не обращай внимания. Это просто излюбленное выражение нидерландских феминисток, - ответила Моника.

- Обобщения очень полезны, - улыбнулся Глеб, - даже поучительны. Где-то я прочитал о некоем японском старце, у которого в золочёной клетке жил соловей. Чтобы он не за-

[340] Грязный мужичонка – фисе маннетье (нид.).

мечал, когда наступает ночь и ему пора спать, а услаждал пением слух хозяина своего постоянно, старик выжег соловью глаза...

- И? – удивлённо и неприязненно уставилась на Глеба Эмма.

- Достиг ли японец того, чего желал, мне неизвестно, но цель его была ясна.

Глеб встретился глазами с непонимающим взглядом хозяйки. Глаза её были весьма красивы, как и тонкое лицо, обрамлённое тёмными волосами. Но постоянное нервное напряжение в этом лице не делало его истинно привлекательном. Скорее отталкивало чем-то мало уловимым. «Интересно, а зачем она подвела себе глаза, если весь день сидит одна и никого не ожидает?» - удивился Глеб.

- Вы, наверное, слишком много Достоевского читаете, Глэб, - попробовала отделаться шуткой Эмма. – Осторожнее! Это может повлиять на психику.

- Всенепременно стану читать меньше, - улыбнулся Охотин.

- Эта злобная феминистка меня лишь раздражает, - сказал Глеб, когда братья ложились спать в машине, отказавшись от ненавязчиво предложенных раскладных кроватей. – И что общего может быть у них с Моникой?!

- Это должно бы озадачить и насторожить тебя, - рассмеялся Антон.

- У меня уже был опыт с женщиной из Торонто, брат мой,

- сказал Глеб. – Он оказался настолько печальным и поучительным, что второй раз заблуждаться и ошибаться стало бы непростительной глупостью, поверь мне. Думаю, что Моника – стоящий выбор.

- Эмма раза три за вечер отлучалась в клозет, каждый раз, и непременно во всеуслышание, оговаривая, что идёт пописать, что также настораживает, - продолжал посмеиваться Антон.

Когда Охотиных позвали к завтраку, до них донеслись заключительные слова беседы подруг за чашкой кофе.

- Но он призывает именно к добровольному уходу их жизни, уверяет, что готовит и сам себя к этому, - доносился низкий голос Эммы.

- На твоём месте я бы не принимала его больше, как гостя-собеседника, а ещё лучше, подыскала себе нового садовника, - раздался в ответ красивый, хорошо поставленный голос Моники. – По-моему, в твоём саду работа не продвинулась ни на йоту.

- Наши предки, вне сомнений воспринимали все подобающе: Бог дал, Бог взял. Современный, всепроникающий, атеизм разрушил здоровое и трезвое отношение к смерти. Скоро ОН придёт, и ты всё поймёшь, - произнесла Эмма уже когда братья занимали свои места за столом.

Гостиная продолжала служить сушилкой для всевозможных интимных предметов туалета хозяйки, а вчерашние

чашки кофе оставались на журнальном столике невымытыми. «Не признак ли это её депрессивного состояния? Выглядит она старше подтянутой Моники, и кажется какой-то нездоровой» - подумал Глеб. Совместная беседа не клеилась, и Эмма продолжила о том самом садовнике:

- Как-то он зашёл вместе со мной в католический храм и принципиально не стал снимать шляпу. Напоминаю ему, мол, Вас могут не понять… Он заявляет, что не намерен снимать, ибо не считается с правилами христианства, дискредитировавшего себя уже давно, прибавив широко известные факты о нынешних священниках-католиках, которые грешат педерастией и тому подобное. В отношении Церкви, как института, он непримирим. Но при этом типично для него оправдывать буддизм, мол, единственно положительное нечто, да и то - не религия, а более философия.

- Он не оригинален отнюдь, - повела плечами Моника.

- Насчёт буддизма-нерелигии позвольте не согласиться, - вставил Глеб.

- Просто он считает христианство сущим мракобесием, - развела руками Эмма.

- Тебе это импонирует? – удивилась Моника её оправдывающему тону. – Мне подобная мысль неприятна, ведь именно христианство вывело человечество на путь человеколюбия. В Европе всё чаще повсюду в садах и у дверей ставят головы Будд, сидящих Будд. Не скажу, что это радует, ибо те кто их устанавливает, как правило, ничего не смыслят в

буддизме.

- Эти люди не ведают, что в Тибете, например, было подлинно теократическое государство с забитым народом и полной властью лам. Ничем не лучше средневековой Европы, не свободнее. Но, сами по себе, оба учения сделали нас лучше, гуманнее, что гораздо важнее всяких отклонений. Разрушающая христианство, современная доктрина успешно вбила европейцам в голову, что разумнее обратиться к буддизму, - добавил Глеб.

- Наверное Вы правы, - примиряюще добавила Эмма Леони. – Антон, Глэб, вы берите, пожалуйста, бутерброды. Моника сама всё сделала. И очень ловко! Я же питаюсь лишь кофе и шоколадом, когда одна. Уж прошу извинить. Даже хлеб помазать нет сил. Но в холодильнике всё есть. Сами берите, что угодно…

- Благодарю, Эмма, нам, в самом деле, следует подкрепиться после дороги, - улыбнулся Антон, чувствовавший голод после отсутствия ужина.

Раздался звонок и Эмма побежала открывать.

- Доброе утро, миссис фан Хэндт, - раздался невыразительный монотонный голос.

- Здравствуйте, проходите. Мы как раз сидим за кофе.

- Вы говорите во множественном числе? – незнакомый голос слегка насторожился.

- У меня гости, входите. Позвольте вам представить ми-

стера Рэндла Вудро Прайса. Это моя подруга Моника, а это Антон и Глэб из Канады.

Пожатие сухонькой руки садовника было еле заметным. Его абсолютно круглые, глубоко запавшие, глаза молчали, как и мимика лица. «Возраст и внешность его было бы весьма затруднительно описать даже сразу после достаточно долгой беседы с ним. Составить словесный портрет и вовсе невозможно, кроме указания на полное отсутствие бровей и яйцевидную форму головы. Но уже цвет его редких волос – неразрешимая загадка» – подумал Антон. Мистер Прайс извлёк из плоской сумки папку со схемами и начал деловито разворачивать наброски будущего сада:

- Пора бы приступить к делу.

- Вы в самом деле пришли сюда за этим? – с невинным видом спросила Моника

- Да… А для чего же ещё? – поднял на неё холодные глаза рептилии странный тип.

- Пока всё по-прежнему на бумаге. Вам не кажется всё это странным? – не унималась Моника.

Садовник оставил её слова без внимания, а Эмма вставила, что схемы пока подождут и добавила:

- Пока время насыщаться кофеином, Рэндл, - наливая ему фарфоровую чашечку доверху.

- Благодарю, миссис фан Хэндт, - церемонно принял свой кофе садовник.

- Как Ваши дела, Рэндл? - Эмма старалась не дать Монике

вставить слово.

- В Соединённых Штатах имеет место повально-параноидальное умонастроение. Другого отметить, увы, не могу, - со вздохом произнёс садовник.

- Но ведь ваши, американские, бессмертные принципы святой республиканской простоты не могут позволить возобладать подобным настроениям по всей стране? – загадочно улыбнулся Глеб.

- Разве Вы не видите, что скоро конец всему? Даже этой, некогда процветающей, стране? – возразил садовник, прихлёбывая кофе. – Американец, ратующий за усиление нынешней Америки, всё более напоминает мне индейку, с упорством отстаивающую празднование Дня благодарения[341]. Конец неизбежен и очень близок. И самое лучшее, что могут сделать американцы это разбежаться из своей страны, как крысы, с тонущего корабля.

- Следует молиться, чтобы этого не произошло и верить в лучшее, - выдала Моника очередное провокационное замечание.

---

[341] День благодарения (Thanksgiving Day) - североамериканский праздник, отмечающийся и в Канаде. Он начинает праздничный сезон, который включает Рождество и Новый Год. День благодарения изначально был праздником выражения благодарности и признательности Богу, равно как семье и друзьям за материальное благосостояние и доброе отношение с поеданием индейки. Корни праздника в прибытии первых переселенцев из Англии, отцов-пилигримов в 1620 г., основавших Плимутскую колонию. Индейцы помогли им пережить суровую зиму. Через год, благодаря индейцам, пилигримы собрали хороший урожай и трапеза, разделённая с индейцами, и стала первым празднованием Дня.

- О чём можно молиться в нынешней потерянной Америке и кому? Христианскому ли Богу? А может быть лучше Маниту? – парировал садовник по-прежнему ровным тоном с полным отсутствием эмоций. – Современный индивидуум пуст, как, простите за простоту выражений, нужник без испражнений. Хотя чаще, он полон одними лишь испражнениями, что ещё хуже. Что можно ждать от такового? Христианство отжило свой век.

- То есть, Вы сами себя не причисляете к подобным индивидуумам, хотя заявляете о них, как о всех до единого американцах? - выразительно вставила Моника.

Садовник пропустил её замечание мимо ушей, с аппетитом грызя ногти, а Эмма поспешила сказать:

- Рэндл, Вы нынче неважно выглядите. Может быть ещё чашечку кофе, или какао?

- Нет, нет, миссис фан Хэндт, предпочитаю умеренность во всём. Благодарю… - ответил садовник и добавил. - А когда христианство было во благо? Сначала Пётр Пустынник истерично воззвал массы и сотни тысяч послушно устремились на Восток, сокрушая по пути не только мусульманские цивилизации. Потом безвестный монах Лютер погрузил всю Европу в кровавый хаос. Толпе лишь подавай науськивание лидера. А что стоят устои христианства? Когда Джон Леннон заявил во всеуслышание, что они теперь популярнее Христа, толпы поклонников бурно поддержали их, хотя верхи тогда ещё заставили его извиниться за сказанное. В наше время

никто бы и не подумал извиниться. Христианство безнадёжно мертво: душевные силы живых трупов – нынешних американцев поглощены добычей денег, их былые устои забыты, здоровые инстинкты атрофированы.

- Вы совершенно правы, мистер Прайс, - рассеяно кивала Эмма.

- Давайте обсудим наши с Вами дела наедине, чтобы лучше сосредоточится и не утомлять Ваших друзей.

Они пробыли за запертой дверью в спальне Эммы не менее часа. Трое, оставшихся в гостиной, продолжали беседу на затронутую тему за бутербродами с чаем, но временами недоумённо переглядывались, косясь на запертую дверь в спальню.

- Мудрый человек Константин Победоносцев давно заметил, что, если кто бы и решился объявить себя свободным от государственной власти в конце девятнадцатого века, не платить податей, не нести воинской повинности, такого человека объявили бы безумцем, каковым считался в средние века человек без веры, и принудили бы его либо подчинится государству, либо убираться из государства вон. Ныне можем мы свободно уклониться от религии, но от государства нет. Казалось бы, бессильной стала Церковь, однако на деле она опирается на духовные силы в народе, заключил Победоносцев, и не всё так просто, - пересказывал Антон недавно прочитанное.

- Крест стал во времена Крестовых походов не символом страдания, а символом торжества, - высказалась Моника. – Но давно уж это не так. Всё в прошлом.

- От чего же, для меня – нет, - возразил Антон.

- Для нас, русских, Константинополь стал тем же, что Иерусалим для западных христиан, - добавил Глеб. – Кстати, христианство в начале нашей эры, а не демократы 1960-х, принесло в мир сознание, что ныне нет эллина и иудея, также как и то, что пред Богом все равны. Язычество античных времён освободило человечество от нравственных оценок своих поступков и от сознания собственной вины. Поступки были мотивированы лишь личной доблестью, но отнюдь не совестью. Их боги не есть личность, что делает их веру менее совершенной, чем поздние мировые религии. Слабость веры интеллигенции последнего столетия по сравнению с малообразованным народом в том, что интеллигент ищет ответы на вопросы не в жизни во Христе, не в простом следовании заповедям, а силится отыскать решение в книгах, остаётся лишь читателем, а не сопереживающим муки Христовы, практиком.

Неожиданно дверь растворилась, и садовник вышел деловитой походкой, попрощался со всеми, и направил стопы к прихожей. Эмма следовала за ним безмолвной тенью. Все слышали, как в прихожей садовник вдруг напомнил хозяйке о необходимости оплаты его работы по совершенствованию

планов озеленения её участка и Эмма тут же стала извинять-ся за свою забывчивость, побежала в спальню за наличными.

- Похоже, что эта дурёха полностью под его влиянием, - покачала головой Моника. – Не вяжется её агрессивный фе-минизм с каким-то сектантским послушанием.

- Не гипнотизёр ли этот тип? Ведь некоторые очень под-вержены гипнозу, - предположил Антон.

Когда Эмма вернулась одна, подруга высказала ей всё, что думает об этом странном типе.

- Разве ты не поняла, что он - гений и он должен был се-годня погибнуть, я увидела сразу же печать смерти на его лице? Как жаль его, жаль, что унёс с собой такую музыку! – возразила на это Эмма.

- Какую ещё музыку? О чём ты? – Моника взяла её за за-пястье и пристально посмотрела ей в глаза.

- Музыка души его! Духа великого! Она звучит, ах, ты не слышишь, бедняжка, - высокая, полураспахнутая, постоянно колышущаяся грудь Эммы, очевидно знавшая немало рук и губ, поднималась всё чаще и выше. Казалось, что мадам фан Хэндт начинает впадать в экстаз.

- С какой это стати он должен был умереть? Что за бред, Эмма?!

- Ты ничего не понимаешь, бедная моя Моника… Фу, мне жарко, - Эмма вяло стягивала с себя халат, постепенно ока-зываясь обнажённой, с покрытой испариной белой кожей, что невольно приковало взгляды мужчин к её груди голли-

вудской звезды. «Излишне гипертрофированные молочные железы, ну и что?» - постарался отрезвить себя Глеб.

- Мы здесь не одни, Эмма! Ты не замечаешь других гостей вокруг тебя? Он опоил тебя какой-то дрянью?

- Ах, да, ха-ха, - простите ребята, - она вновь облачилась в халат.

Было похоже, что она и в самом деле смутилась, поначалу позабыв о гостях.

- От тебя пахнет какой-то диковинной травой, Эмма. Что это? – настаивала на ответе Моника.

- Да, он тонкий ценитель растительного мира и приносит мне особенные травы, которые мы вместе пьём, или раскуриваем. Не стоит беспокойства.

- Но почему ты должна платить ему, когда он ничего не делает для твоего сада?

- Какой сад, дорогая? Зачем он мне? Он открыл мне глаза на многое в этой жизни. До него я даже не понимала, что такое пол и как подобает ублажать своё тело... Никаких мужчин и не надо. Для того существуют древние восточные секреты… Да и деньги этому человеку не нужны. Так, для порядка только… Он унаследовал капитал отца, который был скупщиком алмазов в Южной Африке в семидесятые. Нужды в деньгах Рэндл не испытывает…

- Очевидно, что отец был скупщиком краденных алмазов. Иначе – не заработать там, - вставил Глеб с подчёркнутой иронией.

- Если для подобного вздора тебе нужны «особые травы», то долго ты на них не протянешь! – резко заявила Моника.

- Долго и не требуется. Скоро конец – освобождение от бренных тел.

- Я не уеду от тебя, покуда ты не прогонишь этого проходимца раз и навсегда!

- Рэндл посоветовал мне как лучше тебя спровадить. Ты начинаешь давить на меня, а я этого не люблю, - сказала вдруг Эмма изменившимся, уже прежним голосом светской львицы, типичным для неё до прихода садовника. – Глэб, ведь Вы неравнодушны к живописи, как я поняла из нашей вечерней беседы? Так вот, здесь неподалёку живёт интереснейший человек, у которого имеется богатейшая коллекция картин и он сам весьма в них разбирается. Сейчас я Вам найду его адрес.

- Не надейся, что я поеду с ними, дорогая подруга. В таком состоянии я тебя не брошу! – твёрдо заявила Моника.

- Ну что же мне с тобой поделать? – улыбнулась Эмма, взяв себя в руки, вручая бумажку с адресом Охотину-старшему, - придётся тебя потерпеть пока не вернутся твои друзья.

- А вернуться ли они? – Моника встретилась с Глебом загадочным, лучистым взглядом и прочла в его взоре утвердительный ответ.

- Не понимаю тебя, Эмма. Какая же ты после этого феминистка? – удивлялась Моника.

- Никогда и не собиралась становиться ультра-феминисткой, - кокетливо отозвалась Эмма. – Но viese mannetjes отшивала и раньше.

- А этот садовник – не vies?

- Не говори глупостей, дорогая. Он – святой человек, обладающий сокровенными знаниями, - Эмма уставилась на подругу глуповато-изумлённым взором.

- Он не домогается тебя?

- Смешно тебя слушать: он чистый, возвышенный человек! Меня не интересует их гадкий пол. Если бы я и надумала раньше родить себе ребёнка, то только лабораторным путём и, непременно, от гея. Запомни это, дорогая! Феминизм стар, как мир. Всё пошло от фараона женского пола, которой, впрочем, приходилось приклеивать фальшивую бороду. Институт власти должен вернуться во времена матриархата. Кристина Пизанская подала голос в дикой Европе четырнадцатого века! А вспомни великий трактат Агриппы Неттесгеймского «О превосходстве женского пола над мужским». Да, он вызвал взрыв негодования в том косном обществе. Но ведь шестнадцатый век был на дворе. В печать трактат не допустили. Вскоре Агриппа бежал из Нидерландов в Англию по подозрению в ереси. Но времена, к счастью, меняются. Если уж в Пакистане и Бангладеш на посту президента побывали женщины, то победа наша не за горами!

Перед тем, как братья отправились по адресу Эммы с её

рекомендательным письмом для вящей солидности, Моника тревожно спросила их мнение о состоянии подруги.

- Мне думается, что этот садовник – великий манипулятор, подобный новому Калиостро, или даже Казанове – зависит от того, чем они занимались в её спальне… Кроме того, он, подобно сектантским лидерам, запугивает клиентов и тянет из них деньги, незаметно подчиняет своей воле, - ответил Глеб.

- На твоём месте, Моника, я бы незаметно осмотрел все полки и тумбочки на предмет каких-то опасных медикаментов и трав, - добавил Антон. – Твоя подруга явно не в себе и, возможно, уже имеет зависимость от какой-то травы.

- Когда вы вернётесь, ребята? – бодро спросила Моника.

- Судя по расстоянию нам надо не менее одной ночевки, а может и больше, - сказал Глеб, пожимая плечами. – Ведь это место где-то на границе Луизианы с Техасом. Туда ехать не меньше четырёх часов, а электронного навигатора у нас пока нет. Но мы тебе позвоним, когда что-то прояснится. Ты помнишь, что мы ещё собирались в православный монастырь, который тебе не так уж интересен, к тому же – мужской и вход тебе в него, возможно, запрещён. Наверное, удобно будет, если мы туда без тебя съездим. Но сначала узнаем, не мечтаешь ли ты оставить твою милую подружку поскорее одну. Пока!

В гостях у мистера Хоумера

Ты балда, Колумб, скажу по чести. Что касается меня, то я бы лично – я б Америку закрыл, слегка почистил, а потом опять открыл – вторично.

В. Маяковский

К затерянному среди густых рощ и хлопковых полей поместью, Охотины добрались лишь к вечеру. Адрес, записанный рукой Эммы, указывал на стоянку для посетителей у границы имения. Братья зашагали по тенистой аллее, ведущей, через несколько мостов, над заболоченными протоками. Здесь климат был всё ещё истинно луизианский, а не засушливый. До Хьюстона было ещё очень далеко. Возле глухих металлических ворот послышалась возня собак и глухой рык, указывающий на солидные размеры стражей поместья. Охотины позвонили и не сразу поняли, что им отвечает автомат, спросивший цель визита. Тут они заметили и множество скрытых повсюду видеокамер, запечатлевших их уже не раз. Калитку в воротах растворила миловидная девушка латиноамериканского облика не старше шестнадцати лет:

- Вам кого, джентльмены? – спросила она с сильным акцентом. – А, дона Энди Гомера, да, милости прошу, следуйте за мной.

Они шли по узкой дорожке, зажатой между решётками, за которыми простирались владенья огромных длинноногих догов и коренастых гладкошерстных пород с гипертрофиро-

ванными челюстями. Собаки глядели на посетителей алчущим взором, но не издавали ни звука. Вдруг среди псов возникло нечто огромное, мохнатое, медведепообное. Оно лениво подняло на Охотиных свою бородатую морду. Глаз его не было видно из-за нависающей, до самого носа, чёлки. Оно зашлось рокочущим лаем.

- Вельзевул, на место! Цыц! – раздался высокий голос и, в роскошных дверях особняка, выстроенного в стиле модерн, появился толстый, несколько неряшливо одетый человек. Дом был построен столь мастерски, словно он был сделан до Первой Мировой, а не каких-то десять лет назад. Дальний флигель был выполнен в неоготическом стиле.

- Энди Хоумер, - представился владелец усадьбы – грузный человек в мятых шортах и замызганной маечке, протягивая руку. – Чем обязан?

- Ваш адрес мы получили от миссис фан Хэндт, - сказал Глеб, протягивая письмо.

- Фан Хэндт? – Хоумер закатил глаза, под толстыми стёклами очков, припоминая. – О, да – обворожительная женщина. Милости прошу в мой дом.

Мясистую физиономию владельца особняка, подразумевавшую некоторое добродушие, если не туповатость, на первый взгляд, при ближайшем рассмотрении, портили хитроватые бегающие глазки неопределённого цвета. Ему можно было дать лет тридцать пять, не меньше, то есть – где-то между братьями Охотиными.

Интерьер гостиной вызвал у Охотиных окончательное разочарование и отторжение: излишества и роскошества безнадёжно утомляли и давили на психику. Казалось, что они призваны вызывать у неискушённого посетителя тягу к изысканности на примере закамуфлированной безвкусицы. Навстречу Охотиным неожиданно встали сияющие Эрон и Хатчинсон-младший.

- Вот так встреча! Кто бы мог подумать! Мир, в самом деле, тесен! – воскликнул Десмонд.

- Не так уж и тесен, если учитывать, что наш Глэб – большой ценитель живописи, - заметил Айзек. – По этой причине мы оба тут и оказались, не так ли, Глэб?

- Отлично, теперь можно и не заглядывать в рекомендательное письмо очаровательной Эммы, - разулыбался хозяин, почёсывая рыжеватую щетину, прикрывающую второй подбородок. – Ах, если бы это оказалось личным письмом для меня…

Хоумер поймал взгляд Антона, остановившийся на двух одинаковых дордже[342], лежащих на полу в углу, словно гантели.

– Да, да, - горделиво заметил хозяин дома, - это - мои гантели. Не удивляйтесь, с учётом того, что я поклонник тибетской культуры. И собаки мои, если вы заметили….

---

[342] Дордже в буддизме и ваджара индуизме - священная палица, жезл или скипетр - символ высшей власти и правосудия, олицетворяет мудрость, высшее блаженство, подавляет все страсти и способен разрушить несокрушимое.

- Ты уж и вовсе запугал гостей своим зоопарком, Энди, - вставил Десмонд.

- Да что ты, в самом деле! Вот мой сосед держит пару чистокровных бенгальских тигров и – ничего. Никто к нему претензий не имеет. Вносит свой вклад в сохранение тигровьего поголовья планеты. Я обитаю в уединении и приходится держать всю эту устрашающую живность, - хозяин дома проявлял всё больше словоохотливости. - Предметом моей гордости служит гигантский мастифф, выписанный из северного Тибета с плато Чанг Танг. Порода пастушьих волкодавов из Центральной Азии. Им подобает обрезать уши, но мне стало жалко бедного щеночка. Мои церберы по ночам бродят по полосе сада, окружающего особняк. А с другой стороны сада – излучина реки со старицей - граница, успешно охраняемая моими аллигаторами.

Далее последовали затянувшиеся шутки о том, как он, наряжаясь римским императором, бросает своим зубатым питомцам живых кур с подрезанными крыльями и те ловят их, выпрыгивая из воды, подобно тому, как некогда римляне скармливали рабов своим муренам и тому подобное.

- Кому-то может не понравится моя любовь к опасным для человека тварям, но вспомните, что в Китае первый в мире зоосад организовал один из императоров династии Хиа добрых три тысячи лет назад и назвал его «Садом образованных людей», или «Садом разума». Он просуществовал до начала XX века, когда, в ходе подавления восстания ихэтуаней

или «боксёров» войсками европейских держав, США, Японии и Российской империи, зоопарк был занят «западными варварами», а всех содержавшихся в нём животных солдаты перебили для пищи и просто ради удовольствия. Вспомните и как индийские махараджи считали престижным владеть приручёнными тиграми, которые сопровождали их, словно верные псы, - продолжал своё словоблудие Хоумер.

-Положим, Китай Маньчжурской династии тоже не есть идеальный образец гуманного общества. А посмотрел бы я на вас всех в качестве оголодавшего солдата тех самых объединённых европейских сил - «западных варваров» в годину восстания боксёров, - едко заметил Айзек.

Хозяин пошептался недолго с девушкой и вскоре она принесла поднос с кофе и закусками.

- Прошу за стол. Ужин скоро будет, а сначала немного кофе, - любезно сказал Энди. – Кстати, я назвал свой дом Обитель разума и не на пустом месте: здесь собраны все достижения человеческой мысли ещё стараниями моих родителей. Библиотека книг на бумаге огромна, не говоря о данных в моём компьютере. Так что, тут не только картины имеются.

- Дон Энди, - раздался нежный голосок с испанским акцентом – в комнату вошла девушка, - позвольте подать ужин и уходить домой – уже поздно.

- Да, конечно, милая, - отозвался хозяин.

- Сам-то ты небось предпочёл, чтобы девчонка на ночь здесь осталась, а Энди? – Десмонд подмигнул с сальной

усмешкой, когда девушка вышла. – Да только простая попытка ухаживания за американкой может повлечь за собой обвинение в сексуальном домогательстве с последующим судебным иском, гы!

- Угощайтесь скромной трапезой холостяка, - пригласил всех Энди, не замечая слов Хатчинсона.

За нехитрым американским ужином разговорились о живописи и Хоумер сказал, что хотел бы потом посоветоваться с Глебом, что лучше приобрести из русских модернистов.

- Глэб не слишком увлечён модернизмом, Энди, зато силён в старых мастерах, - вставил Айзек.

- Скоро собираюсь приобрести Леду самого Леонардо, которую, наконец-то отыскали мои порученцы. Веками считали, что она уничтожена по приказу Савонаролы, но её отыскали и сделали гарантированный анализ. Оказывается, шедевр да Винчи вовремя подменили, спасли.

- Стало быть Вы интересуетесь не только современной живописью, если называть современностью то, что написано со времён Первой Мировой? – спросил Глеб, который не верил басням о Леде кисти да Винчи.

- Да это так – больше для вложения капитала. – Отец мне завещал очень недурную коллекцию почтовых марок. Есть там истинные раритеты, но не хватает малости - «Голубого Маврикия[343]». Вот бы что мне хотелось приобрести! Но и

---

[343] Эта уникальная марка оценивается в начале XXI в. до 15 млн американских долларов.

для меня дороговато получается… Надо хорошо подумать. Да и согласится ли Британский королевский дом выставить это сокровище на аукцион?

- Очень захочешь – найдёшь пути заполучить, - философски заметил Айзек.

- А теперь, джентльмены, приглашаю вас на небольшую экскурсию по коллекции картин, собранной в этом доме, - объявил хозяин, вставая из-за стола.

- С удовольствием послушаем тебя второй раз, - добродушно сказал Айзек.

- Всё же, с твоим техасским выговором, Энди, иной раз забавно всё это слушать в подобном неоготическом зале с галереей для менестрелей под потолком и многочисленными гербами, явно не связанными историей рода, - посмеивался Десмонд. – Твони койнс[344]! Ха-ха.

Началась экскурсия по длинным коридорам, густо увешенным полотнами, в основном, начиная с символистов и постимпрессионистов. Нередко попадались весьма знаменитые имена. Владелец галереи мог очень толково и подолгу говорить о каждой работе. «Эстет с тяжёлой челюстью ковбоя, тонущей в многочисленных подбородках, с невыразительными глазками, заплывшими от жира, щекастый, но на стенах есть даже работы Бёрдсли и всё о британских ари-

[344] Вместо «твенти» в Техасе произносят «твони», а слово «доллар» заменяют часто на «койн» - «монета».

стократах вещает…» - думал Антон не могущий отделаться от мысли, что он слушает дородную даму с гладким холёным лицом и двойным подбородком. С особой гордостью и увлечением владелец дома рассказывал о паре работ Пикассо и Модильяни. «А всё ли это приобретено на открытых аукционах, или часть – дёшево купленные, краденные из музеев, картины? – спрашивал себя Глеб. – Или же, неизбежно всплывёт нечистоплотность нажитого капитала?» Хозяин продолжал высказывать восхищение совсем неизвестной работой Дали, или её подделкой, а взгляд Глеба упал на неброскую, потемневшую доску, висящую чуть ли не за дверью – в весьма незначительном, принижающем месте. Глаза Охотина разгорелись: «Это же совершенно очевидная неизвестная работа фламандских примитивистов! Пожалуй, не старше начала шестнадцатого века! Вот это да! Семёнов Тян-Шанский издал обширный труд: «Этюды по истории нидерландской живописи», но и в нём ничего подобного не припоминаю. Да и в современных каталогах…»

- Простите, Энди, кто автор этой работы? – спросил Глеб.

- Автор неизвестен. Полагаю, что это доска пятнадцатого века и, скорее всего, из Фландрии, - равнодушно отозвался хозяин, почёсывая рыжеватые волосы на темени, коротко остриженные ежом.

Все помыслы Глеба, отставшего от экскурсантов, все его желания вертелись вокруг этой доски. «Господи, да здесь же висит ещё более выдающееся нечто! – Глеб приметил вто-

рую, совсем маленькую доску, которая была едва заметной в тёмном углу, - Это же не иначе, как мастер Верхне-дунайской, а может быть и Франконской школы начала шестнадцатого столетия! Что необычно – использованы мотивы Иеронима Босха в той, весьма отдалённой от сферы Франко-Бургундской школы, части Европы! Явное подражание Босху должно стать достоянием спецов, а не пылиться в частной коллекции! Ведь в центре внимания дунайцев тех лет была природа, а образ человека для них, в среднем, не важен, принижен. Духовный мир его их не интересовал, но уродливые образы людей встречались нередко. Конечно же, это не Альтдорфер и не Губер, а кто-то малоизвестный».

- Так… остаётся последний зал, джентльмены, - продолжал Энди, слегка раскачиваясь от своей утиной походки. – Там представлены работы всего лишь четверть-вековой давности. Маловато знаменитых имён, но есть вещицы весьма пикантные.

- Ты представляешь, брат, у него есть «унбеканте («неизвестный» по-немецки) мастер ранней Дунайской школы», с типичным, для немцев предшествующего ей столетия, золотым небом, но при этом – подражание Босху! Только хватит ли у меня на это удовольствие денег? Джип съел немалую их часть… - успел шепнуть брату Глеб.

- Надо купить, само собой! Давай над этим подумаем, Глеб, - отозвался Антон, который знал лишь Босха из всего, упомянутого братом.

- Тогда мы не доберёмся, скорее всего, до Патагонии…

- Тебе надо иметь эту доску, брат, даже, если мы не сможем потом доехать до самой Патагонии, как бы грустно сие не было, - Антон вздохнул.

Глеб уже не замечал ничего из последних полотен с извращёнными, сфокусированными на либидо, поздними сюрреалистами. Он проигрывал в голове свои не слишком крупные банковские накопления: «Неужели придётся возвращаться к работодателю, чтобы опять хоть что-то положить на счёт? Тогда наша робинзонада отложится ещё на годы… Но Хоумер не знает толком ничего об этих досках. Он может либо заломить необоснованно завышенную цену с потолка, либо напротив… В лучших каталогах об этих работах, давно сгинувших в американских частных коллекциях, наверняка нет ни слова…»

- Что же, Энди, мы получили очередной раз удовольствие, спасибо, - сказал Айзек.

- Не за что, - просиял Энди, почёсывая, налитое соками, мясистое ухо.

- Энди, так, что же насчёт твоего Бёрдсли? Мой друг жаждет заполучить его, а моё дело сделать ему такой подарок, - спросил Десмонд.

- Но я не намерен продавать Бёрдсли, Десмонд, - покачал головой Энди.

- Но это же всего лишь оттиски, - настаивал Айзек.

- Не важно. Главное, что мне по душе. Могу уступить Дельво, который мне опротивел своим воспеванием лесбиянок, - отозвался Энди.

- Чёрт с тобой, давай сговоримся на Дельво, - сказал Айзек, покосившись на друга, который тоже понимал, что масляный подлинник Дельво обойдётся гораздо дороже гравюр.

- Твоя цена, Энди? – вскинул брови Десмонд.

- Ладно, потом. Заламывать не стану. Пойдёмте и выпьем прохладительного.

«Десмонд при деньгах и немалых, покупает картины другу – удивительно, - подумал Антон, - Впрочем, деньжищи отца могли вскружить молодую голову…» Когда они сели за коктейли, Глеб спросил о возможности приобретения второй доски в дальней комнате.

- Нет, не продам… Грех лишать искусствоведов доступа к редким работам. А ко мне хотя бы наведываются специалисты, - помотал головой на жирной шее Энди.

- Не от предков же досталось тебе Энди, чего вреднича-ешь? Старина же тебя, вроде бы, мало волнует… – фамильярно спросил Айзек.

- Да... оно так… не выбрасывать же. Ладно, покупайте. Посмотрим цены по новейшему каталогу в интернете, - согласился владелец. – А вот старинную русскую икону я бы хотел иметь. Что посоветуете из домонгольских?

Глеб помнил на память известные образа дониконова письма, но ему была неприятна сама мысль описывать их и

предлагать какому-то инородцу, могущему и в самом деле, найти нелегальные пути вывоза уникальных икон из России. Ведь с его возможностями можно подкупить и администрацию музея… Охотин ответил, что не занимается иконописью:

- Право, в этом деле ничего посоветовать не могу.

- А какого Ваше мнение о моих досках, которые Вам приглянулись? В этом-то Вы разбираетесь? – спросил вдруг Энди.

Глеб вежливо, но со слегка проскальзывающим снисхождением знатока большего, начал издалека, от истоков взаимовлияния Северного и Южного Возрождения, провёл краткий сравнительный анализ Дунайской и Саксонской школ живописи, и только тогда сказал, что вторая доска, скорее всего – немецкая и совершенно неизвестная.

- Но это не означает, что она стоит немного, - усмехнулся Энди, - Скорее всего – наоборот.

- Но вряд ли мы найдём именно её в каталогах, - сказал Глеб.

Разгорячившись крепкими «прохладительными» коктейлями, мужчины вышли на высокую веранду, поглядывая, на играющих между собой, ретивых молодых псов. Впрочем, Охотины лишь слегка пригубили содержание стаканов, более из вежливости. Энди нервно курил очень нехитрые дешёвые и скверно пахнущие сигареты.

- Недавно то полусухое деревце, что стоит пред вами,

вдруг дало ростки и зазеленело, подобно посоху папы Урбана[345], - вдруг произнёс он. – Вы правы, мы не найдём об этих досках в каталогах ни-че-го. Эти работы были вывезены американскими офицерами в конце войны…

Поговорили о собаках и о ценах на породистых щенков.

- Я бы купил потомство твоего мастиффа, Энди, - сказал Десмонд.

- Сначала мне придётся отыскать сучку для него, что не так-то просто. Не в Тибете живём. Тем паче – не в Северном Тибете, - рассмеялся Энди Хоумер.

- Поторопись, Энди, пёс уже взрослый, - продолжил настырный Хатчинсон.

- Я бы рекомендовал Вам, Глэ-эб, встретиться с моим хорошим приятелем в Европе, который мог бы продать Вам кое-что из старых мастеров. У него богатейшая коллекция картин фламандских и голландских художников XVI и XVII веков - одна из сильных частных коллекций Европы. А его загородный дом-дворец в стиле настоящего Модерна, не как моя подделка. Дом полон поразительных интерьеров, мебели и посуды в том же стиле. Впечатление, что находишься в музее не оставляет. Есть у него гарнитур самого Чарльза Макинтоша, трюмо Гектора Гюймара из Парижа, сервис Эмиля Галле из Нанси. Одним словом - шедевры фин-де-сикле… Но у него цены будут посерьёзнее моих…

---

[345] По легенде о Римском папе, не желающем простить грехи рыцаря Тангейзера, хотя Господь завещал прощать кающихся.

- Так я бы и желал что-либо купить, если позволят финансы… - сказал Глеб.

- Вы, как я понимаю – не коллекционер, а лишь знаток живописи. А таких в этом мире хватает. И специалистов, а не просто сведущих, нахватавшихся отовсюду понемногу. Вот истинных солидных коллекционеров – единицы. Вы бы, со своими знаниями, могли бы стать отличным собирателем. Но где взять столько денег? А от чего Вас вовсе не трогает живопись после Первой мировой?

- Не совсем так, но, в целом – да. Особенно, что касается западной живописи после Второй Мировой, когда деятели искусства постепенно стали шутами, готовыми на всё на радость заказчика и потребителя, в угоду их вкусу. Личность, желающая выразить себя в условиях рынка, не выживет, сломается. От Пикассо до Дали все великие были в той, или иной степени подобными шутами и могли составить себе немалые состояния. Ван Гог же, им никогда не был. Это был чистый творец, не угождающий кому-либо. Только в Нью-Йорке сейчас около полумиллиона художников, которые лишь играют, маскируются под бунтарей, а на деле угождают вкусам и желаниям буржуазии. Художественный критик владеет их судьбами, но и сам полностью подделывается под вкусы власть имущих. По сути, не так велика разница с соцреализмом Советского Союза, давящий на деятелей искусств, требующий от них подчинения коммунистической идеологией. Здесь же сейчас царит свобода, которая не поз-

воляет отменить своего рода рабства. Попробуй начать писать в стиле старых реалистов, а не неоавангарда – не заработаешь и ломаного гроша. В обществе торжества вещизма даже протест против него, проводимый некогда хиппи, постепенно выродился в создание новых вещей, производимых хиппи – их своеобразных сувениров. Но имеет место и страх вещизма, того, что вы сами не можете ему сопротивляться, ибо он неизбежно поглотит вас. Такое положение вещей выхолащивает души, не так ли? – высказался Глеб.

- Наверное это так, - задумался Айзек, неприязненно косившийся на Глеба, во время его речи. – Но возьми живопись Ренессанса? Что мы видим? Свободное ли излияние творчества? Отнюдь нет: это - исполнение заказа людей, имеющих власть и деньги. преимущественно – церковников. Но почитай лучше «Трактат о возгорании огня» Иеронимуса Аскольмского, Глэб, - добавил он тут же несколько глумливо.

- Я бы на Вашем месте, Глэб, попытал счастье там, в Англии. Того, что висит в холле моего друга, нет больше нигде в мире, Глэб. Картины уникальны и, в основном, то, что Вам по душе – до двадцатого века. Могу дать лишь деликатный совет: Вы – весьма яркий самец, а он – просто на просто фагот[346]. Если же Вы склонны к такому знакомству, то он мог бы Вас задарить картинами… - загадочно улыбнулся Хоумер и Глебу показалось, что в глазах Энди, как и в его голосе, не первый раз, промелькнуло что-то бабье.

---

[346] «Фагот» в английском имеет сленговое значение «гомик».

- Не разделяю его взгляды на любовь, Энди. Даже не буду спрашивать его адрес, - отрезал Глеб. – Так, мы будем искать в каталоге аналоги подобных досок, чтобы выйти на разумную цену?

- Хорошо, идём к моему компьютеру. Заодно и Дельво поищем, - ответил Энди.

Все пятеро просидели до позднего вечера у монитора и, если с Дельво всё стало достаточно очевидным, и лицо Десмонда вытянулось, когда он узнал сколько придётся выложить за картину, то по немецкой доске никакой ясности не было.

- Придётся хорошенько покумекать, - сказал Энди. – Отложим пока это дело.

Все разошлись по своим комнатам ко сну.

За завтраком Хоумер заявил, что он пока не может решить с продажей доски.

- В таком случае, сожалею, что мы отняли у Вас драгоценное время. Благодарю за предоставленную возможность бегло ознакомится с редкими работами, - напряжённо произнёс Глеб.

- Да что Вы! Мне даже приятно иметь дело со знатоком. Дело не закончено, нет. Более того, жду вас обоих в моём доме очередной раз через дней, эдак, пять. Подумать надо. Тогда и поговорим, - Энди обескураживающе улыбнулся.

- Хорошо, мы приедем и не раньше, чем через пять дней,

- кивнул Глеб.

Братья распрощались и, уже из автомобиля, позвонили Монике.

- Не переругалась ли ты ещё со своей, немного нервной, подругой? – спросил её Глеб.

- Всё на редкость мирно пока, - донесся приятно-оживлённый голос Моники.

- Хочешь поехать с нами в тот монастырь Святого Антония? – спросил Глеб.

- Я бы и хотела, но не могу её бросить. Она, в самом деле, свихнулась, увы… Главное, что при слове «врач» у неё случается истерика. Не знаю, что делать… Но и принимать что-либо против депрессии её не заставишь. Упрямее любой ослицы.

- Да уж в этом-то у меня сомнений нет, - усмехнулся Глеб. – В таком случае, мы едем сейчас в монастырь, а на обратном пути, заглянув ещё раз к коллекционеру, приедем забрать тебя, если ты хочешь продолжить путь в южном направлении с нами. Или же - попрощаемся, - с напряжением сказал Глеб.

- Через неделю и будет видно, - холодно отозвалась фрау Пиркхаймер. – Вообще-то, я не безработная, а сотрудник рекламной фирмы. Мне подлежит через полмесяца выйти на работу… Следует подумать…

Обитель, затерявшаяся в пекле Соноры

И пришел иной Ангел, и стал перед жертвенником, держа золотую кадильницу; и дано было ему множество фимиама, чтобы он с молитвами всех святых возложил его на золотой жертвенник, который перед престолом.

Откровения Иоанна

- Н-да… невесело было бы крутить баранку в этих краях без кондиционера, - говорил Антон, сидя за рулём джипа, несущегося по прямому шоссе, пересекающему пустыню Сонора[347].

- Не мудрено, что у Карлоса Кастанеды под этим солнцепёком слегка зашёл ум за разум. И никаких грибов, ни лофофоры[348] употреблять не надо, - усмехнулся Глеб.

- Но крупные кактусы радуют глаз. Без них было бы слишком тоскливо. Не ошиблись ли мы? Похоже, что дальше ничего нет, кроме пустыни.

- Но, по карте монастырь Во имя преподобного Антония Великого должен быть рядом…

Неожиданно, за небольшим бугром, появилась кровля

---

[347] Песчано-каменистая наиболее жаркая и крупная пустыня Северной Америки на стыке границ штата Аризоны и Мексики.

[348] Лофофора - кактус, издавна известный у индейцев под названием «пейотль». Содержит алкалоид мескалин и др., оказывающие сильное воздействие на нервную систему человека. Применялся при проведении культовых обрядов, хирургических операциях. Описание обрядов с использованием лофофоры имеется у К. Кастанеды. В Калифорнии выращивание и хранение запрещено с середины 1970-х г., а в России - с 2004 г.

православного храма, напоминающая греческую базилику, и, через пять минут езды, Охотины оказались в оазисе, невольно напоминающем арабский мир: финиковые пальмы чередовались с виноградниками и апельсиновыми садами, как в раю. Местами мелькали оливковые деревья и кусты фисташек. Они затормозили возле белой стены с полуприкрытыми воротами. Братья нерешительно шагнули за ворота и были встречены, подсушенным солнцем, человеком лет пятидесяти, который представился отцом Серафимом.

- Паломники? – доброжелательно переспросил он. – Милости просим в Аризонскую пустынь. Тогда проходите сюда. Здесь у нас как бы общежитие для паломников. Но предупреждаю: в этой комнате спят, иной раз, около десяти человек. Правда, сейчас, в такую жару, у нас гостей мало.

- Всё это нас не смущает, - сказал Антон.

- Из России, говорите? Это хорошо…

– А сколько у вас в монастыре иноков и послушников? – поинтересовался Антон.

- На сегодняшний день у нас проживает около пятидесяти монахов, из которых около трети - греки, а прочие - принявшие православие американцы, - ответил монах. – Основана наша обитель афонским старцем Ефремом Филофейским (теперь часто называемым Аризонским). Многие верующие считают его святым и полагают, что наш монастырь обладает особой духовной силой. Паломники едут сюда не только со всей Америки, но и из Европы, в том числе России.

- Да… впечатляет! – протянул Антон.

- Располагайтесь. Тут покуда тихо, отдохните. Но вы должны знать распорядок нашей обители: служба начинается в полвторого ночи и длится почти до четырёх. Потом отдых, сон. С девяти утра можете, впрочем, вполне добровольно, помочь нам в монастырском хозяйстве. В полдвенадцатого - обед, а потом опять трудимся по хозяйству. Очередная служба с полчетвёртого по полпятого. Затем ужин и отдых. Если вы в силах – заходите на богослужение в полчетвёртого, в главный храм. Если переутомились, приходите в трапезную после половины пятого, - монах распрощался до вечера.

- Да мы бы, отец Серафим, ещё и поработать до полпятого успели, - заметил Глеб.

- Коль силы есть, так и Бог в помощь. Сейчас отведу вас на виноградник – поможете собирать урожай.

Охотины были несколько разочарованы лишь тем, что монастырь в Аризоне оказался греческим, а не русским.

- Нас дезинформировали в этом плане. Но ничего, всё же православные они. Интересно, а есть ли среди монахов русские? – сказал Глеб, когда они остались наедине.

- Надо будет спросить отца Серафима, - отозвался Антон, быстро срезая тяжёлые кисти винограда.

- Думаете здесь у нас, в Хиле, такая сладкая жизнь? – заговорил с новичками один из трудников, оказавшийся студентом из Греции.

- В Хиле? – переспросил Глеб.

- Сонору и так тоже называют, - уточнил студент.

- Не думаем, что такая уж лёгкая, - ответил Антон. – Жарковато тут виноград собирать, конечно.

- А ночная служба каково? – продолжал сетовать студент. – Я привык спать всю ночь спокойно, а не урывками. Совсем притомился за эти дни…

- Но, наверное, озарение какое-то приходит в награду? – спросил Глеб.

- Пока что – никакого… - студент вздохнул.

Столкнувшись с отцом Серафимом перед самой службой, Антон спросил его о русских монахах в обители Святого Антония.

- Конечно же, есть здесь русские и немало. Один из них пред Вами, - отец Серафим перешёл на русский. - Двадцать лет назад прибыл я из Москвы, чтобы учиться в одном из американских университетов. Но судьба привела меня сюда… Но пройдёмте в трапезную, где вы отведаете нашего свежевыпеченного добротного хлеба, со своим урожаем маслин, фруктов, своим мёдом. День нынче непостный, а потому к столу подадут и самодельное вино.

За вечерней трапезой собралось немало самого разного люда. Рядом с Охотиными оказался говорливый монах-грек отец Василий, который некогда изучал в Монреальском университете русский, но похоже, изрядно призабыл его.

- Давняя русская идея, что Москва - третий Рим, это же

политика чистой воды! Погорячились русские правители! Негоже так. Вот Константинополь, он и в самом деле – Второй Рим.

- А что Вам не нравится в том, что православная держава пыталась возвыситься с помощью религиозного лозунга? – спросил Глеб. – Вы же православный человек?

- Да, но наша Церковь не московского подчинения, - отрезал грек и отвернулся.

- По-моему, Вы правы, - печально улыбнулся Охотиным Стефан – серб, паломник из Чикаго.

Особенно занятными собеседниками Охотиным показались настоящие янки, избравшие православие, путь паломничества, или даже иночества. Сосед за столом -паломник Дэниел принял православие, поскольку разочаровался в современном протестантизме, заигрывающем с политической доктриной. При этом он оказался сотрудником «Гугл», защитившим диссертацию по математике.

- Нынешний протестантизм так далёк от истинного христианства, а вот православие сохранило учение Спасителя без изменений веками! Именно в православии уцелел не выхолощенный дух учения Христа, бывший в католицизме до первого тысячелетия, – вдохновенно произнёс Дэниел и Охотины были готовы обнять такого американца.

Отец Нектарий заявил, что именно чтение Достоевского, русская иконопись и церковное пение подвинули его на смену конфессии. В прошлом он изучал литературу в одном из

американских университетов.

- Считаю, что человек способен проникнуться Христом даже просто читая Достоевского, - скромно заметил бывший литературовед. – Не могу больше выносить проповеди городских священников, которые одобряют однополые браки, или отвергают телесное воскресение.

- Американская действительность нас не удовлетворяет давно. Моё поколение искало истину в марксизме, буддизме, даже исламе, а она оказалась в одной из ветвей родного христианства, – вставил своё слово пожилой человек, по виду – бывший хиппи. – И не без помощи книг Сэлинджера приходили мы постепенно к ней. Если помните, то у Джерома Сэлинджера сказано о практике непрерывного чтения Иисусовой молитвы среди некоторых русских монахов. Это, конечно, созвучно современной тяге к повторению «харе Кришна» и прочим восточным тонкостям медитаций. Православное старчество тоже привлекательно для неофитов.

- Возле нашего монастыря, - сообщил отец Серафим, - возникло стихийное поселение православных греков, русских и американцев-англосаксов. Женщины там не появляются без платка, а все мужчины бородаты. Семьи весьма многодетны, и дети обучаются дома.

- Не будет ли им сложно потом найти работу? – спросил Глеб.

- Если уж кто захочет очень, так станет учиться где-нибудь, и найдёт, но большинство, надеюсь, останутся здесь

трудиться в сельском хозяйстве. Ежели не станут увлекаться поп-музыкой, йогой, кришнаизмом, то и останутся своими…

Братья переглянулись, вспомнив о своих неоформленных желаниях удалиться в фермерскую жизнь.

За эти пять дней Охотины наслушались немало интересных, незаурядных личностей, поработали трудниками на славу. Встретили даже одного паломника их Румынии, который оказался из майносских и добруджских казаков[349]. Веками менялась казачье начало в игнат-казаках, вытеснялось исключительно старообрядческим духом прибывавших липован, ставших дунаками. К ним приходили все беглые русские и украинские старообрядцы. Человек этот оказался удивительно смиренным молитвенником, решившим сочетать в себе терпимость к никонианству, не изменяя единоверию отцов, которое около ста лет назад потеснило чистое старообрядчество. После этого Охотины тепло распрощались с насельниками и паломниками монастыря и поехали назад. Глеб вновь позвонил Монике и успокоился, узнав, что там пока всё тихо. Но в голосе её звучали тревожные

[349] Дунайские казаки-некрасовцы, которые были недовольны царской политикой в XVIII в. и, постепенно, ушли за пределы Российской империи в дельту Дуная. Изначально соратник Булавина в восстании казаков, Игнат Некрасов был донским казаком, но отступил на Кубань. Сначала некрасовцы называли себя игнат-казаки. Позже они разошлись в разные концы Османской империи. В 1911-1913 годах и в 1962 эти казаки, небольшими группами, возвращались в Россию.

нотки. Очевидно, что она не обо всём могла сказать по телефону, будучи рядом с подругой.

- Глеб, а что было у тебя с той, первой любовью? Если не секрет, конечно, - спросил Антон.

- Она была очень привлекательна, неординарна в мыслях… Но, спустя месяц знакомства, она стала изводить меня своей чокнутостью на веганизме. Требовала, чтобы я перестал есть мясо. Ты знаешь, что много его я никогда не потребляю, но в экспедициях, в холод, я просто не протяну без жирного мясного. Такова природа и такова диета полярных народов. В угоду ей, отказался я от мяса вовсе. Тогда ей стало мало и этого. Пришлось мне отказаться и от рыбы. Наконец, она начала травить меня за употребление молочного. А как же! Молоко дают лишь те коровы, которых насильно спаривают с быками. То есть – попрание женских прав на лицо… Я обещал, что попробую отказаться и от молочного. Тогда она сказала, что не потерпит больше моего насилия над ней, что нам придётся перейти на иной уровень отношений, подобающий уважающей себя, настоящей феминистке. Это стало последней каплей…

- Надеюсь, что слабый пол в России ещё не настолько отравлен подобным бредом, - заметил Антон, горько усмехнувшись.

- У меня были свои матримониальные планы, связанные с предстоящей поездкой в Россию… Но вот теперь – Моника…

- Думаешь это у вас надолго?

- Полагаю, что да… Впрочем, кто знает?

- Не ускоряешь ли ты события излишне?

- Всё идёт своим чередом. Что мне с ней в шахматы играть, брат, что-ли? – спросил Глеб.

Дело о съеденном банане

…зло - мелкая составная часть, недоразвитое добро. Зло определяет границы личной свободы. Оно может быть поисками предела того, что можно уважать.

Т. Уальдер

Братья оказались у въезда в поместье «Обитель мудрости» уже в темноте.

- В этих широтах темнеет довольно рано. Впрочем, мы вполне поспеваем к вечерней чашке чая – всё остаётся в рамке приличий, - заметил Глеб.

Стоянка автомобилей для гостей имелась только за пределами частного владения. Предстояло пройти ещё не меньше четырёхсот метров по аллее, освещённой полной луной. Вдруг, у изгиба аллеи, братья расслышали приближающиеся странные звуки и, непроизвольно, отошли под деревья - в полную темноту. Три фигуры двигались медленно, явно намеренно оставаясь в тени, а не в центре дороги, залитой лунным светом. Охотины отступили ещё глубже в заросли, по-

скольку всё это напоминало движение злоумышленников.

- Уж не твою ли верхне-дунайскую доску похищают у тебя из-под носа, Глеб? – усмехнулся Антон.

- Великовата их ноша для доски той, - ответил Глеб, которому не по душе пришлась шутка брата.

Два рослых, атлетически сложённых силуэта несли что-то грузное, завёрнутое в ткань, а сзади едва поспевал толстый тип, который что-то гундел себе под нос.

- Перестань ныть, Энди. Можно подумать, что это тебе приходится тащить шестьдесят килограмм, а не нам, - одёрнул толстяка один из несущих, когда они поравнялись с Охотиными. – Далеко ещё до твоего моста?

- Рядом совсем, Десмонд – пара шагов, - ответил, запыхавшийся владелец……

Услыхав имена, проходящих мимо чёрных теней, братья переглянулись. Троица дошла до моста через речку, или канал, раздался всплеск, и процессия повернула назад.

- Ловко я придумал именно здесь пройти, чтобы следов не оставлять на тропе без покрытия? – горделиво говорил Энди Хоумер, когда они, очередной раз, поравнялись с густым кустарником Охотиных.

- Ты просто гений, Энди, - рассмеялся третий, в голосе которого братья узнали Айзека. – теоретик ты наш! Если бы ты ещё был в состоянии помогать нам, рабам твоим, таскать грузы…

- Вы особо не упивайтесь собой, друзья мои. Пока радуй-

тесь, что именно в этот вечер братья-Окотин не вернулись в твоё логово, Энди. Могли бы нас встретить именно в момент выноса, - хихикнул Десмонд.

- Типун тебе на язык, - отмахнулся Энди, сдерживая отдышку. – Завтра им тоже нежелательно здесь оказаться, поскольку родители девчонки непременно поднимут тревогу и зайдёт местный полицейский. Ведь она никогда не ночевала здесь…

Охотины выждали около четверти часа и направились к воротам «Обители разума». Их встретил громовой бодрый лай собак, как и в прошлый раз. Появился Энди, разогнавший псов. Хозяин подчёркнуто любезно встретил гостей и поспешил предложить им напитки.

- Жарковато в наших краях после Канады, не так ли? – Энди продолжал неустанное словоблудие, стараясь казаться лишь в меру возбуждённым собственным гостеприимством.

- Что может быть лучше холодного коктейля в такой вечер? – столь же приветливо улыбались гостям Десмонд и Айзек, которые усердно налегали на спиртное.

Рано утром в дом позвонили и в окна братьев донесся разговор Энди с, судя по всему, отцом служанки миллионера.

- Дон Гомер, простите, Бога ради, за раннее вторжение, но мы не могли сомкнуть глаз всю ночь: наша дочь исчезла! – громко, с сильным испанским акцентом, причитал пожилой голос.

- Как! Она не пришла домой? – выражал неподдельное изумление Энди.

- О, Диос (О, Боже)! Я должен вызвать полицию! Искать мою бедную дочку!

- Да, конечно, это разумно… - промямлил Хоумер.

- Простите, сеньор Гомер, если скоро Вас побеспокоит полиция. Надо будет осмотреть её комнату…

- Да, конечно… Я понимаю и очень беспокоюсь вместе с Вами…

Латиноамериканец учтиво распрощался. За завтраком хозяин кратко поведал гостям о том, что пропала его несовершеннолетняя служанка и родители начинают поиски, мол, не исключено, что полиция нагрянет и сюда.

- Найдут, куда она денется. Загуляла, небось, бедняжка. Ведь у них, у латинос, родители – сущие деспоты. Скоро выдадут девчонку за престарелого сытого родственника, вот ей и захотелось порезвиться, - невозмутимо рассуждал Десмонд.

В дом опять позвонили. Хозяин провёл в гостиную маленького седого, усохшего латиноамериканца вместе с пузатым дюжим полицейским.

- Вы нам только её комнату покажите, сэр, - зычно произнёс полисмен, выдавив подобие улыбки питекантропа.

- Вот здесь она отдыхала от работы, переодевалась, - Энди растворил дверь в маленькую, но неплохо обставленную комнату. – Все удобства – свой клозет и душ, хотя она и не

ночевала тут никогда.

Все четверо гостя особняка увязались за блюстителем порядка.

- Смотрите, на столе пепел от курева! – воскликнул зоркий отец домработницы. – Моя дочь никогда бы в рот табак не взяла! Значит, кто-то был с ней в её комнате, дон!

- Она могла привести кого угодно. Я не следил за этим, - смущённо заговорил Энди. – Нередко сюда заходили подружки за ней, и они вместе шли домой – так и безопаснее, если она возвращалась поздно.

- Не знаю ни одной подруги моей дочери, которая бы курила, - покачал головой отец.

- Может быть это был её друг? – высказал предположение Энди.

- Наверняка, любезный. Нам надо поискать её в доме приятеля, - полисмен панибратски похлопал отца по плечу.

- Такого быть не может! Моя дочь воспитана в строгости!

- Именно поэтому, приятель. Все излишние строгости неизменно нарушаются, - хмыкнул полисмен. - А Вы, хозяин, не замечали, чтобы за Вашей домработнице приходили парни?

- Да было как-то… - выдавил с натугой Энди, - но чаще – девицы…

- Но бананы она никогда не ела. У моей дочери аллергия на них, - развёл руками, убитый грубыми доводами, отец.

- Вот именно, что банан, которые особенно любят ваши

земляки, если у них, конечно, аллергии нет, - откровенно рассмеялся полисмен, продолжавший осматривать помещение. – Больше не вижу здесь ничего примечательного. А Вы, родитель?

- Нет, ничего…

- В самом деле, всё здесь выглядит как обычно, вставил Энди. – Её старый магнитофон, радио…

- Надо искать в посёлке, узнавать о молодых парнях-латинос, - заключил страж закона.

- Помогите, пожалуйста. Если какие расходы – возьму всё на себя, - озабоченным тоном сказал Энди.

Когда отец девочки уже выходил в сад, полисмен притормозил тяжёлую поступь и бросил хозяину негромко:

- Меня-то старик пусть не учит. Я арестовываю в неделю по такому ублюдку-латинос! Знаю на что они способны! Заманил к себе, а сам привёл целую шайку и всю ночь потешались со связанной девчонкой. И такое бывает в моей практике. Всё сделаем как надо для Вас, сэр.

Когда братья остались наедине, Глеб сказал:

- По-моему, всё предельно ясно: по выражению мордоворота-полисмена дело будет состряпано нечисто и не исключаю, что будет арестован невинный человек. Подозреваю, что он имеет дело с Энди не первый раз и знает, что сорвёт куш.

- Беда в том, что доказать что-либо можем лишь мы, как свидетели вчерашнего. Но надо найти другого, не испорчен-

ного, полицейского. Кстати, я заметил ещё кое-что: банан был раскрыт так, как это делают европейцы, то есть – с черешка… Латиноамериканцы же, открывают его с кончика, - задумчиво произнёс Антон.

- Ты просто Шерлок Холмс, брат мой! – улыбнулся Глеб. – Но откуда у тебя такие сведения?

- Из записок прадеда о путешествии в Парагвай. Он был очень наблюдательным человеком, сам знаешь – криминалист-профессионал. Надо нам только поскорее постараться пройти в её комнату незаметно, и сфотографировать стол с пеплом и шкуркой банана. Иначе у нас не будет ничего, кроме голословных утверждений. Мерзавцы не заметили пепел иначе бы прибрали его. Но следов на асфальте, действительно никто не разберёт. Главный наш козырь – труп, лежащий, надо полагать, под мостом, прикреплённый к дну грузом. Не съели же его аллигаторы?

- Нам надо спешить, брат. Следует найти повод для того, чтобы один из нас отлучился ненадолго по делам в посёлок и убедил полицейских другого участка заняться расследованием. Наказание за такое злодеяние сейчас важнее моих намерений с приобретением картины. Но мы ещё очень мало знаем. Подслушать бы разговоры всех тех, кто находится под одной крышей с нами.

К полудню Глеб исчез под предлогом техосмотра их автомобиля перед дальней поездкой. Ему повезло, и он отыскал

молодого, не слишком опытного, но старательного полицейского. Этот разговорчивый малый по имени Дэйл Кармайкл был негром. Он оказался очень начитанным в криминалистике и засыпал Глеба байками из соседних штатов:

- А что Вы хотите, сэр, от таких толстосумов, которые охраняют свои владенья огромными псами, да к тому же, и аллигаторами, можно ожидать всего. Недавно, при обыске имения некоего Джона Вейнхарта в округе Сан-Бернардино, Калифорния, было обнаружено более девяноста мёртвых тигров, в том числе пятьдесят восемь трупов тигрят, которые находились в морозильных камерах – фантастика! Коллеги обнаружили там одиннадцать детёнышей тигров и леопардов, ползавших на чердаке, двух молодых аллигаторов в ванной и двух голодных тигров, помещённых на веранде. На заднем дворе нашли тридцать мёртвых тигров со связанными лапами! Трупы зверей имели различную степень разложения. Шестидесятилетний Вейнхарт содержал в Колтоне питомник под названием «Тигровое спасение». Заведение его предназначалось для животных, находящихся «на отдыхе» после многолетней работы в цирках. Окрестные жители часто фотографировали владельца, как и местные газеты, он с охотой давал интервью. Оказалось, что в прошлом году представители Департамента рыбы и дичи организовали проверку питомника и прокурор округа обвинил Вейнхарта в незаконной демонстрации тигров, разведении зверей без соответствующего разрешения. Вейнхарт с женой и его ве-

теринар были арестованы, а их ребёнка временно поместили под опеку. Представитель «Тигрового спасения» Стиви Джеффрис утверждал, что мёртвые звери скопились в питомнике за пять лет его существования, а тигрята в морозильнике сохранялись для научных исследований. Суд дал жене Вейнхарта сто восемьдесят дней надзора и четыре года ограничения родительских прав. Её муж был осуждён на значительный срок заключения с последующим лишением права содержать животных.

- Поразительно, - кивал Глеб, сидя в полицейском участке. - Но Вам следует поторопиться, друг мой. Особенно – ради скорейшего вскрытия тела.

- Конечно, сэр, - охотно подтвердил Дэйл. - А был и такой случай в моей практике: отец и дядя травят своих детей, надеясь одного сделать суперменом, а прочие пусть хоть сдохнут.

- Всё! Мы едем! – оборвал его Глеб. - Хорошо бы, если Вам удалось прихватить помощника.

- Увы, сэр, все в разъездах – дела… Людей у нас не хватает.

По пути Глеб изложил Дэйлу все детали вплоть до наблюдений брата по поводу банана, а это указывало на то, что не заходил за ней никакой парень-латиноамериканец. Заметил, что неплохо было бы снять отпечатки пальцев в её комнате и осмотреть прочие. Но главное, подчёркивал Охотин – срочно выловить труп в реке. Глеб заметил, что с приближением

к усадьбе Хоумера, выражение лица полицейского становилось каким-то странным и более замкнутым.

- О банане – ценные наблюдения, сэр, - откликнулся Дэйл. – Однажды я ловил одного убийцу. Он убегал от нас и, видно, сильно ушиб стопу, снимал носок, чтобы осмотреть ногу и уронил, закатившуюся в неприметное место, силиконовую прокладку между пальцами, напоминающую по форме коленный сустав, только маленький. А я заметил острым глазом что-то матово-белое, осмотрел найденный предмет и сделал вывод, что убийца - немолодой человек, раз нуждается в такой прокладке. Так, постепенно нам и удалось потом его вычислить.

Они остановились у моста, под которым должен был находиться труп. Оба потрудились немало прежде, чем им удалось подцепить крюком и вытащить тяжёлый свёрток. Благо, аллигаторы хозяина поместья, видимо, не имели сообщения с этим водоёмом. Распоров ножом плотную ткань, Глеб сразу же узнал матово-бледное лицо бедной служанки. Полицейский начал детально осматривать обнажённое тело. Тот факт, что на нём не было никакой одежды, говорил сам за себя: это не было случайной смертью. Бойкий малый поворачивал тело, осматривая со всех сторон: кроме нескольких синяков, следов насилия заметно не было. Никто не душил девушку: на горле не было ни единого синяка. Тогда негр полез в её промежность и заявил, что там имеются следы крови. Следовало ожидать, что она была девственницей и ста-

ла жертвой насилия. По ужасу, застывшему в её глазах, маске отчаяния и боли на лице, можно было предположить, что смерть наступила от нервного шока.

- Эта девчонка – латиноамериканка, - высказал, наконец, своё мнение негр, - а они нередко становятся жертвами насилия своих же соплеменников.

- Нет, дорогой мой Дэйл, - твёрдо возразил Глеб, - дело обстоит совсем не так просто: её несли сюда владелец особняка вместе со своими гостями. Мы приехали вечером и в темноте случайно увидели всё это.

- А… Вот как… Так, этот особняк здесь рядом? Не Хоумер ли хозяин?

- Именно он. Этот человек – соучастник убийства. Вернее, насилия, которое вызвало смерть. Всё совпадает и уже почти полностью доказано.

- Не-е-е, сэр… Тогда не так просто всё будет… Ничего не получится. Не докажем мы. А вы с братом можете пострадать, как подозреваемые, - замялся Дэйл.

- Что за чушь! – возмутился Глеб. – Преступники должны быть наказаны!

- Дело в том, что все чины в округе чем-то обязаны этому Хоумеру. Не получится у нас с Вами… Был как-то слух, что Хоумер заманивал к себе людей и скармливал их аллигаторам для пущего веселья.

- Так, этот Нерон двадцать первого века купил всех в округе? Но есть же власти и вне этого округа? Я готов за-

явить куда угодно, потерять время, но наказать их по заслугам.

- Не советую Вам это делать. Ведь это уже не первый подобный случай, насколько мне известно. Я забираю труп, составляю акт, но засадить за решётку Хоумера не в моих силах. Я могу потерять работу, сэр.

- Что за дьявол! – воскликнул Охотин. – Тогда оставь покойницу мне, и я добьюсь правосудия!

- Не могу, сэр, я обязан составить протокол опознания. Доставить тело в участок…

- Чтобы ещё и невинного парня-латиноамериканца обвинить?

- Ну… это не обязательно… Но, я думаю, что её погубили свои же соплеменники…

- Не отдам я тебе труп!

- Вы обязаны сдать его представителю закона, - с непроницаемым выражением произнёс негр.

- Нет! – Охотин начал завязывать мешок с трупом, оттесняя полицейского плечом.

Неожиданно за его спиной звякнул металл: полицейский извлёк из кобуры массивный армейский кольт. Глебу пришлось уступить, но он высказал полицейскому вслух всё, что думает о нём, но особенно – о его начальстве. Было заметно, что молодому парню стыдно и очень не хочется так поступать, но он очень боится своего босса.

В это время Антон выбрал момент, когда вся троица сидела в тени тюльпанных деревьев за кофе, и проник в комнату домработницы, чтобы сфотографировать улики на столе. Никто не прикоснулся к оставленному на столе, и задуманное удалось. Кроме того, Охотин обнаружил, что в комнатке спрятано несколько видеокамер и одна - даже в душевой служанки, что само по себе наводило на определённые мысли… На пути в свою комнату, Антон столкнулся с владельцем особняка, который странно посмотрел на него, заметив на шее Охотина крупный объектив, который невозможно было утаить под одеждой. Антон нашёлся и, улыбнувшись, бойко ответил:

- Услышал возню аллигаторов в водоёме и решил сфотографировать с балкона.

- А-а-а, - протянул Энди, - ну-ну.

Гигантские рептилии, в самом деле, подняли немало шума в эти минуты. Глеб вернулся злой и всё рассказал брату. После ужина, за которым Глеб разговорился с Энди о приобретении картины очередной раз, но так и не получил определённый ответ, все разошлись. Охотины долго прислушивались к движению в доме и им показалось, что вся троица собирается в верхней, зимней, гостиной. Когда совсем стемнело, Глеб решился на подслушивание их беседы. Он владел навыками скалолазания и сумел пробраться по карнизу, богатого архитектурными излишествами и выступами, особняка, к окну в гостиную, где, ухватившись за цинковый водо-

сток, мог слышать разговор.

- Ты что, Энди, совсем обалдел? Пытаешься нас во всём обвинить? – доносился низкий голос Десмонда. – Ты же сам нам предложил её. Чего теперь хочешь? От содеянного отречься только потому, что от избытка сала у тебя всё не так хорошо функционирует, как у нас с Айзеком? Становишься импотентом – лечись. Кстати, в этом деле не имеет значение, кто именно её имел и сколько раз.

- Думаю, что она скинула коньки не от нашего усердия, а, скорее всего, от глумливо-похотливой рожи, которая пялилась на неё со стороны, лезла со своим объективом в её интимные места, - поддакнул ему Эрон.

- Ладно вам преувеличивать! Совсем не это хотел я сказать, что я совсем ни в чём не виновен, - огрызнулся Энди. – Просто боюсь, как бы делу не дали ход. А эти братцы Окотин тоже заставляют задумываться. Почему они так любопытствовали утром и попёрлись осматривать её комнату вместе с полисменом?

- А что ты хотишь сказать? – язвительным голосом продолжил Айзек. – Что это мы тебя втянули порезвиться с твоей мучачей[350], которая, неожиданно для тебя, оказалась слишком юной? И теперь пытаешься заявить, что два скромных гостя совратили тебя на столь омерзительный поступок? Ты не знал, что она несовершеннолетняя и теперь горько раскаиваешься, ретивый боров? Не следует видеть в каждой

[350] Прислуга по-испански.

встречной особи женского пола только лишь самку. Тем более – в малолетке.

- Побереги свои дурацкие сентенции для самого себя, - огрызнулся Энди.

- Но не станет же этот фараон катить на тебя бочку? Вы же давно знакомы, как я понимаю? Он тебя уважает и где-то даже любит… – спросил Хатчинсон младший, с надеждой в голосе.

- Нет, он не станет. Но, кто знает, если ещё что всплывёт… - потухшим тоном голосил Энди.

- Если эти братья захотят вмешаться и помочь полиции? Ты это хочешь сказать, Энди? Так, выражайся менее туманно! – негодовал Десмонд.

- Скоро местные газетёнки запестрят: «Тонкий ценитель искусств оказался грязным педофилом», - хихикнул Айзек. – А при обыске, фараоны отыщут в особняке несколько дисков с детской порнографией, часть из которых собственного производства того самого ценителя. Да и в его компьютере найдётся много чего пикантного…

- Прекрати! Друг ты мне, или кто? – зашёлся праведным гневом владелец поместья.

- Ладно, святоша ты наш, не бери так близко к сердцу. Но порой мне кажется, что твой грузный нимб, Энди, вот-вот обрушится на мой бедный череп, - усмехнулся Эрон. – Ну, отсидишь немного. Глядишь, и здоровье поправишь, лишний вес сбросишь.

- Десмонд как-то признался, что в Таиланде и Камбодже он пристрастился к малолеткам - как девочкам, так и мальчикам, - вспомнил Энди. – Я же предпочитаю особей повзрослее.

- Ты опять за своё? Продолжаешь пытаться выгородить себя, хряк, заплывший жиром? – повысил голос Хатчинсон.

- В отличие от вас обоих, я, до сих пор, с малолетними не связывался, - заметил Айзек.

- Теперь ты начал невинность разыгрывать? Не прикидывайся поссумом[351], Айзек. Это тебе не к лицу. По-моему, полиции среди присутствующих нет и хватит вам валять дурака, - разозлился Десмонд.

- Если нас загребут, виноваты будем все, так или иначе. Но хозяин, который не мог не знать возраста прислуги, больше всех смахивает на зачинщика, - заметил Айзек.

- Да, хватит нам дурить. Но эти братья мне не нравятся. Младший сегодня по особняку с фотоаппаратом разгуливал. Не заходил ли он в комнатку для прислуги мимоходом? – задумчиво произнёс Энди. Его голос был еле слышен.

- Может уберём к чертям этих братьев – и дело с концом? – бодро предложил Десмонд.

- Не разыгрывай из себя кровожадного пауни[352], Хатчин-

---

[351] Англоязычная поговорка «do not play the possum», означающая «не делай вид, что не понимаешь о чём речь». Поссумы распространены в Австралии и Новой Зеландии, а опоссумы - в Северной Америке. То есть, поговорка пришла к янки, по-видимому, издалека.

[352] Пауни считались наиболее воинственным племенем Северной Америки.

сон. На индейца физиономия твоя никак не тянет, - рассмеялся Эрон.

- Сожалеешь о бедной мучаче, Энди, или о том, что некому теперь твоё дерьмо смывать? – веселился Десмонд.

- Какое дерьмо? – спросил Хоумер.

- Думаешь за эти дни мы не заметили, что ты, свин, каждый раз забываешь давить на рычажок унитаза в своей спальне? – не унимался Хатчинсон.

- Есть грех, но это не твоё собачье дело, милейший, - огрызнулся Энди.

- Есть более дельное предложение: пойти в полицию и заявить о том, что мы глубоко поражены постыдным поведением мистера Хоумера, разочарованы в его гостеприимстве. Только сначала надо будет стереть из его видео наши морды, которые этот похотливый боров, наверняка, тоже заснял, - загоготал Десмонд.

- Остынь! - тон Хоумера вдруг изменился. – Если ты и дальше собираешься меня запугивать, унижать и мешать с дерьмом, я докажу тебе, что смогу задавить тебя своим капиталом и связями. И тогда ты поплачешь без своего папаши, сирота несчастная!

- Да что с тобой? Я же шучу, Энди, - скривился Хатчинсон. – Кстати, ты разве не слыхал, что я унаследовал капитал отца?

- Слышал и то, что половиной владеет твоя мамаша и ты, небось, ждёшь-не дождёшься, когда она откинется. Да толь-

ко ждать долго придётся.

- Ты стал много позволять себе, Энди.

- А может быть вы оба, придурка, далеко зашли? Довольно трепать языком! Думать надо и решать, - неожиданно твёрдым тоном заявил Хоумер.

- Да, Энди, за словом в карман ты не полезешь. И не ожидал от такого тюфяка, как ты, - усмехнулся Айзек.

- А ты ещё в мой карман полезь. Тогда узнаешь! – просопел Энди.

- Похоже, что сейчас никому из нас ничего дельного в голову не придёт. Предлагаю разойтись по конурам и покумекать наедине с собой, - предложил Айзек.

Донеслись возгласы одобрения и шум шагов. Когда Глеб с облегчением освобождал затекшие, от страховки против падения, руки, он услышал разговор Эрона и Хатчинсона этажом ниже. Пришлось застыть вновь и очень тщательно прислушиваться. Теперь до Охотина доносились лишь обрывки беседы, из которых он понял, что Десмонд обещал Айзеку дать в долг много денег «после смерти старика». Но, неожиданно, на горизонте возникла сестра Десмонда, которая стала оспаривать треть суммы. Мать Десмонда, не слишком сопротивлялась этому, хотя и была зла на дочь, исчезнувшую уже много лет назад, не желавшую поддерживать отношения с родителями и братом, но сам Десмонд не был намерен вдруг отказаться от половины суммы, согласившись на одну треть. Айзек пытался настроить друга и любовника

на стойкую борьбу с «милой сестрицей» и тот поддакивал, что не даст «этой нахалке» и гроша.

- Ладно, всё это пока разговоры. Но что насчёт полотна Поля Дельво? – капризным тоном спросил Айзек.

- Ты его получишь, дорогой, раз я обещал, - мрачновато ответил Десмонд. – А кроме того, я подарю тебе кое-что из коллекции отца. Правда, в ней не столько знаменитостей, как у Энди.

- Для начала, ты покажи её мне, дружище, когда вернёмся, - требовательно произнёс Айзек.

- За мной дело не встанет! – бодрился Десмонд.

За завтраком Хатчинсону позвонили. То был мистер Слоум, который сообщил ему о неожиданной кончине его матери. Все присутствующие поняли это из реплик Десмонда и тут же выразили ему соболезнование. Айзек при этом гаденько улыбнулся. Душа сына в какой-то момент возликовала, но он тут же надел подобающую маску скорби. «Теперь бы отбиться от дражайшей сестрицы и весь капитал мой» - стучало в мозгу Десмонда. Он не подозревал о том, что мистер Слоум был обманут Беттиной Летицией. Она дождалась убийства мужа и, после этого, по уговору, должна была предоставить своё тело в пользование управляющему. Но, в последний момент, он издал своё, вполне вурдалакское, причмокивание, обдал её гнилостным дыханием, и стал ей столь мерзок, что она вышвырнула его из своей посте-

ли. Уайтлоу Слоум рассвирепел, чего она никак не ожидала от этого сколького пресмыкающегося, схватил бюст Цезаря, стоящий рядом с кроватью, и проломил ей голову. После этого он надругался над коченеющим трупом. Потом ему пришлось очень тщательно скрывать следы своего второго преступления. С убийством её мужа всё было куда проще. Управляющий не был уверен в том, что следствие не уличит его, несмотря на все ухищрения. Он решил сам заявить в полицию.

Энди, желая разрядить обстановку, любезно пригласил Охотиных ознакомиться со своей библиотекой. Возраст книг в ней, действительно, впечатлил, но, поскольку в ней не было книг на русском, особо глубоких чувств братья не испытали. Если в коллекции Хоумера не было инкунабул и палеотипов[353], то хватало изданий конца шестнадцатого и семнадцатого веков, что вызывало со стороны братьев как уважение к коллекции в целом, так и раздражение тем фактом, что уникальные издания уплывали и продолжают убывать из Европы за океан.

- Сейчас я мог бы заказать и отменные инкунабулы по интернету – просто и по сходной цене, но интерес мой, всё больше, склоняется к коллекционированию живописи. Но

[353] Инкунабулы - книги, изданные в Европе от начала книгопечатания в 1445 г. и до 1 января 1501 г. Палеотип - европейские печатные книги, изданные с 1 января 1501 г. до 1 января 1551 г.

библиотек сильных в этих краях раз, два и обчёлся. Коллекций картин и того меньше. Диковат народец… - сказал Энди, почёсывая бородку. - Есть у нас в штате народ самый разный. Даже секта людоедов, которые научно подкованы и глубоко уверены в том, что их здоровью поможет только химически близкий белок – усваивается быстрее. Не папуасы какие-то, о здоровье пекутся. Говорят, что половина культуристов, которые наращивают мускулы быстро, но без белковых добавок и разрушительных кортикостероидов – каннибалы. И, в отличие от обычных качков, они – здоровые люди.

- Физически – может быть, но не ментально же? – усмехнулся Антон.

- Изучая философскую работу Майка Рестиво[354] и некоторых прочих, не могу и в Ваших словах не усомниться, - покачал головой Энди. – В наше время и отношение к прежним мартинистским орденам является весьма спорным. Авторитетов в наше время не существует. Меркнет и сам Алистер Кроули. Луис Лики заставил нас пересмотреть происхождение Гомо сапиенса. Всё указывает на то, что наши прямые предки были не добродушные лесные собиратели, но - охотники на себе подобных. Они дробили черепа своих соседей дубинками, пожирая их мозг. Мясо себе подобных было чуть ли не основной их пищей.

- Но ведь лишь людям присуще острое нежелание причинять боль живому существу.

---

[354] Великий мастер теургии – поздний мартинист.

- Да, части двуногих – несомненно. Но разве сам запрет её причинения не делает для многих противоположное сладостно заманчивым?

- Что будем делать? – спросил брата Антон, когда они остались наедине. - Мы просто обязаны наказать их за такую гнусность – предать суду! –добавил он гневно. - Копрофаги[355] вонючие! Вырожденцы!

- Надо будет похитить видеокамеру Энди, как вещественное доказательство, - ответил Глеб. – Более полезного мы ничего здесь не сможем сделать.

- Это ты в самую точку! Похитим и отчалим!

- Заберём Монику и, где-нибудь вне Луизианы, заявим в более нейтральное отделение полиции. Приложим камеру Хоумера и твои фотографии стола с бананом. А там уж пусть блюстители порядка разбираются сами. Мы же продолжим свой путь. Но пока что, я намерен потребовать ответ насчёт продажи мне картины. А ты попробуй уличить момент для похищения камеры. Хорошо?

- Энди, мы намерены продолжить наш долгий путь. А потому, мне хотелось бы получить ответ на моё предложение купить Вашу картину. Прошло больше пяти, оговорённых, дней. Сколько Вы за неё хотите? – обратился Глеб к хозяину дома после полудня.

---

[355] Животные, потребляющие экскременты других животных в пищу.

- Простите, друг мой, но я пока не готов ответить, - смутился Хоумер.

- Хорошо. Я мог бы выложить одиннадцать тысяч. Больше не потяну. По рукам?

- Но, право, я не знаю. Давайте созвонимся, когда Вы будете возвращаться из своей поездки. Тогда и решим.

- Что ж поделать? Видно будет. А пока нам пора в путь.

- А что вы так заторопились? Приглядели бы ещё какие картины.

- Что толку, если денег мало.

- Вернувшись в Штаты, Вы могли бы сразу же продать джип и расплатиться со мной за пару картин. Отсюда полетели бы себе в Канаду. А то и поездом?

- Кто знает. Надо ещё вернуться.

- А пока прошу ещё раз взглянуть на коллекцию в одиночестве, спокойно, не торопясь.

- Это звучит заманчиво. Спрошу брата, если он согласится подождать…

- Спрашивайте. Милости просим: оставайтесь ещё на ночь.

Когда Глеб вернулся из комнаты, где они ночевали, он уже знал, что видеокамера Энди спрятана в сумке Антона.

- Завтра с утра бы и выехали. Куда спешить? – встретил Глеба вопросом хозяин.

- Увы, Энди, мой брат непримирим. Мы уезжаем сейчас же. Иначе нам не уложиться за отпуск – путь далёкий, - ка-

тегорически отрезал Глеб.

Некоторое беспокойство, не замечаемое раньше в Глебе, озадачило Энди: «Что-то тут не так. Они догадываются, что произошло здесь на днях…» Пауза становилась гнетущей.

- Но я вызвал хорошего мастера осмотреть ваш автомобиль. Подождите ещё полчаса, и он придёт, - натянуто выдавил из себя Хоумер.

- Вы очень любезны, но нам пора ехать, - покачал головой Глеб, чувствуя, что разговор принимает нежелательный оборот.

- Мне кажется, что Вы нехорошо думаете об этом доме и связываете кого-то из гостей со смертью служанки, - произнёс вдруг Энди, смахивая обильный пот со лба.

- Да нет, с чего Вы взяли?

- Похоже, что Вы не доверяете моим словам, сказанным тому полицейскому, не так ли? – с холодной надменностью вдруг спросил Энди.

- Ничего подобного. Мы Вам очень признательны за экскурсию и кров.

- Похоже, что это именно так. Поверьте, что мне горько такое слышать.

- Пустое. Нам представляется, что всё было именно так и виновник печального происшествия именно латиноамериканский юнец. А теперь позвольте откланяться.

- Эти братцы смылись весьма поспешно. К чему бы это? –

задумчиво произнёс Айзек, ковыряясь в, незаметно выкраденном, мобильнике Глеба.

- Обиделись? – предположил Десмонд.

- Не будь так наивен, Хатчинсон, - натянуто засмеялся Энди. – Думаю, что они раскусили, ЧТО здесь недавно произошло.

- Здесь есть занятные сведения, в его телефоне. Судя по всему, имеется нынешнее местонахождение подружки Глэба. Совсем неподалёку.

- Это полезно узнать, Айзек, - задумался Энди и вдруг резко вышел из комнаты.

Когда он вернулся, глазки его нервно бегали по сторонам:

- Не одни мы такие умные! Эти мерзавцы спёрли мою видеокамеру!

- Ты уверен? – насторожился Десмонд.

- Ещё бы! Я не спрятал её вовремя, идиот! Их надо настичь! Если они вздумали дать ход делу через полицию в соседнем штате – наше дело худо!

- В первую очередь – твои дела, Энди, - поправил его Айзек.

- Как не стало родителей, всё дело нашей семьи теперь на плечах управляющего Слоума. Идут дела не очень, насколько я понимаю, - со вздохом сказал Десмонд.

- Не смыслишь ты в делах отцовских, как мне кажется. Вот и горазд всё взвалить на управляющего. Смотри, как бы он не обвёл тебя, лентяя, вокруг пальца, - усмехнулся Энди

с нескрываемым ехидством.

- Мне кажется, мистер Хоумер, что Вы, с некоторых пор, слишком много себе позволяете, - изменился в лице Хатчинсон.

- А к чему ты принялся сетовать? Рассчитывал на сочувствие наше с Айзеком, сирота несчастная? Не до тебя сейчас.

- Вовсе нет. Ты, Энди, вряд ли способен на сочувствие ближнему в принципе, - бодро возразил Десмонд. – Просто там, в Ванкувере, кое-кто из ребят остался без работы. Наша компания сокращается. Мог бы их к тебе в помощники вызвать.

- Умелые ребята?

- А ты думал! С опытом! Да каждый из них стоит десяти таких братьев Окотинс. Разыщут и привезут к тебе живьём, повязанных, в багажнике.

- Вызывай. Мне сподручнее будет чужаков здесь использовать. Оплачиваем поровну. Так, Айзек? – оживился Энди.

- Непременно, босс, - нагловато усмехнулся Эрон.

- Звони им, Десмонд. Мои люди встретят их в Хьюстонском аэропорту. Пусть только твои работнички найдут гроши на билеты в Техас, чтобы время на перевод не терять. Да и надёжнее будет – не исчезнут. Прибудут, и мы вернём им расходы на перелёт.

- Замётано! – Десмонд потянулся к телефону.

- А нам надо бы ускорить события, - напряжённо проговорил Айзек. – Покуда те молодцы прилетят пройдёт слишком

много времени. Мне кажется, что братья едут сейчас не к мексиканской границе, а временно возвращаются назад, чтобы забрать там подружку Глэба. Если бы нам успеть захватить её, мы бы имели сильный козырь…

- Проще простого! У меня есть свой самолёт. Они выехали не так давно, а путь неблизкий. Мы долетим туда раньше. Вернее – вы оба, без меня. Очаруете ту даму своей внешностью – может она добровольно улетит назад с вами? – ухмыльнулся Энди Хоумер.

- Пилот есть у тебя? Не думаю, что Хатчинсон способен управлять аэропланом, как и я, - Эрон нервничал.

- А как же! У меня всё предусмотрено. Парень окажется у борта летательного аппарата самое позднее - через полчаса.

- Звони ему срочно!

Лишь на двухсотом километре, когда Глеб передал руль брату и решил позвонить Монике, подготовить её к скорейшему отъезду, он понял, что его телефон его, скорее всего, похищен, но может быть, потерян случайно… На заправке мимо них на нелепо-розовом, дамском мотороллере медленно проезжал негр с узловатыми буграми мышц на обнажённых ручищах. Антон поймал себя на мысли, что, именно глядя на этого типа, он вспомнил слова Хоумера о культуристах-людоедах. Незадолго до этого, мимо проходил не менее мускулистый белый, и это не вызвало подобной реакции. «Как глубоко сидят в нашем мозгу штампы: каннибал дол-

жен иметь внешность выходца с западного побережья Африки и не иначе. А может быть и сам Энди из той самой секты?» - подумал Охотин-младший. Но, вместе с тем, образ такого чёрного здоровяка напоминал и громилу, работающему на «Блудел» своими кулаками... С мотором было что-то не так: загорелась красная лампочка. Братьям пришлось потерять время на краткий тех осмотр с помощью парня из гаража и своих скромных познаний. Отделались тем, что просто добавили свежего масла.

Смерть в Луизиане

…Новое познание, которое укажет другую сторону всех вещей. Найдите его – и Вы будете изумлены, как Вы могли считать облако атмосферическим явлением, когда оно на самом деле звездокрылая бабочка из царства примитивов Джотто.

Н. Гумилёв

Эмма пребывала в очередном вечернем наркотическом трансе, а Моника рассеянно пролистывала роман какого-то современного американского автора с полки подруги, пришедшегося ей не по душе. Временами фрау Пиркхаймер бросала раздражённые взгляды на свой мобильник: именно сегодня пора бы Глебу и позвонить. «И что я так втюрилась в этого парня? Даже, если он и столь силён в живописи наших

предков, в покорении ледников и ледопадов… Ну и что?» - недовольно насупилась она. Неожиданно над крышей протарахтел мотор лёгкого пропеллерного самолёта, а через минут пятнадцать кто-то позвонил в дверь. «Ну, наконец-то! Пора бы им вернуться! – обрадовалась Моника. – Но… неужели я так беспокоюсь за них?» Скорчив скучно-равнодушную гримасу, она поспешила распахнуть дверь.

- Привет, красотка! – ошарашил её оклик, стоящего за дверьми, приятного на вид незнакомца атлетического сложения. – Не найдётся ли водички попить? Заблудились мы малость.

- Хорошо, сейчас принесу Вам напиться, - подчёркнуто ледяным тоном отозвалась Моника, и прикрыла дверь перед его носом.

Когда она выносила стакан водопроводной воды, Десмонд поставил ногу за порог таким образом, чтобы захлопнуть дверь второй раз ей не удалось.

- Ты очень милая девочка, как я погляжу, - осклабился он откровенно похотливо, приняв стакан из её руки.

- Возможно. Возвращайте стакан и счастливого пути, - холодно ответила Моника.

Когда она попробовала затворить дверь, стало ясным, что незнакомец не собирается убирать ногу.

- Времена Дикого Запада давно прошли, милейший. Ведь я могу позвонить в полицию, и блюстители порядка прибудут через считанные минуты.

- Отнюдь не прошли. К тому же – в такой глубинке, - рассмеялся Десмонд, делая шаг за порог.

- Я не намерена продолжать этот балаган. Убирайтесь к чёрту!

- Думаешь я дам тебе возможность звонить в полицию?

- Так подруга моя позвонит. Она сидит в другой комнате и всё слышит!

В этот миг, за спиной Хатчинсона возникла фигура Рендла Прайса:

- Посторонитесь, любезный, у меня в этом доме дела, - произнёс Садовник невозмутимо.

- Но я пришёл первым, и мне тоже есть о чём поговорить с дамами, - попытался оттеснить его широкой спиной Хатчинсон.

- С ростом народонаселения человечеству просто необходимо будет принять конфуцианство, - монотонно заговорил Садовник. - Именно оно способно отрезвить людей, заставить забить о страстях и подчинить оптимальному рационализму. Человечеству необходимо забыть о конспирологических бреднях, заполонивших современную прессу, навязываемых маразматические идеи об обречённости цивилизации и прочей ахинее, - Рэндл вращал плешивой головой, слабо прикреплённой к телу. Круглые белёсые глаза в концентрических кольцах морщин на безбровом лице встретились с глазами Хатчинсона и чем-то заворожили Десмонда. Стало ясным, что здоровяк уже не сможет продолжать свой агрес-

сивный натиск.

- Что мы видим вокруг, кроме всеобщего оскудения душ ли, самой природы ли? Государственность рушится уже давно, доживает последние дни и все мы катимся в пропасть - к полной анархии и, последующей телесной деградации. Идеалом остаются лишь большие деньги, а элементарное понятие человеческого достоинства забыто. Всё сколько-нибудь живое повывели. Где, спрашивается, наши леса? Но обывателя волнует лишь ублажение пищевых рецепторов. На ночь ему требуется пивко для томных сновидений о случке с женой соседа. Главное его желание – не задумываться о неизбежности собственного конца, - с мрачным энтузиазмом продолжал вещать Садовник.

- А что, Рэндл? У нас в Голландии с шестидесятых, если не с пятидесятых годов открыто существовала «ночь обмена ключами». Когда соседи – близкие друзья предоставляли друг другу такую возможность – отделаться от навязчивых снов о жене соседа, - вмешалась, бесшумно подошедшая, Эмма.

- Но и это не решение вопроса, - отмахнулся Садовник, - пустое всё это, Эмма. Всё пойдёт прахом. И мы сами. Современное человечество придаёт своей смерти непомерную важность. Почти что мистическую и это – величайшее заблуждение. Люди прошлого относились к ней спокойнее, рассудительнее, не пытались сделать вид, что смерти вовсе не существует, что мы ещё не живём лишь «по милости, па-

дающей с неба, черепицы», как писал Кёппен. Какая глупость пытаться удрать от неё! Разве не так, молодой человек? – Прайс уставился на Хатчинсона в упор.

- Да, наверное, - растерянно отвечал Десмонд.

- С другой стороны, - продолжил Садовник, - Мы уже и бояться собственные грехи разучились. Нам не страшно от того, что природа вся так загажена от несущихся, ревущих грузовиков, громадных автобусов, поездов в сотни тонн. Не страшна смерть толком, ни даже своя, а уж чужая… Только, задумываясь глубоко – боимся прихода смерти, ибо потом не будет ни-че-го. Поэтому мы и склонны раздувать ужас небытия искусственно. Инстинкты здоровые и те вырождаются. Виртуальная реальность становиться для нас единственной истиной. Даже секс по интернету уже предпочтительнее живого и скоро его вытеснит.

- Увы, мой друг, - Эмма вздохнула с трепетом.

- Я готов стать мессалианином, ибо уверен, что род людской нельзя продолжать, обрекая потомков на страдания, - продолжил Садовник.

В это время к двери подошёл Айзек, остававшийся до сих пор сторонним наблюдателем вместе с пилотом. «Похоже, что этот недоумок Десмонд уже ни на что решительное не способен. И что за песни напел ему этот плешивый шибзик?» - думал Эрон, приближаясь к дому мисс фан Хэндт.

- Я друг этого парня, и хотел бы попросить у Вас, любезные хозяйки, ещё один стакан воды. Замучил зной, - наглова-

то улыбнулся Айзек, но с удивлением заметил, что его неотразимая манера речи и внушительный внешний вид не производят ни малейшего впечатление ни на одну из женщин.

- Вот именно – вода, но не надвигающийся конец света, волнует нас, - продолжил Рэндл. – Жалкий стакан воды, и непременно с куском льда, в наше время, за который мы готовы удавить ближнего.

- Мне не до философии, милейший, - резко бросил Айзек, - нас мучит жажда, о которой Вы, вероятно, не имеете понятия. Позвольте нам, дорогие хозяйки, войти в тень вашего жилища. Хоть на часок отойти от жары, отпиться.

- Да, конечно, заходите, - растерянно заулыбалась Эмма, делая шаг назад.

Моника не успела её одёрнуть и оба приятеля сразу же просочились в дверь в гостиную. Вскоре все уселись за столом. Но тут красноречие Прайса проявилось в полной мере и даже Айзек, оказавшись под впечатлением, не сумел повернуть беседу в более приемлемое для их целей русло. Эрон понимал, что время уходит и, в любой миг, могут появиться братья Охотины, что если они намерены похищать Монику, то надо поторопиться и делать это со всей решительностью. Садовник уводил слушателей в дебри своей странной философии всё глубже:

- С другой стороны, современные люди вовсе не желают и думать о своей смерти. Не желают к ней подобающе готовиться даже старики, как в былые времена. Если они начина-

ют всё чаще болеть, страдать, то лишь в том случае подумывают об эвтаназии, или впадают в апатию, вместо того, чтобы готовить себя к вечности. Нашим предкам было умирать гораздо легче благодаря их здравому отношению к смерти. Много лет пытаюсь доказать своим слушателем, что намного приятнее вовремя созреть для положительного принятия своей кончины, воспринимать её с радостью и стремиться к ней вовремя, а не когда загибаешься от раковой опухоли. Ведь в пользу моих слов говорит элементарная логика. Но, нынешнее сознание масс проникнуто вещизмом и отравлено техногенной квазиреальностью. Суть и плоть реальности вытеснена прочь. Выхолощенная, кошерная цивилизация. Отсюда и потребность в насилии на экране, жестокости, компьютерных играх и фильмах – поддельной кровушке, дешёвому щекотанию нервишек.

Айзек старался не поддаваться его гипнозу. Эрон проигрывал варианты неожиданного насилия, думал даже позвать на помощь дюжего пилота, но и догадывался, что Моника станет сопротивляться, а присутствие Прайса очень несвоевременно, как и подруги – слишком много свидетелей. Поток сознания Рэндла не прекращался и постепенно переключался на необходимость непродолжения потомства и самоубийства, как он выражался – «самоустранения из этой пустой жизни». Айзек решился увести, развесившего уши, Десмонда, насильно: стало очевидным, что подходит время прибытия сюда автомобиля Охотиных. Встреча с ними была бы

ещё менее желательной и оба приятеля покинули дом Эммы столь же неожиданно, как и появились в нём.

Когда появились Охотины, Садовник поспешил откланяться. Братья жадно набросились на скудный женский ужин. Стемнело. Все четверо собрались за чаем. Эмма, то и дело, роняла голову и почти засыпала. После, волнующих её, речей Прайса, у неё не осталось сил слушать рассказ братьев о монастыре. Стращать дам повествованием об убийстве братья не хотели. Наконец, Эмма погрузилась в тревожный сон, дёргаясь время от времени. Пришлось отвести её под руки в постель.

- Я уверена, что Он убьёт Эмму своими травами. Но как ей это доказать? Сил больше нет. Она меня начинает тихо ненавидеть, точнее - мою опеку, - сокрушалась Моника.

- В шею надо этого Садовника! Чего он добивается? – сказал Антон. – Сюда бы прадеда нашего – расследовать всю эту путаницу.

- Цели Садовника мне совершенно непонятны. Вряд ли с его стороны имеет место материальный интерес, - отозвалась Моника, пребывавшая в задумчивости. – Скорее всего он – глава некой секты, куда пытается вовлечь больше неофитов.

В разговорах, Моника совершенно забыла поведать о визите двух наглых молодых людей.

Недосыпавшие последнее время Охотины стремительно

провалились в глубокий сон, а Моника впервые успокоилась, что с человеком, к которому она испытывала всё больше осознанной любви, всё хорошо и забылась сном не менее крепким. Эмма приняла хорошую дозу снотворного и спала крепче обычного. Отогнуть тонкую решётку и проникнуть в спальню Моники, как были уверены злоумышленники, оказалось проще простого. Заткнуть рот и связать спящую вызвался пилот – латиноамериканец – мастер на все руки. Вскоре полузадохнувшаяся женщина, с кляпом во рту, была закатана в ковёр, и пилот уже тащил её на могучем плече к самолёту.

- Браво, амиго! – воскликнул Айзек, похлопав в ладоши. – Не зря получаешь деньги своего хозяина!

Когда они взмыли в воздух и пролетели минут пятнадцать, женщина в свёртке вдруг надрывно замычала.

- Надо дать ей отдышаться. Ещё в ящик сыграет, не дай Бог, - сказал Десмонд и принялся извлекать кляп изо рта пленницы и вдруг взревел. – Дьявол! Идиот, ты похитил не ту!

- Но, амиго, откуда мне знать? Вы мне сами сказали в какую комнату проникнуть, - откликнулся пилот.

- Ты прав… Мы сами тупицы, - покачал головой Хатчинсон и тихо добавил, чтобы пилот не расслышал. - С какой стати мы могли быть так уверены, что та комната – именно спальня подружки Глэба?

- Она туда заходила несколько раз именно, как в свою

спальню, - невозмутимо нарушил своё молчание Айзек. – В чём наша вина? Надо успокоить себя тем, что эта бабёнка дорога своей подруге и можно шантажировать братцев её жизнью через бабу Глэба.

- Ух ты! – воскликнул Десмонд, скользнув рукой по весомой груди Эммы. – Не исключаю, что она представляет ценность для младшего братца. Остается найти номер телефона Энтони в телефоне Глэба. Но не грех и нам побаловаться с такой. Энди, правда, малолеток подавай.

- Хватит уж. Порезвились, да ещё не отрезвились, - проворчал Айзек. – А пока что нам следует срочно приставить хвост к машине братьев. Надеюсь, твои ребята, Десмонд, уже прибыли к Энди и горят желанием работы.

- Похоже на то, что и тебе теперь по душе только малолетки, - ухмыльнулся Хатчинсон.

- А хоть бы и так? – осклабился Айзек. – Разве это хуже того, чем мы занимаемся с тобой наедине? Столь же предосудительно в косном обществе – ни больше, ни меньше.

- Но государство, пока ещё, карает за малолеток, милейший.

- Вспомни слова Луи Арагона: «Я считаю педерастию формой сексуального поведения наряду с другими формами сексуального поведения. Со своей стороны, я не подвергаю её нравственному осуждению». А Бретон заявил, что если их дискуссия превращается в рекламу педерастии, то он сразу же из неё выходит.

- Припоминаю… Бретон сказал: «Пусть я прослыву мракобесом в данной области», но не буду, мол, поддерживать разговор.

- Именно так, Десмонд. Молодчина! Дело было в далёком двадцать восьмом году. Так на чьей ты стороне, фарисей ты наш? – вызывающе ухмылялся Айзек. – Ты знаешь, один мой приятель родился в шестьдесят шестом году и постепенно, ещё в молодости, крепко уверовал, что имя его Сатаниил и ему подобает творить откровенное зло во имя зла. Настольной его книгой стала «Песнь Мальдорора» Лотреамона. Стал он всё чаще пялиться на фильмы ужасов. Где-то откопал, что какой-то его предок был рождён в 1666 году и весь их род имеет на себе печать Сатаны. С годами он посвятил себя чёрным мессам, ушёл в одну из сект.

- И что ты этим хочешь сказать?

- Мне подумалось вдруг, что наш Энди – один из таких, хотя и своеобразен…

Никто в доме Эммы не слышал под утро треска оконной решётки, хрипа хозяйки и взлёта аэроплана по соседству. Когда они обнаружили взлом окна, то все дружно подумали на Садовника. Охотины долго пытались отыскать следы в клумбах, но похититель очень грамотно прошёл лишь по асфальтным дорожкам и не оставил ни следов.

- Нам надо отыскать адрес Садовника. Уверена, что он имеется в бумагах бедной Эммы, - сказала Моника и погру-

зилась в поиски.

- С другой стороны, - заметил Глеб, - следов насилия в спальне незаметно. Нельзя исключать, что она ушла сама добровольно к нему таким экстравагантным путём – через окно. Решётка такая хилая, что и ей было бы од силу отогнуть её.

- Я уже всего могу ожидать от подруги. Удалилась вдруг, как лунатик - ну и ладно. Мне хватило этих недель с ней. В конце-концов, она - взрослый человек, - Моника не на шутку расстроилась, но и разозлилась. – Впрочем, вот здесь, кажется, адрес этого типа.

Все трое сели в джип и отправились к Прайсу. Дома его не оказалось. Они прождали у порога до позднего вечера и пришли к выводу, что оба сбежали от опеки Моники и никакого похищения не было.

- Раз она так поступает со мной – я не собираюсь её искать – не маленькая, - резко заявила Моника.

Всё это время Антон читал, набранный в своём нотбуке, дневник деда и, временами, зачитывал отрывки вслух: «Мой сосед в нашей лачуге на реке Саване рассказывал, что в 1914 году имели место бурные события в Ладлоу, где, несмотря на закон о восьмичасовом рабочем дне, никто не работал менее десяти часов. Он был свидетелем того, как горняки подняли там забастовку, а генеральный адъютант Шерман Белл, командовавший милицией, заявил, мол, к чёрту конституцию! Впрочем, и и Богом, и царём в Колорадо был Джон Рокфел-

лер! Его тёзка журналист Рид уверял, что шахтеры Колорадо получают заработную плату меньшую, чем где-либо. Они вынуждены оплачивать из своего кармана не только лечение, но и стоимость взрывчатки. Все прокуроры, шерифы, мэры даже попечители школьных советов состояли на службе у «Колорадо фьюэл энд айрон компани». Рабочие поначалу были настроены мирно и обратились к предпринимателям с просьбой их выслушать. Хозяева в ответ стали готовиться к усмирению. В дома шахтеров стали врываться охранники и всех, кто отказывался идти на работу, вышвыривали под открытое небо с их убогим скарбом. Таких оказалось одиннадцать тысяч! Два месяца в тюрьме держали старейшую активистку рабочего движения в восьмидесятичетырехлетнюю Матушку Джонс. Изгнанные из своих домов среди зимы, стачечники поселились в палаточных городках. Охранники и нанятые банды уголовников часто совершали налёты на эти колонии: убивали, избивали, насиловали. Стачечники стали вооружаться, раздобыв несколько десятков старых охотничьих ружей. Тогда в Ладлоу ввели войска. И 19 апреля, без предупреждения, по палаткам застрочили пулемёты! Часть женщин и детей устремилась на равнину, писал Джон Рид. Их расстреливали на бегу! Потом облили палатки керосином и спалили дотла».

- Долбанная «самая демократичная страна в мире»! – покачал головой Глеб. – Не стало индейцев, пришла очередь другого слабого.

- Идиоты! И нечего на моего пилота валить! Теперь что будет? – возмущался Хоумер.

- Мои ребята должны их догнать и убрать – чего ещё остаётся… - сказал Десмонд.

- Да может поздно уже будет! Заявление в полицию будет ими передано! Такая мысль твою мудрую голову не посещала?

- Надежда на то, что они не разобрались в том, что произошло, или же, что не захотят связываться… К чему им все эти потери времени? Может тот хочет твою картину так сильно, что предпочтёт ещё раз к тебе обратиться на обратном пути? Осчастливь его подарком, Энди, не жмись! – вставил Айзек.

- Бред! Слишком много «но»! – злопыхал Энди. – Но ребят отправляем в погоню сию же минуту! Они должны пасти братьев и не давать им контактировать с полицией до самой границы. Никакого насилия! А там пусть проваливают в Мексику. В этой стране они станут для нас безопасными, но, на случай их возвращения, будет спокойнее, если ребятки уберут их на чужой территории. В той стране дело огласке предано не будет. Убийство с целью грабежа там – норма.

- Что же поделать? Ситуация патовая. Приказывай им убрать, - вздохнул Десмонд. – Хотя мне жалко парней.

- Ты и приказывай. Твои же люди, - хитровато блеснул очками Энди.

- Хочешь на меня свалить ответственность? – окрысился

Десмонд.

- Нет, только вы можете использовать мой дом, а потом ещё от всего открещиваться.

- Не артачься, Десмонд, сделай то, что велит нам Энди, - мягко заметил Айзек.

- Айзек, как всегда, прав, мой милый Десмонд, - вызывающе усмехнулся Эниди. – Но что вы прикажете делать с этой дамой? Как теперь отпустить её? Какого чёрта вы привезли её в мой дом, когда она нам ни к чему?

- Может быть Энтони Окотин интересуется ей… - промямлил Десмонд.

- Может быть… Кретины! Никому она не нужна, скорее всего! А меньше всех – мне, в моём доме! Подставляете меня под криминал, уроды! Пока пришлось запереть её в скрытой комнате. Как бы руки на себя там не наложила.

- Не наложит, не из таких бабёнка – эдакая секс-бомба. А ты сам себя давно подставил, Энди. Со своей страстью к любительской видеосъёмке и со своей забывчивостью, - невозмутимо заметил Айзек.

Далёкий предок Энди Хоумера, попав в Америку из Англии, начинал свой бизнес с нуля. Он был вынужден покинуть Европу в середине девятнадцатого столетия, поскольку совершил небольшое преступление – украл драгоценности у своего хозяина, служа лакеем. Законы тогда там были лютые и он мог угодить на каторгу, быть сосланным в Ав-

стралию, о жизни в которой ходили жуткие слухи. В Штатах он раскрутил своё дело после помощи доблестной американской армии в продаже вождям племён сиу партии винтовок со сточенными бойками. Оружие заведомо не годилось и янки одержали лёгкую победу над союзом племён. Посредник в мало приглядном деле был щедро вознаграждён. Он продолжил подрабатывать охотником за преступниками, которых мог доставлять шерифу мёртвыми, или живыми. С людьми он не церемонился и, под скорую руку, убил немало невиновных. Обладание документами «на отстрел» позволило ему оказаться безнаказанным. Потом он вложил свой небольшой капитал в акции железнодорожной компании. Так начался резкий рост изначально грязных денег. В годы Великой депрессии дед Энди преумножил капитал на бутлегерстве, а отец уже наживал «чистые» деньги на, купленных дедом шахтах в Колорадо. Хватка Энди оказалась уже чуть послабее, выживать более не требовалось, но он был экономически образован и преуспел в маркетинге. Одним словом, успехи и он имел немалые. Правда, у Энди завелись конкуренты и, иной раз, приходилось прибегать к гангстерским методам, к чему тонкая душа Хоумера отнюдь не лежала. Но одёргивать конкурента приходилось.

- По-моему, за нами следует какая-то машина, - говорил Антон, поглядывая в зеркало.

- Не нервничай, брат. Веди себе спокойно, не подавай ви-

да, что заметил. Этого следовало ожидать, - невозмутимо заметил Глеб.

Когда же Охотины остановили автомобиль в центре Хьюстона с целью подать заявление в полицию штата Техас, перед их носом проскрипела машина преследователей и из неё высунулись головы с выразительной мимикой громил-гангстеров. Парни покачали головой, мол, не суйтесь в ту дверь, давая понять, что у них под куртками спрятано оружие. Антону их физиономии показались знакомыми, хотя было далековато и солнце немного слепило. Он подумал, что, наверное, все гангстеры похожи на ту парочку из Ванкувера. Дальнейшие попытки братьев оторваться, от приклеившейся машины, или вновь зайти в полицейский участок, оказались тщетными. Когда Моника осознала всё это, пришлось поведать ей о случившемся у Хоумера. Она начала уговаривать братьев не связываться с опасными громилами и поскорее уехать в Мексику. Глеб хотел было показать ей видеосъёмку из камеры Энди, но бегло ознакомившись с ней, нашёл сцены насилия настолько ужасными, что не пожелал травмировать подругу. Глеб отметил, что Энди очень коварно заснял лица обоих сообщников крупным планом и преподнёс съёмки так, словно это они снимали друг друга, а никого третьего не было: «Мерзавец ведь выйдет сухим из воды…». Наконец, Охотиным пришлось согласиться с Моникой: у них не было никакого оружия и всякие попытки прорыва добром бы не окончились. Моника умолчала о том, что в её багаже

лежал, тщательно разобранный на мелкие составляющие части, мощный спортивный лук. На таможне его не заметили.

- Наконец-то, мы покидаем эту чокнутую страну, - вздохнул Глеб, пересекая мексиканскую таможенную зону.

Какого же было их разочарование, когда на мексиканском шоссе они заметили всё тот же огненно-красный автомобиль, следующий за ними. Правда, произошло небольшое изменение: вместо троих, в нём сидели уже два преследователя, но они уже вели себя развязнее и показывали Охотиным из раскрытого окна тяжёлый кольт солидного калибра. В автомобиле восседал Билл Мелви, а Клаубер Айронсайд отказался ехать в Мексику, зная, что метисы там не слишком жалуют негров. Билл был очень зол на напарника и нанял помощника, который согласился на дело по сходной цене.

Никто из молодых людей, мчащихся по дорогам Мексики, не подозревал о трагедии, происходящей в то же самое время, в особняке Энди Хоумера. Эмма была помещена в подвальное помещение, где находилась в полной темноте. Ей казалось, что где-то под полом плещется вода и страх темноты посетил её впервые со времён раннего возраста. Энди вошёл неожиданно, растворив бесшумную дверь:

- Как тебе, крошка моя, здесь? Не слишком скучно? – фамильярно обратился он к пленнице.

- Что здесь происходит? Это – произвол! Я доберусь до полиции! – с истеричными нотками воскликнула фан Хэндт.

- Спокойнее, детка. Отсюда тебе никак не выбраться без моей на то воли. Думаешь тебя кто-то искать станет? По моим сведениям, тебе на это рассчитывать не стоит. Голодная?

- Да. Но, прежде всего, меня мучит жажда. Дайте мне воды! Или Вы не приучены быть вежливым с женщиной?

- Воды не жалко. Скоро получишь её вволю, - гадко усмехнулся Энди. – Эх, увы, но ты безнадёжно перезрела, моя кошечка, - освещая её со всех сторон фонарём, говорил Хоумер. – Ты меня совершенно не прельщаешь. Так что, делать с тобой нечего…

С этими словами Хоумер резко хлестнул Эмму по голому плечу шершавой плёткой, а потом добавил по икрам.

- Подонок! – завопила женщина, шарахнувшись в сторону.

Энди невозмутимо запер за собой дверь, и Эмма оказалась вновь в полном мраке. Из угла подземелья донёсся шорох передвигаемой бетонной плиты и вслед за ним – журчание воды. Эмма ощутила прохладу воды, быстро добравшейся до её щиколотки, а также – приятное охлаждение пораненной кожи, на месте удара плетью. Проведя ладонью по плечу, она поняла, что из поверхностной ранки сочится кровь. Нагнувшись, она обмыла плечо. Ей показалось, что на икрах кровь сочится ещё сильнее. «О Боже, я в руках маньяка!» - подумала несчастная. Она села на бетонный уступ и погрузилась в полусонное оцепенение. Пробудил её непонятный шум, словно нечто грузное плюхнулось в воду. По-

том из угла, откуда прибывала вода, доходящая уже до её колен, донесся всплеск и какое-то движение. «Глупости. Кто может оттуда вылезать? Там, скорее всего, сообщение с каналом, или рекой. Этот урод меня зачем-то запугивает». Но слух не подвёл женщину. Последнее, что она слышала были шлепки по воде чего-то движущегося к ней. Далее была лишь жуткая боль от острых зубов в могучих челюстях аллигатора и мгновенная потеря сознания. Мистер Хоумер мог насладиться этой сценой в полной мере, благодаря скрытой инфракрасной установке ночного видения. «Хоть какой-то от тебя прок, бедная дамочка. Моей маленькой рептилии приглянулись твои могучие млечные железы – мягко и питательно, детей у тебя нет и не будет, так покорми хотя бы бедное животное,» - со вздохом сказал он сам себе.

Часть 4. America Latina

1. Мексиканские радости и страсти (с осени 2000)

Забытый гул погибших городов
А. Блок

Сидящего за рулём Глеба, всё больше раздражал красный автомобиль, неуклонно маячивший в зеркале заднего видения. И так уже многие километры. Преследователи сохраняли прежнюю дистанцию, но явно не намеревались отставать,

если Глеб и пытался выжить из джипа предельную скорость. На разъезде Глеб свернул в самом неожиданном направлении. По сути, это был почти что разворот назад. После такого манёвра джипу удалось скрыться из поля зрения форда гангстеров за домами небольшого пуэбло – мексиканской деревни. Гангстеры завизжали тормозами, когда Глеб уже успел свернуть в один из многочисленных переулков, откуда резко съехал с обочины и, весьма рискованно, промчался через пустырь к параллельной дороге. После этого, ему удалось скрыться за другим рядом домов и преследователям было бы уже очень затруднительно отыскать их. Гангстеры метались по разным проулкам, но прохожих нигде не оказалось и спросить было не у кого. Антон сменил брата за рулём, и они понеслись в противоположном направлении. Именно это и могло сбить преследователей столку окончательно.

Братья попросили Монику развлекать их разговорами, чтобы не заснуть: следовало гнать без устали как можно дольше, чтобы надёжно оторваться от гангстеров, свернув позже в нужном направлении. Моника начала свой рассказ об их семье, о том, что по линии матери - сплошь рыцари и аристократы, упомянутые в Готском альманахе[356]. Предок её стал маркграфом, получив в тринадцатом веке от Гогенштауфенов в лен приграничный с Чехией замок Хардэгг. Сейчас

[356] То есть, принадлежали к старинному и благородному (не позднему, жалованному) дворянству в период до 1400 года.

замок этот расположен в северо-восточной Австрии – место очень романтичное и тихое. От него простирались к северу «дикие», в средние века, «Богемские деревни». Выражение это означает в немецком и поныне «глухое место», или «что-то совершенно непонятное», поскольку Чешские земли в те времена были заселены меньше немецких даже в самой Богемии, то есть – близ Праги. Предки получали в тех неспокойных краях суровое воинское воспитание.

- Одним словом – «фронтера», - продолжала Моника. - Там царили лесные разбойники и медведи, которые до семнадцатого века оставались немалой опасностью в тех лесах. Занятно, что в девятнадцатом веке, предки по матери, вновь оказались, тогда уже в отдельном государстве – в Австрии. Прапрадед мой был разочарован в агрессивной политике Пруссии со времён Фридриха Великого, а в своём современнике Бисмарке видел лишь воплощение милитаризма. Это побудило его уйти на службу Франца-Иосифа. Но когда тот ввязался в Первую Мировую, прапрадед был весьма разочарован и в нём. Но то было на старости лет и, переехав назад в Германию, он ушёл на покой, а сын его предпочёл быть офицером Австро-Венгрии, чем служить Вильгельму II. Неудивительно, что бабушка и дедушка по матери презирали лавочника-Гитлера. Не только за его низкое происхождение, но и за опасные идеи, агрессию. Но по бабушке - матери моей мамы, я из купеческого сословия. Богаты были, потому легко и породнились с аристократами, а уж после Первой ми-

ровой это перестало быть предосудительным. Правда, в роду той бабушки было немало и учёных, как историков, философов, так и натуралистов. Как правило, в девятнадцатом столетии, старший сын шёл по стопам отца, продолжал развитие предприятия, а младший выбирал себе стезю учёного. Вы слышали понятие «швабские дети»?

– Нет… расскажи, - ответил усталый Глеб, сдерживая зевок.

- Швабскими детьми называли чернорабочих-мигрантов, которые с семнадцатого века до 1950-х годов шли из бедных районов Тиролии, прилегающих к Австрии, Швейцарии и Северной Италии в промышленную, сытую Швабию, где им давали дешёвую, изнурительную сезонную работу. В основном это были настоящие дети – не менее десяти лет и до восемнадцати. Тысячи бедолаг шли пешком через холодные перевалы, нередко заболевали воспалением лёгких. Так вот, сразу после войны, мать моя, совсем юная ещё, была потеряна от всего свершившегося: дед мой был освобождён из заключения в конце войны, насильно послан на фронт и убит в ходе высадки альянса в Нормандии. Мать отправилась в Австрию. Зов предков? Там, совершенно случайно, она встретила очень красивого юношу, который ходил уже не первый сезон в Швабию на заработки. Влюбилась без памяти. Они поженились, когда им стукнуло едва восемнадцать. Родители матери были, конечно же, не в восторге от выбора дочери. Но времена наступили уже иные и запретить ей выйти замуж

они были не в силах. Они ещё не знали, что отец мой стал было боевиком Красных бригад. Правда, он вовремя опомнился под давлением моей матери, когда родился мой брат. Я стала их поздней дочерью. Кстати, отец хотел назвать меня Сабиной, но потом, по настоянию мамы, они остановились на Монике.

Моника замолчала, добавив про себя: «Кстати, если бы не обстоятельство невозможности наследования титула по женской линии, и мои родители были бы в шоке от моего выбора - русского по крови, спутника жизни, не имеющего титула. Пусть в Глебе и есть дворянская кровь, но и этого, на их взгляд, маловато… В Германии настоящие аристократы с титулами, всё ещё, весьма закрытое сообщество. На мой взгляд всё это – абсурд, если учесть, что и бабка моя, выйдя за купца, не могла дать наследнице титул…»

- Очень интересно, Моника. Не замолкай, пожалуйста, - сказал Антон.

- О своём увлечении скалолазанием я уже говорила. До особо трудных стен дело так и не дошло – силы в руках не хватает… Но есть у меня ещё одно хобби. Стрельба из лука. В нём я преуспела больше и получила несколько призов в пределах внутригерманских соревнований.

- Круто, - заметил Глеб, - ты просто нашпигована неожиданными талантами!

- Только с луком и отдыхаю душой. Работа у меня скучная. Одно слово – «рекламный агент»… Сидишь весь день в

конторе за компьютером и телефоном… Поэтому-то я и решилась бросить работу на некоторое время. С моим опытом найти новую будет не так трудно… Луки высшего качества в наше время делаются из высокомодульного углепластика с кевларовой оболочкой при вакуумной камере. Наконечники стрел имеют стальные, или вольфрамовые сердечники, посаженные на дюралевые, что необязательно, древки.

«Завидную подружку подыскал себе брат – красавица… Диана-лучница, - подумал Антон. – Похоже на то, что мне придётся спать только внизу, в салоне, а они будут на крыше, в палатке… Но, в конце концов, старший же брат и мне подобает ЖДАТЬ свой черёд. Зато у меня будет жена русская, то есть – в согласии с семейной традицией. Впрочем… ведь согласия её я не получил. Как-то уж больно отчуждённо она себя ведёт… Да, избранница брата – Афродита: высокая почти как мы с братом, на лицо пригожа. Ну и что? Немка Глеба красива, да, но немкой и останется. Да и Глеб у неё отнюдь не первый… Зато Софья Корнеевна… Да без неё я жить не смогу! Не станет её, так это всё равно, что мне голову отсекут. Любовь земная и великое благо, и наказание, крест, который несёшь долго, а то и всю жизнь. Жену, Богом данную, надо любить по завету Христа: как самого себя. Предпочтительно без надрыва, но ровно. Тогда и сам брак, и чувства былые скорее уцелеют. А как она страстно молилась, когда я впервые увидел её в храме! Милая Софья! Нет, за внешней холодностью, в этой девушке, непременно, кроется

горячее сердце».

- Похоже, что мы полностью оторвались и они нас уже не найдут, - сказал Глеб. – Пора бы и поспать, а то, не ровен час, можно и заснуть за рулём. Останавливаемся в очередном мотеле! Устанавливать палатку уже сил нет. Не разоримся.

Провинциальный мексиканский мотель оказался малоприятным местом, смердящим синтетическими моющими средствами донельзя. Пришлось сразу распахнуть окно, но из него пахнуло кухней, располагающейся этажом ниже. К тому же, опасно было зажигать в номере свет – могли налететь комары, а сеток на окнах не было. Было впечатление, что все стены пластиковые и воняют сами по себе. Во всяком случае, в душевой вместо кафеля имелись тонкие пластиковые стенки. Было слышно, что делает сосед в его санузле – каждое его движение. В семейном гостиничном номере было две узкие детские кровати и одна двухместная. Антон сразу же поспешил лечь на детскую кровать в дальнем углу. Моника, будто это было в порядке вещей, улеглась на двуспальную, а когда Глеб, несколько неуверенно, начал поправлять простыни на второй детской кровати, позвала его к себе тоном, не терпящим возражений, мол, довольно играть в стыдливость.

- До столицы остаётся дня четыре такой гонки, если дороги не улучшатся, – сказал бодрым тоном Антон, усаживаясь на шофёрское место.

- Не суть. Главное, чтобы на горизонте не появился красный «форд», - заметила Моника.

Полдня ехали спокойно и быстро до остановки на обед в харчевне некоего города-призрака, в котором улицы были пусты, церковь выглядела заброшенной и даже спросить верность направления было не у кого. Хозяин едальни, он же и официант, был немногословен, словно запуган кем-то. Он сказал, что не может подсказать дорогу в столицу. Это звучало совершенно нелепо, но приходилось со всем мириться. Перекусили недоваренными чёрными бобами с рисом, выпили пластмассовую кружку бездушного кофесито – очень слабого кофе не первой свежести. Монике показалось, что вкус кофе слегка отдаёт пластмассой. Зной требовал небольшой сиесты и все трое лениво развалились в парусиновых креслах. Отключившись на пять минут, Глеб вдруг услышал незнакомый мужской голос в кухне. Говорили приглушённо, казалось, что не хотели, чтобы единственные посетители их услышали. Охотин насторожил слух, но слабая практика в испанском не позволяло следовать беглому разговору. Наконец, Глеб решил не придавать этому значения и вздремнул ещё минут пять. Вскоре все трое вновь завели машину и, подняв облако пыли, рванули к юго-востоку. Когда они подъехали к окраине почти вымершего городка-призрака, на неожиданном повороте, где они вынуждены были резко затормозить, их джип чуть было не вписался в, установленный поперёк узкой дороги, увесистый чёрный пикап. Из скудной

тени, отбрасываемой автомобилем, к ним шагнули двое метисов, поигрывающих револьверами:

- Эй, гринго, вылезайте лучше по-хорошему. Так будет лучше для всех нас. Мы не хотим крови, а только ваши деньги и автомобиль.

- По-моему, эти ребята не имеют отношения к тем из красного авто, - невозмутимо проговорил Глеб, несколько рисуясь перед своей подругой.

- Мне кажется, что это не имеет сейчас решающего значения, - сказала на это Моника.

- Думаю, что нам придётся выйти из машины, иначе нас пристрелят в любом случае, - озвучил свою мысль Антон.

- Ты прав, брат. Мы ничего не можем поделать против огнестрельного оружия.

Все трое начали медленно, неохотно выбираться из машины на палящее солнце.

- Поживее, пожалуйста! – крикнул тот же малорослый тип, что постарше, своим скрипучим голосом.

- Я наслышана, что они здесь и грабят с использованием вежливых слов, не то, что в сытых странах, - заметила Моника.

Внезапно раздался скрип тормозов и густое облако пыли накрыло всех присутствующих. Глеб тут же надавил на плечо Моники, чтобы потянуть её за собой, падая, перекатиться за укрытие в виде колёс их джипа. Антон совершил то же движение, но Моника вдруг ринулась к задней двери и

выхватила какой-то предмет, лежащий за сидением на полу. Братья заметили, что в них чуть было не врезался знакомый красный автомобиль. В тот момент, когда оба гангстера выскочили из машины с пистолетами в руках, мексиканцы начали прицельно палить в них, думая, что это защитники их жертв, или конкуренты. Поскольку облако пыли немного развеялось, гангстеры представляли собой лёгкую мишень. Громилы никак не ожидали такого поворота и оба «героически пали, защищая интересы мистера Хоумера», как отметил потом Глеб. Трое путешественников засели за колесами своего джипа в пыли, ожидая, что убийцы вот-вот доберутся и до них. Но тут братья заметили, что Моника готовит к стрельбе свой лук. Когда она успела собрать его из разобранных деталей, Охотины и не заметили, но было очевидно, что Моника оказалась на высоте.

- Послушай, не безопаснее ли нам сдаться, отдать деньги и машину. Ну что ты сможешь сделать с луком против двух револьверов? А стрелять они, похоже, умеют, – спросил Глеб.

- От чего же? – удивилась Моника. – Во-первых, они палили нещадно и разрядили свои пистолеты почти полностью. Во-вторых, я не намерена оказаться в плену у похотливых мексикашек.

- В чём я уверен, что они не перезаряжали оружие. Возможно, что у них нет больше патронов, - заметил Антон.

- Эй, гринго, вылезайте оттуда! Женщин мы не трогаем. У нас не воюют с мухер (женщиной), - смакуя слово «мухер»,

продолжал разговорчивый старший, а молодой невозмутимо молчал, поигрывая револьвером. – Но, если вы продолжите дурить, то мы за себя не ручаемся, - далее он употребил какие-то витиеватые выражения, которые не понял никто из троих гринго.

Старший начал целится в зад Антона, выглядывающий из-за колеса и Глеб, набрав полную пригоршню серой дорожной пыли, с порывом ветра бросил его вверх, чем спас, возможно, брата от ранения. Мексиканец выстрелил, но промазал. Тут Моника заметила, что он нажал на спуск ещё раз, но патронов в его барабане не осталось. Тогда она резко вскочила в полный рост и изогнулась дугой, как и древко её лука. Стрела с наконечником, снабжённым вольфрамовым сердечником, была пущена виртуозно и угодила прямо в грудь младшего бандита, который, скорее всего, имел ещё патроны. После этого Моника уже спокойно вынула из колчана очередную стрелу и навела её в мексиканца с пустым барабаном. Тот бросил револьвер на землю, показывая всем своим видом, что не намерен сопротивляться. Охотины кинулись к бандитам, отняли их оружие, обшарили убитого, найдя у него в кармане ещё несколько не стрелянных гильз. Старший бандит добровольно отдал свой скудный запас патронов, извлекая их из кармана, и, в силу своей логики, добавил немного измятых грязных песо.

- Убери. Оставь себе на пульке, чтобы помянуть своего дружка, - Глеб бросил ему деньги в физиономию. – А сейчас

спрячь труп твоего напарника подальше. Ведь тебе тоже не хочется иметь дело с властями. Унеси и тела двух грингос.

- Нам надо сматываться, покуда здесь не появилась полиция, - разумно заметил Антон.

Вскоре все трое мчались дальше на юго-восток, словно ничего и не произошло, разве что одежда пропылилась излишне. Моника, подавляя свою растерянность и нервное возбуждение, принялась рассказывать о каком-то японском эпосе, повествующем о средневековом лучнике, вообразившем, что ему всё дозволено, в том числе и охота на людей. При этом читатель проникается симпатией к стрелку и его философии охотника за двуногими.

- Ты хочешь себя сравнить с тем эпическим стрелком? – спросил Глеб.

- Да. Вспоминаю его изыски и оправдываю пролитую мною кровь: ведь мы защищались, - произнесла она напряжённо.

- Не бери в голову. Всё прошло гладко и никакого греха ты не совершила по современным меркам. Это лишь глубоко верующие христиане, или буддисты должны были потом годами замаливать грех смертоубийства. Ты же не их их числа?

- К моему счастью, нет, но я пролила кровь человека впервые в жизни и мне не по себе… Неужели не понятно?

- Всё понятно, но постарайся не думать об этом, - посоветовал Глеб.

- А ты убивал когда-нибудь? Думаю, что нет.

- Нет, человека никогда. Разве что на охоте немного птиц стрелял давно, да и то не любил и такого кровопролития. Рыбу ловил когда-то…

- Так, пойми же моё состояние. Ведь этот человек, наверняка, получше того же Хоумера. От нищеты и промышляет на большой дороге.

- Мы тебя понимаем, да, Антон?

- Конечно, но лучше всего постараться выкинуть всё из головы, - сказал Охотин-младший, подумав, что Моника, несмотря на шок, всё же попросила Глеба вынуть из тела убитого дорогостоящую, прекрасно сбалансированную стрелу из армированного пластика с нетупящимся, баллистически уравновешенным, наконечником.

На подступах к столице возникли затяжные пробки, и они делали в среднем, от силы, двадцать километров в час.

- Дьявол! – воскликнул Глеб. – Не лучше ли нам объехать этот двадцатимиллионный муравейник, покуда совсем не застряли? Что мы в нём забыли?

- Ну уж нет. Мне опротивело трястись в машине, не видя почти ничего, а в Мехико полон достопримечательностями, - сказала Моника и Глебу не чем было возразить.

Вдали маячил небоскрёб с телевышкой на крыше, а поток автомобилей выматывал силы водителя, которым был сейчас Глеб. Полицейские в старомодной, чопорного вида униформе блестели, ослепительно начищенными, штиблетами. Мо-

ника усердно ковырялась в своём путеводителе, рыскала по карте и, наконец, посоветовала остановить джип на платной стоянке не доезжая центра, где передвигаться по улицам ещё утомительнее. Дальше они шли пешком, намереваясь отыскать гостиницу, выбранную Моникой. Миновали огромный театр с элементами стиля модерн. Очень колоритный старичок-фотограф упорно искал необычный ракурс, чтобы запечатлеть помпезное здание камерой на массивной треноге. Рядом возник музицирующий индеец в наряде древнего ацтека. Студенты в масках, напоминающих ку-клукс-клан собирали пожертвования на вечеринку. За приятным сквером показалась эдакая пизанская, покосившаяся церковь. Нищие побирались чинно по-латиноамерикански, с чопорными лицами. Рыночная улица, наводнённая китайским ширпотребом, выматывала толпой, не дававшей продвигаться достаточно быстро. В это время Монике приспичило в сортир, и она без комплексов начала расспрашивать встречных. Никто не мог ответить. Наконец, какая-то пожилая дама сделала ей знак и провела в платный нужник для публики, расположенный в частной квартире. Охотины, поджидая Монику внизу, созерцали кусты, буйно разросшиеся на старых крышах и стенах. Судя по отзыву Моники, цена для гринго оказалась немалой даже для Берлина. Спустя почти час, они добрели до выбранного Моникой приюта: дешёвого хостела в самом центре чудовищного мегаполиса – за соборной площадью. Громоздкое здание, богато украшенного, кафедрального со-

бора было в каких-то трёх минутах ходьбы от их приюта. В хостелах такого типа собирались все странствующие студенты со всей Европы, Штатов и Канады. В нём было шумно, номера бывали на четыре- шесть человек с двуярусными койками, но зато дёшево и, обычно, здесь царила атмосфера бродяжничества и добрососедства. Пришлось поселиться в самом многоместном, переполненном номере, ибо ушлые студенты бронировали места получше через интернет. Расположение комнаты было, наверное, худшим во всём заведении - рядом с лестницей и хлопающими дверями в общий сортир. Мыло вновь прибывшим не дали, но и в клозетах его не оказалось.

- Бардак! – ворчал Глеб. – Знал бы, прихватил бы наше мыло из джипа!

- Тебе не угодишь, - обиделась Моника, - уж что поделать: богадельня для молодежи, зато - дешево.

Перед сном прогулялись по окрестностям с интересными эклектичными зданиями, фасады которых нередко украшены затейливыми изразцами. Отужинали в приятном ресторанчике с звучным названием «Сангрэ де торо» (кровь быка). Стены заведения украшали изразцы конца девятнадцатого века, изображавшие сцены из монастырской жизни. Между столов бродили мариачос - певцы с гитарами и мандолинами в традиционных одеждах, рассчитывающие на чаевые. Вернулись в хостел. Оказалось, что близ их номера имеется биллиард и молодёжь там режется, скорее все-

го, до поздней ночи. Расставленные по скрипучему коридору горшки с кактусами, на удивление неплохо себя чувствующие в полумраке, давно превратили в пепельницы, несмотря на запрещающие надписи. Всем троим хотелось спать, и они поспешили в свой номер. Едва они улеглись, как народ, видимо после вечеринки, попёр толпою в сортир и с его стороны, сквозь плохо закрывающуюся дверь, потянуло скверным душком. Когда все трое заснули, а их троих соседей всё ещё не было в номере, толпа юнцов с воплями возвращалась из бара. Охотины и Моника были разбужены весьма бесцеремонным образом. Антон глянул на часы – было за полночь. Шествие по скрипучему коридору продолжалось, смех и крики становились всё громче. Судя по репликам, преобладали англоязычные парни. Тогда Антон пророкотал басом не совсем цензурную тираду и, галдёж, на удивление, стал затихать.

- Браво, Антон! – рассмеялась Моника.

- Рад, что ты уже можешь вновь смеяться, - заметил Глеб.

Но, как только они вновь смогли уснуть, в комнату ввалились трое их соседей, которые были не слишком трезвыми и вели себя вызывающе шумно. Антон повторил свою речь, лишь слегка изменив и смягчив её:

- Слепые что-ли?

- А в чём дело, собственно говоря? Чего надо? – огрызнулся самый здоровенный из парней с чисто британским акцентом.

- Вы, сучьи дети, включили свет, хотя здесь весьма светло, не думая, что кто-то может уже спать. Но, если вам так нужен этот свет, то разве теперь не видно, что здесь спящие? Орать тоже необходимо?

- И чего ты хочешь? – озлобился сосед.

- Как можно говорить с такими ублюдками по-человечески? Добрых слов такие не понимают, - пророкотал Антон.

- Вставай, умник, поговорим с тобой по-мужски, - наглым тоном бросил здоровяк.

- Ладно, остынь, Филби, мы не правы, - охладил его пыл старший парень.

- Нечего спускать хамство в наш адрес, Клифф. Филби прав, - сказал третий.

- Орать надо меньше, как и пить, Гринлиф. Укладывайся, да отсыпайся, придурок, - говорил старший.

- Только такие аргументы подобная публика понимает, - заметил Глеб. – Молодец, Антон.

- Прошу прощения, Моника, за простоту выражений. Впрочем, эта компания вполне заслужила все эти слова, - сказал Охотин-младший.

- Пустое. В английском грань между цензурными и нецензурными словами несколько размыта, - отозвалась Моника. – Но не зря среди немцев бытует мнение, что студенты-англичане пьют и шумят гораздо больше других.

Вскоре все мирно улеглись и захрапели. Утром Моника разбудила братьев довольно рано. Трое неряшливых, потных

соседей отсыпались после попойки. Они не услышали, как трое соседей встали и тихо покинули номер. Перед уходом Антон пнул ногой туфли каждого из спящих поглубже под кровать.

Завтрак, входящий в цену хостела, был в душном набитом помещении и оказался уж очень нехитрым - белые хлебцы, оладьи, масло, джем, омлет, бананы, чай и кофесито. Добротный кофе по-европейски здесь было найти не так просто. После еды Моника сводила братьев в правительственный дворец, где были фрески скандально известного Диего Риберы, мужа не менее знаменитой Фриды Кало. Оба увлекались марксизмом в начале века и, когда в Мексике произошли либеральные реформы, Диего позволили расписать стены внутреннего двора дворца фресками по своему вкусу. Он отразил «райские» сцены из жизни вольных ацтеков, всю историю колонизации, войны за независимость, наконец, головы Маркса, Энгельса, Ленина и огромного Троцкого над всеми, указующего в светлое будущее, совсем в духе советской монументальной живописи. Потом прошли мимо руин былого Теночтитлана - столицы ацтеков, где сохранились лишь фундаменты их пирамид. Там местные шаманы в доколонизационных одеяниях, не бесплатно, давали медицинские и гороскопические советы. На улицах повсюду сновали торговцы снедью, на углях аппетитно жарилась кукуруза, пеклись лепёшки из маисовой муки - тортийас. Охотины

удивились тому факту, что они не имели ничего общего с испанскими тортильями.

- Куда вкуснее нехитрая народная пища, чем все эти потуги на европейский завтрак, - заметил Антон и предложил перекусить, поскольку завтрак был очень уж скудным. Съели по початку, прошли до площади с Дворцом Искусств - странным эклектическом сооружением рядом с небоскребом в стиле Эмпайр Стэйт Билдинг.

На другой день Моника заказала экскурсию в Теотиуакан - знаменитые руины загадочной культуры, возникшей вскоре после Рождества Христова, не имеющей отношение ни к ацтекам, ни к тольтекам. Их встретил бойкий экскурсовод с хорошим английским. В микроавтобус уселись почтенные пары швейцарцев и итальянцев, четыре польские девицы и ещё кто-то непонятной этнической принадлежности и непримечательной внешности. Полячка маниакально щёлкала затвором огромного цифрового аппарата, снимая всё подряд, включая и соседей по микроавтобусу и с поразительной бесцеремонностью. По пути за город вышли на Площади Трёх Культур с руинами пирамид другого города ацтеков, ныне поглощённого мегаполисом. Гид поведал, что некогда этот городок, как и Теночтитлан, стоял на острове посреди озера. Испанцы осушили озеро, но до сих пор часть зданий здесь проседает от былого увлажнения. Уже на самой окраине Мехико заехали в огромный католический ком-

плекс, посвящённый Марии Гуаделуппе, то есть – Богоматери по местной традиции. Поражало множество паломников. Поднялись на холм мимо вереницы каменных индейцев, несущих дары Богородице, стоящей у водопада, откуда открылся вид на город. До Теотиуакана было не очень близко. У въезда на закрытую территорию городища-музея под открытым небом, автобус встретил местный гид, демонстрирующий использование агавы. Он рассёк мачете лист агавы, расслоил его, и показал тонкую, но очень крепкую, ткань листа, пригодную для бумаги. Волокна же, годились на нити, а иглами служили колючки того же листа. Но пожилого швейцарца больше всего интересовало получение пульке - кактусового пива.

– По-моему, уверял он на хорошем испанском, воду заливают в разрушенный ствол агавы и настаивают на соке. Верно я говорю?

- Си, сеньор, - только и ответил ему гид, немало удивлённый напористостью старика.

- Всё так, но из сока агавы возгоняют также текилу и месклу, не так ли? – не унимался назойливый клиент, не ведающий о том, что истинный мексиканец воспринимает обычное возражение, как попытку агрессии.

- Си, порфабор (да, пожалуйста), - ответил гид и предложил попробовать все три вида напитков, принесённых на подносе, налитых на донышко бумажных стаканчиков, дородной дамой.

Если пульке и показался Охотиным довольно приятным, то мескла - жгучая жидкость, была отвратительна. В бутылке месклы, тут же предложенной для продажи, плавал законсервированный червь - показатель крепости. По уверению гида, текила пьётся без соли и лимона, что очень не понравилось швейцарцу. Но отведав все три напитка по второму разу, к нему вернулось приподнятое настроение, и он отвалил кучу денег за бутылки с лучшими сортами. Экскурсантов повели на обсидиановую фабрику и в сувенирный магазин, забитый традиционными изделиями из обсидиана. Цены здесь были, наверное, самыми заоблачными во всей стране, а магазин имел добротный кондиционер. Группа не слишком рвалась становиться клиентами магазина. Пообедали приятными типично мексиканскими торильями – такос, наполненными разными молотыми смесями из чёрных бобов с помидорами и ещё чем-то. С туристов-грингос попытались слупить неимоверную цену за воду в добротных стеклянных бутылках, но всеобщее возмущение подействовало. Больше всех негодовал богатенький швейцарец, заплативший за спиртное кругленькую сумму. Проехали через плантацию съедобных кактусов и оказались у входа на территорию городища Теотиуакан. Когда ацтеки обнаружили, уже покинутый его таинственными обитателями, созданный ими задолго до того, город, ацтеки заявили, что эти пирамиды сотворены богами, ибо никто не может соорудить пирамиды выше ацтекских, либо тольтекских. Ацтеки пребывали в том в гордой

уверенности до крушения своей цивилизации. Гигантские, приземистые, с площадью фундамента равным самой пирамиде Хеопса, при в два раза меньшей высоте, пирамиды были некогда расписаны красной краской, получаемой из сока съедобного кактуса. Высокая цивилизация, история которой потеряна для потомков безвозвратно... Братья и Моника не преминули вскарабкаться по огромным ступеням на наиболее высокую пирамиду Солнца и насладиться масштабной панорамой руин с куртинами древовидных юкк у подножия.

- Некая кактусово-юкковая цивилизация, - задумчиво произнёс Антон, стоя на вершине пирамиды Солнца.

- С высоты шестьдесят пять метров эти равнины можно очень далеко просматривать. Не исключено, что помимо культовых функций, пирамиды служили дозорными башнями, - предположил Глеб.

Моника любовалась панорамой поодаль от братьев и они, естественно, говорили по-русски. Вдруг к Охотиым подошла дама возраста Глеба и заявила на том же языке, что она из Ташкента. Мол, хотела эмигрировать в США, но застряла в Мексике. Судя по виду, она была узбечкой. Сказала, что последнее время она промышляет здесь, выгуливая русских туристов. Её клиенты остались внизу - пара вялых, толстых русских. Охотины сказали, что они уже и так экскурсанты, имеют своего гида, после чего дама исчезла. Назад в столицу доехали довольно быстро, несмотря на пробки. На соборной площади шло вечернее представление с откровенной анти-

американской направленностью - уличный балаган с обличением политики Соединённых штатов: на полосатом флаге нарисованы черепа и трупы. Возле их гостиницы шли пляски под барабан в квази-ацтекской традиции[357]. У многих ряженных звенели подобающие погремушки из раковин, подвешенные на икрах.

На утро они взяли такси и добрались до грандиозного Музея антропологии, который не уступал размерами Лувру, или Эрмитажу. Масштаб коллекции доколумбовой керамики с сосудами самых изощрённых форм, изделий из камня и этнографических композиций быта всей Месоамерики поражал. Антон высказал предположение, что точнее было бы назвать музей археологическим. Монику почему-то разозлило его замечание.

- Желание казаться умнее всех ещё не признак большого ума, - бросила она.

Перекусили во дворике музея, созерцая крупную пушистую белку, которая, дёрганными движениями, металась от одной стеклянной стены к другой. Пруд оказался полон болотными черепами, затаившимися в зарослях папируса. Часть двора затенял огромный бетонный гриб со стороной квадратной шляпки метров пятьдесят.

- Несчастное животное! – печально произнесла Моника. – Стекло всегда травмирует психику любого создания. Лишь

[357] На самом деле музыкальная традиция ацтеков была полностью утрачена.

двуногие способны любить стёкла.

Из музея сразу же взяли метро до окраины города, откуда автобусом добрались до городка с тёплым для русского уха названием Тула. Оружейного завода, правда, здесь не оказалось, но зато хватало импозантных руин ушедшей в небытие цивилизации тольтеков. Нашли за ту же цену, что их хостел, гораздо более приятную гостиницу в очень тихом месте. Долго тряслись в автобусе до руин, хотя, как потом выяснилось, дойти до них можно было за то же время пешком по прямой. В автобусе рядом с ними сидел мальчик лет десяти, который отчаянно горланил душещипательную песню прямо в ухо морщившийся Моники. Долго брели через бесконечный пустырь, превращённый в кактусовый ботанический сад с не менее, чем семью диковинными видами. Здесь были кактусы самых причудливых форм - от столбовидных тонких метров по пять высотой, до шарообразных, и кактусов со съедобными плодами. Вдоль аллеи тянулись сувенирные ларьки с «ацтекскими» майками и керамикой. Типично латиноамериканские, гордо-молчаливые продавцы принципиально отличались от говорливых, склонных к восхвалению своего товара азиатских коллег. За пустырём возникли невысокие, усечённые, широковерхие пирамиды, на одной из которых высился с десяток колоссов тольтеков: резные каменные столбы в виде воинов метров по пять каждый. Вид на Тулу с собором среди кипарисов, напоминающем замок, был умиротворяющим, в отличие от пугающей грандиозно-

сти городища неизвестных строителей Теотиуакана. Вернувшись в центр пешком, они подкрепились перчённым супом мориско с исключительным изобилием всевозможных морских организмов.

Утром путешественники вернулись назад в столицу, где добрались до дома-музея Фриды. Антон ненавязчиво ворчал, что вовсе не горит желанием пялиться на эту оголтелую феминистку, страдающую фрейдистким комплексом. Моника разозлилась, выслушав ряд его замечаний, обозвала консерватором.

- Согласись, Моника, если это не художниК, а –ца, то уже априори это должно быть замечательно... В этом весь феминизм и выражается, - не унимался Антон.

- Если ты не хочешь окончательно рассориться, то прекратишь свои язвительные замечания сейчас же, - сурово сказала Моника.

- Да ещё и очередь вон какую выстаивать, хоть и на отшибе музейчик, - ворчал Антон.

- Не хочешь – иди займись чем-либо вне стен музея, - бросила Моника раздражённым тоном. – Хотя бы пообедай второй раз. Авось – придёшь в себя.

Глеб помалкивал, хотя и сочувствовал словам брата. Дом Фриды Кало, раскрашенный диким тёмно-синим с жёлтой и красноватой охрой, местами, вызывал неприятие для глаза, не говоря о том, что Фриде Глеб не слишком симпати-

зировал, как художнице, не говоря о её пристрастии к марксизму, флирту с Троцким. Любопытный Антон всё же прошёлся по музею, признавая, что талант у Фриды, несмотря ни на что, имеется. Потом они прошли пешком в, увитый плющом, дом Троцкого, недолго бывшем любовником Фриды, несмотря на присутствие жены под боком. Могила Троцкого раздражала братьев своим крашенным цементом в виде красного знамени с серпом и молотом. В музее оказался и унитаз Троцкого, не говоря о его очках... Затем проехали в музей Диего Риберы, вернее - его коллекции ацтекской керамики. Не беден был любовник Фриды! На свои доходы отгрохал чудовищное мрачное сооружение, отдалённо напоминающее нечто месоамериканское, древнее из тёмного камня. Потолки тёмных комнат с маленькими окнами оказались расписанными в стиле ацтеков самим хозяином. Только верхний этаж с мастерской владельца был светлый и просторный. В другом хостеле, где они ночевали, ситуация повторилась: они были вновь беспардонно разбужены бражной братией из Великобритании. Пробудившийся Антон хрипло и мрачно крикнул:

- А громче не можешь? Что-то не слышу. Да ты – кусок дерьма и не более!

Надо сказать, что ругань вновь подействовала, и, после растерянного хихиканья, юнцы притихли.

- С меня хватило уже этих хостелов, - проворчал по-английски Глеб, лежащий на верхних нарах над Моникой, и

добавил на русском, - как, впрочем, и Фриды, и её кала. Пора сматываться из этого термитника и ехать дальше в места поглуше.

- Завтра двинем на Юкатан, - пробормотала Моника сонливым голосом.

- Хорошо было бы заехать попялиться на Арболь де Туле – самое толстое дерево в мире – таксодиум, равных которому нет, - сказал Антон, не слишком надеясь, что спутники согласятся делать такой крюк на юг.

- Видно будет. Разбужу вас всех пораньше, - пробурчал Глеб.

Опасения Антона подтвердились и, за завтраком, большинством было решено гнать по северному шоссе близ Атлантического побережья через крупнейшие города - Пуэбла и Веракруз, не заезжая в них. Про таксодиум можно было забыть. Заночевали у мотеля под Вийяэрмоза, где им было разрешено ночевать в автомобиле при условии, что они отужинают в их ресторане. Здесь начиналась зона обширных болот и стоял душный вечер с обилием москитов. Пришлось защищать вход в палатку, вшитым в неё, пологом. Боковые окна джипа были устроены так, что в них на ночь тоже натягивалась москитьера. Утром свернули к юго-востоку, чтобы обозреть Паленку с её особенными пирамидами и древней обсерваторией. Здесь начинался мир майя – более древний, чем ацтекский, но от которого уцелело гораздо боль-

ше сооружений. Мир, который стал понятнее благодаря советскому учёному Кнорозову. Дорога была узкой и скорость заметно снизилась. Впрочем, после вчерашней затянувшейся, утомительной гонки братья были рады такому разнообразию. Затерянное среди крутых холмов, покрытых пышным муссонных лесом, городище производило особое впечатление светлыми стенами руин на фоне тёмных, сгущавшихся туч.

- Снимайте скорее, дамы и господа, покуда не хлынул ливень, - сказал Глеб, извлекая свой фотоаппарат из футляра.

- Да, скоро польёт, - согласился Антон. – Но через месяц-полтора должен начаться сухой сезон – полегчает с планированием наших экскурсий.

- Смотрите, а развалины той пирамиды в профиль напоминают более буддистскую ступу! – воскликнула Моника, увлечённо щёлкая затвором.

После первого же раската грома, хлынули потоки тропического ливня.

- Достали эти хляби небесные, - ворчал Антон, не успевший насладиться руинами, просто созерцая их своим глазом, а только глядя на них через объектив, примеряя выгодный ракурс.

- Это тебе не полупустыни северной Мексики, - сказал Глеб.

За Паленкой остановились на обед у крутого изгиба серпантина. Разговорчивый добродушный парень-метис пред-

ложил не только отменное рыбное блюдо «пескадо дорадо», но и с гордостью предложил единственным гостям своей крошечной придорожной забегаловки показать свой птичник полный фазанов и павлинов. Затем он посоветовал им съездить в городок Сан-Кристобаль-де-лас Касас, что в сторону гватемальской границы уверяя, что там лучший в округе собор – испанское барокко в чистом виде. Но путешественники отказались, сказав, что им следует держаться северного направления, так как к вечеру они должны добраться до руин Эдзны, а дороги Юкатана не слишком широкие.

Перегон прошёл гладко и на другое утро они уже любовались руинами Эдзны с эдакими странными колоннами романского вида посреди просторных окон пирамид, если их можно было назвать окнами. Под высокой пирамидой тянулись остатки длинных каменных домов, по которым проворно носились игуаны. К обеду они подъехали к руинам Коба с горельефами в виде гнусных физиономий с носами-крючьями, украшающими стены полуразрушенных сооружений. Каменный колосс поражал размером сооружения на его голове. Вдруг из зарослей выскочило какое-то стремительное длинноногое животное с прямым полосатым хвостом. Они едва успели разглядеть его, и Антон предположил, что это либо гривистый волк, известный здесь, как агуарачай[358], и

[358] Chrysocyon brachyurus в переводе с греческого на латинский означает «короткохвостый золотистый пёс». Но в Центральной Америке он неизвестен. От-

тогда они должны быть счастливы от редкой случайности лицезреть столь диковинное малочисленное создание, либо – майконг – саванновая лисица. После невзрачной пирамиды Токоб перекусили в грязной пивнушке пересолёной рыбой и подъехали к импозантному городищу Уксмаль – одному из крупных центров древнейших майя. Густо заросшие руины Уксмаля расступались пред высокой, ассиметричной пирамидой с необычно округлыми формами. Радовала малочисленность туристов по сравнению с более знаменитой Паленкой, хотя очередной древний город произвёл на всех троих не меньшее впечатление.

- Особенно по душе мне пришлась вавилонистость ступеней этой пирамиды, - заметил довольный Глеб.

Из руин, полных ласточкиными гнёздами, доносился свист, а ленивые игуаны заполоняли каждое плоское возвышенное место стен, постаменты под изваянием двуглавого ягуара – эдакого Тянитолкая, и каменных черепах. После Уксмаля промелькнули несколько деревень полузаброшенного вида. Некоторые городишки имели свою церковь, как правило - в скверном состоянии, и вся атмосфера пустых, выжженных солнцем соборных площадей, заставляла невольно вспоминать города-призраки из мрачных времён пограничной жизни Штатов и Мексики. Прозрачные аркады над фасадом, с висящими в пустых проёмах колоколами, усиливали тягостное впечатление безмолвия, хотя веру-

---

мечен в южной Бразилии, Боливии, Парагвае.

ющих в Мексике сохранялось куда больше, чем на землях северного соседа.

- Здесь, перед храмом, следовало бы установить статую Клинта Иствуда, упомянуть о ней в путеводителях, и туристы бы непременно останавливались на четверть часа для фотографий, а заодно бы оживили экономику пуэбло, покупая свежий сок сахарного тростника, - заметила Моника.

- Гениально! Осталось вложить деньги, начав с конкурса на лучшую скульптуру, - рассмеялся Глеб.

Заночевали вновь на стоянке у мотеля по пути к Чичен-Итце.

- Об этом огромном городище существует противоречивая информация. Одни уверяют, что тольтеки перенесли сюда свою столицу после упадка Тулы. Но тольтеки растворились во времени, а майя живут и по сей день, а потому и горазды себе этот город присвоить. Якобы это временная столица времён их расцвета, - вещал Антон.

- А что означает столь странное название? Там не сказано? – спросил Глеб.

- Это чудное название, как выясняется, произносится с ударением на последний слог, - сказал Антон, углубляясь в чтение путеводителя. – «Чичен-Итца - город на севере Юкатана, существовавший задолго до одиннадцатого столетия – времён всеобщего заката цивилизации майя на севере».

- А вы слышали о гипотезе, что северные города майя якобы пришли в упадок от нарушения экологического равнове-

сия? – спросила Моника.

- Да не уж-то и они? В те-то безоблачные времена? – подивился Глеб.

- Представьте себе. Майя слишком усердно вырубили все леса вокруг своих городов, а реки, как вы знаете, на Юкатане не отличаются размером, гор с ледниками здесь нет. Вот и оскудели реки, деградировали. Орошать стало нечем, наконец – пить нечего. Для тебя, Глеб, это должно звучать убедительно. Разве не так? – бойко продолжил Антон, уев Монику.

- Что ледников нет – оно так. Но могли бы дамбы сооружать, чтобы накапливать воду на сухой сезон по принципу нехитрой плотины. Они знали математику, могли создавать наиболее совершенные календари на основе астрономических вычислений. Неужели додуматься построить плотину сложнее? – Глеб пожал плечами.

- По-моему, они и начали строить дамбы. Но было уже поздно, - сказала Моника.

- Мы просто не имеем достаточно сведений, чтобы судить о всех причинах, - заключил Антон задумчиво.

Вход на территорию музея-заповедника под открытым небом по имени Чичен-Итца казался излишне помпезным, вроде тех, что делают теперь повсюду в Китае - с музеем и бесконечными сувенирными ларьками. Массивная пирамида выглядела как классический образец зодчества майя. Подобной формы сооружения имел и знаменитый Тикаль. Далее, в дебри саванны, уходило множество длинных колоннад,

горельефов, среди которых было и огромное поле для игры в мяч бедром, с каменными кольцами для кожаного мяча. В дальнем углу они увидели озеро-колодец сеноте в глубоком каменном провале.

- По-моему, сюда бросали человеческие жертвы, - тихо проговорила Моника.

- Не исключено, но скорее это просто питьевой колодец. Жертвенниками были площадки на верхушках пирамид. Об этом-то я читал, - сказал Антон.

После Чичен-Итцы Глеб не мог не предложить своей возлюбленной заехать чуть севернее на знаменитые юкатанские пляжи. Он знал, что она очень любит купаться и, хотя сам торопился на юг, пригласил её на побережье. К его удивлению, Моника отказалась наотрез. Глеб никогда не узнал об истинной причине её отказа. Моника не любила вспоминать свои любовные похождения. Пару лет назад она прилетела из Европы в Мериду с целью повидать знаменитые руины майя, а также пройти дешёвый курс испанского. Её учителем оказался красавчик-мексиканец, который очаровал её после первого же урока, а после второго они стали любовниками и провели остаток трёхнедельного отпуска её на пляжах. К концу срока Моника рассорилась со своим мексиканцем, поскольку оказалось, что тот не имеет понятия о достоинстве современной эмансипированной женщины. К стыду своему, Моника поняла, что у неё не остаётся времени повидать хотя

бы один город древних майя. В аэропорту мексиканец пытался похитить её, втолкнув в свой автомобиль, но она неожиданно расквасила ему нос кулаком у убежала вместе со своим лёгким рюкзаком.

Таким образом, путешественники свернули на юг. Вместо обеда перекусили в дешевой забегаловке города Вайядолид тортийас с кашей из чёрных бобов и поджаренными бананами-платанос. Провели свою сиесту на площади со странноватыми громоздкими, белыми скамьями. А потом начался долгий перегон по прямой дороге на юг, прорубленной сквозь муссонные леса, бывшие весьма глухими лет двадцать назад. От основной трассы ответвлялись малые грунтовки, углубляющиеся по обе стороны в остатки лесов для легальных и нелегальных порубок. Варварски рассекая последний значительный, из уцелевших на Юкатане массивов муссонного леса, дорога позволяла осваивать земли со многих сторон сразу, делая границу джунглей с цивилизацией намного длиннее, а следовательно, подвергая лес большему натиску. Мелькали лесные посёлки с колоритными коническими и обычными крышами из пальмовых листьев. Вероятно, что так же жили здесь отсталые племена-соседи во времена расцвета майя.

- На то, что дорога здесь, ближе к Белизу, прорублена совсем недавно, указывает отсутствие подлеска по краю девственной, свеже-рассечённой чащи. И трёх лет не прошло,

как прорубили, - говорил Антон, сменивший брата за рулём, ближе к вечеру. - Впрочем, на Юкатане осталось немного первичных лесов уже от бурной деятельности майя за добрых полторы тысячи лет. После десятого века майя стали уходить на нагорья к югу, где было больше рек, а Юкатан, к появлению европейцев, напротив, одичал и зарос.

- Может быть. Не будь столь самоуверен в своих высказываниях, - вновь не слишком дружелюбно сказала Моника.

«И чего она ко мне цепляется? Вроде и не провоцирую её… Тактично уступаю им место на крыше в палатке, а сам сплю в салоне, где полостью вытянуться не выходит. Чего ей неймётся?» - недоумевал Антон.

- Пора бы поужинать и на покой, - вставил своё слово Глеб. – Такой обед через столько часов уже и вовсе не ощущается. Словно его и не было.

- Покуда лес стеной и никакого жилья. Согласно путеводителям, ночевать в одиночку в глухих местах даже в малопривлекательной машине не рекомендуется. Всегда найдутся боевитые парни, которым приглянется ваш автомобиль, - сказал Антон.

- Граница близко. Засветло должны успеть до безопасного места. Впрочем, у Моники есть такое оружие, что и бояться нечего, - улыбнулся Глеб.

- Тормозни возле первой же харчевни, или мотеля, - попросила Моника.

Раскаленная вечерним солнцем крыша убогого мотеля не

слишком манила проезжих остановиться в нём. Когда же Моника унюхала удивительно вонючий кусок пахучего вещества, предназначенного против вони в сортире, она тут же отказалась снимать здесь комнату. Кроме того, напротив мотеля стояла пивнушка с типичными для салунов прошлого полудверьми, набитая галдящей бражной публикой. Чувствовалась близость границы: обочины были густо заставлены огромными траками. Владелец мотеля наотрез отказался позволить им стоянку на своей территории даже, при условии ужина в его ресторане.

- Странный тип! – разозлилась Моника. – Едем отсюда прочь!

Решено было заночевать в джипе, свернув по боковой грунтовке за поворот, чтобы их не было заметно с основной трассы. Покуда они поели, неожиданно хлынул жуткий ливень. Стало ясным, что устанавливать палатку на крыше нет ни сил, ни желания. «Завтра Моника будет ещё злее, - подумал Антон перед сном. – То у них не было повода уединиться в палатке не крыше, мол, хотят спать, когда я, вроде как ещё не собирался… А сегодня просто возможности не было… До сих пор им нужно было дурацкое оправдание, чтобы остаться наедине в палатке. Они меня стесняются, во всяком случае брат, и это её раздражает. Вот, в чём дело… Пора бы мне заявить, что довольно ломать комедию и они, в моих глазах – венчанная пара».

- Всё это прекрасно, - говорил перед сном задумчивый

Глеб, - есть на что посмотреть, но Мексика отнимает много времени, тогда как наша цель – более южные, более дикие и спокойные земли, где можно было бы зажить робинзонами. В Мексике преступность не даст покоя, как и в соседних с ней странах до самой Никарагуа

- Не можем же мы гнать без передышки. Вот и остаётся время на интересные места, - улыбнулась Моника.

- Пожалуй ты права. Просто я привык всю жизнь куда-то торопиться. Иначе не успел бы ничего достичь в науке. Отдыхать как-то и не приучен…

- Жаль, что мы не сможем заехать осмотреть руины Калакмуль. Даже джип по таким дорогам в сезон дождей, будь он неладен, не проедет. А руины, должно быть, стоящие: недавно раскопаны и стоят в сердце юкатанских джунглей, - Антон вздохнул.

Крупные капли дождя с удивительным остервенением колотили по крыше автомобиля, превышая тот шумовой фон дождя, который располагал бы ко сну.

2. La dulce cintura de America[359]

В небе такая луна,
Словно дерево спилено под корень
Белеется свежий след.

[359] Прелестная талия Америки (образное название Центральной Америки, исп.).

Через десяток километров подъехали к пограничному городку Четумал. С белизской стороны непривычно звучала английская речь с каким-то шальным негритянским выговором. Дородный турист, судя по произношению – француз, громко поносил таможенные порядки, из-за которых у него конфисковали пару килограмм апельсинов.

- Почему это в вашем Белизе так боятся заражённых апельсинов? Да ветром давно вся зараза бы перешла на ваши плантации! Бред! Сразу видно – британская колония. Просто поживиться за мой счёт намерены! Сожрёте мои апельсины и всё! Не выйдет! Я сам употреблю здесь все два килограмма, – надрывался француз в летах.

- Карантин, сэр, - твердил своё здоровенный негр в униформе.

Сразу за шлагбаумом запестрели совсем иные, чем в Мексике дома – крашенные, дощатые, у которых лениво сидят, в основном, мулаты и гарифуна – карибские негры.

- Население страны всего двести двадцать тысяч, - читал Антон, конспективно излагая прочитанное вслух, - благодать-то какая! Ведь в одном Сиудад-де-Мехико больше двадцати миллионов, а в стране - под сто. «Шестьдесят процентов жителей Белиза католики, много всевозможных протестантских сект и англикан. Помимо сектантских селений, образованных гражданами Белиза, имеются целые посел-

ки меннонитов-изолятов, не желающих признавать технику, часть из которых имеет американский паспорт. Они поселились здесь, спасаясь от пресса современной цивилизации. Живут они сельским трудом, общинами, подобно амишам в Пенсильвании». Не это ли для нас с тобой, Глеб, зажить изолированной общиной? «Есть в Белизе немного буддистов, индуистов, мусульман, иудеев, адептов культов гарифуна, в том числе – вуду, есть и майя».

- Всё это так, но дикой природы в этой малонаселённой стране не осталось, или почти не осталось, - грустно отозвался Глеб. – Да и народ не слишком приятный.

- На юге страны вдоль хребта, обращённого к Атлантике, ещё сохранились последние дождевые леса, - заметил Антон.

- А чего вы надеетесь отыскать в этих перенаселённых странах? – спросила Моника.

- Мы отправились искать Дом восходящего солнца, как нам пел под гитару один московский романтик… Как бы тебе это объяснить? Совсем иначе, нежели в песне «Энемалс», – задумался Глеб.

После апельсиновых плантаций провинции Корозал и аккуратных карстовых холмов одинаковой высоты с обнажением скал, покрытых, во всяком случае вдали, пальмовым лесом, они свернули в сторону лагуны Шипстерн, чтобы увидеть воочию одно из самых глухих мест в стране – болотистое, низменное карибское побережье, где можно встретить

ламантинов. От самой границы закончился асфальт и джип трясся по красной глиняной грунтовке, которая не становилась лучше при повороте в сторону от трассы, пересекающей страну.

- «На этом полуострове создан заповедник, в первую очередь, предназначенный для охраны ламантинов в лагуне, - продолжал чтение Антон, временами подпрыгивая на ухабах, теряя строку. - Учёные утаивают сведения о ламантинах, чтоб ими не воспользовались браконьеры». В Сартенехе, куда упирается конец нашей дороги, находится контора болотно-мангрового резервата Шипстерн. Не доезжая конца дороги, можно свернуть в заказник, где туристам дозволяют осматривать лагуну.

- Едем! – воскликнула Моника. – Там, наконец-то, можно будет искупаться после второго дня без душа! Солнце вымотывает, особенно, в сочетании с влажной духотой.

- Мы едем на юг, где будут места и куда более дикие, - усмехнулся Глеб. – Какой там душ…

- Там будем купаться в притоках Амазонки вместе с пираньями, - рассмеялась Моника.

Вскоре, у покосившегося указателя «Шипстерн», они увидели неприметное ответвление вправо. Сквозь пальмовую чащу заманчиво поблёскивали воды лагуны. У кордона заказника их приветливо встретил молодой, кучерявый охранник, который тут же бойко потребовал пятнадцать белизских долларов только за вход на территорию.

- Гм… белизские всего в два раза меньше американских... дороговато… Но, по некоторым сведениям, можно увидеть ламантинов, - замялся Антон.

Глеб спросил охранника в лоб, а есть ли гарантия увидеть ламантинов в природе.

- Увидеть ламантинов нет никакой гарантии, сэр, - ответил тот. – Но зато можно хорошо отдохнуть, искупаться и попить пива, сэр. У нас всегда холодное пиво, сэр.

- Не будем жаться, я плачу! – сказала Моника и, скинув пропотевшую одежду, выскочила из джипа в одном, «предельно облегчённом», бикини.

- До пляжа ещё далеко, мэм, - удивлённо протянул охранник. – Надо проехать пару минут, а потом идти пешком. Там уже и раздеваться.

Если Антон с Глебом истолковали его слова по-своему, мол, негоже шляться вне побережья в таком виде, то сама Моника, оказавшись вне машины, сразу же поняла, что он имеет в виду: сотни москитов тут же облепили её роскошное тело. В тени пальмовых рощ они чувствовали себя прекрасно и днём, и ночью, не опасаясь палящего солнца. Моника проворно вскочила назад в джип и выпалила:

- Всё! Едем назад! Здесь сущий ад – заживо сожрут. И как только этот бедняга выживает тут? Едем в Дангригу. Там я приметила по путеводителю хорошую гостиницу.

- От чего же не в Белиз-сити, который ближе, если уж тебе так не терпится принять душ? – невозмутимо спросил Глеб.

- Данграга – более спокойное и приятное место. Я уверена.

- Антон, едем! – крикнул брату, прогуливающемуся по роще, Глеб.

Охотин-младший влез в кабину, невозмутимо размазывая по щеке прилипших комаров:

- Н-да… прямо как в тайге в разгар лета. Болота…

Уже в сумерках они въехали в Данграгу – прибрежный городок гарифуна. На бензоколонке расслабленный негр-заправщик на своём пиджин-инглиш, а точнее - на сленговом варианте гарифуна, долго и нудно отвечал на вопрос, где улица с той самой гостиницей. Под конец своего затянувшегося «речетатива» он фамильярно добавил:

- Типс, мэ-эн.

Давая понять, что он растрачивал своё красноречие не бесплатно, он повторно, хотя и скуповато, протёр их лобовое стекло грязной тряпкой, оставившей радужные солярочные разводы. На монету, вручённую Глебом, он презрительно скривился, но промолчал, сообразив, что на большее не следует рассчитывать. Наконец, джип остановился у искомой гостиницы – свежевыкрашенного белого дощатого сооружения с надписью «Блуфилдс лодж».

- Благодать! И залив совсем рядом – запах моря, - изрекла Моника, с кошачьей грациозностью потягиваясь возле стриженного газона.

- В таком случае, и душ излишен, не так ли? – усмехнулся Глеб.

- Паршивая ночлежка стоит здесь по десять-пятнадцать баксов, - ворчал Антон. – Что за страна? И жратва дорогая. В Мексике цены куда умереннее.

- Чем это паршиво тебе здесь? – спросила Моника строгим тоном. – Чисто, аккуратно, бриз с океана освежает. Не нравится – поезжай назад в свою Мексику.

- Не возмущайся. Я устал крутить баранку и могу себе позволить поворчать, - отозвался Антон.

- Молод ещё слишком – ворчать. Что с тобой дальше будет?

Из экономии, они старались всегда снять трёхместный номер, если только место было не совсем дешёвое. До сих пор – в хостеле, они расходились по отдельным кроватям, но здесь, в трёхместном, рассчитанном на семью, имелись двухместная кровать и лишь одна одноместная. Перед сном Моника вышла из душа в одних трусиках и, продефилировав в таком виде мимо Антона, который не спал, а беседовал с Глебом, нырнула под одело Глеба. Антон возмутился. Ему подумалось, что таким поведением она принижает его, игнорирует, приравнивает к рабу, в присутствии которого римлянка не стеснялась своей интимной жизни. «Если у них Германии нравы уже как в Имперском Риме в период упадка, - зло размышлял Антон, часто ворочаясь в бесплодной попытке скорее уснуть, - то не обязательно их демонстрировать перед

отсталыми инородцами! Глеб молчит, хотя я уверен, что и ему это не по душе. Но он, скорее всего, опасается выглядеть в её глазах консерватором и пока терпит все её выходки. Впрочем, они ждали до такой ночи, с недостатком лежачих мест, и только здесь решились улечься вместе, стесняясь меня до сих пор… Или я заблуждаюсь и это уже не первый раз?» Утром они немного прогулялись по своеобразно-очаровательному городку с неповторимо-убогими, и старыми, покосившимися дощатыми домиками на сваях, с неповторимой атмосферой негритянской расслабленности, склоненными по ветру пальмами побережья и лазурью Карибского залива. В стороне, под негромкий ритм барабана, плясало человек пять парней и не было ясным - то окончание затянувшейся ночной пьянки, или же им пришло в голову таким образом проводить утреннюю разминку.

По пути к гватемальской границе они свернули по узкой грунтовке к самому высокому в стране водопаду - Хиддэн Вэлли Фаллс (Пороги сокрытой долины), низвергающийся среди склонов, покрытых хвойными лесами.

- Не слишком силён водопадик – каких-то полкилометра, да ещё не со свободным падением, а уступами, - прокомментировал Глеб.

- Да, после Канады – мелочь, - сыронизировала Моника, с удовольствием фотографируя вполне фотогеничный водопад. – Кстати, я читала, что он выше всех во всей Централь-

ной Америке.

Въехали на Пайн-Ридж (Сосновый Хребет) - плоскогорье, покрытое исключительно сосновым лесом, недавно сильно пострадавшем от пожара, что сильно бросалось в глаза. Было заметно, что машины нисколько не считаются с природой и расширяют красноземную колею, объезжая рытвины, отнимая всё новые куски леса под хаотичную грунтовку, бесконечно разбиваемую дождями. Ширина дороги местами превышала любое многорядное шоссе под Нью-Йорком.

- Жаль, что до руин Караколь опять же не доберёмся. Судя по фотографии – очень эффектное городище среди джунглей, - сказал Антон, листая путеводитель.

- Надо было прихватить с собой портативный вертолёт, - улыбнулась Моника.

Перед самой границей они пересекли на пароме небольшую речушку, взбухшую от дождей, чтобы осмотреть очередные руины майя Шунантунич. Очень необычная и весьма высокая пирамида казалась подпоясанной мраморным «поясом» с чуднЫми горельефами. По развалинам вяло разгуливали ленивые игуаны по полметра длинной.

- Оказывается, Гватемала до сих пор не признает самостоятельность Белиза! – вычитал Антон, покуда они ожидали таможенный досмотр. – Удивительно!

- Это, скорее всего, проявление некоего панмайизма, - предположил Глеб. – Они мечтают создать Мундо Майя – единое государство, объединяющее часть Юкатана, Белиза,

вышвырнув из него негров, Западный Гондурас и часть Эль-Сальвадора. Гватемала остаётся их стрежнем, как истинная страна с преобладающим населением из чистых потомков майя. Ведь только они уцелели, как чистый этнос, из всех прочих древних культур Латинской Америки. Ацтеки с инками растворились, не говоря о прочих, более древних. Мне кажется, что майя имеют на это право, как и тибетцы.

- Неплохо бы, но ведь даже в Гватемале майя пребывают в подчинённом положении. Верховодят там креолы – носители чисто испанских генов, или с небольшой примесью, - заметила Моника. – Но вряд ли такое когда-нибудь получится.

- Несколько натянут и критерий выбора земель для Мира Майя, - вставил Антон. – Они считают, что войти в него должны все земли с руинами былой цивилизации майя. Но на окраинах былой страны майя они уже не преобладают по численности. Разве что в Гватемале, поскольку они бросили свои города на Юкатане в средние века и перебрались к южным нагорьям. На мексиканской территории майя не осталось с двенадцатого века.

После Белиза, с его некоренным населением, Гватемала показалась приятнее хотя бы тем, что ней преобладают индейцы. Мелькали деревушки с пёстро выкрашенными бетонными плосковерхими коробками, как правило, в два этажа, а то и традиционные хижины из плетёнки с конической крышей из пальмовых веток, у которых копошились женщины в

пёстрых полосатых юбках. Иностранный автомобиль индейцы провожали суровыми, неприязненными взглядами. Попытка уточнить у них направление полностью провалилась: они лишь мрачно, молчаливо косились и делали вид, что не понимают по-испански. Но вскоре, у ответвления к северу показался указатель с надписью «Якша». Глеб не обратил было внимания и продолжал вести машину по, местами, асфальтированной, скверной дороге к западу, рассчитывая к вечеру добраться до знаменитого Тикаля.

- Стой! – буквально закричал Антон, не отрывающийся от путеводителя. – Там же лежат руины Якша и Накум! Якша древнее прочих городов майя здесь – пятый век, а в седьмом уже был рассвет! Мы совсем рядом и грех не увидеть их.

- Будешь кричать и нервировать водителя – врежемся в глыбу на обочине, - проворчала Моника менторским тоном.

- И что из того? Какие-то малоизвестные места – не Тикаль поди, - проворчал Глеб, притормаживая. – Скорее всего, сохранились лишь жалкие руины.

- Глеб, твой брат прав, - вмешалась Моника. – Тикаль – объект давнего туристического паломничества и весьма занюхан, а здесь можно найти что-то необычное.

Глеб молча свернул на ухабистую грунтовку, тянущуюся на север по ещё не рубленному, муссонному лесу. Масштаб руин Яхша оказался вполне сопоставимым с наиболее знаменитыми руинами Мексики, хотя и сохранились пирамиды похуже. Но едва расчищенный лес вокруг, как и отсут-

ствие туристов, придавали этому месту особое очарование. Ещё около десяти лет назад эти пирамиды представляли собой густо поросшие лесом холмы. Часть руин здесь оказалась, все ещё, покрытыми землей с, растущими прямо на пирамидах, мощными фикусами, но большая часть была уже расчищена и светлела белым камнем среди тёмной зелени. Повсюду сновала масса ящериц самого разного цвета и размера.

- В нашей, и единственной вокруг гостинице, мы стали единственными гостями. Разве это не прекрасно! – воскликнула Моника, обворожительно улыбаясь, скидывая с себя всё вплоть до бикини. – Давайте сходим на озеро, что совсем рядом.

- Крокодилы, сеньора, - предупредил охранник просторного бунгало, глядя округлившимися глазами на соблазнительные формы мадам Пиркхаймер.

- В самом деле? Нет, серьёзно? – переспросила Моника.

- Си, сеньора, - последовал лаконичный ответ.

На берегу озерца стояли деревянные лодки, а на одном из мостков, ведущих к воде над глинистым обсохшим берегом, висел, предупреждающий о той же угрозе, плакат с чёрным силуэтом крокодила. Рядом красовалась инструкция, гласящая: «если Вас хватает за ногу крокодил, то надо набрать полные лёгкие воздуха, чтобы Вас труднее было утянуть под воду, и давить пальцами рук на глаза крокодила».

- Глупости. Тут слишком мелко. Да и озерцо крошечное,

- сказала Моника.

- Не надо лучше. Не стали бы они тратить деньги на такую писанину понапрасну, - заметил Глеб. – Возле бунгало есть душевая – обойдёмся. К тому же, совсем не так жарко.

Но Монике приспичило влезть в воду:

- Я только один раз окунусь…

Через минуту она вылезла из озерца, чертыхаясь: дно было илистое и она увязла в глубокой серой глине. Чавкая облепленными глиной ногами, слово в серых сапогах, Моника с трудом выкарабкалась на деревянный причал:

- Какие уж там крокодилы. Здесь и маленькой рыбке негде развернуться. Всё – иду в душ отмывать мои серые ноги.

Антон не торопился на озеро, не слишком желая лицезреть полуголую Монику. Он сидел на веранде, беседуя со сторожем. Оказалось, что сейчас возле руин Якша живёт порядка шестидесяти рабочих и археологов-реставраторов. Их посёлок из деревянных кибиток виднеется на дальнем берегу озера. После ужина Антон деликатно вызвался ночевать на веранде, заявив, что комаров не боится, мол, в тайге они похуже. Моника с Глебом не возражали остаться, в снятой комнате, одни. Антон долго листал потрепанные номера «Нэшнл Джеографик», лежащие для постояльцев на веранде. Имелась и солидная подборка весьма серьёзной местной археологической литературы. Видимо, хозяин заведения знает в этом толк. Ночью стало прохладно, москиты оказались вялыми, а вскоре и вовсе исчезли. Из ле-

са доносились истошные, устрашающие вопли обезьян-ревунов. «Нынче ОНЕ пребывают в добродушии и мне не досталось» - без особой приязни подумал Охотин-младший о Монике перед тем, как погрузиться в сон. Антону неплохо спалось под гул цикад под простынёй в одной майке, но позже стало холодно. Когда они поутру спросили сколько ехать до ближайших руин Накум, ответы сторожа и уборщика разошлись от получаса до полутора часов. По карте до Накума оставалось всего лишь семнадцать километров. Местные уверяли, что колея разбитая, а сейчас, после периода дождей - непроезжая вовсе. Появился мрачноватый хозяин, судя по акценту – из немцев, который сказал, что всё зависит от проходимости транспортного средства. Путешественники решили, что с джипом всё же стоит попробовать. Справились за час, но Антон притомился рулить из-за обилия рытвин и объезда больших ям. По пути заметили нечто вроде павлина и безрогого оленя с белым задом. В Накуме оказалось семьдесят рабочих и археологов, которые трудятся вахтами по двадцать пять дней с перерывом на восемь. Раскопки ведутся на средства ЮНЕСКО. Древний город оказался чуть поменьше Якши, но крупные, объединённые в единый огромный комплекс, пирамиды впечатляли. Необычной показалась верхушка зубчатой пирамиды со странными нишами. Время летело, но надо было вовремя уехать, чтобы засветло выбраться на большую дорогу Белиз-Флорес.

Доехав до берега озера Петен-Итца, они повернули на север к знаменитому Тикалю. Прямая узкая, но добротно асфальтированная со времён начала туристского бума в восьмидесятые, дорога подвела к въезду в национальный парк Тикаль, за которым к северу простирается огромный Биосферный резерват Майя, сливающийся с мексиканской частью, где уцелел последний первозданный лес Юкатана.

- В тёмные века Тикаль был более населённым, чем весь район Флореса в наше время, - изрёк Антон, ссылаясь на путеводитель. – «Руины обнаружены европейцами в конце девятнадцатого века, но их расчистка началась лишь в 1960-е годы. До этого, во всей провинции Петен с её тяжёлым влажным климатом, почти не было людей, которые предпочитали жить в нагорьях, или на побережье. Но правительство стимулировало крестьян переселяться и осваивать джунгли». От того и рубят здесь всё подряд, мерзавцы – нищета и перенаселённость создают условия для уничтожения леса.

Купив билеты в музей-заповедник перед самым закрытием, уже в темноте они подъехали к отелю. Ночевать в машине здесь было запрещено и пришлось остановиться в довольно дорогой гостинице. Перед сном решили посидеть на веранде за минеральной водой. Моника же, предпочла колу. «Аляповатый муляж тукана, прикреплённый к спинке скамьи», вдруг ожил и долбанул увесистым клювом в спину Антона - не то, чтобы больно, но уж слишком неожиданно. Весь облик и, особенно, раскраска клюва его были столь искусственны-

ми! Каждый из присутствующих был уверен, что перед ним дешёвая поделка. Тукан стал вести себя всё наглее, требовал подачки, скакал по столу и, наконец, нагадил посреди скатерти. В ту ночь Глебу привиделся исполинских размеров щегол с наиболее известного триптиха Босха, который норовил пребольно клюнуть его. Размер же клюва у щегла был, что у диатримы – вымершего страуса-убийцы. Нездоровые размеры певчей птицы вселяли ужас. Утром постояльцев ждал излишне обильный завтрак с чёрными бобами, омлетом и кофесито.

Сразу же за кордоном парка возникли настоящие первичные джунгли, чем-то напоминающие оранжереи ботанических садов, а потому - с едва уловимым оттенком искусственности. По мере углубления в жаркий, влажный лес пешком, их сразу же атаковали москиты. Туристов сопровождали стайки пизот, коати или, как предпочли называть их между собой по-русски Охотины – носух - востроносых зверьков с, торчащим трубой, хвостом. Они нагло клянчили пищу, а некоторые даже садились на задние лапки. Охотины оказались в таком лесу впервые, а потому разнообразие видов растений их поразило, вплыли детские впечатления от прочитанного о путешествиях в экваториальные страны. Могучие сейбы, не очень толстые, но высокие, тянущиеся к солнцу, были особенно хороши своими досковидными корнями. Корни-контрфорсы, увитые лианами и эпифитами

стволы, свисающая мотня лишайников поражали воображение. Тропу перебегали крупные, желтоголовые муравьи со страшными длинными челюстями не дюжих размеров. Попадались и муравьи-листорезы, тащащие непомерно крупные для них куски листьев. Временами параллельно тропе шёл поток очень мелких термитов с бесцветными жирными брюшками. На кустах висели овальные муравьиные гнёзда до полуметра в сечении. Здесь было спокойно, но возле наиболее эффектных, из всех виденных ими доселе пирамид, толпилась праздно шатающаяся молодёжь. Слышалась английская, французская и немецкая речь. Попадались и группы посолиднее возрастом с гидом, чаще - японские. Громко галдящая группа негров, говорящих с явно американским акцентом, раздражала. С пирамид, на которые разрешалось залезать, открывалась панорама бескрайнего леса. Вдруг хлынул ливень, и путешественники спрятались под раскидистым деревом.

- Ничего. Скоро дожди и вовсе прекратятся. Тогда ещё пожалеем, - сказала Моника.

Глеб прислонился к стволу спиной и тут же был атакован сонмами чёрных ос, или диких пчёл, кусающихся не очень сильно - подобно слепням. Глеб еле отбился от них. Со спины ему помогли отогнать пчёл Моника с Антоном. На дереве оказалась нахохлившаяся индейка с красным зобом, которая сосредоточенно-прицельно испражнилась прямо на голову Антона, и все начали хохотать. Вечером они добрались

до Флореса, где сразу же направились в туристическое агентство, чтобы организовать экскурсию к руинам Эль Мирадора, куда не вели дороги, но все трое единодушно хотели их непременно увидеть. Такая возможность имелась послезавтра – примкнуть к маленькой группе, отправляющейся на север.

Следующий день им предложили занять поездкой к руинам Сейбал. С утра гнали по грунтовке часа два среди, недавно сведённых, лесов вдоль эрозионных красноватых глинистых обрывов, жалких остатков джунглей с бескрайними скотоводческими ранчо. Лесорубы сохранили лишь старые сейбы-хлопковые деревья, считающиеся священными по дохристианским поверьям. Бросалось в глаза, что освобождённые от лесов земли, толком не используются, в основном – лишь под выпас крупного рогатого скота. Остатки вырубленных деревьев жгли, как и кукурузные поля, после сбора урожая. Казалось, что от пожаров весь Петен заволокло дымкой. Чахлые коровы печально бродили по, чадящим золой, выжженным, чёрным землям. Подъехали к посёлку Саяхче на мутной реке Ла Пасион, притоку Усумасинты, текущей на север. Там они нашли местного представителя фирмы из Флореса, который показал им, где можно оставить джип под надёжным присмотром, и повёл их к парому с двумя подвесными моторами и площадкой под пальмовым навесом для пассажиров. У переправы их ждала лодка с тростниковым

навесом от солнца, на которой они проплыли по извилистой спокойной реке порядка двадцати километров. Порубки здесь уже чередовались с остатком влажного галерейного леса, деревья которого ещё изобиловали птицами, а песчаные отмели - чёрными водяными черепахами. В этих краях поговаривали, что недавно одного незадачливого туриста из Европы утащил крокодил. Лишь возле маленького национального парка Сейбал сохранился первозданный, высокий, многоярусный лес. У причала сидел вялый сторож, проводящий здесь двадцать пять дней в месяц, лишь на выходные ездящий к семье в деревню. Вывеска гласила, что объект расчищен и охраняется на средства ЮНЕСКО. Сторож попытался навязать гостям своего гида за отдельную плату, но они отказали, считая, что заплатили во Флоресе вполне достаточно за полноценную экскурсию. Парень-моторист поплёлся за гостями молча, рассчитывая на чаевые. Лодочник заметил паука-птицееда с ладонь взрослого человека. Паук оказался ленив и выглядел, опять же, дешёвой мягкой, мохнатой игрушкой, чтобы попугать туристов. Парень взял паука в руки, уверяя, что он не кусается. Защелкали фотоаппараты. Антон заметил бурую бабочку с размахом крыльев в две ладони, с чёрным «глазом» на крыльях. В толстых, липких сетях затаились длинные тонкие пауки по восемь сантиметров. Высоко в кронах деревьев с визгом прыгали грациозные обезьяны-пауки.

- Фикусы буквально обтекают стволы и постепенно ду-

шат дерево-хозяина, - сказал Антон, указывая на оплетённый ствол сейбы.

- Ничего, с такой мощью не справится, - тут же упрямо возразила Моника и Антон промолчал.

На вершине холма они осмотрели руины городища, где некогда было не меньше пирамид, чем в самом Тикале, но уцелела лишь одна совсем небольшая, прочие же были разрушены нашествием тольтеков. Хороши были стелы из белого камня с резьбой и руины обсерватории.

Когда они вернулись во Флорес, джип пришлось оставить на платной стоянке. Экскурсия к Эль Мирадору подразумевала транспорт от фирмы. С утра они долго тряслись по ухабам грунтовки в микроавтобусе. Дорога закончилась в последней деревне под названием Кармелита. Дальше дорог нет до самой Мексики, то есть, полосе леса порядка шестидесяти километров на север по прямой. Хотя здесь повсюду территория биосферного заповедника Майя, в Кармелите имеется небольшая лесопилка и, конечно, вокруг деревни на час ходьбы, всё порублено и уже вырос жалкий тридцатилетний, вторичный лес.

- Всё это печально, не следует забывать, что большая часть этого муссонного леса вокруг всех руин вторична, а первичные были сведены самими майя, - напомнил Антон.

- Ты уже говорил, - оборвала его Моника. – Пока у нас нет старческого маразма.

Молодой, жилистый индеец строил себе нехитрый, двухэтажный полупрозрачный дом из досок, выбракованных лесопилкой, прямо на границе леса. Такие доски было невозможно хорошо подогнать друг к другу. Оказалось, что он - гид, который должен был вести группу пешком на север. Парень представился Дарвином, пожимая каждому руку.

- Забавно, - сказал Глеб по-русски, - с таким же успехом мог представиться как Ленин.

Видимо Дарвин знал, что группа может прибыть в любой день, или у него был мобильник, но он тут же прервал строительные работы и начал грузить пластиковые бурдюки с водой и прочие мешки на десяток своих мулов и пару коней. Пятерых туристов же повели на кормёжку в местное традиционное заведение с тортийас, уэбес (яйца), фрихолес (пюре из чёрной фасоли) и кофесито. Только там путешественники, наконец, представились друг другу, поскольку с утра молодая пара американцев невыразительной внешности была слишком заспанной и продолжала отсыпаться в микроавтобусе. Впрочем, двое янки оказались настолько бесцветно-скучными со своими стандартными замечаниями о погоде и шутками, вызывающими в ответ улыбку из вежливости, что разговор так и не завязался. В первый день прошли порядка двадцати километров. Сперва тянулся молодой вторичный лес, не имеющий вида, но, через час, пошли нетронутые пока ещё джунгли.

- Тропа разбитая, изрытая копытами. Видно, что в разгар

сезона дождей она малопроходима. Сейчас начинает подсыхать, - заметил Антон.

- Теперь понятно, почему экскурсии организуются только с начала сухого периода, - сказал Глеб.

По пути попалось маленькое озерцо-полуболото, где, как уверял Дарвин, раньше жили крокодилы, но недавно они покинули его от частого полного пересыхания.

- Мне живо представилось, как крокодилы собирают узелки и ковыляют на задних лапах в поисках лучшей жизни, - заметил на это Антон.

- Мы на территории национального парка Флорида, включённого в Биосферный заповедник, - торжественно объявил Дарвин и провёл группу к маловыразительным развалинам каменных сооружений, оказавшихся жилыми домами древних майя, что само по себе – редкость. Как правило, сохранялись лишь массивные пирамиды.

Во время обеда в хижине смотрителя руин, Дарвин поведал, что 1960-е, когда эти руины впервые обнаружили, шло резвое расхищение их целыми экспедициями нелегальных «археологов»[360]. Дальше путь шёл по древней тропе майя, ведущей на Юкатан к северу, ибо до десятого века, к югу не было ещё никакой цивилизации. В кронах деревьев надрывались крикливые, хриплые птицы, напоминающие сорокопутов. Пухлая американка ощутила слабость и ей тут же предо-

[360] Уакерос - искатели и грабители древних индейских храмов, у которых денежные янки скупают потом целые коллекции почти задаром.

ставили запасного мула, идущего без поклажи. В последующие дни она уже не слезала из седла. Прямо на тропе попадались съедобные сладкие фрукты в шершавой волосистой кожуре, которые расхвалил Дарвин и все решили попробовать диковинный плод вслед за ним. Фрукт оказался приторно-сладким, но весьма своеобразным. Американка отказалась отведать сомнительный экзот. Ночлег предполагался на месте шалашей чикалерос-сборщиков особого местного каучука, который, по словам экскурсовода, очень ценится для производства презервативов высокого качества. Погонщик мулов влез высоко на дерево, чтоб нарубить свежих веток для лошадей и мулов, ибо трава под пологом леса не растёт. Остальные усердно вешали гамаки на каркасы из веток. Дарвин натянул поверх всех гамаков пластиковую крышу, выдал каждому москитьеру для гамака. Американец оживился и стал грозится, что сейчас вокруг лагеря произойдет «экологическая катастрофа». Он стал обильно распылять свои репелленты двух видов: репеллент-экран для окон палаток, или пологов, а также, тщательно натёр репеллентом-мазью тело подруги, которая обнажалась, в отличие от Моники, весьма стыдливо. Под конец, он намазал себя, буквально побелев под густым покровом мази.

- Всё это излишне, - громко усмехнулась Моника, чтобы соседи её слышали, - пологи и без того новые и надёжные. Теперь мы должны дышать всей этой химией, вместо лесного воздуха.

- В самом деле, да и комаров совсем не так много, как в канадской тайге в разгар лета, когда они весь день густо липнут на физиономию, - заметил Антон.

Янки смерил их недовольным взглядом, но, как всегда, промолчал. Оказалось, что помимо аэрозолей и мазей, у американцев имеются подвески внутрь полога с запахом, отпугивающим насекомых, пищалка с ультразвуком на батарее, пахучие наманжетники, а кроме того - аэрозоль от клещей… За ужином москиты покусывали совсем вяло даже тех, кто совсем не натирался. Помимо местных, в их число вошёл Антон в силу своей бравады таёжника. Над раскладным столом замаячил необычно яркий, летящий светлячок. Он выглядел, зависающей в воздухе, желтоватой вертикальной палочкой. Моника живо восхищалась красотой блуждающего огонька, но постоянно настороженная американка сидела, насупившись и походило на то, что ей всё безразлично, скорее бы отделаться от скучного, затянувшегося похода. Её приятель тоже сидел с кислой физиономией, хотя пару раз и выдавил из себя что-то вроде одобрения в адрес светлячка. Утром долго шли по лесу с обилием гевей, отмеченных старыми надрезами, сделанными чикалерос, которые собирают каучук в августе. Но попались и свежие надрезы красноватой древесины, по которым сочился липкий млечный сок. Местами муссонный лес редел и более напоминал саванну. Янки ворчали, возмущаясь тем, что обнаружили у себя на ногах клещей.

- Вы не переживайте, Хэйзл и Ник, - улыбнулся Антон, - здесь не Сибирь с Манчжурией и энцефалит нам не грозит.

- Да какой энцефалит! Клещ – это очень опасно для жизни! – рассердилась на его замечание американка.

- Ничего страшного. Очень редко они – истинные разносчики болезней, поверьте, - защищался Антон, уже жалея, что стал комментировать события.

Моника демонстративно не обращала внимания на жалобы американцев и восторгалась красотой и мощью великолепных экземпляров фикусов-паразитов, огромных, термитников, висящих на деревьях, радовалась обезьянам, норовящим швырнуть в путников ветками, а то и погадить прямо им на головы.

- Смотрите! Там огромная птица – что-то среднее между павлином и индюком! – воскликнула Моника, оказавшаяся впереди всех. – Наверное, это дрофа!

- Дрофы здесь не обитают, - отрезал Антон и она вновь разозлилась:

- Тогда будь любезен, поведай нам, что это за птица, если не дрофа? Если не знаешь, то нечего уверять, что не дрофа!

К вечеру они пересекли полузаброшенную взлётную полосу и прибыли на место стоянки под Накбэ - городом древних майя. Дарвин рассказал, что здесь постоянно живут двое смотрителей, имеются хижины, навесы. Характерные очаги были сооружены на столах под навесами, так как в разгар дождей, на всех утрамбованных площадках, стоят глубокие

лужи.

- Если верить карте, нынче мы прошли более тридцати километров – не так уж плохо, - сказал Глеб.

- Некоторые, в основном, проехали... – вставила Моника презрительным тоном.

Утром туристы поднялись на пирамиду чудовищной высоты с прекрасным видом на бескрайние джунгли вокруг. Пирамида вида не имела, поскольку камни, некогда упорядоченно покрывавшие её, разворотили корни растений, но высота её впечатляла. – Тот холм вдали - конечная цель похода - Эль Мирадор, - сказал гид.

- День пути? – настороженно спросил Ник.

- Что Вы, гораздо меньше. Осталось десять километров, - улыбнулся Дарвин.

Осмотрели каменоломни в слоях мягкого камня, подстилающего леса, не дающего корням проникнуть глубже бедного мелкого слоя почвы, а также - колодцы для воды и продуктов – местный холодильник. Приоткрыв каменную плиту, прикрывающую один из колодцев, обнаружили крупного, весьма отталкивающего вида, пауко-скорпиона. Американка, отпрянув, взвизгнула, а Моника рассмеялась, как довольный своей выдержкой проказник-мальчуган. В подземных галереях, под одной из пирамид, гид осветил фонарём несколько обсидиановых наконечников и ножей, куски керамики, оставленные там американским археологом, который имел лицензию на раскопки и недавно работал здесь и в Ми-

радоре с двадцатью студентами и двумястами рабочих. Как выяснилось, обсидиан завозился с южных вулканических нагорий. Вдруг американец заговорил долго и тепло о том, что этот археолог – его дядя и поэтому он повёз сюда свою подругу, но увы, она недовольна буквально всем и даже не пожелала спуститься в подземелье.

- Жалуется, что у неё болит кончик, обожжённого солнцем, носа. И это несмотря на постоянный толстый слой защитного крема, - развёл руками Ник.

- Если вы пока ещё не поженились, - вставила вдруг Моника, - то я бы посоветовала Вам хорошо подумать прежде, чем совершить столь опрометчивый шаг.

- Понимаю, что Вам не по душе моя подруга. Это заметно с начала похода, но я не спрашиваю ничьи советы и на Вашем месте я не искал бы ссоры столь демонстративно. Это создаёт атмосферу недоброжелательности в группе, - парировал американец.

Моника только фыркнула в ответ и отвернулась, а Глеб заметил ей наедине, что американец прав. Потом они довольно быстро прошли последние километры до Эль Мирадора и тут же помчались на самую высокую пирамиду, чтобы с её вершины проводить солнце – близился закат. Американка сильно отставала и появилась на верхней площадке, когда была видна последняя четвертушка алого солнечного диска. Моника, демонстративно целуясь с Глебом на глазах у всех, смерила её презрительным взглядом и сделала стойку на го-

лове.

- Эль Мирадор был крупнейшим городом на территории Гватемалы, больше Тикаля! – рассказывал, в целом немногословный, Дарвин.

- Но назывался же он тогда по-другому, а не по-испански, - сказал Ник.

- Конечно, но название это мне неизвестно, извините, - смутился экскурсовод.

- Безобразие! И это называется гид! – проворчала Хэйзл.

- И это называется турист! – вторила ей Моника, пошедшая на прямой конфликт. – Турист, который не в состоянии не портить настроение окружающих не только своим видом, но и язвительными комментариями!

- На Вашем месте я бы поумерил свой пыл, - холодно заметил Ник.

- Я сдерживаю себя три дня, но теперь это уж слишком. Я не позволю портить вечер ни нашему гиду, ни всей группе! – вызывающе сказала Моника.

- «На закате равнинной цивилизации майя Эль Мирадор воевал с Тикалем», - почерпнул Антон очередной раз из своего путеводителя, стараясь смягчить обстановку. – Но и здесь не написано подлинное название города… Может оно и неизвестно науке[361]?

---

[361] Эль Мирадор - крупнейшая метрополия культуры майя доклассического периода. Обнаружен в 1926 г., заснят в 1930 с воздуха, но из-за труднодоступности через джунгли не исследовался до 1962 г., когда Ян Грэм составил первую карту местности. Первые следы обитания человека на территории Эль-Мирадо-

Когда все спускались с пирамиды, до ушей Моники донёсся голос американки:

- Мало мы их наказали в сорок пятом году! Надо было продолжить оккупацию!

- Брось говорить глупости. Нам ещё предстоит путь назад с их группой, - старался урезонить подругу Ник.

- Ну, это уж слишком! – разозлилась Моника.

- Остановись ради Бога и сделай вид, что не слышала! – попросил её Глеб. – К чему всё это? Она ничего плохого никому не сделала. Если бы она стала дальше наседать на Дарвина, тогда следовало бы её одёрнуть. Но конфликт ваш не стоит и выеденного яйца. Тебя Творец одарил красотой небывалой, а она – серая мышка. Так, будь снисходительнее.

- Ты прав, как обычно, - попробовала улыбнуться Моника. – Англосаксонки они все такие серенькие, что с неё взять. Но она задела мои национальные чувства.

- К чему сразу так... Ты же взрослый человек, - удивился Глеб.

Со стороны пестреющего скопления туканов на кроне сухого дерева донёсся странный клёкот и щёлканье клювов. День прошёл в осмотре руин Мирадора, а ночью вдруг хлы-

---

ра относятся к этапу Мамом (600—300 годы до н.э.). Оригинальное название городища - Каналь (?), которое являлся столицей царства Каналь. Наибольший расцвет Эль-Мирадора приходится на конец II в. до н.э. и до II в. н.э.Сооружения этого времени - крупнейшие памятники архитектуры майя за всю их историю. Главная пирамида Тигре возвышалась на 55 м и занимает 19600 м^2. Объём конструкции составлял около 380000 м^3, что в 6 раз больше, чем Храм I в Тикале.

нул такой ливень, что пришлось натянуть дополнительно к пальмовому навесу полиэтилен, чтоб не захлёстывало сбоку. Американцы настояли на подъёме в пять утра, чтобы успеть вернуться засветло. Назад предстояло пройти по короткой тропе за два неполных дня с одной ночёвкой. Рыхлый, весь искусанный комарами и осами, несмотря на свои репелленты, американец подошёл к Глебу и вежливо попросил встать в пять утра потому, что подруга его боится темноты в джунглях и хотела бы избежать лишних ночёвок. К тому же, оказалось, что она боится нашествия мексиканских торговцев наркотиками, поскольку граница всего в пятнадцати километрах. Охотин, конечно, согласился, но, когда об этом услышала Моника, она не сдерживала своего возмущения вслух, упомянув отсталость американцев, которые не способны придерживаться современных диет, дабы сдерживать прирост лишних центнеров жира и от этого проистекают все их беды. Скорее всего, янки слышали её слова, но попытались не подать вида. Долго тянулся однообразный, низкорослый, явно вторичный лес.

- Похоже, что свели его здесь отнюдь не древние майя, - ворчал Антон, - а какие-то мерзавцы меньше сорока лет назад.

- Ну и что ты их обзываешь? – возмутилась тут же Моника. – Сам говорил, что у вас, в сытой Канаде, сводили уникальные прибрежные леса до последнего времени, а тут людям жрать нечего, вот и рубят.

- Я что оправдываю канадцев? – разозлился Охотин. – Что ты без конца ко мне цепляешься? Если ты что-то имеешь против Хэйзл, то иди и пообщайся с ней по душам.

После такого неожиданного отпора Моника, видимо, поняла, что перегибает палку и замолчала. К обеду прибыли к озерцу с полузаброшенной стоянкой чикалерос под навесами близ руин Тинтал. Оставалось решить: ночевать здесь, или пройти ещё всего лишь четыре часа, чтобы оказаться в Кармелита. Американцы высказались за продолжение, чтоб скорее достичь долгожданной цивилизации, а Моника тут же заявила, что не потерпит сокращения срока оплаченной экскурсии на целых полдня. Антон был склонен поддержать её, но промолчал, как и его брат. Потом Глеб тихо сказал подруге:

- Пойми, что у Хэйзл нелады с психикой. Она жаловалась на ночные страхи, плохой сон. Нам следовало бы уступить.

- Посмотри на её сытую розовую физиономию. Разве так выглядят люди с надорванной психикой? – усмехнулась Моника.

- Понимаете, сеньоры, - начал Дарвин, за которым было последнее слово, - я не могу сделать наше путешествие короче, поскольку вы заплатили за все эти дни в конторе Флореса, там вам эти деньги не вернут, а меня могут уволить, если от вас поступит жалоба. Администрация подумает, что я надумал сократить свою работу. Пожалуйста, давайте отдохнём здесь ещё одну ночь. Москитов тут очень мало…

- Нет уж, с меня довольно! – взвизгнула Хэйзл, пустившись в плачь. – Я не могу находиться в лесу ни одной ночи больше!

- Поймите, сеньора, что в Кармелите ничем не лучше – там надо будет ночевать под открытым небом возле моего недостроенного дома, - пытался увещевать её бедный Дарвин. – А комаров там, уверяю Вас, гораздо больше и утром много шума от петухов и собак ещё до рассвета. Каждый двор имеет домашнюю птицу и собак…

- Так, надо сразу же уехать во Флорес! – возразила американка.

- Но автобус прибудет только завтра утром, - смутился экскурсовод.

- Нечего там делать, в таком случае, Ник, разве не так? – попробовал поддержать Монику таким путём Глеб, который, конечно же предпочитал остаться, чтобы успеть осмотреть руины Тинтала, а не вставать с первыми петухами в деревне.

- Дорогая, - взмолился Ник, - нам следует остаться здесь. Иначе ты переутомишься. Сидеть в седле тебе тоже уже противопоказано от раздражения кожи.

- Бедняга. Она не даёт ему гладить свои натёртые бёдра – ещё бы, - хихикнула Моника себе под нос.

- Но цикады сведут меня с ума окончательно! – всхлипывала Хэйзл.

- Давно уж свели и не цикады, а обжорство, - ухмыльнулась Моника. – А петухи крупнее цикад – могут и клюнуть

в твою толстую задницу.

- Ты бы ещё во всеуслышание комментировала её слова. Удивляюсь тебе, - шепнул Глеб с раздражением.

- Указания что мне разрешается говорить, а что - нет не потерплю даже от тебя, - ответила Моника. – Могу высказать это и в полный голос.

- Сеньора, в Кармелите не меньше цикад, но и петухов хватает. Там не будет покоя с вечера до утра, - растерянно сказал Дарвин.

- Хорошо, мы согласны остаться, да, дорогая? – по возможности мирно и твёрдо сказал Ник. – Выбора нет и подводить нашего Дарвина тоже нехорошо.

- Только со мной никто не считается. Конечно, положение гида для тебя важнее, - продолжала хныкать американка, но вопрос был уже решён.

Желающие пошли осматривать пирамиду и каменоломню развалин давно утихшего города Тинтал. Комаров, в самом деле, оказалось меньше, чем в прошлые вечера, а ночью надёжно защищали пологи. По пути к югу лес становился всё влажнее и эффектнее: появился пышный пальмовый подлесок. По второму озерцу плавали болотные черепахи, а ближе к посёлку тропа стала уже более напоминать дорогу. Вдруг раздался оглушительный треск и Хэйзл начала кричать, что это вооружённые мексиканские бандитос. Дарвин принялся успокаивать её, что это не так. Впереди показались расфранчённые юнцы на мощных дорогих мотоциклах, что здесь, ко-

нечно же, было запрещено, ибо вся территория к северу от Кармелиты относится к резервату «Биосфера Майя». Они что-то кричали с приветливыми улыбками, но грохот моторов заглушал суть приветствий.

- Скоты, - проворчал экологически подкованный Антон.

- Им больше нечем заняться. Мог бы и догадаться, - заметила Моника.

- Тем, у кого есть деньги на такие мотоциклы есть чем заняться. Хотя бы и личным компьютером, - возразил Антон.

Хэйзл с трудом доковыляла до деревни. Она страдала от натёртых ездой бёдер, седалища и от многочисленных красных пятнен – следов укусов мошек по всему телу, которые зудели с нарастающей силой в самых интимных местах. Ник помимо того, мучился от аллергического раздражения, вызванного непомерным употреблением репеллентов. Пообедали в том же убогом заведении Кармелиты, попрощались с Дарвином, с его женой и были забраны микроавтобусом во Флорес. С американцами Охотины простились, по возможности, вежливо. Но и Моника сделала вид, что ничего между ними не произошло и очаровательно улыбалась. Тогда ни она, ни Охотины ещё не знали, что изрядно покусаны мошкой, которая забивается под штаны, что сперва незаметно, но, потом, зудит пару месяцев.

В гостинице Флореса Антон заявил, что хотел бы заночевать в отдельном номере, но Глеб оказался недоволен, ска-

зав, что расходы предстоят ещё слишком большие и придётся «смириться с его храпом».

- Дело совсем не в твоём храпе, которого я, признаться, никогда не слышал, - сказал Антон брату наедине.

- Но в чём же тогда? Ведь это мои расходы, и я имею право быть против, не так ли?

- Хорошо. Ты прав. Но прошу тебя передать твоей Брунгильде, что меня не устраивает её разгуливание по комнате без бюстгальтера.

- Ладно, - натянуто рассмеялся Глеб, - можешь не беспокоиться. Это не повторится.

Утром они уже гнали к югу. На сей раз Моника углубилась в изучение путеводителя и вдруг заявила, что глупо побывать в этой стране и не увидеть птицу кецаль – символ Гватемалы, изображённый на монетах и банкнотах.

- Так, они почти истреблены за красоту своих перьев, - сказал на это Антон. – Встретить эту пташку для нас означает прожить в Гватемале год-другой. Но кецалей больше всего в горах, мимо которых мы скоро проедем – в заповеднике Сьерра де лас Минас, то есть - Хребет со Штольнями.

- В таком случае, нам надо побывать там, Глеб, - настоятельно завила Моника.

- Увидеть леса тумана, Глеб, в любом случае, познавательно даже, если там и нет ледников… как и во всей Центральной Америке ниже Мексики, - вставил Антон. – Именно эти леса неповторимы на каждом горном массиве.

- Уговорили, - ответил Глеб, сворачивая от посёлка Рио Дульсе (Сладкая Река) к большому мосту.

- Подожди, Глеб, нам надо сперва повидать крепость Кастийо де сан Фелипе, построенную испанскими властями в семнадцатом веке специально против проникновения пиратов по протоке в озеро Изабаль. А для это развернись и поверни влево, пожалуйста. Я только что вычитала об этом примечательном сооружении, - торопливо произнесла Моника.

Пообедали у моста через протоку, выходящую из озера Изабаль, несущую воды к Атлантике. Ели свежую рыбу, кишащую прямо под деревянными настилами ресторанчика. Народ кидает всё, что не жаль со стола и, карпоподобная, на первый взгляд, но зеленоватая, рыба, жирует не в меру, раздирая свежие тортийас. Видимо, её тут же и ловят, взращенную на кухонных харчах до изрядных размеров. Крепость оказалась очень уж миниатюрной, зареставрированной и оставляла впечатление декораций, сооружённых для пиратского боевика.

- Предлагаю доехать до дельты реки, впадающей в Изабаль, раз уж мы сюда свернули, - предложил Антон. – Я читал, что там наиболее впечатляющая флора в стране, ибо полоса от Атлантического побережья и до озера Изабаль – самый влажный район Гватемалы.

- Не возражаю. Я достаточно устал крутить руль и рад буду провести остаток дня вне джипа, - сказал Глеб. – Завтра твоя

очередь вести машину, Антон.

- По-моему, вы оба забываете, что у меня есть права и я могу помочь вам. Отдохните денёк – поведу я, - предложила Моника. – Если я расколочу машину это будут мои расходы, Глеб, не беспокойся.

- Ну что ты в самом деле! Противно слушать! – смущённо отозвался Глеб.

Вскоре асфальт закончился. Когда они въехали в городишко Эль Эстор, за которым многие реки впадали в озеро Изабаль, образуя обширную, болотистую дельту, называемую Боко де Полочик, стало заметно, что под выходные народ изрядно «нагружается» пивом, смешанным с бренди, и всюду бродят, качаясь, подвыпившие, а рядом с ними - расслабленные куры, индюки и свиньи всех мастей и немыслимых оттенков. К джипу тут же подошёл сухонький мужичонка с откушенным ухом и предложил лодку для осмотра дельты. Он обещал организовать ночёвку во вполне комфортном кабаньо-бунгало по ту сторону дельты и надёжную охрану автомобиля в Эль Эсторе.

Все радостно согласись и вскоре уже сидели в нехитрой моторной лодке с минимальной поклажей – полупустыми рюкзаками. Антонио бойко рассказывал о своей провинции и, хотя не все могли воспринимать его беглый испанский, в целом стало понятным, как местная публика любит природу: охранников леса, сохранившегося на хребтах вдоль, вытяну-

того на пятьдесят километров, озера регулярно уничтожают физически… Совсем недавно был убит очередной егерь в Сьерра де лас Минас.

- В былые времена нашёлся бы человек, коий тут же попытался бы туда устроится на место егеря, чтоб чувствовать себя полезным природе героем, но времена меняются и люди мельчают, - философски заключил лодочник.

На вопрос Антона о ламантинах в этих водах, Антонио уверенно заявил, что встречает их каждый месяц, но не может сказать, удастся ли им увидеть хоть одного.

- Плохо здесь одно, - добавил Антон. - Из-за высокой продуктивности зоны речного выноса, озеро привлекательно для рыбаков, а сирены часто путаются в ставных сетях и задыхаются. Именно это, а не незаконная добыча охраняемых зверей, продолжает сокращать их численность. Но и никелевая фабрика, построенная поблизости сливает отходы в Изабаль. Одно время её прикрыли, но теперь Китай попросил продавать никель за такую хорошую цену...

Потом Антонио долго ворчал на корейцев[362], которые и здесь прохлаждаются.

- Их в Гватемале не меньше, чем где-нибудь в Китае, в пропорции на душу местного населения, - брюзжал Антонио. – Они эксплуатируют нашу дешёвую рабочую силу в

[362] В Гватемале работает около 10 тыс. корейцев-менеджеров: большой бизнес с дешёвым наёмным трудом на фабриках. Есть там и 5 тыс. аргентинцев и около 5 тыс. выходцев из Германии, немало сотен осевших евреев в бизнесе.

текстильном производстве. Гватемалтекос их не любит и побаиваются, но жить не на что и приходится терпеть. Во всём виновато наше правительство, служащее богатеям, а не своему народу.

Лодочник, оказался знатоком Боко де Полочик, эдаким сталкером устья, фланкёром. Лодка пересекла угловой залив озера и углубилась в северную часть зоны дельты Полочик – хаос проток. Низменность, полная эстуарных проток и болот, диаметром порядка тридцати километров, оказалась необычно дикой, по причине своей малодоступности, но лодочник ловко ориентировался в этом мокром лабиринте. На иловых отмелях, торчало немало коряг, усыпанных баклана-ми и белыми цаплями. Потом пошли пойменные разливы, поросшие водяными гиацинтами и водяными папоротниками. По дереву карабкалась жирная зелёная ящерица весьма солидных размеров – не меньше метра и Моника так старалась успеть сфотографировать её, что плюхнулась бы в воду вместе с дорогим аппаратом, если бы не быстрая реакция Глеба. Проплыли до упора в болота с узкими протоками и вернулись к озеру, чтобы отдохнуть от зноя и искупаться на чистом песчаном побережье, поросшем низкими толстыми деревьями с могучими досковидными корнями-раструбами, усыпанными эпифитами. На песке валялись огромные несъедобные плоды, названия которых не знал даже Антон. Антонио деликатно удалился, предложив клиентам искупаться не дольше получаса, так как путь до кабаньос до-

лог. Моника тут же скинула с себя всё и полезла в воду нагишом при Антоне.

- Чёрт подери, Глеб, - вопрошающе проворчал Антон.

- Я же попросил её не раздеваться в гостинице, а не на пляже. Она воспринимает всё очень буквально… Ты должен понимать – издержки феминизма…

- То есть, она считает, что меня это не устраивает в комнате, а под открытым небом она может хоть испражняться рядом со мной? В конце концов, она – твоя любовница, а не моя и пусть считается с моим присутствием!

- Я поговорю с ней, - обещал Глеб малообещающим, почти безнадёжным тоном.

- Ты, насколько я помню, был некогда разочарован в бывшей подруге излишне приверженной феминизму. Хочешь второй раз обжечься?

- Что ты! Моника – просто ангел рядом с той фурией. Та была чуть ли не подражательницей мадам Зонтаг.

Затем они поплыли по Рио Обскуро, стекающей прямо с ближайших отрогов Сьерра де лас Минас, где вода оказалась заметно холоднее.

- Мне больше по душе такая температура, чем эта моча в озере, - заметил Антон.

- А меня ласкает та моча, о которой ты столь нелюбезно отзываешься, мой мальчик, - улыбнулась Моника.

Антона покоробило от такого обращения. Не хотелось быть «мальчиком».

- Эта протока меня очень вдохновляет, воскресают детские представления о джунглях, какими они должны быть - полог леса, смыкающийся над узкой рекой, множество деревьев с досковидными корнями, изобилие красноватых бромелий, орхидей, монстер, папоротников на стволах, - говорил Антон. – Вспоминаются картинки в отцовской книге «Затерянный мир»: как они плыли по венесуэльским дебрям к Мэпл-Уайту.

- Точно, брат, и я о том же подумал, - улыбнулся Глеб.

Вокруг виднелось множество уток, мелких пёстрых птиц, упитанных зимородков, коршунов, что-то похожее на выпь - крупное, с гнусным голосом, водяные черепахи, улитки очень солидных размеров, ленивые чёрные обезьяны, а вдали надрывались ревуны. Добрались до границы заповедника под отрогами хребта. Там была пробита грунтовка и стоял Селемпин - очень маленькая деревня индейцев кекчи, относящихся к тем же майя. Они трудились на плантациях маслянистых пальм до самого вечера. Электричества в селе не оказалось: имелся движок, который недавно сломался. Повсюду сновали кучки маленьких детей - демографическая проблема на лицо. Возле тростниковых хижин, или хижин, сколоченных из горбыля, виднелись очень примитивные кухни с углями и жаровнями для рыбы и тортийас. Но на каждой стене, с некоей торжественностью, красовался подвешенный мобильный телефон. Народ был не слишком обременён гостеприимностью, как и везде в Латинской Америке. Моника

начала было высказывать недовольство, что ночь будет беспокойной из-за такого соседства.

Но ночлег, обещанный Антонио, оказался достаточно далеко от посёлка в просторных кабаньос на сваях под пальмовыми крышами, где жили столичные студенты-биологи. Они оказались образцом деликатности, по сравнению с европейскими студентами.

- А чему удивляться? – сказал Глеб. - Ругани гватемальцев не услышишь и на улицах городов. Народ на редкость вежлив.

Один из студентов разговорился с Антоном и, признав в нём коллегу, поведал ему, что в Гватемале имеются две организации на базе неправительственных, весьма щедро финансируемые посольствами богатых стран: «Дефенсорес де ля Натуралеса» - «защитники природы» и «Фондеэко». Иногда и студентам университета перепадают гранты, или они ведут исследования совместно с малокомпетентными людьми из неправительственных организаций, каковые чувствуют себя ущемлёнными, от чего пытаются проявить напыщенность и независимость. Кроме того, деятели из неправительственных организаций, занимаются побочным туристическим бизнесом и гораздо успешнее, чем наукой. Если кто-то из тех же посольских, что дают им деньги, хотят организовать для себя экскурсию в лес тумана, или по Боко де Полочик, им присылают обстоятельное описание маршрута

и ценник тысячи на две баксов. Челюсти посольских отвисают, и они гневно возражают, мол, за такую цену летали недавно в Японию из Европы, да не только на выходные, а подольше. Вскоре, с той же приветливостью, им высылают вариант всего на семьдесят долларов с носа, правда без питания… Шеф «Дефенсорес» - сын бывшего министра, подчеркнул студент, мол, что же с таких взять? Всю ночь лил такой ливень, что вода, стекая с гор, скопилась на лужайке под сваями хижин, но крыши из пальмовых листьев достойно выдержали такое испытание. Студент познакомил Антона с гидом от «Фондеэко» – коренастым, но излишне мясистым крепышом по имени Ромео, который тут же предложил им оформить экскурсию в Лас Минас, куда Антон хотел больше всего: всё же – почти последний, из уцелевших в стране, лесов тумана. Обсудив предложение Ромео со своими, Антон ответил согласием, и они тут же оплатили разрешение на посещение заповедника. Ромео посоветовал им проехать через Ливингстон, где есть, что посмотреть, откуда обещал отвезти их в Лас Минас. Цена услуг Ромео оказалась вполне умеренной.

- Посмотри до чего же совершенно это творение Божие! – сказал Глеб подруге, указывая на слизня длинной с ладонь, ползущего с мокрой ветви прямо в окно кабаньос.

- Фу, слизень, да ещё – голый. Противно, - сказала Моника, подготавливая ложе ко сну.

- Глянь получше. Ведь он во многом совершеннее нас с

тобой, это мы должны быть ему противны – грязные обезьяны. Например, он не может никогда поранить себя сам, не имея ни ногтей, ни иных жёстких структур. Мягко обтекаем, движения его плавны, отточены. Урони его с изрядной высоты – и хоть бы что ему. Что же говорить о хрупкости нашего убогого скелета? А он спокоен и в мягкости своей и радости существования, - возразил Глеб.

- Может быть ты и прав, но я не хотела бы, чтобы он будил меня своим хладным скользким прикосновением, - улыбнулась Моника. – Потому, будь так добр и вынеси его на волю.

Утром они сели в лодку уже вместе с Ромео и Антонио. Было заметно, что Антонио был очень доволен, поскольку новый клиент платил, возможно, не меньше иностранцев. Путешественники ещё надеялись увидеть сирен и по-прежнему наслаждались досковидностью корней. Но ни один ламантин не показался из воды.

- Приезжайте на Изабаль в подобающий сезон, и я вам гарантирую много ламантинов, - улыбался крепыш Ромео. – А местных не слушайте. Они не знают толком, когда сирены изволят себя показывать.

- А Вы разве зоолог? – прищурился Антон.

- В нашей организации мы все – экологи, - смущённо улыбнулся Ромео и Охотину стало ясно, что специального образования это вовсе не подразумевает. В деревнях Гватемалы часто бросаются в глаза вывески типа «Академия по

образованию»…

Когда они вернулись в посёлок Рио Дульсе, пришлось вновь найти безопасное место, где можно было оставить джип, а потом искать водный транспорт по широкому нижнему, полупроточному озеру Эль Кальфете, по которому воды из Изабаль текли к океану. Ромео начал нервничать, зная, что туристы не любят долго ждать. Он не предполагал, насколько терпеливыми клиентами были оба брата Охотиных, но «неотразимая сеньора Пиркхаймер» уже слонялась по набережной с недовольным видом. Наконец, один парнишка предложил отвезти их в поселок Актиномит, от которого было возможно пройти пешком к Ливингстону через лес. «Это необычное для Гватемалы, английское название было дано посёлку потому, что с восемнадцатого века по берегу здесь тянулась полоса Британского Гондураса до самого Белиза» - вычитал Антон. После Эль Кальфете, моторка вошла в протоку с красивыми, обрывистыми скальными берегами. Отвесные стены, покрытые джунглями с, насиженными пеликанами, ветвями, под которыми всюду белело гуано. Пеликанов здесь было видно великое множество, как и снующих лодок. Вскоре им преградила путь примитивная долблёнка, в которой два молодых индейца везли закутанную, лежащую на носилках, женщину. Попросили добросить их на моторе до больницы в Актинамите. Это не слишком обрадовало путешественников, опасавшихся заразы – столь мрачно выглядело неподвижное тело, но отказать они, конечно, не смог-

ли. Более того, сотканная из противоречий, Моника проявила неожиданное участие, села поближе к больной, расспрашивала её о симптомах, касаясь её рук своими пальцами. Оказалось, что Актинамит они уже проплыли, о чём не ведал неопытный парень. Пришлось повернуть и немного проплыть назад. Посёлок оказался полным праздных туристов и индейцев со всех соседних деревень, ибо в этот день имело место сборище родителей в единственной в округе приличной школе, в которой, на деньги английского посольства, был оборудован прозрачный, стеклянный домик, битком набитый компьютерами. Ромео лихорадочно искал проводника, который должен был указать нам тропу. Смахивало на то, что сам Ромео никогда не ходил столь экзотическим путём в Ливингстон, но лишь плавал по заливу на судне из Пуэрто-Барриос, что делает подавляющее большинство, желающих оказаться в Ливингстоне. Наконец, он отыскал старого молчаливого индейца, готового их отвести. Вечерело и они поспешили по торной тропе через лес до весьма, по нынешним меркам, изолированной деревни План Гранде Куекече. Полтора часа быстрого хода сначала – по загаженным мусором ручьям и полям, затем по участку леса с поваленными, недавним ураганом, крупными деревьями. В целом, маловыразительный холмистый ландшафт с хаосом пересекающихся троп, в которых без местных, или необычно детальной карты, было бы не разобраться.

В деревне они оказались уже в сумерки. Ромео быстро договорился со старостой посёлка и туристов поселили в неожиданно приятное, чистейшее кабаньо под острой пальмовой крышей с добротной, тяжёлой мебелью и кроватями с приятными неровностями, природными сучковатыми иррегулярностями. Всё оказалось тщательно затянуто москитьерами, украшено добротными тканями майя в качестве ковров на стенах, под крышей были подвешены метровые гнёзда-плетёнки птиц, как слабо надеялись прибывшие, снятые, будучи уже брошенными. У входа красовался список финансировавших строительство по проектам - посольства Англии, Голландии и Швеции. В стороне под навесом стоял сортир и душ с ядовито-зелёным пластиковым унитазом и деревянной раковиной в виде ладьи. Включатели с ночными световыми индикаторами - издержки капитализма. Правда вода из бака, установленного на холме, поступала не всегда... Над краном сидел неповоротливый, жирный геккон. Расслабиться гостям не дали: каждые десять минут приходил очередной местный представитель, с преисполненным достоинства и серьёзности видом и представлялся: «ё-сой президенте де комунидад» («я – президент местной коммуны»), а за ним заходил «вицепрезиденте» и так далее. И не важно, что они были в заношенных, грязных майчонках и шлёпающих сланцах на босу ногу. Все сулили гостям скорый ужин, а затем особую церемонию майя с плясками. Всего лишь три туриста всполошили всю деревню. Жители её не были изба-

лованы: деревню посещал примерно один турист в месяц. Они брали по двадцать пять долларов с человека, куда входит ночлег, полный день еды и проводник. Вскоре туристов позвали в местную семью на ужин. Дома вокруг убогие, без окон, сколоченные из грубых досок под пальмовой кровлей, полы глиняные – неприятный контраст с добротной гостиницей. Домашняя птица бродит повсюду и гадит, а кухня представляет собой возвышение с нехитрым очагом из кирпичей. Топят по-чёрному, поскольку температура позволяет - всё под крышей открыто и дым не застаивается. Обитатели деревни спят в гамаках. Свет сюда протянули, но дорог нет. Каждый дом имеет лишь одну «лампочку Ильича», а кое-кто и две. Иные – счастливые обладатели радиоприёмника, а то и телевизора. Ромео поведал, что в подобных местах без электричества, но с дорогой, можно встретить огромные шикарные холодильники, используемые в качестве шкафов для престижа, поскольку один из сыновей устраивается работать в Штатах и поддерживает своих, делая такие подарки для показухи. Деревня подступала к той стадии разложения, когда мужчины, прикоснувшись к недалекой, агрессивной, беспощадной цивилизации, начинают пить с горя от сознания собственной несостоятельности. Спасти положение могут либо полная искусственная изоляция деревни, либо - достойное образование детям. Промежуточное состояние влечёт за собой спаивание… Отход майя от своей древней и более высокой цивилизации после двенадцатого века, забывание наук

и превращение селений в племенные центры с подсечно-огневым земледелием происходило куда более безвредно, чем процессы испанской колонизации, а теперь - всеобщей американизации – торжества «тишёрт калча» («культуры майчонки с рисунком»). Мать семейства оказалась совершенно безграмотной и не говорила даже по-испански, но дети уже окончили три класса местной начальной школы и могли понять вопросы Моники на уровне «сколько тебе лет». Далее Ромео переводил рассказ отца семейства с индейского, а ему, креолу, это было непросто, о том, что немногие, кто имеет возможность, посылают своих детей в соседний Актинамит с восьмилетней школой, к примеру - один сосед, у которого десять коров и местный продуктовый магазинчик полный риса может себе такое позволить...

- Полный риса, а также - поганых сладостей и прочих вредных вещей из города, которые, наряду с резиновыми сапогами и сланцами, понижают былой нерушимый иммунитет крестьянских детей, - добавил Антон. – Обратите внимание, что многие дети хлюпают носом от нынешнего небольшого похолодания. Вряд ли такое было раньше. Босиком ходят лишь те самые матери, что читать не могут, которым за тридцать, но они и носами не хлюпают.

На вопрос «откуда» и ответ «из Германии и Канады», последовал вопрос отца семейства: «А где, в Штатах, Германия?» На такую фразу его испанского вполне хватило. Пришлось объяснять, что гринго бывают не только в Штатах,

но и за океаном. Где-то ухнула сова. Под вторым этажом гостиницы, где разместили гостей, шло приготовление к церемонии. Охотиным сперва показалось, краем глаза, что там режут для них овощи на завтра.

- Но овощи-то местные, практически, не едят, объяснил Ромео. – Они режут цветы.

Земляной пол в середине просторного помещения был усыпан полосами ярких лепестков, каждая из полос символизировала море, небо, лес, народ и ещё что-то, как пояснил Ромео со слов старосты. Всего шесть цветов и в стаканах шесть свечей соответствующих цветов.

- Прежде, чем срубить дерево, древние майя, ещё наученные горьким опытом оскудения рек на севере, должны были спросить разрешения у леса в ходе подобной церемонии. Хотя ответ, обычно, бывал положительным, древние майя просуществовали в своих юкатанских городах много столетий прежде, чем им не стало хватать воды. Но с двадцатого века разрешения леса уже не спрашивают и реки, рождённые в облысевших горах, не позволяют заплывать в них на судах, как было в девятнадцатом веке, - рассуждал Антон.

Свершилась пляска с кадилами в руках вокруг ковра из цветов и, затем, всеобщая молитва на языке кекчи, но – христианская. Вскоре принесли красную маримбу с броской надписью белой краской «Отель Флор де Монтанья» и начались танцы. Сначала, под спокойные звуки ксилофона, вяло крутились несколько хронически беременных дам, а потом

начались приглашения молодыми людьми. Наконец, и сидящую Монику пригласил парнишка не подозревавший, видимо, о её росте. Она пыталась согнуть колени как можно больше, чтобы не смущать партнёра и не вызывать смех. Вдруг, возможно по указке старосты, молодые девицы пригласили и Антона с Глебом на белый танец. Вроде бы, тоже беременные, едва достающие до плеча Охотиным, пахнущие свежим мылом, они танцевали безыскусно, потупив воловьи очи. Все дамы были в традиционных, возникших после колонизации, юбках до середины икр из пёстрой ткани, но молодые кавалеры - уже в одних майчонках и бейсболках - влияние культуры гринго. У мужиков посолиднее, как правило, на ремне покачивалось мачете, поскольку они постоянно ходят за дровами и работают на кукурузных полях.

- Подчёркнутое целомудрие в одеждах, пришедшее с католицизмом. Им ещё неведомы раскрепощенные танцы, принятые в двух часах ходьбы в Ливингстоне, полном вызывающе одетых особ сомнительного поведения африканского происхождения, пляшущих в ультра-мини под афро-рок. Совершенно иная нравственная обстановка уцелела пока во многих отдалённых селениях страны, - комментировал Ромео.

Перед отходом ко сну, Моника спросила Ромео:

- Но, наверное, скромность женщин имеет здесь и свои издержки - деспотизм патриархата в семьях, битьё женщин?

- Не сказал бы, чтобы жён часто били, - ответил Ромео.

– Да и нужен за женой должный присмотр. Вот в городах у нас растёт проституция. Беременеют, правда, и здесь иной раз без браков. Но, где такое не случается. Но проституции на селе нет.

Перед сном староста заявил им, что два охранника будут спать внизу на случай чего.

- Полноте, но уж в таком-то месте даже в Гватемале преступности не должно быть. Народ добр и приветлив, - удивилась Моника.

Но староста настоял на своём. С утра у входа их ожидала дама с младенцем, плотно закатанным в платок, подвешенным за спину в мешке с налобной повязкой, и ещё двумя чадами пяти и шести лет. Она говорила по-испански не очень, но знала все тропы, в отличие от Ромео. К ним подошёл бойкий парень, заявивший, что он владеет кастельяно. Оказалось, что у трёх туристов уже три гида… Началась экскурсия по, раскинутой на немалой площади, деревне в девятнадцать семей. Участки сохранившегося леса чередовались с плантациями, выпасом коров, всюду бродили свиньи худобы неимоверной, ими доселе не виданной, словно бездомные псы. Убожество начальной школы поражало. Но в магазинчике имелся даже небольшой холодильник, привезённый на муле. Правда работал он не всегда, ибо электричество регулярно отключали. Речушка была жалкая, почти исчезающая в сухой сезон. В ней все стирают и моются. В истоках этого ручья установлен водозабор с фильтром и, по трубе, вода го-

нится насосом на холмик в бочку, чтобы потом, подавать по шлангам во все дома, имеющие в центре двора краны. Оказалось, что коров держат только на мясо, а молочное есть не привыкли. В традиционной деревне известна лишь солёная брынза. После осмотра и завтрака, Моника заметила, что их еда здесь, то есть - каждодневная крестьянская пища, куда более примитивна, нежели у крестьян Азии: курица без всяких пряностей, рис с томатом и маслом, но даже без лука, да паста из чёрной фасоли с тортийас, ибо маис и фасоль выращивают повсюду.

- На столе у них непременно нехитрый сермяжный супец возделывателей кукурузы из маисовой муки, слегка подмутнившей воду, и давно сваренных, застывших чёрных бобов. В особые дни они позволяют себе яичницу, - заметил Ромео, - а курица – и вовсе большая роскошь, пища праздничная. Основное их питьё - очень жидкий подслащенный кофе, а при случае – самогон вроде бренди. В бедных деревнях Гватемалы имеется понятие чахлые «кукурузные дети», взращённые только на маисе, с недостатком белка.

- А с мусором у них здесь не так уж скверно, - заметил Антон. - И сортиры на отшибе, а не прямо в воду выше по течению. В отличие от замусоренного Актинамита, здесь все отходы реализуются и окрестности не изгажены. Ведь массово завозить ничего без дорог и судоходных рек не могут. Лишь бы не сводили лес далее под плантации кофе, а что того хуже, ежели лес купят производители кожаного листа,

идущего массово на экспорт.

- В Гватемале я замечаю два основных типа индейских лиц, - сказал Глеб, - широконосые и треугольные горбоносые с большими глазами, напоминающие типаж Ремедиос Варо. С такими носами и представляешь себе майя по их древним барельефам.

- Нравятся тебе местные дамы? – лукаво спросила Моника.

- Только одна из них – рослая блондинка, которая морфологически заметно выделяется, - рассмеялся Глеб.

После лёгкого полдника двое парней повели их не по самой короткой тропе в Ливингстон, чтобы по пути посетить геологически необычное место, которое порекомендовал Ромео. Дошли до побережья, повернули в противоположную от Ливингстона сторону и, через минут десять, оказались в забытом Богом ресторанчике на пустынном побережье, с владельцем-гарифуну, который, по словам Ромео, берёт деньги за вход на его землю. Здесь Ромео отослал деревенских парней назад, поскольку дальше дорогу знал сам. Осмотрели странные пороги Семь алтарей - словно литые бетонные ванночки, между которыми низвергаются пороги не более пяти метров высотой. Хозяин ресторана отнёсся к появлению незнакомцев с полной апатией и продолжал цедить пиво из банки. Под конец Глеб спросил у расслабленного владельца заведения о том, как он может выжить при таком ко-

личестве посетителей. Негр оскалился и ответил весьма фамильярным тоном, примешивая английский к испанскому:

- No, my brother. Not a few clients. Элементарно: сюда порой заходят прогулочные пароходы с толпами оголодавших бездельников.

Глеб, готовый уже что-то приобрести у него, сразу же расхотел это делать. Хозяин начал требовать непомерную плату за прогулку по «его земле». Охотины очень усомнились в том, что все водопады принадлежат этому типу – уж слишком большая территория. В результате переговоров, заплатили в три раза меньше.

Потом пошли в сторону Ливингстона по побережью. Антон заметил, что он никогда не видел более грязного берега моря. Ромео согласился, рассказав, что воротилы прибрежного бизнеса собирают мусор в коммерческих целях, мол, тут можно и кое-что ценное отыскать. Среди мусора сидел одинокий, крупный стервятник урубу, залетевший с юга. Было что-то жалкое в этом зрелище.

- Пиратское море превращено в свалку! - сокрушался Глеб.

Моника попросила сделать остановку, чтобы искупаться в море. Несмотря на мусор, выброшенный на берег, оно выглядело весьма чистым и привлекательным.

- Только вы отойдите за поворот тропы, - сказала она, ибо я не надела купальник.

Трое мужчин побрели дальше, рассматривая мёртвых крабов и прочие дары моря. Вдруг они заметили, что Ромео исчез.

- Наверное пошёл разведать тропу, - сказал Антон. – Похоже, что ему стыдно от того, что до сих пор он не мог быть нашим проводником.

- Что уж там искать? – удивился Глеб. – Плоский песчаный берег проходим повсюду.

Когда Моника вылезла из воды и стояла на солнце, чтобы слегка обсохнуть, она почувствовала чей-то пристальный взгляд и резко повернулась. В редких кустах пытался спрятаться какой-то человек. Она быстро накинула одежду и шагнула к кустам, возмущённо спрашивая, какого дьявола ему нужно.

- Сеньора, - промычал смущённый, томимый вожделением, Ромео, вылезая из своего убежища, - я просто не мог иначе. Вы снитесь мне которую ночь! Простите, Бога ради, мою слабость. Лишь из высоких чувств к Вам, я позволил себе эту дерзость.

- Будет Вам юродствовать. Я ничего не скажу своим друзьям. Можете не волноваться.

- Это выше моих сил. Позвольте поцеловать Вашу руку…

- Прекратите этот дешёвый спектакль! Возвращайтесь первым, а я приду за Вами.

- Вы знаете о том, что в нашей стране насилуют каждый день? Чаще всего, угрожая огнестрельным оружием? Неред-

ко это случается с женщинами-гринго, которые особенно заманчивы для местных.

- К чему это Вы? Вроде бы у Вас оружия нет…

- К тому, что купаться в таком месте обнажённой красавице опасно. Это не дикие джунгли и тут кто-то обязательно проходит за день. А по мнению карибцев-гарифуну ни один человек не может жить без постоянного полового общения. Если вдова долгое время не находит нового знакомого, то рискует быть объявлена ведьмой, сосущей кровь у соседей и их скота, а это здесь куда хуже, чем прослыть проституткой, или даже лесбиянкой. Вдовец же, в такой ситуации, рискует прослыть оборотнем, если он не жрец вуду. Так что, с карибскими неграми шутки плохи. Они похотливы, как кабаны. К тому же, они могут навести порчу.

- По-моему впечатлению, - усмехнулась Моника, - не они одни столь похотливы. Похоже, что и креолы-гватемалтеки не меньше.

- Вы обижаете меня, сеньора. Я просто влюблён, как мальчишка и готов Вам предложить всё, что у меня есть. Я пришёл сюда, опасаясь, что чужой человек пройдёт мимо…

- Вы находчивы – вернулись, чтобы меня защитить вместо того, чтобы посоветовать вернуться Глебу! Мне всего хватает, сеньор Ромео. И я, увы, не Джульетта. Извольте идти к нашим и не тяните время.

По пути к Ливингстону Ромео указал им на странное сооружение, возвышающееся на основании из почти десяти-

метровых, сваренных из арматуры, ногах:

- Там живёт чудак-американец. Он, видимо, богат и заказал себе такой необычный дом. А поодаль вы видите вышку пониже. Это – его отхожее место, а под ним неглубокая яма, которая уже давно переполнена и изрядно смердит. Был я у него в гостях год назад. Но он мне не понравился – негостеприимный тип. Даже кофе не предложил.

- Могучее сооружение. Такое и ураган не снесёт, - вставил Антон.

- И что, он живёт один и не побаивается в столь криминальной стране? – удивился Глеб, разглядывая диковинные вышки.

- Наверное, не опасается. Денег у него там почти нет. Разве что кредитка. Впрочем, в этих местах преступность невелика. Все знают своих соседей, и чужак слишком бросается в глаза. Если что и случается, то только изнасилования в пьяном виде среди гарифуну, - при этих словах он взглянул на Монику.

После моста через речку начались пригороды Ливингстона, исчезла полоса пальм, стало грязно и тоскливо, а море отдалилось. В придорожной пыли парни-гарифуну играли в футбол и весьма обстоятельно. Индейцев встречалось мало.

- Они не любят друг друга, - подтвердил догадки гостей Ромео. – В Ливингстоне почти все – негры. Чтобы добраться до центра нам следует взять такси. Городок невелик, но

очень растянут вдоль берега.

После такси Ромео повёл их в ресторан со звучным местным названием.

- Тёплое название «Буга Мама», стало гарифунским «эвфемизмом» испанского «Боко Мадре», то есть – «Устье Матери», Божьей, разумеется, - с улыбкой вычитал Глеб из путеводителя.

В меню были упомянуты европейские блюда, и они с радостью заказали обильный рыбный ужин после одних тортийас с бобами. Охотины и Моника начали с известного гватемальского пива «Гайо» («Петух»), а Ромео хватил крепкого коктейля из ямайского рома с тамариндом и лимоном. Этого ему показалось мало, и он заказал пунш на сельтерской воде, с мускатным орехом, к которому прилагался полный стакан рома с сиропом из сахарного тростника, а также кусочки льда в розетке и блюдечко с тонко нарезанной цитронеллой. Взгляд Ромео тяжелел и, всё чаще, останавливался на, обтянутом джинсами, бедре Моники, выступающем в сторону от ножки тесного стола. Моника заметила предмет его пристального внимания и была рада, когда они покончили с ужином. Ливингстонский бродвей был полон туристов. В лавках лежала масса великолепных раковин по бросовым ценам, иногда и лакированных панцирей черепах, но было очевидным, что столь добротными могли быть лишь организмы, пойманные живыми, а следовательно, вкладывать деньги в эту торговлю - грех. Совершенно пьяный негр развалил-

ся у входа в кабак, раскинув ноги в шортах, затем вломился ползком внутрь и стал просить еду у сидящих за трапезой. Здоровенный вышибала вышвырнул его прочь. Молодёжь в клоунских одеяниях, прямо на улице, показывала на муляжах, как следует применять презервативы.

- И правильно, - заметила Моника, - иначе демографическая катастрофа в стране наступит.

- Но это же аморально. Вокруг столько несовершеннолетних слоняется – паскудство одно, - возразил Антон.

- Эти несовершеннолетние порезвее тебя будут, - фыркнула Моника.

- Не знаю, что ты хочешь сказать своими дурацкими намёками, - рассердился Антон.

- Аи се венда буэна комида! (там продают лучшую еду) – надрывалась рядом с ними особа более индейской внешности.

У входа в рекламируемый ею ларёк, на крючке висел панцирь суповой черепахи, а на столе под навесом молчаливый муж рассекал тесаком студенистые полосы черепашьего мяса и бросал их в кипящую в воду. Во второй кипящий котелок он швырнул несколько жёлто-мраморных яиц из чрева той же черепахи. Затем он нашинковал черепашье мясо кубиками и смешал с зеленоватым черепашьим же жиром, соскоблённым с верхней части панциря. Приправляя мешанину измельчённым пореем и красным перцем, он погрузил её в сковороду с кокосовым маслом. Дуэнья продолжала за-

влекать клиентов, а муж сосредоточенно варил черепаший бульон.

- Безобразие! – возмущался Антон. – Ведь эти черепахи давно под охраной закона!

В паршивой без, малейшей звукоизоляции, дощатой гостинице оказалось настолько шумно, что и пиво не помогло засыпанию. Помимо грохота с улицы, какой-то пьяный гарифуну стал вдруг за полночь орать и хлопать дверьми. Антон прокричал своим басом в его адрес гневную тираду по опыту Мехико, на минуту стало тише, но вскоре начались истерические женские вопли.

- Слушайте, ребята, там же бьют женщину! Как вы можете лежать, сложа руки? – громко спросила Моника.

- Судя по голосу, она пьяна. Не хочу пачкать руки, - мрачно отозвался Глеб.

- Ладно, брат, давай сходим к соседям. Нам завтра предстоит долгий день, а тут не только обижают слабого, но и нам спать не дают, - сказал Антон.

Охотины оделись и вышли в скрипучий, слабо освещённый, коридор. Глеб начал ломиться в соседнюю дверь, а Антон устрашающим басом возмущался вслух. Щёлкнул замок и в дверях показался силуэт дюжего мужика. Из глубины комнаты донеслись женские стоны. Когда братья высказали ему своё негодование, он рассмеялся и, зажигая свет, пригласил их войти, указывая на кровать, где возлежала вдрызг

пьяная чёрная девка, резвящаяся с двумя молодыми парнями.

- Это не насилие, мэ-эн, это наш праздник, - продолжал ржать, открывший дверь.

- В таком случае, сосед, попрошу считаться с тем, что мы устали и не можем спать от вашего шума, - примирительным тоном сказал Глеб.

- Окэй, май бразэр, - протянул здоровяк, расплываясь в сальной улыбке. – А то могли бы и вместе продолжить. У вас там тоже есть баба, а у нас ещё много выпивки. Не хотите разделить удовльствие?

- Благодарю. В другой раз, - сухо отрезал Глеб и братья удалились.

Около часа было довольно тихо, и они смогли уснуть, но потом началось что-то невообразимое. Скорее всего, соседи переусердствовали и причинили той девке боль. Она начала истошно орать и звать на помощь. Глеб постучал в перегородку, отделяющую их от комнаты Ромео, и потребовал его пойти вместе с ними, чтобы было трое на трое. Когда они вместе с Ромео стали стучать к соседям, вопли притихли, но никто не отпирал. Ромео был очень зол и высадил чахлый замок ударом ноги. Антон резко осветил соседское ложе фонарём, ослепив троицу мерзавцев, привязавших девку к ножкам кроватей, растягивая за все четыре конечности. Ромео выхватил нож и стал резать путы, связывающие девицу, но это вызвало неожиданную реакцию противника – один

из них, возможно, наиболее пьяный, схватился за свой дюжий тесак и бросился на креола. Ромео был тоже не слишком трезв, но оказался проворнее, отвёл руку нападавшего и обрушил удар рукояти своего ножа на его переносицу. Тот взвыл от боли, обливаясь кровью.

- Я вызову полицию! – заорал самый здоровый, который отпирал дверь в первый раз.

Было очевидно, что он струхнул пуще остальных. Третий тип был уже не в состоянии даже встать на ноги.

- Я тебе сейчас тут устрою такую полицию, что будешь до конца дней платить все свои гроши докторам! – рассвирепел Ромео, которого Глеб оторвал от сладких грёз по Монике. С этими словами он замахнулся ножом на безоружного громилу и Антону пришлось его останавливать.

- Развяжи девку, дон Ромео, - сурово велел ему Глеб, - и вышвырни её отсюда прочь. Тогда они уснут и оставят нас в покое.

- Не имеете права! – разорялся здоровый, явно перепугавшись. – Мы оплатили её! Я буду жаловаться!

- Иди в муниципалитет, ублюдок, и жалуйся хоть остаток дней своих. У меня связи в столице. Придёт приказ из полицейского управления, и ты останешься гнить в тюряге. Этого хочешь? – спросил Ромео.

Девку прогнали и воцарилась тишина. На утро Охотиных с Моникой разбудил частый, нервный стук в дверь. Раздался тревожный голос Ромео:

- Нам надо бы поскорее!

- А что такое? – спросил заспанный Глеб, не вставая.

- К утру здесь побывал хунган!

- Что ещё за дьявол такой?

- Это – жрец вуду. Весь пол в коридоре перед нашими дверьми усыпан мукой и по ней начертан веве…

- Что за веве?

- Символ лоа…

- Не суть. Но негры собираются отомстить за вчерашнее: надо сматываться.

3. В стране нынешних майя

Я одержим подозрением о существовании иного порядка вещей, более таинственного и менее постижимого.

Х. Кортасар

Подсуетившись и не позавтракав, они взяли первыми билет на судно в Пуэрто-Барриос. Было приятно плыть, при свежем утреннем бризе, подальше от паскудного Ливингстона. Ромео бойко повествовал о пещере, что будет видна с дороги от порта, где недавно была колония летучих мышей, которую местные мафиози начали выкуривать, чтобы построить там дискотеку. «Фондеэко» был бессилен помешать этому варварству. Остатки колонии мышей просто отравили… Затем он рассказал о том, что крупные мафиози в этом райо-

не имеют даже свою метку на грузовом транспорте, что принимает товар из порта.

- Обратите внимания это – «Н», что подразумевает первую букву имени крестного отца Эрнана (Hernan). Его боятся многие вплоть до самой столицы. Водители и охрана всех его автомобилей вооружена особенно тщательно, и даже полиция предпочитает не останавливать машины с такой меткой. А вон на том скалистом островке, - добавил Ромео, - жил некогда знаменитый пират по прозвищу Эль Диабло – Дьявол.

- Мне думается, что в те времена жизнь была менее паскудной и люди были немного честнее перед собой и Богом, - заметил на это Антон.

- Всенепременно! – согласился Ромео.

- Предрассудки! – немедленно возразила Моника. – До возникновения свобод послевоенной западной демократии, жизнь была ещё более жестокой.

- Ох, не уверен, дорогая, - покачал головой Глеб.

- А ты, вообще, ни в чём никогда не уверен, - Моника отвернулась, скривив губы.

От Пуэто-Барриос пришлось возвращаться на автобусе до Эль Эстора с пересадкой, а потом гнать той же дорогой почти полпути назад, чтобы посетить Боско сан Гиль – место, по словам Ромео, необычное.

Немного не доехав до трассы Пуэрто-Барриос-столица,

свернули на грунтовку, ведущую в охраняемую зону массива Сьерро Сан Гиль.

- Да, тут горный массив всего на всего до 1350 метров, - разочаровано произнёс Антон, глядя на карту. – То есть, низковато для леса тумана.

- Зато, - оживился Ромео, - здесь много крупных деревьев с досковидными корнями, как вы любите, друзья мои. Кроме того, имеются кабаньос в тихом, глухом месте – прямо в лесу. Ещё тридцать лет назад здесь не было дороги и никакого земледелия. Говорят, до этого тут прятались повстанцы Че Гевары.

- Похоже, что с тех пор всё вырублено до начала гор, которые ещё кое-как сдерживают крутизной от повального засевания ананасом, - проворчал Глеб.

Далеко внизу блестела гладь озера Изабаль. Масштаб ананасовой плантации поражал: насколько хватало глаз склоны холмов были усеяны куртинами юкковидных, зазубренных листьев ананаса. По другую сторону преобладали маисовые поля и рощи масличных пальм.

- Листья этих пальм традиционно используются для крыш, которые служат от пяти и до десяти лет, - рассказывал Ромео.

Джип оставили у знакомого Ромео владельца лавки и, пройдя пешком до последнего дома, под тявканье своры невыразимо тощих собак, они переправились босиком вброд через небольшую речку. Далее набитая тропа для туристов

вела вверх по склону массива.

- Туристы ведь бывают здесь крайне редко, от чего тропа столь широка? - спросил Антон.

- Дело в том, что она также служит и для студентов-практикантов, биологов из столицы, - ответил Ромео.

Вскоре, на гребне, возникли два симпатичных прозрачных, опутанных москитьерой, домика. Ромео уверил клиентов, что место совершенно безопасное и они оставили там свои мешки, углубившись в лес. Пересекли буферную зону ограниченного воздействия и оказались в коренной зоне первичного леса, который, по словам Ромео, тянется узкой полосой длиной в почти шестьдесят километров по основному гребню к Атлантике.

- Так что не думайте, что этот лес мал и не стоит внимания. В нём есть даже тапиры! Воду можно пить в ручьях спокойно, как и в Лас Минас. Более нигде, в этой стране, теперь не рискнешь напиться, - не утихал Ромео. – Если шагать прямо целых два дня, мы перевалим через хребет и спустимся к Атлантике к порогам Лас Эскобас. Но, если вы решитесь пойти по таинственной ветке тропы вправо, вы упрётесь в место, называемое Госпиталь. Мне раз поведали сведущие люди, что во время Вьетнамской войны, некий французский врач, купил то место и создал там реабилитационный госпиталь для ветеранов войны. Немало их приехали к нему лечиться от стресса в тиши леса. Через несколько лет, местные жители обнаружили госпиталь полным трупов, а врача

исчезнувшим. Все тридцать пять пациентов лежали в своих кроватях мёртвыми! Их уже засидели мухи, стоял смрад разложения. Никаких следов насильственной смерти не нашли и погребли, так и не узнав, отравлены ли эти несчастные. С тех пор, там остались одни руины и народ побаивается ходить по той тропе. Сельва берёт своё: руины поросли лесом и скоро перестанут быть различимыми. Может этот врач был из секты «Народный Храм» Джима Джонса? Кто знает… В Гайане, куда они приезжали и скрывались в джунглях, в 1978 году лидер этой секты призвала девятьсот десять человек покончить с собой, выпив яд, в другом месте, запамятовал, где – совершить самосожжение.

- Н-да уж… мрачноватые места, - произнесла Моника напряжённым голосом.

Чёрное белкоподобное существо с маленьким хвостом мелькнуло невысоко в ветвях, зловеще захохотала невидимая птица. По пути назад, казалось, что орут ревуны, но то был шум воды в водонапорной бочке над кабаньос, в которую вёл шланг из верхнего ручья. Начинало смеркаться, когда к приюту подошёл охранник, он же - местный сотрудник, обычно работающий с орнитологическими экспедициями - необразованный, из местных крестьян, но оказавшийся своего рода энтузиастом - орнитологом в душе и защитником природы. Когда он говорил о птицах, в голосе его сквозило умиление. Этот сухенький, мелкий человек носил странное имя Обдулио.

- Умей я поприличнее по-гишпански, спросил бы непременно, а не мусульманского ли происхождения его имя, - сказал Глеб брату по-русски. - Но с корявостью моего испанского можно и обидеть человека.

- Холодает – перелом к сухому периоду заметен, - сказала Моника. – Приятная свежесть, хотя и совсем не высоко. И что совсем уж в радость - джунгли вовсе без москитов - чудеса!

Летучая мышь, по-видимому, отчаявшись поймать хоть какое-либо насекомое, оголтело носилась кругами и норовила врезаться прямо в их головы. В домике они заметили немаленького паука, и Моника попросила Глеба аккуратно вынести его за дверь. Оказалось, что Обдулио принёс им ланч-пакеты с хорошо знакомыми фриколес и тортийас. Все с удовольствием ими поужинали.

- Хотя здесь ниже тысячи метров, похоже на то, что ночью придётся натянуть на себя всю имеющуюся одёжу. Одеяла на нарах, не предусмотрены, - сказал Антон.

- У меня почти все шмотки остались в машине. Остаётся надеяться, что Глеб будет согревать меня всю ночь, - улыбнулась Моника.

- Непременно, моя милая, - бодро откликнулся Охотин.

Если бы они встретились глазами с Ромео, слышавшим их беседу, то оба бы поразились тихой ярости в его взгляде.

Рано утром путешественники спустились с холмов к де-

ревне и вскоре уже мчались в джипе в сторону национального парка Сьерра де лас Минас.

- Тут по пути есть небольшой, но приятный заповедный лес Монтанья Чиклера, - сказал вдруг Ромео. – Я бы посоветовал сначала посетить его. Много времени не займёт, а можно даже искупаться в чистейшей воде под водопадом.

- Я за! – обрадовалась Моника. – В последнюю ночёвку и душа-то не было.

Вскоре они свернули с трассы по грязной грунтовке, но найти проезд к началу леса оказалось не так просто. Лес был без особых ботанических изысков, но оказался приятным минут через десять, когда перед путниками возник водопад Диабло с глубокой скальной ванночкой.

- Никто эти леса не охраняет, но поблизости нет сёл, земли пока хватает, поэтому он, до сих пор, уцелел, хоть и невелик, - рассказывал Ромео.

Моника тут же полезла в скальную ванночку в своём, весьма откровенном, бикини и Ромео просто не нашёл более душевных сил всё это видеть. Купальник Моники лишь весьма условно скрадывал некоторые детали соблазнительных её частей тела на предельно малой площади. Ромео отвернулся и отошёл подальше, делая вид, что рассматривает растения. Вдруг Глеб заметил, как к босой ноге, плавающей кругами Моники, приближается полутораметровая серебристая змея.

- Ой, смотри! – растерянно крикнул Глеб и шлёпнул по

воде палкой. От шума змея изменила направления и лениво уплыла под нависающий камень. Моника даже не поняла в чём дело и продолжила свои круги. Вскоре змея появилась вновь, позволив Антону себя заснять и потрогать за хвост.

- Не бойся, Глеб. Общеизвестно, что пресноводные не ядовиты, - успокоил он брата. – Сцена словно в «Андрее Рублёве» Тарковского: «Ой, змея!» - «Что?» - «А – пустое». Помнишь?

- В самом деле, - улыбнулся Глеб.

Возвращались к джипу вдоль водозабора. По пути встретили маленькую бурую змею, скорее всего отнюдь небезопасную. В безоблачном небе парили большие грифы урубу и тёмные пеликаны с силуэтом птеродактиля.

- Недавно в гостинице, близ этой трассы, трое юнцов, угрожая огнестрельным оружием, изнасиловали двух молодых голландок, - с упоением рассказывал по пути Ромео, выразительно глянув на Монику. – Главное, что безнаказанно. Полиция их так и не поймала.

Довольно быстро добрались до посёлка Сан Аугустин-Акасагуастлан, где Антон вовремя не сбавил скорость и джип неожиданно так подскочил вверх, что они могли бы перевернуться, слетев за обочину под откос.

- Что за дьявол? – воскликнул Глеб.

- Но там же висело предупреждение о томулос, - невозмутимо заметил Ромео.

- А что это такое? – спросил, вспотевший от напряжения, Антон.

- То же самое, что и «спидбрекер» по-английски. Вы же исколесили половину страны. Как может быть, что вы не знаете до сих пор слово «тумулос»? Их делают в иных местах почти такими высокими, как бордюры – эдакие стенки посреди дороги. Низкие легковые нередко ломаются, так как не всегда вывешиваются предупреждения о тумулос. Но без них неосмотрительные шофёры сбивали бы сельских детей.

Они остановились на одной из улиц селения, Ромео высунулся из машины и спросил мрачного крестьянина с мачете на ремне, как им попасть на дорогу к Эль Симиенто, а если он не знает, то может быть ответит, где находится контора неправительственной организации, занимающейся охраной заповедника. Мачетеро молча повернулся к ним спиной, что, само по-себе - неслыханная, в здешних краях, грубость.

- Народ, как правило, приветлив на редкость. Что это с ним? – удивилась Моника.

- Он, таким образом, выражает протест местной бедноты, коей, порядка двадцати лет назад, запретили рубить лес, бывший до того, вроде как, ничейным, - ответил Ромео.

После того, как Моника спросила встречную женщину о конторе, та молча указала рукой направление. В конторе их встретил любезный, владеющий английским, парень-гид, который уверил, что скоро прибудет джип-пикап, с открытым багажником за четой пуэрториканцев, а их с утра ждут от-

правки в заповедник. Тогда, объяснил он, можно будет к ним присоединиться, чтобы добраться по очень крутой дороге до базы заповедника. Затем парень представился местным проводником, сотрудником национального парка и добавил, что их джип следует оставить в гараже конторы. Походило на то, что он демонстративно игнорирует столичного жителя-Ромео и обращается только к клиентам. К ним подошла и чета клиентов из Пуэрто-Рико - микробиолог с эспаньолкой, как полагается учёному мужу, и жена его родом из Колумбии. На стремительно взбирающейся в гору грунтовой дороге, старая «Тойота» начала издавать непотребные звуки. Казалось, что вот-вот мотор заглохнет, но всё же она сдюжила. По пути ещё прихватили местную даму с дочкой и тюками. Им предстояло готовить пищу для заезжих туристов. На границе заповедного леса, к ним подсел крепкого телосложения молодой гид с грубоватым, но открытым, симпатичным лицом, который отомкнул своим ключом висячий замок железных ворот. Начался густой длиннохвойный сосновый бор с папоротниково-бамбуковым подлеском. Здесь пикап увяз в скользкой жёлтой глине и на колёса пришлось одеть противогололёдные цепи. Так проплелись ещё пару километров и окончательно засели в глубокой луже. Далее шли пешком с полтора километра. Их обступил классический лес тумана во всей красе, вокруг возвышались гигантские дубы-роблес метров по пятьдесят, увешанными тоннами эпифитов - лес на лесе.

На травяной поляне, где была старая вырубка, среди фантастического, высокоствольного леса, возникли кухня-едальня, а за ней - три кабаньос базы Лос Арболес (Деревья). Всё было очень аккуратно сколочено из досок, а аскетичные дощатые кровати покрывали чистейшие простыни. Унитаз оказался с «экологическим сливом», душ - без горячей воды, как и задумано. Из крана течёт родниковая вода, на окнах москитьеры, освещение от солнечных батарей – эдакий экологический рай.

- Построено всё это было в 1990 году для научных сотрудников, изначально, на месте начала вырубки. То есть, место, всё равно, было уже расчищено, - рассказывал местный гид Хулио, на которого ревниво косился Ромео. - В конце шестидесятых годов сюда проложили эту грунтовку - было задумано свести весь остаток леса тумана страны под чистую! Но, к счастью, шведские биологи, заметили такое варварство, и Швеция выкупила лес у двух латифундистов с зудом в руках и долларами в глазах. Четвёртый по площади, из уцелевших лесов тумана Центральной Америки, наш парк Лас Минас имеет 6643 квадратных километров. Прочие участки, теперь тоже заповедные, в Гондурасе, Никарагуа и Коста-Рике. Но растительный состав в каждом из них уникален. Более того, отдельные участки имеют неповторимые нигде в мире растительные сообщества! Леса тумана на этой широте бывают только на высотах 2700 – 3100 метров, к тому же, только на

склонах, обращенных к Атлантике.

- Да, уж очень ограниченное распространение, что не есть хорошо, - вставил Антон. – В то время, как в Эквадоре они, хотя и в карликовом виде, доходят почти до 4000 метров.

- Наверное Вы – наш коллега, сеньор? – улыбнулся Хулио.

- Есть такое, - кивнул Охотин.

- А какие температуры тут бывают на вершине гребня? – поинтересовался микробиолог, почёсывая эспаньолку.

- Высшие точки хребта Лас Минас едва превышают три тысячи, но, в разгар зимы, на гребне, то есть между двумя с половиной и тремя тысячами метров, бывают ночи до минус пяти, что не мешает феерически-экваториальному буйству растений, - ответил Хулио. - Сейчас финансирование заповедника теплится от подачек немецких и английских природоохранных организаций, но начинается и проект Голландии. Будущее нашего уникального леса тумана покрыто туманом, - гид вздохнул.

- А какие самые уникальные виды растений у вас здесь? – спросил Антон.

- Пожалуй это гиганты роблес, семейства керкус, - ответил Хулио.

- Эти дубки достигают высоты до семидесяти метров! – проявил свои познания Ромео, совершенно оттёртый в сторону.

- Имеются и крупные древовидные папоротники двух видов, - продолжил Хулио. – Ну, и бессчётное количество

видов папоротников-эпифитов, таксодиум с подокарпусом, кактусы-лианы, бромелии, которые накапливают между листьями до девяти литров дождевой воды, есть и монстеры

- Да что перечислять все эти виды? Показывать надо! Вы, наверное, привыкли со студентами работать, а не с туристами, - вставил Ромео своё «веское» слово.

- Положим и мы были когда-то студентами. А вот молодые люди из Канады – совсем недавно, - улыбнулся пуэрториканец.

- В отличие, от изрядно порубленных древними майя, лесов Юкатана, леса этих гор пока первозданны, - вдохновлённо произнёс Антон, со светящимися очами.

- В самом деле, пора бы и начать показывать, а то стоим и сотрясаем воздух, - заметила Моника.

- Полностью согласна с Вами, - приветливо улыбнулась ей супруга микробиолога.

- Пойдёмте, сеньорас и сеньорос! – пригласил их Хулио на экскурсию. - Лес сей, помимо всего, поддерживает более–менее, режим крупнейшей в стране реки Мотагуа, которая, из-за массовой вырубки горных лесов с шестидесятых годов, измельчала, стала мутнее от хронической эрозии, а до пятидесятых она была судоходной! И климат меняется не в лучшую сторону от вырубок. Становится суше в целом, что ставит будущее охраняемых последних участков леса под сомнение. Засуха юкатанских муссонных лесов этого года - яркое доказательство реальной опасности!

- Пока ещё, попадая в такой лес, ощущаешь огромную разницу влажности воздуха, по сравнению с юкатанскими равнинами, - сказала Моника.

- Эти древовидные папоротники, в сочетании с плаунами и мощными мхами, придают лесу совершенно доисторический вид. Не хватает лишь хвощей-гигантов и лепидендронов, так, что почти уже тянет на каменноугольный период, - восторгался Глеб.

Хулио оказался не только энтузиастом охраны природы, но и знатоком целебных растений, показал им и излюбленный плод кецалей – агуакатито - зелёные эллипсоиды, а так же - пиньо дель коче-кабаний ананас, который едят кочес дель монтэ.

- Как я понимаю, - шепнул Антон Глебу, - речь идёт о горных свиньях, то есть - о местных пекари.

- Уверяю вас, что здесь последнее место в Гватемале, где ещё уцелели пумы, оцелоты, тапиры, любящие молодые побеги бамбука, а также - мелкие муравьеды, - поведал Хулио.

- С тапиром связано немало индейских легенд, - вставил своё слово Ромео. – После ужина я расскажу вам некоторые.

Хулио несколько раз героически ловил очень ядовитых лесных гадюк с помощью рук и одной палки, брал их за голову, давая рассмотреть клиентам, затем, гладил брюхо и отпускал. Моника была в восторге, а взгляд Ромео, обращённый на Хулио, становился всё более завистливым и неприязненным. Показал им Хулио и жёлтую тонкую древесную

змейку, очень мелкую древесную лягушку, странных, скромной окраски, чёрно-бурых колибри, мелкого зелёного тукана с острым клювом - туканито, который ест птенцов кецалей.

- Какой поганец! – воскликнула жена микробиолога, услышав такое. – Надо бы поумерить численность туканитос!

- Смотрите, там – на верхушке дуба, сидят очень пёстрые птицы. Это – авроры – близкий к кецалю вид, - указал Хулио на высоту метров в сорок.

- Ну уж Вы нам самого кецаля, будьте добры, покажите! – покачал головой Ромео. – А то – аврора. Да в любом лесу, если поискать, аврора Ваша найдётся. Не для того сюда ехали, не за аврору столько платили.

- В самом деле! – поддакнул ему микробиолог-пуэрториканец.

- Обещать не могу. Кецалей сильно истребили ещё древние майя, - с неприязнью глядя на коллегу, откликнулся Хулио.

- Конечно же, Хулио, - обворожительно улыбнулась ему Моника, смерив Ромео презрительным взглядом. – Мы понимаем, что никакой Вашей вины нет в том, что мы вряд ли увидим кецалей.

Экскурсанты вскарабкались на скалу, торчащую невысоко над лесом. Открылась панорама туманных пологих вершин с губчатой поверхностью густых крон, скрывающих нечто неведомое.

- А вот помёт оцелота, - сказал Хулио, указывая на под-

сохший серый комочек на скале. – У нас они – почти вегетарианцы.

Пуэрториканка с упоением растёрла на ладони дерьмо, пытаясь определить меню зверя, к великому негодованию мужа, которого изрядно покоробило.

- Старые деревья настолько перегружены тоннами эпифитов, зачастую, с огромными клубнями, что роняют при ветре огромные ветви, а это весьма опасно для незадачливых прохожих, - заметил Ромео.

К ужину все вернулись в кабаньос и, в ожидании приглашения, жена микробиолога извлекла из чемодана увесистый мольберт и уселась писать акварелью синих птичек, слетающихся к ней в неестественных количествах, подобно бабочкам в романе Маркеса. Иные садились к ней на плечо.

- Брось, дорогая, уже не время. Всё равно не успеешь, - обратился к ней муж, но она молча проигнорировала его реплику.

- От чего бы тебе не заняться рисованием, Моника? – ласково спросил Глеб.

- Может быть, ты стал завидовать её мужу? – улыбнулась Моника.

Солнце зашло за горный гребень и стало совсем свежо.

- К утру, глядишь, немного выше нуля будет, - потирая руки приговаривал Ромео, совершая круги вокруг Моники, томно развалившейся в шезлонге.

После вкусного и плотного ужина начало темнеть и Охо-

тины предложили Монике пройти в лес понаблюдать за появлением ночных животных. Стрёкот цикад крепчал, но Моника отказалась, сославшись на усталость. Братья сказали, что сходят на полчаса недалеко. Ромео тут же принялся рассказывать Монике необычайно скабрезные, полные грубого насилия легенды о тапирах-ловцах женщин и их порочном потомстве от, изнасилованных ими, индейских женщин.

- Но к чему мне всё это выслушивать, дон Ромео? – с удивлённым видом спросила Моника.

- А к тому, что один такой тапир бродит здесь неподалёку и Вы ему приглянулись, - масляно улыбнулся Ромео.

- Это Вы, что ли, такой тапир?

- Нет, почему же, смутился он, - в джунглях засел настоящий, который наблюдает за сеньорой. По туземным поверьям, тапир – большой, лесной чёрный человек, который всегда добивается своего.

Рано утром, разочарованные отсутствием кецалей, пуэрториканцы уехали вниз на подоспевшем, вроде бы отремонтированном, пикапе, на котором прибыли и двое суровых проводников-индейцев из дальней деревни, которым предстояло провести оставшихся туристов по джунглям в сторону водопадов Чиласко (с ударением на «о»).

Трое скитальцев поспешили покинуть Лос Арболес и углубиться в наиболее дикие дебри Гватемалы. Без проводников найти тропу к противоположному, северо-западному

углу национального парка им было бы отнюдь не просто. Миновав чисто бамбуковые заросли, проводники начали свистеть и подвывать по-кецальи и какие-то птицы отвечали им. Оба индейца уверяли, что это именно кецали, но из-за густоты крон, увы, птиц было толком не разглядеть. Лишь порой мелькало что-то пёстрое на кронах, вознёсшихся метров на шестьдесят с лишним. Так, мельком, увидели туристы пару прекрасных птиц - символа страны. Но убедительно показать, что это были кецали, а не авроры, проводники не смогли. Они рассказали на своём слабом испанском, что в этих краях до сих пор имеются браконьеры, добывающие кецалей. Перья стоят немало на чёрном рынке. Одного, весьма криминального типа, в округе народ побаивается, но посадить не могут за одно браконьерство – нет такого закона. Моника тщетно щёлкала затвором своего аппарата, надеясь приблизить птиц своим объективом. Пересекли множество ручьёв в глубоких оврагах, из которых можно было пить даже в этой перенаселённой стране. По таким ложбинам было заметно особое буйство древовидных папоротников, точно, как со знакомой Охотиным с детства гравюры из тома «Жизни Растений» Кернера. Правда на ней был изображён горный лес на Цейлоне. Гравюра та питала воображение юных братьев, побуждала мечтать о дальних путешествиях. Пересекли полосу поваленного леса. Антон уже было начал возмущаться, что «они и сюда добрались», но оказалось, что лет семь назад здесь прошёл ураган и оставил такую отметину на

открытом ветрам перевале. От приземистого, но очень толстого дерева они спустились в лог к одинокой хижине для сотрудников заповедника. Это было место, едва защищённое пальмовой кровлей, стенами, грубо сколоченными из горбыля, и земляным полом. В середине единственной комнаты был сложен нехитрый очаг и проводники тут же раздули костёр, начав подогревать готовые рис с фасолью, взятые на базе. Затем вскипятили и обычный «желудёвый» кофе-кофесито.

- Уж не взыщите, что в нашей кофепроизводящей стране, кофе отличается скверным качеством. Правительство гонит на экспорт отменный кофе. Не зря говорят, что Гватемала - парник Соединённых Штатов. Даже красивых ананасов не купишь. Всё внутри страны лишь второсортное, - Ромео вздохнул.

- Большой брат, восстановивший им экономику после гражданской, жуёт их рябчиков, - сказал Глеб брату по-русски.

Рядом с хижиной красовался плетённый пальмовый сортир, с давно принесённым на чьём-то горбу, унитазом, специально для туристов. Истинных любителей природы такой «белеющий артефакт», конечно же, раздражал. После трапезы Моника поспешила посетить это заведение. В это время более молчаливый проводник неожиданно оживился, воскликнув:

- О, Диос - армадийо! (О, Боже - броненосец!)

И ринулся за каким-то приземистым зверьком с неимоверной скоростью. Тропы были скользкими, а вокруг хижины всё было истоптано, обнажив жёлтую глину. Броненосец метался рывками во все стороны и индеец, еле поспевающий за ним, тоже совершал крутые повороты, пока его скверные ботинки, с подошвой без рельефа, не вынудили его, пролетев добрую сажень в воздухе, задеть плечом шаткое отхожее место и распластаться возле него. В последний миг он почти ухватил за скользкий хвост броненосца, но зверь выскользнул, исчезая в глубокой норе. Всё было бы не столь драматично, если бы лёгкая плетёнка сортира не рухнула, открыв, восседающую на унитазе, Монику на всеобщее обозрение. В первые секунды лицо её выразило испуг и возмущение, но она быстро овладела собой и, как ни в чём ни бывало, встала во весь рост, натягивая джинсы. Глеб инстинктивно тут же поднял лёгкую конструкцию и поставил её в качестве ширмы между Моникой и, алчно уставившемуся на неё, Ромео. Когда Моника покинула возвышение с унитазом, Глеб с лёгкостью установил над «керамическим артефактом» почти не повреждённые плетённые стенки, а, вскочивший на ноги виновник происшествия, вернул на прежнее место и, повергнутую наземь, крышу.

- Какого чёрта? – недовольным тоном спросил индейца Ромео с оттенком превосходства в начальническом тоне.

- Армадийо вкусны, сеньор, простите, - смущённо отвечал индеец.

Охотины и сама Моника начали несколько искусственно смеяться, чтобы не дать повод Ромео начать отчитывать незадачливого индейца.

- Тоже мне – гурман, - проворчал Ромео. – Простите его, деревенщину, сеньора.

- Он не нуждается ни в чьём прощении. Кстати, от него толку в походе гораздо больше, чем от некоторых. Гид Хулио был тоже делом занят и не воображал себя клиентом, - едко заметила Моника.

Какое-то время они шли по заброшенной грунтовой дороге, проложенной лет тридцать назад, когда здесь проводились порубки. Крупные деревья по обе стороны колеи исчезли, что сделало лес несопоставимо скучнее, после первозданного участка. Разговорчивый проводник обнаружил свежие следы дюжего тапира, а угрюмый находил их много раз до самого вечера, каждый раз восклицая: «тапЫр!», за что получил от Охотиных кличку Тапёр. Иногда он брал пальцами свежий кал тапира, растирал, принюхивался. На недоумённый взгляд Глеба, Антон заметил, что это вполне нормальное поведение, как для опытных охотников, так и для скатологов. Знаток мог определить, когда животное опорожнилось, то есть – прикинуть расстояние, остающееся до него. Пошёл вялый дождь и красная глина на тропе, сменившая жёлтую, оказалась ещё более скользкой. Антон поинтересовался почему тропа здесь настолько торная, что не успевает зарастать. Объяснить этого проводники не смогли. То-

гда Охотин стал задавать наводящие вопросы, но ответ был твёрдым: здесь проходит очень мало людей. От силы человек пять в год. Вскоре колея исчезла и начался великолепный первозданный участок с дубами под шестьдесят метров, увешанных тяжеленными эпифитами. В сумерки они подошли к более добротной хижине с дверью на висячем замке, ключ от которого имелся у проводников. Внутри было единое помещение, но с деревянным полом. Отдельно стояла плетёная пальмовая кухня и такое же отхожее место. Воду надо было таскать из отнюдь неблизкого ручья. Все, кроме Моники сходили в глубокий лог к ручью с ведром по очереди. Индейцы пытались не позволить клиентам носить воду, но Охотины настояли на своём. Ромео порывался сходить даже не один раз, спрашивая, не угодно ли сеньоре побольше горячей воды. Моника отнеслась к его вопросам без особого воодушевления. Оказалось, что в укромных местах индейцами были припрятаны соль, сахар и котелок. В спустившейся темноте оказалось, что вокруг хижины порхают сотни ярких светлячков, делающих ночной лес совершенно потусторонним.

- Блуждающие огни! – с восторгом приговаривала Моника.

Глеб каждый раз умилялся по поводу детской восторженности своей избранницы, иной раз замечая это вслух. Поначалу эта черта Моники импонировала и Антону, но вскоре стала казаться ему неискренней. После ужина все сразу улеглись спать в своих спальных мешках по периметру комна-

ты прямо на деревянный пол. Ближе к двери, по углам, легли оба индейца, а Моника спала в углу между Охотиными, лежащими вдоль длинных стен. Ромео лёг у стены напротив. Среди ночи Моника проснулась от того, что кто-то водил тяжёлой рукой по её седалищу. Сначала она удивилась: с чего бы это Глеб вдруг проснулся и подкатился к ней в помещении, набитом посторонними? Было совершенно темно, не считая едва заметных угольков, тлеющих в очаге. Тяжёлая рука скользнула в спальный мешок и ухватила госпожу Пиркхаймер за грудь, начиная разминать её. Моника взяла пальцы этой руки в свои руки и тут же поняла, что это не Глеб: то были короткие мясистые пальцы и ей стало ясно, кто забрался к ней в мешок. Моника перевернулась с бока на спину и нащупала другой рукой свою походную палку, вырезанную Глебом специально для неё, чтобы не скользить на глинистых склонах. Рука Ромео уже пыталась отогнуть свитерок Моники, чтобы забраться под него. В этот момент Моника крепко сжала палку у тяжёлого её конца и врезала едва выступающим из её кулака концом по голове Ромео, видя её очертания на фоне углей. Пылкий гид издал глухой стон и тут же, червём, откатился в своём спальнике через всю комнату к противоположной стене. Утром Ромео натянул свою панаму на лоб до предела, хотя они находились под крышей, да и хижина стояла под густым сводом леса. Этому удивились все, кроме Моники.

- Вам холодно, дон Ромео? – участливо спросил разговор-

чивый индеец, скрывая издёвку.

- Да. Надуло мне ночью в голову, - пробурчал в ответ Ромео. – Отогреюсь скоро.

- На солнце надо будет походить с открытой головой и всё как рукой снимет, - невозмутимо заметила Моника. – Но ещё лучше пойти за водой и окунуть голову в ручей, - добавила она совсем тихо, оказавшись рядом с Ромео.

Тот смутился окончательно, но решил последовать второму её совету, схватив пустой котелок. После завтрака потянулся чисто сосновый лес, и они подошли к границе заповедника. Здесь начинались хаотические порубки, но пока было совсем безлюдно. За час с лишним, по гужевой дороге, они дошли до финки, как называли здесь усадьбы, или латифундии, за которой уже автомобильная грунтовка вывела к крошечному поселку Чиласко с убогими дощатыми хижинами с пальмовыми кровлями, множеством неумытых детей, горами пластикового мусора повсюду. Но даже в таком обличии это село не было лишено очарования. В центре возвышалась простая церквушка, у которой, посреди дороги, спал тощий старый пёс.

- Готовая сцена для хорошего вестерна, - заметила по этому поводу Моника.

Туристов привели в зажиточную, по местным меркам, семью, владеющую приютом и ресторанчиком. Постоянный шум от посетителей едальни и неимоверного количества, носящихся вокруг, детей, гам и смрад от курятника напротив,

вой собак и надрывающееся радио, не слишком обнадёживали.

- Колоритно, конечно, но не отдохнёшь здесь, - проворчал Глеб. – А завтра нам предстоит долго сидеть за рулём.

- Не ворчи. Они здесь рано ложатся спать, - сказала Моника.

- Не уверен. Ресторан, единственный в округе – такое место, куда стекаются все бездельники, любящие посплетничать. Что-то вроде маркесовского Макондо – гватемальский вариант.

- Окна без москитьер, заметьте. Одни ставни, - произнёс Антон, глядя на головы детей, подтягивающиеся к подоконнику, чтобы взглянуть на гринго. Их вид вызывал у детей природы искреннее веселье.

- Говорят, москитов тут нет, - натянуто улыбнулся Ромео, машинально ощупывая свою шишку на лбу сквозь панаму.

Вторая половина дня промелькнула незаметно в ленивом ничегонеделании. Поглазели на роющихся повсюду свиней, кур, детей, побродили до окраины леса и назад. В сумерки шумы постепенно стихли и ночь прошла совершенно спокойно. После завтрака давно знакомый пикап, прибывший из Сан Аугустин-Акасагуастлан, провёз их недалеко к началу тропы, ведущей к самому высокому в стране водопаду Чиласко. Спуск в ущелье был долог и крут. Мусора, увы, хватало повсюду, хотя вдоль тропы установлены мусорные баки. Но вид сверкающего ста тридцатиметрового водопада среди

пышного леса тумана, полного папоротников, впечатлял.

- Сорить - в крови у тропических народов, ещё недавно пользовавшихся лишь обёртками из листьев вместо пластика, - заметил Антон.

- Дикари, - брезгливо вставил креол Ромео.

- А разве у вас в столице совсем не сорят? – спросила его Моника.

- И там индейцев хватает, - развёл руками Ромео.

- Не понимаю, чем это индейцы хуже других, - пожал плечами Антон.

- Высокой преступностью в стране мы обязаны им, - сказал Ромео.

- Колонизаторы захватили лучшие позиции уже давно и накопили богатство, ограбив коренных жителей. Разве не так? – спросил Глеб.

- Не будем ворошить давнюю историю. Важно, что мы имеем сейчас, - попытался уйти от ответа Ромео.

Затем пикап отвёз их в Сан Аугустин, где они расстались с Ромео и Моника, к его удивлению, чмокнула его в щёку, что было вполне по-местному: даже впервые знакомящиеся представители разных полов, едва касаются сжатыми губами щеки другого. В тот день Охотины устали от перегруженной основной трассы с пробками, но затем, за Рабиналем, свернули по утомительным серпантинам полупустой малой дороги к городу Санта Круз дель Киче. Вокруг тянулись холмы,

поросшие соснами самых разных видов. Такого разнообразия было не найти во всей Канаде. В этом городке они заночевали, чтобы утром попасть в знаменитый, согласно путеводителям, своими пасхальными церемониями городишко Чичикастенанго. Гостиница «Лас Пальмас» оказалась «с повышенной акустикой», но зато просторной и прохладной. В узкий двор очень трудно было загнать джип, оставлять же машину на улице на ночь в Гватемале было рискованно.

- Зато здесь на стенах висят старинные гравюры... Заметь Глеб, что я не надоедала тебе с осмотром развалин поздних майя в Кахъюб под Рабиналем, - сказала Моника перед сном.

- За что я чрезвычайно тебе признателен, археолог ты мой, - усмехнулся Глеб. – Но мы сегодня, в самом деле, притомились гнать по обрывистым местам с крутыми поворотами.

- «Название Чичикастенанго происходит от местного растения типа чертополоха и означает «Место чертополоха», - вычитал Антон из своего путеводителя. – Подходящее место для штаб-квартиры шотландского ордена.

Во время ужина выяснилось, что хозяин гостиницы начинал чистильщиком обуви, а потом пахал, как проклятый, на низкооплачиваемых работах в Штатах, где немного накопил. Когда ему удалось приобрести дом под частную гостиницу, он стал преклоняться пред «северным большим братом» и даже молить Бога за успех Соединённых Штатов, чем объяснялся кусочек полосатого флага на домашнем алтаре...

- Интересно, - заметила позже Моника, - означает ли это

также любовь к гринго?

Утром они очень быстро оказались в Чичикастенанго, где им сразу очень понравилось. В городке даже и без подготовки к пасхальной церемонии, царила атмосфера полнейшей мистики. Им казалось, что они очутились в особом мире, по меньшей мере, на столетие раньше. В соборе было грязновато, постоянно толпы, правда, с примесью сытых туристов. Священники майя чинно расхаживали в традиционных шортах до колен, чёрно-красных жилетах, со странными повязками на головах, косицами с лентами в них и украшенных сандалиях. Выйдя из собора, Охотины и Моника услышали рассказ англоязычного гида:

- К каждому празднику собор украшают по-своему. Обычно, на стены вешают много добротных тканей. Нередко, в нашей стране, примешиваются дохристианские традиции майя. На Пасху происходит церемония выноса деревянных святых на носилках, которых наряжают в пышные ткани, а особенно Христа и Богоматерь. Вокруг них создают арки из яркоокрашенных перьев так, что христианские святые уже более напоминают божество Кецалькоатля.

Народ был одет колоритно - в пёстрых тканях, часто - в сомбреро. Даже в шляпах индейцы еле доставали до плеча Охотиных. Вечером в городке царил полумрак. Существования электричества толком заметно не было, а мостовые, лотки рынка уносили воображение в эпоху не позже конца

девятнадцатого века. Настроение у путешественников было хорошим, и Глеб пригласил всех отужинать в ресторане довольно дорогой гостиницы, полной атмосферы латиноамериканской вычурной помпезности. В зале уже сидела кучка туристов из Израиля, которые, как оказалось, имеют бизнес в Амстердаме и Чикаго по изготовлению и продаже фарфора. Услышав английскую речь за соседним столом, они спросили Глеба, не из Канады ли они. Немного удивившись, Глеб любезно ответил.

- Скоро первое ноября, - сказал им упитанный еврей лет пятидесяти, - и повсюду празднуют День всех святых. Но есть одно место, где этот праздник отмечают особым образом. Завтра мы туда поедем. Это – посёлок Тодос Сантос, то есть –«Всех Святых». Недалеко отсюда и мы вам от души советуем присоединиться к нам. Уверяю – не пожалеете. У нас свой автобус и найдутся свободные места.

- Спасибо, у нас свой автомобиль. Но мы непременим учесть Ваш совет. Наверное, Вы имеете в виду День поминовения усопших? Было бы занятно там побывать, - сдержанно ответил Глеб, которому показалось, что его собеседник поглядывает на Монику как-то плотоядно.

- Ну и прекрасно. Там ещё встретимся. Не забудьте оказаться там до первого числа. Нам посоветовали остановиться в чистом приюте для туристов от общественной организации в защиту прав женщин. Имейте в виду.

Моника загорелась отправиться в Тодос Сантос. Когда пу-

тешественники вернулись в свою убогую гостиницу, странноватый хозяин заметил недопитую бутылку вина, которую они прихватили из ресторана, и выразительно сказал, глядя на Глеба:

- О, бИно!

Пришлось отдать ему бутылку.

Утром они долго ходили по рынку, наблюдали вынос святых из кладбищенской церквушки. Столпилась немало туристов, преимущественно –французов, которые, в страшной толчее, подавляли своей дебелой массой ватных тел мелких, тёмных индейцев. Уставшие от долгих переездов, Моника и Охотины были рады провести ещё один день в этом удивительном месте. Но ноябрь был на носу и пора было сниматься для перегона в Тодос Сантос.

Выезжая из узких ворот гостиничной стоянки, где на джип места не совсем хватало, Антон не имел ни малейшего обзора улицы, и слегка стукнул, внезапно возникшего, велосипедиста, который упал на асфальт, но тут же вскочил на ноги. У Охотина отлегло от сердца, но пострадавший оказался алчным занудой. Сперва он пытался найти ушибы на теле, затем прорехи на своей рубахе. Это ему не удалось, но он заявил, что велосипед теперь плохо работает, что мелкие стальные, литые детали его велосипеда погнуты.

- Это при том, что Ваши кости в порядке, - рассмеялся Глеб. – Очевидно, детали были погнуты раньше. Как может

быть, что нашем бампере нет вмятин от Вашей стали? Мы даём Вам сто кецалей – целых тринадцать долларов и – до свидания.

Но тринадцать кецалей его не устроили, и он стал требовать целых шестьсот. Охотины отказались. Тогда дотошный тип записал номер их джипа и заявил, что будет искать адвоката. На том и остановились.

- Странно, что этот чудак не взял предложенные деньги, - сказала Моника.

Они въехали по непокрытой дороге на нагорье Кучумонтанес и, на его пустынной, платообразной поверхности, полной пересекающихся грунтовок, растерялись. Никаких знаков здесь не было, а если их и устанавливали, то подростки, или пьяные, успешно крушили их. Вдруг по всему нагорью сел туман.

- Ощущаю себя Винни Пухом, бродящем в тумане между трёх сосен, - улыбнулся Антон.

Проезжая деревню с убогими клетухами - загонами для скота со стенами в виде груд горбыля, они остановились, чтобы спросить встречного индейца куда им свернуть. Старик ответил с довольно нелепыми жестами, мол, primero abajo – сперва вниз, а дальше махал: вверх-вниз ехать, хотя места впереди виднелись совершенно плоские. Потом он долго ещё что-то невнятно говорил.

- Убивающая расплывчатость объяснения, - ворчал Ан-

тон. – И полное впечатление, что ты должен остановиться и ехать в обратном направлении. Но, скорее всего, это не так.

- Просто в этой глуши они говорят по-испански хуже нас, - сказала Моника.

- Он упомянул «самое большое дерево», - вставил Глеб. – Надо будет вскоре уточнить у кого-нибудь.

Километров пять скачки по ухабам не попадался ни один прохожий, но, наконец, им удалось спросить у другого старика о направлении к Тодос Сантос. Он туповато качал на все вопросы головой. Тогда Глеб спросил о дереве.

- Здесь много-много высоких деревьев, - ответил чудак.

- Прекрасно, но где именно самое высокое? – не унимался Глеб.

- Да, здесь очень высокие деревья, - невпопад продолжил старик.

Стало очевидным, что дальнейшие расспросы ни к чему не приведут. Даже со своими двумя ведущими осями джип чуть было не завяз в глубокой жиже посреди грунтовки, спустившейся в низину. Вскоре плато скосилось на один бок, и дорога пошла под уклон. Ни единого дерева заметно не было. Какое-то время ехали мимо многочисленных индейцев, ремонтирующих дорогу с помощью нехитрых орудий труда, основным из которых была кирка. Глина была настолько скользкой, что они оставили включёнными два ведущих моста. К полудню, в полном тумане, они остановились, чтобы перекусить и даже сделали чай на примусе. Настроение со-

ответствовало видимости, а главное, после кружения по плато, не было полной уверенности, что они правильно поняли карту и едут в нужном направлении.

- А как изгадить природу нагорья умудрились! - ворчал Антон. – Всё, что могли вырубили – уж и кустика не встретишь, а эрозия довершает своё дело. Скоро они ничего тут сеять не смогут.

- Кучумонтанес – кучу гор, превратили в кучу дерьма, - вставил Глеб по-русски.

Но вскоре они увидели одинокий, покосившийся указатель, гласящий о том, что до Тодос Сантос остаётся всего пятнадцать километров. Правда, по такой мокрой глине, им потребовалось около сорока минут езды…

После огромных агав, среди разреженных можжевельников и белых скальных сбросов, Тодос Сантос встретил их приятным дымком от дровяных костров: кухни использовали преимущественно древесину, которой на склонах плато пока ещё хватало. По пути Моника вычитала, что завтра здесь начинаются знаменитые скачки и была весьма вдохновлена, но, оказавшись в гостинице, она заявила:

- Более грязного посёлка и приюта в жизни не видела!

Глеб сказал, что им следует оставить джип во дворе гостиницы и пойти искать что-нибудь получше. Если удастся найти, то они отделаются ужином в этой гостинице, чтобы владелец не возмущался простоем автомобиля на его тер-

ритории. Они прошли вдоль всего деревенского «проспекта», но нашли лишь ещё более грязную гостиницу. О «чистом приюте для туристов от общественной организации в защиту прав женщин» никто вокруг и не слыхивал, а ту израильскую группу они больше не повстречали, хотя посёлок оказался вовсе невелик... Поужинали сладким картофелем в грязной, прокопченной забегаловке с плохим освещением. Как и на всех улицах этого поселка, так и в помещениях, света было недостаточно для того, чтобы читать, не портя глаз. Половину деревни электричеством снабжал старый, смердящий соляркой, движок… Вздохнув, Антон отложил свой пухлый путеводитель. Но, похоже, недостаток освещения мог волновать здесь лишь школьников, познающих азы грамоты. Выходя из этого возраста, никто не утруждал своих глаз. Вечером Глеб спросил мрачноватого владельца гостиницы от чего гватемалтеки, которые не любят гринго, на плато Кучумонтанес часто раскрашивают свои дома под американский полосатый флаг, или рисуют мелкие флаги на стенах.

- Они посылают своих сыновей в Американские Штаты работать на несколько лет. Те возвращаются, разбогатев, по местным меркам, строят новые дома и, в благодарность источнику дохода, малюют на стенах всякую дрянь. Козлы они тупые. Продались, - с брезгливой миной объяснил хозяин.

Когда Глеб вернулся в номер, он услышал гневный голос Моники:

- Ты был передо мной там, разве не так?

- Да, и что? - растерянно отвечал Антон.

- А то, что унитаз забит такой кучей дерьма, что вода не проходит! Что же мне теперь в постель писать?

- А ты видела когда-либо сток унитаза такого идиотски-мелкого диаметра, как в Латинской Америке? Ни на севере, ни в Европе, уверен, такой не сыщешь. Тут нужен напор воды иного уровня, - огрызнулся Антон.

- Гватемалтеки жрут три раза в день бобы и потому их такой диаметр устраивает, - попробовал всё обернуть в шутку Глеб.

- Но и рис они поглощают в немереных количествах. Почти, как в Южной Азии. Гадить надо меньше, мой дорогой! – не унималась Моника. – Словом, ты должен решить проблему. Таким сортиром невозможно пользоваться.

- Моника права. Пойди к хозяину и пожалуйся, - сказал Глеб.

- В предгорьях Кучумонтанес не грех наложить большую кучу, - попробовал отделаться каламбуром на русском Антон.

- Ладно, зубы не заговаривай. Надо решить вопрос, - отрезал Глеб.

Простыни в их номере оказались на удивление чистыми и пахли мылом. Правда, при утреннем свете, Моника разглядела, что они скорее серые, нежели белые. Антона ночью покусали блохи в той же комнате, тогда, как прочих двоих – нет

- Зуд сохранится много дней, - «успокоил» брата Глеб, - как и от укусов в Мирадоре.

- Ты имеешь опыт общения с блохами, Глеб? – рассмеялась Моника.

- Исключительно теоретический и не более.

- Я читала, что в эти дни в Гватемале на кладбищах пускают летучих змеев и представление это весьма красочное: змеи до пятнадцати метров в диаметре из тонкой бумаги на бамбуковом каркасе и раскрашены причудливо. Не драконами, правда – не Китай вам тут. Взмывают ввысь на двести пятьдесят метров! Народ увлечён, скачет по могилам и радуется жизни, - сказала Моника. – Надо бы нам на кладбище местное заглянуть.

- Следует знать точно в какой именно день, - заметил Глеб.

- Не помню. Надо будет в путеводителе порыться.

- Ройся, да не совсем заройся. А пока нам надо успеть попялиться на скачки. Когда они начнутся доподлинно известно.

Скачки оказались весьма своеобразны. Собралось удальцов, эдак человек двадцать, из окрестных сёл, перегородили участок пыльной дороги и начали поить участников пивом до изумления. Но, скорее всего, к пиву добавляли кое-что покрепче. Оказалось, что столько любителей «гладиаторщины» собирается в ожидании того, чтобы насладиться зрелищем падения участника на всём скаку. Скакали они весьма безыскусно, даже не то, чтобы быстро. Промчавшись метров

сто пятьдесят, несутся назад, поднимая пыль, оседающую на зрителей. Моника и Охотины не дождались жертв, ушли - противно стало. Каждый раз случается, если и не смертельный исход, то пара очень серьёзных травм. Скачут подолгу, уже не соображая, упал ли кто их них, поскольку пьяны и участники, и зеваки. Правила гласят, что скачки прекращаются после первого падения, но на деле выходит иначе. Вся деревня, вернее её мужская половина, хлестала пиво с самогоном совершенно огульно и неудержимо. Иные уже валялись в собственных испражнениях ещё до наступления темноты. Другие ещё были способны ходить, хотя и поддерживали друг друга, пели под гитары, орали, рыдали.

- Приторная, но и оглушающая музыка фонограмм, доносящаяся из чуть ли не каждого дома, дамы сурово и косо смотрящие на прохожих – страшная жизнь, - говорила Моника.

- Но мужики, порой, очень разговорчивы и улыбчивы, - заметил Глеб. - Интересно, что мы не заметили ни единого проявления агрессии. Представляю себе такую попойку в русской деревне, или в киргизской. Без мордобоя бы, ну никак.

- А что было бы в России?

- Скорее всего бы нам с братом сказали, мол, братан, давай пей с нами! Ах, не хочешь, а чаво ваще тут ходишь, чаво морду воротишь и - всей братией на приезжего. Впрочем, это больше из литературы почерпнуто… Не уверен. Яс-

но одно, что нам тут ничего не грозит: несмотря на, бросающиеся в глаза, морфологические различия, разную одежду - все местные вырядились в штаны из традиционной полосатой красной ткани и соломенные шляпки, при крайней степени опьянения, сохраняется дистанция с туристами.

- Не уверен, что всё так уж безоблачно, понимай мы по-индейски, - заметил Антон. – Слышал не раз, как они склоняют слово «гринго», глядя на нас.

- Хуже, чем здесь не могу себе представить. Собралось человек за тысячу и каждый пьян! От пятнадцатилетних до седовласых старцев. В этом цель празднества! Да они же скоты все поголовно, пьянь. А главное, что здесь процветает патриархат и бить жён своих считается между этими мачо хорошим тоном, - возмущалась Моника.

- Хотя бы в этой стране не победил феминизм и то душу греет, - засмеялся Глеб.

- Вот и выбери себе провинциальную индианку поплотнее, да осядь здесь эдаким мачетеро, или мачетедором… Как правильнее? Будешь батат выращивать с кукурузой.

- Скорее всего – мачетеро. Мачетедор уж слишком помпезно звучит. Круче тореадора.

- А что? Ты ищешь место, где можно стать робинзоном, или полуизолятом. Вот тебе идеальное место с подходящими нравами.

- Всё бы ничего, но перенаселённая эта Гватемала. Скоро и до Лас Минас доберутся – всё порубят, - вставил Антон.

Пробуждение наступило вместе с заводом электродвижка.

- Побудка под завод электродвижка в сырой холод… Наверное, так приходилось вставать некоторым из Охотиных, оказавшихся в сталинских лагерях, - предположил Антон.

С нагорья Кучумонтанес в долину Тодос Сантос сползал холодный туман. На утро пьянка продолжилась, но по убывающей. Хозяин гостиницы поведал им, что так будет длиться пять дней...

- Русская деревня отдыхает, по крайней мере, по массовости пьянства на всеобщем обозрении, - сказал Антон.

- Зато не видно женщин пьяных, - заметила Моника.

- Это же нарушает эмансипационное равновесие в обществе, - съязвил Глеб.

- Только в России пьют и женщины, - сказала Моника.

- По-моему, ты излишне увлечена западной антирусской пропагандой, - недовольно бросил Глеб.

- Глядя на такие скачки, с трудом вериться в великое прошлое майя, - перевела разговор Моника.

- Необразованное, загнанное колонизацией и капитализмом в потёмки крестьянство, не ведает о своей истории, а правительство и радо не обременять его лишними знаниями, - сказал Антон.

Пообедали на площади, уставленной балаганами по случаю праздника. Пирожки из платанос с пастой-фриколес им вполне понравились. Дети, держа безопасную дистанцию, начали скандировать «гринго, гринго», а некоторые, постар-

ше, добавляли «fuck you». Проходивший мимо, еле держащий вертикальное положение, попросил у них один кецаль, или сигарету. Получил от Моники монету, так как курева не имелось. Подумав недолго, пьянчуга начал настойчиво клянчить и сигарету тоже. Пришлось уйти прочь быстрым темпом, какой он не был в состоянии развить.

- Хватит с меня и Тодоса, и Сантоса, - сказал Глеб. – Что будем делать? Не пора ли в Гондурас податься?

- Рано. Можно ещё посмотреть кое-что, - ответила Моника несколько кокетливым тоном. – Хотя бы покорить высочайшую вершину Центральной Америки, что совсем рядом.

- Вулкан Тахамулько что ли? – усмехнулся Глеб. – Даже не стоит потраченного времени. Справлялся я: в нём всего четыре тысячи с небольшим и ледника нет. Торная тропа до верха. Где же ты была, когда мы Попокатепетль проезжали?

- Не до него было.

- Ты же у нас скалолазка. На Тахамулько тебе скучно станет.

- Тоже верно. Но я хочу повидать знаменитое озеро Атитлан с его вулканами, город, полный руин, Антигуа-Гватемала и, возможно, столицу.

- Не возражаю. Просто у меня не нашлось времени углубиться в культурные достопримечательности. Кроме Тикаля ничего и не знал. А посмотреть есть что и без Тикаля. Предлагаю выехать и заночевать в Увеуветенанго, что лежит по другую сторону нагорья. Сегодня побольше солнца и дорогу

найдём запросто.

Двое других согласились с предложением Глеба. Переезд прошёл гладко. Выехали из Увеуветенанго пораньше утром и решили, по пути к озеру Атитлан, осмотреть Кецальтенанго с пригородами. Всех тронула причудливо-наивная, выкрашенная в дико-жёлтые тона с кукольными фигурами, Церковь святых в Сан Андрес Шекуль. Собор в центре, переполненного толпами, крупного Кецальтенанго оказался типичным колониальным барокко. Всё было бы ничего, если бы не заторы в пригородах, а также бешено летящие по горным дорогам автобусы. Каждый раз казалось, что водитель такого автобуса - самоубийца, или одержим желанием загубить побольше пассажиров. Во всяком случае, встречные легковые автомобили, завидев рычащего и пылящего монстра, прижимались в страхе к обочинам. От основной трассы всей страны, то есть – панамериканского шоссе, они свернули в сторону Сололы по дороге, идущей неуклонно вниз, в сторону котловины Атитлана.

В крупном посёлке Солола всем понравился шумный базар, с мужчинами в пёстро-полосатых, розовых национальных костюмах и сомбреро, а не только женщинами. Но и парней с Че Геварой на майчонках хватало. Посреди посёлка торчала несколько нелепая эклектичная тоже розовая церковь начала двадцатого века. На стенах некоторых зданий

красовались рисунки в лубочном духе наполеоновских времён. Мусор с рынка швыряется прямо в горную речку… Хотелось переночевать на берегу озера, но спуститься к нему на автомобиле было возможно далеко не везде. И, во всяком случае, не на достижимом за светлое время участке дорог. Решено было попросить местных жителей оставить джип в их дворе, и желающие нашлись сразу же. Затем предстоял весьма долгий спуск по тропе до маленькой деревни Айболито на берегу озера, которая не имела дорожного сообщения, но только по воде. Прошли мимо заброшенной стройки роскошного дома с колоннадой, хаоса камней, поросшего кактусами, и углубились в бедную часть посёлка с убогими «лампочками Ильича» без абажура, висящими на потолках посреди лачуг. На вопрос о гостинице, все указывали одно направление. Скорее всего, выбора здесь не было, к тому же смеркалось. Сравнительно добротные ворота возле аккуратного дома отворил высоченный рыжеватый бородач неполных сорока лет, напоминающий хиппи, или викинга.

- Вы на постой? – спросил он хрипловато по-английски. – Да? Тогда прошу в этот дом.

Когда все трое оказались за забором, их окружили полчища лающих собак и хозяину пришлось долго их утихомиривать.

- Когда у вас девятнадцать псов, всё делается не так быстро и просто, - улыбнулся он.

- Такое количество себя оправдывает? – поинтересовался

Антон.

- Думаю, что да. Ведь преступность в стране нарастает. Только гляньте вокруг: весь посёлок в восемьсот душ еле сводит концы с концами и лачуги их вызывают жалось, а рядом строят шикарные дачи для столичных дельцов. Вы присаживайтесь тут, на веранде. Я и ужин могу сделать, если закажете.

- Да, конечно, не мешало бы, - сказал Глеб.

Хозяин стал стремительно швырять в кастрюлю полуфабрикаты, включил плиту от газового баллона и вскоре над варевом появился весьма аппетитный запах бульонных концентратов.

- А Вы давно здесь поселились? – спросила Моника.

- Лет шесть-семь. Привык уже. Жизнь в Европе мне опротивела своей суетой. Мне слышится у Вас немецкий акцент, не так ли?

- Я Ваш акцент уловила сразу же. Просто я до сих пор молчала, - засмеялась Моника. – Вы откуда?

- Из Ульма – города с высочайшим в Европе собором.

Вскоре они сидели все вместе за трапезой.

- Так, Вы собираетесь провести здесь остаток дней? – спросила Моника.

- Кто знает. Но пока никаких планов, меняющих мой образ жизни не строю. Мне с псами моими милее, чем с коварными двуногими.

- Видно, Вы очень сильно разочаровались в людях, - по-

качала головой Моника.

- Есть такое…

Было очевидно, что хозяин не собирается распространяться о себе далее. Он даже не спросил их имён и не назвал своего.

- А что так шумят в деревне? – спросил Антон.

- Не повезло вам, что в церкви празднование. Пение будет до полночи через усилитель совсем рядом. Молодёжь съезжается из соседних посёлков на лодках. На утро полно пьяных и вся деревня лениво отсыпается. Но чем ещё заниматься молодёжи без образования и особой трудовой повинности, кроме как выращиванием фруктов, кур, немного рыбалкой, да пьянством на досуге?

- В самом деле, нам не слишком везёт - ещё и комары донимают, - сказал Глеб, почёсывая плечо.

- Не беспокойтесь, в спальне натянуты новенькие москитьеры. Это я так, по виду – робинзон в стиле Хлодвига, что из династии длинноволосых, которые верили, что остричь волос нельзя – утратят силу. Впрочем, Хлодвиг правил тридцать лет, разбил многих соседей и даже римлян не раз бивал. Кстати, он принял христианство под давлением жены и сделал Париж своей столицей. Впервые короновался в Реймсе и принял герб с лилиями.

- Но у Меровингов стало обычаем истреблять близких родственников правителя, как у турок в поздние времена, - добавил Антон.

- А возле Вашего бунгало можно с утра искупаться? – спросила Моника.

- Конечно. Там есть деревянный спуск для удобства. Только не советую Вам купаться нагишом даже ранним утром. А так, озеро пока ещё чистое. Всё же глубина до трёхсот пятидесяти метров.

- Да, конечно. Всё же католическая страна…

- И слава Богу, что ещё католическая. Без религии здесь, с которой зачем-то борются многие организации из развитых стран, народ совсем озвереет.

- Озеро пока способно переварить все эти стоки с полей и бытовые. Но всему есть свой предел, - задумался Антон, прикидывая масштаб эвтрофикации горного озера.

- Не занудствуй, Антон, ради Бога, - бросила Моника.

Когда Глеб, после завтрака, расплачивался с хозяином, то удивился, что ночёвка стоит всего семь долларов за троих, а вся еда лишь по три доллара с носа.

- Ты довольна, дорогая, или ещё не накупалась и хочешь остаться на денёк? – спросил Глеб Монику.

- Мне вполне хватило. Шумно очень. Если не люди, то собаки. Едем дальше.

- Могу предложить покататься на лодке. Но, это не так дешево, - сказал хозяин.

- Нет, спасибо. Нам пора назад, - ответила Моника.

Два пса рыжий и бурый, с печальными светлыми очами, увязались за ними по тропе, а, при выходе на дорогу с ма-

шинами, пришлось их гнать от греха камнями…

- Мне кажется, что владелец бунгало тебе не очень понравился, Моника? – спросил Глеб.

- Ты очень прозорлив. Уж слишком скрытный тип. Сам боится что-то спросить у нас, чтобы мы не начали расспрашивать его. Может у него нелады с законом в Германии были? Впрочем, мне до этого нет дела.

Проехав от Сололы в городок Панахачель – известный приют хиппи до гражданской войны, они убедились, что смотреть в нём особенно не на что и погнали в сторону Сантъяго Атитлан. Впрочем, одного старого хиппи-реликта они всё же приметили. Миновали грязный городишко Сан Лукас Толиман полный, слоняющихся без дела, воскресных пьянчуг. По берегу озера тянулись живописные холмы с кусками первичного леса на высоте около двух тысяч метров над уровнем моря, то есть – совсем близко. Над ними высился трёхтысячный вулкан Толиман. Миновали беднейшие поселки индейцев тзутухил. В Сантъяго оказалось две достопримечательности: нехитрый храм шестнадцатого века и рынок полный людей в экзотических пёстрых нарядах с женщинами в странных шапках из, намотанных вокруг головы, лоскутов тканей. Как гласил путеводитель, ширина «полей» таких обмоток вокруг голов определялся возрастом дамы. Наиболее почтенные имели вполне надёжную защиту от солнца, но очевидно – нелёгкую ношу. Путешественни-

ки с трудом нашли убогий приют с пыльным цементным полом, но тараканов там не было видно, и они решили, что место вполне сносное. Главное, что при страшной тесноте узких улиц, дворик гостиницы оказался достаточно вместительным для их джипа. Как только они закрылись в комнате, движок перестал работать. Единственная, голая лампочка на потолке вспыхнула и безнадёжно погасла. В полном мраке, с сопением, началось поедание руками бобов с маисовыми хлебцами, завернутых в листья.

4. Силуэты игроков

Нет народа, о котором было бы выдумано столько лжи, нелепости и клеветы, как народ русский.
Екатерина II

Утром они поехали от озера к югу, поскольку, до того, как попасть в Антигуа, Моника настаивала на посещении Тихоокеанского побережья, где имелись некие древности и не только. В обеденное время джип проезжал мимо поворота к финке Таралес с рекламой ночлега, и Антон высказал предположение, что, если уж там можно заночевать, то и харчевня должна быть, а запасы их продуктов истощились. Решили заехать. В удивительно зелёном месте с видом на склоны высокого конуса вулкана Атитлан всем троим сразу же понравилось и захотелось отдохнуть, оставшись до утра.

Оказалось, что здесь имеется выбор между ночлегом в довольно дорогой гостинице в маленьком посёлке для работников латифундии, в добротном бунгало в стороне, или в доме на дереве. Любители экзотики предпочли дом на дереве, на отшибе, в начале леса, хотя там имелись лишь примитивные жёсткие дощатые лежанки, а для посещения сортира с единственным краном с водой приходилось бы спуститься по приставной лестнице вниз. Джип можно было подогнать прямо под дерево с помостом. Лесной дом на дереве опирался на крепкий ствол и две курьи ножки опор метров по пять. Ужин можно было заказать в доме для гостей, а до вечера погулять по великолепному саду, полному экзотических цветов, выращиваемых на экспорт. Владельцем финки оказался крепкий низкорослый американец лет сорока по имени Энди, который охотно представился и похвалился идеальной дисциплиной и отсутствием пьянства среди его работников, живущих на его территории с семьями. Он имел и кофейные плантации у подножия вулкана, но последние годы его основным доходом стало выращивание цветов. Хотя финка имеет всего лишь пять километров в ширину и двадцать в длину, с гордостью рассказал хозяин, вокруг ещё не мало подобных поместий и охраняемый, не подлежащий вырубке, лес в каждой составляет до сорока процентов участка, что есть отличное подспорье для пекари, косуль, золотых зайцев-агути. Пять финок смогли решить вопрос по охра-

не последних лесов тумана, обращённых к Тихому океану[363]. Плантации цветов, чередующиеся с участками нетронутого леса с огромными сейбами и фикусами, хлебные деревья для сбора побочного урожая и прочие экзоты оставляли впечатление огромного ботанического сада, оглашаемого пением птиц и могучих цикад. Проводник дон Базилио был способен просто, но интересно рассказать о работе с цветами. Душа Моники ликовала от созерцания буйства красок цветов с колибри, порхающими над ними. Моника заражала своей радостью и обоих братьев. Встречных людей попадалось не так много для столь огромной территории. Безрогий олень перебежал грунтовку. Охранялся только участок с гостиницами и домом семьи владельца, где было немало дюжих, натасканных псов, хранивших внушительное молчание, не лаявших попусту. Вечером Антон Охотин сидел в шезлонге на, продуваемой лёгким ветерком, веранде дома для гостей и

[363] Международные природоохранные организации позаботились об ограничениях хозяйственной деятельности на частных территориях. Леса здесь заметно отличаются от таковых в сторону Атлантики. Здесь немного ниже влажность и беднее флористический состав, но хватает ботанических чудес. Финка Таралес организована в 1895 г. и передается по наследству уже 110лет. К 2000 г. кризис перепроизводства кофе охватил весь мир, и хозяева перепрофилировались на производство цветов и растений, поставки экзотов в США, Канаду, Европу от листьев и цветков, до целых пальм. При таком положении, работники, занятые цветами, имели неплохие доходы, но оплата труда верхней деревушки кофейных работников вынуждала их жить в сколоченных из горбыля домишках с маленькими окнами, под ржавыми крышами, или просто плёнкой на высоте 1300 м, где бывает и холодно. Всего там обитало 10 семей с непомерным количеством маленьких детей. Эту часть финки хозяин предпочитал не демонстрировать.

жадно впивал молодые крепкие зубы в сочную плоть великолепного огромного плода манго с красно-жёлтой кожурой, который с трудом умещался в его ладонях. Столь крупных манго он в жизни не встречал. Сок тёк по пальцам. Антон склонился над блюдцем, зная, что придётся всё равно умываться – без этого настоящий манго не одолеть. «Свиные» розовые бананы толще и короче обычных, тоже радовали его в этой стране. На севере в продаже таких не сыскать. Глеб, по намёку Моники, должен был задержаться с ней на помосте, тогда как Антону было предложено пойти в ресторан заранее и заказать ужин на месте. Антон понял намёк и не ожидал их раньше, чем через полчаса. Благо, до дома на дереве было всего десять минут ходу. Со стороны посёлка работников доносился приторный мотив «Эль ранчо гранде» под гитары. Медлительные муравьи ползали повсюду. Их гнездо оказалось даже в, грубо вставленной в стену, розетке недавно побелённого дома. Зато не было комаров. По жестяной крыше слегка, но звучно стал накрапывать дождь. В горах сухой сезон наступал позже. Чрезмерно говорливый управляющий распорядился об ужине, сказав, мол, не скоро будет, поскольку их не ждали столь рано: в Гватемале ужинают гораздо позже, чем в Канаде, или Германии. Антона удивило, что слегка промокший Глеб вернулся один.

- Моника не хочет. Устала и предпочла спать до утра.
- А не опасно её там одну оставлять? Гватемала всё же…
- Нет, Антон. Как приблизились сумерки, там повсюду

вдоль троп разгуливают охранники с собаками. А заказанную порцию Моники мы прихватим с собой на завтра.

Их пригласили ужинать в самую старинную часть поместья – в гостиную хозяев смены столетий, наполненную чудными вещицами конца девятнадцатого века, а также томами коллекции книг о птицах неотропиков. В той же комнате сидели ещё двое постояльцев финки, которые заказали ужин, видимо, гораздо раньше. Они бойко болтали по-английски. У одного из них был явный американский акцент. Разглядывая различные диковинки и книги, Охотины молча приступили к еде. Но постепенно, всё внимание братьев переключилось с еды на разговор за соседним столом.

- А что? Энди управляется с финкой должным образом. Молодчина! Сразу видно, что из наших, - с техасским акцентом произнёс дюжий, но с излишне отвисшим животом, человек лет пятидесяти. На мясистой руке его красовались часы «Ролекс», а из нагрудного кармана выглядывала подарочная ручка «Паркер».

- Но он побаивается, что может нагрянуть правительственная комиссия… Знаете, как в наше время, с подачи либеральных кругов тех же Штатов, любят слабого защищать, - сказал, с британским и даже оксфордским выговором его собеседник - худой, длинный, несколько чопорного вида.

- В смысле, что проверят условия труда на его кофейной плантации?

- Именно это я и имею в виду. Цветоводы оплачиваются отменно.

- Но Энди уверяет, что минимальная зарплата у него на кофейных плантациях восемьдесят долларов в месяц, а пенсия - сорок. Разве этого недостаточно, чтобы они заткнулись? – удивлённо спросил янки.

- Опасаюсь, что – нет.

- Ничего. Как стала Центральная Америка нашим фруктовым садом ещё до Второй Мировой, так и останется, - усмехнулся янки. - Фруктовая компания и её директор-американец поработали, в своё время, на славу. Латинос сидят на нашей игле. Устраивает выкрутасы одна Венесуэла, но надолго ли? На их нефть могут и цены упасть. Чили с Аргентиной, конечно, особый случай. Может ещё и Бразилия слишком усиливается. Надо бы им крылышки пообрубать.

- Всё это так. И наши миссионеры не дремлют - адвентисты, Армия спасения - ребята деловые и толковые. Не то, что медлительный, томный миссионер-католик.

- Хоть лично для себя и не терплю псалмопевцев этих и демагогов, при том при всём, но без них тоже не обойтись, - согласился американец.

- Братство рыцарей девы Марии и прочие ультра-правые придурки пытаются вставлять палки в колёса протестантским проповедникам, но до тридцати процентов населения, все - из беднейших слоёв Гватемалы уже переметнулась в протестантизм. Секты, или нет – не суть.

- Следующий этап приучить их ненавязчиво к западным ценностям, - усмехнулся техасец. - Южнее Мексики, особенно в Перу, процветает, как говорят, инцест. В ряде посёлков Гватемалы полно альбиносов. Родив подряд с десяток детей, жена удаляется от мужа, часть дочерей идет в город в проститутки, а часть живёт с отцом. Католическая церковь против абортов. Но факт инцеста уже успешно раздули правоохранительные неправительственные организации под нашим управлением.

- По этому поводу надо бы ещё выпить, - предложил англичанин со сдержанной улыбкой и разлил по глотку на донышко из бутыли добротного виски.

- Сидели мы как-то с Энди, потягивая мартини в Ротари-клубе Сан Хосе[364] и говорю я ему, мол, в Коста-Рике всё поставлено цивильно благодаря кому? И сам отвечаю -Эстадос Унидос[365]!

- С этим Энди? – удивился англичанин.

- Да нет, с другим – с Энди Хоумером, который имеет немалый вес в определённых кругах, - уточнил американец.

Тут оба Охотина навострили уши… С каждой опрокинутым стаканом слова их соседей были слышны всё громче и отчётливей.

- Не припоминаю, - пожал узкими плечами англичанин.

- Но внутри Штатов его многие знают. Не столько его са-

---

[364] Столица Коста-Рики.

[365] США по-испански.

мого, сколько его предков, - продолжил американец. – Так вот, Энди заявил, мол, усилиями нашего Рокфеллеровского центра Коста-Рика стала курортной зоной Америки.

- Не знал подобных тонкостей.

- Мы с Хоумером подумывали вложить в развитие туристического бизнеса в Коста-Рике ещё давно. Да и не только в ней – во всей Латинской Америке. Наш коллега Джон уже поехал в гости к Чавесу, хотя политический климат там не располагает к туризму. Но мы смотрим в будущее. Но у Хоумера не хватило должного энтузиазма, а недавно случились неприятности. Так всё и затянулось. Теперь Энди Хоумер всё носится с идеей совместной работы с семейством Рокфеллеров. Зачем-то присосался к этому Центру, хотя формально Центр выкуплен «Митсубиси».

- Припомнил я забавный эпизод из оформления вашего Рокфеллеровского центра, - оживился англичанин, на сухую комплекцию которого алкоголь оказывал ускоренное воздействие. – Художнику из Мексики Рибере, наряду с Пикассо, в тридцатые годы предложили создать фрески «Человек на распутье» под сотню квадратных метров. Так вот, коммунист в душе, Рибера вздумал изобразить первомайскую демонстрацию в Москве с фигурой Ленина, соединяющего руки рабочих. Готовую фреску недовольный заказчик прикрыл занавесью, потребовав от Риберы переделать её, но упрямый мексиканец наотрез отказался. Наконец, Ленин был уничтожен по приказу руководства Центра.

- Умора! – хрипло захохотал янки, а британец издал булькающий смешок.

- В последствии фреска была воссоздана в Мехико, в оперном театре, - добавил англичанин, слегка поперхнувшись.

- И ещё по капле, - продолжил американец, разливая золотистую жидкость. – Но Дэвида Рокфеллера я очень почитаю. Тут не до смеха, - первый сознательный глобалист, проводник нашей новой политики – гигант мысли, определивший деятельность Бильдербергского клуба с его первого заседания в пятьдесят четвёртом, основатель Трёхсторонней комиссии[366]!

- Я уважаю и их деда-Джона, который создал Дженерал-Электрик, банк Чейз-Манхеттен, да и сына его – Нельсона, ставшего вице-президентом, собравшего огромную коллекцию современной живописи. Впрочем, выпьем за отпрыска рода-Дэвида! – британец разлил ещё «по капле». Языки двух собеседников развязывались всё больше, да и знакомы они были не первый день. – Сегодня мы отдыхаем!

- Не грех в столь прохладный вечерок и горячительного

---

[366] Неправительственная беспартийная дискуссионная группа, основанная Д. Рокфеллером в 1973 г. для сотрудничества между Северной Америкой, Западной Европой и Японией. Смысл действий «Трёхсторонней комиссии», как и всего мондиализма, можно выразить словами Джеймса Варбурга, сказанными им перед американским сенатом в 1950 году: «Хотите вы этого или нет, но у нас будет Мировое Правительство. Единственный вопрос состоит в том, произойдёт ли это путем консенсуса или путем насилия».

выпить, - согласился янки.

- Есть у меня один приятель-француз. Хоть и лягушатник, а толк в жизни знает. Неплохо играет в гольф, не брезгует и британскими наслаждениями – тем же виски.

- Но не всё же одним ракам[367] в утончённых удовольствиях разбираться. Надо и лягушатникам радости жизни оставить. В них, по-своему, смыслят и китайцы, - рассмеялся американец.

- Отдалённый предок моего французского приятеля был старшим голубятником при огромном колумбарии замка Брезэ, кажется, ещё в восемнадцатом веке. Голубятни-колумбарии там стоят до сих пор такие, что их не отличишь от башен замка. Так вот, случилась революция и владелец замка был казнён, как сторонник роялистов якобы финансирующий шуанов. Под шумок, старший голубятник завладел документами бывшего владельца и сумел потом выдать себя за его наследника. Потом сумел выгодно вложить капиталы в дело и неслыханно разбогател. Сын его уже стал одним из крупнейших биржевых деятелей Парижа, - англичанин издал одобрительный звук.

- Головастый малый! – кивал его собеседник.

- Потомок их владеет в наше время уже собственным замком, который называется, кажется, Вердель – к северу от Средней Луары. Пятнадцатый век при полном современном

---

[367] В XVIII-XIX веках раками называли британских военных за красно-белую униформу.

комфорте! – британец вздохнул.

- Лягушатники всё же немного свои, а вот боши бошами так и остались. Не дай Бог снюхаются они с русскими, а те – с китайцами. Конец тогда нашему мироустройству.

- Не будем так мрачно. Я верю, что будущее за англосаксами – наиболее прогрессивной частью человечества. Как прав был Сесил Родс! – англичанин закатил глаза. - Если бы мы смогли стать едины…

- Ведь это всё больше от ваших британских амбиций зависит. Точнее, от поведения вашего истеблишмента. Если вы перестанете трогать ирландцев, а напротив, купите их, шотландцев не станете больше раздражать. А с нами вам давно уж нечего делить. Дружить надо теснее, - согласился американец.

- Если так рассуждать, то надо вспомнить о войне с Уэльсом за объединение королевства и ублажать всех потомков кельтов на наши островах, - рассмеялся британец.

- Верно! А ещё суметь очаровать и континентальных кельтов. Пусть тоже войдут в Пакт Британика! – янки зашёлся затянувшимся хриплым смехом.

- Венецианский вариант будущего мироустройства восторжествует! Кстати, и Черчилль заявил после Родса, потому и помягче, что он не видит ничего предосудительного в том, что развитые, передовые нации руководят более отсталыми, – сказал англичанин, сделал паузу и разлил ещё по капле.

- И вариант Ост-Индской кампании не нужен будет боль-

ше! – присоединился к его бражному оптимизму янки. – Новый Мировой Порядок неминуемо победит косность несовершенных этносов, чем лишь поднимет уровень и продолжительность жизни быдла, которое противится торжеству нашего Порядка по собственной тупости.

- Мне думается, что после Гарварда Вам цены нет…

- Вы имеете в виду мой южный выговор? – рассмеялся американец с циничной улыбкой. – Естественно! Поэтому я так и продвинулся по службе. А так, сидел бы в своей дыре в Техасе, при всей увесистости отцовского капитала. Вырос я в строгой семье с устоями, но уже юношей понял, что в гробу я их видел. Бывая в городах, я встречал много янки, живущих богаче нашей семьи, которые трудились гораздо меньше.

- А почему вы их назвали «янки»? – недоуменно спросил англичанин.

- Мы, южане, до сих пор зовём северян «янки», а самих себя к ним не причисляем. Но они заправляют политикой и поныне. Когда меня теперь босс посылает в южные штаты для соответствующей пропаганды, местные принимают меня за своего и верят всему либеральному бреду, который я несу с трибуны и в кулуарных беседах. За несколько лет и юг изменился.

- Но, согласитесь, что всё это нужно только для усмирения быдла, - брезгливо заметил англичанин. – Просвещённым кругам нынешний оголтелый либерализм претит не меньше, чем самый кондовый коммунизм.

- Естественно! Он нужен нам для установления нашей нежной, мягкой власти и только. Иногда, нам придётся, конечно, и надавить. Западное христианство уходит в прошлое мирно, но некоторые другие конфессии артачатся. Без нажима ни мусульмане, ни русские нас не поддержат. По-хорошему такие, увы, не понимают.

- Значит придётся с ними по-плохому! Так, выпьем за наше светлое прогрессивное будущее с мудрой либеральной доктриной для низов и полным отсутствием ислама, как и коммунизма и прочих -измов! А буддизм можно оставить для туристической экзотики.

- Если протестанты стали пластичнее, готовы согласиться с гомосексуальными браками и прочей дребеденью, то католики уж очень закостенелые.

- Ничего: надавим, так и римские папы запоют по-новому, - улыбнулся англичанин. – Вспомните, как испугался Ватикан Гитлера. Ну, и благословил…

- Это Вы в самую точку, - благодушно пророкотал американец. – Взять наши протестантского толка секты: никому вреда они принести не могут, так как разобщены. Но дай власть тем же мирным амишам и посмотрел бы я на наш Новый Мировой Порядок… Все они должны знать своё место. Пусть себе амиши производят экологически чистые сельхозпродукты, и мы их не тронем – молись хоть сутки напролёт, хоть бороды расти, хоть жён взаперти держи. Мы ж не коммунисты какие-то.

- Опасны по большому счёту лишь мусульмане, русские, в какой-то мере пока ещё и католики. Индуисты с буддистами слишком миролюбивы, хотя сам по себе Китай, с его коммунистическим духом, хуже всех… Надо бы буддистов раздробить побольше. Поддерживать сепаратизм последователей теравады, например, и, тем самым, ослаблять махаяну, противопоставлять их ламаизму. В конце концов, превратить их в подобие нынешних джайнистов с их строжайшей веганской диетой и непротивлением насилию.

- Ваши мудрые слова надо бы обмыть! – улыбнулся техасец.

- А вы откуда, молодые люди? – после очередного стакана виски спросил Охотиных американец, впервые взглянув на них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.